

ББК 63.3(2)522
П26

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 04-01-16070*

Рецензенты

доктор исторических наук *А.Е. Иванов*,
доктор исторических наук *В.В. Шелохаев*

Авторский коллектив:

А.П. Корелин (отв. редактор, гл. 1, 2);

И.М. Пушкарева (гл. 3, 5);

Н.Г. Королева (гл. 4);

С.В. Тютюкин (отв. редактор, введение, гл. 6, 9, гл. 7 и 8 –
разделы о массовом движении, заключение);

И.А. Христофоров (гл. 7, 8)

В работе использованы также материалы Л.С. Гатаговой по истории национальных движений, И.М. Пушкаревой по истории рабочего движения накануне революции, Н.Г. Королевой о земском движении в 1906–1907 гг. Раздел о российской буржуазии (гл. 9) написан Ю.А. Петровым, раздел о национальных движениях (гл. 8) – М.А. Волхонским. Указатель имен составлен Л.С. Новоселовой-Чурсиной.

П26 **Первая** революция в России: взгляд через столетие.
М.: Памятники исторической мысли, 2005. – 602 с.
ISBN 5-88451-160-4

ББК 63.3(2)522

ISBN 5-88451-160-4

© Коллектив авторов, 2004.

© В.Ю. Яковлев, оформление, 2004

ПРЕДИСЛОВИЕ

В январе 2005 г. исполняется 100 лет со времени начала Первой российской революции, ставшей также и первой из многочисленных революций бурного XX века. И как бы кто ни относился сегодня к революциям, – а большинство россиян, пережив огромное разочарование в советском строе и не желая возвращаться к нему даже после всех катаклизмов 1990-х годов, не хочет сейчас новых революционных встрясок, – нельзя сомневаться в том, что события 1905–1907 гг. должны остаться в исторической памяти нашего народа. И остаться не как предпоследний шаг к гибели всей российской цивилизации в результате прихода к власти коммунистов, а как важный этап на пути к демократизации России.

В разное время через революции – и притом совсем не «бархатные» – прошли все великие державы и многие другие страны мира. В наши дни революции происходят гораздо реже, чем в XX в., и не сопровождаются уже длительными и крупномасштабными гражданскими войнами, которые грозили бы настоящими техногенными и гуманитарными катастрофами. Тем не менее, прогнозируя развитие событий в новом, XXI в., политологи и специалисты в области конфликтологии вполне допускают, что человечество еще не раз может столкнуться с революционными взрывами на этносоциальной и политической почве в самых разных уголках земного шара, включая и Россию. Ибо там, где недовольство народа существующим строем достигает некой критической отметки, а у правящих кругов не хватает мудрости и гибкости, чтобы своевременно провести достаточно радикальные реформы, за дело обычно берутся революционеры.

Опыт истории убеждает в том, что общество не может развиваться без периодических переделов собственности и власти, без изменения прав и обязанностей граждан. Подобные перемены происходят, как правило, либо естественным, эволюционным путем, либо путем насильственной революции. При этом первый путь, бесспор-

но, предпочтительнее второго, но второй в силу стечения многих обстоятельств часто становится тем не менее неизбежным, и ответственность за такой сценарий развития событий ложится в основном на власть, которая в идеале должна оптимизировать процесс общественного развития, но далеко не всегда способна это делать.

В начале XX в. революция пришла, наконец, и в Россию, долгое время остававшуюся оплотом европейского легитимизма и примером политической и социальной стабильности. Низкий уровень жизни и культуры народных масс, их социальная незащищенность и этноконфессиональное неравенство на фоне уже давно не отвечавшего духу времени абсолютистского характера царской власти и ее хронического запаздывания с проведением назревших реформ рано или поздно должны были привести страну к взрыву. В начале 1900-х годов мощный подъем рабочего движения, пробуждение деревни и национальных районов империи, резкая активизация радикально настроенной интеллигенции и более умеренных либерально-демократических кругов стали своеобразным барометром глубокого системного кризиса, которым была охвачена вся Россия. Довершали эту картину следовавшие одно за другим поражения русской армии и флота в начавшейся в 1904 г. войне с Японией. В итоге 9 (22) января 1905 г. в стране началась беспрецедентная по своим масштабам демократическая революция, продолжавшаяся два с половиной года и сильно повлиявшая на жизнь всех слоев общества, характер государственного строя и международное положение России.

В советское время изучение причин, хода и результатов Первой российской революции было одним из приоритетных направлений отечественной историографии. Каждый ее «круглый» юбилей (1925, 1955, 1975 и 1985 гг.) сопровождался потоком документальных публикаций, научных и научно-популярных изданий, а также многочисленными агитационно-пропагандистскими мероприятиями в средствах массовой информации, призванными закрепить в сознании советских людей чувство гордости за великие революционные традиции русского и других народов СССР. В соответствии с ленинскими оценками, события 1905–1907 гг. характеризовались как «генеральная репетиция» Октябрьской революции 1917 г. и как народная революция нового типа, гегемоном которой был рабочий класс, выступавший под руководством партии большевиков¹. При этом был поднят поистине огромный пласт ценнейших фактических материалов, которые могут пригодиться еще не одному поколению российских и зарубежных ученых.

Однако развитие советской исторической науки было отмечено глубокими внутренними противоречиями. Принцип коммунистической партийности, которым обязаны были руководствоваться все

советские обществоведы, неизбежно приводил к появлению в исторических трудах знаменитой «фигуры умолчания» в отношении событий, явлений и отдельных лиц, не вписывавшихся в ленинскую концепцию революции. Предельно идеологизированные черно-белые оценки ее героев и антигероев, крайняя схематизация революционного процесса, отказ от любых попыток альтернативного подхода к анализу основных тенденций общественно-политического развития страны, безудержная идеализация пролетариата и большевиков и сознательное нагнетание страстей и негативных эмоций вокруг любых действий царских властей и «непролетарских» партий, будь то «черносотенцы», либералы или меньшевики и эсеры, – вот далеко не полный перечень основных приемов, использовавшихся советскими историками в работах о революции 1905–1907 гг. При этом сильно преувеличивалась степень влияния на народ марксистской идеологии и практической работы большевиков, тогда как масштабы реформаторской деятельности правительства, степень оппозиционности либералов и истинные размеры «народной контрреволюции» в лице разного рода «черносотенных» элементов, наоборот, всячески преуменьшались. Искусственно завышалось и международное значение революции в России, в актив которой часто механически зачислялись все факты революционных выступлений, забастовок и политических кампаний, проходивших за рубежом в 1905–1907 гг. и в последующие годы, хотя главной их причиной были факторы, связанные не с влиянием революционной России, а с внутривнутриполитической ситуацией в той или иной конкретной стране.

Своим большим достижением поздняя советская историография считала восстановление ленинской концепции расстановки классовых сил на политической арене страны в годы революции. На смену схеме сталинского «Краткого курса истории ВКП (б)», согласно которой в 1905–1907 гг. народу противостояли самодержавная власть и все имущие классы, пришло трехчленное деление общества на контрреволюционный правящий лагерь, оппозиционную, но стремившуюся к соглашению с царем либеральную буржуазию и революционный народ. Бесспорно, стремление идейно и политически «развести» самодержавие с либералами можно было только приветствовать, но это не устранило схематизма не только сталинской, но и ленинской концепции, следуя которой, историки как бы не замечали «многослойности» и неоднородности названных выше политических лагерей, наличия переходных и «пограничных» социальных слоев, фракционных внутрипартийных делений и т.д. Факты свидетельствовали о том, что среди рабочих, например, было много монархистов, а такие понятия, как «либеральная буржуазия» или «обуржуазившиеся помещики» страдали крайней расплывчатостью.

стью, оставляя при этом совершенно не проясненной реальную позицию большинства представителей торгово-промышленных кругов и помещиков-землевладельцев.

Конечно, не нужно сбрасывать со счетов стремление многих историков советской поры к поиску объективной истины и постепенное ослабление давления на историческую науку официальной идеологии и цензуры в последнее десятилетие существования советской власти. Однако, оглядываясь сегодня назад, мы видим даже в лучших работах того времени зримые черты советской исторической мифологии. Ненормально складывались и взаимоотношения наших историков с мировым научным сообществом, поскольку почти любой выпущенный на Западе исторический труд становился по указанию директивных органов (или даже без одного) объектом огульной критики и обвинений в «фальсификации истории»².

За последние 10–15 лет ситуация в российской исторической науке резко изменилась. Однако издержки произошедшей идеологической трансформации, особенно в области истории революционных периодов, оказались непомерно велики³. Стремление перечеркнуть и разрушить «до основания» все, что было сделано в СССР, переключение специалистов по истории русских революций на другую тематику, напоминавшее нередко паническое бегство, подмена научных исследований околонучной, снова политизированной (но уже с прямо противоположным идеологическим знаком) публицистикой – все это не могло не коснуться и истории революции 1905–1907 гг. Интерес к ней, как и к другим революциям, угас, и стремительно пошел процесс «выветривания» ее истории из памяти новых поколений россиян. В глазах многих она выглядит сегодня как один из трагических этапов на пути сползания старой, якобы процветавшей императорской России в историческую пропасть, как результат недомыслия народа, поддавшегося влиянию амбициозных и бесчестных социалистических и либеральных политиков-авантюристов. При этом логика сегодняшних критиков революции очень проста: поскольку 1905 г. открыл дорогу 1917 г., а тот привел к победе большевизма и тоталитаризма, то все революции в России начала XX в. должны быть с порога осуждены и преданы забвению.

В концентрированном виде эти новые конъюнктурные тенденции проявились во 2-м томе «Истории России» с начала XIX до начала XXI в.), предлагаемом авторами из ИРИ РАН студентам вузов в качестве учебника. Характерно, что применительно к событиям 1905–1907 гг. термин «революция» в этой книге вообще не употребляется, если не считать того, что глава 14 неожиданно называется «Между революцией (?) и войной: 1906–1914 гг.». Гапон выступает в роли «provokatora от революции», поскольку он подпал под вли-

яние революционеров, обманул доверчивых рабочих, тайно от них включив в текст обращенной к царю петиции заведомо неприемлемые для правительства политические требования, и таким образом спровоцировал власть на применение против народа оружия. В противовес советской историографии в книге приводятся явно заниженные официальные данные о числе жертв «Кровавого воскресенья», которые якобы были раздуты затем «врагами трона» до нескольких тысяч и превращены в «козырную карту» революционных демагогов всех мастей (с. 360–361).

О протестном движении народных масс в 1905–1907 гг. в томе ничего конкретного не сообщается. Исключение сделано только для восстания на броненосце «Потемкин» (ему посвящен один абзац), тогда как Всероссийская октябрьская политическая стачка в тексте вообще не упоминается, а факт декабрьского восстания в Москве (и только там) зафиксирован буквально в одной констатирующей фразе (с. 370). Гораздо более подробно (но не менее недоброжелательно) говорится о «преступном легкомыслии» российских либералов, которое наиболее умные из них потом сами же и осудили. Наибольшее внимание уделено процедуре принятия и содержанию новой редакции Основных законов Российской империи 1906 г., которые оцениваются как документ конституционного характера. К этому нужно добавить панегирические высказывания в адрес Николая II и неприкрытое сочувствие правым партиям. Естественно напрашивается вопрос: чем же правомонархическая ангажированность лучше коммунистической?

Касаясь вопроса о том, были ли революционные события 1905–1907 гг. революцией или нет, хотелось бы заметить, что встречающиеся время от времени утверждения, будто неудачная революция – это вовсе не революция, трудно воспринимать всерьез. Дело в том, что революция как определенный конфронтационный процесс и победоносная революция как результат этого процесса, означающий полный или частичный социальный или политический (или тот и другой вместе) переворот в данной стране, могут не совпадать, хотя неудачная революция не перестает от этого быть революцией. Статус протестного движения масс как революций определяется его целями, масштабами и остротой борьбы. Огромная популярность в 1905 г. лозунга «Долой самодержавие!», а также крайне радикальный характер других программных требований левых партий; широчайшее распространение в деревне идеи «черного передела» и полной ликвидации помещичьего землевладения; беспрецедентные масштабы рабочего и крестьянского движения; участие многих солдат и матросов в антиправительственных выступлениях; ряд вооруженных восстаний против самодержавной власти – все это трудно характеризовать иначе, как признаки революции. Ина-

че говоря, в 1905 г. под вопрос были поставлены не только основы веками существовавшего в России государственного строя, но частично и та система отношений собственности, которая сложилась к началу XX в. в стране, а этого, как известно, уже вполне достаточно для того, чтобы говорить именно о революции.

Для современников событий 1905–1907 гг., включая зарубежных друзей и врагов революционной России, факт начавшейся в ней революции не подлежал сомнению. Он вошел и в отечественную, и в зарубежную историографию самых разных направлений. Да и результаты революции 1905–1907 гг. в России были достаточно впечатляющими и не позволяют говорить об утопичности и крахе революционной идеи и революционной борьбы, хотя победить старый порядок народу тогда не удалось.

Во многих современных учебниках и учебных пособиях, как правило, справедливо подчеркивается, что революция 1905–1907 гг. явилась важным этапом в ускорении процесса буржуазной модернизации России, временем рождения многопартийной системы и парламентаризма. Ушла в прошлое идеализация революционной стихии, неоправданное восхваление одних и полное замалчивание других исторических фигур. Более объективной стала трактовка поведения правящих «верхов» и либералов. Однако сам революционный процесс все больше уходит при этом в густую тень. В результате часто получается так, что народ как будто и не имел законного права на борьбу за лучшую, достойную человека жизнь, что у него и не было своей правды, за которую он готов был бороться до конца, а власть по собственному почину мудро встала в 1905 г. на путь преобразований, хотя в действительности дело обстояло совсем не так.

Однако критика в адрес современной постсоветской историографии не должна заслонять некоторых бесспорных ее достижений последних лет. Опубликован ряд ценных исторических источников⁴, сделан настоящий прорыв в области изучения истории российских политических партий самых разных направлений⁵, предметом специального изучения стала история земского движения⁶, более объективно оценивается теперь политика царского правительства⁷, а также процесс становления отечественного парламентаризма⁸. Читатели получили целую библиотеку биографических очерков о видных политических деятелях нашей страны, ярко проявивших себя в период революции⁹. На фоне почти полного отсутствия новых серьезных работ о пролетарском движении в 1905–1907 гг.¹⁰ особенно отрадным явлением стала публикация ряда интересных исследований о положении крестьянства и крестьянском движении в эти годы¹¹. Появились и первые крупные обобщающие работы по истории России начала XX в., написанные уже в новом ключе, но

несущие на себе отпечаток как позитивных, так и негативных черт постсоветской историографической волны¹².

Показателем резкого падения интереса к истории революции 1905–1907 гг. может служить тот факт, что после 1995 г., когда Научный совет РАН по проблеме «История революций в России» под руководством академика П.В. Волобуева в последний раз провел международную научную конференцию на эту тему (ее материалы через год были изданы в сборнике «1905 год – начало революционных потрясений в России XX века»), и подобных научных форумов в России больше не созывалось.

Характерно и другое: если раньше некоторые лакуны и идеологические перекосы советской историографии компенсировались за счет работ зарубежных авторов, то в последнее десятилетие в западной историографии революции 1905–1907 гг. наблюдается полное затишье. Последней дошедшей до России крупной монографией о Первой российской революции в целом стал вышедший в США 2-томник Абрахама Апера, получивший положительный отклик на страницах нашей научной печати¹³.

К нынешней историографической ситуации вокруг проблематики революции 1905–1907 гг. вполне применима известная формула Льва Толстого о пореформенной России XIX в., согласно которой после произошедшего в 1861 г. переворота все «только-только начинает укладываться». Отойдя в основном от стереотипов советской историографии, мы не пришли пока к целостному переосмыслению истории Первой российской революции как крупномасштабного системного кризиса в рамках процесса модернизации страны, который закончился в пользу старой власти, но привел к ряду позитивных изменений во всех сферах жизни российского общества, не сняв, однако, всех социокультурных, этноконфессиональных и политических противоречий его развития, что привело в дальнейшем к событиям 1917 г. Решение этой задачи переходит к новому поколению российских историков и их зарубежных коллег.

Считается, что научную историю Великой французской революции стали писать только после ее первого столетнего юбилея. Возможно, аналогичная ситуация складывается ныне и вокруг истории революции 1905–1907 гг. в России. Серьезный современный читатель хочет знать о мотивации поведения различных общественных сил, задействованных в революции, и об альтернативных «развилках» исторического процесса, когда события могли пойти в 1905–1907 гг. не так, как они пошли в реальной действительности, и о том, почему это произошло. Его интересует, как представляли себе цели своего участия в революции сами народные массы и какие модели будущего развития страны предлагали им те или иные политические партии, насколько эти модели были реальны в усло-

виях России и как они соотносились с «классическими» моделями, опробованными в буржуазных революциях в Англии, Франции, Германии и других странах.

Да и, казалось бы, уже прочно утвердившаяся в нашей историографии проблема «революция и человек» (а точнее, революция и различные социокультурные и возрастные типы людей) пока еще не получила сколько-нибудь удовлетворительного и главное – конкретного решения. Этот список можно дополнить и множеством других вопросов. Дело только за серьезными, владеющими современными методиками исследования историками, причем работа найдется и для любителей исторического нарратива, и для тех, кто имеет склонность к историософии.

* * *

Столетие – особенно такое динамичное и богатое судьбоносными поворотами и изломами, как двадцатое, – достаточно большой срок для того, чтобы посмотреть на события 1905–1907 гг. сквозь призму исторического времени и современного научного знания, хотя и сегодня мы еще не можем это сделать «без гнева и пристрастия», окончательно сбросив о себя груз прошлого. Так какими же видятся нам ныне Первая российская революция, ее причины, ход, результаты и последствия? В каком свете предстают перед потомками те, кто шел тогда на баррикады, и те, кто отдавал приказ об их усмирении? Какую цену заплатили народ и страна за тот «праздник угнетенных», как называли революцию ее вожди?

Сегодня уже не вызывает сомнения, что на рубеже XIX–XX вв. перед Россией, как и перед многими другими странами мира, стояли три главные задачи: переход от традиционного общества к индустриальному и преодоление социокультурной отсталости, либерализация политического режима, признание и соблюдение основных прав человека и гражданина. По словам одного из крупнейших реформаторов императорской России С.Ю. Витте, в то время уже нельзя было «вести политику средних веков; когда народ делается, по крайней мере в части своей, сознательным, невозможно вести политику явно несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счет большинства. Политики и правители, которые этого не понимают, готовят революцию, которая взрывается при первом случае, когда правители эти теряют свой престиж и силу»¹⁴. Именно по этому сценарию и развивались, как известно, события в России.

Совершенно очевидно, что революция не была для России громом среди ясного неба и ее возникновение нельзя объяснить только подрывной работой революционеров и либералов и тем более происками иностранной «закулисы». Ни бедность народа, ни отста-

лость страны сами по себе еще недостаточны для того, чтобы в ней начался революционный переворот. Чтобы броситься в его водоворот, миллионы людей должны осознать свою бедность, приниженность, бесправие и отсталость, а для этого необходимы время, соответствующая информация, умелые руководители и, наконец, некий психологический толчок, когда приходит понимание невыносимости существующего положения вещей и необходимости перехода от слов к делу. И Россия не была в этом плане исключением.

Вызревание предпосылок революции носило здесь характер длительного органического процесса, причем в XIX в. самодержавной власти еще удавалось успешно защищаться от любых попыток поколебать вековые устои Российской империи. Широко известная ленинская формула «1861 год породил 1905»¹⁵ при всей ее справедливости все же недостаточна для выявления исторических корней русской революции, ибо они уходят, на мой взгляд, гораздо глубже. Но к началу XX в. несоответствие существующего строя духу времени стало очевидно и образованному меньшинству, и миллионам простых людей, так что недовольство самодержавным порядком охватило практически все слои населения империи и достигло той критической массы, которая обычно приводит к взрыву. Дворянство постоянно жаловалось на «оскудение» и недостаточную поддержку со стороны правительства. Буржуазию раздражали бюрократические препоны торгово-промышленной деятельности и явный разрыв между ее растущий экономической мощью и мизерной долей участия в общественно-политической жизни и в управлении страной. Интеллигенция законно требовала гражданской свободы и простора для своей профессиональной деятельности, причем она считала себя нравственно ответственной за судьбы страны и трудового народа, претендуя на роль его защитника и учителя. Крестьянство мучилось от малоземелья и унижительных пережитков крепостной эпохи, а рабочие – от тяжелейших условий труда и быта и полного попрания их просыпающегося человеческого достоинства. Недовольны самодержавием были и национальные меньшинства, все острее чувствовавшие, что к ним относятся как к людям второго сорта, постоянно оскорбляя их традиции, язык и культуру. Этот перечень можно было бы продолжать и продолжать. Естественно, степень этого недовольства и формы его проявления у различных социальных слоев были далеко не одинаковы, что не позволяло их антиправительственным настроениям и выступлениям слиться воедино. И тем не менее внутривластная ситуация в России становилась все более и более взрывоопасной.

При этом по сравнению с XIX в. ситуация в стране резко изменилась и притом явно не в пользу власти. Нараставшее с каждым годом пролетарское движение (с 1895 по 1904 г. бастовали более

1,2 млн рабочих¹⁶), оживление либерально-оппозиционного движения, пробуждение деревни, обострение национального вопроса, экономический кризис начала века, а затем затяжная депрессия – все это создавало в России атмосферу неуверенности, тревоги и тотального ожидания каких-то больших перемен. Эту обстановку сознательно обостряли более 30 революционных и оппозиционных партий¹⁷, день за днем дискредитировавшие власть и разжигавшие недовольство масс. При этом особенно горячо откликалась на их пропаганду и агитацию учащаяся, фабрично-заводская и сельская молодежь, социальная неустроенность которой в условиях происходившего в стране демографического взрыва и аграрного перенаселения приобретала все более опасные размеры.

Общеизвестно, что любая революция является показателем слабости власти, которая перестает полностью владеть ситуацией в стране. Правда, в России дело еще не доходило до той мифической слабости царизма, которую, согласно легенде, приписал ему при своем первом аресте в 1887 г. юный Владимир Ульянов (на замечание полицейского чина: «Что вы бунтуете, молодой человек, ведь перед вами стена» – он будто бы ответил: «Стена, да гнилая. Ткни, и развалится»). Однако все звенья государственной машины уже не выдерживали того мощного напора «снизу», который возростал в России с каждым годом. Слабый монарх, далеко не лучший подбор министров и губернаторов, постоянные колебания власти между жестким «охранительством» и центристскими попытками реформ, недостаточная компетентность и коррумпированность значительной части управленческого аппарата, падение исполнительной дисциплины у чиновников и воинской дисциплины в армии – вот что бросается в глаза при взгляде на российскую «властную вертикаль» начала XX в. Если добавить к этому слабость контактов и взаимопонимания между властью и обществом и их растущее недоверие друг к другу, а также рост в стране атеизма и нигилизма, то станет ясно, что ни о какой стабильности в Российской империи говорить уже не приходилось.

Нельзя сказать, что в правящих «верхах» не осознавали серьезности тех проблем, которые стояли тогда перед Россией. Многократно обсуждались крестьянский, рабочий и другие актуальные вопросы, а 12 декабря 1904 г. даже появился специальный царский указ «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», направленный на укрепление самодержавия путем ряда частных преобразований. Однако ничего, кроме глубокого разочарования, эти паллиативные, а часто декларативные меры в обществе не вызывали. Традиционная бюрократическая медлительность, боязнь радикальных перемен, излишняя самоуверенность власти и ее пренебрежение к нуждам собственного народа, от которого об-

разованное меньшинство нации давно уже оторвалось в результате глубочайшего социокультурного раскола российского общества, – все это в полной мере проявилось в крайне непоследовательном правительственном курсе накануне революции. Правительство очень неуверенно, ощупью шло к осознанию той истины, что без союза с общественностью и без ее помощи выйти из кризиса ему не удастся, но сделать эту мысль основой своего курса так и не смогло. Не вышло и «маленькой победоносной войны» с Японией, поражения в которой больно били по национальному самосознанию и еще больше дискредитировали императорскую власть.

Довершило дело поистине самоубийственное для судеб самодержавной системы и царствующей династии поведение Николая II накануне и в день «Кровавого воскресенья», когда он не сумел подняться до понимания необходимости найти более гибкий и гуманный стиль своих взаимоотношений с народом, исключавший применение военной силы против безоружных, еще полностью доверявших царю демонстрантов. Историки так и не нашли в роковых событиях 9 января 1905 г. ни следов пресловутого «японского золота», с помощью которого якобы подкупали участников гапоновского шествия к Зимнему дворцу, ни указаний на то, что первые выступы раздались тогда из рядов самих манифестантов. Меньше всего можно винить в случившемся и революционеров, которые были тогда совершенно бессильны противостоять харизме священника Гапона. Что касается последнего, то он так и унес свою тайну с собой: его двоедушие, авантюризм и психическая неуравновешенность, естественно, не могут вызывать никакого сочувствия, но у историков нет и неоспоримых доказательств его провокаторской деятельности ни в пользу власти, ни в пользу революционеров. К тому же идея подачи петиции царю получила в январе 1905 г. столь широкую поддержку и так плотно корреспондировалась с ментальностью и настроением рабочих масс, что личность «батюшки» фактически уже отошла 9 января в тень, и он сам оказался в плену сложившейся при его активном участии ситуации.

В итоге после «Кровавого воскресенья» с его жестоким и бессмысленным расстрелом ни в чем не повинных людей, возмущившим всю прогрессивную мировую общественность, остановить революционный вихрь было уже невозможно.

Если отбросить явно утопические в то время планы революционеров-ультрарадикалов, мечтавших о «перманентной» революции, то в 1905 г. речь в России, конечно же, шла не о переходе к социализму, а лишь о придании все более утверждающемуся в стране капитализму более цивилизованных, отвечающих стандартам развитых западных стран форм. Это предполагало радикальное перераспределение земли в пользу крестьян, урегулирование в законода-

тельном порядке взаимоотношений между трудом и капиталом, более равномерное и справедливое распределение налогового бремени, изменение структуры государственного бюджета в пользу его социальных статей, сокращение финансовой зависимости России от заграницы. В конечном счете все это должно было привести к подъему жизненного уровня миллионов россиян, устранению диспропорций между развитием индустриального и аграрного секторов народного хозяйства, сокращению разрыва между ситуацией в центре страны и в ее более отсталых национальных районах. В политической сфере в повестке дня стоял переход от самодержавия к конституционной монархии или даже к республике с такими их атрибутами, как демократические свободы, равноправие граждан и конституционно-парламентская система управления при легализации политических партий и профессиональных союзов.

У активных участников революционной драмы постепенно складывались три главных сценария, три модели преобразований, которые должны были произойти в России в результате революционный потрясений.

Консерваторы всех оттенков, включая консерваторов-демократов из народных «низов», хотели как можно меньше ломать существующий политический строй, сохранив все основные параметры самодержавной системы, но еще больше усилив в ней русское национальное и православное начала, хотя в их программах и были некоторые элементы модернизации сложившихся в стране социальных отношений и государственного строя.

Либералы шли в своих планах намного дальше, мечтая перенести на родину все лучшее, что было к началу XX в. на Западе, и вместе с тем придать системе традиционных либеральных ценностей некоторый оттенок демократизма и социальности.

Наконец, социалисты – эти самые решительные и агрессивные противники самодержавной системы – хотели не только радикальной демократизации России, но и превращения ее, говоря современным языком, в социальное государство, защищающее и гарантирующее права трудящегося большинства, чтобы в обозримом будущем приступить к построению основ социалистического общества.

Что касается самой верховной власти, обладавшей определенной самостоятельностью по отношению ко всем, в том числе и господствующим, классам российского общества, то она под давлением форс-мажорных обстоятельств войны и революции пришла в конце 1905 – начале 1906 г. к провозглашению нового политического курса, который может быть охарактеризован как консервативно-реформаторский с четко выраженной ориентацией на сохранение своих исторически сложившихся прерогатив и силовых методов управления страной.

Сложнее будет четко сформулировать позицию рабоче-крестьянских масс, поскольку недостаток источников и ограниченность содержащейся в них информации по данному вопросу крайне осложняют положение современного историка, да и сами настроения и ожидания народных «низов» отличались достаточной неоднородностью, часто туманностью и противоречивостью. Крайне узкий верхушечный их слой под влиянием социалистической пропаганды и агитации уже разделял многие установки марксистской и неонароднической программ, тогда как основная, насчитывавшая десятки миллионов человек масса рабочих и крестьян хотела просто «земли и воли», облегчения условий труда и быта, лучшего будущего для своих детей, не имея еще решительно никакого представления о социализме, но явно не желая уже жить по-старому.

В итоге, оставаясь в общепринятой мировой системе социальных координат революцией буржуазной, как бы завершавшей цикл европейско-американских антифеодальных переворотов, революция 1905–1907 гг. уже несла в себе вполне определенный и гораздо более сильный, чем в революциях XVIII–XIX вв. на Западе, антибуржуазный, «плебейский» заряд, который подпитывался как традиционным российским менталитетом, так и социалистической пропагандой леворадикальных партий. Исторический парадокс состоял в том, что главной движущей силой демократической революции в России была не буржуазия, как на Западе, а проникнутая антибуржуазным духом наиболее активная и инициативная часть рабочих, крестьян и интеллигенции, идеологии которых мечтали уже не об «упорядоченном» капитализме, а о социализме.

При сравнении революции в России с ее более ранними западными аналогами бросается в глаза не только естественная разница в их масштабах, но и отличия, связанные с тем, что она происходила при более высоком уровне развития отечественного и мирового капитализма и в резко отличавшейся от стран Запада цивилизационной среде. Длительное отсутствие в России парламента как центра политической жизни страны, явное опережение леворадикальными элементами своих консервативных и либеральных конкурентов в вопросах партийного строительства и в контактах с народными массами, сильные общинно-коллективистские традиции рабоче-крестьянских «низов» – все это делало российскую «улицу» в широком смысле слова необычайно важной самостоятельной частью российского исторического процесса начала XX в. и особенно 1905 г. Более высок был и созидательный (а не только разрушительный) потенциал революции в России. Это выразилось в появлении зародышей «народной демократии» и будущей советской системы как стихийно возникавшей альтернативы буржуазной демократии и парламентаризму, в очень сильной тяге части рабочих и крестьян к

образованию, участию в общественной жизни и к нравственному очищению. Неудивительно поэтому, что некоторые теоретики международного социалистического движения, например К. Каутский, видели в событиях 1905–1907 гг. в России не просто запоздалый буржуазный переворот, а революцию, стоящую на грани между буржуазными революциями прошлого и будущими революциями социалистического характера.

Революция 1905–1907 гг. соединяла сразу несколько взаимосвязанных, дополняющих друг друга, но достаточно автономных и асинхронных потоков. Самым мощным из них был пролетарский. Рабочие начали революцию, добились в октябре 1905 г. первой крупной победы над властью и, хотя проиграли декабрьские бои, дольше всех продолжали сопротивляться силам контрреволюции. В итоге пролетариат становился в глазах значительной части общества основным борцом за свободу и демократию. Достаточно напомнить слова весьма далекого от революции модного поэта-символиста Константина Бальмонта, который под влиянием Всероссийской октябрьской политической стачки писал: «Рабочий, только на тебя / Надежда всей России...»¹⁸ Нельзя не упомянуть в этой связи и такой факт, как приветствие бастующим рабочим от участников учредительного съезда кадетской партии, заседавшего в Москве в дни октябрьской стачки. В дальнейшем эта эйфория, естественно, пошла на спад, и после декабрьских восстаний рабочие уже не встречали такого единодушного сочувствия со стороны уставших от беспорядков непролетарских слоев населения, как прежде. Однако ведущая роль пролетариата в революционных событиях сохранялась и в 1906–1907 гг.

Одним из проявлений общественного признания ведущей роли пролетариата в политической жизни страны стало превращение стачки – этого испытанного средства борьбы рабочих за свои права – в универсальную форму протеста всех недовольных существующим порядком: студентов, служащих, крестьян и даже солдат. Сам за себя говорит и тот факт, что в ряде городов страны авторитет Советов рабочих депутатов признавали и средние слои городского населения, и крестьяне близлежащих деревень.

И все же говорить об идейно-организационном руководстве пролетариатом и РСДРП различными потоками освободительного движения (а именно в этом Ленин и вслед за ним советская историография видели суть гегемонии рабочего класса в революции) было бы большим преувеличением. Не нужно забывать о таких факторах, как идейно-политический плюрализм самого рабочего движения, появление в России в 1905–1907 гг. огромного количества различных партий, каждая из которых претендовала на поддержку тех или иных социальных слоев, а также стихийный характер многих мас-

совых действий и стремление различных социальных слоев к организационной и идейной самостоятельности. К этому нужно добавить относительную узость пролетарского слоя в России и малочисленность социал-демократов, которые чисто физически не могли руководить движением всех непролетарских слоев.

Показателем силы и размаха революции 1905–1907 гг. было и включение в нее сильного крестьянского потока (26 тыс. различных проявлений протестного движения крестьян практически на всей территории империи¹⁹). Это позволяет говорить о Первой российской революции не только как о рабочей, но и как о крестьянской, причем формы борьбы крестьян с помещиками и властями были даже более разнообразны, чем у рабочих. Они варьировались от вооруженных выступлений против царских войск и отрядов сельских стражников, создания многочисленных локальных крестьянских комитетов до совершенно мирных и признанных законом обращений крестьянских общин к царю, правительству и Государственной думе с изложением их нужд и претензий к помещикам и властям.

Признавая всю противоречивость крестьянской психологии и социального поведения (крестьянин одновременно труженик и мелкий собственник, монархист и бунтарь, верующий и атеист), мы тем не менее включаем крестьянское движение 1905–1907 гг. в рамки революционного процесса, хотя в последние годы на фоне безудержной идеализации столыпинской аграрной реформы и возникновения в постсоветский период настоящего культа частной земельной собственности эта точка зрения уже ставится под сомнение, о чем подробнее речь пойдет ниже, в гл. 9 настоящей работы.

Особо нужно сказать о национальных движениях, которые до недавнего времени изучались крайне односторонне, да и сейчас еще, к сожалению, привлекают внимание исследователей явно недостаточно. В советское время к национальным движениям с участием в качестве руководителей таких сил, как буржуазия, духовенство, интеллигенция, относились довольно подозрительно и с порога зачисляли их в разряд националистических и даже прямо реакционных. Реальная ситуация в области межэтнических отношений в России в начале XX в. определялась тем, что социальные конфликты явно заслоняли здесь этноконфессиональные, целостности империи практически еще ничего не угрожало и в программах национальных движений преобладали требования культурно-национальной или национально-территориальной автономии, а не призывы к отделению от России. Тем не менее налицо были и периодически давали знать о себе такие этнофобии, как антисемитизм, взаимная армяно-азербайджанская неприязнь, враждебность ко всему русскому у части населения Польши, Прибалтики и некоторых других районов, а также русский «черносотенный» шовинизм. К счастью, кон-

фликты на этноконфессиональной почве не получили в начале XX в. широкого распространения, и в итоге национальные движения в России в 1905–1907 гг. приняли в основном культурно-языковую окраску. Они развивались под лозунгами возвращения национальных языков в систему народного образования, суд и органы местной власти, сохранения и развития национальных традиций, изучения национальной истории, развития национальной литературы, театра, изобразительного искусства и т.д., причем на всех указанных направлениях были достигнуты немалые успехи. Однако после поражения революции ставшие уже традиционными для имперской власти русификаторские тенденции дали о себе знать с новой силой.

Займут свое место в предлагаемой вниманию читателей работе и сюжеты, связанные с революционным движением в вооруженных силах – в армии и на флоте. Оно воспринималось властью особенно болезненно, поскольку грозило подрывом главной опоры царского правительства, однако основная часть солдат и матросов, не говоря уже об офицерах, осталась все же верна присяге, что послужило одной из причин поражения революции. Уже давно стали для отечественной историографии традиционными и такие темы, как рождение российской многопартийности, участие в революции демократической и либеральной интеллигенции, студенчества, выступления средних городских слоев. Все они тоже нашли отражение на страницах этой книги.

Достаточно подробно проанализирована в ней и драма российского либерализма, подрывавшего устои самодержавной системы, но не нашедшего отклика и поддержки в широких народных массах, кредит доверия которых к либеральным «господским» партиям оказался явно ниже, чем уровень симпатий к более радикальным в своих программных установках и тактике партиям левой ориентации. Думается, что современные оценки реального вклада либеральной составляющей освободительного движения в России в борьбу с самодержавием стали ныне более объективными и высокими, чем прежде, и этот во многом новый взгляд на российский либерализм объединил всех участников авторского коллектива, как и признание того неоспоримого факта, что ответом правительства на революцию стал довольно значительный пакет реформ, призванных ускорить процесс модернизации всех сторон социально-экономической и общественно-политической жизни нашей страны, хотя и их оказалось недостаточно для того, чтобы снять вопрос о революциях в России с повестки дня.

Настоящая книга, подготовленная коллективом сотрудников Института российской истории РАН в очень короткие сроки при поддержке РГНФ, не претендует на исчерпывающую полноту в изложении даже наиболее важных событий революции 1905–1907 гг.

В основу работы положены опубликованные источники и отечественная и зарубежная литература, включая издания самых последних лет, что позволило отразить те сдвиги, которые произошли в отечественной историографии революции 1905–1907 гг. за 20 лет, прошедших со времени выхода в свет последнего очерка ее истории советского образца – книги «Первый штурм царизма» (М., 1986).

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 02-01-00217а.

Примечания

- ¹ См.: Актуальные проблемы советской историографии Первой русской революции. Сб. статей. М., 1978; *Волобуев О.В., Муравьев В.А.* Ленинская концепция революции 1905–1907 годов в России и советская историография. М., 1982; *Чиковани А.Ю.* Партия большевиков в революции 1905–1907 гг. Обзор советской и зарубежной историографии. М., 1991; и др.
- ² См., напр.: Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М., 1983.
- ³ Подробнее см.: *Тютюкин С.В.* Накануне столетия Первой российской революции (историографические заметки). // Признание историка. Проблемы духовной и политической истории России. М., 2001.
- ⁴ См.: Дневники императора Николая II. М., 1991; Программы политических партий России. Конец XIX–XX вв. М., 1995; Государственная дума. 1906–1917. Стенографические отчеты. М., 1995. Т. I–II; многотомная серийная публикация изд-ва РОССПЭН «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Документальное наследие». М., 1996–2003; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000; Мемуары графа И.И. Толстого. М., 2002; Из архива графа С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1–3; и др.
- ⁵ Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. М., 1996; Политические партии России: история и современность. Учебник. М., 2000; *Степанов С.А.* Черная сотня в России в 1905–1914 гг. М., 1993; *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996; *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997; *Белов А.М.* Политические партии и рабочие Центрального промышленного района в революции 1905–1907 гг. Кострома, 1997; *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* Марксисты и русская революция. М., 1996; *Будницкий О.В.* Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология. М., 2000; и др.
- ⁶ *Королева Н.Г.* Земство на переломе (1905–1907 гг.) М., 1995.
- ⁷ Власть и оппозиция. М., 1995; Власть и реформы. СПб., 1996; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999; История внешней политики России. Конец XIX века. М., 1997; и др.
- ⁸ *Кирьянов И.К., Лукьянов М.Н.* Парламент самодержавной России. Государственная дума и ее депутаты. 1906–1907 гг. Пермь, 1995; *Козбаненко В.А.* Партийные фракции в I и II Государственных думах России. 1906–1907. М., 1996; *Демин В.А.* Государственная дума России. 1906–1917: механизмы функционирования. М., 1997; *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998; *Бородин А.П.* Государственный совет России. 1906–1917 гг. Киров, 1999; и др.
- ⁹ См.: Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991; Исторические силуэты. М., 1991; Политическая история России в партиях и лицах. М., 1993,

- 1994; *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992; *Ксенофонов И.Н.* Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996; *Тютюкин С.В.* Г.В. Плеханов: судьба русского марксиста. М., 1997; *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1997; *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998; Российские либералы. М., 2001; *Сидорович Г.П.* П.А. Столыпин. Жизнь за Отечество. Жизнеописание (1862–1911). М., Саратов, 2002; и др.
- ¹⁰ В качестве исключения можно назвать книгу Н.В. Михайлова «Совет безработных и рабочие Петербурга в 1906–1907 гг.» (СПб., 1998) и упомянутую выше монографию А.М. Белова.
- ¹¹ См.: *Сенчакова Л.Т.* Приговоры и наказания российского крестьянства 1906–1907 гг. М., 1994; *Буховец О.Г.* Социальные конфликты и крестьянский менталитет в Российской империи начала XX в.: новые материалы, методы, результаты. М., 1996; *Шанин Т.* Революция как момент истины. М., 1997; *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. А., 2001; *Анфимов А.М.* П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.
- ¹² История России. XX век. М., 1996; Россия в начале XX в. М., 2002; Драма российской истории: большевики и революция. М., 2002.
- ¹³ См.: *Ascher A.* The Revolution of 1905. Russia in Disarray; *Idem.* Authority restored. Stanford, California, 1988, 1992.
- ¹⁴ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 517.
- ¹⁵ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 20. С. 177.
- ¹⁶ См.: *Пушкарева И.М.* Рабочее движение в год II съезда РСДРП // Отечественная история. 2004. С. 4.
- ¹⁷ Подсчитано по: Политические партии России. Конец XIX в. – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 725–743.
- ¹⁸ Первая российская. М., 1985. С. 273.
- ¹⁹ См.: *Сенчакова Л.Т.* Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1989. С. 254.

Глава 1

ИСТОКИ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДРАМЫ

Россия на перепутье

XIX – начало XX в. – особая эпоха в европейской, да и во всей мировой истории. Страна за страной вступали в эпоху промышленных переворотов, под напором революций и массовых народных движений ломались обветшавшие средневековые социально-экономические и политические структуры, в жизнь народов входили новые, буржуазные ценности, вырисовывались контуры будущего гражданского общества. В России эти перемены происходили весьма медленно и крайне болезненно, что обуславливалось рядом характерных особенностей ее истории. Беспрерывные оборонительные и захватнические войны, истощавшие материальные и людские ресурсы, освоение колонизируемых земель, требовавшее больших усилий и средств, суровый климат и разнообразие природной среды, неравномерность заселения территорий, своеобразие этнических, конфессиональных и культурных черт многочисленных, находившихся на разных стадиях развития народов, населявших империю, и т.д. – все это обусловило особый, так называемый евразийский тип цивилизационного развития. Наиболее характерными его особенностями были сверхцентрализация управления страной, олицетворявшаяся самодержавием, соединявшим в себе наиболее жесткие черты европейской модели абсолютизма и восточного деспотизма, и подчинение интересам государства огромных масс населения, крайней степенью выражения которого было крепостное право. Эти атрибуты традиционалистского, средневекового общества все более становились тормозом развития страны, все более отдалявшейся от общемировых тенденций и стандартов.

И все же Россия, будучи частью мирового сообщества, не могла существовать в полной изоляции. Подспудно, спонтанно развивавшиеся товарно-денежные, капиталистические по своей природе процессы, а главное – дух времени, о котором писал еще М.М. Сперанский, все более настоятельно требовали перемен. Однако об-

щественные силы, стоявшие за этими процессами, были еще крайне слабы. Не ясны были и пути преобразований. В борьбе лишь зарождались и выкристаллизовывались различные идейные течения – либеральное, консервативное, право- и леворадикальное, выразителями которых была дворянская, а затем разночинная интеллигенция. В такие эпохи роль самодержавного государства в процессе обновления страны была весьма противоречива. С одной стороны, в условиях сравнительно низкого социально-экономического, политического и культурного уровня подавляющей массы населения оно выступало инициатором неизбежных преобразований, а проводником и реализатором реформаторских идей была так называемая «просвещенная», или либеральная, правящая бюрократия. Как отмечал еще замечательный русский историк В.О. Ключевский, законом жизни государств, по тем или иным причинам отставших от вырвавшихся вперед стран-лидеров, является то, что «нужда реформ вызывает раньше, чем народ созревает для реформ»¹. В этих условиях роль верховной власти, личностные особенности монархов-самодержцев приобретали особую значимость, что накладывало отпечаток на судьбы страны, придавая периодам отдельных царствований характер исторических эпох. С другой стороны, это обстоятельство не могло не сказываться и на характере самих реформ, в значительной мере обуславливая их непоследовательность, ограниченность, незавершенность. Как только дело доходило до преобразований в сфере политической, что требовало введения широкого представительного начала, срабатывал ставший наследственным ген самодержавности, принцип, через который ни один из императоров так и не смог переступить. И это наглядно продемонстрировали так называемые «великие реформы» 1860–1870-х годов XIX в.

Поставленное перед неотвратимостью глубоких преобразований, вызванных как внешними обстоятельствами (поражение в Крымской войне), так и осознаваемой угрозой внутренних социальных катаклизмов (крепостное право как «пороховая бочка» под государством), самодержавие вынуждено было, наконец, решиться на освобождение крестьян от крепостной зависимости, введение начал местного самоуправления, буржуазных принципов судопроизводства, некоторое сближение материального и гражданского статуса различных сословных групп и разрядов населения, снятие ряда существенных ограничений в сфере предпринимательства и т.п. Крестьянская, земская, судебная, городская, военная реформы призваны были дать – и отчасти действительно дали – некоторый импульс оживлению экономической, социальной, гражданской и культурной жизни российского общества. Однако, поставленные в жесткие рамки неререформированной политической системы и рассчитанные в первую очередь именно на сохранение ее в неизменном виде, они

уже по своему первоначальному замыслу, а затем уже и в ходе реализации оказались ограниченными, урезанными, незавершенными, что обусловило противоречивость, конфликтность, несбалансированность всего пореформенного развития страны.

Курс на индустриализацию

Одной из важнейших задач правительственной политики становится модернизация российской экономики, создание прежде всего тяжелой промышленности и современной инфраструктуры, что должно было укрепить пошатнувшийся статус России как великой державы и подвести новый экономический базис под слабевший самодержавный режим. Особое внимание к экономическим проблемам обуславливалось тем, что в мировом сообществе в последней трети XIX в. происходили крупные социально-экономические сдвиги, менявшие соотношение сил на мировой арене, сложившееся к тому времени ранжирование в стане великих держав. Впечатляющий рывок в своем экономическом развитии продемонстрировали США, вышедшие в начале 1890-х годов на первое место по промышленному производству и опередившие «промышленную мастерскую мира» – Англию. Резкий скачок в экономическом и особенно в индустриальном развитии сделала в это время Германия, также пережившая экономический бум, ставший возможным в результате политического объединения страны. По ряду показателей она опередила своих европейских соседей и выдвинулась в число промышленных держав мира. На востоке высокими темпами экономического роста выделялась Япония, хотя по абсолютным показателям прироста она еще отставала от развитых стран Запада. Старые промышленные страны – Англия, Франция, уступая в темпах развития своим молодым соперникам, по своему экономическому потенциалу продолжали удерживать лидирующие позиции в Старом свете.

Все это ставило перед Россией, претендовавшей на удержание позиций одной из великих держав мира, проблему резкого и качественного ускорения темпов экономического развития. Поколебавшись в 1860–1870-е годы между мерами по ограничению свободного предпринимательства и фритредерством, одним из последствий которого стало безудержное грюндерство, правительство взяло курс на достаточно жесткое регулирование экономической жизни страны, сделав ставку на первоочередное насаждение отраслей тяжелой промышленности и железнодорожное строительство. Решение этой проблемы приобрело характер национальной сверхзадачи. В годы царствования Александра III идеологами самодержавия М.Н. Катковым – К.П. Победоносцевым сформулирована была программа создания мощной индустрии при сохранении патриархально-консервативных, так называемых «самобытных» начал во

всех сферах жизни страны, при укреплении и расширении роли самодержавного государства – «народной монархии».

В той или иной мере эту политику проводили министры финансов Н.Х. Бунге и И.А. Вышнеградский. Но особое теоретическое обоснование и масштабный размах она получила при С. Ю. Витте, занимавшем этот пост в 1892–1903 гг. Им были взяты на вооружение идейно-теоретические постулаты системной модели организации экономики, разработанные немецким экономистом Ф. Листом, которые считались особенно пригодными для стран догоняющего типа развития.

Руководящая роль в этом процессе отводилась государству, первоначальной задачей которого должно было стать развитие тяжелой промышленности и железнодорожного транспорта, которые, в свою очередь, затем сыграют роль локомотива для подтягивания остальных отраслей экономики, в том числе и сельского хозяйства. Была поставлена грандиозная цель – за 10–15 лет догнать передовые западноевропейские страны. Сформулированы были и основные направления этой политики – всемерная защита национальной индустрии от иностранной конкуренции, покровительственно-защитительные тарифы и договоры во внешней торговле, всемерное привлечение иностранных инвестиций, укрепление государственного бюджета за счет увеличения положительного сальдо международного торгового баланса, совершенствование кредитно-финансовой системы и торгово-промышленного законодательства. Реформирование российской денежной системы путем перехода на золотое обеспечение рубля должно было не только обеспечить стабилизацию его курса и конвертируемость, но и способствовать интеграции страны в мировую хозяйственную систему и резко усилить ее модернизацию.

Активная торгово-промышленная политика требовала расхода значительных средств, что вынудило принять ряд мер по увеличению бюджетных поступлений: были увеличены прямые и особенно косвенные налоги, введена казенная винная монополия и сахарная нормировка, дававшие более четверти всех поступлений, введены единые принципы формирования железнодорожных тарифов, расширен казенный промышленный и железнодорожный сектор, в казну были выкуплены $\frac{2}{3}$ всех частных железных дорог.

Витте осознавал, что такой курс потребует определенных жертв, особенно со стороны народных масс. Но он считал – и постарался убедить монарха – что эти жертвы необходимы и что со временем они окупятся сторицей. Предвосхищая оппозицию этому курсу аграриев, он указывал, что, во-первых, временное повышение цен на промышленные товары сменится уже в ближайшем будущем их понижением в результате конкуренции между предпринимателями; во-вторых, развитие промышленности и железнодорож-

ной сети приведет к расширению рынка сбыта и для сельскохозяйственных продуктов; в-третьих, создание собственной промышленности, в конце концов, усилит земледелие, развивая специализацию и комбинацию производительных сил, поднимая его до совершенства. Такая сбалансированность экономики, достигаемая в конечном счете, придаст империи новую мощь и усилит ее влияние в мире.

Деятельность Витте на посту министра финансов совпала в основном со временем бурного промышленного подъема 1890-х годов, сопровождавшегося к тому же рядом урожайных лет, позволивших оправиться от катастрофических неурожая и голода 1891/1892 г. За это время объем промышленного производства более чем удвоился (с 1493 до 3083 млн руб.). По темпам роста российская промышленность уже с 1880-х годов не уступала ведущим странам мира. По наблюдениям американского экономиста П. Грегори, «темпы роста царской экономики были относительно высоки с точки зрения мировых стандартов конца XIX – начала XX в. Россия принадлежала к группе стран с наиболее быстро развивающейся экономикой, как США, Япония и Швеция»². По расчетам другого американского экономиста, А. Гершенкрона, темпы роста промышленной продукции в России составляли в среднем 6,1% за 1885–1889 гг., 8,3% в начале 1890-х годов и возросли до 9% в годы экономического бума (1894–1899 гг.). Причем прилив иностранного капитала свидетельствовал об «открытом» характере экономики России, которая входила в мировое сообщество и в основном следовала за тенденциями мирового хозяйства³.

В результате по важнейшим экономическим показателям империя заметно приблизилась к ведущим капиталистическим странам. По добыче железной руды, выплавке чугуна и стали, по объему продукции машиностроения, промышленному потреблению хлопка и производству сахара она вышла на 4–5-е место в мире, а по добыче нефти была даже лидером в мировой добыче. По протяженности железнодорожной сети Россия уступала лишь США. В 1902 г. в эксплуатации было 53,2 тыс. верст железнодорожных путей и еще 8,4 тыс. строились, причем ежегодно вводилось в строй более 2,5 тыс. верст. Доля России в мировом промышленном производстве поднялась за это время с 3,4% до 5%, что позволило ей занять 5-е место, почти сравнявшись с Францией⁴.

В структуре российской промышленности, ее техническом оснащении, технологии и организационных формах наметились сдвиги, характерные для развитых стран. В связи с быстрыми темпами роста тяжелой промышленности (производство средств производства выросло на 199%, а предметов потребления – на 38%) доля ее в валовом промышленном производстве увеличилась с 30 до 40%. Втрое возросла мощность паровых двигателей. Возникали новые промышленные центры и целые регионы – Бакинский нефтедобы-

вающий и нефтеперерабатывающий, Донецко-Криворожский металлургический и угольный, сосредоточивший более 60% добычи угля и выплавки металлов. Новые отрасли возникали сразу в форме крупного машинного производства. Заводы и фабрики оснащались если не первоклассным, то вполне современным оборудованием. Наряду с внутренними факторами большую роль сыграло то обстоятельство, что Россия могла широко использовать технический и организационный опыт развитых стран. При удвоении стоимости продукции число фабрично-заводских предприятий в результате концентрации производства сократилось с 31,9 тыс. в 1890 г. до 23,8 тыс. в 1900 г. Причем более 40% действовавших к началу XX в. предприятий вступили в строй именно в период подъема 1890-х годов. Общая численность промышленных рабочих увеличилась до 3 млн человек.

Наконец, последнее десятилетие XIX в. было временем еще невиданных в истории России темпов акционерного учредительства.

К концу 1901 г. в стране насчитывалось более 1,5 тыс. компаний с общей суммой капиталов в 2467 млн руб., что составляло $\frac{2}{3}$ всех промышленных капиталовложений, среди которых доля иностранных инвестиций была более $\frac{1}{3}$. В эти же годы произошло заметное усиление финансовой мощи акционерных коммерческих и ипотечных банков, основные капиталы которых увеличились на $\frac{3}{4}$, а их активы и пассивы – почти вдвое. На основе концентрации и централизации банковского и промышленного капитала начался процесс формирования финансового капитала и возникновения монополистических объединений – синдикатов и картелей.

Таким образом, определенный прогресс в этой важной сфере народного хозяйства был налицо. Была создана база для дальнейшей модернизации экономики. Тем не менее мнения исследователей, как и современников, о роли Витте и проводимой им политике значительно расходятся. Одни считают, что главной движущей силой промышленного подъема 1890-х годов был спонтанный рост российского капитализма, которому правительственная экономическая политика придала лишь дополнительный импульс. Другие склонны видеть в этом результат именно этой политики по «насаждению» промышленности. Третьи, не отрицая роли государства в индустриальном развитии страны, считают, что речь может идти лишь о насаждении путем льготных кредитов и казенных заказов отдельных отраслей и предприятий. И, пожалуй, большинство исследователей придерживается мнения, что государственное вмешательство в этот процесс привело к деформации последнего, что имело негативные последствия как в экономическом, так и в социально-политическом плане. Как бы то ни было, главная цель – догнать передовые промышленные страны – не была достигнута. К тому же даже высокие темпы роста еще не определяют уровень

развития, степень зрелости формировавшейся новой, капиталистической социально-экономической системы. В частности, появление монополистических объединений и высших форм финансового капитала в определенной мере было обусловлено именно недостаточным экономическим развитием. Но особенно наглядно это видно из сопоставления показателей производства на душу населения, по которому Россия еще далеко отставала от передовых стран Запада.

Сама виттевская программа индустриального развития страны вызывала непринятие, критику и нападки в самых различных слоях российского общества. Будучи в начале своего министерства приверженцем славянофильских взглядов на особый, «самобытный» путь развития России, Витте вскоре пришел к выводу, что стране не избежать однотипности развития со странами Запада. «В России теперь происходит то же, что случилось в свое время на Западе: она переходит к капиталистическому строю... – заявил он на одном из совещаний в 1897 г. – Россия должна перейти на него. Это мировой непреложный закон»⁵. Ей предстоит пройти, считал он, тот же путь и те же испытания. В результате этого процесса, сопротивляться которому невозможно, на поверхность выходят новые силы, вырастающие из нового уклада и становящиеся хозяевами жизни – это новые богачи из предпринимательского класса.

Заявление министра финансов встретило яростное сопротивление консерваторов. Главным оппонентом выступил В.К. Плеве, его извечный противник, в то время государственный секретарь, который категорически отверг виттевскую аргументацию. «Россия имеет свою отдельную историю и специальный строй... – утверждал Плеве, как бы повторяя ранние взгляды самого Витте. – Имеется полное основание надеяться, что Россия будет избавлена от гнета капитала и буржуазии и борьбы сословий». Были и попытки отвергнуть виттевскую программу ссылками на ее политическую опасность. Так, еще один из постоянных оппонентов Витте, министр иностранных дел М.Н. Муравьев на одном из совещаний в присутствии императора указывал, что есть опасность проникновения в страну вместе с иностранным капиталом «идеалов и стремлений, присущих капиталистическому строю». Выражалось опасение, весьма распространенное в дворянских кругах, что «группы чужеземцев при помощи трестов и синдикатов сделаются распорядителями природных богатств страны и фактическими собственниками крупных хозяйственных единиц»⁶. Противники ускоренной индустриализации, в основном из дворянских и бюрократических кругов, развернули настоящую кампанию против министра финансов, обвиняя его во всех грехах – в подрыве экономической мощи государства, в забвении нужд сельского хозяйства и даже отказывая ему в политической благонадежности. Правительство и монарх были за-

сыпаны ходатайствами дворянских собраний о необходимости смены курса экономической политики в пользу традиционной отрасли российской экономики – сельского хозяйства.

Недовольство выражали и некоторые группы российских предпринимателей, как обделенные вниманием и поддержкой государства, так и ощущавшие ограниченность и жесткость правительственной политики. Проводившаяся политика государственного вмешательства в экономику оправдывалась необходимостью поддержки еще неокрепшей частной инициативы, стремлением придать дополнительный импульс модернизации страны. Фактически такое вмешательство далеко выходило за эти пределы и препятствовало естественному развитию капиталистических отношений. Витте так и не смог провести реформы общего характера, которые создали бы условия для свободного частного предпринимательства. Ему не удалось ни изменить коренным образом систему акционерного законодательства, ни освободить частное предпринимательство вообще от стеснявших его пут законодательных и административных ограничений, ни решить, как мы увидим, проблемы отношений труда и капитала, отойти от патриархальных установок в решении рабочего вопроса. Сами предпринимательские организации, в пользу появления которых он так много говорил, фактически использовались им только как консультативные органы. Поощряя на словах частную инициативу, он стремился держать ее под жестким контролем. В.В. Жуковский, один из руководителей возникшего уже позже, в годы революции, Совета съездов представителей промышленности и торговли, обращая внимание на упорное стремление Витте усилить роль государства в народном хозяйстве, говорил: «Эта крайняя схема показывает... насколько неправилен взгляд на Витте, как на слугу капитала; он, если хотите, был убежденным сторонником капиталистического развития, но он именно ему не подчинялся, старался над ним господствовать, его проводить... Витте старался эти интересы, эти идеи, эти формы проводить, потому что считал их наиболее соответствующими развитию производительных сил России, но проводить их сверху; он был, так сказать, просвещенным абсолютистом в области капитализма»⁷. Характеризуя ситуацию в промышленности, лидеры этой всероссийской организации отмечали: «Искусственность экономического развития в 1890-е годы заключалась прежде всего в необычайном поприятии народной самодеятельности. Все нити народного хозяйства сходились в кабинет министра финансов: без его соизволения и даже указания ничего нельзя было предпринять. Власть и вмешательство чиновников становились в экономической жизни страны все более невыносимыми». Разочаровывала и виттевская система в целом, в результате которой «в XX столетие Россия входит с непомерно возросшей обрабатывающей промышленностью, с крайне отсталым

земледелием и с умерщвленной самодеятельностью широких народных масс»⁸.

До поры до времени Витте удавалось нейтрализовать эти нападки и, пользуясь поддержкой Николая II, продолжать свой экономический курс. Но в 1900 г. разразился мировой экономический кризис, в полной мере давший о себе знать и в России. В 1900–1903 гг. российская экономика оказалась в тисках тяжелого кризиса, поразившего финансовые структуры и промышленность. Закрылось около 3 тыс. фабрик и заводов. Под угрозой краха оказались многие предприятия, особенно тяжелой промышленности, в том числе и с участием иностранных капиталов. Приток последних начал быстро сокращаться. Равновесие, бездефицитность российского бюджета – гордость Витте – оказались под угрозой. Не помогли и меры по поддержке ведущих промышленных предприятий – интервенции на бирже ценных бумаг, крупные внеуставные ссуды Государственного банка, нормировка казенных заказов и т.п. Это лишь ускорило процесс монополизации частных банков и промышленности, с чем министерство финансов предполагало бороться. Наконец, кризис способствовал обострению социальных противоречий в стране. В отличие от Запада, где промышленность уже в 1904 г. вступила в новую полосу подъема, Россия длительное время не могла оправиться от потрясений. К концу 1903 г. в стране действовало около 23 тыс. фабрично-заводских предприятий с числом рабочих примерно 2200 тыс. Правда, стоимость произведенной промышленной продукции росла и в эти годы (с 3,1 млн руб. до 3,7 млн, т.е. более чем на 19%), но в основном за счет предприятий легкой промышленности, доля же отраслей тяжелой промышленности упала с 40 до 34,1%⁹.

Все это ослабило позиции Витте. Проводимая им политика оказалась скомпрометированной в глазах императора, и без того недолголюбивавшего амбициозного и энергичного министра. Все это усилило нападки на министерство со стороны его противников, прямо обвинявших его в развале экономики, а его главу – едва ли не в государственной измене и подрыве существующего порядка. В конце концов, в результате усилившегося неприязненного отношения к Витте царской семьи, нападков на, казалось, обанкротившийся курс экономической политики министра финансов он оказался в отставке, заняв в августе 1903 г. почетную, но маловлиятельную должность председателя Комитета министров.

Таким образом, финансовая и экономическая политика правительства оказалась перед лицом серьезнейших испытаний. Но едва ли правильно было бы утверждать, что она потерпела крах в результате кризиса, начавшейся в январе 1904 г. русско-японской войны, а затем и революции. Действительно, «система Витте» была глубоко противоречива в самой своей основе, ибо для капиталисти-

ческого развития ее автор использовал средства и условия, порожденные природой существовавшего в стране политического строя. Но тем не менее в результате ее реализации была создана база для дальнейшей индустриализации уже на более широкой основе и с более широким привлечением частной инициативы. Однако все это не устраняло коренного изъяна российской экономики – ее глубокого дисбаланса между индустриальным и аграрным секторами, переплетением противоречий, свойственных современному капитализму и эпохе первоначального накопления и промышленного переворота. В частности, тяжесть экономического кризиса и последовавшей длительной депрессии усугублялась не только деформациями искусственного «насаждения» крупной промышленности, но и его последствиями – узостью рынка сбыта, отставанием в развитии российской деревни, где весьма сильны были средневековые традиции и институты.

Аграрный вопрос в России на рубеже веков

Несмотря на впечатляющий рывок в индустриальном развитии, сделанный Россией за пореформенное сорокалетие и особенно за 1890-е годы, она и к началу XX в. оставалась преимущественно аграрной, вернее, теперь уже аграрно-индустриальной страной. Более $\frac{3}{4}$ ее населения занимались сельским хозяйством, а аграрный сектор экономики давал больше половины всего валового национального дохода. Налицо был и определенный прогресс в этой важной отрасли народного хозяйства. Правда, в первые пореформенные десятилетия каких-либо значимых сдвигов здесь не наблюдалось. Более или менее существенные результаты начавшейся перестройки сельского хозяйства проявились позднее, с 1880–1890-х годов XIX в. Объективными показателями этих успехов были и расширение используемых земельных площадей, и увеличение сборов важнейших продовольственных культур¹⁰, и некоторый рост урожайности¹¹, и изменение структуры и географии сельскохозяйственного производства, его специализация и повышение товарности. Мировой аграрный кризис 1870–1880-х годов несколько приостановил рост посевных площадей. Но уже с конца 1880-х годов этот процесс вновь набирает силу, в основном за счет освоения степных просторов Новороссии, Северного Кавказа, Заволжья, нараставшей колонизации Сибири, Средней Азии. Расширяется, хотя и незначительно, площадь пашни и в Центрально-черноземном районе, но уже, однако, за счет распашки лугов и пастбищ. По общему объему валовой хлебной продукции Россия наряду с США, Аргентиной, Канадой и Австралией была в числе мировых лидеров, по праву считаясь «житницей» Европы. Темпы роста производства хлебов были выше темпов демографического прироста, что обуславливало уве-

личение сборов и на душу населения. По этому показателю Россия занимала третье место в Европе – после Дании и Швеции.

Медленнее, чем земледелие развивалась другая важная отрасль сельского хозяйства – животноводство. Тем не менее общая численность поголовья скота за пореформенное сорокалетие, несмотря на частые колебания за отдельные годы, заметно выросла¹². По этому показателю Россия также занимала одно из первых мест в мире. Но в отношении численности поголовья на десятину посева этот показатель был более чем скромнен, а количество скота на душу населения за это время неуклонно сокращалось, не говоря уже о качестве стада. Баланс между земледелием и животноводством, нарушенный еще в первые пореформенные десятилетия, так и не был восстановлен.

Важной чертой пореформенного сельскохозяйственного производства в России было усиление его торгового характера, что обуславливалось как расширением внутреннего рынка (рост численности неземледельческого населения, возросшие потребности промышленности в сырье, расширение сети и усовершенствование путей сообщения и т.д.), так и увеличением экспорта, поощрявшегося правительством в целях роста бюджетных поступлений и свободных капиталов в стране. Средние ежегодные фонды товарного зерна составляли в 1890–1895 гг. более 550 млн пуд. (около 9 млн т), в 1896–1900 гг. – более 919 млн пуд. (около 15 млн т), в 1901–1905 гг. – 1237 млн пудов (около 20 млн т). Таким образом, масса товарного зерна за это время более чем удвоилась, причем около половины его шло на экспорт¹³.

Казалось бы, в целом ситуация с сельским хозяйством, судя по важнейшим усредненным статистическим показателям, была более или менее благополучна. Однако за этими внешне благополучными цифрами, при детальном их анализе, вырисовывается столь противоречивая картина, что в значительной мере неизбежно меняется и наше представление о российской реальности того времени. Уже с начала 1880-х годов все отчетливее проступают признаки нараставших в деревне кризисных явлений. Не успев перестроиться на новые, товарно-денежные отношения, российская деревня оказалась в тисках мирового аграрного кризиса, повлекшего за собой глубокое, почти на треть, падение хлебных цен, продолжавшееся до конца 1890-х годов. Поместное дворянство, не сумевшее приспособиться к новым условиям и стремительно терявшее землю, засыпало монарха и правительство ходатайствами о помощи в связи с убыточностью имений и дороговизной кредита. Катастрофически росли недоимки по выплате налогов и выкупных платежей у крестьян. Все отчетливее обнаруживалось крестьянское малоземелье, обострившееся в связи с демографическим «взрывом» в деревне. Участились неурожаи и эпидемии, охватывавшие огромные регионы.

Только в конце XIX – начале XX в. Россия пережила, помимо неурожая и страшного по своим последствиям голода 1891/92 г., различного масштаба недороды 1896/97, 1899, 1901, 1905/06 г. Последствия их становились все более ощутимыми: с одной стороны, правительство было вынуждено направлять для организации помощи пострадавшим от неурожая регионам десятки миллионов рублей, а с другой – российский торговый баланс все чаще оказывался под угрозой дефицита в связи с вынужденным сокращением хлебного экспорта. В деревне росла социальная напряженность, вынуждавшая правительство приступить к пересмотру курса своей аграрной политики.

Истоки аграрного вопроса, ставшего одним из важнейших факторов социально-экономической и политической жизни страны и постоянной головной болью для правительства, лежали как в самом характере крестьянской реформы 1860-х годов, представлявшей в юридическом плане серию «положений», определявших статус различных разрядов крестьян (помещичьих, государственных, удельных и т.п.), так и последующие акты по их реализации. Реформа была проведена в виде грандиозной кредитной операции: помещики получили от казны единовременную сумму, равную капитализированному оброку и являвшуюся фактически платой за землю и личную свободу крестьян; крестьяне обретали личную свободу, усадебную и наделную землю с обязательством выплачивать рассроченные на 49 лет выкупные платежи и проценты по ним. В результате возникли два типа хозяйств – помещичье частновладельческое и мелкокрестьянское, развитие которых определило собой пути аграрной эволюции российской деревни и сельского хозяйства вообще.

Помещики в результате реформы сохранили в своих руках огромную земельную площадь, составлявшую только в 45 губерниях Европейской России (без Архангельской, Астраханской и Прибалтийских губерний) более 87 млн дес. Однако перестроить свои хозяйства к требованиям нового времени оказалось крайне сложно. Вчерашние душевладельцы не располагали в своей массе ни достаточным собственным инвентарем, ни свободной рабочей силой, ни опытом ведения хозяйства с использованием наемного труда, ни необходимыми средствами. Государство удержало из выкупных сумм старые помещичьи долги. Получив же большую часть причитающихся им платежей выкупными свидетельствами и желая как можно скорее их обналичить, владельцы имений дружно избавлялись от ценных бумаг, которые в результате стремительно обесценивались. Старая кредитная система рухнула, новая же складывалась медленно и с большим трудом. Акционерные ипотечные банки возникли лишь в середине 1870-х годов, и кредит их был непривычно дорог. Да и общие условия для перестройки имений – уро-

вень рыночных, товаро-денежных отношений, складывавшейся капиталистической инфраструктуры и т.п. – находились еще в стадии становления.

Сам способ реализации реформы оставлял за помещиками широкие возможности выбора путей перестройки своих хозяйств. Значительная, если не большая часть их, так и не смогла или не захотела отрешиться от старых, привычных форм ведения хозяйств. Таковую возможность им предоставляло законодательство, предусматривавшее длительное сохранение «временнообязанного» состояния крестьян, которое формально было отменено лишь в 1883 г. для помещичьих, в 1886 г. – для государственных крестьян, а в отдельных регионах (например, в Закавказье) сохранялось еще и в начале XX в. К тому же крестьянское хозяйство не было вполне отделено от имений помещиков: в руках последних оставались так называемые «отрезки» от прежних крестьянских наделов, леса, выгоны, водопой, дороги. Владельческие земли часто клином врзались в крестьянские угодья, вынуждая крестьян арендовать их за отработки. Оставалась и возможность внеэкономического принуждения – приниженное правовое положение крестьянства, его сословная замкнутость и общинная организация, полная подконтрольность местным властям, которые в значительной мере продолжали комплектоваться из дворян – мировые посредники и судьи, затем неперменные члены губернских и уездных присутствий и, наконец, печально известные земские начальники, сосредоточившие в своих руках всю полноту власти над крестьянским «миром».

В результате складывался переходный тип хозяйства, соединявший в себе черты как старой барщинной, так и новой капиталистической системы. Суть первой состояла в обработке владельческой земли крестьянским инвентарем, что являлось, независимо от форм оплаты труда (денежной, натуральной, в счет аренды земли или угодий), прямым пережитком барщины. Вторая состояла в найме рабочих, производивших все виды работ инвентарем владельца. Обе эти системы переплетались порой самым причудливым образом, переходя в ряде случаев совершенно неумовимо одна в другую. Тип «рационального» владельца имения, пытавшегося внедрить новые приемы хозяйствования, ярко отражен в знаменитых «Письмах из деревни» выдающегося агрохимика А.Н. Энгельгарда, экспериментировавшего в своем имении Батищево Смоленской губернии и имевшего немало последователей.

Однако в целом капиталистическая перестройка помещичьих хозяйств шла крайне медленно. Усугубил ситуацию мировой аграрный кризис. Именно на эти годы пришлась наибольшая за пореформенное сорокалетие убыль помещичьего землевладения, а также пик дворянского оскудения, так красочно описанный С.Н. Терпигоревым (Отавой) в книге «Оскудение. Очерки поме-

щичьего оскудения» (СПб., 1881). Но и новые владельцы имений, в порывах предпринимательской инициативы сводившие под корень «вишневые сады», сравнительно редко добивались успеха. Кризис давил все хозяйства – и капиталистические, и отработочные. Часть помещиков, пытавшихся перестроить свои имения и потерявшие надежду выжить, вынуждена была их продать или забросить и искать другие источники доходов, как это сделал сам Энгельгард, переклывшийся на преподавательскую работу. Другие сокращали запашку и возвращались к испольной аренде или отработкам. Появились даже теории о преимуществах испольного хозяйства над капиталистическим. Как свидетельствуют данные о заемщиках Дворянского земельного банка, удельный вес имений, владельцы которых вели хозяйство с использованием наемного труда, с 40% в 1886–1890 гг. упал до 38% в 1891–1895 гг. и до 29% в 1896–1900 гг.; соответственно увеличилась доля хозяйств, сдававших землю в испольную аренду и за отработки – с 39% до 42% и до 51%. Примерно на одном уровне (20–21%) оставалась доля хозяйств, использовавших смешанные способы¹⁴. И этому способствовала половинчатость и непоследовательность реформы 1861 г. Через тридцать с лишним лет, в середине 1890-х годов формальное отграничение крестьянских наделов от помещичьих земель было проведено лишь на площади 5 млн дес. из 33 млн дес. земель бывших помещичьих крестьян. Помещики же владели $\frac{2}{5}$ всех сенокосов и почти $\frac{1}{3}$ всех выгонов¹⁵.

Чересполосица, дававшая ранее огромные выгоды помещикам, с начала XX в. становится огромным неудобством при усилившейся тенденции к организации капиталистических экономий. Весьма характерной в этом плане является жалоба волынского помещика А. Дейнеки, который писал в ответ на запрос одного из правительственных совещаний, собиравшего сведения о состоянии сельского хозяйства на местах: «Я не могу устроить правильно ни полевого, ни лесного хозяйства, потому что все мои 9000 десятин испещрены мелкими клочками крестьянского владения; крестьяне также не могут, с своей стороны, пользоваться клочками надельной земли – не могут ни прогнать туда для пастьбы свой скот, ни удобрить землю, ни даже добраться до своих участков для обработки их без потери времени и труда, т.к. они находятся на прострaнстве 100 квадратных верст и участки некоторых крестьян находятся в 12 верстах от села по прямой линии». О том же сообщали земские управы Курской и Воронежской губерний¹⁶.

Процесс мобилизации частновладельческих земель стремительно набирал темпы. Дворяне за пореформенное сорокалетие утратили более 40% своего земельного фонда. Правда, до середины 1890-х годов они занимали первое место на земельном рынке не только по продажам, но и по покупкам, что свидетельствовало о процессе пе-

пераспределения земельной собственности внутри сословия и отчасти, видимо, и о попытках модернизации части помещичьих хозяйств. Вслед за ними по числу покупок шли купцы, почетные граждане и лишь затем крестьяне. С 1898 г. первенство в земельных операциях перешло к крестьянам¹⁷.

К 1905 г. площадь частновладельческого земельного фонда в 50 губерниях Европейской России составляла 101,7 млн дес. – около четверти (25,8%) всей земли, находившейся в сельскохозяйственном обороте. Учитывая сословную принадлежность владельцев, земля распределялась следующим образом: 53,2 млн дес. (52,3%) принадлежала помещикам-дворянам, 24,5 млн дес. (24,1%) – отдельным крестьянам, крестьянским обществам и товариществам; 12,9 млн дес. (12,7%) – купцам и почетным гражданам, остальное – церкви, мещанам и пр. Характерной чертой частного землевладения был его латифундиальный характер: в руках примерно 28 тыс. владельцев, располагавших именьями более 500 дес. (27,8 тыс. из 752,8 тыс. владений), сосредоточено было $\frac{3}{4}$ всей владельческой земли, т.е. в среднем около 2,3 тыс. дес. на каждого. Почти $\frac{2}{3}$ таких владельцев (18,1 тыс.) и свыше 70% земельной площади принадлежали дворянам. Причем 155 крупнейших собственников (102 семьи) владели именьями свыше 50 тыс. дес. каждый, располагая в совокупности 16,1 млн дес. Такой концентрации земельной собственности не знала ни одна страна в мире¹⁸.

Уже в силу самих размеров латифундий владельцы их были не в состоянии вести правильное хозяйство на всей их площади и потому сдавали землю и угодья крестьянам. В конце XIX в. свыше $\frac{2}{3}$ частновладельческих земель, бывших в сельскохозяйственном пользовании, обрабатывались крестьянами на арендных началах, причем преобладала крайне малопродуктивная краткосрочная кабальная аренда. В целом же удельный вес частновладельческих хозяйств в сельскохозяйственном производстве постепенно падал. Если в 1850–1860-х годах доля помещичьих хозяйств составляла около 22% и давали они 54% всего товарного зерна, то в 90-х более 70% всех зерновых посевов приходилось на крестьянские земли, а с учетом внеадаельного, арендного землепользования удельный вес крестьянских хозяйств в общероссийских валовых сборах достигал 85%¹⁹. В начале 1900-х годов на долю помещичьих хозяйств приходилось лишь 18% поголовья скота. Лишь в трех регионах доля помещичьего хозяйства в товарной продукции превышала половину его общего объема – в Прибалтике, Литве и на Юго-Западе. Таким образом, в целом помещичье хозяйство не занимало ведущего положения ни в валовых сборах, ни на рынке и не могло оказывать определяющего воздействия на ход аграрного развития.

Российская пореформенная деревня: социально-экономический статус

Ведущее место в сельскохозяйственном производстве принадлежало крестьянству, которое во многом должно было бы определять направление и темпы развития страны. Его правовой и социально-экономический статус определялся Манифестом 19 февраля 1861 г., а также общими и местными Положениями, предусматривавшими выход крестьян из крепостного состояния. Крестьяне формально становились «свободными сельскими обывателями», на которых распространялись основные общие положения гражданских законов, получали общественное самоуправление в виде сельских и волостных обществ (за исключением Прибалтики, где сельская община отсутствовала), собственный волостной суд и наделялись землей. Размеры надела и условия пользования им также определялись местными Положениями. Теперь крестьянин в качестве юридического лица мог лично или в составе общества заключать договоры, принимать на себя обязательства и подряды, производить «свободную торговлю», открывать и содержать фабрики и заводы и другие торгово-промышленные и ремесленные заведения, мог записываться в гильдии и цехи, переходить в другие сословия, принимать участие в сельских сходах, в выборах должностных лиц по сельскому самоуправлению, поступать в учебные заведения и т.п. Фактически ликвидировалась прежняя принадлежность крестьян к разрядам – помещичьи, государственные, удельные, монастырские. Таким образом, новый статус, предоставлявший крестьянам ряд важных гражданских прав, казалось бы, коренным образом менял их прежнее подневольное положение. Но вместе с тем крестьянское законодательство содержало ряд существенных правовых ограничений.

Во-первых, крестьянин всецело оказывался в зависимости от общины, сельского общества, к которому он был приписан – и экономически, и юридически. Надельные земли передавались в общественное пользование, и первые 9 лет крестьянин вообще не мог отказаться от надела, оказываясь фактически прикрепленным к земле. Правда, статья 165 Положения о выкупе предусматривала, что со временем владелец надела, внося выкупные платежи, мог с согласия схода выйти из общины и стать полным собственником своей земли или вообще отказаться от надела. Но это было связано с такими сложностями, что за пореформенные 30 лет этим правом воспользовались лишь около 150 тыс. домохозяев. Власти и общества препятствовали и свободному передвижению крестьян: отход на заработки также обуславливался согласием «мира» и требовал соблюдения массы формальностей, связанных с получением паспорта. По приговору волостного суда крестьянин мог быть подвергнут

телесным наказаниям. Во-вторых, избавившись от опеки помещика, крестьянин попадал под не менее жесткую опеку местных административных властей, которые контролировали непосредственно или через выборных сельских должностных лиц всю жизнь деревни. В-третьих, внутриобщинные отношения регулировались не столько общими гражданскими законами, сколько определялись нормами обычного права, в основе которого лежали общинно-патриархальные традиции и установления, а главным толкователем их являлся волостной суд.

Община не была изобретением правительственных реформаторов. «Мирская» крестьянская организация существовала в России не одно столетие. Реформа лишь легализовала и в самом общем виде оформила общинное самоуправление, приспособив его к потребностям государства. По замыслу законодателей, община должна была стать переходной формой организации деревни в новых условиях. В плане экономического она должна была сохранить слой мелких производителей, дававших уже в то время около половины всей сельскохозяйственной продукции, обеспечить рабочей силой помещичьи имения, обеспечить путем круговой поруки исправное поступление в казну выкупных платежей, налогов, отправление повинностей. В социальном отношении община рассматривалась как «страховое учреждение от безземелья и бездомности», как действенное средство против социального расслоения деревни, пролетаризации крестьянства и даже как средство защиты от чрезмерных притязаний помещиков. В плане политическом ей отводилась роль оплота консерватизма, важнейшего средства стабилизации политического режима. Таким образом, реформа, несмотря на многие ее позитивные стороны, фактически закрепляла сословную обособленность крестьянства, его общинную организацию, во многом подчинив ее фискально-полицейским задачам.

Общинная земля, как и раскладка налогов и повинностей, распределялась по ревизским душам, по тяглам или едокам, чаще всего – в соответствии с численностью мужского населения. Формально надел приходился в семейном владении, но распоряжался им глава семьи. Причем размеры душевого надела находились в зависимости от региона, от принадлежности крестьян к тому или иному, теперь уже бывшему, разряду и колебались весьма значительно – от 2 до 12 дес. По мере прироста населения земля могла по приговору «мира» перераспределяться (передельная община), но по закону общества могли переходить к наследственному подворному владению наделами (беспередельная или подворная община), при сохранении, однако, круговой поруки. Стремление к уравнительности, традиционно свойственное крестьянскому «миру», приводило к тому, что наделы дробились на полосы в соответствии с качеством и местом расположения земли, что со временем стало причиной крайней че-

респолосицы и мелкополосицы, характерными как для передельной, так и подворной общины.

В целом же роль общины в социальной и хозяйственной жизни деревни была весьма неоднозначна. С одной стороны, система общинного землевладения в течение веков основывалась на преобладании патриархального крестьянства, на практически полной освоенности имевшихся в распоряжении общины угодий и на примитивном уровне агрикультуры и агротехники. Она действительно позволяла крестьянам и при низком уровне ведения хозяйства сообщая выживать даже в чрезвычайных, экстремальных условиях. Даже чересполосица, возникавшая при переделах и сильно мешавшая рационализации хозяйства, по-своему защищала их от разорения: имея участки в разных местах, крестьяне могли рассчитывать при разных погодных условиях на средний урожай. Более того, в свое время община сыграла позитивную роль в утверждении трехпольной системы севооборотов, что было заметным шагом вперед. И в пореформенные годы она продолжала раздвигать границы трехполя на север, на юг и на восток, способствуя сокращению зоны примитивных подсечной, огневой и залежной систем, внедряя более упорядоченные севообороты. С конца же 1890-х годов община все чаще являлась если не инициатором, то энергичным посредником во внедрении травосеяния и многополя, особенно в районах льноводства и животноводства. С другой стороны, участвовавшие переделы, обусловленные демографическим взрывом 1880–1890-х годов, аграрный кризис, постоянный рост арендных цен, участвовавшие семейные разделы и т.п. имели следствием измельчание душевых наделов, усугубление чересполосицы. По официальным данным, средний душевой надел крестьян Европейской России к 1900 г. сократился с 4,8 дес. до 2,6 дес., а по ряду черноземных, юго-западных и западных губерний был и менее 2 дес. (Харьковская, Полтавская, Киевская, Волынская, Подольская, Тульская, Рязанская, Орловская, Курская)²⁰. Частые переделы, крайняя чересполосица, обусловленный ею принудительный севооборот негативно сказывались на крестьянских хозяйствах, затрудняя правильную организацию, вели к истощению земли, препятствовали росту ее производительности. Вместе с тем все более отчетливо прослеживалась и тенденция к расслоению деревни, появлению зажиточных слоев, под давлением которых община постепенно утрачивала поземельно-распределительные функции. В обществах, где длительное время не было переделов, надельную землю начали передавать по наследству, отдавать в аренду и даже продавать. Однако этот стихийный процесс образования частной собственности на надельную землю так и не стал определяющим. В целом община, особенно передельная, все более превращалась в тормоз развития деревни. Однако, в условиях низкого уровня развития крестьянского хозяйства,

прогрессировавшего малоземелья, растущего налогового пресса и прочих неблагоприятных факторов она сохраняла свою жизнеспособность. Несмотря на все ее недостатки, община все же обеспечивала минимальное приложение трудовых сил своих членов, давая им шанс на выживание, ее функционирование обеспечивалось в основном средним крестьянством, голос которого был решающим в «мирских» делах.

Живучесть общины во многом определялась не только, как мы увидим, попечительно-охранительной политикой властей, но и особой устойчивостью крестьянского хозяйства, которое, в свою очередь, было базой общинности. Известно, что крестьянская экономика, как особая форма ведения сельскохозяйственного производства, отличается совокупностью специфических признаков, самым главным из которых обычно называют хозяйствование на земле, ведение производства силами семейного коллектива, потребительскую направленность производственной деятельности, самодостаточность, самообеспечение, т.е. определенную натуральность. Товарность такого хозяйства в значительной мере определялась необходимостью уплаты налогов и приобретения минимума товаров производственного и потребительского назначения. Главной же целью хозяйства являлось прежде всего обеспечение членов семьи продовольствием и предметами первой необходимости. Решая эту задачу, крестьянин не считался с тем, что затраты рабочей силы и времени зачастую были несоразмерно выше стоимости продукции. Это особенно наглядно проявлялось при работе на арендованной земле: потребительная стоимость продукции для него была важнее ее денежного эквивалента. Такое отношение к оценке собственного труда, видимо, вообще являлось одним из факторов, определявших низкий уровень стоимости рабочей силы в России, давивший на рынок труда, и в немалой степени сказывавшийся на формировании трудовой этики крестьян, их отношении к труду, к общине как фактору социально-экономической защиты. Все эти факторы, несколько разнобразившиеся и модифицировавшиеся, продолжали влиять на крестьянскую психологию и в пореформенную эпоху. В частности, налоговые тяготы, обострявшееся малоземелье, отсутствие достаточных средств для перестройки хозяйств, низкий культурный уровень, попечительство и в то же время правовой беспредел властей – все это в массе не меняло отношения к труду как тягостной, но неизбежной необходимости.

Важно отметить, что община поддерживала и подпитывала крестьянское правосознание в отношении к земле. Как уже отмечалось, с эволюцией общины постепенно выделялся слой зажиточных крестьян, тяготевших к частнособственническому хозяйству, дававшему большую свободу хозяйственной инициативе, самостоятельности и самостоятельности. Этот процесс шел как внутри общины,

так и вне ее. Разверстание общинных земель и выделение крестьянских хозяйств на отруба и хутора началось задолго до столыпинской реформы. Будущий сподвижник П.А. Столыпина К.А. Кофод, в бытность свою оценщиком-инспектором Дворянского банка в ходе своих поездок по стране в самом начале 1900-х годов обнаружил десятки деревень в северо- и юго-западных и даже среднечерноземных губерниях, где крестьяне самостоятельно или с помощью землемеров разверстали свои наделные земли и расселились по хуторам²¹. Правда, тогда это были капли в море крестьянских хозяйств, не менявшие общей картины засилья общинного землевладения. К 1905 г. в 50 губерниях Европейской России насчитывалось 12,3 млн крестьянских хозяйств, располагавших 136,9 млн дес. наделной земли. В том числе на общинном праве владели землей 9,5 млн дворов (76,7%), имевших 114 млн дес. (83,4%), и 2,8 млн также общинных хозяйств (23,3%) имели в подворном владении 22,9 млн дес. (16,6%). Кроме того, крестьяне владели 15,6 млн дес. купленной земли, приобретенной в основном сельскими обществами и товариществами, а также и отдельными хозяевами, что не меняло общей картины. Перепись зафиксировала к этому времени 166 тыс. общин – и активно функционировавших, и находившихся в стадии разложения, и числившихся чисто формально²².

Несмотря на все более отчетливо проявлявшуюся частнособственническую тенденцию в эволюции крестьянских хозяйств, понятие частной собственности на землю имело в крестьянской среде, под влиянием общинных норм обычного права, своеобразное преломление. Принцип частной собственности начал входить в сознание крестьян первоначально как реакция на покушение помещика на их древнейшее право на землю. («Мы ваши, а земля наша» – известная крестьянская мудрость). Оспаривая притязания помещика на землю, крестьяне начали помышлять и о закреплении собственного права на нее, в чем важную роль сыграла и навязанная им идея выкупа. Согласно широко распространенному крестьянскому представлению, земля сама по себе «ничья», «Божья», она не может быть чьей-либо собственностью, владеть ею может лишь тот, кто ее обрабатывает и пока он ее обрабатывает. На основании этого представления они добивались сначала возвращения отрезков, а затем и вообще пополнения общинного фонда за счет прежде всего помещичьих земель. Если трудовое право предполагало, что земля должна принадлежать тому, кто ее обрабатывает, то это значило, что помещик владеет ею не по праву. Этот принцип действовал и в общине при принятии решения о наследовании, разделе или отчуждении имущества пришедшего в упадок хозяйства.

В общинном праве существовало и право на труд. Оно было связано с правом каждой семьи на пропитание и означало прежде всего право на земельный надел. На этом праве основывался механизм

переделов общинных земель и оно же в условиях малоземелья подпитывало антипомещичьи настроения крестьян. Противоречия между этими двумя принципами обуславливали определенный дуализм крестьянской психологии: с одной стороны, право на труд придавало крестьянам чувство солидарности и коллективизма при отстаивании своих интересов; с другой – право трудиться формировало индивидуалистический, близкий к капиталистическому настрой. Таким образом, если один принцип вел к отстаиванию общинной утопии «черного передела», то другой подпитывал антиобщинные настроения отдельных семей, предприимчивых хозяев.

Противоречивым оказался и процесс социальной эволюции российской деревни. С одной стороны, рынок неумолимо втягивал крестьянство в сферу товарно-денежных отношений, вел к социальному расслоению деревни, появлению зажиточного и фактически пауперизированного (рабочий с наделом) слоев. Немалую роль при этом, видимо, сыграло и первоначальное, исходное неравенство в обеспечении землей крестьян, принадлежавших к различным разрядам. Земельная перепись 1905 г. зафиксировала, что при общем сокращении с 1861 г. среднего размера крестьянского надела с 12 дес. до 9,5 дес. бывшие владельческие крестьяне располагали в среднем 6,7 дес., бывшие государственные – 12,5 дес., бывшие удельные – 9,5 дес., колонисты – 20,2 дес., чиншевики – 3,1 дес., резеши – 5,3 дес., прибалтийские крестьяне имели в пользовании 36,9 дес., казаки – 52,7 дес. Но за этими средними цифрами опять-таки скрывались большие различия как между полярными социальными слоями, так и крестьянскими хозяйствами различных регионов. Этим, видимо, объясняется отчасти отмеченный экономистами рост потребления крестьянских хозяйств, некоторое увеличение накоплений в деревне в виде вкладов в сберегательные кассы и кредитную кооперацию. Если к 1 января 1896 г. вкладчики, занимавшиеся земледельческими и сельскохозяйственными промыслами, имели около 350 тыс. сберегательных книжек (18,4% общего их числа), на которых числилось 65,7 млн руб. (17,9% общей их суммы), то к 1905 г. эти показатели были соответственно 1,2 млн книжек (23,2%) и 228,6 млн руб. вкладов (20,7%). Кредитная кооперация, бывшая в подавляющей своей части сельской, к 1900 г. насчитывала 724 кредитных и ссудо-сберегательных товарищества с числом членов около 200 тыс. и суммарным балансом в 25,2 млн руб. К 1905 г. сеть кредитных кооперативов увеличилась вдвое (1431 учреждение), численность членов достигла 564,2 тыс., баланс – 57,3 млн руб., а сумма займов и вкладов – 35,5 млн руб.²³ Тем не менее, несмотря на эти позитивные тенденции, удельный вес вкладчиков был невелик, составив к 1905 г. примерно 8% общей численности крестьянских дворов. Причем свободные средства в деревне сосредоточивались главным образом в руках ростовщиков и торговцев и, во-первых, не

находили производительного употребления, а во-вторых, как неоднократно отмечалось различными правительственными инстанциями, рост по ссудам достигал порой нескольких сот процентов.

Важно отметить, что, по данным департамента окладных сборов министерства финансов, в начале 1900-х годов в половине губерний Европейской России доходы крестьянских хозяйств не покрывали текущих расходов или в лучшем случае не превышали их. Подводя итоги проведенным обследованиям, газета «Урал» 24 августа 1905 г. отмечала: «На всем Северном Кавказе, в Саратовской, Тульской губерниях приход и расход равны один другому, остатков не бывает. В Новгородской губернии средний доход определен в 255 руб. в год, а расход в 271 руб.; во Владимирской губернии – доход в 217 руб., расход в 230 руб.; в Ярославской губернии – 395 и 400 руб.; в Калужской губернии – 398 и 416 руб.; в Херсонской губ. – 430 и 480 руб.; во всех малороссийских губерниях – 432 и 435 руб.». Растущая товарность крестьянских хозяйств для основной их массы носила вынужденный характер. Типичной была картина осенней продажи урожая, как правило, по бросовым ценам, чтобы заплатить налоги, и покупок хлеба весной для продовольствия и на семена. По самым минимальным прикидкам на продовольствие крестьянской семьи требовалось не менее 18 пуд. на человека и еще не менее 7,5 пуд. на корм скоту. Таким образом, для простого воспроизводства хозяйству требовалось не менее 25,5 пуд. зерна на человека, что было заметно выше средних душевых сборов продовольственного и кормового зерна, колебавшихся в 1890-х – начале 1900-х годов от 16,7 до 18 пуд.²⁴ При таких условиях для основной массы деревни ведение предпринимательского хозяйства было невозможно. Об этом свидетельствует и техническая вооруженность деревни: в большинстве губерний по-прежнему преобладали традиционные орудия вспашки – деревянные сохи и бороны, в лучшем случае с железными наконечниками, и простейшие уборочные средства – косы, серпы, цепи для обмолота.

Аграрная политика правительства

Влиятельнейшим фактором в эволюции российской пореформенной деревни была правительственная политика, во многом отражавшая противоречивость этого процесса и в немалой степени обуславливавшая эту противоречивость. С одной стороны, вынужденное как-то реагировать на обострявшееся крестьянское малоземелье и растущие недоимки по сбору налогов и платежей правительство учреждает Крестьянский поземельный банк (1883 г.), призванный «оказать крестьянам содействие к приобретению в собственность предлагаемых для продажи земель» (преимущественно сельским обществам и товариществам), идет на отмену архаичного

соляного налога и подушной подати (1883, 1887 гг.), правда, тут же замененных рядом косвенных налогов, принимает закон о «Добровольном переселении сельских обывателей и мещан на казенные земли» (1889 г.), расширявший возможности легальной крестьянской колонизации и освоения казенных пустошей юго-востока России (Оренбургской, Уфимской, Саратовской и Самарской губерний). С началом строительства Транссибирской магистрали предпринимаются меры по колонизации новых земель за Уралом. При МВД создается специальное Переселенческое управление. К 1905 г. на восточные окраины и в Сибирь переселилось около 1,8 млн человек, причем 1,4 млн (почти 78%) – за предреволюционное десятилетие²⁵. Все более активное участие в этом процессе принимал Крестьянский банк, получивший в 1895 г. право покупки помещичьих земель за собственный счет для последующей перепродажи их крестьянам. Уже в это время банк не ограничивался простым посредничеством, содействуя покупателям в переселении и хуторскому землеустройству на новых местах. В 1898–1901 гг. переселенческие ссуды составляли более четверти всей его ссудной операции, причем 57% крестьян, купивших землю, уходили из своих губерний²⁶. Новый закон о паспортах и видах на жительство (1894 г.) и указ от 7 апреля 1897 г., отменявший взимание казенных сборов за оформление документов, не отменяя сословную обособленность крестьян и не посягая на власть общины над своими членами, все же несколько облегчал для общинников свободу передвижения в поисках заработков, давая возможность более длительное время (до 5 лет вместо 3) находиться вне места приписки. Наконец, 1 июня 1895 г. было принято «Положение о мелком кредите», положившее основание системе заведений этого типа. Оно предусматривало три вида кредитных учреждений для мелких производителей: кредитные товарищества, основной капитал которых образовывался из ссуд Государственного банка, паевые ссудо-сберегательные товарищества и сельские и волостные банки и кассы. Товарищества представляли собой тип кредитных кооперативов, различавшиеся между собой, в основном, способом составления основных капиталов. Сельские и волостные кассы были сословными общинными заведениями, действовавшими на «мирские» средства. Целью всех этих учреждений провозглашалось предоставление «малодостаточным лицам» из крестьян, ремесленников и кустарей, а также сельским обществам, товариществам и артелям возможности «получать на необременительных условиях ссуды для удовлетворения хозяйственных потребностей... и помещать сбережения для приращения процентов». Особыми положениями был определен статус и других видов кооперативов – потребительских и сельскохозяйственных обществ (1898 г.), трудовых артелей (1901 г.). Все они составили впоследствии костяк российской кооперативной системы. Однако последняя

вплоть до середины 1900-х годов находилась еще в стадии становления, и кооперативы не играли сколько-нибудь заметной роли в социально-экономической жизни страны.

С другой стороны, власти пытались всячески укрепить сословно-общинные начала деревенской жизни, поставить ее под жесткий контроль местной администрации. Серией законодательных актов правительство стремилось остановить или замедлить процессы, неминуемо разлагавшие общину и сословный строй. С целью поставить заслон участвовавшим семейным разделам был принят закон (1886 г.), обязывавший сельские общества давать разрешение на разделы не простым, как ранее, большинством, а $\frac{2}{3}$ голосов схода. Закон 8 июня 1893 г. ограничивал права общины на переделы: теперь они могли производиться не чаще, чем через 12 лет. В том же году, 14 декабря, был издан закон, фактически отменявший 165 статью «Положения о выкупе», предусматривавшую возможность досрочного выкупа надельной земли и фактически запрещавший залог и продажу наделов. В 1890-х годах неоднократно приостанавливались разрешения на переселения (1892–1895, 1897 гг.), которые выдавались обычно по усмотрению местных властей.

Следует, однако, отметить, что ни прямые попытки предотвратить размывание старых патриархально-общинных норм и институтов, ни поддержание их с помощью нового, по существу капиталистического, инструментария (банковский и кооперативный кредиты) не давали ожидаемого эффекта. Крестьянский банк, выполнявший главным образом функции посредника между продавцами-помещиками и покупателями-крестьянами и ориентированный прежде всего на операции с сельскими обществами и крестьянскими товариществами, вплоть до середины 1900-х годов так и не смог сколько-нибудь широко развернуть свои операции. К 1901 г. крестьяне с его помощью купили 4,4 млн дес., что составляло всего 3,9% общей площади надельного землевладения²⁷. Крестьянское переселенческое движение, не находя материальной поддержки у государства, в 1901–1905 гг. сократилось вдвое по сравнению с предыдущим пятилетием. Списание части недоимок по выкупным платежам и даже отмена подушной подати, сыгравшая определенную роль в правовом сближении крестьян с другими сословиями империи, не улучшили их экономического положения, так как правительство компенсировало потерю доходных статей бюджета введением новых косвенных налогов. «Положение о мелком кредите» и изданные на его основе образцовые уставы несколько оживили деятельность кредитных кооперативов, но даже министерство финансов считало ситуацию в сфере мелкого кредита неудовлетворительной.

Не имели особого успеха и попытки регулирования внутренней жизни деревни. Несмотря на предписания властей, община жила своей жизнью, отражая общий культурно-хозяйственный уровень

деревни и используя те или иные свои функции в зависимости от требований жизни и от складывавшихся обстоятельств. Продолжались несанкционированные переделы. Семейные разделы и после закона 1886 г. почти на треть совершались явочным порядком, переселенческое движение в какой-то своей части оставалось стихийным. Представляя собой архаичный, пережиточный институт, община, несомненно, тормозя капиталистическую перестройку деревни, процесс формирования предпринимательского типа хозяйств, все же, видимо, еще не исчерпала себя. И это порождало различные точки зрения на ее судьбу, на выработку курса правительственной аграрной политики.

Неоднозначное отношение к общине отчетливо обнаружилось еще в ходе подготовки крестьянской реформы, когда в правительственных, дворянских и вообще общественных кругах выявились ее последовательные сторонники и убежденные противники. Проведение реформы не погасило споров. Наоборот, они разгорелись с новой страстью. Как это ни покажется парадоксальным, но либералы-земцы с их пробуржуазными настроениями и неонародники-радикалы, видевшие в крестьянском общинном коллективизме воплощение своих социалистических устремлений, чаще оказывались в стане сторонников архаичной общины, в то время как ультра-консервативные дворянские помещичьи круги выступали против этого института, видя в нем источник всех «беспорядков» в деревне.

К рубежу XIX–XX вв. становилось все более очевидным, что правительственный курс аграрной политики все более приходит в противоречие не только с заявленными в 1861 г. целями крестьянской реформы (создание класса свободных крестьян-собственников), но и заходит в тупик в связи с попытками промышленной модернизации экономики страны. Усилия индустриализаторов, Н.Х. Бунге, И.А. Вышнеградского и особенно С.Ю. Витте, наталкивались на архаичную организацию аграрного сектора, не только не восполнявшего в должной мере растущие бюджетные расходы, но и сдерживавшего развитие промышленности из-за узости рынка сбыта, обусловленной низкой платежеспособностью деревни. Непосредственным поводом к обсуждению проблемы стали все более явно обнаружившееся, прогрессивное падение платежеспособности крестьян, нарастание недоимок по налогам и выкупным платежам. Участвовавшие неурожаи и растущий внутренний спрос привели к снижению темпов прироста хлебного экспорта, усугубленного падением его ценности, ростом конкуренции на мировом рынке²⁸. Многочисленные ведомственные обследования деревни уже с 1870-х годов констатировали ухудшение положения крестьян. Некоторый прирост хлебных сборов был получен в основном за счет освоения новых земель в Новороссии, Предкавказье, Заволжье. Ситуация же в центрально-земледельческих губерниях стано-

вилась все более критической. «В крестьянском хозяйстве виден упадок, выражающийся в истощении почвы, сокращении количества скота, истреблении лесов и падении садоводства, – сообщалось в одном из полицейских донесений из Курской губернии. – Главной причиной сего является большая чересполосность крестьянских наделных земель, раздробившихся... вследствие увеличения населения, на мелкие участки, что повлекло за собой, вследствие... пастьбы скота на паровых участках, по дальности расстояния участков (есть участки в 3–4 сажени), отстающих от селений в 8–15 верстах, – переход от трехпольной системы – к двухпольной, крайне истощающей землю и ведущей к сокращению скота и лошадей»²⁹.

Ситуацию усугубляли падение цен на сельскохозяйственную продукцию, а также то обстоятельство, что крестьянские хозяйства Центра и Севера страны в массе своей оказались неприспособленными к новым условиям: стремительно расширявшаяся железнодорожная сеть, модернизация торговой инфраструктуры привели к росту конкуренции, и земледельческий центр, традиционно ориентированный почти исключительно на «серые» хлеба (рожь, овес), явно проигрывал земледельческим районам Юга. Изменившиеся жизненные стандарты, некоторый рост потребления деревней фабрично-заводских изделий, но в еще большей степени рост прямых и косвенных налогов – все это заставляло крестьян выбрасывать на рынок все большую часть произведенной продукции, часто в ущерб собственному потреблению. Такой рост товарности крестьянских хозяйств, не обусловленный соответствующим ростом их производительности, вел к сокращению потребления: ежегодные чистые остатки хлеба на душу населения уменьшились с 20,6 пуд. в 1860–1870 гг. до 15,7 пуд. в 1888–1898 гг.³⁰.

Все это привело к очередному обострению дискуссии о путях развития России, о приоритетах в экономической политике, о причинах бедственного положения российской деревни. В правительственных, общественных, научных кругах широко обсуждалось положение сельского хозяйства и предлагались различные меры по его развитию – от поднятия образовательного и культурного уровня деревни, от различных мер по поднятию интенсивности хозяйствования на земле (внедрение травосеяния, развития мясного и молочного животноводства и т.п.) до борьбы с крестьянским малоземельем путем усиления колонизации окраин империи и даже насаждения в Сибири дворянского землевладения в качестве не только меры по поддержанию высшего сословия, но и как средства поднятия культуры сельскохозяйственного производства. В центре споров оказалась община и соответственно – правовое положение крестьянства. Несмотря на очевидную неэффективность частичных попыток облегчить материальное и правовое положение крестьянства, верховная власть и консервативные бюрократические круги упорно со-

хранили приверженность к старому патриархально-попечительному курсу аграрной политики, к поддержанию традиционалистских социально-экономических и административных структур. Позицию сторонников этого курса наиболее полно и четко сформулировал К.П. Победоносцев: «Крепостные крестьяне после векового бесправия становятся вдруг свободными распорядителями и своей личности, и своего имущества, не успев еще приобрести той нравственной и хозяйственной самостоятельности, которая необходима для разумного распоряжения, не имея ни капиталов, ни умения орудовать деньгами и кредитом. Если в таком состоянии получают они свободу распоряжаться своими участками на праве собственности, не будучи связанными общинным землевладением, то подвергаются опасности вовсе утратить из-под себя землю и хозяйство и превращаются в бездомных батраков. Так... может истощиться сословие крестьянское, составляющее главную охранительную силу в государстве»³¹.

Венцом победы консерваторов было утверждение Александром III закона 14 декабря 1893 г., сделавшее практически невозможным досрочный выкуп наделов, залог и продажу наделных земель. Все это, вкупе с введением института земских начальников (1889 г.), с ограничением участия крестьян в земстве (1890 г.), усилило сословную обособленность и бесправие крестьян, на десятилетие продлило охранительно-консервативный курс аграрно-крестьянской политики. Сам П.А. Столыпин впоследствии вынужден был признать, что сохранение этого курса, принятие правительством в 80-х – начале 1890-х годов комплекса мер по сохранению традиционалистских институтов в значительной мере обусловили нарастание напряженности в деревне и поставили под вопрос саму возможность мирного эволюционного преобразования страны³².

В этих условиях одним из первых государственных деятелей, кто дерзнул открыто обратиться к монарху с предложением пересмотреть курс аграрной политики, был тот же Витте. Сделавший ставку на первоочередное развитие промышленности и транспорта, он какое-то время пребывал в убеждении, что лишь после выполнения этой задачи или в ходе ее реализации возможно модернизировать сельское хозяйство, на которое он сначала смотрел лишь как на «топливо» для финансовой машины, именуемой государственным бюджетом. Более того, в ходе обсуждения закона 1893 г. он выступал за сохранение общины, видя в ней гаранта от пролетаризации крестьянства, оплот борьбы против социалистических идей. Но вскоре он понял, что «финансовая машина» неизбежно будет давать сбои при низкой платежеспособности деревни. Во всеподданнейшем докладе за 1897 г. он назвал в качестве причины ее кризисного состояния правовое и экономическое «неустройство быта крестьян». Именно это обстоятельство, по его мнению, ограничивало

крестьянскую хозяйственную инициативу и самодеятельность, не позволяя, в частности, широко пользоваться кредитом, препятствуя воспитанию у крестьян чувства хозяина-собственника. С этого времени крестьянский вопрос стал основным звеном аграрной политики Витте, а разрешение его – главной среди мер по созданию условий для общего подъема сельского хозяйства.

В апреле 1898 г. основные положения виттевского доклада рассматривались Комитетом министров и были им одобрены. В очередной записке, адресованной императору, Витте еще раз подчеркивал, что «главным препятствием культурного и хозяйственного прогресса в России является юридическое и экономическое неустройство быта крестьянского населения». «Крестьянство освобождено от рабовладения, – напоминал он монарху, – но находится в рабстве произвола, беззакония и невежества. В таком положении оно теряет стимул закономерно добиваться улучшения своего благосостояния. У него парализуется жизненный нерв прогресса. Оно обескураживается, делается апатичным, бездеятельным, что порождает всякие пороки. Поэтому нельзя помочь горю одиночными, хотя и крупными мерами материального характера. Нужно прежде всего поднять дух крестьянства, сделать из него свободных верно-подданных сынов Ваших. Государство при настоящем положении крестьянства не может идти вперед, не может в будущем иметь то мировое значение, которое ему предуказано природой вещей, а может быть, судьбой»³³. Записка также была одобрена Комитетом министров, но Николай II повелел оставить журнал Комитета «без движения».

И все последующие инициативы министра император оставлял без ответа. Лишь разразившийся финансовый и промышленный кризис, неурожай 1899 и 1901 гг. и накалявшаяся ситуация в деревне вынудили царя создать ряд комиссий и совещаний для выработки мер по подъему сельского хозяйства и в частности – по пересмотру крестьянского законодательства. Комиссии зафиксировали – в который уже раз! – удручающее положение деревни центральных земледельческих губерний, рост безземельных и малоземельных слоев крестьянства. Земские деятели, приглашенные для работы в так называемую комиссию Центра, были крайне встревожены складывавшейся ситуацией. «В жизни нашей деревни наблюдается не одно только понижение материального достатка крестьянского населения, замечается явление более глубокое, а именно начавшийся упадок и разложение всего сельского быта: потрясены старинные устои, вековой уклад крестьянской жизни, заметны признаки разложения общины, разрушается патриархальный строй семьи, наблюдается упадок нравственной дисциплины и чувства законности. Словом, потрясен весь хозяйственный строй и общественный быт деревни». По расчетам комиссии, в центральных губерниях

только 21% из числа всех работников нужны в сельском хозяйстве, а остальные 79% (примерно 23 млн) составляют избыточное население, «лишние» рабочие руки³⁴.

Особенно важным из таких межведомственных органов было Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности (22 января 1902 г. – 30 марта 1905 г.), возглавлявшееся Витте и сыгравшее заметную роль в разработке нового курса аграрно-крестьянской политики. К этому времени Витте вполне осознал необходимость сбалансированного развития народного хозяйства. Красной нитью через всю деятельность совещания проходит идея первостепенного значения крестьянского хозяйства для всей жизни страны. Вопрос об общине не был включен в первоначальную программу, но он, естественно, всплыл во время обсуждения проблем деревни, в котором приняли участие 540 местных губернских и уездных комитетов и в которые, помимо чиновников, вошли представители земств, местных землевладельцев, крупных арендаторов и отдельные крестьяне (всего около 11 тыс. человек). Анализ деятельности комитетов и свое видение аграрно-крестьянской программы Витте изложил в известной «Записке по крестьянскому делу», в которой доказывалась несостоятельность основных теоретических догм, на которых базировалась традиционная аграрная политика. В частности, отмечалось, что община является исторически преходящим институтом, исчерпавшим свое прежнее предназначение и несовместимым с современной, капиталистической стадией развития общества. Она не решает ни экономических, ни социальных, ни политических проблем современного общества. Поэтому, считал он, надо вернуть крестьянам право свободного выхода из общины, предусмотренное реформой 1861 г. Лишь создание крестьянина-собственника, освобожденного от пут общины и семейного владения землей и уравнированного в правах с другими сословиями, может стать условием экономического подъема деревни и оплотом могущества самодержавия.

Вместе с тем Витте считал, что, предоставляя крестьянам право выхода из общины, нельзя форсировать этот процесс. В силу различия местных условий готовность крестьян к этому важному шагу не может быть одинаковой. Кое-где, указывал он, «при истощенной почве, примитивной культуре и дешевизне сельскохозяйственных продуктов общинное землевладение может быть выгодным для крестьян». Но в любом случае община должна стать объединением добровольным и превратиться в простой союз земельных собственников. Ее административно-фискальные функции должны перейти частично к администрации, частично к земствам. Последним предполагалось передать все дела по общественному благоустройству, образованию, медицине, мелкому кредиту, для чего планировалось учредить мелкую земскую единицу – волостное земство, обслужи-

вавшее все население. Волостные суды должны были уступить свое место общегражданским судебным установлениям, а обычное право – кодифицировать в рамки также общегражданских судебных норм. Таким образом, виттевская аграрная программа фактически должна была стать одним из звеньев правовой реформы деревни и снять многие назревшие проблемы.

И опять-таки свою линию Витте пришлось проводить и отстаивать в жестком противоборстве с консервативно-охранительными кругами и с его извечным оппонентом В.К. Плеве, оказавшимся после убийства 2 апреля 1902 г. Д.С. Сипягина во главе МВД. Одновременно с Особым совещанием была создана, вернее, реанимирована образованная еще в 1893 г. Редакционная комиссия по пересмотру крестьянского законодательства, которую теперь возглавил А.С. Стишинский, верный сподвижник Плеве. Между ведомствами развернулось острое соперничество за лидерство в разработке аграрной программы. Следует отметить, что, расходясь кардинально в стратегических замыслах, и Витте, и Плеве в тактическом плане нередко придерживались схожих взглядов. Так, оба фактически были сторонниками сохранения помещичьего землевладения, оба не считали главной причиной аграрного кризиса крестьянское малоземелье, оба готовы были облегчить выход из общины зажиточного крестьянства. Но таким образом МВД рассчитывало укрепить общину за счет выделения из нее разлагавших ее элементов, а министерство финансов рассматривало это как первый шаг к ее ликвидации. Вместе с тем, расходясь принципиально в вопросе о будущем крестьянского сословного строя, и Витте, и Плеве высказывались за ограничение мобилизации и концентрации наделных земель, опасаясь ускорения процесса обезземеливания крестьянства.

Борьба эта, шедшая с переменным успехом, свидетельствовала о глубоком кризисе правительственной аграрной политики. Об этом свидетельствовал и тот факт, что ни в самих ведомствах, ни в Особом совещании и Редакционной комиссии не было единодушия о путях решения аграрного кризиса. В частности, в МВД противником общины был недавно назначенный начальником земского отдела В.И. Гурко, будущий сподвижник П.А. Столыпина, поставивший перед собой задачу добиваться «всеми правдами и неправдами уничтожения земельной общины и перехода крестьян к личному и по возможности обособленному владению как наделными, так и приобретенными в составе обществ и товариществ землями». Однако он быстро уяснил себе, что в условиях господства в правительственных и общественных кругах мнения о неприкосновенности общины и сословного строя крестьян, а главное – приверженности к этой идее монарха все попытки прямого отстаивания нового аграрного курса обречены на провал. «Для меня стало ясно, – писал он впоследствии в воспоминаниях, – что вести открытую борьбу про-

тив общины как таковой не приходится, что таким путем никаких результатов достигнуть нельзя. Необходимо было действовать в этом направлении постепенно и по возможности прикрываться каким-либо другим флагом; надо было перевести спор об общине в другую плоскость, говорить не о ней, а вообще о рациональности землеустройства, при котором переход к личному землевладению хотя и входил неперменным элементом, но не составлял конечной цели»³⁵. Тактикой, которой он придерживался в продвижении своей идеи, стало представление проектов в приемлемой для властей «консервативной упаковке».

Таким образом, к 1905 г. у правительства были два варианта аграрной реформы. Однако ни один из них не был реализован. О нерешительности и колебаниях власти свидетельствует высочайший манифест 26 февраля 1903 г., согласно которому руководящими принципами аграрной политики империи были объявлены неприкосновенность общинного строя крестьянского землевладения (при условии облегчения отдельным крестьянам выхода из общины), неотчуждаемость крестьянских наделных земель, сохранение сословного строя и сословной обособленности крестьян. В то же время в завуалированной форме в нем присутствовали и новые идеи – неслучайно в составлении проекта манифеста принимал участие В.И. Гурко. Новым было и признание возможности выхода из обществ отдельных состоятельных крестьян, и разочарование в общине как форме хозяйствования, и признание преимуществ хуторского землепользования. Впервые в документе, вышедшем из высоких правительственных сфер, было открыто признано, что «зажиточные крестьяне, будучи непосредственно заинтересованными в охране принципа собственности, являются везде надежнейшим оплотом существующего порядка, стоять на страже которого побуждают их собственные интересы»³⁶. Это был первый шаг к признанию властью принципов, легших впоследствии, уже в годы революции, в основу нового, безнадежно запоздавшего курса аграрных реформ.

Пока же правительство фактически ограничилось лишь отдельными «усовершенствованиями» крестьянского законодательства. Манифестом 12 марта 1903 г. была отменена архаичнейшая круговая порука, 11 августа 1904 г., в связи с рождением наследника, был издан манифест об отмене телесных наказаний крестьян по приговорам волостных судов. Явно осознавая недостаточность этих мер, Николай II в указе от 8 декабря 1904 г., пообещав продолжение преобразований, заявил о необходимости «привести законы о крестьянах к объединению с общим законодательством империи» с целью превращения крестьян в «полноправных сельских обывателей», фактически признав тем самым незавершенность реформы 1861 г.

В целом предреволюционные двадцать лет, видимо, можно считать потерянными временем для завершения аграрных преобразова-

ний. Приверженность властей к попечительным, патриархально-общинным началам в деревне продолжала оставаться одним из принципиальных составляющих теории российской самобытности. На одном из последних заседаний Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности С.Ю. Витте с горечью вынужден был констатировать: «Россия составляет в одном отношении исключение из всех стран мира, и как отнесется к этому исключению история – покажет будущее. Исключение это состоит в том, что систематически народ воспитывается в отсутствии понятия о собственности и о законности». И он предрекал: «Я не хотел бы быть пророком, но боюсь, что в близком будущем, если не будет изменен весь уклад крестьянской жизни, быть может, в этом самом зале придется обсуждать вопрос о дополнительном наделении крестьян земель»³⁷.

Этнодемографическая и социальная структура российского общества как фактор нестабильности

К началу XX в. население Российской империи насчитывало, по данным переписи 1897 г., 129,1 млн человек. По этому показателю Россия уступала только Китаю и Великобритании с ее колониями. После «замирения» Кавказа и присоединения Средней Азии рост численности населения империи шел в основном за счет естественного прироста, который увеличился (на 100 человек среднегодового населения) с 1,29% в 1867–1874 гг. до 1,72% в 1899–1906 гг. Настоящий демографический «взрыв» был отмечен в 1880–1890-е годы, причем, как это характерно для стран с преимущественно аграрной экономикой, основной абсолютный прирост дала деревня, хотя по темпам увеличения численности населения впереди был уже город (126,1% против 57,5%)³⁸. С начала 1890-х годов высокая рождаемость, за счет которой и достигался прирост народонаселения, постепенно падает, и теперь прирост достигался за счет сокращения смертности, что свидетельствовало о некотором улучшении ситуации со здравоохранением и материальным положением населения.

Анализ данных переписи свидетельствует, что Россия по среднему возрасту населения была одной из самых молодых стран. Около половины ее жителей было моложе 20 лет. По удельному весу жителей в рабочем возрасте она уступала почти всем странам Европы. В экономическом плане это обстоятельство негативно сказывалось на положении широких народных масс, в социально-политическом – было фактором, способствовавшим в силу различных причин (недостаток жизненного опыта молодежи, склонность ее к неадекватному поведению, в том числе пьянству и хулиганству, наряду с более высоким уровнем грамотности и культуры, более развитым чувством собственного достоинства и т.д.) проявлению самых раз-

личных настроений и поведенческих реакций достаточно широких слоев городского и сельского населения. Следует отметить, что при общем низком уровне грамотности в России (в среднем по империи на 1897 г. она составляла 21,1%; среди мужчин – 30%, среди женщин – 13%), она повышалась в обратной пропорции к возрастным группам: в группе от 40 до 50 лет она составляла 22,9%, в группе от 30 до 40 лет грамотных было 27,6%, в группе от 20 до 30 лет – 31,9%. Причем грамотность в городах была заметно выше, составляя в среднем 45% (у мужчин – 54%, среди женщин – 25%)³⁹.

Явно неблагоприятным фактором была низкая средняя плотность размещения населения, не позволявшая – при обилии свободных земельных площадей – полнее использовать ее природный потенциал. В частности, это обстоятельство в определенной мере способствовало широкому распространению экстенсивных форм хозяйствования со всеми вытекающими отсюда последствиями. Плотность населения и характер хозяйства в значительной мере сказывались и на соотношении сельского и городского населения. К началу XX в. сельское население в России составляло 86,6%, а городское – 13,4%. По наблюдению исследователей, экономически город отделился от сельского хозяйства только где-то в середине XIX в. Но и к концу века горожане, особенно жители малых городов, еще в значительной мере занимались сельским хозяйством (садоводством, огородничеством и т.п.). Вместе с тем города во все большей степени привлекали из деревни наиболее здоровых, трудолюбивых, более развитых и активных людей, здесь был выше удельный вес мужчин, а также вообще лиц рабочего возраста, что обуславливало более активную реакцию горожан на любые изменения их экономического и общественного положения.

И все же население страны, особенно сельское, оставалось пока малоподвижным: миграционные процессы еще только набирали силу. Подавляющая масса жителей на момент проведения переписи 1897 г. проживала в тех местностях, где они родились: в деревнях их доля составляла 90,3%, в городах – 53,4%. По мере развития промышленности, торговли, транспорта, роста спроса на рабочие руки миграционные потоки усиливались. Основную массу мигрантов составляли крестьяне, уходившие на заработки лишь на время, свободное от полевых работ. Другие оседали в городах и торгово-промышленных селах, сохраняя связь с деревней, хозяйством или окончательно порывая с землей и сельским обществом. Кроме того, обострявшееся малоземелье гнало крестьян на окраины, в малоосвоенные регионы. По подсчетам специалистов, в последней трети XIX в. в южные и восточные губернии Европейской России и на Северный Кавказ переселилось более 2,8 млн человек. Затем все больший масштаб получает переселенческое движение в Сибирь, Среднюю Азию, Степной край, Туркестан. Правительство всячески стреми-

лось регулировать, сдерживать миграционные процессы как путем паспортных ограничений, так и разрешительной системой для переселенцев. В целом же важно отметить, что в 1896–1900 гг. удельный вес переселенцев составлял всего 10,7% прироста сельского населения, а в 1901–1905 гг., в связи с русско-японской войной, этот показатель снизился до 4,2%⁴⁰. В итоге отток населения из деревни в город, в неземледельческие сферы народного хозяйства и в лучшие годы не превышал половины прироста, что не могло не обострять социальную напряженность в аграрном секторе экономики. Следует также отметить, что широко распространенное в советской историографии представление о крестьянской колонизации как проявлении развития капитализма вширь является, видимо, несколько неточным или односторонним. Современные исследования свидетельствуют, что наряду с этим переселения способствовали и возрождению и поддержке традиционных форм хозяйствования, а уменьшение плотности населения в европейской части страны нередко вело к сохранению экстенсивных методов хозяйствования⁴¹.

Наконец, все более заметную роль в миграционных потоках начинают играть эмиграция и иммиграция. Российское законодательство долгое время не допускало, особенно для непривилегированных сословий, свободного выезда из страны. С 1875 г. выдавались краткосрочные удостоверения для рабочих и крестьян, отправлявшихся на заработки за границу, в основном в Германию. Вскоре для жителей приграничных губерний были введены краткосрочные паспорта, выездные документы для ехавших в Германию на сельскохозяйственные работы. Знакомство с условиями жизни за границей, общение между собой и местным населением играли немало важную роль в формировании настроений и взглядов побывавших за границей не только лиц интеллигентных профессий, но достаточно широких масс: на заработки за границу выезжали в 1900-е годы ежегодно до 2,3 млн человек. Менее известна жизнь и деятельность в России иммигрантов, чистый прилив которых за 1891–1915 гг. составил 1,8 млн человек, главным образом выходцев из Германии, Австрии, Персии, Турции и Китая⁴². В целом в основе миграционных процессов – наряду с возрастающей подвижностью населения, вызывавшейся закономерностями формировавшегося буржуазного общества – лежали нерешенность аграрного вопроса, сравнительно слабое развитие торгово-промышленной сферы экономики, низкий материальный уровень жизни населения, социальное и политическое бесправие основной массы населения, усилившийся национальный гнет.

Многонациональный состав населения империи был еще одним важным фактором нестабильности российского общества. В России к началу XX в. проживало около 200 больших и малых народов, различных по религии, языку, культуре, по уровню социально-эко-

номического и цивилизационного развития. Доля русских (или великороссов) составляла 44,3% населения (55,7 млн человек), украинцев (малороссов) – 17,8% (22,4 млн), белорусов – 4,7% (5,9 млн). Эти близкие по языку, культуре, образу жизни этнические группы населения составляли более $\frac{2}{3}$ подданных империи. Из других крупных этнических групп в стране проживало 7,9 млн поляков (6,3%), более 5,1 млн евреев (4,2%). Многочисленной была тюркоязычная группа (казахи – 4,1 млн, татары – 3,7 млн, башкиры – 1,3 млн и др.) – всего 13,6 млн человек (10,8%), народы угро-финской группы (карелы, эстонцы, мордва и др.) насчитывали 3,5 млн (2,8%); литовцы, латыши, жмудь – 3,1 млн (2,5%), картвельцы (грузины, мингрелы, имеретинцы, сваны) и народы кавказских горцев – 2,4 млн (1,8%), армяне – 1,2 млн (0,9%) и т.д. Причем полиэтнический состав населения империи сочетался со сложным конфессиональным составом. Наряду с великими мировыми религиями (христианство, ислам, буддизм, иудаизм) существовало множество реликтовых языческих верований и политеистических культов. Господствующей религией, официально поддерживавшейся государством, было Православие, которое исповедовало 69,4% населения, мусульмане (магометане) составляли 11,1%, католики – 9,1%, иудеи – 4,2%. Особые конфессиональные группы составляли протестанты (лютеране), ламаисты, буддисты, армяне-григориане и др. Во время переписи были учтены 2,2 млн старообрядцев и сектантов. Поскольку они подвергались полицейским и судебным преследованиям, то большинство из них скрывали свою веру. Специалисты считают, что в действительности их было не менее 20 млн человек⁴³.

Формально в российском законодательстве не существовало, за немногими исключениями, правовых ограничений по этническому признаку. Определенная дискриминация обычно действовала на основе конфессиональных различий, которые, правда, как правило, совпадали с этническими признаками. В целом же, несмотря на постоянную тенденцию к централизации, для правительственной политики вплоть до второй половины XIX в. характерно было сотрудничество с местными этническими элитами, толерантность в конфессиональных вопросах, предоставление отдельным присоединенным территориям (Польше, Финляндии, Бессарабии, Прибалтике) весьма широкой автономии. Более того, отдельные нерусские этносы пользовались даже некоторыми преимуществами по сравнению с русскими, особенно в сфере налогообложения, отправления воинской повинности. Сложная международная обстановка и опасение сепаратизма заставляли правительство поддерживать это нетипичное для колониальной державы положение. В то же время имперская экспансия, требовавшая затраты огромных средств, замедляла складывание единой русской нации, формирование русского нацио-

нального самосознания. Русский народ, являвшийся государствообразующим этносом, по своему экономическому, политическому и культурному уровню не только не выделялся среди населения империи, но даже заметно уступал по этим показателям народам ряда окраинных регионов. Все это объясняет, почему самодержавно-абсолютистское государство, каким была Российская империя, так и не смогло интегрировать свои этнические меньшинства в той степени, в какой это удалось другим имперским державам⁴⁴.

Со второй половины XIX в. в правительственной политике все более настойчиво проявляется тенденция к административной централизации и культурно-языковой ассимиляции окраин. Одной из причин этого был рост национальных движений и формирование национального самосознания, вызвавшие ответную реакцию властей. После восстания 1863 г. Польша была окончательно лишена политической автономии, а поляки ограничены в политических и гражданских правах. С этого времени предпринимаются меры, направленные на полную административную унификацию западных земель, Закавказья, балтийских губерний, затем Финляндии. В культурной сфере эта политика нашла выражение в денационализации школы, ограничениях на издание газет, журналов и книг на родном языке, ограничении доступа в средние и высшие учебные заведения. В конфессиональной сфере усилились преследования сектантов, возобновились попытки насильственной христианизации татар, чувашей, марийцев, удмуртов, усилилась дискриминация евреев. Важно отметить, что этот поворот в имперской политике обуславливался и рядом глубинных причин. С одной стороны, это вызывалось объективными интеграционными процессами в экономике, требовавшими единого правового и языкового пространства; с другой стороны, – субъективными устремлениями власти к централизации управления, канализации намечавшихся и развивавшихся в условиях модернизации процессов в социальной и экономической жизни страны, а также нараставшим сопротивлением национальной интеллигенции русификаторским устремлениям властей. Как бы то ни было, к началу XX в. в России явно обозначилась тенденция к росту этнических и межэтнических конфликтов, а национальное движение становится важным фактором назревания политического кризиса.

Многоукладная, сочетавшая новейшие, переходные и традиционалистские формы отношений, российская экономика в социальном плане порождала чрезвычайную пестроту общественных градаций. Наряду с формировавшейся структурой буржуазного общества в стране сохранялась сословная иерархия, упорно, но безуспешно поддерживавшаяся властью. Напомним, что вплоть до 1917 г. российское законодательство фиксировало существование сословных градаций и сословной организации.

К кануну реформ 1860-х годов XIX в., по данным Центрального статистического комитета МВД, в России насчитывалось 68 сословий и сословных групп, большая часть которых приходилась на сельское население⁴⁵. Сословия подразделялись на привилегированные (потомственные и личные дворяне, духовенство, купечество, почетные потомственные и личные граждане) и непривилегированные, податные (крестьяне, мещане, ремесленники, инородцы). В пореформенный период в сословной структуре российского общества прослеживались два основных разнонаправленных процесса: с одной стороны, происходила законодательная унификация и укрепление сословных градаций, например ликвидация разрядов крестьян и слияние их в единое сельское «состояние», с другой – под напором новых, капиталистических отношений шло размывание сословного строя, терявшего свою прежнюю функциональность. Причем сословные градации, сословный менталитет сосуществовали с новыми социально-экономическими структурами, но чем дальше, тем больше входили с ними в остроконфликтное противостояние.

Сословную иерархию по-прежнему возглавляло потомственное дворянство, остававшееся высшим, «первенствующим» сословием и располагавшее рядом льгот и преимуществ – служебных, экономических, корпоративных. Численность его за пореформенное сорокалетие возросла примерно на 570 тыс. и к 1897 г. составила 1,2 млн человек (0,98% населения). Рост был достигнут в основном за счет так называемого «служилого» дворянства, т.е. выслуживших право на «благородство» получением определенных чинов (действительного статского советника – IV класс – на гражданской и полковника или капитана I ранга – VI класс – на военной службе) и орденов. Так, только за 1875–1896 гг. в правах потомственного дворянства были утверждены 39 535 человек, в том числе 12 741 – по чинам и 26 794 – в связи с награждением орденами⁴⁶. Пополнение составляли в основном выходцы из городских сословий – личных дворян, классных чиновников, потомственных и личных почетных граждан, купцов, мещан, а также представители духовенства и немногочисленные выходцы из казачества и крестьянства.

Весьма интересен и этнический состав сословия. Согласно переписи 1897 г., почти 53% потомственных дворян назвали своим родным языком русский. Из других языковых, а следовательно и этнических групп наиболее многочисленными оказались польская (28,6%), грузинская (5,9%), турецко-татарская (5,3%), литовско-латышская (3,4%) и немецкая (2,4%), что еще раз засвидетельствовало стремление власти опереться на места на туземную элиту.

В пореформенные десятилетия еще более очевидной стала утрата дворянством своего исходного функционального статуса как служилого и землевладельческого сословия. Торжественно подтвердив освобождение первенствующего сословия от обязательного несения

государственной службы, еще в XVIII в. превратившейся из повинности в привилегию, законодательство оговаривало особое положение дворянства в государственном строе России, особенно в сфере местного управления. «Дворяне, первая опора престола, принадлежат к высшему и большей частью просвещеннейшему классу жителей и, посвящая почти всю жизнь свою государственной службе, составляют и вне оной одно из надежнейших орудий правительства», – гласила одна из статей «Свода законов Российской империи» издания 1898 г.⁴⁷ Однако усложнение хозяйственной и общественно-политической жизни страны, потребовавшее значительного роста государственного аппарата и привлечения специально подготовленных кадров, привело к тому, что дворянство уже не могло целиком покрыть эту потребность. Правительство было вынуждено неоднократно подтверждать принцип всесословности образования, а ряд необходимых преобразований формально устранил дворянские привилегии во многих сферах государственного управления. В результате к концу XIX в. потомственные дворяне по происхождению (родовые дворяне) занимали уже менее трети (30,7%) всех классовых должностей в гражданских ведомствах и составляли немногим более половины (51,2%) офицерского корпуса. Ситуация усугублялась еще и тем, что подавляющее большинство «служилых» дворян принадлежало к беспоместным. Более того, жалованье являлось для них, как правило, единственным источником средств к существованию⁴⁸.

Наряду с утратой почти половины сословного земельного фонда заметно сократилась численность и более четко обнаружилось измельчание поместного дворянства, составлявшего ядро сословия. Если перед реформой 1861 г. в губерниях Европейской России (без Польши) насчитывалось около 123,5 тыс. помещичьих семей, а удельный вес помещиков составлял около 80–85%, то к 1895 г. их численность уменьшилась до 120,5 тыс., а к 1905 г. – до 107,2 тыс. Соответственно доля их в общей численности сословия упала почти до 30%. Усилилась и их имущественная дифференциация. Мелкопоместные дворяне, владевшие имениями до 100 дес., составляли в 1877 г. 50,2% помещиков, в 1895 г. – 57,8%, в 1905 г. – 58,9%. Причем свыше 80% таких владельцев располагали имениями размером не более 50 дес., что вообще ставит под сомнение отнесение их к категории помещичьих хозяйств. Среднепоместные владельцы (от 100 до 1000 дес.) соответственно составляли 39%, 33,8% и 33,2%, а крупные и крупнейшие латифундисты – 10,8%, 8,4% и 7,9%. Причем для всех групп было характерно сокращение среднего размера владений⁴⁹.

Чувствуя ослабление своих экономических и политических позиций, дворянские собрания забросали монарха и правительство многочисленными ходатайствами о поддержке сословия, напоминая им об особой его роли в системе самодержавия. Еще граф

Д.А. Толстой, представляясь императору Александру III по случаю своего назначения на пост министра внутренних дел, напоминал ему: «Ваши предки создали Россию, но они нашими руками ее создали»⁵⁰. И правительство, вынужденное подчинять свою политику задачам модернизации страны, далеко не всегда и не во всем отвечавшую интересам дворянства, пыталось все же учитывать его пожелания и использовать его для поддержания традиционалистских структур и институтов (учреждение Государственного дворянского банка, введение института земских начальников, земская контрреформа 1890 г. и т.п.). Этой же линии придерживался и Николай II, учредивший специальное Особое совещание по делам дворянства (1897–1901 гг.), попытавшееся разработать систему мер по поддержке сословия. Были приняты законы о введении института временнонаследственных имений, об организации с участием казны дворянских касс взаимопомощи, пансионов-приютов для дворянских детей и даже о насаждении дворянского землевладения в Сибири, оказавшиеся, однако, нежизненными.

И все же, видимо, нельзя утверждать, что высшее сословие к началу XX в. полностью утратило свои позиции. Несмотря на потерю значительной части своих земель и ведущего положения в сельскохозяйственном производстве и на рынке, помещики не утратили свой экономический потенциал. В связи с ростом земельных цен стоимость оставшегося в их руках земельного фонда вдвое превышала его стоимость начала 1860-х годов. Полученные же ими выкупные платежи, ипотечные ссуды и средства, вырученные от продажи и сдачи земли в аренду, по самым скромным подсчетам, превышали к середине 1890-х годов 2 млрд руб., т.е. превосходили объем всего государственного бюджета. К 1905 г. только остаток долга по ипотеке составлял 1,8 млрд руб.⁵¹. Снижение удельного веса потомственных дворян в общей численности государственных служащих и в офицерском корпусе компенсировалось достаточно прочными позициями в среднем и особенно высшем их звене. Правда, при этом следует признать, что сокращение доли землевладельцев и здесь имело место. Этот факт был одним из аргументов в той жесткой критике, которой подвергалась правящая бюрократия в дворянских собраниях, видевших в ней вредное «средостение» между монархом и народом. Достаточно прочными оставались позиции дворянства и в системе местного управления. Губернские предводители, входившие в состав ряда губернских коллегиальных органов, по своему статусу были вторыми лицами после губернатора, а уездные предводители вообще считались хозяевами своих уездов, возглавляя фактически всю уездную администрацию. Земские начальники и их съезды держали под контролем всю жизнь деревни. Изменение условий земских выборов (1890 г.) отдавали местное самоуправление почти целиком в руки дворянства. И, наконец, корпора-

тивная дворянская организация, представленная губернскими дворянскими обществами, по-прежнему пользовалась исключительным правом подачи петиций на высочайшее имя. Несмотря на формальное запрещение касаться в них общегосударственных и особенно политических вопросов, собрания все чаще высказывались по важнейшим проблемам жизни страны, настаивая на своем видении основных направлений правительственной политики. С середины 1890-х годов дворянские общества фактически получили общедворянское представительство – совещания («беседы») губернских предводителей.

Вместе с тем, осознавая неотвратимость перемен, отдельные дворянские общества и ряд их лидеров поднимают вопрос о необходимости пополнения сословия за счет новых земельных собственников и состоятельных предпринимателей, что вызвало в дворянской среде острые дискуссии. Наряду с признанием необходимости влить новые силы в сословие, терявшее свое безраздельное экономическое и политическое господство, сблизиться с растущей и усиливавшейся буржуазией обнаружилась и противоположная тенденция – стремление сохранить дворянство в состоянии, наиболее близком к дореформенной эпохе. Полемика по этому вопросу, ведшаяся в дворянских собраниях, правящих кругах и прессе еще с середины 1880-х годов, приобрела еще больший накал, что, в частности, продемонстрировало совещание губернских предводителей 1896 г. Совещание отметило, что наряду с поместным дворянством формируется новый класс крупных земельных собственников, приобретающий «со временем все качества и свойства, которые прежде отличали одних дворян». Большинство предводителей высказалось за одворянивание новых землевладельцев. Аргументы сводились к следующему: во-первых, лишенное пополнения со стороны дворянство, «превратившись в касту, будет обречено на вымирание», во-вторых, новые силы укрепят сословие, повысят его роль, ибо «дворянство, экономически слабое, не может иметь значения», в-третьих, замкнутость и отчужденность дворянства могут возбудить вражду новых землевладельцев, что значительно осложнит положение самого сословия. Выявление таких лиц и ходатайства о возведении их в дворянство предлагалось возложить на дворянские собрания. Необходимым условием для такого ходатайства должны были стать десятикратный земельный ценз и время владения не менее 35 лет⁵².

Категорически против этой идеи высказались курский, рязанский, тульский и харьковский предводители, заявившие, что с включением в сословие новых землевладельцев «изменится весь строй, дух и традиции дворянства». Еще более категоричным было их мнение по поводу предложения о возможности включения в состав сословия чиновных и предпринимательских элементов, «поте-

рявших всякую связь с землей и живущих в мире денежных и служебных интересов, весьма далеких от действительных нужд нашей местной губернской жизни».

Точка зрения большинства предводителей была поддержана (правда, далеко не единодушно) Особым совещанием по делам дворянства. Самую радикальную мысль высказал Витте, заявивший, что с вступлением России на путь капиталистического развития значение дворянства падает и что единственным спасением для него может быть обуржуазивание, т.е. активное занятие промышленностью, торговлей, банками, а также привлечение в свою среду выдающихся представителей «делового мира». После длительных препирательств большинством голосов Совещание высказалось за «возведение в дворянское достоинство лиц иных состояний за такие полезные труды на поприще наук и искусств, равно как общественной, сельскохозяйственной, промышленной и торговой деятельности, которые имеют значение заслуг перед государством», но только путем высочайшего пожалования по представлению министров.

Однако Николай II не утвердил представленный ему журнал Особого совещания и повелел передать его на обсуждение Государственного совета, который стал на позицию меньшинства предводителей. Большинство голосов Государственный совет отверг предложения о расширении компетенции дворянских собраний в вопросе о возведении в дворянское достоинство, о пополнении сословия за счет представителей «делового мира», а меньшинство его членов высказалось и против привлечения в его состав новых землевладельцев. Император присоединился к этому мнению. Таким образом, восторжествовала точка зрения консерваторов, не получившая большинства, но разделявшаяся монархом. Доступ в дворянство буржуазии практически закрывался⁵³.

В итоге дворянство оставалось государственно-регулируемым сословием, рассматривавшимся властью как важнейшая социально-политическая опора режима. Прибывший 29 августа 1902 г. в Курск Николай II в своем выступлении перед дворянской депутацией подчеркнул значение дворянства как первенствующего сословия, отметил его руководящую роль в крестьянском управлении и обещал принять меры к укреплению помещичьего землевладения и преодолению «неустройств» в крестьянском хозяйстве. «Что же касается поместного землевладения, которое составляет исконный оплот порядка и нравственной силы России, – закончил свою речь император, – то его укрепление будет моею непрестанною заботой»⁵⁴. В ответ курский губернский предводитель А.Д. Дурново выразил готовность дворянства «служить верным проводником верховной воли в народе» и быть выразителем «местных польз и нужд».

Духовенство православного вероисповедания как особое привилегированное сословие сложилось к концу XVIII в. Оно было осво-

бождено от налогов, воинской повинности, телесных наказаний, подлежало лишь церковному суду. Приходские должности фактически были наследственными, причем духовные учебные заведения, готовившие священнослужителей, были закрыты для лиц других сословий. По своим личным правам духовенство сравнивалось с личным дворянством, а с получением ордена за заслуги на пастырском поприще его представители могли получать и потомственное дворянство. Оно имело специфическое самоуправление и своеобразное представительство при верховной власти – через Синод и духовные консистории на местах⁵⁵.

Церковные реформы 1860–1870-х годов внесли существенные изменения в юридический статус духовенства. Запрещалась наследственная передача церковных должностей. Епископы были обязаны выбирать и назначать духовных лиц, принимая во внимание исключительно профессиональные и моральные качества претендентов, а не их происхождение. Дети духовенства получали светский юридический статус: выходцы из семей священников становились потомственными, а дети причетников – личными почетными гражданами. Духовные учебные заведения становились открытыми для лиц всех сословий. За все преступления, за исключением преступлений по должности и против церковного имущества, которые по-прежнему рассматривались церковным судом, духовенство подлежало светскому суду. Таким образом, церковные реформы предусматривали радикальное изменение социального и правового положения сословия, придав ему прежде всего профессиональный характер.

Однако проведение реформы столкнулось с большими трудностями. Многие архиереи продолжали признавать семейные претензии духовенства на наследование церковных должностей, да и претендентов на них, учитывая в целом невысокие оклады священнослужителей, было не так много. Выходцы из других групп населения довольно охотно шли в духовные школы, но весьма неохотно – на церковную службу, считая ее непрестижной и малопривлекательной. Надежды на качественное улучшение состава духовенства не оправдались. Более того, обнаружился отток семинаристов в университеты и другие светские учебные заведения и на гражданскую службу. В целом Церковь так и не смогла серьезно повлиять на отмечавшееся властями «падение нравов и ослабление религиозных начал среди населения», особенно в деревне. Более того, выходцы из среды духовенства активно пополняли различного рода лево-радикальные группы и направления. Митрополит Евлогий так объяснял это явление: «Забитость, униженное положение отцов сказывалось бунтарским протестом в детях». Известный философ Н.А. Бердяев видел в этом факте двойкий смысл: «Семинаристы через православную школу получали формацию души, в которой

большую роль играет мотив аскетического мироотрицания. Вместе с тем в семинарской молодежи... назревал бурный протест против упадочного Православия XIX века, против безобразия духовного быта, против обскурантской атмосферы духовной школы. Семинаристы начали проникаться освободительными идеями просвещения, но проникаться ими по-русски, т.е. экстремистски, нигилистически»⁵⁶.

В целом к началу XX в. духовенство христианских вероисповеданий (черное – монашествующее и белое – приходское) насчитывало около 240 тыс. человек мужского пола, причем на долю приходского духовенства приходилось до 90%. По своему социальному статусу, специфической субкультуре и экономическому положению оно представляло собой как бы промежуточную группу, сохранившую ряд сословных черт и не пользовавшуюся особым расположением ни со стороны других привилегированных слоев, ни среди массы населения.

Когда-то единое городское сословие в конце XVIII – начале XIX в. было разделено на несколько сословных групп. Причем процесс их сословной организации продолжался фактически вплоть до начала XX в. Купечество на протяжении XVIII и почти всего XIX в. являлось олицетворением предпринимательства, сохраняя в этой сфере фактически монопольные позиции. Правда, реформы 1860-х годов, знаменовавшие собой поворот в правительственной политике и в отношении предпринимательства, устанавливали новые для российской практики принципы сословности в занятиях торговлей и промышленностью (законы 1 января 1863 г. и 9 февраля 1865 г.). Однако если мелочная, разносная торговля, а также мелкие промыслы разрешались лицам всех состояний, то оптовая и розничная торговля и устройство фабрик и заводов оставались преимущественным правом купеческого сословия⁵⁷. С 1863 г. купечество было разделено на две гильдии, различавшиеся по размерам заявленного капитала. Вступление в сословие обуславливалось приобретением гильдейского свидетельства и одновременно покупкой свидетельств промысловых. Таким образом, купечество было единственным сословием, вступление в которое, как и выбывание из него, зависело исключительно от внесения определенного денежного вноса.

На вступивших в состав купечества распространялись сословные льготы, предусматривавшиеся для привилегированных сословий (свобода от рекрутской повинности, от подушной подати т.п.). К концу XIX в. многие из них были утрачены или приобрели декоративный характер (например, право визита ко двору, ношения шпаги и губернского мундира и т.п.). Единственным реальным преимуществом были паспортные льготы, избавлявшие от необходимости приписки к определенному месту жительства, обязательной

для крестьян и мещан. И это было самым главным стимулом для выборки сословных свидетельств, так как освобождало от необходимости получения увольнительных от своих обществ. Евреям же получение купеческих свидетельств давало право жить вне черты оседлости⁵⁸. Купечество имело свою корпоративную организацию на местах в лице собрания выборных и сословных старшин. С самого возникновения купеческие общества являлись своеобразным придатком сначала МВД, а с конца 1905 г. – Министерства торговли и промышленности. В их обязанности входило: ведение гильдейского семейного учета, предоставление государственным учреждениям различного рода сведений о лицах купеческого звания, сбор различных взносов, сословных и промысловых свидетельств. Общества в крупных торгово-промышленных центрах имели значительную недвижимость и капиталы, доходы с которых широко использовались на благотворительные цели.

Положение о государственном промысловом налоге 1898 г., окончательно отменившее сословное начало в занятиях торговлей и промышленностью и сделавшее это право независимым от приобретения гильдейских свидетельств, нанесло ощутимый удар по сословию, которое, по свидетельству П.А. Бурышкина, «было обречено на несомненное умирание»⁵⁹. В 1897 г. в империи насчитывалось 281,2 тыс. лиц купеческого звания, что составляло около 0,2% населения. В последующие годы происходит заметное сокращение численности купечества. Сословие покидают многие крупнейшие предприниматели. В нем остаются те, кто традиционно, на протяжении нескольких поколений носил купеческое звание, или те (в первую очередь выходцы из низших сословий и этнических меньшинств), кто посредством приписки к купеческим обществам получал возможность уменьшить административно-полицейские притеснения.

Определенную роль в падении численности купечества сыграло то обстоятельство, что сохранившиеся за купцами личные преимущества можно было приобрести и получением статуса почетного гражданства. Эта сословная группа была учреждена в 1832 г. и должна была определить положение в обществе ряда промежуточных разрядов населения, в основном городского, оказавшихся вне традиционных сословных градаций. Потомственное почетное гражданство давалось по рождению детям личных дворян и детям православных священников, окончивших духовные учебные заведения; по ходатайству – купцам первой и второй гильдий, состоявшим в своей гильдии соответственно 10 и 20 лет или награжденным орденом, их детям, а также артистам, художникам, ученым и лицам, имевшим классный чин. Личное почетное гражданство присваивалось по рождению детям священников; по ходатайству – лицам, окончившим университет и некоторые высшие учебные заведения,

а также чиновникам, не имевшим по чину права на личное дворянство. Пользуясь теми же личными правами, что и купцы, почетные граждане имели то преимущество, что не обязаны были покупать гильдейские свидетельства, а звание потомственного почетного гражданина было наследственным. В 1897 г. сословие почетных граждан в империи (без Польши и Финляндии) насчитывало 156,6 тыс. лиц мужского пола, причем следует иметь в виду, что многие из них одновременно состояли и в купеческом звании⁶⁰.

И, наконец, низшие городские сословия – мещанство и цеховые насчитывали к концу века соответственно 4625,1 тыс. и 203,3 тыс. лиц мужского пола, составляя около 95% численности всех городских сословий. До сих пор историография по этим вопросам весьма скудна, и мы имеем лишь самое общее представление об этих сословных стратах. Следует отметить, что категория цеховых была введена в 1721 г. Однако ввиду отсутствия традиции корпоративного устройства ремесленников и слабого развития кустарно-ремесленного производства в России цеховое устройство развивалось медленно и охватывало сравнительно небольшое число городов. С развитием промышленности ремесленный труд стал вытесняться, а доля цеховых непрерывно сокращалась. К началу XX в. цехи сохранялись в основном в северо-западных и западных губерниях, и, видимо, именно они дали толчок зарождению и развитию там профессионального движения. Категория мещан, напротив, непрерывно росла за счет разорившихся купцов и цеховых, а также мигрировавших в город крестьян.

В конце 1890-х годов в МВД был составлен проект, предусматривавший ликвидацию купеческих, мещанских и ремесленных обществ в связи с тем, что проведенные обследования показали формальный характер их существования. Предполагалось вновь вернуться к созданию единого городского сословия. Однако вопрос этот так и не был решен – видимо, проблема перестала быть актуальной.

Наиболее многочисленным сословием продолжало оставаться крестьянство. Как уже отмечалось, реформа 1861 г. предоставила крестьянам права «свободных сельских обывателей, как личных, так и по имуществу». Формально они уравнивались по своему положению с остальным населением империи. Фактически же они были уравнены в правах только с податными сословиями. За пореформенное сорокалетие крестьянство, с одной стороны, консолидировалось в единое сословие за счет ликвидации разрядов; с другой – в результате миграций и имущественного расслоения пополняло собой (в разных, естественно, пропорциях) все слои и группы российского общества. По размерам наделов подавляющая часть крестьянских дворов принадлежала к беднейшим и полупролетарским слоям – более 80% домохозяев располагали наделами до 15 дес.

Около 13% составляло среднее крестьянство (15–30 дес. на двор) и лишь около 5% составляли зажиточные и богатые хозяева. Об этом же свидетельствуют и данные военно-конских переписей. Но при этом следует иметь в виду, что широко распространенное в советской историографии представление о превращении всего крестьянства в условиях товарного производства в мелкую буржуазию, о расхождении его на хозяев-буржуа и пролетариев, видимо, нуждается в пересмотре. Современные исследователи склонны рассматривать его как особый элемент социальной структуры, основу которого составляет трудовое семейное хозяйство⁶¹.

К концу XIX в. крестьяне оставались самым многочисленным сословием – 93 млн человек (77,1% населения), составляя вместе с войсковыми казаками (2,3%) и инородцами (6,6%) около 86% всего населения империи. Основная их масса, как уже отмечалось, была занята в сельском хозяйстве, но к 1897 г. выходцы из сословия сельских обывателей составляли уже 43% городского населения⁶².

Вместе с тем в российском обществе шел и процесс формирования классов и групп, свойственных буржуазному обществу, в основе которого лежали социально-профессиональные и экономические характеристики. По профессиональному составу и по главным занятиям население империи подразделялось следующим образом: более трех четвертей его (76,5%) жило за счет сельского хозяйства; доля лиц, получавших источники существования от занятий торговлей, в сфере промышленности и транспорта, равнялась 15,7%; непродуцельной деятельностью (государственная служба, медицина, образование, искусство и т.п.) занято было всего 7,8%. Население же, не имевшее определенных занятий, составляло 2,5%, из них менее половины (46,9%) были обеспечены пенсией или другим каким-либо источником доходов, а остальные жили за счет различного рода вспомоществований, что свидетельствовало о низком уровне благосостояния населения⁶³.

Важным показателем социальной страфикации населения являются данные о размерах дохода, собственности, положении в хозяйстве и на производстве. В распоряжении исследователей есть данные Департамента окладных сборов и кредитной канцелярии Министерства финансов на 1904 и 1909 гг., собиравшиеся в процессе подготовки к введению в России подоходного налога⁶⁴. Налог предполагалось брать с лиц, получавших годовой доход в размере не менее 1000 руб. Считалось, что лица, имевшие доход ниже этого уровня, способны только содержать себя и не могли платить налог. Оказалось, что к ним относилось подавляющее большинство крестьян, большая часть служащих, мелкие торговцы, рабочие. Вообще же число плательщиков налога было определено на 1904 г. в 404,7 тыс. человек, а на 1909 г. (при более «основательном» обследовании) – 696,7 тыс. По самым приблизительным прикидкам, получается, что

удельный вес плательщиков налога должен был составить около 3% самодеятельного населения, что является не только еще одним свидетельством низкого уровня жизни огромной массы населения империи, но и показателем разительной его социальной поляризации.

В числе налогоплательщиков оказались владельцы торгово-промышленных предприятий – 20,7%, землевладельцы – 14,8%, владельцы городского недвижимого имущества – 14,3%, денежных капиталов – 13,6%, а также лица, получавшие доход от личного труда – 36,6% (служащие государственных и общественных учреждений, торгово-промышленных предприятий и лица «свободных профессий»). Но и среди них примерно 80–90% имели годовой доход от 1 до 5 тыс. руб., причем половину из них составляли лица, получавшие доход от личного труда. Таким образом, крупная и средняя буржуазия составляли достаточно тонкий социальный слой с преобладанием в нем владельцев торговых заведений⁶⁵.

Весьма характерен и состав российской буржуазии по источникам ее формирования. Так, по данным промышленной переписи 1900 г., среди единоличных владельцев торгово-промышленных заведений наиболее крупной группой были выходцы из купечества – 26,9%, удельный вес дворян составлял 19,4%, мещан – 12,6%, крестьян – 9%, почетных граждан – 4,5%, иностранных подданных – 3,3%, лиц свободных профессий – 1,9%, чиновников – 1,1%, прочих – 21,3%. При этом в составе предпринимателей Центральной России преобладали выходцы из купечества, среди польской буржуазии – выходцы из мещанства, среди предпринимателей Западного, Юго-Западного и Прибалтийского регионов видную роль играло дворянство⁶⁶.

В процессе своего формирования предпринимательский класс уже в пореформенные годы создал ряд отраслевых и региональных организаций, имел представительство в различных органах городского и отчасти земского самоуправления, его представители приглашались в различного рода совещательные комиссии при ведомствах, в которых они, однако, решающей роли не играли. Но до 1905 г. это положение не вызывало особого недовольства, особенно учитывая зависимость предпринимателей от казенных заказов, кредитов и т.п. Постепенно формируется и специфический менталитет российской буржуазии. Если ранее нередко пределом мечтаний купца было получение дворянского достоинства, что случалось достаточно редко, то к концу XIX в. все более распространенным становится представление не только о самодостаточности купеческого звания, но и о первенствующей роли предпринимательского класса в жизни страны. Как уже отмечалось, дворянские собрания всячески пытались не допускать в свою среду «выскочек» из других сословий. Теперь же все чаще сами новые жалованные дворяне не проявляли заинтересованности в приписке к дворянским обществам,

а то и прямо отказывались от предложенной чести, как это сделал, например, известный московский предприниматель Н.А. Найденов, заявивший, что он купцом родился и купцом умрет⁶⁷.

Следует отметить, что буржуазия в России не пользовалась расположением ни общества, ни народа. Неслучайно на это указывал такой крупный ее идеолог, как П.Б. Струве, призывая общество изменить свое отношение к предпринимателям и предпринимательству. В частности, он писал, что «русская интеллигенция в целом не понимала и не понимает значения и смысла промышленного капитализма», что она видела в нем только «неравное распределение», «хищничество» или «хапание» и не понимала его роли в процессе хозяйственного воспитания и самовоспитания общества⁶⁸. Да и в самой предпринимательской среде на рубеже XIX–XX вв. наблюдался известный духовный кризис. Часть предпринимателей, особенно из старообрядцев, впитавших национально-консервативную доктрину славянофилов, негативно воспринимала западный буржуазный либерализм, западноевропейские принципы предпринимательской деятельности. Как вспоминал впоследствии один из крупнейших московских предпринимателей В.П. Рябушинский, появился феномен «кающегося купца», у которого «душа не примаёт» тип богача неблагочестивого, сухого, жесткого, как учит Запад. Но вместе с тем появился в России и тип чисто «западного» капиталиста, чуждого внутренней рефлексии: «Его не мучает вопрос, почему я богат? Богат – и дело с концом, мое счастье (а для защиты от недовольных есть полиция и войска)»⁶⁹. В целом условия формирования и зависимость от самодержавия негативно сказались на духовном и политическом развитии российской буржуазии.

Высокие темпы экономического развития страны вызвали и быстрый рост в стране различных категорий лиц наемного труда, общая численность которых к 1900 г. составляла 16,8 млн человек. Среди них особое место занимала интеллигенция – социальный слой (или прослойка), заметно выросший за пореформенные десятилетия. Термин этот трактуется исследователями неоднозначно. В социальном плане интеллигенция рассматривается как социальная прослойка, состоящая из представителей разных сословий и общественных групп, профессионально занимающихся нефизическим, преимущественно умственным или интеллектуальным трудом. По данным переписи 1897 г., численность этого слоя в России составляла около 726 тыс. человек⁷⁰. Из них примерно 94 тыс. (около 13%) было занято в сфере материального производства (инженеры, техники, технологи, конторщики, служащие на предприятиях, агрономы и т.п.); около 263 тыс. (36%) работали в области науки, культуры, просвещения, здравоохранения (профессора, учителя, медики, лица «свободных профессий») и около 369 тыс. были заняты на государственной и частной службе, в органах общественного самоуправле-

ния. Численность и соответственно удельный вес лиц умственного труда, особенно учитывая острую потребность страны в специалистах, была крайне невелика: в общей массе самодеятельного населения они составляли около 2,7%. Социальный статус, материальное положение и культурный уровень представителей этой весьма разнородной прослойки были весьма неоднородны, как и их общественное сознание, политическая ориентация и активность. Большая часть их, видимо, была политически пассивна или индифферентна. Но в то же время именно представители интеллигенции играли наиболее активную роль практически во всех формировавшихся политических движениях и организациях. И именно в этом многие исследователи видят ее отличительную, более того – сущностную черту. Интеллигенция в этом случае рассматривается как уникальная российская социально-нравственная категория, изначально отличавшаяся состраданием к униженным и угнетенным, критическим отношением к реальной политической и социальной системе, желанием перестроить мир на новых, справедливых началах, но в то же время остававшаяся «беспочвенной» в своем некритичном стремлении перенести в Россию ценности западного общества или реализовать социалистические утопии⁷¹.

Быстрыми темпами шло в России и формирование рабочего класса. К началу XX в. на крупнокапиталистических предприятиях было занято около 3 млн рабочих, в том числе около 1,5 млн в обрабатывающей промышленности, около 0,5 млн – в горной и горнозаводской и почти 1 млн – на транспорте и связи. Это было индустриальное ядро рабочего класса. Кроме того, в России было около 2 млн рабочих мелкой промышленности, около 1,4 млн строителей, свыше 1,7 млн чернорабочих, более 2 млн прислуги и примерно 674 тыс. торговых рабочих и служащих. Выделялись своей многочисленностью сельскохозяйственные рабочие, насчитывавшие свыше 5,8 млн человек⁷². В социальном отношении эти категории рабочих отличались от фабрично-заводского, индустриального пролетариата условиями труда и особенно тем, что они не всегда – часто в силу специфики производства – являлись постоянными рабочими, а их заработная плата – единственным источником их доходов. За пореформенное сорокалетие численность лиц наемного труда увеличилась в 3 раза. Основными источниками пополнения рабочего класса являлось крестьянство, а также различные городские слои – ремесленники, кустари, мелкие торговцы, мещане. При этом большая часть рабочих, вышедших из крестьян, не порывала связи с деревней, с землей. Крестьяне составляли более половины пополнения, пришедшего на фабрики и заводы до 1905 г. Большая часть их уже имела опыт работы по найму. Бросая хозяйство и уходя на производство, они очень часто вынуждены были оставлять семьи в деревне. Сохранению связи с деревней способствовал ряд об-

стоятельств: искусственные ограничения властями передвижения населения, тесно связанное с этим территориальное размещение предприятий, большая часть которых (57% заведений и 58% рабочих) находились вне городов, особенности организации производства и найма рабочей силы в бывших вотчинных и посессионных предприятиях, образцом которых являлись уральские горные округа, где рабочий вопрос был тесно связан с земельным.

Особенностью индустриального пролетариата России была чрезвычайно высокая концентрация его на крупных и крупнейших предприятиях. Заводы и фабрики с количеством рабочих более 100, составлявшие в 1902 г. всего 9% всех промышленных заведений, сосредоточивали 78,5% всей рабочей силы. Особенно высокой концентрацией рабочих выделялись текстильное и металлическое производства, где в начале 1900-х годов на крупных предприятиях было занято 77,3% текстильщиков и 70,5% металлистов⁷³. В значительной мере это обуславливалось сравнительно низким уровнем организации производства, что требовало привлечения большого числа вспомогательных рабочих. В свою очередь, это обстоятельство, а также недостаточная квалификация работников были причиной высокого уровня травматизма на производстве. По данным фабричной инспекции, за 1904 г. количество только зарегистрированных несчастных случаев составляло около 42 на каждую тысячу рабочих. Причем наиболее высокими показателями в этом плане выделялись предприятия Харьковского (76), Петербургского (65) и Поволжского (48) фабричных округов⁷⁴. Способствовала этому и чрезмерная продолжительность рабочего дня. В обрабатывающей промышленности она составляла в 1900 г. в среднем 11,2 часа, заметно превосходя соответствующий показатель развитых стран Запада, причем в заведениях средней и мелкой промышленности рабочий день достигал 12–14 часов и даже более. Правда, следует иметь в виду, что еще в середине 1890-х годов среднегодовое число рабочих дней даже на крупных предприятиях равнялось 253, а на мелких – 200 и даже менее, так как многие рабочие летом уходили в деревню на сельскохозяйственные работы. Однако это не снимало проблему изнурительного, изматывающего труда, а отсутствие часто элементарных гигиенических условий крайне тяжело сказывалось на здоровье рабочих. В результате трудовых конфликтов продолжительность рабочего дня постепенно сокращалась при одновременном увеличении годового рабочего периода, который в 1904 г. составлял в среднем 287 дней⁷⁵. Росла и заработная плата, но уровень ее в несколько раз уступал соответствующим показателям развитых стран. Средняя месячная зарплата для отраслей фабрично-заводской промышленности на рубеже XIX–XX вв. составляла 17 руб.: наивысший ее уровень был у металлистов и железнодорожников – около 28 руб., ниже среднего – у текстильщиков. В 1900 г.

средний годовой заработок металлистов равнялся 338,23 руб., в хлопчатобумажной отрасли – 164,61 руб. На эти деньги надо было питаться, платить за жилье и содержать семью, а часто и хозяйство в деревне, платить налоги и сборы⁷⁶.

Итак, каким же представляется в самом обобщенном виде состав и облик промышленного рабочего класса на рубеже XIX–XX вв.? Ядро его составляли постоянные рабочие, удельный вес которых в общей массе занятых в промышленности в среднем колебался где-то около 70%, достигая в обрабатывающих отраслях даже 90%. Но при этом кадровые, потомственные рабочие, в значительной мере уже порвавшие связь с землей и собственным хозяйством, составляли около 40%. Удельный вес мужчин достигал почти $\frac{3}{4}$, женщин – 27%. Причем в текстильной промышленности последний показатель равнялся 44,3%, а на предприятиях Петербурга – даже 55,7%. В возрастном отношении основную массу составляли рабочие в возрасте от 15 до 40 лет. Среди мужчин удельный вес этой возрастной группы был 74,7%, среди женщин – 77,5%. Старше 40 лет было соответственно 20,2% и 14,9% рабочих и работниц, что свидетельствовало как о тяжелых условиях на предприятиях, так и об остроте проблемы пенсионного обеспечения. Согласно переписи 1897 г., удельный вес грамотных среди рабочих-мужчин достигал почти 60%, среди женщин – около 35%, составляя в среднем почти 52%, т.е. в 2,5 раза превышал общий средний уровень грамотности населения. Эти показатели достигались в первую очередь за счет молодежи, среди рабочих старше 40 лет доля неграмотных составляла в среднем около 60%, а среди женщин-работниц – даже около 88%. Свидетельством стремления рабочих к образованию были наплыв с конца 1890-х годов молодежи в библиотеки, воскресные школы, на общеобразовательные курсы, тяга к чтению⁷⁷.

Высокие темпы роста экономики требовали привлечения все новых и новых пополнений рабочей силы, контингент которой формировался в значительной мере из традиционалистских социальных структур, еще не ставших органической частью нового, буржуазного общества. Все это имело следствием незавершенность процесса формирования рабочего класса, пополнявшегося выходцами из различных слоев населения, главным образом из деревни с ее патриархально-общинным менталитетом и традициями. В условиях правовой незащищенности перед лицом хозяев-предпринимателей и властей, в отсутствии профессиональных организаций немалую роль играли различные земляческие объединения рабочих, воспроизводившие общинные структуры и нормы жизни. Связь с деревней поддерживалась не только наличием земельных наделов, хозяйств, принадлежностью к крестьянскому сословию, патриархально-общинным установкам, но и обуславливалась условиями производства и жизни, в частности отсутствием пенсионно-

го обеспечения в случае потери трудоспособности или по старости.

Тем не менее появившийся новый класс людей по своим характерным признакам, интересам, поведению уже был замечен современниками. Весьма интересное высказывание о новой социальной общности прозвучало на торгово-промышленном съезде, состоявшемся в Нижнем Новгороде в 1896 г. В докладе инженера-технолога А. Голгофского, специально посвященном характеристике русского рабочего, отмечалось: «Проезжая по любой нашей железной дороге и окидывая взором публику на станциях, на многих из них невольно обращает на себя ваше внимание группа людей, выделяющихся из обычной станционной публики и носящей на себе какой-то особый отпечаток. Это, во-первых, люди, одетые на особый лад: брюки по-европейски, рубашка цветная навывпуск, поверх рубашки – жилетка и неизменный пиджак; на голове суконная фуражка; затем это люди большей частью тощие со слабо развитой грудью, с бескровным цветом лица, с нервно бегающими глазами, с беспечно-ироническим на все взглядом и манерами людей, которым море по колено и нраву которых не препятствуй... Везде, где только существует фабрика, вы встретите один и тот же тип людей... Он, этот фабричный рабочий, так сформировался и обособился в среде других классов населения России, что вы сразу узнаете его между сотнями и тысячами других людей...»⁷⁸

Таким образом, сословная и социальная структура русского общества отличалась крайней поляризацией, внутренней противоречивостью, нарастанием напряженности и конфликтности. Новые, буржуазные страты не просто накладывались на старые традиционалистские сословные градации, но входили с ними во взаимодействие, оказывая влияние на формирование новой ментальности общества, придавая особый характер поведению классов и групп населения. «Россия совмещает в себе несколько исторических и культурных возрастов, от раннего средневековья до XX века, от самых первоначальных стадий, предшествующих культурному состоянию, до самых вершин мировой культуры, – писал о контрастности и противоречивости страны Н.А. Бердяев. – Вот почему так трудно организовать Россию, упорядочить в ней хаотические стихии. Все страны совмещают много возрастов. Но необъятная величина России и особенности ее истории породили невиданные контрасты и противоположности. У нас почти нет того среднего и крепкого слоя, который повсюду организует народную жизнь»⁷⁹.

Таким образом, Россия к началу XX в. в результате высоких темпов модернизационных процессов в одних сферах экономики и их незавершенности в других находилась в переходном состоянии от традиционного к современному обществу, что обуславливало крайнюю противоречивость ее развития. Современные структуры

складывались в значительной мере не только в результате естественного саморазвития российского общества, но и под воздействием как опыта и расширявшихся связей с более развитыми странами Запада, так и сохранявшихся в России традиционалистских структур и институтов. Новые формы отношений не «состыковывались» с укладом жизни подавляющего большинства населения империи, его традициями и привычками, а главное – не обеспечивали сколько-нибудь приемлемого уровня и качества жизни. Господствовавший на Западе капиталистический способ производства диктовал российскому обществу свои законы и тем самым существенно модифицировал его социальную эволюцию, но на российской почве эти закономерности в значительной мере проявлялись в самых темных и уродливых формах эпохи первоначального накопления, раннекапиталистических приемов и методов эксплуатации. Если на Западе капитализм, укореняясь, глубоко вспахивал социальную почву и в конечном счете нес экономическое, политическое и духовное обновление, то в России его роль проявлялась прежде всего в том, что он обрушил прежний уклад жизни широчайших народных масс, втянул их в товарно-денежные отношения, не создав серьезных социальных предпосылок для нового способа хозяйствования и не открыв осязаемых перспектив для развития общества.

Абсолютистское государство в силу отсталости страны и неразвитости общественных сил, взявшее на себя инициативу преобразований, проводило их прежде всего с целью укрепления существовавшего режима. Приоткрыв двери для капиталистического развития страны, самодержавие не решило главные проблемы, стоявшие перед страной, особенно в аграрной и политической сферах. С усложнением экономической, социальной и политической жизни общества становилось все более очевидным, что абсолютистский режим уже исчерпал свои потенции, что он все более входил в противоречие с потребностями жизни, с интересами новых общественных сил и не мог уже в должной мере отстаивать интересы и сохранять старые сословные структуры. И хотя это, видимо, все же еще не означало исчерпания ресурсов капиталистического развития России, но для оживления этого процесса и придания ему органического характера требовались более серьезные, системные преобразования. Все это обусловило неуклонно нарастающую конфликтность между властью и обществом, между различными социальными стратами. Таким образом, перед страной стояли главные задачи – продолжение экономических и политических преобразований, причем последние теперь явно выходили на первый план. Ситуация складывалась так, что в решении их оказались вовлечены широчайшие народные массы, пытавшиеся решать их, исходя из своего понимания и своими методами.

Примечания

- ¹ *Ключевский В.О.* Литературные портреты. М., 1991. С. 442.
- ² *Gregory P.* Russian National Income. 1885–1913. Cambridge, 1982. P. 192–194.
- ³ *Gerschenkron A.* The Rate of Growth of Industrial Production in Russia since 1885 // *Journal of Economic History*. 1947. Supplement. P. 149.
- ⁴ Россия. 1913 год. СПб., 1995. С. 51.
- ⁵ *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 297.
- ⁶ Материалы по истории СССР. М., 1959. Т. 6. С. 204, 207.
- ⁷ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 32. Оп. 1. Д. 146. Л. 2.
- ⁸ Там же. Ф. 150. Оп. 1. Д. 397. Л. 35–37.
- ⁹ *Шенелев Л.Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Л., 1987. С. 15, 18.
- ¹⁰ Валовые сборы зерна и картофеля, занимавших более 90% всех посевных площадей в губерниях Европейской России, составляли в 1861–1870 гг. соответственно 28,3 и 3,3 млн т, в 1871–1880 гг. – 31,8 и 5,3 млн т, в 1881–1890 гг. – 37,2 и 6,5 млн т, а в 1891–1900 гг. – 43,9 т зерна и 12,6 млн т картофеля (См: *Нифонтов А.С.* Зерновое производство в России во второй половине XIX в. М., 1974. С. 183, 266).
- ¹¹ Средняя урожайность зерна на крестьянских землях составляла в 1860-х годах 29 пуд. с десятины (4,6 ц), в 70-х – 31 пуд (около 5 ц), в 80-х – 34 пуд. (5,4 ц), в 1890-х годах – 39 пуд. (6,2 ц) и в начале 1900-х годов – 43 пуд. (6,9 ц), т.е. возросла примерно в 1,5 раза. Несколько выше она была в помещичьих экономиках: в 1900 г. примерно 63 пуд. пшеницы и 51 пуд. ржи с десятины (Сельскохозяйственный промысел в России. Пг., 1914; *Кауфман А.А.* Аграрный вопрос в России. 2-е изд. М., 1918. С. 48; *Яцунский В.К.* Основные моменты истории сельскохозяйственного производства в России с XVI века до 1917 г. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 1966. С. 55).
- ¹² Россия. 1913 год. СПб., 1995. С. 91–92; *Яцунский В.К.* Указ. соч. С. 56–57.
- ¹³ Производство, перевозки и потребление хлебов в России. Вып. 11. Пг., 1917. С. 206 и след.; *Лященко П.И.* Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. М. 1927. С. 311.
- ¹⁴ *Лященко П.И.* Указ. Соч. С. 282.
- ¹⁵ *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980. С. 77–78.
- ¹⁶ *Анфимов А.М.* К вопросу о характере аграрного строя России // Исторические записки. М., 1959. Т. 65. С. 124–125.
- ¹⁷ *Святловский В.В.* Мобилизация земельной собственности в России. 1861–1910. СПб., 1911.
- ¹⁸ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб., 1907. С. 14, 15, 136.
- ¹⁹ *Ковальченко И.Д.* Соотношение крестьянского и помещичьего хозяйств в земледельческом производстве капиталистической России // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1971. С. 174, 187, 190, 191; *Нифонтов А.С.* Указ. Соч. С. 238, 239, 306.
- ²⁰ Материалы Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 г. Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния среднземледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 1. С. 16; *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России. 1907–1914. М, 1992. С. 49; *Анфимов А.М., Зырянов П.Н.* Некоторые черты эволюции русской крестьянской общины в пореформенный период (1861–1914) // История СССР. 1980. № 4. С. 26–41.

- ²¹ *Кофод К.А.* 50 лет в России. М., 1997.
- ²² *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980. С. 65, 75, 88.
- ²³ *Корелин А.П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988. С. 134–135, 160–161.
- ²⁴ Производство, перевозка и потребление хлебов в России. 1909–1913 гг. Пг., 1917. Вып. 1. С. VII; *Нифонтов А.С.* Зерновое производство России во второй половине XIX в. М., 1974. С. 310; *Попов П.* Хлебофуражный баланс. 1840–1924 // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 37.
- ²⁵ *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. С. 19.
- ²⁶ *Дякин В.С.* Деньги для сельского хозяйства. СПб., 1997. С. 154–156.
- ²⁷ *Дякин В.С.* Указ. соч. С. 80; *Анфимов А.М.* Крестьянское хозяйство Европейской России. С. 56–57. Причем $\frac{3}{4}$ проданной банком земли было куплено товариществами, около $\frac{1}{4}$ – сельскими обществами и только 2,2% – отдельными домохозяевами.
- ²⁸ *Лященко П.И.* Русское зерновое хозяйство в системе мирового хозяйства. С. 311–312.
- ²⁹ Цит. по: *Вронский О.Г.* Государственная власть Российской империи и проблемы формирования перспективного аграрного курса на рубеже XIX–XX вв. М., 1999. С. 35.
- ³⁰ *Гурко В.И.* Устой народного хозяйства России. СПб., 1902. С. 2.
- ³¹ *Победоносцев К.П.* Сочинения. СПб., 1996. С. 143.
- ³² *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 35–36.
- ³³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 854. Оп. 1. Д. 35. Л. 2–3.
- ³⁴ См: *Симонова М.С.* Проблема «оскудения» Центра и ее роль в формировании аграрной политики самодержавия в 90-х годах XIX – начале XX в. // Проблемы социально-экономической истории России. М., 1975. С. 252, 254.
- ³⁵ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 165.
- ³⁶ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 3. Т. 23. № 22581.
- ³⁷ Протоколы по крестьянскому делу. СПб., 1905. Протокол № 23. С. 4, 8.
- ³⁸ *Водарский Я.Н.* Население России за 400 лет (XVI – начало XX вв.). М., 1973. С. 132–149; *Яцунский В.К.* Изменения в размещении населения России в 1724–1916 гг. // История СССР. 1957. № 1. С. 217.
- ³⁹ Россия. 1913 год. СПб., 1995. С. 327.
- ⁴⁰ *Огановский Н.П.* Обновление земледельческой России и аграрная политика. М., 1914. С. 62.
- ⁴¹ Россия в начале XX в. Исследования. М., 2002. С. 85–86.
- ⁴² *Оболенский В.В. (Осинский).* Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР. М., 1928; *Кабузан В.М.* Эмиграция и реэмиграция в России в XVIII – начале XX в. М., 1998.
- ⁴³ Россия в начале XX в. С. 88–90.
- ⁴⁴ *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–142; 1995. № 11–12. С. 39–54; Национальная политика России: история и современность. 1997; Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.). Сб. док. / Сост. В.С. Дякин. СПб., 1998.
- ⁴⁵ Россия в начале XX в. С. 93.

- ⁴⁶ *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979. С. 28.
- ⁴⁷ Свод законов Российской империи. Т. 2. Ч. 1. Ст. 416 (изд. 1898 г.).
- ⁴⁸ *Корелин А.П.* Указ. соч. С. 85, 94.
- ⁴⁹ Там же. С. 62.
- ⁵⁰ *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX в. Л., 1973. С. 65.
- ⁵¹ *Корелин А.П.* Сельскохозяйственный кредит в России в конце XIX – начале XX в. М., 1988. С. 20–22.
- ⁵² *Корелин А.П.* Дворянство в пореформенной России. С. 148–149.
- ⁵³ Там же. С. 151–152; *Соловьев Ю.Б.* Указ. соч. С. 306–314.
- ⁵⁴ *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 53–54.
- ⁵⁵ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. СПб., 1999. Т. 1. С. 98–103.
- ⁵⁶ Там же. С. 107.
- ⁵⁷ История предпринимательства в России. Кн. 2: Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. С. 20–21.
- ⁵⁸ *Боханов А.Н.* Крупная буржуазия в России (конец XIX в. – 1914 г.). М., 1992. С. 32–33.
- ⁵⁹ Там же. С. 30.
- ⁶⁰ *Миронов Б.Н.* Указ. соч. С. 115.
- ⁶¹ Россия в начале XX в. Исследования. М., 2002. С. 104–105; *Шанин Т.* Перспективы исследования крестьянства и проблема восприятия параллельности общественных форм // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. Ежегодник. 1996. М., 1996.
- ⁶² *Водарский Я.Е.* Указ. соч. С. 114.
- ⁶³ Россия в начале XX в. С. 100.
- ⁶⁴ Там же. С. 101.
- ⁶⁵ По расчетам А.Н. Боханова, крупная буржуазия (с годовым доходом свыше 10 тыс. руб.) насчитывала примерно 25 тыс. человек, с членами семей – около 150 тыс. (см.: *Боханов А.Н.* Крупная буржуазия России. С. 255).
- ⁶⁶ *Шацлло М.К.* К вопросу о социальной структуре российской буржуазии конца XIX в. // Экономическая и общественная жизнь России нового времени. М., 1992. Ч. 1. С. 144–156.
- ⁶⁷ *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002. С. 225.
- ⁶⁸ *Струве П.Б.* Интеллигенция и народное хозяйство // Избранные сочинения. М., 1999. С. 82.
- ⁶⁹ *Петров Ю.А.* Указ. соч. С. 251.
- ⁷⁰ *Ерман Л.К.* Интеллигенция в Первой русской революции. М., 1966. С. 14.
- ⁷¹ История человечества. Т. VIII: Россия. М., 2003.
- ⁷² Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 39–40.
- ⁷³ Рабочий класс в России от зарождения до начала XX в. М., 1983. С. 215.
- ⁷⁴ Там же. С. 237.
- ⁷⁵ Там же. С. 210, 229.
- ⁷⁶ Там же. С. 240–241.
- ⁷⁷ Там же. С. 204, 208.
- ⁷⁸ Цит. по: *Кирьянов Ю.И.* Рабочие в России на рубеже XIX – XX веков // Отечественная история. 1997. № 4. С. 40.
- ⁷⁹ *Бердяев Н.А.* Русская идея. Судьба России. М., 1997. С. 286–287.

НАРАСТАНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВЗРЫВА

Пробуждение российской деревни: крестьянское движение кануна революции

После мощного взрыва пугачевского бунта, воспоминания о котором надолго остались в памяти народа, вплоть до начала XX в. крестьянские выступления не представляли особой опасности для режима. Тем не менее охранительное ведомство и сами монархи постоянно ощущали напряжение, исходящее из деревни, что в немалой степени определяло жесткость курса на подавление любых крестьянских протестов. С недавним выходом последнего тома документальной серии «Крестьянское движение в России», посвященного периоду 1901–1904 гг., появилась возможность, используя хронику зафиксированных в сборниках выступлений, проследить динамику развития движения за весь XIX в. и начало XX столетия¹. Если за тридцатилетие 1796–1826 гг. произошло 990 волнений, то за следующие 30 лет зарегистрированы были уже 1799, т.е. почти вдвое больше. Причинами и поводами их служили, как правило, тяжесть крестьянских повинностей и жестокое обращение владельцев с крепостными. Накануне отмены крепостного права, в 1857–1860 гг., было отмечено 1512 выступлений, правда, с некоторым спадом в 1860 г. Подъемом массовых волнений было отмечено обнародование манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. об отмене крепостной зависимости, условия которых разительно расходились с чаяниями деревни. В марте–апреле зарегистрированы 1370 выступлений, среди которых были и хрестоматийно известные Черногай-Кандеевское (Пензенская губерния) и Бездненское (Казанская губерния) восстания, подавленные с чрезвычайной жестокостью, а также массовое волнение 80 тыс. крестьян в Подольской губ. Чрезвычайными мерами волнения были прекращены, и за вторую половину года имели место уже только 519 эксцессов. Всего же за этот год из 1889 выступлений 937, т.е. почти половина, были прекращены воинской силой. Тем не менее в следующем году отмечены были 844 выступления, более половины которых (450) вновь были подавлены силой оружия.

С 1863 г. наблюдается спад крестьянского движения – с 509 выступлений до 65 в 1869 г. Этот спад продолжался и далее: за 1870-е годы произошли всего 399 волнений. Главную массу их участников составляли бывшие помещичьи крестьяне, протестовавшие против условий выкупа, повинностей, высоких налогов и т.п. Характерной чертой движения этих лет была его крайняя раздробленность: конфликты сельских обществ с помещиками возникали, как правило, при составлении уставных грамот, владенных записей и выкупных сделок. В 1880-х годах деревня вновь несколько активизировалась: имели место 659 выступлений, что обуславливалось, видимо, обострившимся малоземельем, падением хлебных цен и распространением слухов о предстоящем якобы дополнительном наделении земель. Исследователи отмечают, что свыше 70% всех выступлений происходило на почве земельных отношений. Поводами были высокие арендные цены, чересполосица и неотграниченность крестьянских и помещичьих земель, а основными формами выступлений – потравы, порубки, требования возврата «отрезков». Случаи разгромов усадеб, поджогов и покушений на жизнь помещиков, управляющих и представителей власти были крайне редки и не превышали 2% от общего числа выступлений. Правительство неоднократно публиковало от имени царя объявления о беспочвенности слухов о возможном переделе земли. Сам Александр III в ходе коронационных торжеств в мае 1883 г., выступая перед волостными старшинами, заявил: «Следуйте советам и руководству ваших предводителей дворянства и не верьте вздорным слухам и толкам о переделах земли, даровых прирезках и тому подобному». Эти слова были подтверждены действиями: если в 1870-х годах силой были подавлены 88 выступлений, то в 1880-х – 115. Но широкие массы крестьянства еще сохраняли веру и надежду на «милости» верховной власти и без особых раздумий сдавали властям революционных пропагандистов-народников.

Начало 1890-х годов явилось как бы продолжением общего цикла спада движения: по данным хроники, за первое пятилетие было отмечено всего 209 выступлений. Но уже со второй половины десятилетия налицо было нарастание социальной напряженности в деревне: абсолютное число выступлений удвоилось, причем заметно вырос удельный вес конфликтов на почве земельных отношений (их доля выросла с 51,2% до 72,4%). Особенно заметно увеличилось количество потрав помещичьих посевов, лесных порубок, столкновений со стражниками, полицией и местной администрацией. Движение ширилось за счет вовлечения в него всех разрядов крестьян – государственных, удельных, а также приписанных ранее к горным заводам. Реакция властей была традиционной: частичные послабления налогового пресса, отдельные меры по оказанию помощи местностям, пострадавшим от неурожаев, разрозненные поправки к

крестьянскому законодательству – при твердой приверженности к старому традиционалистскому, патриархально-попечительному курсу аграрной политики и жесткому подавлению любых проявлений крестьянского недовольства.

Первые годы XX столетия еще более накалили ситуацию. Помимо общих аграрных и социальных проблем, сказались и последствия экономического кризиса 1900–1903 гг., в результате которого заметно сократился рынок труда и многие из 200 тыс. безработных пополнили излишки рабочих рук в деревне. Участились неурожаи (1899 г. и особенно 1901 г., охватившего 147 уездов Европейской России с населением 27,6 млн человек). Начавшаяся русско-японская война и ширившаяся пропагандистская и деструктивная деятельность разного рода оппозиционных и революционных партий и организаций дополняли картину социально-политической напряженности в стране, сопровождавшуюся ослаблением власти. Всего в предреволюционные 1901–1904 гг. хроника зарегистрировала 577 открытых выступлений, не считая поджогов, т.е. в 2,5 раза больше, чем за предыдущее четырехлетие. В той или иной мере крестьянские выступления происходили во всех губерниях Европейской России. Традиционно преобладали выступления на аграрной почве, но теперь движение все более отчетливо стало приобретать качественно новое направление. Наряду с конфликтами по поводу спорных земель, обострившимися по мере размежевания крестьянских наделов и частновладельческих имений, и продолжавшейся борьбы за возвращение «отрезков» в деревне началась борьба за захват помещичьей земли, за выживание владельцев из их усадеб. Это было началом принципиально нового этапа крестьянского движения. Причем борьба крестьян была направлена как против помещичьих хозяйств, использовавших пережиточные формы эксплуатации (отработки, испольщину, кабальную аренду и т.п.), так и против помещиков и новых владельцев, пытавшихся хозяйствовать по-капиталистически².

Весьма интересен в этом плане доклад Николаю II министра юстиции Н.В. Муравьева (март 1903 г.), пытавшегося проанализировать причины аграрных выступлений. Отметив обострявшееся по мере прироста населения крестьянское малоземелье и ухудшение экономического положения деревни, он обратил внимание императора и на новые явления: «Потребность в земле среди сельских обывателей, естественно, увеличилась, а в то же время землевладельцы вынуждены были принимать меры к поднятию доходности имения путем перехода к более интенсивному хозяйству, заведению машин, расширению экономической запашки, увеличению количества скота и т.д., последствием чего должно было явиться уменьшение крестьянских заработков, повышение арендных на землю цен и, что важнее всего, значительное сокращение площади сдаваемой

крестьянам в аренду земли под посев и пастбище, что, в свою очередь, повело и к еще большему истощению собственной крестьянской земли, лишившейся удобрения». В качестве особо неблагоприятного обстоятельства министр отметил «переход многих дворянских имений в целом или по частям в руки купцов или зажиточных казаков и крестьян»³.

В полной мере становилась очевидной непоследовательность и незавершенность крестьянской реформы. Нелепость порядков, определенных уставными грамотами, бросалась в глаза, противореча принципам неприкосновенности частной собственности, не раз провозглашавшимся с высоты престола. Дела по поводу размежевания земель, предоставления владельческих угодий и пашни в аренду сельским обществам, по поводу совместного использования лесов и лугов и т.п., даже попадая в суды, нередко не получали решения или за отсутствием необходимых документов, или за крайней запутанностью отношений собственности. Так, острый конфликт произошел в имении наследников Ф. Терещенко в местечке Червоное Житомирского уезда Волынской губернии. Поводом послужило то обстоятельство, что по уставной грамоте сенокосы, отведенные сельскому обществу, считались крестьянскими, но произраставший на них лес числился владельческим. Попытки помещика начать рубку леса привели к столкновению с крестьянами, потребовавшему вмешательства полиции⁴. Подольский губернатор А.А. Эйmlер в своем отчете за 1901 г. сообщал, что в губернии «при отсутствии точных границ... крестьяне часто захватывают не принадлежащую им землю, причем суд в большинстве случаев бывает лишен возможности налагать взыскания за самоуправство, ввиду неопределенности доказательств принадлежности владений»⁵. Чаше же судьи не были столь щепетильны, и владельческие иски удовлетворялись, что вызывало возмущение крестьян. Последние наивно верили в справедливость своих претензий или сознательно отрицали достоверность документов об отводе земли, считая землю, которой они пользовались, своею – по крайней мере за давностью пользования. В донесениях с мест отмечалось, что крестьяне ставят под сомнение право собственности помещиков на землю за истечением срока пожалования ее за службу. Нередко причиной волнений была и непоследовательность самих властей. Так, в отношении старозаимочных земель (так назывались земли в Харьковской, части уездов Курской и Воронежской губерний, заселенные потомками бывших войсковых людей, защищавших Русь от татарских набегов) высочайшим повелением от 25 сентября 1883 г. все иски бывших государственных крестьян были приостановлены, затем законом от 17 мая 1899 г. было разрешено такие иски возобновлять в течение 3 лет после опубликования закона, который был распубликован 17 мая 1900 г.⁶. Но, как правило, крестьяне, страдавшие от нехватки земли и уго-

дий, не задумывались о правовом обосновании своих претензий и в лучшем случае действовали под влиянием ими же распускавшихся слухов или под влиянием леворадикальной пропаганды.

Уже в 1901 г. число крестьянских выступлений увеличилось более чем втрое (с 33 в 1900 г. до 113 в 35 губерниях), причем в 20 случаях вызывались войска. Участились случаи вооруженного сопротивления крестьян. Весьма показательно в этом плане волнение в августе 1901 г. крестьян Пермской губернии, не согласившихся с размерами отведенных им наделов и продолжавших пользоваться землями горных заводов, к которым они были ранее приписаны. Крестьяне д. Бучино Верхотурского уезда (собралось до 500 человек, представлявших 6 сельских обществ, претендовавших на земли Алапаевского завода) встретили посланную для их усмирения полицию, вооружившись ружьями, косами, вилами, топорами, и лишь прибытие двух рот солдат сломило их сопротивление⁷. Наибольшим размахом и упорством крестьянских выступлений в этом году отличались Подольская (21), Волынская (11) и Киевская (8) губернии.

Но самым масштабным по размаху и разнообразию форм крестьянского движения стал 1902 г. (217 выступлений), апогеем которого явилось массовое выступление крестьян Константиноградского и Полтавского уездов Полтавской и Валковского и Богодуховского уездов Харьковской губерний, охватившее 19 волостей с 337 селениями и населением в 150 тыс. человек. Начавшись 12 марта с нападений на Карловское имение Мекленбург-Стрелицких, движение быстро разрасталось и было подавлено только 5 апреля после расстрелов и массовых экзекуций⁸. Поводом к волнениям стал жестокий недород 1901 г. Начавшись с требований о выдаче продовольствия, семян для посева и корма для скота, движение вскоре переросло в разграбление и поджоги усадеб и хозяйственных построек. Всего нападениям подверглись 105 имений – как дворянских, так и купеческих, зажиточных казаков, мещан и крестьян. Причем именно последние подверглись наиболее жестоким действиям со стороны нападавших. Но жертв среди владельцев не было. Целью уничтожения усадеб было «выживание» их владельцев и недопущение их возвращения, чтобы затем так или иначе получить их земли.

В ходе выступления крестьяне продемонстрировали небывалый ранее уровень организованности и единодушия, на что власти первоначально не обратили особого внимания.

О причинах, ходе и характере событий в этом регионе мы располагаем интереснейшими свидетельствами директора Департамента полиции А.А. Лопухина, изложенными им в докладной записке от 8 декабря 1904 г. императору Николаю II⁹. Будучи в момент восстания прокурором Харьковской судебной палаты, он имел возможность близко наблюдать за происходившими событиями, а затем, уже получив назначение в департамент, проанализировал их и из-

ложил свое понимание проблем аграрного движения. В записке отмечалось, что крестьянскому бунту предшествовали пять неурожайных лет и голодовок и 1901 г. положил предел их терпению. «Сначала крестьяне, – красочно описывает автор ход событий, – являлись в экономии и требовали хлеба, картофеля и скота, говоря: «Не дадите – все равно возьмем», затем стали брать все, что хотели, молча, без предварительных требований, затем кое-где начали бить служащих в экономиях и, наконец, стали жечь усадьбы». Такому развитию событий, по его мнению, способствовали не только тяжелое экономическое положение крестьян, но и целый ряд обстоятельств – низкий уровень крестьянского правосознания, бездействие местных властей и слабая информированность МВД, а также революционная пропаганда, особенно распространившаяся с конца 1901 г. В беспорядках, докладывал автор записки, «сказались: обнищание крестьянства, сословная его приниженность, созданное долгими годами бесправия отсутствие сознания о законе и праве и тупая жестокость нравов. Голодные, не евшие в течение нескольких лет хлеба без примеси соломы или древесной коры и давно не знавшие мясной пищи, мужики шли грабить чужое добро с сознанием своей правоты, основанном на безвыходности положения и на том, что им помощи ждать не от кого».

Благодаря «решительным» действиям властей порядок был восстановлен. В Харьков прибыл сам министр внутренних дел В.К. Плеве. К предварительному следствию было привлечено 960 человек, из которых к различным срокам заключения были приговорены 836. На крестьян была наложена контрибуция за причиненный владельцам ущерб, составлявшая огромную сумму, которая, однако, за отсутствием у них средств так и не была собрана. Обращаясь к событиям трехлетней давности, Лопухин в той же записке писал: «Беспорядки эти, поистине достойные названия бунта, были до того ужасны, что, оценивая их теперь, почти через три года, нельзя не содрогнуться от основанного на наблюдении над ними сознания той неожиданной простоты, с которой может вспыхнуть в России и разрастись народный мятеж. Если наступит минута, когда в значительном количестве губерний империи крестьянам станет жить невозможно, и если в одной из губерний появится какой-либо внешний толчок для беспорядков, они могут разрастись в такое разнузданное движение, волны которого охватят территорию столь обширную, что с ним нельзя будет справиться без кровавой расправы»¹⁰.

Другим очагом крестьянских выступлений стали Озургетский и Зугдидский уезды Кутаисской губернии, где крестьяне захватывали помещичьи земли, отказывались отдавать владельцам имений долю урожая в качестве арендной платы и нести денежные повинности в пользу духовенства. Волнения начались в апреле 1902 г. со сходов, приобретавших политический оттенок, который им придавало уча-

стие в них социал-демократов, высланных после батумской демонстрации. Вызванные войска подавили беспорядки. На крестьян в качестве круговой поруки было возложено возмещение владельческого ущерба, были закрыты все имеющиеся в уездах библиотеки и читальни, арестованы 157 наиболее активных участников волнений, из которых 25 были осуждены, а остальные высланы из края в административном порядке. Но уже весной следующего года выступления крестьян с началом полевых работ возобновились, приняв форму отказа от аренды помещичьих земель и найма для их обработки. При этом руководители-агитаторы, по сообщениям полиции, применяли по отношению к крестьянам, не соглашавшимся примкнуть к движению, «меры устрашения» вплоть до порчи посевов и поджогов строений. Однако в ходе полицейского розыска руководителей те же крестьяне «тщательно скрывали» их имена¹¹. Волнения в этих уездах то затихали, то вновь разгорались под влиянием социал-демократической агитации. Весной же 1903 г. движение перекинулось в Горийский уезд Тифлисской губернии, где крестьяне под влиянием слухов о том, что в Кутаисской губернии все помещичьи земли отобраны и переданы крестьянам, собирались на сходки и обсуждали свои нужды. В конце концов дело закончилось разгромом имения крупного помещика кн. Р.Л. Эривова. Под влиянием этих же слухов, а также в связи с забастовками рабочих в Тифлисском уезде обнаружилось «брожение» крестьян, вылившееся в форму потрав владельческих посевов, порубок леса и садов, угроз поджогами. Крестьяне требовали от старшин составления подписки о круговой поруке – личной и имущественной – на случай ответственности за содеянное. В рапорте прокурора министру юстиции отмечалось, что в этих событиях сказывалось влияние пропаганды из Тифлиса, но «несомненно и то, что взаимные земельные отношения крестьян и помещиков на Кавказе настолько запутаны, сложны и малоупорядочены, что на этой почве легко возможны в будущем беспорядки более серьезные...»¹² К осени 1903 г. ситуация настолько обострилась, что в Борчалинском уезде в ходе земельного конфликта крестьян с. Ахпат и местного помещика кн. Д.З. Баратова, владевшего 15 тыс. дес., стражники убили и ранили 8 человек¹³.

Данные хроники свидетельствуют, что наибольший размах крестьянские выступления приобретали в тех регионах, где наряду с крестьянским малоземельем были очень запутанны земельные отношения. Неслучайно по числу крестьянских волнений лидерами были Волынская, Киевская, Кутаисская, Пермская, Подольская губернии. К ним примыкали Воронежская и Саратовская губернии, в которых было много малоземельных крестьян из числа дарственников. В результате жестких действий властей число открытых выступлений крестьян в 1903 г. заметно снизилось (с 217 до 142), сократилось число вызовов войск (с 43 до 26). Но зато резко воз-

росло количество поджогов (с 7 в 1901 г. до 69 в 1902 г. и до 389 в 1903 г.), основная масса которых пришлась на Пензенскую (238) и Саратовскую (119) губернии.

В Саратовской губернии, ставшей вскоре одним из самых «беспокойных» регионов империи, значительную долю населения составляли крестьяне-дарственники, получившие мизерные наделы. Так, в с. Жирное Камышинского уезда в результате соглашения сельского общества и кн. А.Н. Гагариной крестьяне получили в дар 1014 дес. земли на 676 душ, т.е. по 1,5 дес. на человека. К началу XX в. ситуация с земельным обеспечением крестьян стала критической. Владелица, используя нужду селян, взвинтила арендные цены. Осенью 1901 г. крестьяне, собрав сход, составили приговор о разделе части помещичьей земли и запахали участок в 429 дес. Выхавший для выяснения дела вице-губернатор Высоцкий обвинил крестьян в самоуправстве, но вынужден был признать, что «землевладелица ставит крестьянам при сдаче земли и пастбищ настолько тяжелые условия, что лишь безвыходное положение заставляет крестьян принимать их»¹⁴. Весной 1902 г. крестьяне захватили уже 450 дес. лугов, прогнали объездчиков и наряд полиции, и лишь присылка двух рот солдат прекратила крестьянское «самоуправство».

Вскоре движение захватило Балашовский, Аткарский и Сердобский уезды, где дополнительным возбуждающим фактором стала революционная пропаганда, что крайне обеспокоило власти. Действительно, как показали исследования историков, здесь начали активно действовать эсеровские организации. Министр юстиции докладывал императору, что в Балашовском уезде появились тайные кружки, члены которых, «стремясь к ниспровержению существующего в империи государственного и экономического строя, ставили своей задачей распространение революционных идей среди сельского населения». Агитаторы, отмечалось в докладе, устраивали крестьянские сходки, на которых в ходе бесед, чтений и раздачи подпольной литературы убеждали слушателей, что владение землей должно быть настолько же общедоступно, как «пользование воздухом, водою и солнечным светом», что каждый может обладать только тем количеством земли, которое он может обработать силами своей семьи, и что поэтому необходимо отнимать у многоземельных владельцев их имения, самовольно запахивать их поля, поджигать помещичьи дома и постройки и оказывать сопротивление властям в случаях принятия правительством мер к восстановлению нарушенного владения¹⁵. Эти же положения в сходных формулировках можно обнаружить в ряде случаев, когда власти проводили расследования причин беспорядков. П.А. Столыпину, назначенному в 1903 г. саратовским губернатором и показавшему себя решительным и жестким администратором, удалось подавить открытые выступления, но крестьянское недовольство не могло быть ис-

коренено такими мерами – движение ушло «вглубь». После подавления крестьянских волнений вызванными солдатскими командами и демонстративных порок «зачинщиков» крестьянское сопротивление приняло в основном форму поджогов владельческих усадеб.

Но ситуация оставалась напряженной. Сам Столыпин во всеподданнейшем отчете за 1904 г. вынужден был отметить, несмотря на вполне благоприятный по урожайности год, крайне тяжелое положение деревни. Вырученные от продажи хлеба деньги ушли как в песок. Зимой крестьяне целых деревень занимались нищенством как промыслом. Продолжались, хотя и в меньшем количестве, крестьянские волнения. Случаи поджогов сократились до 50, но и эта цифра сама по себе оставалась высокой и вызывала тревогу. Все это дало повод губернатору сделать вывод, что «год дал печальное доказательство какого-то коренного неустройства в крестьянской жизни». И главной причиной этого «неустройства» он считал засилье в деревне общины. Отсюда господство среди крестьян уравнительных настроений, трудности с внедрением в сельское хозяйство каких-либо агрикультурных и агротехнических улучшений, сложности с приобретением через Крестьянский банк земель в личную собственность. Все это крайне озлобляло крестьян и создавало условия для революционной пропаганды. Выход Столыпин видел в укреплении единоличной земельной собственности крестьян, которая не только поднимет уровень крестьянских хозяйств, но и создаст прочную опору для режима, ибо «мелкий собственник представляет из себя ту ячейку общества, на которой покоится устойчивый порядок в государстве»¹⁶.

1904 г., несмотря на некоторый спад движения (114 выступлений, потребовавших в 22 случаях вызова войск), вызванный, видимо, и некоторым подъемом патриотических настроений в начале русско-японской войны, все же не давал дальновидным политикам повода для успокоения. Было очевидно, что упования на общину как на оплот порядка в деревне себя не оправдали. В частности, одним из первых такой вывод сделал Витте, нашедший подтверждение своим наблюдениям на примере харьковско-полтавских волнений. Выступая на одном из заседаний Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, он отметил, что «беспорядки возникли и получили особо сильное развитие в Константиноградском уезде Полтавской губернии, где из 195 тыс. дес. крестьянской надельной земли находятся в общинном пользовании с ежегодными при том переверстками пашни – 175 тыс. дес.»¹⁷. Но эта ситуация не поколебала уверенности Плеве и сторонников старого аграрного курса в политической лояльности общины. Ее неподвижность, инертность по-прежнему казались им надежным заслоном от революционного экстремизма, гарантией верности крестьянства самодержавию. Правда, участие в беспорядках зажиточного крес-

тянства несколько беспокоило министра и привело его к мысли избавить общину от этого элемента, что и было продекларировано в манифесте от 26 февраля 1903 г. Вместе с тем он рассчитывал укрепить общину и сословную обособленность крестьян за счет распространения статуса надельных земель на все виды крестьянского землевладения. Даже после событий 1902 г. Плеве не изменил своей позиции. Успокаивающе, видимо, действовали на него донесения губернаторов и жандармских управлений центрально-земледельческих губерний (Тульской, Рязанской, Курской), сообщавших, что, несмотря на деятельность «неблагонадежных лиц», в целом ситуация в деревне остается спокойной. Правда, в них указывалось при этом на циркуляцию слухов о предстоящем переделе земли, о том, что «некоторые помещики будто бы... владеют неправильно землей», которая должна была бы принадлежать крестьянам, о скрытности крестьян в вопросе о земле, который живет в «тайниках души крестьянина». Тем не менее глава МВД был уверен, что «из всех частей населения Российской империи наиболее крепкими, с государственной точки зрения, являются крестьяне центральных губерний»¹⁸. Вспышки аграрного экстремизма в отдельных регионах целиком приписывались им «пропаганде, являвшейся последствием оценочных земских работ, и неумелой постановкой школьного дела».

Эта уверенность исходила, видимо, и из знания министром настроений императора. Отношение Николая II к притязаниям крестьян на владельческие земли было твердо, как и его отцом, определено в бытность его в Курске в конце августа 1902 г., когда, выступая перед депутацией крестьян, он заявил: «Помните, что богатеют не захватом чужого добра, а от честного труда, бережливости, жизни по законам Божиим. Действительные нужды ваши я не оставляю своим попечением». Дворян и земцев он пообещал привлечь к работе в губернских комитетах, которые должны были разработать проблему «устройства в крестьянском землевладении»¹⁹.

В целом же за предреволюционные годы крестьянское движение, как и отмечают исследователи, заметно активизировалось, приобрело больший размах, стало более разнообразным по формам и способам воздействия на землевладельцев и местные власти, объектом его борьбы стали не только помещики-ретрограды, но и капиталистически хозяйствующие элементы. Крестьяне нередко заимствовали некоторые формы рабочего движения (стачки, сходки, демонстрации и т.п.), испытывали общее влияние общественного возбуждения, оппозиционной и революционной пропаганды. Но едва ли можно считать это сколько-нибудь определяющим фактором в крестьянском движении и тем более считать 1902 г. началом крестьянской революции. Преждевременно, видимо, говорить и о полном отчуждении крестьян от существовавшей власти, особенно верхов-

ной²⁰. Действительно, в деревнях все чаще происходили столкновения, в том числе и вооруженные, с местной администрацией, полицией и даже солдатами. Однако в массе своей крестьянство продолжало надеяться на монарха, считая все несправедливости делом чиновничества и помещиков, которые обманывают царя. По-прежнему многие конфликты завершались тем, что крестьяне выражали раскаяние, покорно ложились под розги, сохраняя свои чаяния в самых «сокровенных уголках души».

Крестьянская идея «черного передела» базировалась на представлении, что изначально вся земля была в свободном пользовании крестьян, что они были пожалованы помещикам вместе с землей и что даже при крепостном праве земля оставалась у них. Затем на эту идею накладывались новые представления о «ничейности» земли, о принадлежности ее тем, кто ее обрабатывает, что обуславливалось и широким развитием арендных отношений, наглядно высвечивавших паразитизм землевладельцев, и получало идейное обоснование в пропагандистской деятельности народнических и неонароднических партий и организаций, вполне отвечавшей общинным патриархально-уравнительным установкам, социально-психологическим ценностям общинного крестьянства. Наблюдались и отдельные попытки «развить» эти традиционные крестьянские представления в более или менее связную программу. В заявлении крестьян Киевского и Васильковского уездов Киевской губернии на имя председателя Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности (июнь 1902 г.) отмечалось, во-первых, что никакие совещания без участия малоземельных крестьян дать объяснения о причинах «недостатка, упадка и нужды по всем деревням» не могут; во-вторых, только обеспечение крестьян землей в нужном количестве приведет к подъему благосостояния и культуры в стране; в-третьих, в противном случае крестьяне будут вынуждены восставать, жечь и грабить помещичье имущество, ибо «нужда не свой брат», к тому же «вся земля под помещиками и духовными епархиями, забранная и присвоенная давностью, которая, между прочим, отвоеванная простым людом, а паны забрали...». В заявлении предлагалось заставить крупных землевладельцев добровольно отдать половину своей земли крестьянам или продать по сходной цене, разрешить пастьбу крестьянского скота во владельческих и казенных лесах и, наконец, «поднять начальное образование, с науками удобрения земли по методе Германии, а способным детям крестьян... давать и право всюду поступать во все учебные заведения»²¹.

Требуя дополнительного наделения землей, крестьяне, как правило, имели в виду пополнение общинного земельного фонда и на практике, захватывая владельческие и казенные земли, делили захваченное или производили общественные запашки и совместно пользовались угодьями. При этом средневековое общинное земле-

владение вступало в конфликт не только со средневековым же помещичьим, но и с капиталистическим сектором. Поэтому утверждение о буржуазном характере крестьянского движения, видимо, представляется достаточно проблематичным. В конце 1890-х – начале 1900-х годов ряд сельских обществ при поддержке земств пытался наладить на надельных землях коллективное хозяйство: организовывать совместные работы по вспашке, севу, обработке посевов, уборке урожая, сооружать общественные предприятия и т.п. Как правило, судьба таких начинаний была плачевна – почти все они быстро распадались. Другой вариант решения проблемы, связанный с дополнительным наделением, мог бы, видимо, состоять в ускорении процесса стихийной индивидуализации крестьянского хозяйства на базе личной частной собственности. Но этот процесс требовал ряда условий – либерализации крестьянского законодательства, создания возможностей для использования излишков рабочей силы в других отраслях экономики, т.е. сбалансированного ее развития, наличия необходимого земельного минимума и стартового капитала для модернизации хозяйства. Правительство же, всячески тормозя процесс стихийного социально-экономического развития деревни, усугубляло ситуацию. Упование на решение проблемы временем уже не имело оснований. Самодержавие на рубеже 1880–1890-х годов, пытаясь искусственно продлить жизнь патриархально-общинных институтов серией консервативных законов и ужесточением административной опеки над деревней, исчерпало лимит времени на ее модернизацию. Более того, уже накануне революции оно все еще пыталось отстаивать старый курс аграрной политики, культивируя таким образом общинный инфантилизм в отношении поземельных проблем, правовых вопросов, личной предприимчивости и ответственности каждого хозяина, искусственно тормозя формирование понятий законности и собственности. Но, как это ни парадоксально, правительственная политика сыграла определенную роль в крестьянских настроениях и требованиях в ходе аграрных конфликтов: государство, взяв на себя задачу жесткого регулирования землевладения и землепользования, само провоцировало крестьян на выдвижение требований о создании условий для хозяйствования и жизнеобеспечения, о наделении их землей²².

После небывалого для пореформенной эпохи взрыва крестьянского движения в 1902 г. начался вынужденный частичный демонтаж некоторых конструкций «ретроградного» типа: манифест 26 февраля 1903 г., облегчавший выход крестьян из общины и расширявший сферу деятельности Крестьянского банка, закон от 11 августа об отмене телесных наказаний крестьян по приговору волостного суда, об отмене круговой поруки и т.п. Но все эти отдельные меры не меняли ситуации в деревне. Определенную роль в консерватизме правительственной политики по аграрному вопросу

сыграло, в частности, и то обстоятельство, что, несмотря на рост крестьянского движения, российская деревня в массе своей оставалась малоподвижной, удельный вес крестьянских выступлений составлял по отношению ко всей сельской массе весьма незначительный процент, а вековой опыт власти по подавлению крестьянского недовольства, не останавливаясь перед самыми жесткими и жестокими методами, казался, давал надежду на сохранение старого режима без рискованных попыток его модернизации.

Нарастание рабочего движения

Бунты «работных людей» и «приписных» к различным предприятиям крестьян также давно были известны в России. С развитием торгово-промышленной сферы и превращением «протопролетариата» в особый класс наемных рабочих, численность которого постоянно росла, увеличивалось и число рабочих волнений на фабриках и заводах. По данным известной серии документальных сборников «Рабочее движение в России в XIX в.», за 1800–1860-е годы имели место не менее 400 коллективных жалоб, прошений, массовых уходов с работы и т.п., т.е. в среднем по 6–7 в год. За 1861–1894 гг. те же источники фиксировали уже более 990 выступлений (в среднем по 40 в год), в которых участвовали, по самым минимальным подсчетам, более 188,5 тыс. человек. Приведенные цифры явно занижены, но все же они дают некоторое представление о динамике роста рабочего движения и его формах. Если в 1860-х годах XIX в. еще преобладали пассивные, разрозненные волнения, преимущественно в форме жалоб и подачи прошений, обращенных к властям, то затем на первый план выходят стачки (680 против 312)²³. Особой массовостью и упорством выделялись стачки 1880-х годов, в значительной мере являвшиеся следствием промышленного и начавшегося мирового аграрного кризисов (забастовки на Морозовской мануфактуре в Орехово-Зуеве, на подмосковной фабрике Зиминых, на Даниловской мануфактуре в Москве, затем в Тверской, Владимирской губерниях, в Петербурге). Эти выступления, отражая социокультурный уровень их участников, нередко сопровождался погромами, порчей оборудования и другими эксцессами. Тем не менее 1885–1894 гг. стали важным рубежом в истории российского рабочего движения, которое, оставаясь в целом еще разрозненным и стихийным, все более приобретало наступательный, протестный характер.

С середины 1890-х годов наступает новый этап в его развитии, характеризовавшийся прежде всего нараставшей массовостью выступлений, расширением его географических границ, активизацией революционных организаций и появлением и в нем элементов сознательности и организованности, а также становлением так назы-

ваемой «рабочей интеллигенции». С 1895 г. Министерство финансов стало ежегодно подводить итоги статистики стачек. Правда, она охватывала только предприятия, подведомственные фабричной инспекции, и потому была далеко не полной (вне сферы надзора инспекции оставались предприятия горной, казенной, средней и мелкой промышленности, железные дороги и т.д.). И тем не менее, за отсутствием других статистических данных, эти материалы, собранные и обработанные В.Е. Варзаром, фабричным ревизором Министерства финансов, долгие годы оставалась едва ли не единственным сводным статистическим комплексом по истории забастовочного движения в дореволюционной России. Эти данные, несмотря на их неполноту, свидетельствовали о стремительном количественном и качественном росте рабочего движения в предреволюционное десятилетие²⁴.

Более полную картину в этом плане дают соответствующие выпуски многотомного издания «Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника», в основу которых было положено впервые осуществленное в архивной практике сплошное выявление материалов по истории рабочего движения в 108 архивах бывшего СССР и выборочный просмотр периодической печати. Уже первичная обработка этих материалов показала, что за 1895–1903 гг. произошло около 6,7 тыс. стачек более чем с 1,2 млн участников. Масштабы движения оказываются еще более впечатляющими, если учитывать и нестачечные формы производственных конфликтов – волнения, подача прошений и жалоб властям без прекращения работ и т.п. С учетом этих данных динамика рабочего движения предстает в следующем виде: 1895 г. дал около 350 выступлений 80 тыс. рабочих, 1896 г. – 364 выступления и 64 тыс. участников, 1897 г. – соответственно 732 и почти 152 тыс., 1898 г. – 815 и 165 тыс., 1899 г. – 880 и 163 тыс., 1900 г. – 655 и почти 100 тыс., 1901 г. – 911 и 176 тыс., 1902 г. – 694 и 147 тыс. и в 1903 г., когда был достигнут пик движения в предреволюционные годы, произошло 2244 различного рода выступления с 365 тыс. участников. Таким образом, общее число выступлений рабочих за это время, учитывая стачки и волнения без прекращения работ, превысило 7,6 тыс. с числом участников более 1,5 млн²⁵.

В масштабах и самом характере движения за эти годы произошли существенные изменения. Значительно расширилась его «география». Все более активное участие в нем принимали рабочие «окраинных» регионов – Закавказья, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Польши, Урала и Предуралья, Поволжья, все чаще волнения вспыхивали и в самых отдаленных уголках империи – в Сибири, Казахстане, Средней Азии. В 1903 г. стачками были охвачены уже 65 губерний и областей, и в них были вовлечены рабочие почти всех профессий и производств – от фабрик и заводов до мелких ре-

мсленных заведений. Выступления рабочих были зарегистрированы в 363 населенных пунктах, из которых примерно треть приходилась на города, а остальные – на фабрично-заводские поселки, железнодорожные станции и т.п. В силу сложившейся инфраструктуры российской промышленности и особенно тяжелого положения рабочих по числу забастовщиков лидировали текстильщики, зато по количеству стачек и их упорству выделялись металлисты и рабочие железнодорожных мастерских и депо, игравшие ведущую роль в коллективных выступлениях. Коллективные стачки стали одной из новых и характерных черт предреволюционных лет. В этом плане 1903 г. продемонстрировал новый уровень рабочего движения. Если в 1895–1902 гг. в коллективных стачках принимала участие примерно треть всех забастовщиков, то в 1903 г. – почти 56%. В знаменитой всеобщей стачке, охватившей летом этого года крупнейшие города Юга страны (Баку, Тифлис, Батум, Елисаветград, Одесса, Киев, Екатеринослав, Керчь, Бердичев, Николаев), приняли участие сотни тысяч рабочих самых разных профессий и производств. По сути дела, эта получившая в литературе наименование «всеобщей» стачка представляла собой ряд отдельных, порой разновременных, хотя и действительно массовых забастовок, показавших силу солидарности рабочих. На несколько дней была почти полностью парализована жизнь десятка крупных городов, остановлена работа предприятий, рудников, шахт, нефтяных промыслов, а также учреждений, транспорта, городских коммуникаций и т.д. Такого в начале XX в. не знала еще ни одна страна в мире. Коллективизм становился неотъемлемой чертой менталитета рабочего. В основе его, конечно, лежали особенности промышленного производства, высокая концентрация рабочих, сходный характер их жизненных условий. Хорошо знавший рабочую среду П.Г. Смидович подчеркивал, что «большинство рабочих были по своей природе коллективистами», что они «привыкли жить толпою», что «они чувствуют себя хорошо, если они в толпе» и что «в праздники их тянет на «народ», на улицу»²⁶. Эту же особенность рабочего движения отмечали и фабричные инспекторы, которые видели в нем определенную опасность, поскольку рабочие были «коллективистами», но считали (и, видимо, не без оснований) это качество также и наследием «общинной круговой поруки»²⁷. Так или иначе, но стремление к коллективным действиям, сама «стихийная организованность» рабочих имели следствием заметное расширение форм и методов самого движения. Все большее распространение получали нелегальные сходки, собрания, митинги, нередко выливавшиеся в открытые демонстрации, стычки с полицией и войсками, приобретавшие политический характер и оказывавшие возбуждающее влияние на различные слои российского общества – в частности крестьянство, студенчество, городское мещанство и т.п.

Рост рабочего движения и обострение рабочего вопроса были обусловлены рядом причин как объективного, так и субъективного порядка. Во-первых, стадиальное отставание России от передовых капиталистических стран Запада обуславливало и в торгово-промышленной сфере переплетение раннекапиталистических форм социальных отношений с новейшими формами эксплуатации наемного труда капиталом. Несмотря на определенную тенденцию к росту заработной платы и потребления, отмеченную исследователями, за этими усредненными расчетами крылась неустроенность огромной массы рабочих – низкий жизненный уровень, нищенская заработная плата, произвольные вычеты и штрафы, неупорядоченность рабочего времени, антисанитарные жилищные условия, отсутствие социального страхования и медицинского обслуживания и т.д. К этому, видимо, следует добавить тяжесть ломки устоявшихся стереотипов в массовом сознании рабочих в связи с перестройкой производства и требованиями интенсификации труда, которые предъявлялись новыми рыночными отношениями и растущей конкуренцией. Все это усугублялось огромным давлением на рынок труда избыточной дешевой рабочей силы, поставлявшейся деревней, а также последствиями экономического кризиса 1900–1903 гг. Во-вторых, сказывалось и все более отчетливое – по мере роста грамотности и культурного уровня рабочих – осознание ими их гражданского и политического бесправия, отсутствие собственных профессиональных организаций и даже возможностей какого-либо представительства в случаях конфликта с хозяевами. В частности, об этом говорили фабричные инспекторы, которые еще на своем съезде в 1895 г. отмечали, что «наиболее развитые из рабочего населения вполне осознали потребность такого положения, при котором рабочие получили бы возможность беспрепятственно обсуждать свои нужды и изыскивать законные способы к улучшению своего быта»²⁸. В-третьих, все большую роль играла агитационно-пропагандистская деятельность различного рода нелегальных политических партий и организаций, рассчитывавших добиваться своих целей путем привлечения и использования рабочих масс. Если в 1895 г., по данным «Хроники», насчитывалось около 50 партийных организаций, комитетов и групп различных направлений, так или иначе связанных с рабочими, то в 1901 г. их было уже 163 и они действовали в 107 населенных пунктах, в том числе в 88 городах. В 1903 г. в России сложилась уже целая сеть партийных, общероссийских и национальных, организаций и профсоюзных объединений, охватившая 72 губернии и области и насчитывавшая 405 союзов, комитетов, групп, действовавших в 312 населенных пунктах. В основном это были социал-демократические, неонароднические (эсеровские) и анархистские партии и организации, пришедшие на смену марксистским и народническим кружкам и союзам 1880-х –

начала 1890-х годов XIX в.²⁹. Члены этих партий и организаций, в основном интеллигенты, совместно с распропагандированными рабочими помогали забастовщикам формулировать их требования, распространяли революционную литературу – прежде всего листовки, вели устную агитацию. Фабричная инспекция была недалеко от истины, когда отмечала, что коль скоро в 1903 г. «наиболее многочисленные стачки имели общие цели и требования», то у них была «связь с агитацией извне»³⁰. Листовки политических организаций в 1903 г. издавались в 67 российских городах. Кроме того, транспорты с революционной литературой отправлялись в Россию из-за границы. Всего с 1895 г. было издано и ввезено в страну не менее 3,5 тыс. наименований листовок, в том числе около 1400 – в 1903 г. Большая часть листовок (около 85%) принадлежала социал-демократическим организациям, около 4% – эсеровским, только еще разворачивавшим свою агитационную деятельность. Практически почти все они имели антиправительственную, политическую направленность и призывали к пролетарской солидарности и борьбе с самодержавием. Наконец, немалую роль в обострении рабочего вопроса играла, как мы увидим далее, недальновидная политика правительства и предпринимателей.

Несомненно, агитационная и пропагандистская работа леворадикальных партий и организаций, особенно социал-демократов, сыграла определенную роль и в расширении масштабов рабочего движения, и в некоторой его политизации. Стачки все чаще сопровождались сходками, митингами, демонстрациями, проходившими под лозунгами: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!», «Долой самодержавие!», «Да здравствует свобода!», «Да здравствует восьмичасовой рабочий день!» и т.п. Заметно выросло число выступлений, в ходе которых наряду с экономическими выдвигались и политические требования. Если до конца 1890-х годов демонстрации с участием рабочих были единичным явлением, то в 1899 г. их было уже 22, в 1900 г. – 25. В 1903 г. уличные митинги и демонстрации с участием рабочих, студентов и других демократических слоев населения, собиравшие по несколько сотен, а то и тысяч участников, прошли в 63 населенных пунктах страны, в том числе в 47 губернских городах³¹. В советской историографии с ее тенденцией к завышению уровня политической сознательности рабочего класса к политическим стачкам причислялись все забастовки солидарности, безотносительно к требованиям их участников: в итоге удельный вес их определен был в 53,2%, а экономических стачек – 46,8%³². Составители «Хроники», не преуменьшая значения проявлений классовой солидарности в политизации рабочего движения, провели более строгую классификацию стачек, включив в число политических только те, в ходе которых выдвигались требования рабочих к властям, а также стачки-протесты против правительствен-

ных репрессий, в связи с Первомайскими праздниками и т.п. В результате удельный вес участников политических выступлений рабочих даже в бурном 1903 г. определен был в 8,5–10% общего числа стачечников³³. Естественно, лидирующую роль в этом процессе играли, как правило, высококвалифицированные слои фабрично-заводского пролетариата.

Что касается основной массы рабочих, то для их выступлений характерно было преобладание сугубо экономических требований. В условиях продолжавшегося экономического кризиса заметное место занимали стачки оборонительного характера: рабочие выступали против задержек в выплате заработной платы, ее понижения, против сокращения рабочего времени с соответствующим уменьшением заработка, за особую оплату сверхурочных работ, против предполагаемых увольнений и т.п. Однако даже в это тяжелое время оборонительные стачки составляли, например, в 1903 г. всего около 22% от общего числа всех выступлений. Составители «Хроники» зарегистрировали за этот год около 3 тыс. требований и жалоб рабочих. Из них почти три четверти были связаны с заработной платой (47%) и нормированием рабочего времени (27%). Рабочие требовали увеличения зарплаток на 30–40%, отмены необоснованных штрафов и вычетов, сокращения рабочего времени при увеличении расценок и т.д. Причем рабочие, особенно занятые на предприятиях с непрерывным производственным циклом, выступали за введение 8-часового рабочего дня. Это требование, постепенно перешедшее в программные лозунги леворадикальных партий, приобрело со временем политический характер. Среди других требований и пожеланий были улучшение медицинского обслуживания и санитарного состояния производственных и жилых помещений, обеспечение рабочих на случай инвалидности, старости, болезней, организация просветительных учреждений. Заметное место занимали и требования создания представительства рабочих для переговоров с хозяевами по поводу составления расценок, распределения работ, при решении вопросов увольнения рабочих и т.п. Взаимоотношения с предпринимателями и фабрично-заводской администрацией посвящено было около 9% требований, причем немногим менее половины их (43%) составляли претензии по поводу грубого обращения с рабочими и административного произвола³⁴.

Все это свидетельствовало о заметных сдвигах в рабочем движении. И все же, несмотря на очевидный его подъем, в предреволюционное десятилетие в стачках, учитывая и повторные, участвовали, по различным подсчетам, всего от 5 до 10% рабочих. По этому показателю трудно судить об общем настроении всей пролетарской массы, так как в любом масштабном социальном движении всегда действует сравнительно узкий активный слой, в то время как основная масса остается пассивной, исподволь формируя и выражая не-

довольство своим положением. Как бы то ни было, сознание подавляющего большинства участников забастовок, боровшихся в основном за улучшение своего материального и отчасти правового статуса, видимо, было далеко от политики. Корректируя сложившееся в советской историографии представление о каком-то резком качественном скачке в настроении и сознании рабочей массы, исследователи отмечают, что и в предреволюционные годы для значительной ее части были характерны такие черты, как почитание Бога и царя, уважение к хозяевам и представителям власти, нравственно-бытовой традиционализм и т.п., имевшие своим источником крестьянскую в своей основе психологию и мораль. Многочисленные материалы свидетельствуют о ширившемся негативном – сознательном или неосознанном – отношении рабочих к существовавшему политическому режиму. Но при этом сама фигура монарха никак не ассоциировалась с государственным устройством. В своих петициях рабочие, жалуюсь на произвол чиновников и властей, часто даже противопоставляли их монарху, являвшемуся в их глазах олицетворением высшей справедливости. Весьма характерна в этом отношении корреспонденция из Одессы, относящаяся ко времени всеобщей забастовки лета 1903 г. и направленная в редакцию «Искры». Ее автор писал: «В некоторых слоях серой массы населения представление о роли царя проявляются, между прочим, в довольно типичных возгласах «Долой самодержавие, а царя оставить»³⁵. Нередко ораторов, пытавшихся затронуть тему царя на митингах или собраниях кружков, изгоняли и даже избивали. Значительная часть рабочих («отсталые слои пролетариата», по определению самих революционеров) сохраняла «монархические предрасудки» и в разгар революционных событий. Для них образ монарха еще долгое время сохранял ореол сакральности. Как отмечают исследователи, «в своем критическом отношении к религии рабочая масса и не могла подняться выше индифферентизма»³⁶. Причем индифферентизм этот выражался чаще всего в нерегулярном посещении церкви и отправлении религиозных обрядов. Большинство же рабочих оставались верующими, чтители религиозные обычаи, обряды, праздники. Неслучайно в их требованиях часто встречается пункт об отмене работ в дни религиозных праздников. Более того, религиозность подчас проявлялась и в ходе массовых выступлений. Нередко рабочие во время забастовок клялись на Библии «держаться до конца, пока хозяин не уступит».

Весьма своеобразным было и отношение рабочих к социалистической пропаганде. С одной стороны, в России, стране невысокого уровня развития капитализма, насчитывавшего всего несколько десятилетий своей истории, представления об идеальном обществе, казалось бы, являлись явной утопией. Но, с другой стороны, именно пороки капитализма периода первоначального накопления со-

здавали почву для пропаганды социалистов о необходимости борьбы за светлое будущее, за создание справедливого общества, в котором не будет противоположности интересов различных классов и будет обеспечен материальный достаток для всех. Идеи социализма, заимствованные с Запада, имели в России уже длительную историю, как и попытки их распространения в рабочей среде. Но и в начале XX в. они так и не укоренились среди рабочей массы, что вынуждены были признать сами революционеры-практики, отмечавшие, что рабочие, за исключением узкого слоя «передовых пролетариев», или имели о социализме сугубо превратное представление, либо не знали о нем ничего. В письме из Тулы в редакцию «Искры» (февраль 1902 г.) отмечалось, что «наши пролетарии в массе не знают, что такое социализм, и считают его ругательным словом». Корреспондент из Петербурга осенью того же года сообщал о «полном невежестве рабочих в основных вопросах социализма». Пожалуй, лучше всего ими было усвоено негативное отношение к частной собственности. Низкая оплата тяжелого труда подводила рабочих к мысли, что раз хозяева так бесчеловечно эксплуатируют их, то и они вправе поступать соответствующим образом с хозяйской собственностью. Этим, видимо, отчасти объясняется широкое распространение краж изделий и материалов на фабриках и заводах, ставшее, по свидетельству П.Г. Смидовича, обычным, массовым явлением. Воровство не выходило, как правило, за пределы производственной сферы и напоминало кражи крестьянами помещичьего леса, сена и т.п., также совершавшиеся из нужды.

Видимо, отчасти этим же объясняется склонность рабочих к огромным действиям, сохранившаяся и к началу XX в. и особенно наглядно проявлявшаяся в ходе стачек. Получив отказ в удовлетворении своих требований, рабочие нередко переходили к агрессивным действиям. Во время всеобщих стачек на Юге летом 1903 г. толпы рабочих и городских обывателей, нередко подогретые спиртным из разгромленных продовольственных лавок, разбивали стекла в конторских и заводских помещениях, громили квартиры ненавистных мастеров и служащих, ломали на предприятиях станки, грабили склады, заводские кассы. В Баку в ходе июльской стачки поджигались нефтяные вышки. Впрочем, в этих случаях в массовых беспорядках, которые неизбежно сопутствовали рабочим выступлениям, принимали участие различные маргинальные слои населения с их анархическими, мародерскими и просто хулиганскими наклонностями. Но тем не менее, в ходе стачек проявлялись и элементы насилия со стороны их организаторов в отношении своих же товарищей, по тем или иным причинам не желавших присоединяться к забастовкам. Забастовщики нередко насильно, под угрозой или путем физической расправы «снимали» с работы неприсоединившиеся отделы, цеха и даже целые предприятия.

Таким образом, общая масштабная картина рабочего движения в предреволюционные годы при детальном рассмотрении оказывается весьма противоречивой, сложной, с различными векторами и мотивацией борьбы, что в целом отражало состав рабочего класса, различный социокультурный уровень его отдельных слоев. Это обстоятельство сыграло немаловажную роль в правительственной политике по рабочему вопросу, также ставшей одним из определяющих факторов в развитии событий послереволюционных лет.

В правящих кругах империи довольно рано была осознана опасность появления пролетариата, особенно в связи с революционными событиями 1848 г. на Западе. Многие видные сановники в своих представлениях императору указывали на возможные «гибельные последствия» пролетаризации крестьянства, на опасность укоренения среди рабочих людей самой мысли о самостоятельности этого сословия, так как это «класс людей, который давно подготавливается уже к беспорядкам». Реакция на эту потенциальную угрозу была неоднозначной. Адмирал Н.С. Мордвинов в своих записках, поданных в правительство, прямо указывал на необходимость таких перемен в стране, которые предотвратили бы пороки Запада, где пролетариат становился реальной политической силой. Министр финансов Е. Ф. Канкрин высказался за прекращение строительства железных дорог, чтобы предотвратить распространение вредных слухов и волнений. Сам Николай I поддержал предложение о запрещении строительства промышленных предприятий в Москве. Естественно, эти замыслы были обречены на провал. Вместе с тем уже в предреформенные десятилетия в правительственных кругах разрабатывались меры по регулированию отношений предпринимателей и рабочих, касавшиеся оформления условий найма, работы и оплаты труда, принимались отдельные меры по предотвращению несчастных случаев на производстве, улучшению медицинского надзора, упорядочению рабочего времени, запрещению ночного труда детей до 12 лет и т.п. Правда, большинство этих мер носило как бы рекомендательный характер, так как практически не устанавливалось никакого контроля за их исполнением — расчет был на якобы существовавшие патриархально-попечительные отношения хозяев к своим рабочим. Тем не менее «Уложение о наказаниях» 1845 г. предусматривало жесткие меры в отношении рабочих за неповиновение, досрочный уход с предприятия и участие в стачках, что преследовалось в уголовном порядке. Зачинщики и активные участники волнений подвергались публичной порке и административной высылке.

Эти элементы рабочего законодательства и сам характер рабочей политики перешли и в пореформенную практику, сохранившись фактически и к началу XX в. Под давлением непрекращавшихся волнений правительство в 1882 г. приняло закон о введении

фабричной инспекции для надзора за соблюдением фабрично-заводского законодательства на предприятиях. Был принят пакет законодательных мер, касавшихся ограничения труда детей, подростков и женщин (законы 1 июня 1882 г. и 3 июня 1885 г.), утверждены новые правила о найме рабочих и о взаимных отношениях фабрикантов и рабочих (3 июля 1886 г.), несколько ограничивавшие произвол хозяев при найме и увольнении рабочих, а также при взимании штрафов, которые теперь направлялись в особый фонд, использовавшийся с разрешения фабричной инспекции на нужды самих рабочих. Запрещались натуральные формы оплаты труда, а также вычеты из заработной платы за медицинскую помощь, освещение мастерских и т.п. Были расширены права фабричной инспекции и созданы коллегиальные губернские присутствия по фабричным делам, которые осуществляли общий надзор за фабрично-заводской жизнью. Но эти законы распространялись далеко не на все регионы, под их воздействие не попадали казенные, горные заводы, мелкие предприятия и железные дороги.

Преодолев кризисную ситуацию 1880-х годов, предприниматели попытались – и не без успеха – «урезать» фабричное законодательство. Однако волна стачечного движения второй половины 1890-х – начала 1900-х годов вынудила правительство пойти на новые уступки. Изданный 2 июня 1897 г. закон ограничивал рабочий день 11,5 часа, а накануне праздников и по субботам – 10 часами. Было введено 66 обязательных нерабочих дней в году – 52 воскресных и 14 праздничных, ограничены сверхурочные работы. И хотя под действие закона не попадали многие категории рабочих (непостоянных, вспомогательных, мелких заведений и т.п.), он сыграл заметную роль в некотором упорядочении рабочего времени на предприятиях. Закон 2 июня 1903 г. устанавливал выплату вознаграждения рабочим, утратившим трудоспособность вследствие несчастных случаев на производстве в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности. При всей его ограниченности (закон распространялся только на промышленных рабочих, не обеспечивал рабочих пособием по болезни, старости и в случае безработицы) это был все же заметный шаг в разработке рабочего законодательства. И, наконец, после длительного обсуждения 10 июня 1903 г. был принят закон о введении на предприятиях института фабричных старост. Этот акт не удовлетворил рабочих, стремившихся к самостоятельным профессиональным организациям. Предприниматели же всячески препятствовали возникновению профсоюзов, опасаясь расширения и углубления конфликтов на фабриках и заводах. В результате закон, к тому же с весьма ограниченной сферой применения, так фактически и не был реализован в полной мере.

Все эти законодательные потуги правительства, объективно носившие пробуржуазный характер, разрабатывались и проводились

под флагом попечения властей о рабочих. При этом даже наиболее дальновидные деятели из правящих «верхов» долгое время продолжали придерживаться представления о господстве на предприятиях патриархальных отношений. Даже Витте еще в 1880-х годах выступал против ломки «исконно русского строя» и, в частности, против «обращения хотя бы части русского народа в фабричных автоматов, несчастных рабов капитала и машин». Фабричная инспекция, пытавшаяся (правда, как правило, безуспешно) стать посредником в конфликтах между рабочими и предпринимателями, также исходила из представлений об особом характере отношений труда и капитала на предприятиях. Как и для решения крестьянского вопроса, создавались многочисленные комиссии по обследованию и изучению положения рабочих, разрабатывались проекты частичного улучшения их материального и правового положения. Активизируя попечительную политику, правительство рассчитывало усилить религиозно-монархические настроения среди рабочей массы и принимало ряд мер идеологического характера. В первые годы XX в. Синод, признав, что наибольшей опасностью является «распространение в народе разных книг, проповедующих неверие и социализм», призвал к расширению «духовного просвещения» трудящихся. Лишь Московское общество духовного просвещения в 1901 г. издало более 460 книг и брошюр и распространило 745 тыс. экземпляров своей продукции. «Внебогослужебными» собеседованиями были охвачены 235 тыс. человек, «преимущественно из простого народа». В 1900 г. Витте предписал фабричной инспекции «беспрепятственно допускать в промышленные заведения» приходских священников, которым Синод вменил в обязанность усилить «пастырско-миссионерское попечение о духовных нуждах рабочих». Воздействие на рабочих власти пытались осуществлять и через широкое распространение специальной литературы, устройство публичных чтений, спектаклей и т.п. Так, только за 1900–1902 гг. число читален и библиотек со специально подобранной литературой, которые открывали попечительства о народной трезвости, увеличилось с 1,5 тыс. до 2,6 тыс., а количество чайных, являвшихся своего рода клубами, – с 2,6 тыс. до 3,9 тыс. Библиотеки-читальни только за 1902 г. зарегистрировали 5,6 млн посещений, а чайные в 1903 г. – почти 70 млн. В 1900 г. было проведено 24 тыс. народных чтений. В 1903 г. 2,3 млн человек побывали на организованных попечительствами спектаклях. Определенная работа проводилась также и через воскресные и вечерние школы³⁷. Оказав, несомненно, определенное влияние на культурно-нравственный и образовательный уровень рабочих, эти меры все же не стали действенными в сфере социально-политической.

Стихийная тяга рабочих к объединению и созданию собственных организаций, все более широкий отклик их на деятельность ре-

волюционеров и, наконец, участвовавшие открытые политические выступления вынудили власти попытаться перейти к новой тактике, получившей наименование «полицейского социализма». Суть этой политики, проводившейся и в ряде западноевропейских стран, сводилась к попыткам создания с ведома и под контролем правительства легальных рабочих организаций проправительственной ориентации. Инициатором и зачинателем русского «полицейского социализма» стал начальник московского охранного отделения С.В. Зубатов. Он предложил легализовать в том или ином виде, но обязательно под контролем полиции, рабочие профессиональные организации, которые, по его замыслу, должны были отвлечь рабочих от политики и направить их устремления в русло «законной», сугубо экономической борьбы. Там, где «пристраивается революционер, там обязана быть и государственная полиция, — писал он в записке, адресованной начальству. — Чем занят революционер, тем обязана интересоваться и полиция». По его мнению, необходимо было «урегулировать рабочее движение, дифференцировать различные его направления и определить, с чем следует бороться и что нужно только направлять»³⁸. Поддерживая и направляя такое профессиональное движение, власти, считал Зубатов, могли бы предоставить известную свободу отношений между трудом и капиталом, стремясь свести их — опять же с помощью той же полиции — к обоюдным соглашениям. Но главным звеном в зубатовском плане был расчет на создание у рабочих представления о «надклассовости» самодержавия, выступавшего в роли примирителя классовых антагонизмов. Таким образом, буржуазные по своей природе идеи умиротворения рабочего движения предполагалось использовать для укрепления традиционалистского по своей природе политического режима.

Расчеты эти имели под собой определенную почву. С одной стороны, зубатовские идеи опирались на культурную и политическую неразвитость огромной массы рабочих. С другой — их инициаторы и проводники учитывали и факторы, характерные для новой капиталистической эпохи: стихийную тягу рабочих к объединению, возникновение различного рода оппортунистических течений внутри социалистов, буржуазно-либеральных проектов «канализации» рабочего движения и т.п. В частности, при выработке и реализации зубатовской политики были использованы идеи берштейнианства, «легального марксизма», «экономизма», «тредюнионизма» и т.д.

К осуществлению зубатовского плана полиция с благословения высших властей приступила с середины 1901 г. почти одновременно в Москве и Минске. В Москве ею было создано «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», а затем ряд аналогичных организаций ткачей, булочников и ряда других профессий, которые объединялись «Советом рабочих го-

рода Москвы». В Минске – центре мелкого ремесленно-кустарного производства северо-западных губерний с сильной прослойкой еврейского населения – была создана «Независимая еврейская рабочая партия». В качестве своих агентов полиция использовала распропагандированных ею рабочих, находившихся под влиянием «экономизма», а также сепаратистов-бундовцев, зараженных сионистской пропагандой. И на первых порах зубатовщина имела некоторый успех. Зубатовские организации появились также в Петербурге, Ковно, Вильно, Одессе, Киеве, Екатеринославе, Николаеве, Харькове, Нижнем Новгороде. В Москве им удалось провести крупную, многотысячную демонстрацию рабочих по поводу открытия в Кремле памятника Александру II. Однако вскоре ситуация начала стремительно осложняться. Зубатовские общества под давлением рабочих начали вмешиваться в конфликты с предпринимателями, а в ряде случаев даже выступили инициаторами забастовок. Попытки местных властей добиться хотя бы незначительных уступок со стороны хозяев вызвали поток жалоб в высшие инстанции. В самом правительстве усилились разброд и колебания. И после активного участия зубатовцев во всеобщих стачках 1903 г. Министерство внутренних дел решило прекратить эксперимент. Правда, в несколько обновленном виде он имел продолжение в Петербурге, где во главе новой организации – «Собрания русских фабрично-заводских рабочих города С.-Петербурга» стал священник Г. Гапон.

Для властей в их борьбе с разраставшимся рабочим движением оказались более привычными традиционные репрессивные меры. Фактически с этой целью было использовано дореформенное законодательство. Ряд статей «Уложения о наказаниях» 1845 г. был дополнен и ужесточен в новых его изданиях и «разъяснявших» его циркулярах. В 1874 г. дополнительная статья 318 предусматривала в качестве наказания за «возбуждение» стачки и участие в ней тюремное заключение до 8 месяцев и ссылку в Сибирь. Полиция имела право свободного входа на фабрики и заводы в любое время и получала право административной высылки заподозренных в «неблагонадежности». Уголовное преследование за участие в стачках предусматривали и «Правила» 1886 г., которые вдвое увеличивали срок тюремного заключения за угрозы в адрес администрации. Самовольный отказ от работы до истечения срока найма карался арестом до 1 месяца. Предпринимателям вменялось в обязанность отбирать у рабочих паспорта и виды на жительство, чтобы обеспечить их покорность и «спокойствие» на предприятиях. Наконец, в связи с оживлением рабочего движения во второй половине 1890-х годов МВД разослало 12 августа 1897 г. специальный циркуляр, обращавший внимание местных властей на необходимость ужесточения наказаний за самовольный уход с работы и участие в забастовках. Активные забастовщики подлежали административной высыл-

ке без суда и следствия. Значительно был увеличен личный состав полиции. В 1899 г. была учреждена особая фабричная полиция³⁹. Утвержденное в марте 1903 г. новое «Уголовное уложение», сохраняя уголовное преследование участников стачек, расширяло круг его действия на все категории наемного труда. Даже в начале XX в., когда во всех цивилизованных странах производственные конфликты разрешались, как правило, гражданским судом, в России нередко после подавления стачек участники их подвергались унижительным публичным поркам.

Наконец, все чаще для подавления выступлений рабочих вызывались казаки и войсковые части, все чаще раздавались выстрелы и множились жертвы расправ. Если в 1891–1895 гг. зарегистрировано были 67 случаев вызова войсковых команд (21 тыс. солдат), то в 1896–1900 гг. их было уже 226 (52,5 тыс. солдат), а в 1901–1904 гг. – 651 (153 тыс. солдат). В 1903 г. положение об усиленной охране, предоставлявшее властям фактически неограниченные возможности в борьбе с «крамолой», распространялось на территорию с почти 30-миллионным населением⁴⁰. «Решительные» действия воинских команд всемерно поощрялись верховной властью. Так, на полях всеподданнейшего доклада, представленного Николаю II в мае 1895 г. с сообщением о расстреле солдатами Фанагорийского полка рабочих-стачечников Большой Ярославской мануфактуры, императором было начертано: «Спасибо молодцам-фанагорийцам за стойкое и твердое поведение во время фабричных беспорядков»⁴¹. В мае 1899 г. для подавления десятитысячной стачки рабочих крупнейших предприятий Риги была использована даже артиллерия. Рига и ее окрестности были объявлены на осадном положении. Орудия били, как по осажденным крепостям, по рабочим, укрывавшимся за заборами предприятий, и на «поле боя» остался не один десяток убитых и раненых. Кровавопролитием закончилась и почти одновременно возникшая стачка на текстильной фабрике в Вензебергском уезде Эстляндской губернии. В том же году в связи с коллективной стачкой металлистов на ст. Сартана Екатеринославской губ. столкновение с войсками также закончилось расстрелом забастовщиков. В 1900 г. войска несколько раз устраивали кровавопролития: 2 мая во время первомайской демонстрации рабочих Харьковского паровозостроительного завода, в июле – на ст. Сантуриновка Екатеринославской губ., в августе – при разгоне толпы на приисках компании Мординга в Амурской области. 1901 г. вошел в историю «Обуховской обороной». Рабочие петербургского военного Обуховского завода в ответ на отказ удовлетворить их требования и вызов войск соорудили баррикаду и встретили солдат и полицию градом камней, продержавшись под ружейным огнем несколько часов. Вскоре после этого были расстреляны рабочие одного из рудников в Донской обл., в июле – текстильщики Серпу-

ховской мануфактуры. В марте 1902 г. во время переросшей в демонстрацию стачки на заводе Ротшильдов в Батуме 18 рабочих были убиты или умерли от ран, несколько десятков были ранены. В ноябре в Ростове-на-Дону солдаты расстреляли толпу, расходившуюся после собрания, убив 6 и ранив 20 человек. В марте 1903 г. при разгоне бастовавших рабочих казенного Златоустовского оружейного завода число жертв составило 69 убитых и 250 умерших от ран. В ходе всеобщей стачки на Юге России только в города этого региона было послано не менее 70 рот пехоты, стрелковые и саперные части и 12 сотен казаков. В ходе столкновений с полицией и войсками в Екатеринославе были убиты и смертельно ранены 10 человек, в Киеве – 11 убиты и более 16 ранены, на ст. Михайлово Закавказской железной дороги – 14 убиты, 4 умерли от ран, в Батуме, Николаеве, Одессе, Тифлисе и Керчи несколько десятков человек были ранены, некоторые умерли от ран.

Таков далеко не полный трагический «счет» разгоравшейся войны властей с собственным народом. Такова была «цена» попыток режима затормозить естественный ход развития новых начал в экономике и обществе. Репрессии, даже в самых крайних своих проявлениях, становились как бы нормами жизни, власти привычно реагировали на них, видимо, не ожидая опасности со стороны народных масс. Даже фабричные инспекторы, отмечая рост рабочего движения, все же считали, что при низкой культуре и малой грамотности рабочих их выступления не могут представлять серьезную угрозу политическому строю. И даже в канун революции, обращая внимание на изменения, происходившие в рабочей среде, правящие круги не рассчитывали на тот «обвал», который серьезно мог подорвать государственные устои. В 1901 г. шеф жандармов П.Д. Святополк-Мирский писал, что «в последние три-четыре года из добродушного русского парня (речь шла о петербургских рабочих. – *Авт.*) выработался тип полуграмотного интеллигента, почитающего своим долгом отрицать религию... пренебрегать законом, не повиноваться власти и глумиться над ней». Эти наблюдения не страшили власть. «Бунтарей имеется на каждом заводе немного... – считал числившийся в либералах будущий министр внутренних дел, – и хотя эта незначительная горсть и руководит всей остальной массой вполне легальных рабочих, но их выступления имеют локальный характер»⁴². Не заставили задуматься правительство ни напоминания либеральных кругов общества о том, что репрессии лишь играют на руку революционным силам, ни поддержка российских рабочих со стороны общественности Западной Европы и Америки, выражавшаяся в акциях солидарности и в печати, посвящавшей событиям в России специальные сообщения. «...Мы желаем товарищам из России водрузить стяг свободы над поверженным в прах высокомерием русского дворянства и невежественным монархом», – писа-

ли в приветственном обращении к русским товарищам рабочие из Латинской Америки⁴³.

Этнические и конфессиональные движения и организации

Бурный процесс модернизации, переживавшийся Россией, быстрое развитие экономики, формирование рыночной системы, втягивание в нее огромных масс населения способствовали слому так называемого имперского локализма. Традиционные ценности культурной самобытности, местных обычаев, религии, родного языка и т.п., веками и тысячелетиями верой и правдой служившие даже малочисленным этносам и обеспечивавшие их выживание, вступали в конкурентную борьбу с новыми ценностями универсализма и всеобщей подвижности без границ – и вынуждены были отступать. Помимо совокупности социально-экономических и политических факторов, вызывавшихся модернизационными процессами, серьезное воздействие на население империи оказывали детерминированные теми же процессами факторы культурного порядка. Распространение системы народного образования, рост числа школ, средних и высших учебных заведений, появление массовой прессы, развитие науки и распространение знаний в широких слоях населения, а также развитие городов, рыночных отношений, средств коммуникации и т.п. способствовали укреплению и заметной активизации прежде всего этнических элит и постепенному подъему этнических движений. Интересы нарождавшейся национальной буржуазии и интеллигенции все более входили в противоречие с централизаторской и зачастую бездумной русификаторской политикой российской бюрократии.

На рубеже столетий общими требованиями становятся уравнение всех народностей в правах, обучение на родном языке, свобода вероисповеданий. Для некоторых народов чрезвычайно актуальным и острым оказался земельный вопрос, при этом речь шла либо о защите своих земель от «русской» колонизации (поволжские, сибирские, среднеазиатские, кавказские губернии), либо о борьбе против помещиков, приобретавшей межэтнический характер (прибалтийские и западные губернии). В Финляндии и Польше широкой поддержкой пользовался лозунг территориальной автономии, за которой нередко стояла идея полной государственной самостоятельности. Это требование получило распространение отчасти также среди украинской и в определенных, правда, достаточно узких, слоях грузинской интеллигенции. Рост недовольства на окраинах подпитывался как жесткой национальной политикой правительства, в частности ограничениями в отношении поляков, финнов, армян и некоторых других народов, так и экономическими неурядицами, которые переживала Россия в первые годы XX в. Как бы то ни

было, все это подстегивало этноидентификационные процессы и способствовало пробуждению и утверждению национального самосознания и возникновению этнических движений.

Складывание подобной ситуации не было особенностью только России. По мнению исследователей, в любом государстве сохранение территорий, компактно населенных народами разного происхождения и вероисповедания, находящимися на разных уровнях культурного и экономического развития, а иногда и с собственными традициями государственности, рано или поздно приводит к возникновению движений за национальную автономию и даже за государственную независимость⁴⁴. Все зависит от степени возможной интеграции тех или иных этносов в сложившуюся государственную общность и от сбалансированности политики правящих кругов. На это обстоятельство, в частности, указывал в своих мемуарах С.Ю. Витте, который, анализируя задним числом «революционный потоп» 1905–1907 гг., писал: «В Российской империи такой потоп наиболее возможен, так как более 35% населения не русского, завоеванного русскими. Всякий же знающий историю знает, как трудно спаивать разнородные населения в одно целое, в особенности при сильном развитии в XX столетии национальных начал и чувств»⁴⁵.

К началу XX в. российские этносы представляли собой чрезвычайно разнородную массу. В ней сосуществовали и этнические общности архаического типа с родоплеменной организацией, и народы с современным опытом государственно-политической консолидации и отчетливо выраженной национальной идентичностью. Но в подавляющем своем большинстве народы России продолжали пребывать в донациональном состоянии, особенно учитывая тенденцию современных исследователей значительно расширить качественные признаки нации⁴⁶. Уровень же этнического сознания большинства народов империи и в начале XX в. был весьма низок, и практически все они самоидентифицировались по конфессиональному, локальному, клановому или династическим признакам. Видимо, говорить о национальном движении и наличии в нем политических целей при отсутствии этнического самосознания у его участников можно лишь достаточно условно.

Так или иначе, политическими выразителями этнических и национальных движений на окраинах империи стали национальные партии, возникшие в последней трети XIX – начале XX в. Эти политические организации опирались на идеи национального и культурного возрождения и развития собственных народов как необходимого условия будущего государственного переустройства России. Под влиянием идей марксизма и либерализма здесь стали почти одновременно набирать силу два идеологически разнородных потока – социалистический и национально-либеральный. Практически все

партии либерального толка вышли из лона культурно-просветительных обществ, большинство партий социалистической ориентации – из возникших ранее тщательно законспирированных нелегальных кружков и групп. Все они формировались под воздействием европейских и российских либеральных и социалистических традиций и идей⁴⁷. И если социалистическое движение развивалось чаще всего под лозунгами интернационализма, классовой борьбы, объединявшей представителей всех народов империи, то для каждого из национально-либеральных движений приоритетными становились вопросы национального самоутверждения собственного народа.

Первые национальные политические партии начали формироваться прежде всего в тех регионах, где освободительное движение имело давние традиции. Одним из первых оно зародилось в Польше и на самом раннем этапе представляло собой выступления преимущественно польского дворянства. Уже в ходе восстания 1830 г. наметилась тенденция к сплочению польского общества в борьбе за независимость и восстановление своей государственности. Видную роль при этом сыграло польское католическое духовенство, оказывавшее глубокое влияние на широкие слои населения. Восстание 1863 г. еще более сплотило польский народ и стало важным шагом на пути формирования современной польской нации. После подавления восстания репрессии обрушились в первую очередь на духовенство и шляхту. В то же время правительство пошло навстречу крестьянству, пытаясь привлечь его на свою сторону льготами и послаблениями и тем расколоть польское общество. Вместе с тем были введены ограничения при приеме поляков на государственную службу, польский язык вытеснялся из государственных учреждений и школ, вводились ограничения на издание книг, журналов и газет. Однако подобные меры не принесли ощутимых результатов, лишь ускорив процесс консолидации польского общества.

В 1887 г. группа поляков в Швейцарии создала организацию польских эмигрантов, которые выступали за восстановление Речи Посполитой. Эта организация во главе с участником восстания 1863 г. З. Милковским получила название Польской лиги и занималась в основном культурно-просветительской деятельностью. В 1893 г. она была реорганизована, и в результате появилась новая нелегальная организация – Национальная лига, попытавшаяся взять на себя роль координатора деятельности всех организаций и партий, выступавших за восстановление польской государственности на основе национально-либеральных идей. Возглавили новую организацию Р. Дмовский, Я. Поплавский и З. Балицкий. Последний стал отцом новой идеологии польского национально-либерального движения, получившей наименование «национальный эгоизм». Суть идеологии нового национального патриотизма заключа-

лась в том, что поляки должны были строить свои отношения с другими народами на основе национального эгоизма, не считаясь с их интересами⁴⁸.

В конце XIX в. в Польше сформировались две национальные политические партии со своими программами, установившейся организационной структурой и порядком членства. В 1893 г. возникла Польская социалистическая партия (Польска партия социалистична – ППС) во главе с Ю. Пилсудским, Я. Сторожецким, Ю. Грабовским, Л. Кульчицким, в программе которой эклектически соединялись социалистические и националистические идеи. Партия, несмотря на постоянные репрессии, имела достаточно прочные позиции не только на территории Польши, но и на Украине, в Белоруссии, Литве, Галиции, Силезии, поддерживала контакты со студентами, обучавшимися в университетах Петербурга, Москвы, Киева, Харькова. Однако внутри ППС вскоре наметился раскол. Ее правое крыло (так называемые «старики») во главе с Пилсудским были наиболее последовательными сторонниками идеи полной самостоятельности польского рабочего движения и в своих антирусских настроениях готовы были идти на развязывание вооруженного восстания против России. Левое крыло («молодые») считало возможным соединить национально-освободительные устремления с идеями социального освобождения и были сторонниками единства действий польского и российского пролетариата.

В 1897 г. было провозглашено создание Национально-демократической партии (НДП, эндеция) во главе с Р. Дмовским, ставшей фактически первой буржуазно-националистической партией, созданной на территории Российской империи. Она провозгласила себя продолжателем дела Национальной лиги в Польше. Правда, организационно НДП окончательно оформилась только к 1905 г., когда ее партийные структуры были созданы во всех 10 польских губерниях. С начала своей деятельности она стремилась стать выразительницей интересов всего польского народа в его борьбе за восстановление польской государственности. Однако, претендуя на общепольское значение, НДП фактически ориентировалась прежде всего на среднюю и мелкую буржуазию, интеллигенцию и студенчество. Программа национальных демократов в начале их политического пути носила либеральный характер, но затем все более явно эволюционировала в сторону воинствующего национализма и антисемитизма, так что, в конце концов, эта партия перешла на позиции правого консерватизма⁴⁹.

Довольно рано появились в Польше и политические организации социалистической ориентации. Одной из первых стал Первый «Пролетариат» (Л. Варыньский, А. Дембский, С. Куницкий и др.), действовавший в 1882–1886 гг. под лозунгом социального освобождения трудящихся в ходе мировой пролетарской революции. Его

программное заявление фактически представляло собой изложение основных принципов «Коммунистического манифеста», несколько приспособленных к польским реалиям, и тактических установок «Народной воли». Второй «Пролетариат» (С. Мендельсон, М. Янковская-Мендельсон, Л. Кульчицкий и др.) стал преемником революционных традиций своего предшественника как в приверженности социалистическим ценностям, так и в использовании народо-вольческой тактики индивидуального террора. Вместе с тем эта организация, действовавшая в 1888–1898 гг. и стремившаяся более отчетливо выражать национальные интересы, в качестве ближайшей задачи также выдвигала совместную борьбу польского и русского пролетариата за демократическую конституцию для всей России и территориальную автономию Польши. С ростом масштабов рабочего движения партия не могла оставаться безучастной к экономическим требованиям пролетариата. На этой почве стало возможным ее сближение с Союзом польских рабочих, созданным в 1890 г. В ноябре 1892 – марте 1893 г. обе организации вошли в ППС. Однако откровенный антирусский курс ее лидеров, оправдывавших любые акции против «русских оккупантов» вплоть до сотрудничества с внешними врагами России, вызывал несогласие среди ее членов и организаций, что приводило к неоднократным расколам.

В 1893 г. возникла Польская социал-демократия, вскоре сменившая название на Социал-демократию Королевства Польского (СДКП). Ее лидерами стали Р. Люксембург, Б. Весоловский, К. Ратынский, Ю. Мархлевский и др. Прошедший в 1894 г. первый съезд новой партии заявил о полной солидарности с российским революционным движением. Своей конечной целью СДКП объявила социализм. Движущей силой социалистической революции должен был стать пролетариат. Основными пунктами программы-минимум было требование демократической конституции, которая бы гарантировала всеобщее и равное избирательное право, свободу совести, национальное равноправие, свободу слова, собраний, объединений, стачек и т.д. В отличие от ППС съезд не включил в программу требование независимости Польши, ограничившись правом на ее самоуправление. В 1895 г. СДКП была почти полностью разгромлена, часть ее членов вошла в ППС. Лишь в 1900 г. партия благодаря усилиям Ф. Дзержинского, Ю. Кохановского, Э. Соколовского и др. польских и литовских социал-демократов была воссоздана под новым названием – Социал-демократия Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ.). Второй съезд партии, состоявшийся в том же году, подтвердил приверженность СДКПиЛ основным программным принципам 1894 г., высказавшись за уточнение пункта по национальному вопросу: вместо «самоуправления» принят был пункт о «полной автономии» польского, литовского и других народов в рам-

ках демократической конституционной России. Съезд принял также резолюцию о необходимости самого тесного сотрудничества с рабочими партиями всей империи и установления связей с российскими социал-демократами. Однако отношения партии с последними, а также с Бундом и ППС складывались весьма непросто и неоднократно резко обострялись. Вскоре после начала русско-японской войны СДКПиЛ призвала все социалистические партии России к совместным действиям против самодержавия.

Финское национальное движение начало формироваться с середины первой половины XIX в., постепенно, по мере развития этнического сознания, противопоставляя себя господствующей шведской элите. Тогда же возникли и национально-культурные течения – шведоманское, отстаивавшее сохранение преимуществ шведских буржуазно-дворянских кругов, и фенноманское, ставившее целью признание равноправия финского и шведского языков и культуры. В 1860–1870-х годах реформы, проводившиеся в России, затронули и Финляндию: была установлена периодичность созыва финского сейма, введена выборность органов городского самоуправления, созданы финские воинские формирования, провозглашено равноправие финского и шведского языков и т.д. Но уже с середины 1880-х годов правительство берет курс на ограничение особого автономного статуса Великого княжества Финляндского. Особый размах централизаторская и русификаторская политика приобрела с назначением генерал-губернатором Н.И. Бобрикова, при котором был взят курс на полное подчинение ряда местных ведомств (почтового, таможенного, монетного) центральным ведомствам, осуществлен перевод официального делопроизводства на русский язык. Манифестом 3 февраля 1899 г. были значительно ограничены права сейма (теперь центральная власть могла издавать законы для Финляндии без его согласия), указ 1903 г. провозглашал чрезвычайные полномочия генерал-губернатора. Все это вызвало недовольство и даже акции протеста населения. Национально-культурные течения приобретают характер политических движений (старофинны, младофинны, шведоманы), которые постепенно оформляются в националистические политические партии – Шведскую народную партию, Финскую партию, целью которых первоначально было сохранение и расширение, при вполне лояльном отношении к центральной власти, особого статуса Финляндии в рамках Российской империи. Ужесточение правительственной политики по ограничению финской автономии вызвало нарастание оппозиционных настроений. В 1894 г. Финская партия раскололась. Часть более радикально настроенной молодежи во главе с Ю. Кастреном, К.Ю. Стольбергом, Э.Н. Сетялей, П.Э. Свинхувудом, Э. Эрко создала так называемую Младофинскую партию, которая стала действовать под лозунгом «пассивного сопротивления», призывая, в частности, не при-

знавать и не выполнять противоречащие финским законам распоряжения российских властей. Более консервативно настроенная часть партийцев образовала Старофинскую партию. В 1902–1903 гг. был образован так называемый конституционный блок – Партия пассивного сопротивления, в который вошли Шведская и Младофинская партии. И, наконец, в 1904 г. была создана Партия активного сопротивления Финляндии (ПАСФ), ядро которой составили радикально настроенные члены Старофинской, Младофинской и Шведской партий, считавшие, что в сложившихся условиях пассивные методы борьбы уже недостаточны. Ее лидеры – К. Зиллиакс, Ю. и Х. Гумерус, Х. Стенберг и другие – признавали любые средства борьбы с самодержавием, вплоть до террора, фактически провозгласив состояние войны с Россией.

Первые рабочие союзы появились в Финляндии еще в 1880-х годах, но политические организации социалистической ориентации возникли лишь на рубеже XIX–XX вв. Наиболее крупной из них была Рабочая партия Финляндии, основанная в 1899 г. и переименованная в 1903 г. в Социал-демократическую партию Финляндии. В ее рамках работал и Шведский рабочий союз Финляндии, который объединял шведскоязычных рабочих и обладал значительной организационной самостоятельностью. СДПФ выступала за сохранение самостоятельности Финляндии, одновременно заявляя о приверженности интернационалистской платформе⁵⁰.

К кануну 1905 г. ситуация здесь накалилась: убийство в 1904 г. генерал-губернатора Н.И. Бобрíkova и создание финских военизированных организаций фактически ознаменовало вовлечение финнов в русскую революцию.

В Прибалтике в развитии национального движения первоначально доминирующим фактором было противостояние местного населения немецкому засилью. Политика правительства по ограничению «остзейского особого порядка», ликвидации ряда привилегий и преимуществ прибалтийских немцев в сферах местного управления, образования, печати и т.п. в какой-то мере отвечала интересам местного населения, но не решала этнокультурные проблемы. В Литве в конце 1880 – начале 1890-х годов возникли кружки пропагандистов и последователей идей национального возрождения, из которых в 1902 г. возникла Литовская демократическая партия во главе с лидерами П. Вышинским (Вышинскас), Анджуляйтисом, Яблонским, Вилейшисом. Партия, опиравшаяся на литовскую среднюю и мелкую городскую буржуазию, либеральную интеллигенцию и крестьян-хуторян, была близка к «освобожденцам» и рассчитывала с помощью российских либералов добиться автономии края. Еще ранее, в 1896 г., возникла Литовская социал-демократическая партия во главе с А. Домашевичем и А. Моравским. В ней с самого начала оформилось сильное правое крыло националистиче-

ского толка. Уже в мае того же года представители левого крыла во главе с С. Трусевичем вышли из партии и создали Рабочий союз Литвы, в который вошли и представители польских марксистов, которые вели пропаганду среди польскоговорящего населения. Союз последовательно отстаивал принцип интернационализации революционной борьбы, и потому вполне закономерно в 1900 г. он объединился с польскими социал-демократами⁵¹.

У истоков латышского национального движения стояла группа так называемого «Нового течения», возглавлявшаяся Каспарсоном и А. Дауге, которые исповедовали либерально-реформистские идеи. «Новое течение» оказывало большое влияние на развитие латышской культуры – литературы, театра, языка. Накануне революции в крае активно действовало «Рижское латышское общество». Националисты объединялись вокруг газеты «Ригас Авизе», которая выступала против революционных действий. Они пытались привлечь на свою сторону крестьянские массы, обещая добиваться проведения земельной реформы и преобразования местного самоуправления. Националистические настроения нашли отражение и в программе возникшего в 1900 г. Латышского социал-демократического союза, который провозгласил своей целью создание независимой Латвии, причем открыто признал террор как средство политической борьбы.

Популяризация марксистских идей в рабочей среде привела к образованию в апреле 1902 г. Прибалтийской латышской социал-демократической рабочей организации. Ее лидеры Я. Янсон (Браун) и Я. Озолс разработали проект программы, взяв за основу Эрфуртскую программу германской социал-демократии и программу РСДРП. В июне 1904 г. на основе этой организации была учреждена Латышская социал-демократическая рабочая партия (ЛСДРП). Программа партии не поднимала вопрос о национальном будущем Латвии, в ней говорилось лишь о предоставлении права на самоопределение всем народам Российской империи⁵².

В Эстонии вплоть до революции не было национальных партий. Здесь функционировали различные культурные, спортивные и другие общества. Немногочисленные эстонские социал-демократы входили в состав РСДРП и не выдвигали каких-либо особых требований. Уже позднее, на фоне активизации в годы революции этнических движений и оформления эстонских либеральных политических организаций, часть социал-демократов вышла из РСДРП и создала в августе 1905 г. Эстонский социал-демократический союз, заявивший о необходимости предоставления Эстонии автономии⁵³.

Первые ростки национального пробуждения белорусов проявились в духовной сфере и прежде всего в становлении и развитии белорусского литературного языка – в складывании его графической системы, норм правописания, основ научной и политической лекси-

ки. В 1902 г. на базе национальных просветительных кружков интеллигенции, учащейся и студенческой молодежи возникла политическая организация – Белорусская революционная громада во главе с лидерами И. и А. Луцкевич, Э. Пашкевич, А. Бурбис. В 1903 г. она была переименована в Белорусскую социалистическую громаду. В ней были представлены самые разные направления – социалистическое, революционно-демократическое, либерально-буржуазное. Наряду с общими социальными и политическими требованиями эсеровского толка БСГ ставила вопросы развития белорусской культуры, языка, школы. На ее первом съезде в 1903 г. была принята программа, в которой были и пункты по национальному вопросу. В частности, съезд высказался за краевую автономию с сеймом в Вильно и за предоставление национально-культурной автономии для меньшинств (имелись в виду прежде всею евреи). Партия определила себя как социально-политическую организацию белорусского трудового народа, конечная цель которой виделась в уничтожении капиталистического строя, передаче в общественную собственность земли, средств производства и коммуникаций. Кроме того, в крае определенным влиянием пользовалась ППС, проповедовавшая единение всех слоев населения⁵⁴.

Украинское национальное движение появилось еще в первой половине XIX в. Оно находило выражение в деятельности культурно-просветительных кружков кирилло-мефодьевцев, «громадовцев», членов общества «Просвита». Издание Валуевского (1863 г.) и Эмского (1876 г.) циркуляров о запрещении просветительной и культурно-художественной деятельности на украинском языке лишь укрепили стремление украинской интеллигенции продолжать борьбу за утверждение украинской национальной культуры⁵⁵. Одним из наиболее радикальных адептов украинского национализма был Н. Михневский, ученик известного украинского историка М. Грушевского. Созданная им в 1897 г. в Харькове организация «Студентска громада» всячески третировала и даже избивала студентов, увлекавшихся русской культурой, и прорусски настроенных деятелей («общероссов»).

В феврале 1900 г. в Харькове на съезде студенческих «громад», представлявших практически весь политический спектр украинского общества, была создана Украинская революционная партия (РУП), выдвинувшая требование предоставления Украине автономии. В дальнейшем, при разработке программы партии появились признаки ориентации ее на идеи социал-демократизма. Проект программы, представленный в 1903 г., предусматривал решение национального вопроса путем предоставления гарантий прав каждого народа на свободное культурное и общественное развитие. Украина должна была получить автономию «с отдельным представительным собранием (сеймом), которому принадлежит право законода-

тельства в тех внутренних делах, которые касаются только населения, проживающего на территории Украины». Хотя этот проект не был утвержден в качестве официальной программы, он повлиял на процесс укрепления социал-демократических настроений в партии. РУП находилась под сильным влиянием ППС, тесно сотрудничала с Украинской социал-демократией Галиции, с еврейским Бундом, поддерживала постоянные контакты с РСДРП (особенно с меньшевистской частью), которая настойчиво проводила линию на отрыв руповцев от украинских националистов и их слияние с российскими социал-демократами. В 1901 – начале 1902 г. от партии отделилось националистическое крыло, трансформировавшееся в Украинскую народную партию (УНП). После декабрьского съезда 1904 г. РУП фактически раскололась на две фракции.

Большинство («националы») во главе с Н. Поршем отстаивало национально-территориальную автономию Украины и организационную самостоятельность РУП как единственного представителя украинской социал-демократии. Меньшинство («интернационалисты») под руководством М. Меленевского стремилось объединиться с РСДРП. Группа во главе с Тучапским, Меленевским и Мазуренко выпустила декларацию «Раскол в РУП» и вскоре объявила об организации Украинского социал-демократического союза («Спилка»), близкого к меньшевистской платформе.

УНП возглавил харьковский адвокат Н. Михневский, выступавший за возвращение Украине прав, определенных Переяславским договором 1654 г., и распространение их на всю «территорию украинского народа России». Партия издавала во Львове свою газету «Самостийна Украина», которая пропагандировала лозунг «Украина для украинцев». Главным в программных документах партии была идея «национального социализма». УНП, ввиду ее крайнего национализма, фактически не имела сторонников среди других национальных и российских партий, поскольку выступала не только против самодержавия, но и «против московского общества и москалей», «против русской культуры и московских интересов». О крайности ее позиции свидетельствовал тот факт, что 31 октября 1904 г. в Харькове ее члены свалили памятник А. С. Пушкину, а утром следующего дня выпустили воззвание «Оборона Украины», в котором призывали решительно покончить «с поруганием украинской культуры, чести и достоинства».

В 1903 г. появились Украинская демократическая партия (УДП) и Украинская радикальная партия (УРП), выдвинувшие лозунги борьбы за автономию Украины, национальную школу и за использование украинского языка в государственных учреждениях. В это же время заявила о себе Украинская партия социалистов-революционеров (УПСР) во главе с лидерами А. Заливчим, Н. Зализняком, Е. Квасневским. Ее первые организации (громады) появились в

1903–1904 гг. в Киеве, Одессе, Полтавской губернии и были тесно связаны с российскими эсерами. Рассматривая себя как «часть армии международного социализма», УПСР считала необходимым применять «требования социалистических партий всего мира» к конкретным условиям жизни украинского пролетариата и трудящегося крестьянства⁵⁶.

Южные и западные губернии империи были регионами достаточно компактного проживания евреев: именно здесь проходила пресловутая «черта оседлости», определенная властями еще в первой половине XIX в. Еврейское население империи испытывало наиболее сильное давление со стороны государства. В царствование Николая I было принято законодательство, определявшее статус евреев. Им позволялось постоянно проживать только в 15 южных и западных губерниях. Вне черты оседлости разрешалось только временное проживание для ведения торговых дел, подрядов, поставок и для «усовершенствования в науках, художествах и ремеслах». В черте оседлости им разрешалось свободно менять место жительства, приобретать недвижимость, устраивать промышленные предприятия и селиться для хлебопашества на казенных землях. В последующие годы издавалось немало актов то смягчавших, то ужесточавших различные ограничения в условиях жизни евреев-иудеев. При Александре II купцы-евреи первой гильдии получили разрешение на проживание в любой местности империи (1856 г.), лицам, окончившим высшие учебные заведения и имевшим ученые степени, было дано право повсеместного жительства и поступления на государственную службу (1861 г.), право проживания на всей территории империи получили евреи, имевшие специальности врачей, фельдшеров, аптекарей, механиков, винокуров, пивоваров, а также ремесленники (1865, 1876 гг.). Затем последовал период ужесточения законодательства. В 1882 г. евреям было запрещено селиться вне городов и местечек даже в черте оседлости, в 1886 г. была введена процентная норма при поступлении в высшие учебные заведения, в 1889 г. — для занятия адвокатурой, в 1892 г. евреи были ограничены в доступе к нефтяной промышленности, в 1900 г. последовало такое же ограничение в отношении акционерных обществ и т.д.⁵⁷

Такие ограничения были обусловлены рядом обстоятельств, среди которых одними из наиболее существенных были активное участие евреев в революционном движении и участвовавшие случаи еврейских погромов, обусловленных в значительной мере спецификой их деятельности (ростовщичество, шинкарство и т.п.). Под влиянием модернизационных процессов внутри российского еврейства быстро шло формирование светской интеллигенции, в силу жизненных условий ориентированной в основном на социалистические и националистические идеи. Наиболее радикально настроенные элементы пополняли ряды революционных организаций. Усили-

лась еврейская эмиграция. И, наконец, российские евреи оказались едва ли не в эпицентре формирования сионистского движения, ставившего целью создание еврейского государства в Палестине. Сионизм оформился как «Мировая сионистская организация» на конгрессе в Базеле в 1897 г., причем основные его лидеры вышли из России. В 1900–1901 гг. возникли организации сионистов-социалистов «Поалей Цион». На их основе в 1904–1905 гг. были созданы политические формирования – Сионистско-социалистическая рабочая партия (ССРП), Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП), Еврейская территориальная рабочая партия (ЕТРП). Тогда же на основе кружков «Поалей Цион» была создана Еврейская социал-демократическая рабочая партия Поалей Цион.

ССРП, сделав ставку на работу среди ремесленников, кустарей, мелких торговцев и служащих, стала наиболее многочисленной (около 24 тыс. членов) и влиятельной среди еврейских организаций. Главной своей задачей она ставила борьбу за создание еврейского государства в Палестине. СЕРП выступала за национально-культурную автономию евреев в рамках Российской империи. Первые группы сионистов-социалистов «Поалей Цион» (Рабочие Сиона) на территории России возникли в 1900–1901 гг. в Екатеринославе, а в 1902 г. они уже действовали в Варшаве, Вильно, Витебске, Одессе и ряде других городов. Не имея определенной программы, участники этих объединений придерживались как идей ортодоксального марксизма, так и неонароднических взглядов. Несмотря на различия идейно-политических платформ, отличительной чертой всех этих еврейских партий и организаций была их приверженность сионизму и обретению территориального анклава, в чем они видели единственный путь к возрождению еврейского народа. «Сионизм, – провозглашалось в программе ССРП, – как национальное движение может обнять различные слои еврейского народа, будущность которых связана с самостоятельным обществом на собственной территории». Достижение «сионистского идеала» представлялось длительным историческим процессом, конечной целью которого должно было стать создание еврейского социалистического общества. Отдавая рабочему классу приоритет в реализации сионистских планов, «Поалей Цион» выдвигала идеи «пролетарского сионизма», считая, что «территоризм, в качестве политической революции в еврейской жизни, осуществляется классовой борьбой еврейского пролетариата. Это выражается в возникновении и развитии всемирного пролетарско-сионистского движения, которое стремится на пути к социальной революции разрешить еврейскую национальную проблему территориальной автономией в Палестине». В большинстве своем сионистские организации отказывались от слияния с общероссийскими пролетарскими партиями, подвергая резкой критике их деятелей еврейского происхождения за «буржу-

азно-ассимиляционную идеологию», которая искажает истинные интересы еврейского пролетариата.

В 1897 г. в Вильно был учрежден Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России (Бунд), лидерами которого были Т. Копельзон, А. Кремер, И. Миль и другие. Бунд оказался единственной в России еврейской организацией социал-демократического толка, построенной не по территориальному, а по этническому принципу. Его социальную опору составляли в основном представители интеллигенции, рабочие, ремесленники, служащие, студенты. В 1902 г. 5-й съезд Бунда подтвердил решимость организации выступать в качестве самостоятельной социал-демократической еврейской партии. Бундовцы исповедовали идею особой миссии еврейского народа, считали, что еврейский пролетариат как наиболее бесправный, обреченный на физическое и духовное вырождение, нуждается в специальной еврейской рабочей организации. Отстаивая организационную автономию и свою исключительную роль в руководстве борьбой еврейского пролетариата, Бунд все же считал на данном этапе приоритетными социально-экономические задачи, а не общие идеи национального возрождения еврейского народа. Его активисты полагали достаточным решение еврейского вопроса в рамках национально-культурной автономии при условии демократического развития России. К 1903 г. Бунд сумел создать свои комитеты в тех районах, где уже действовали общероссийские социал-демократические ячейки, входил с ними в контакт, но отстаивал свою самостоятельность⁵⁸.

Среди народов Закавказья наиболее высоким уровнем этнического самосознания отличались армяне. Формирование армянской интеллигенции способствовало возрастанию ее воздействия на широкие народные массы. С 1880-х годов возникают многочисленные группы по изучению армянской культуры, языка, литературы, вокруг которых собиралась молодежь. Одновременно стали появляться группы армянских радикалов, которые культивировали в своем узком кругу идею создания независимой Великой Армении. Поскольку связующим центром для всех армян, разбросанных по всему миру, выступала церковь, именно ей отводилась ключевая консолидирующая роль. Жестокая дискриминация армян в Турецкой Армении привела к активизации действий по созданию политических организаций, способных объединить армянский народ. В 1887 г. группа армянских студентов, выходцев из России (А. Назарбекян, М. Варданян и др.), создала в Женеве партию «Гнчак» («Колокол»). Ее отделения возникли практически во всех государствах, где жили армяне. Позднее основатели партии уточнили название, добавив к нему определение «социал-демократическая». Программный документ партии, принятый в 1897 г. в Лондоне, гласил, что одной из задач «Гнчака» является собирание всех армян-

ских земель и народа и создание независимого армянского государства. Однако партия не имела широкой социальной базы.

Значительно более массовую поддержку обрела возникшая в 1890 г. в Тифлисе Армянская революционная партия, или «Молодая Армения», вскоре переименованная в «Дашнакцутюн» (Союз Федерация). Партия, придерживавшаяся социалистической ориентации, сумела объединить действовавшие на Кавказе разрозненные кружки армянских народников, радикальных националистов и представителей национальной интеллигенции. К началу Первой российской революции в империи действовало 2311 ячеек партии, а число ее членов достигало 100 тыс. Главной ее целью провозглашалось создание независимого армянского государства на территории Турции. При этом «дашнаки» допускали любые формы борьбы, в том числе и вооруженные выступления, и террористические акции. Партия опиралась на самые различные слои армянского населения — и на представителей национальной буржуазии, и на творческую интеллигенцию, и на рабочих, крестьян и служащих, что обусловило чрезвычайную пестроту ее состава. В 1904 г. третий съезд «Дашнакцутюн» принял решение перенести свою деятельность на территорию Восточной Армении, и вскоре партия стала общearмянской.

В октябре 1903 г. в Женеве группа армянской интеллигенции провозгласила создание Армянской социал-демократической рабочей партии. Партия объявила о намерении исходить в своей деятельности из специфики армянской действительности, в связи с чем за ее членами закрепилось название «специфики». Они выступали с лозунгами единства армянской нации, с призывами к армянскому пролетариату объединяться с другими социальными группами собственного народа.

Ситуация с армянами к последнее десятилетие перед революцией резко обострилась в результате политики царских властей. В 1895 г. главноначальствующий на Кавказе князь Голицын закрыл армянские школы, а тремя годами позже конфисковал их средства. В 1900 г. было закрыто Кавказское армянское издательское общество. Усилилось давление на периодическую печать, ужесточилась цензура. Гонения на школу, язык, культуру вызвали массовое недовольство не только интеллигенции, но и широких народных масс. Стихийно стали возникать кружки по изучению армянского языка и литературы, проводились лекции и беседы по истории армянского народа. Когда же 12 июня 1903 г. был издан указ об изъятии у армянской церкви имущества (на сумму свыше 112 млн руб.), в Тифлисе, Баку, Елисаветполе, Александрополе, Эривани, Эчмиадзине, Лоринском и Борчалинском уездах прошли массовые митинги и демонстрации протеста, начали распространяться слухи о готовящемся покушении на представителей властей. В январе 1904 г. МВД получило сообщение о создании в Тифлисе новой тай-

ной организации «Армянский центральный комитет самозащиты», целью которого провозглашалась вооруженная борьба за независимость Армении⁵⁹.

В начале 1900-х годов заметно активизировалось национальное движение в Грузии. В апреле 1904 г. в Женеве состоялась учредительная конференция первой грузинской партии социалистической ориентации – Партии грузинских социал-федералистов. Основу ее составляла молодая грузинская интеллигенция, с неустоявшимися взглядами, проповедовавшая социализм, анархизм, грузинский национализм. Один из партийных лидеров, А. Джорджадзе, выступал с защитой теории «общей почвы» и классового мира внутри нации, убеждая народ забыть внутренние разногласия. Тем не менее партийная программа, принятая в 1904 г., провозглашала основной целью завоевание социализма. Социалисты-федералисты выступали за постепенность социалистических преобразований, считая, что революция будет происходить поэтапно и займет длительный исторический период. Решение национального вопроса связывалось с достижением грузинской автономии на основе федеративного устройства России. Важным моментом программы была установка на преодоление национальных антагонизмов.

В 1903 г. в Гурии вспыхнуло крестьянское восстание. Будучи глубоко социальным по существу, оно приобрело также и характер национального движения. Вместе с грузинскими меньшевиками крестьяне образовали собственные органы самоуправления, провозгласив независимую «Гурийскую республику». После подавления восстания резко возросла активность грузинских либералов, которые провели в конце 1904 г. «банкетную кампанию» в Тифлисе, Батуме, Кутаиси, Сухуми, в ходе которой выдвигались требования реформ⁶⁰.

В Азербайджане, в Баку, еще в 1875 г. появилась первая тюркомусульманская газета на азербайджанском языке «Экинджи» («Пахарь»), где впервые были сформулированы этнонациональные идеи. Газету вскоре закрыли, а ее редактору было отказано в праве организации Мусульманского благотворительного общества. В конце XIX – начале XX в. на страницах газеты «Каспий», издававшейся на деньги нефтепромышленника Тагиева, стали пропагандироваться панисламистские идеи. Авторы статей (А. Агаев, А. Гусейн-заде и др.) писали о единстве народов, исповедующих ислам. Толчок распространению либеральных идей дали произведения Мирзы Фатали Ахундова, написанные на близком народным массам языке и проповедовавшие ценности, почерпнутые из либерально-просветительной идеологии XVIII в. Вслед за ним появилась целая плеяда поэтов, писателей, драматургов либерального направления. Вскоре здесь получили распространение и социал-демократические идеи. Одним из организаторов первой в Закавказье мусуль-

манской социал-демократической группы и газеты «Гуммет» («Энергия») был политик, писатель и журналист Мамед Эмин Расул-заде. По его мнению, национальное движение в Азербайджане соединяло в себе национально-освободительные идеи Востока с культурно-демократическими течениями Запада. С осени 1904 г. газета стала выходить на родном языке. Своеобразие этой организации состояло в том, что она, действуя на правах отдела Бакинского комитета РСДРП, иногда выступала и как самостоятельная социал-демократическая группа (лидеры С. Эфендиев, М. Азизбеков, М. Мир-Касимов и др.⁶¹).

К 1905 г. в России насчитывалось, по разным оценкам, от 15 до 30 млн мусульман. Большинство оставалось на верноподданнических или лояльных к власти позициях, в немалой степени под влиянием своих священнослужителей и либералов. Тем не менее и в мусульманской среде зрело недовольство. В 1904 г. в каирской газете «Тюрк» были опубликованы статьи, из которых стало известно, что в Казани на нелегальном собрании мусульман – подданных России было составлено обращение к султану и ко всем европейским правителям с призывом воздействовать на российское правительство, которое с 1893 г. взяло курс на ужесточение политики в отношении мусульман, несмотря на доказанную ими лояльность⁶².

Этнические движения в Средней Азии оформились в виде джадидизма, заявившего о себе в полной мере уже в годы революции. Джадидизм, идеология которого сложилась в конце XIX в., представлял собой внеэтническое, вненациональное движение. Зародившись в 80-х годах XIX в. среди татарской либеральной интеллигенции, оно первоначально представляло собой сравнительно узкое культурническое движение за перестройку старой мусульманской системы образования и приближение ее к европейской. Затем постепенно джадидизм все более приобретал политический характер, превратившись в буржуазно-либеральное националистическое течение. Идеолог джадидизма крымский татарин Исмаил-бей Гаспринский, издававший в Бахчисарае газету «Тарджиман» («Переводчик»), считал возможным благоприятное развитие тюркских народов в границах православной империи, допуская даже мысль об ее трансформации в мусульманское государство.

В России существовали три основных центра джадидизма – Поволжье, Крым и Средняя Азия. В каждом из этих регионов его идеи получили свое собственное развитие. Наиболее глубокие корни он пустил в Средней Азии. Среднеазиатский регион представлял собой архаичные социумы с отсталой экономикой, засильем мусульманского духовенства и баев и с отсутствием каких-либо зачатков этнического самосознания у местных народов. Здесь джадидское движение, получившее сравнительно широкое распространение в Тур-

кестане, особенно среди узбеков, в Ташкенте, в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве, выступало инициатором изменения старого уклада жизни, за частичную реформу ислама, за перестройку в сфере образования, архаичность которого обрекала российских мусульман на неизбежное отставание в торговой и предпринимательской деятельности. Но определенной программы джадиды не имели. Для них характерно было множество оттенков во взглядах, порой полярно противоположных, противоречивость в высказываниях и установках. В целом же они были близки к будущей кадетской платформе. Они группировались вокруг отдельных легальных издательств, газет и журналов, благотворительных обществ. Влиятельными деятелями среднеазиатского джадидизма были Махмуд-ходжа Бек Буди, Мунавар-Кары Абдурашидов, Абдур-Рауф-Фитрат, Убейдулла Хаджаев (Туркестан), Файзула Хаджаев (Бухара), Палван-Нияз Ходжи-Юсупов (Хива). К ним нередко примыкали представители демократической интеллигенции, видные писатели, поэты, общественные деятели (А. Айни, Ч. Валиханов, А. Кунанбаев и др.). Вместе с тем часть местных джадидов ориентировалась на турецких пантюркистов, поддерживала тесные связи с татарскими панисламистами, что вызывало обеспокоенность властей.

Вместе с тем уже в эти предреволюционные годы все чаще давали о себе знать этнонациональные конфликты, особенно характерные для так называемых этноконтактных зон. В Архангельской, Петербургской и Псковской губерниях участились стычки между русскими и финскими крестьянами из-за земли. В Прибалтике, как уже отмечалось, создались напряженные отношения между местными крестьянами и немецким баронством. В Литве нарастало противостояние между литовцами, поляками и русскими. Причем, как докладывала полиция, «обострение национальной вражды охватило не только интеллигентные круги, но и народные массы». Уже отмечался рост антирусских настроений в Польше и Финляндии. В западных и юго-западных губерниях нарастала такая этнофобия, как антисемитизм. Волна еврейских погромов прокатилась по юго-западным губерниям еще в 1881–1882 гг. Она повторилась там же в начале 1900-х годов. Еврейские погромы имели место в Одессе (лето 1900 г.), в Кишиневе (апрель 1903 г.), когда за два дня было убито 45 и изувечено несколько сот человек, разграблению и разрушению было подвергнуто 700 еврейских домов и 600 лавок, в Гомеле (август 1903 г.), в местечке Смела Черкасского уезда Киевской губернии (август 1904 г.). Ареной постоянных конфликтов казаков и горцев, осетин и ингушей были Ставропольская и Терская губернии. В многонациональном Баку постоянно вспыхивали стычки между азербайджанцами и армянами. «Вирус» межэтнической, этноконфессиональной войны, фактически разгоравшейся между ними, распространился по всему Закавказью⁶³.

Эти тенденции, с которыми власть все чаще уже не в состоянии была справиться административно-полицейскими и политическими методами, не только представляли нарастающую опасность для режима, но и осознавались российской общественностью как угроза целостности страны. Однако в целом русские еще недостаточно включались в общий процесс этнокультурной самоидентификации и национального возрождения, хотя подъем национального движения нерусских меньшинств стимулировал развитие аналогичных тенденций. Отдельные уступки властей требованиям этнонациональных движений все чаще не достигали цели. Указ 12 декабря 1904 г. снял некоторые ограничения, существовавшие для отдельных народов в области языка, школы, конфессий, обещая дальнейшую либерализацию в этих сферах. Это несколько смягчило, но не устранило накал нараставших конфликтов. С усугублением политического кризиса и ослаблением власти все разнородные процессы становления и развития этнического самосознания получали мощный импульс и приходили в хаотическое движение. И все же следует отметить, что, за исключением ряда партийных образований поляков и финнов, эти движения не выходили за рамки культурной и отчасти административно-правовой автономии в пределах Российской империи и что в нараставшем кризисе на первом плане стояли социальные и общеполитические требования, с которыми выступали партии и организации и национально-либеральной, и социалистической ориентации.

Российское общество и власть: политический кризис «верхов»

Проблема введения представительного правления встала перед российским обществом едва ли не с момента возникновения института самодержавия. Слабость и неразвитость общественных сил были причиной того, что многочисленные предложения и проекты ограничения верховной власти, появлявшиеся и в самих властных структурах, «не имели последствий»⁶⁴. Формально вплоть до начала XX в. полнота царской власти никакими юридическими нормами и общественными институтами не ущемлялась. «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный, – гласила первая статья Свода законов Российской империи. – Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страх, но и за совесть, Сам Бог повелевает». Тем не менее в самой системе абсолютизма едва ли не с конца XVIII в. достаточно отчетливо прослеживаются определенные «подвижки» от средневекового деспотизма к «правовой монархии». Возникает система учреждений (Государственный совет, Сенат, министерства и т.д.), которые так или иначе принимают участие в обсуждении вопросов государственного управления. Еще в царствование Николая I произошла кодификация законода-

тельства: изданы были Полное собрание законов Российской империи (1830 г.) и кодекс действующего законодательства – Свод законов Российской империи (1832 г.). Создана была нормативная база, регламентировавшая структуру и компетенцию всех государственных и общественных органов управления, определявшая сословно-социальную иерархию общества, личные права и обязанности подданных. Эти нормы объявлялись обязательными, и сами монархи, оставаясь демиургами права, оказывались в определенной зависимости от созданного ими правового поля. Сформировался и продолжал численно расти бюрократический аппарат, который, оставаясь в целом орудием верховной власти, приобретал и относительную самостоятельность. В среде российской бюрократии под влиянием знакомства с западными интеллектуальными течениями формируется тип гражданского чиновника, признающего верховенство закона как нормативный принцип устройства государства и общества⁶⁵. Вместе с тем с усложнением экономической, социальной и политической жизни страны все более очевидным становится тот факт, что российский абсолютизм постепенно утрачивает свой преобразовательный потенциал и все более входит в противоречие с потребностями жизни, с интересами формирующихся новых общественных сил.

К середине XIX в. в западноевропейских странах фактически завершился процесс утверждения конституционно-монархических форм правления. Российское же самодержавие, вынужденное под давлением внешних и внутренних обстоятельств приступить к некоторой модернизации экономических и отчасти надстроечных структур, пойти на некоторое допущение представительных начал в сфере местного самоуправления, разделение судебных и административных функций власти, категорически отвергало любые попытки введения общественного представительства в высших государственных структурах. Такова была судьба довольно многочисленных либерально-консервативных проектов, разрабатывавшихся в 1860–1870-х годах XIX в. как в правительственных кругах (проекты П.А. Валуева, вел. кн. Константина Николаевича, П.П. Шувалова, М.Т. Лорис-Меликова и др.), так и в дворянских и земских собраниях, ходатайствовавших об «увенчании здания» реформ. Кратковременные колебания в этом вопросе Александра II, как известно, завершились его убийством. Проведенные им реформы, особенно земская, городская, судебная, сохранили и еще более усилили сформировавшееся уже в России деление общества на «западников» и «традиционалистов», выразителями идей которых стала российская интеллигенция. В результате создалось и фактически уже не проходило некое напряжение между верховной властью и обществом. В царствование Александра III всякие попытки как-то европеизировать самодержавный режим были решительно пресечены, в нема-

лой степени в результате террористических акций народовольческих организаций. Позиции левого радикализма в стране временно оказались подорванными, и он вынужден был в той или иной форме базироваться за границей. Но полностью справиться с оппозицией власти не удалось. И если дворянские собрания, которым законодательно было запрещено касаться вопросов государственного устройства, оказались законопослушны, то земства, где лидирующую роль играло либеральствующее дворянство, стали оплотом земского либерализма, игравшего роль лояльной режиму оппозиции.

Умеренный земский либерализм, не претендовавший на какие-либо кардинальные преобразования и первоначально рассчитывавший лишь на невмешательство властей в свою деятельность и возможность доводить до сведения монарха ходатайства о местных нуждах, мог бы, видимо, стать тем либерально-консервативным центром, на который могло бы опираться правительство. Но власть не хотела смириться даже с тем минимумом самостоятельности, о котором просили земцы. «Политика правительства, – вспоминал впоследствии один из авторитетнейших земских деятелей Д.Н. Шипов, – полная недоверия к общественной самостоятельности и ставившая себе целью ограничение необходимой земству самостоятельности и стеснение развития земской деятельности, вызываемого требованиями жизни, воспитывала в земской среде и в широких общественных кругах чувство недовольства, обиды, раздражения и лишала земские учреждения возможности работать спокойно и успешно». Это недовольство правительственной политикой послужило фактором, способствовавшим постепенному сплочению земских сил. Состоялся ряд нелегальных совещаний земских деятелей, на которых, наряду с вопросами об объединении и координации хозяйственной деятельности земств, обсуждался и «жгучий вопрос – о положении, создаваемом слепой политикой правительства»⁶⁶.

Середина 1890-х годов ознаменовалась оживлением и консолидацией как либерального земского, так и леворадикального движения. С воцарением Николая II девять земств (Тверское, Тульское, Тамбовское, Курское, Орловское, Полтавское, Саратовское, Уфимское, Черниговское) обратились к императору с адресами, рассчитывая на определенную либерализацию правительственной политики. Адреса не содержали требований изменения государственного строя, а лишь призывали власть считаться с мнением общественности и соблюдать законность и личные свободы. Однако обращение земцев Николай II воспринял как вызов. На состоявшейся 17 января 1895 г. встрече императора с представителями общест-венности он выступил с печально знаменитой речью, подготовленной для него известным идеологом самодержавия К.П. Победоносцевым, в которой фактически была намечена программа нового царствования. «Мне известно, – заявил Николай II, – что в послед-

нее время слышались в нескольких земских собраниях голоса людей, увлекающихся бессмысленными мечтаниями об участии земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял мой незабвенный покойный родитель»⁶⁷.

Это заявление, ставшее фактически жизненным *credo* последнего российского императора, базировалось на «трех китах»: на ставшем уже традиционном убеждении монархов, что Россия, особенно ее народные низы, не готова к восприятию идей народного представительства; на фанатичной вере в сакральное предназначение верховной самодержавной власти и в особый, отличный от Запада путь развития страны; на представлении о преданности народных масс царской идее и вере их в царя как Божьего помазанника. И следует отметить, что эти представления были, видимо, не беспочвенны, хотя переоценивать их в начале XX в. уже не приходилось.

Речь царя вызвала возмущение леворадикальных сил, разочарование и недовольство либеральных кругов российского общества. Уже 19 января в Петербурге появилось «открытое письмо» Николаю II, годом позже опубликованное в Женеве. В нем говорилось, что «слова царя бьют по самым скромным надеждам» и «вызывают на борьбу живые силы». «Вы первым начали борьбу, – писал, обращаясь к императору, автор письма П.Б. Струве, известный впоследствии праволиберальный деятель, а тогда «легальный марксист», – и борьба не заставит себя ждать»⁶⁸. Эти протесты, казалось, потонули в бурных политических событиях 1890-х годов. Но они сыграли заметную роль в консолидации и идейно-организационном размежевании основных общественно-политических сил. В среде земских либералов отчетливо наметились два политических направления – более радикальное (конституционное), представленное И.И. Петрункевичем, одним из лидеров Черниговского, а затем Тверского земств, и умеренное – во главе с Д.Н. Шиповым, бывшим тогда председателем Московской губернской земской управы. В 1896 г. в Женеве была издана брошюра видного земского и общественного деятеля кн. Д.И. Шаховского «Адресы земств 1894–1895 гг. и их политическая программа», в которой содержался ряд программных требований либералов – созыв Земского собора, преобразование Государственного совета и введение в него земских представителей, провозглашение свободы печати, совести, отмена сословных привилегий⁶⁹. Все эти вопросы оживленно обсуждались на разного рода собраниях, заседаниях культурно-просветительных и других обществ и организаций. Сделаны были и первые шаги в организационно-политическом плане. В 1899 г. группой видных земских деятелей (кн. Петр и Павел Долгоруковы, граф П.С. Шереметев, кн. Д. И. Шаховской и др.) был создан кружок «Беседа» с яв-

но оппозиционном уклоне, целью которого было провозглашено «пробуждение общественной деятельности, общественного мнения в России»⁷⁰.

На рубеже веков заметно активизировались и леворадикальные направления общественного движения. На смену старому народничеству, фактически вынужденному свернуть свою политическую деятельность в результате жестких репрессий 1880-х годов, пришли неонароднические кружки и группы социалистов-революционеров, социал-демократические и анархистские организации различного толка. Отстаивая, в отличие от либералов, не эволюционный, а революционный путь развития страны, эти организации, придерживавшиеся преимущественно социалистической ориентации, связывали демократические преобразования не только с ликвидацией самодержавия, но и с ниспровержением капитализма, с созданием более совершенного, на их взгляд, социалистического строя, хотя в понимании сущности этого перехода и средств достижения цели у них имелись существенные расхождения. В условиях отсутствия в России демократических свобод и запрещения деятельности любых политических и даже профессиональных объединений важную роль в идейной и организационной подготовке создания таких партий сыграли различные заграничные центры: для марксистов – плехановская группа «Освобождения труда» в Женеве, «Союз русских социал-демократов за границей», газета «Искра», сыгравшие большую роль в подготовке создания первой общероссийской социал-демократической партии (РСДРП); для неонародников (эсеров) – «Союз русских социалистов-революционеров», возникший в Берне (Швейцария), и «Аграрно-социалистическая лига», созданная и функционировавшая в Париже. Заграница и в дальнейшем служила базой российского социалистического движения. Здесь проходили партийные съезды, конференции, издавались газеты, готовились кадры профессиональных революционеров, находились партийные центры. Это обстоятельство, а также слабая связь с Россией не могли не сказаться на схематизме и даже утопизме многих партийных доктрин и оценок конкретных ситуаций партийными лидерами.

В то же время постепенно начинают оформляться партийные организации и внутри страны. В Польше, Финляндии, Прибалтике, затем на Украине, в Белоруссии, Закавказье возникают политические партии и организации, преимущественно социалистической ориентации и с культурно-национальным уклоном своих программ. К кануну 1905 г. насчитывалось уже несколько десятков таких региональных образований, часто сливавшихся и разделявшихся, менявших свои названия и даже иногда программные и организационные установки. С середины 1890-х годов появляются социал-демократические и эсеровские кружки и группы и в Центральной России, стремившиеся создать общероссийские партийные объединения.

Одной из первых партий такого масштаба становится Российская социал-демократическая рабочая партия, возникшая на базе заграничных центров и ряда социал-демократических организаций внутри страны. В 1894–1900 гг. в разное время возникли и функционировали 76 таких организаций, кружков и групп, действовавшие в 48 губерниях и областях страны. Частые полицейские разгромы вынуждали их прекращать свою деятельность, но они возрождались и продолжали вести агитационно-пропагандистскую работу, в основном среди рабочих. В середине 1890-х годов в ряде крупных городов возникли рабочие социал-демократические «союзы борьбы» – в Петербурге, Екатеринославе, Иваново-Вознесенске, Москве, Нижнем Новгороде, Киеве, Одессе, Харькове, пытавшиеся не только руководить стачечным движением, но и стремившиеся придать ему политическую направленность. Особый размах приняла всеобщая стачка текстильщиков в Петербурге в 1896 г., прошедшая при активном участии «Петербургского союза борьбы за освобождение рабочего класса», после чего правительством и был принят закон об ограничении рабочего дня. В марте 1898 г. в Минске состоялся I съезд РСДРП, на котором присутствовали 9 делегатов, представлявших 5 местных социал-демократических организаций. Съезд провозгласил создание партии. От его имени был издан манифест, и начался процесс преобразования «Союзов борьбы» в местные комитеты РСДРП. В манифесте кратко излагались основные задачи партии, принципы ее построения и деятельности, содержалась критика «экономизма», сторонники которого стремились придать борьбе рабочих исключительно «тред-юнионистский» характер. Но процесс создания партии затянулся. И дело было не только в обрушившихся на партийные организации полицейских репрессиях. Для завершения создания партии требовалось преодолеть не только организационную раздробленность, но и идеологические разногласия.

Казалось бы, особых препятствий в этом плане не должно было быть: основной идеологической составляющей российской социал-демократии был марксизм. Но, как оказалось, у многих его российских приверженцев были свои представления, своя интерпретация основных положений этой теории. Расхождения эти обуславливались тем, что марксизм, являясь продуктом всей западноевропейской цивилизации на раннеиндустриальной стадии ее развития, не был изначально ориентирован на какую-либо конкретную страну, и потому, как отмечают исследователи, «адаптация его к конкретным местным условиям предполагала определенный синтез основных его положений с национальными революционно-демократическими и социалистическими традициями». В полной мере это относилось и к России, особенно учитывая специфику ее развития и богатую историю общественного движения. Российская обществен-

ная мысль, развивавшаяся под огромным влиянием Запада, встрети-лась с марксизмом, уже имея в своем арсенале важнейшие его по-ложения и понятия – общественные классы и их борьба, граждан-ские права и свободы, революция и революционная диктатура, со-циализм и т.п.⁷¹. Но в то же время попытки применения марксизма на российской почве вызывали бурные дискуссии, что объяснялось также и чрезвычайно пестрым составом первоначальных его почи-тателей и сторонников. Среди них были и радикально настроенные интеллигенты, разочаровавшиеся в народничестве и народовольче-стве и жадно потянувшиеся к новой социалистической доктрине, и сторонники либеральной ветви освободительного движения, уви-девшие в новой теории обоснование буржуазных и демократиче-ских ценностей («легальные марксисты»), и сторонники некоторой ревизии марксизма («экономизм», бернштейнианство), подвергшие сомнению его важнейшие положения – о соотношении эволюции и революции, близкой гибели капиталистической системы, неизбеж-ности диктатуры пролетариата и т.д. Как бы то ни было, марксизм придал новые импульсы развитию общественный мысли и общест-венного движения в России. «В марксизме, – вспоминал впоследст-вии Н.А. Бердяев, отдавший в молодости дань увлечения новой до-ктриной, – меня больше всего пленил исторический размах, широ-та мировых перспектив. По сравнению с марксизмом старый рус-ский социализм представлялся явлением провинциальным. Марк-сизм конца 1890-х годов был, несомненно, процессом европеизации русской интеллигенции, приобщением ее к западным течениям, вы-ходом на большой простор»⁷². Как мы увидим, некоторые его базо-вые положения нашли отражение в программных документах и тактике различных политических партий и организаций. Но пока наиболее последовательные сторонники «русского марксизма» – Г.В. Плеханов со своей группой «Освобождение труда», базировав-шейся в Женеве, В.И. Ульянов (Ленин), Ю.О. Цедербаум (Мартов), А.Н. Потресов и другие – повели активную борьбу за преодоление разрозненности в рядах социал-демократических организаций, за их консолидацию на единой идейной платформе. С этой целью за границей было налажено издание газеты «Искра» и ее распростра-нение в России, что явилось важным звеном в идейном и организа-ционном строительстве партии.

Первые эсеровские организации в России также появились в се-редине 1890-х годов – в Петербурге, Саратове, Киеве, Пензе, Пол-таве, Воронеже, Харькове, Одессе. Это были небольшие по числен-ности и преимущественно интеллигентские по составу группы и кружки. Их распыленность и изолированность в значительной ме-ре обуславливалась неразработанностью и расплывчатостью про-граммных и тактических установок. Сохраняя в целом верность ре-волюционным и социалистическим идеалам народников, эсеры от-

казались от ряда старых народнических догм, а также от неоправдавших себя методов и средств борьбы с режимом, использовавших их предшественниками. Их взгляды представляли собой эклектическую смесь ортодоксальных марксистских положений и неонароднических воззрений. Используя зачастую марксистскую терминологию, они не считали марксизм почвенным для России учением, сохраняя, как и их предшественники, веру в особый путь развития страны. Признавая реальностью развитие капитализма в промышленности, эсеры считали, что крестьянство может перейти к социализму, минуя эту стадию, – через социализацию земли и с использованием общины. Но основной движущей силой предстоящей революции вплоть до бурных крестьянских выступлений начала 1900-х годов большинство из них считало пролетариат и, соответственно, основное внимание уделяло работе среди городских рабочих. Вместе с тем ряд эсеровских организаций еще сохранял веру в эффективность террора. В целом эсеровское движение этого периода представляло собой конгломерат тщательно законспирированных, замкнутых интеллигентских кружков, которые ограничивались в основном эпизодическим изданием агитационно-пропагандистской литературы. Предпринимавшиеся в 1897–1898 гг. попытки объединения некоторых региональных групп неонародников оказались безуспешными.

Этот процесс заметно активизировался с появлением эсеровских периодических изданий: за границей – газета «Накануне» (1899 г., Лондон), журнал «Вестник русской революции» (1901 г., Париж); в России – газета «Революционная Россия» (1901 г.). Кроме того, вокруг журнала «Русское богатство» сложилась группа эсеровских теоретиков во главе с В.М. Черновым. На рубеже 1890–1900-х годов начинают складываться более крупные региональные организации. В 1899 г. при содействии Е.К. Брешко-Брешковской, А.И. Бонч-Осмоловского, Г.А. Гершуни возникает «Рабочая партия политического освобождения России», включавшая в себя ряд кружков и групп Северо-Западного края. В 1900 г. появилась Южная партия эсеров. Осенью следующего года создается особая «Комиссия», в задачу которой входило установление связи с зарубежными организациями и доставки оттуда агитационно-пропагандистской литературы. Наконец, в декабре 1901 г. в Берлине было принято решение об объединении эсеровских организаций. Временной программой партии была провозглашена платформа «Вестника русской революции». Но объединение это было в значительной мере формальным. Провозглашенная программа, народовольческая по своему содержанию, существенно расходилась со взглядами входивших в объединение членов эсеровских организаций, деятельность которых продолжала оставаться нескоординированной⁷³.

Консервативный лагерь в эти годы не проявлял особой политической активности. Его внимание было сосредоточено в основном на критике правительственной экономической политики, выработке и подаче правительству и монарху различного рода верноподданических ходатайств и просьб о поддержке дворянского сословия. Получив в лице совещаний губернских предводителей дворянства некоторое подобие общедворянского представительства, высшее сословие было поглощено выработкой программы удержания своих экономических и политических позиций. Тем не менее критика правительства, особенно С.Ю. Витте, принимавшая зачастую политический характер, несомненно, носила оттенок оппозиционности и, таким образом, вносила определенный диссонанс в правительственный лагерь. Определенная напряженность, как мы видели, усиливалась и в самом правительстве, особенно при выработке курса аграрно-крестьянской политики.

Задачу консолидации правых сил взяла на себя возникшая в октябре 1900 – январе 1901 г. русофильская элитарная организация правомонархического толка – «Русское собрание». Первым председателем его Совета был кн. Д.П. Голицын, писатель и общественный деятель, его заместителями – А.А. Суворин и С.Н. Сыромятников. В дальнейшем среди руководителей организации и ее членов было немало титулованной знати, некоторые высокопоставленные чиновники, деятели культуры, профессора и даже отдельные представители промышленных и банковских кругов. В момент своего оформления это была организация культурно-просветительного характера, отстаивавшая, согласно уставу, религиозные, умственные, хозяйственные и политические интересы русского народа. В уставе «Собрания» провозглашалось, что оно имеет целью «содействовать выяснению, укреплению в общественном сознании и проведению в жизнь исконных творческих начал и бытовых особенностей русского народа». Впоследствии оно превратилось в некоторое подобие политической партии, мозговой центр консервативных сил, оказавший немалое влияние на разработку их программных установок и сыгравший определенную роль в формировании других правомонархических партий и организаций. Ставка «Русского собрания» на православие, самодержавие и народность, его призывы к сохранению и укреплению единой и неделимой России соответствовали менталитету и настроениям монархически настроенной части населения империи, причем самых различных его слоев⁷⁴.

Такова была расстановка сил на общественно-политической арене империи к началу XX в. Новый век начался с крупных студенческих волнений в столице. 11 января 1901 г. было опубликовано правительственное сообщение об отдаче, на основании Временных правил от 29 июня 1899 г., 183 студентов в солдаты за участие в студенческих волнениях в Киеве. В ответ студенты Петербурга пре-

кратили занятия. 19 февраля, в 40-ю годовщину отмены крепостного права, состоялась студенческая демонстрация у Казанского собора и на Невском проспекте, в которой приняли участие и рабочие. Демонстрация была разогнана полицией и казаками, что вызвало манифестации протеста студентов и рабочих в Харькове и Москве. Затем последовала «Обуховская оборона». Далее события пошли по нарастающей: студенческие волнения в феврале–марте 1902 г. в Петербурге, Москве, Киеве, первомайские выступления рабочих в Баку, крестьянские восстания в Полтавской и Харьковской губерниях, ноябрьская всеобщая забастовка в Ростове-на-Дону и, наконец, всеобщие забастовки на Юге России в июле–августе 1903 г. Стачки все чаще сливались с политическими демонстрациями. Ширившееся массовое движение способствовало ускорению процесса политизации российского общества, идейного и организационного оформления его основных политических сил.

В июле–августе 1903 г. в Брюсселе, а потом в Лондоне прошел II съезд РСДРП, на котором присутствовали 43 делегата, представлявшие 21 местный комитет и 6 внегосударственных организаций⁷⁵. Съезд принял программу и устав партии. Конечной целью РСДРП (программа-максимум) провозглашался революционный переход от капитализма к социализму, путь к которому лежал через пролетарскую революцию, установление диктатуры пролетариата, призванного управлять государством в течение всего переходного периода. Вместе с тем были определены и ближайшие задачи партии (программа-минимум) – свержение самодержавия, установление в России демократической республики, конституция которой обеспечивала бы «самодержавие народа» путем сосредоточения «всей верховной государственной власти в руках законодательного собрания, составленного из представителей народа и образующего одну палату», ликвидация остатков средневековья, предоставление народам, входившим в империю, права на самоопределение, коренное улучшение положения рабочего класса и крестьянства. В частности, «в интересах охраны рабочего класса от физического и нравственного вырождения, а также и в интересах развития его способности к освободительной борьбе» партия выдвигала требования введения 8-часового рабочего дня, государственного страхования от несчастных случаев и болезни, а также по старости, ликвидации системы штрафов и выдачи заработной платы товарами и т.д. Крестьянам были обещаны содействие в их борьбе за возвращение «отрезков», отмена выкупных и оброчных платежей и повинностей, всяких стеснений в распоряжении землей, понижение через суды непомерно высоких арендных платежей и отмена кабальных сделок, учреждение крестьянских комитетов для возвращения сельским обществам отрезанных земель и ликвидации остатков крепостных отношений. Все граждане России должны были об-

рести гражданские и политические права, в том числе всеобщее, равное, прямое, тайное избирательное право при выборах органов власти и судов всех уровней. Все эти программные положения и выдвинутые требования, имевшие характер лозунгов, должны были сплотить социал-демократов, ориентировать их в сложных условиях обострявшейся политической борьбы и активизировать массовые движения, придав им определенную направленность.

Эта программа, несмотря на бурные дискуссии, в целом была почти единогласно принята съездом. Но желанное единство так и не было достигнуто, что наглядно проявилось при обсуждении комплекса организационных и тактических вопросов. Принятый съездом устав, учитывая невозможность в условиях существовавшего режима и нелегального положения партии строить ее на демократических началах (по типу германской социал-демократии), предусматривал жесткий сверхцентрализм в партийном строительстве. Это вызвало несогласие представителей Бунда, отстаивавших федеративный принцип в построении партии, а также «Союза русских социал-демократов за границей», и они покинули съезд. СДКПил, под предлогом борьбы с национализмом, выступила против пункта о праве наций на самоопределение, и ее представители также отказались от дальнейшего участия в работе съезда. Для остальных участников камнем преткновения стала известная формулировка 1-го параграфа устава о членстве в партии, ставшая прелюдией к расколу. Действительно, как и отмечается исследователями, на первый взгляд расхождение по этому вопросу было невелико: при непременном признании программы и уплате членских взносов Ю.О. Мартов требовал от вступающих в РСДРП «регулярного личного содействия партии под контролем одной из ее организаций»; В.И. Ленин – личного участия в работе одной из партийных организаций. Но за этим стояло различное понимание места и роли партии в борьбе за власть. Мартов и его сторонники в этом вопросе были ближе к западноевропейской модели социалистической партии; Ленин и его соратники считали, что партия должна быть прежде всего орудием классовой борьбы и даже гражданской войны, а не только и даже не столько средством классового воспитания и организации рабочих⁷⁶.

Разногласия выявились и по некоторым важным тактическим вопросам. В принятой программе провозглашалось, что РСДРП, стремясь к достижению своих ближайших целей, «поддерживает всякое оппозиционное и революционное движение, направленное против существующего в России общественного и политического порядка». Но в то же время отмечалось, что партия решительно отвергает «все те реформаторские проекты, которые связаны с каким бы то ни было расширением и упрочением полицейско-чиновничьей опеки над трудящимися классами». Эта установка фактиче-

ски предопределяла отношение партии к любым реформаторским проектам. В связи с этим предлагалось, с одной стороны, поддерживать либералов как оппозиционную по отношению к самодержавию силу, а с другой – подвергать принципиальной критике их непоследовательность, половинчатость, антисоциалистичность. Как вскоре стало очевидным, у Ленина и его адептов в этом вопросе всегда преобладала критическая направленность, делавшая фактически невозможным какое-либо сотрудничество с либеральным лагерем.

Критическая и даже враждебная позиция характерна была и в отношении эсеров, которые рассматривались прежде всего как главные конкуренты РСДРП в борьбе за влияние на массы. В принятой съездом резолюции деятельность эсеровской партии квалифицировалась как вредная не только для политического развития пролетариата, но и для общедемократической борьбы против самодержавия. Эти оценки отличались крайней тенденциозностью и явной недооценкой ближайшего возможного союзника в революционной борьбе. В резолюции осуждалась сама мысль о возможности объединения партий и допускались лишь «частные соглашения» с эсерами под контролем высших органов партии.

В конечном итоге РСДРП, по результатам выборов в руководящие органы, фактически раскололась на две фракции – «большевиков» (сторонники Ленина) и «меньшевиков» (сторонники Мартова). Период от окончания II съезда и до начала революции характеризовался нарастанием борьбы, главным образом в «верхах» партии, за упрочение фракционных позиций, за влияние на местные комитеты, на массы. Причем противостояние партийных лидеров по принципиальным программным и тактическим вопросам осложнялось самой настоящей интеллигентской склокой, борьбой амбиций, что, несомненно, сказалось на влиянии партии на ход событий, на раздроблении революционных и оппозиционных сил.

Подобная ситуация сложилась и у эсеров, что обуславливалось чрезвычайной пестротой и аморфностью первичных их ячеек и отсутствием единства среди лидеров по важнейшим, кардинальным вопросам программы, тактики и организации. Первоначально предполагалось сплотить в одних рядах все народнические направления, а также социал-демократов, предлагая последним «прекратить братоубийственную войну». Но единая платформа вплоть до начала революции так и не была выработана. Еще осенью 1901 г. началось формирование Боевой организации эсеров, которая впервые заявила о себе в апреле следующего года убийством министра внутренних дел Д.С. Сипягина. Примечательно, что эта организация имела автономный статус, а ее руководители Г.А. Гершуни и Е.Ф. Азев, оказавшийся агентом охранки, являлись одними из организаторов партии и влиятельными членами ее ЦК. Несмотря на несогласие

значительной части эсеровских организаций, террористическая деятельность БО продолжалась: 29 августа 1902 г. рабочим Ф.К. Качурой был ранен харьковский губернатор И.М. Оболенский, 6 мая 1903 г. террорист Е.О. Дулебов убил уфимского губернатора Н.М. Богдановича. Власти были крайне встревожены. Полицейский пресс усилился, что крайне усложнило деятельность радикальных и оппозиционных сил и вызвало дополнительные нарекания в адрес террористической тактики эсеров. Тем не менее идеи терроризма широко пропагандировались эсеровскими теоретиками и лидерами (М.Р. Гоц, В.М. Чернов, Е.Ф. Азеф). Вместе с тем низовые организации продолжали агитационно-пропагандистскую и организационную работу среди крестьян и рабочих. Причем в ряде случаев наблюдались не только совместные действия эсеров и социал-демократов, но возникали объединенные организации – в Саратове, Астрахани, Уфе, Екатеринбурге, Перми, Златоусте, Оренбурге, Ташкенте. Социал-демократическое руководство предприняло массу усилий, чтобы развалить такие организации, и вскоре большинство их распалось.

Таким образом, леворадикальный лагерь вплоть до 1905 г. находился еще в стадии формирования, причем идейный и организационный разброд, царивший в его среде, не давал основания рассчитывать на скорое его преодоление. Численность РСДРП составляла, по самым оптимистическим подсчетам, 8,4 тыс. членов (по другим данным – 2,5 тыс.), а удельный вес рабочих – 50–60%. Общая численность эсеров, по разным данным, колебалась от 1,5–2 до 2,6 тыс. человек⁷⁷. Тем не менее уже в эти годы социал-демократы и эсеры доставляли немало хлопот охранительному ведомству, которое не раз пыталось представить их агитационно-пропагандистскую деятельность среди рабочих, городских слоев, крестьян едва ли не главной причиной массовых выступлений.

Общий процесс политизации российского общества захватил и либеральный лагерь, что нашло отражение в усилении оппозиционных настроений в его среде и организационном оформлении основных его направлений. На смену традиционному земско-дворянскому либерализму приходит более радикальный, так называемый новый либерализм, в котором ведущую роль играли уже лица «свободных профессий». 18 июня 1902 г. в Штутгарте под редакцией П.Б. Струве вышел первый номер журнала «Освобождение», основанный земцами-конституционалистами. Программа русских конституционалистов предусматривала созыв народного представительства с правом законодательной инициативы, отмену сословных привилегий, свободу слова, печати, собраний. При участии народного представительства должны были быть разработаны и проведены финансовые и экономические реформы, усовершенствовано рабочее законодательство, решен аграрный вопрос, прове-

дены административные реформы. Подобный радикализм вызвал возражения правого и умеренного крыла земских либералов, которые выступили против конституционных преобразований, допуская лишь совещательный характер народного представительства⁷⁸. Несмотря на обнаружившиеся разногласия, журнал сыграл важную роль в консолидации либеральных сил и ускорил их организационное оформление. В июле 1903 г. либеральная интеллигенция и земцы-конституционалисты создали нелегальную организацию «Союз освобождения», объединившую леволиберальные кружки, существовавшие в 22 крупных городах империи. Однако, как мы увидим, создать политическую партию к началу революции лидерам русского либерализма так и не удалось, как не удалось и избежать существенных разногласий по программным и тактическим вопросам.

В целом революционные и оппозиционные организации, переживая период становления, так и не смогли ни избавиться от внутренних разногласий и противоречий, ни создать единый фронт действий против существовавшего режима. Особенностью формирования политических партий в России было то, что, в отличие от Запада, здесь партии социалистической ориентации возникли раньше, чем либеральные и консервативные. Это обуславливалось особенностями социально-экономического и политического развития страны, а сам процесс их возникновения оказался как бы спрессованным во времени. Во всех случаях инициатива их создания исходила из заграничных центров и заграничных периодических изданий. Складывавшаяся ситуация требовала объединения всех оппозиционных сил. Но ни социал-демократы, ни эсеры, несмотря на заявления о поддержке любых выступлений против самодержавия, так и не смогли предпринять что-либо в этом направлении. Инициативу здесь первыми проявили либералы. В Шафгаузене (Швейцария) 20–22 июля 1903 г. состоялось совещание представителей земцев, входивших в известный кружок «Беседа», бывших «легальных марксистов» и народников, имевшее целью создание единого блока нелегальных либерально-оппозиционных организаций. На нем были сделаны попытки наметить, хотя бы в самом общем виде, задачи этого блока (перемена государственного строя и введение конституции) и определить возможных союзников – как справа, так и слева. Именно тогда лидер земцев-конституционалистов И.И. Петрункевич произнес фразу, впоследствии часто ставившуюся в вину либералам: «У нас нет врагов слева»⁷⁹. Но это предложение не получило отклика.

Как реагировала власть на нарастание кризисной ситуации? В отношении рабочего и крестьянского движения средства оставались прежние – подавление «беспорядков» всеми возможными мерами, вплоть до применения воинской силы и оружия. В отношении

оппозиционеров из высших классов власть тоже особенно не церемонилась – отставки, административные высылки, запрещение заниматься общественной деятельностью и даже тюремное заключение. И все же позиция либералов внушала властным структурам особые опасения, видимо, в силу их социальной близости к правящим «верхам». Некоторые исследователи полагают, что сам Николай II уже в начале своего царствования понимал необходимость некоторого политического реформирования страны, но отнюдь не путем введения парламентаризма. Судя по воспоминаниям Б. фон Бюлова, он считал, что в этих целях можно допустить постепенное расширение компетенции земств, тогда как введение парламентской системы означало бы гибель для России. При этом мемуарист отметил, что император «в противоположность своей обычной манере выражаться, которая скорее отличалась изысканностью, процитировал здесь русскую поговорку: «Посади свинью за стол, она и ноги на стол»⁸⁰. Примерно в том же духе отреагировал на предложение придать Государственному совету некоторое подобие представительства и его отец, Александр III.

В самих правительственных кругах выявились различные точки зрения в понимании внутреннего положения страны и задач правительственной политики. Наиболее четко полярные позиции в этих вопросах проявились в ходе неофициальной беседы С.Ю. Витте и В.К. Плеве, проходившей в Ялте в октябре 1902 г. Министр финансов считал, что общественное движение достигло такого уровня, что его уже невозможно остановить репрессивными мерами. Корни этого явления он видел в незавершенности реформ 1860–1870-х годов: «Здание построено, а купол остался нетронутым». Потому ему понятно стремление к увенчанию здания, «понятно желание свобод, самоуправления, участие общества в законодательстве и управлении». Избежать революции, по его мнению, правительство могло бы, дав выход «этому чувству легальными путями», пойдя навстречу движению, встав «во главе его, овладев им». В настоящее время уже невозможно не считаться с общественным мнением, правительство необходимо опереться на образованные классы. «Иначе на кого же правительству опереться? – вопрошал он. – На народ? Но ведь это только фраза...» Фактически он ставил под сомнение основы правительственной политики, провозглашенной в начале царствования Александра III, и призывал вернуться к обсуждению проблемы представительства, которое велось в правящих кругах до издания манифеста 29 апреля 1881 г. Плеве же источник революционной угрозы видел как раз в силах, представленных «так называемыми образованными классами, общественными элементами, интеллигенцией». Министр внутренних дел считал, что «всякая игра в конституцию должна быть в корне пресекаема», а реформы, призванные обновить Россию, «по плечу только исторически сложив-

шемуся у нас самодержавию». «Очень может быть, что мы накануне больших потрясений, которые поколеблют государство, – заявил он. – Все это я не отрицаю. Но именно поэтому я и думаю, что мы не только можем, но и обязаны бороться с таким положением вещей. Если мы не в силах изменить историческое движение событий, ведущих к колебанию государства, то мы обязаны поставить ему преграды, дабы задержать его, а не плыть по течению, стараясь быть всегда впереди». И как последний аргумент в споре с извечным оппонентом бросил фразу: «У нас до сих пор, слава Богу, еще крепок в народе престиж царской власти, и есть еще у государства верная армия»⁸¹.

Впрочем, произнес он эти слова явно в запале. Плеве, несомненно, отдавал себе отчет, что существовавшая политическая система переживает кризис и нуждается по меньшей мере в обновлении. В отличие от Витте он не ставил вопрос о незавершенности реформ Александра II. Но в своем письме от 31 августа 1903 г. близкому по духу адресату – известному славянофилу и отставному генералу А.А. Кирееву он признавался, что «быстро развернувшаяся» в России за последние полвека «социальная эволюция опередила работу государства по упорядочению вновь возникших отношений», что «запросы жизни уже перерастают существующие способы религиозно-нравственного и умственного воспитания» и что «самые способы управления обветшали и нуждаются в значительном улучшении»⁸². В частности, по его инициативе 22 марта 1904 г. при Министерстве внутренних дел был создан Совет по делам местного хозяйства, в который, наряду с чиновниками МВД, входили и представители от так называемых местных деятелей (земств и городских управ). Общее присутствие Совета под председательством министра могло обсуждать «важнейшие мероприятия в области местного хозяйства» перед передачей их на рассмотрение Государственного совета или Комитета министров. Создание этого учреждения, сугубо совещательного по своим функциям, рассматривалось Плеве как шаг к сближению с «общественностью». Судя по некоторым свидетельствам, он намерен был заняться и более обширной преобразовательной деятельностью, и у него был даже какой-то план реформ, в частности учреждения Государственной думы⁸³. Смерть не дала ему возможности как-то проявить эти качества. Твердая же его официальная позиция по отстаиванию самодержавия вполне импонировала Николаю II и вызывала крайне негативную реакцию общества, притом не только радикалов и либералов, но и умеренно-консервативных кругов. Как бы то ни было, император сделал выбор: 16 августа 1903 г. Витте был уволен с поста министра финансов, получив почетную, но маловлиятельную должность председателя Комитета министров. «Витте упал кверху», – так молва откликнулась на эту акцию монарха.

«Маленькая победоносная война» и новый виток политического кризиса

Нараставший политический кризис был временно прерван вспыхнувшей русско-японской войной. Глубинные причины ее крылись в экспансионистской политике правящих кругов обеих стран. Экспансия России в зарубежные районы Дальнего Востока обуславливалась и геополитическими великодержавными устремлениями (стать также тихоокеанской великой державой), и необходимостью консолидации российских сибирских и дальневосточных территорий в пределах империи, и потребностями их хозяйственного освоения. Предлагавшиеся пути решения этих проблем, как известно, предусматривали и мирное экономическое проникновение в приграничные страны (Китай, Корея), что предлагалось С.Ю. Витте, и использование силовых методов, вплоть до военного конфликта с Японией, на чем настаивала так называемая безобразовская группировка, которая в итоге и победила. Причем среди причин, подтолкнувших Россию к военным действиям, была и внутривнутриполитическая ситуация. Как известно, Витте и военный министр А.Н. Куропаткин противились такому решению, считая развязывание войны в тот момент бессмысленной и опасной авантюрой. Но в разговоре с Куропаткиным В.К. Плеве, твердо уверенный, что его мнение разделяет близкое окружение императора и сам царь, не без вызова заявил военному министру: «Вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война»⁸⁴.

Война началась в ночь на 27 января 1904 г. нападением Японии на русский флот, стоявший на рейде в Порт-Артуре и Чемульпо. Командование войны не ждало, хотя еще двумя днями ранее Россия порвала дипломатические отношения с восточным соседом. И первые недели военных действий, казалось, объединили в общем патриотическом порыве всех россиян. В ряде крупных городов по случаю объявления царского манифеста о войне прошли уличные монархическо-патриотические манифестации с пением гимна «Боже, Царя храни», с российскими государственными флагами, с царскими портретами. Патриотические настроения захлестнули все слои общества – рабочих, крестьян, мещан, студенчество, служащих. Земские организации, дворянские собрания развернули сбор средств на усиление армии и флота, на оказание помощи раненым. В мае 1904 г. в Маньчжурию выехали 360 уполномоченных от земств и дворянских обществ во главе с кн. Г.Е. Львовым, принявших участие в создании госпиталей, передвижных медицинских пунктов, полевых кухонь и т.д. Некоторые недавние оппозиционеры из «Союза освобождения» посылали царю верноподданнические патриотические адреса и телеграммы. И даже большевики и меньшевики, весьма далекие от

того, чтобы желать побед русской армии и понимавшие, что они лишь укрепят позиции самодержавия, а потому и не скрывавшие своих пораженческих настроений, не предпринимали в это время никаких акций саботажа или антивоенных выступлений. В частности, поясняя свое понимание патриотизма, Мартов писал в «Искре»: «Мы достаточно патриоты, чтобы пальцем о палец не ударить, дабы помочь самодержавию победой над Японией укрепить свое, бесчестящее Россию владычество над нашей Родиной. Но в то же время мы интернационалисты, а потому не наше дело помогать правящим классам Японии разгромить реакционную Россию». Исходя из этого, выдвигался лозунг скорейшего прекращения военных действий и заключения мира, условия которого должно выработать Всероссийское Учредительное собрание⁸⁵.

Однако вскоре ситуация в стране стала меняться по мере поступления сообщений о военных неудачах России. Каждое очередное поражение русских войск – на реке Ялу (апрель), под Вафангоу (июнь), под Лаояном (август–сентябрь), на реке Шахе (сентябрь) и, наконец, сдача Порт-Артура (20 декабря) – оборачивалось все новым и новым витком в обострении политического кризиса. Доверие к правительству стремительно падало. После каждого из проигранных русской армией сражений в обществе все более и более нарастали слухи о непрофессионализме и даже предательстве высшего командного состава, о неподготовленности России к войне, о негодной технике и безрассудной «растрате» личного состава и т.д. Пыл патриотической лихорадки, шовинистических настроений («шапками закидаем») уже к лету 1904 г. сменился глубоким разочарованием, нараставшим убеждением в несостоятельности властей. «Поражения России в войне имеют огромное воспитательное значение, – отмечал в дневнике П.Б. Струве. – В политике нужно всегда помнить: люди воспитываются не столько пропагандой идей и принципов, сколько событиями... Именно военная беспомощность самодержавия ярче всего подтвердила его бесполезность и вредность»⁸⁶.

Всей своей тяжестью война легла на плечи народных масс. Только за 1904 г. военные расходы составили около 2 млрд руб. золотом. Естественно, это вызвало заметное ухудшение положения «низов»: росли прямые и косвенные налоги, цены на продовольствие и предметы первой необходимости, сверхурочные работы по выполнению военных заказов заметно удлинляли рабочий день, снижались расценки и соответственно заработная плата, особенно в отраслях, не занятых работой на оборону. В течение первого же года войны в армию было призвано около 980 тыс. человек, что болезненно отразилось прежде всего на бедных и средних слоях деревни. Под мобилизацию попал и довольно значительный контингент фабрично-заводских рабочих, причем власти постарались прежде всего избавиться от «неблагонадежного элемента». Так, в

армии оказались почти 120 тыс. рабочих Петербурга и губерний, более 100 тыс. рабочих Московской и около 80 тыс. – Екатеринбургской губернии, что, видимо, не могло не сказаться на состоянии рабочего движения. На смену мобилизованным приходило новое пополнение, зачастую ранее вообще не связанное с фабрично-заводским производством, в большинстве своем неграмотное, психологически неспособное быстро «переварить» в новых условиях православную мораль, монархические представления, идеи «полицейского социализма» с революционными социалистическими призывами и антивоенными лозунгами левых радикалов. В целом за 1904 г. общее количество выступлений рабочих сократилось по сравнению с предыдущим годом в 5 раз, а количество участников – в 3,5 раза. В течение года зафиксировано было примерно 400 стачек, в которых приняло участие немногим более 83 тыс. рабочих, причем большая часть этих выступлений пришлась на вторую половину года. Заметный спад переживало и крестьянское движение.

Некоторое сужение социальной базы, связанное с прошедшими мобилизациями, усилившиеся в военное время полицейские репрессии, фракционная и внутрипартийная борьба значительно осложнили агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу левых радикалов. Тем не менее на протяжении 1904 г. различными партийными организациями – РСДРП, Бундом, СДКПиЛ, ЛСДРП, ПСР, ППС и другими были изданы сотни тысяч агитационных листовок антиправительственного и антивоенного содержания. По изданиям, обращенным к рабочим, лидировала РСДРП – 594 названия (65%), 113 (12%) были изданы Бундом, 92 (10%) – эсерами, 79 (9%) – социал-демократическими организациями Прибалтики. В Петербурге только социал-демократами было издано не менее 50 наименований листовок, а всего революционные организации еженедельно выпускали по 2–3 листовки тиражом, доходившим до 6–10 тыс. экземпляров. В результате революционерам, использовавшим нараставшую волну антивоенных настроений, удалось оживить работу рабочих кружков на ряде крупных предприятий Петербурга. Но первые антивоенные выступления прошли не в столице, а в ряде городов окраинных регионов. Уже с конца февраля прошли небольшие антивоенные демонстрации в Варшаве, Сувалках, Гомеле, Поневеже, Батуме. Затем летом вспыхнули всеобщая стачка каменщиков в Варшаве, сопровождавшаяся многотысячными демонстрациями и митингами, забастовки на Путиловском заводе в Петербурге, на Сормовском заводе в Нижнем Новгороде. С наступлением осени начались рабочие «беспорядки» на предприятиях Московского промышленного района (Ярославль, Иваново-Вознесенск, Рыбинск, Кострома). В конце сентября – начале октября не менее чем в 15 городах и местечках западных губерний прошли стачки, митинги, демонстрации в знак протеста против бесчинств полиции в отно-

шении еврейских рабочих. Всего же за этот год состоялось не менее 178 демонстраций и уличных шествий, причем около 70% их пришлось на второе полугодие. Далеко не все из них прошли под лозунгами социал-демократов и эсеров – многие возникали стихийно, что свидетельствовало о их «почвенности».

Наиболее крупной акцией эсеров, получившей резонанс во всех слоях российского общества и вызвавшей определенную растерянность в правящих кругах, было убийство В.К. Плеве, совершенное членом БО Е.С. Созоновым 15 июля 1904 г. Министр открыто назывался главным виновником войны, а неудачи на театре военных действий ставились в прямую зависимость от проводившегося им внутриполитического курса. В результате он превратился в одну из самых ненавистных фигур в государственном аппарате империи. Широкой публикой известие об убийстве Плеве было встречено почти с ликованием, и даже в правящих кругах смерть министра не вызвала особо сочувственного отношения.

Либеральный лагерь к этому времени уже успел проделать новую эволюцию. Пик его политической активности до начала войны пришелся на начало января, в первых числах которого прошли многолюдные Пироговский съезд врачей и съезд деятелей по техническому образованию. В ходе официальных заседаний произносились резкие антиправительственные речи, вызывавшие вмешательство полиции, а на многочисленных товарищеских ужинах предлагались тосты «За осуществление народной поговорки: Долой самодержавие!», «За ниспровержение самодержавно-бюрократического строя» и т.п. Тогда же, выполняя установку Шафгаузенского съезда, либералы провели учредительный съезд «Союза освобождения», который принял программу и устав объединения. Ближайшей задачей провозглашались ликвидация самодержавия, введение в России конституционной монархии и обеспечение всем гражданам политических и гражданских прав и свобод. Программа предусматривала создание двухпалатного народного представительства, ответственного перед ним кабинета министров, назначаемого, правда, монархом, широкие избирательные права населению. Провозглашалось предоставление народностям, входившим в состав Российского государства, права на самоопределение. Пожалуй, впервые в истории российского либерализма было заявлено, что при решении экономических и культурных вопросов будут учитываться интересы «трудящихся масс», на поддержку которых рассчитывали (правда, очень осторожно) авторы программы. Таким образом, фактически в этом документе, как считают некоторые исследователи, был реализован первый проект конституции, из которого впоследствии выросли все «освободительские» и кадетские варианты⁸⁷.

Но подвергнув острой критике существовавший политический режим и призвав к его свержению, «освободители» так и не смог-

ли четко определиться, как это сделать. Заявив о приверженности демократическому либерализму и о необходимости размежевания со старым славянофильским либерализмом с его идеей союза с самодержавием, они продекларировали вместе с тем и необходимость борьбы с «якобинской демократией» и революцией, которую нужно предотвратить. Ближайшей тактической задачей было объявлено широкое и обдуманное воздействие на общественное мнение «в целях подготовки его к мысли о необходимости ликвидации существующего строя». Довольно четко отделяя «общество» от «масс», политическую неподготовленность которых докладчик (а им был известный общественный деятель кн. Д.И. Шаховской) не отрицал, он тем не менее призывал к преодолению пропасти между народом и обществом. По его мнению, тезис о неподготовленности масс всегда служил и служит отговоркой правящих «верхов» для того, чтобы не делать уступок обществу, которое уже давно созрело для проявления своей политической самостоятельности.

В целом же, сделав очередной шаг к размежеванию с правым крылом либерального лагеря и к консолидации сил «нового», более радикального, «демократического» либерализма, учредительный съезд «Союза освобождения» фактически так и не смог создать партию. Уже в ходе обсуждения программных и тактических вопросов среди его участников возникли существенные разногласия, в результате чего принятые документы фактически носили рекомендательный характер. Да и согласно уставу, само объединение представляло собой «добровольную федерацию самоуправляющихся организаций и групп».

Война на время погасила накал либеральной оппозиционности. Но уже вскоре развитие событий на фронтах вновь обострило ситуацию, заставив либералов выдвинуть новые лозунги (и военно-патриотические, и пораженческие), вокруг которых продолжился процесс размежевания и консолидации. Вместе с тем все более настоятельной становилась и потребность в объединении или координации действий всех противостоящих режиму сил. Эти настроения проявились еще при создании «Союза освобождения», когда его организаторы допускали участие в нем социал-демократов и эсеров. Затем эта тенденция нашла воплощение в идее созыва совещания российских оппозиционных и революционных партий, которую настойчиво пропагандировал лидер Финляндской партии активного сопротивления К. Зиллиакус и поддерживали «освобожденцы». Приглашение было разослано 18 партиям и организациям. Из них в конференции, прошедшей в Париже 30 сентября – 4 октября 1904 г., приняли участие всего восемь («Союз освобождения», Партия социалистов-революционеров, Польская социалистическая партия, Латышская социал-демократическая рабочая партия, Грузинская партия социалистов-федералистов-революционеров, Армянская рево-

люционная федерация, Польская национальная лига, Финляндская партия активного сопротивления). Остальные или не откликнулись вообще или отказались от участия (РСДРП, Социал-демократия Польши и Литвы и Украинская революционная партия), в чем немалую роль сыграли просочившиеся слухи о связях финнов с японцами, которые тайно финансировали созыв совещания⁸⁸.

Конференция приняла декларацию, в которой были определены основные направления совместных усилий партий: замена самодержавного строя демократическим режимом на основе свободной подачи голосов, предоставление всем народам России права на национальное самоопределение. При этом оговаривалось, что «ни одна из представленных на конференции партий, соединяясь для согласованных действий, ни на минуту не думает тем самым отказаться от каких бы то ни было пунктов своей программы или тактических приемов борьбы, соответствующих потребностям, силам и положению тех общественных элементов, классов или национальностей, интересы которых она представляет». Для координации усилий и проведения совместных действий были созданы бюро в России и заграничное бюро. В историографии, особенно зарубежной, этому событию нередко отводится особая роль в сплочении антиправительственной коалиции и в создании чуть ли не единого фронта против самодержавия. Действительно, проведение Парижской конференции свидетельствовало, во-первых, о том, что политические и социальные конфликты в стране достигли такого уровня и размаха, что всем стала ясна неизбежность в самом ближайшем времени массовых движений и необходимость скоординировать совместные действия оппозиции и революционеров; во-вторых, становилась очевидной растущая изоляция самодержавия, политика которого толкала к объединению самые разнородные силы. Наконец, само участие «освобожденцев» в подготовке и проведении конференции свидетельствовало о радикализации и организационном становлении левых либералов. Однако достигнутые соглашения оказались на практике неэффективными и кратковременными, показав в очередной раз непреодоленную раздробленность антиправительственных сил.

Следующий виток нарастания политического кризиса в России был связан с попытками правящих «верхов» определиться после убийства В.К. Плеве с направлением внутривнутриполитического курса. Диапазон возможных решений был весьма широк – от введения представительства типа лорис-меликовской «конституции» и образования объединенного правительства во главе с Витте до продолжения старой «твердой» линии. После почти двухмесячных колебаний Николай II назначил министром внутренних дел слывшего либералом кн. П.Д. Святополка-Мирского, бывшего виленского генерал-губернатора. Во время приема у царя 25 августа 1904 г. новый

министр поделился с ним своими соображениями по поводу сложившейся в стране ситуации: «Положение вещей так обострилось, что можно считать правительство во вражде с Россией, необходимо примириться, а то скоро будет такое положение, что Россия разделится на поднадзорных и надзирающих, и тогда что?»⁸⁹ Предложения его не были радикальными – расширение самоуправления, веротерпимости, прав печати, изменение политики по отношению к окраинам, смягчение политических преследований. Император как будто не возражал против них и даже на предложение о введении «выборных» первоначально никак не отреагировал. Но первые же шаги министра после утверждения его в должности (отставка некоторых откровенных реакционеров в руководстве МВД, речь перед чинами министерства о необходимости доверия к сословным и общественным учреждениям, выдержанные в том же духе интервью в газетах и т.п.) вызвали в обществе весьма неоднозначную реакцию – надежды либералов на «правительственную весну» и озлобление противников смены политического курса. Вскоре недовольство Мирским выразил и император, заявивший 9 октября о своем решении дать рескрипт для пресечения толков о якобы грядущих переменах.

Неопределенность ситуации, надежды на политическую «оттепель» заставили либералов в очередной раз активизироваться, причем лидирующую роль взял на себя «Союз освобождения». 20–22 октября в Петербурге состоялся его Второй съезд, который наметил конкретный план действий на ближайшее будущее: во-первых, принять участие в уже намеченном на ноябрь общеземском съезде с тем, чтобы добиться на нем принятия открытого заявления о необходимости введения в России конституционного строя; во-вторых, организовать во всех городах, где есть «освобожденческие» группы, банкетную кампанию в честь 40-летнего юбилея введения в России судебных уставов, в ходе которой выдвинуть конституционные и демократические требования; в-третьих, предложить всем земцам-«освобожденцам» на ближайших сессиях земских собраний поднимать вопрос о введении в России конституции и созыве народного представительства. Кроме того, на съезде шла речь и том, чтобы начать агитацию за образование профессионально-политических союзов и объединение их в единый «Союз союзов», через который можно было бы установить контакты с левыми силами⁹⁰.

В дальнейшем события быстро развивались по нарастающей. Бюро земских съездов, участники «Беседы» провели несколько заседаний по выработке программы предстоящего форума. 2–3 ноября в Москве прошел съезд земцев-конституционалистов, который преследовал одну цель – сплотить свои ряды и развернуть среди земцев широкую агитацию, чтобы «подготовить почву для выработки определенной, более или менее очерченной конституцион-

ной программы». Первоначально официально разрешенный, а затем, в связи с явно выраженным недовольством царя, получивший статус частного совещания первый общеземский съезд все-таки состоялся 6–9 ноября в Петербурге. В нем приняли участие 105 делегатов от 33 губерний, в том числе 32 председателя губернских земских управ, 7 князей, 2 графа, 2 барона, 7 предводителей дворянства, т.е. фактически «цвет» российского общества, что ярко подчеркивало глубину нараставшего кризиса «верхов».

Ознакомившись с представленным съезду докладом, подготовленным организационным бюро, делегаты единодушно одобрили его основные положения, касавшиеся как критики существовавшей системы управления, так и мер по выходу из кризиса (введение выборного народного представительства, политических свобод, независимого от власти суда, ликвидация сословных, религиозных, национальных ограничений, развитие местного самоуправления и т.п.). Разногласия возникли лишь по вопросу о пределах компетенции представительного органа: большинство высказалось за его законодательный характер, меньшинство – за законосовещательный. Кроме того, съезд высказался за отмену положения об усиленной охране, введенного временно, но фактически ставшего постоянным, отмену взысканий, наложенных в административном порядке, и за амнистию политических заключенных. В традиционно-умеренном духе было составлено обращение земцев к верховной власти. В нем выражалась надежда, что она «призовет свободно избранных представителей народа, дабы при содействии их вывести наше отечество на новый путь государственного развития в духе установления начал права и взаимодействия государственной власти и народа»⁹¹. И это обращение фактически было поддержано почти всеми губернскими земскими собраниями, которые обратились к монарху с верноподданническими адресами, рассчитывая склонить власть к сотрудничеству с обществом и избежать революции. Таким образом, съезд сыграл заметную роль в расширении и консолидации земского либерального движения. Впервые земцы по собственной инициативе собрались вместе, чтобы обсудить вопросы политического характера, причем $\frac{2}{3}$ участников открыто высказались за созыв законодательного представительства, поддержав идею мирной трансформации самодержавия в конституционную монархию. В целом, видимо, это можно считать победой тактической линии «Союза освобождения» и его организационных усилий по активизации земства. Трудно сказать, верили ли земцы, особенно их либеральные лидеры, в действенность обращений к верховной власти, но в формировании общественного мнения эта акция, несомненно, сыграла свою роль, продемонстрировав негативную позицию правящих верхов в отношении преобразований. Царь отказался принять депутацию с обращением съезда.

Вслед за этим либералы провели и другую акцию, намеченную «Союзом освобождения». 20 ноября 1904 г. одновременно в ряде крупных городов империи началась банкетная кампания, приуроченная к 40-летию судебной реформы 1864 г. По подсчетам исследователей, за ноябрь–декабрь состоялось не менее 120 собраний-банкетов с числом участников около 50 тыс.⁹². Оценка их в историографии зачастую полярно противоположна. С одной стороны, события в России этого времени рассматриваются, особенно в зарубежной литературе, как начало российской революции, с чем едва ли можно согласиться, учитывая хотя бы тот факт, что даже левое крыло либералов рассчитывало совместным давлением всех революционных и оппозиционных сил лишь подвинуть власть к политическим преобразованиям. С другой стороны, позиция и деятельность либералов подвергались настоящему шельмованию в худших традициях большевиков, что также неприемлемо, учитывая хотя бы их роль в формировании общественного мнения и пропаганде институтов гражданского общества. Конечно, и в самой «банкетной кампании» было много пустословия, фразерства и зачастую интеллигентной болтовни. Сами собрания были разными и по форме и по содержанию – были и малочисленные ресторанные «застолья» и многолюдные банкеты в залах дворянских собраний, сдержанные по политическим высказываниям и революционные по пылкости выступлений, проходившие в тиши апартаментов и сопровождавшиеся митингами и демонстрациями студентов и рабочих, распространением антиправительственных листовок и т.д. Фактически либералы явочным порядком ввели свободу слова. Причем от участников этих акций требовалось и немалое мужество, так как проходили они, как правило, в присутствии полиции, а подписи под петициями и резолюциями собраний, требовавшими демократических свобод, введения народного представительства и т.п., предавались гласности. Так, в Петербурге на первый же банкет собралось 676 человек. Председателем собрания был избран В.Г. Короленко, призвавший всех присутствующих «и здесь и вне этих стен» открыто говорить о своих убеждениях. Было предложено обсудить и подписать проект резолюции, основными пунктами которого были: предоставление всем гражданам личной неприкосновенности, свободы совести, слова, печати, собраний, союзов; издание законов и введение налогов «при участии и с согласия свободно избранных от всего народа представителей»; ответственность министров перед народным представительством и всех чинов администрации – перед судом. Резолюция требовала реорганизации всего государственного строя России на конституционных началах, созыва Учредительного собрания и создания необходимых условий для свободного волеизъявления населения при его выборах, полной амнистии по политическим и религиозным делам. Документ был подписан присут-

ствующими и опубликован в прессе. В столице, кроме этого, затем прошли еще 3 банкета, 6 собраний по профессиям (адвокатов, учителей, профессуры, артистов), состоялись студенческие митинги. Не менее напряженная ситуация сложилась и в Москве, где в ноябре–декабре также состоялось несколько банкетов, собраний, митингов и демонстраций. Откликнулась, наконец, и российская глубинка: банкеты и собрания прошли в Балашове, Калуге, Костроме, Нижнем Новгороде, Орле, Самаре, Саратове, Смоленске, Тамбове, Воронеже, Владимире, Ярославле, Томске, ряде городов Украины, Кавказа, Прибалтики. Наряду с «освобожденческими» призывами все чаще начинали звучать и революционные лозунги⁹³.

С осени 1904 г. российское общество находилось в крайне возбужденном состоянии, которое впоследствии нововременский публицист А.А. Столыпин, брат будущего российского премьера, определил как настоящее безумие. «У нас точно плотину прорвало: в какие-нибудь два–три месяца Россию охватила жажда преобразований, о них говорят громко... – писал в своем дневнике великий князь Константин. – Революция как бы стучится в дверь. О конституции говорят почти открыто. Стыдно и страшно»⁹⁴. Департамент полиции в специальной аналитической записке констатировал, что в ходе банкетной кампании с очевидностью выяснилось, что «значительная часть представителей общественного движения преследует, по существу, те же цели, которые входят в качестве политических требований в программы революционных партий», что «общественное движение пошло рука об руку и открыто с движением революционным, поддерживая и подкрепляя одно другое»⁹⁵. Опасения охранительного ведомства были несколько преувеличены: в практическом плане вопрос о едином революционном натиске на самодержавие не стоял. Более того, земцы, рассчитывавшие передать резолюции общеземского съезда 6–9 ноября царю и не принятые им, решили составить специальную записку для министра внутренних дел, в которой заявили о стремлении «здоровых сил» страны сплотиться вокруг правительства, если оно вступит на путь реформ и обновления России. Правительство, по их мнению, должно добиться, чтобы «с высоты престола – в форме манифеста или высочайшего рескрипта... была бы выражена воля монарха изменить полубюрократический строй и призвать на созидательную работу выборных представителей»⁹⁶.

Святополк-Мирский приложил немало усилий, чтобы убедить Николая II в необходимости либеральных реформ. На аудиенции у императора он заявил: «Если не сделать либеральной реформы и не удовлетворить вполне естественных желаний всех, то перемены будут уже в виде революции». В то же время он заверял, что «желание громадного большинства благонамеренных людей» заключается в том, чтобы осуществить эти реформы, «не трогая самодержавия».

вия». В специальном докладе царю он вновь и вновь повторял, что «общественное движение страны переросло административные формы и приемы, доселе применявшиеся, и общество не подчиняется более в достаточной мере их воздействию» и что необходимо считаться с общественным мнением. При этом он старался также убедить монарха, что речь идет не о конституционном ограничении его власти, что, наоборот, его предложения лишь укрепят самодержавие. Главным в его предложениях, помимо частных мер по укреплению законности, расширению компетенции местного самоуправления, изменению правового положения крестьян, старообрядцев, евреев, смягчению законов о печати и т.п., было введение в состав Государственного совета и его департаментов выборных от 34 земских губерний, представляющих «коренную Россию», а также создание объединенного кабинета министров во главе с премьером. 2 декабря 1904 г. министр представил царю свой доклад и решения общеземского съезда, для обсуждения которых им было предложено созвать особое совещание⁹⁷.

Такое совещание, в котором приняли участие министры, видные сановники, придворные чины, великие князья, состоялось под председательством императора в начале декабря. Главным был вопрос о призыве земских представителей к законодательной работе, вокруг которого и развернулась полемика. Большинство министров высказалось за удовлетворение ходатайств общественности и соглашалось с Мирским, что введение представительства можно осуществить, «не впадая в конституцию». В.Н. Коковцов заявил, что проводимая внутренняя политика ведет к потере доверия в зарубежных финансовых кругах, а это может вызвать полный крах всей финансовой системы, испытывающей крайнее напряжение в связи с неудачно идущей войной. Против введения в Государственный совет представителей земств выступил К.П. Победоносцев, убеждавший царя, что «самодержавие имеет не только политическое значение, но и религиозный характер и государь не вправе ограничивать свою миссию, возложенную божественным промыслом». Его поддержали специально приглашенные на заседание великие князья. И тем не менее в проект указа, подготовку которого взял в свои руки Витте, пункт о представительстве первоначально был включен. Но затем император заявил, что этот пункт его смущает, и он был вычеркнут царской рукой. Свою позицию в этом вопросе Николай II достаточно живо и эмоционально изложил в беседе с князем П.Н. Трубецким, московским губернским предводителем дворянства. На вопрос князя об отношении монарха к конституции царь заявил, что этот вопрос он неоднократно ставил перед собой, «душой переболел над ним» и пришел к заключению, что страна еще не готова к ней: «При малой культурности народа, при наших окраинах, еврейском вопросе и т.д. одно самодержавие может спасти Россию.

Притом мужик конституцию не поймет, а поймет только одно, что царю связали руки, тогда – я вас поздравляю, господа!»⁹⁸

В результате появился указ Сенату, подписанный императором 12-го и опубликованный 14 декабря 1904 г., который обещал, при «непременном сохранении незыблемости основных законов империи», разработку мер «по устройению крестьянской жизни» и изменению крестьянского законодательства, расширение прав земских и городских учреждений в области местного благоустройства, введение государственного страхования рабочих, некоторое ограничение применения положения об усиленной охране, устранение стеснений печати, введение начал религиозной терпимости, обеспечение самостоятельности судов и равенство перед ними лиц различных состояний⁹⁹. Отсутствие в указе упоминания о представительстве усугублялось опубликованным в тот же день правительственным сообщением, в котором сама мысль о нем объявлялась «чуждой русскому народу, верному исконным основам существующего государственного строя», и которое угрожало репрессиями за возбуждение на различных собраниях вопросов, «на обсуждение которых они не имеют законного полномочия». Таков был ответ верховной власти земцам, который даже В.А. Маклаков, раскаявшийся позднее либерал, назвал «изумительным по бестактности»¹⁰⁰.

Предложенные меры не внесли ни единомыслия в правящие верхи, ни успокоения в общество. Святополк-Мирский после неоднократных просьб об отставке получил, наконец, согласие на нее: через месяц он должен был занять пост Кавказского наместника. Это означало конец политики «доверия». МВД пребывало в состоянии разброда. К отставке готовился ряд сторонников терявшего силу министра. На его место претендовал Витте, погрязший в интригах, что усугубило разброд в правящих сферах. Среди правых также существовало разномыслие. Депутация Русского собрания, принятая царем 31 декабря, вручила ему челобитную, проникнутую «заботою об охранении самодержавия как главной основы и исторической святыни русского народа». Вместе с тем граф А.А. Бобринский, один из активных общественных деятелей правового толка, подготовил для Николая II проект манифеста, предлагающий для единения верховной власти с народом обратиться к верноподданым за советом «для успешного разрешения законодательных вопросов, предначертанных указом... 12 декабря 1904 г.». Лидер умеренных либералов Д.Н. Шипов, рассчитывая переубедить царя при личной встрече, подготовил речь о необходимости «развития общественной самодеятельности на почве исторически сложившегося государственного строя России». «Освобожденцы» еще пытались продолжать банкетную кампанию и вести линию на создание профессионально-политических организаций. Но власть «нашла себя», и руль государственного управления был твердо повернут вправо.

Николай II окончательно уверовал, что либералы не выражают мнения преданного ему народа, а с революционерами вполне можно справиться и традиционными репрессивными мерами.

Действительно, заметный спад крестьянского и рабочего движения, казалось, давал основание для таких настроений, хотя внутренних процесс революционизирования масс продолжался. Над этим продолжали работать лево-радикальные партии, все более осознавали необходимость заручиться содействием народа левые либералы. Так, П.Б. Струве с сожалением отмечал лояльность народа власти. В самый канун революции он писал: «Революционного народа в России еще нет. Но он каждую минуту может родиться, и мы обязаны всякими разумными средствами ускорить его рождение». Этими «разумными средствами» должны были стать культурная работа и легальные, неполитические формы организации, которые в конечном итоге и создадут базис для революционного рабочего движения¹⁰¹. И такая организация, сыгравшая значительную роль в развязывании революции, как оказалось, уже существовала, привлекая внимание и властей, и либералов, и революционеров. Речь идет о таком специфическом явлении, как «гапонада», давшем вскоре, как мы увидим, повод для революционного взрыва.

Было ли такое развитие событий неизбежным? Действительно, Россия, находясь в процессе сложного, мучительного перехода от традиционного к современному индустриальному обществу, испытывала серьезные трудности, связанные с необходимостью в сжатые исторические сроки преодолеть отставание от передовых капиталистических стран. Взнявшее на себя преобразовательские функции самодержавное государство неминуемо должно было стать ответственным и за все последствия реформ. Усугублялась ситуация тем, что эти преобразования проводились под эгидой абсолютистской верховной власти и с учетом прежде всего ее интересов, что неизбежно должно было сказаться на характере, последовательности и качестве реформ. К началу XX в. преобразовательский потенциал самодержавия в значительной мере был уже исчерпан, и усложнение всех сфер жизни страны требовало новой системы государственного управления.

В борьбу за политические преобразования все более и более втягивались различные слои общества. Во главе этой борьбы оказалась русская интеллигенция – дворянская, а затем разночинная. Как отмечал Н.А. Бердяев, весь XIX в. интеллигенция жила в резком конфликте с властью. Причем вину за этот разлад он возлагал на обе стороны, но прежде всего – на самодержавие, которое, создав невозможные условия для политической активности, толкало интеллигенцию к «исповеданию самых крайних социальных учений...». Руководство к действию она искала, в частности, в западной мысли и западном опыте, пытаясь найти в них рецепты «для преоб-

разования и преобразования собственной неприглядной действительности», для «ухода из настоящего». Однако для разных ее групп и направлений «этой идеальной действительностью были или допетровская Россия, или Запад, или грядущая революция». Она всегда чувствовала себя и долгое время действительно была «беспочвенной», хотя и восставала «во имя народа»¹⁰².

В конце XIX – начале XX в. общественное движение становится все более масштабным, политически все более структуризованным, но по-прежнему раздробленным, разнонаправленным, не имевшим прочных корней в массах. Это характерно было для всех общественно-политических лагерей, в том числе и для ранее всех оформившихся леворадикальных, революционных партий. Это обстоятельство предоставляло для самодержавного режима широкие возможности для маневра, в частности для привлечения на свою сторону умеренной земско-либеральной оппозиции, готовой на любых условиях сотрудничать с властью, для поддержания в народных массах монархических настроений путем проведения более гуманной социальной политики. Пока, видимо, все это было еще возможно, так как острое недовольства режимом было направлено не на особу монарха, а на бюрократию, которая рассматривалась как «вредное средостение» между верховной властью и народом. К тому же и само по себе самодержавие, несмотря на внутренний кризис правящих «верхов», располагало еще мощным экономическим и политическим потенциалом (казенное хозяйство, мощный государственный аппарат, огромная армия, нерастраченный кредит доверия населения). Но опасения, что политические уступки приведут к утрате прерогатив верховной власти, убеждение, что только самодержавные «обручи» спасут Россию от распада и гибели, рефреном звучавший еще с екатерининских времен тезис о неготовности страны к представительному правлению определили жесткую позицию в этих вопросах последнего российского императора. Диалог с общественными силами оказался невозможным. Народное недовольство в его крайних проявлениях все чаще подавлялось вооруженной силой. В таких условиях достаточно было искры, чтобы вспыхнул пожар.

Примечания

- ¹ Крестьянское движение в России в XIX – начале XX в. М., 1959–1998. Сб. док. «Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг.» (М., 1998) подготовлен А.М. Анфимовым.
- ² Анфимов А.М. Крестьянское движение в России во второй половине XIX в. // Вопросы истории. 1973. № 5; *Он же*. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России. 1881–1904. М., 1984.
- ³ Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. С. 9.
- ⁴ Там же. С. 21–22.
- ⁵ Там же. С. 43.

- ⁶ Там же. С. 64, 238. ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. 3. № 1729; Т. 19. Отд. 1. № 16903.
- ⁷ Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. С. 37–42.
- ⁸ Там же. С. 103–111.
- ⁹ Там же. С. 108–111.
- ¹⁰ Там же. С. 109.
- ¹¹ Там же. С. 88–91, 153–154.
- ¹² Там же. С. 178..
- ¹³ Там же. С. 190.
- ¹⁴ Там же. С. 48.
- ¹⁵ Там же. С. 51.
- ¹⁶ Красный архив. 1926. Т. 4. С. 83–87.
- ¹⁷ Протоколы по крестьянскому делу. СПб., 1905. Протокол № 10. С. 24.
- ¹⁸ *Вронский О.Г.* Государственная власть Российской империи и проблемы формирования основ перспективного аграрного курса на рубеже XIX–XX веков. М., 1999. С. 46–48.
- ¹⁹ Там же. С. 60–69.
- ²⁰ Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. С. 6; *Данилов В.П.* Крестьянская революция в России // Крестьяне и власть. М.; Тамбов. 1996. С. 1–6.
- ²¹ Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. С. 74–75.
- ²² *Вронский О.Г.* Указ. соч. С. 85.
- ²³ Рабочий класс России от зарождения до начала XX века. М., 1983. С. 141, 142, 296.
- ²⁴ См: *Варзар В.Е.* Статистические сведения о стачках рабочих на фабриках и заводах за десятилетие 1895–1904 гг. СПб., 1905.
- По данным этой статистики, в 1895–1900 гг. было 860 стачек с 250,6 тыс. участников (в среднем по 143 стачки с 41,8 тыс. забастовщиков), в 1901–1904 гг. – 905 стачек со 180,6 тыс. участников (по 226 стачек с 45,2 тыс. участников в год). В 1895–1900 гг. стачками было охвачено от 0,4% до 1,1% всех промышленных предприятий и от 2 до 4% всех рабочих, а в 1901–1903 гг. эти показатели возросли соответственно до 0,7–3,2% общего числа предприятий и 2–5% рабочих (с. 10).
- ²⁵ См.: Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. 1–9. М., 1992–2003. Как отмечают составители, число забастовок известно только в 83% случаев. Вместе с тем следует иметь в виду, что в число участников стачек вошли и данные о неоднократном участии в стачках (*Пушкарёва И.М.* Рабочее движение в год II съезда РСДРП // Отечественная история. 2002. № 4)
- ²⁶ *Смидович П.Г.* Рабочие массы в 90-х годах. М., 1930. С. 28.
- ²⁷ *Янжул И.И.* Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. Материалы для истории русского рабочего вопроса и фабричного законодательства. СПб., 1907. С. 215.
- ²⁸ *Кириянов Ю.И.* Рабочие России на рубеже XIX–XX веков // Отечественная история. 1997. №4. С. 43.
- ²⁹ *Пушкарёва И.М.* Указ. соч. С. 8.
- ³⁰ *Варзар В.Е.* Указ. соч. С. 25.
- ³¹ *Кириянов Ю.И.* Переход к массовой политической борьбе. Рабочий класс накануне Первой российской революции. М., 1987. С. 130.
- ³² История КПСС. Т. 2. М., 1966. С. 357.
- ³³ *Пушкарёва И.М.* Указ. соч. С. 8.
- ³⁴ Там же. С. 6–7; *Кириянов Ю.И.* Рабочие России на рубеже XIX–XX веков. С. 42–43.

- ³⁵ Цит. по: *Кириянов Ю.И.* Указ. соч. С. 44.
- ³⁶ *Персиц М.М.* Атеизм русского рабочего (1870–1905). М., 1965. С. 230.
- ³⁷ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 230, 383–384.
- ³⁸ *Корелин А.П.* Русский «полицейский социализм» // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 43–44.
- ³⁹ Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 220–222.
- ⁴⁰ Рабочий класс России в первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 70.
- ⁴¹ Рабочее движение в России. 1895 – февраль 1917 г. Хроника. Вып. 1. 1895 г. М., 1992. С. 70.
- ⁴² Всеподданнейший доклад товарища министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирского // Красный архив. 1936. № 3. С. 82–84.
- ⁴³ См: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в. С. 424–426.
- ⁴⁴ *Канпелер А.* Национальные движения и национальная политика в Российской империи: опыт систематизации (XIX в. – 1917 г.) // Россия в XX в. Проблемы национальных отношений. М., 1999; *Он же.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 1997; *Дякин В.С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 130–142; № 11–12. 1996. С. 39–53; Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. М., 1997.
- ⁴⁵ *Витте С.Ю.* Избранные воспоминания. 1849–1911 гг. М., 1991. С. 525.
- ⁴⁶ См.: *Тишков В.А.* Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 36, 116–117.
- ⁴⁷ Политические партии в России: история и современность. М., 2000. С. 261.
- ⁴⁸ Там же. С. 267.
- ⁴⁹ Там же. С. 268.
- ⁵⁰ Там же. С. 269–270, 287.
- ⁵¹ Там же. С. 271, 284.
- ⁵² Там же. С. 285.
- ⁵³ Там же. С. 286.
- ⁵⁴ Там же. С. 289.
- ⁵⁵ *Миллер А.И.* «Украинский вопрос» в понимании властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.
- ⁵⁶ Политические партии России: история и современность. С. 265, 266, 288.
- ⁵⁷ История человечества. Т. 8: Россия. М., 2003. С. 486–487.
- ⁵⁸ Политические партии России: история и современность. С. 294–296.
- ⁵⁹ Там же. С. 290–291; Политические партии в России. Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. М., 1996. С. 154–155, 178; Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. М., 1955.
- ⁶⁰ Политические партии в России: история и современность. С. 290–291; *Asher A.* The Revolution of 1905. Russia in Dissaray. Stenford University Press, 1988. P. 153–154.
- ⁶¹ Политические партии в России... Энциклопедия. С. 171–172.
- ⁶² *Исхаков С.М.* Мусульмане в России: особенности социального поведения в начале XX в. // Революция и человек. М., 1997. С. 16; *Он же.* Перемены в России и мусульманское население. Начало XX в. (историографический обзор) // Россия в XX веке. Реформы и революции. М., 2002. Т. 1. С. 474–506.
- ⁶³ Россия в начале XX века. Исследования. М., 2002. С. 139–165.
- ⁶⁴ Конституционные проекты в России. XVIII – начало XX в. М., 2000. С. 565–668; Конституционализм: исторический путь России к либеральной демократии. М., 2000.

- ⁶⁵ *Тарановский Т.* Судебная реформа и развитие политической культуры царской России // Великие реформы в России. 1855–1878. М., 1992. С. 301–317.
- ⁶⁶ *Шилов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 131–132.
- ⁶⁷ Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906. СПб., 1906. С. 7.
- ⁶⁸ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 23.
- ⁶⁹ *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977. С. 162–163.
- ⁷⁰ *Шаццлло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 37–38.
- ⁷¹ *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М., 2000. С. 32–33.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 26–30.
- ⁷⁴ *Кириянов Ю.И.* Русское собрание. 1900–1917. М., 2003. С. 25–35.
- ⁷⁵ Второй съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959.
- ⁷⁶ *Тютюкин С.В.* Указ. соч. С. 56–57.
- ⁷⁷ Всероссийская перепись членов РКП 1922 г. М., 1923. Вып. 4. С. 37; История Коммунистической партии Советского союза. Т. 2. С. 35–36; *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 46–47.
- ⁷⁸ *Шаццлло К.Ф.* Указ. соч. С. 110–116.
- ⁷⁹ Там же. С. 158–167
- ⁸⁰ *Куликов С.В.* Правительство и либерализм в начале XX в. как фактор реформаторского процесса // Империя и либералы. СПб., 2001. С. 83–87.
- ⁸¹ Отрывки из воспоминаний Д.Н. Любимова // Исторический архив. 1962. № 6. С. 81–83.
- ⁸² Красный архив. 1926. Т. 5 (18). С. 201–203.
- ⁸³ *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 121–122.
- ⁸⁴ *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 291.
- ⁸⁵ *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 91–92.
- ⁸⁶ Российский государственный архив социальной истории (РГАСПИ). Ф. 302. Оп. 1. Д. 21. Л. 3–4.
- ⁸⁷ *Шаццлло К.Ф.* Указ. соч. С. 191–197.
- ⁸⁸ Там же. С. 232–238; *Павлов Д.Б., Петров С.А.* Японские деньги и русская революция // Тайны русско-японской войны. М., 1993. С. 7–40.
- ⁸⁹ Цит. по: Кризис самодержавия в России. С. 158.
- ⁹⁰ *Шаццлло К.Ф.* Указ. соч. С. 264–265.
- ⁹¹ Там же. С. 288.
- ⁹² Там же. С. 294.
- ⁹³ Там же. С. 295–299.
- ⁹⁴ Красный архив. 1930. № 6 (43). С. 110.
- ⁹⁵ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 1. Д. 832. Л. 16.
- ⁹⁶ *Шаццлло К.Ф.* Указ. соч. С. 303.
- ⁹⁷ Там же. С. 307.
- ⁹⁸ *Трубецкая О.Н.* Из пережитого // Современные записки. Париж. 1934. Т. 14.
- ⁹⁹ Правительственный вестник. 1904. 14 декабря.
- ¹⁰⁰ *Маклаков В.А.* Власть и общество на закате старой России. Париж. 1936. С. 339.
- ¹⁰¹ Освобождение. Штутгарт–Париж. 1902–1905. № 63. С. 221.
- ¹⁰² *Берядяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX и начала XX века. М., 1997. С. 24, 26, 27.

Глава 3

«КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ». НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

Георгий Гапон и «тайна» его влияния на рабочих

Созданные в течение 1901 г. во многих городах России зубатовские союзы неожиданно вышли за рамки «взаимовспомоществования», начав принимать открытое участие в политических акциях. Министр внутренних дел В.К. Плеве и другие чиновники этого министерства инкриминировали Зубатову то, что своим предложением «организоваться» его группы привели в движение даже отсталые слои рабочих. В итоге в августе 1903 г. Плеве выслал «отца полицейского социализма» во Владимир под гласный надзор полиции, обвинив его в использовании аппарата полиции в собственных политических целях. При этом Плеве хотел сохранить зубатовщину без Зубатова: его место было уготовано священнику Г.А. Гапону, выпускнику Петербургской духовной академии.

Своей популярностью в рабочих кругах Гапон был обязан работным людям Гавани – одного из самых населенных районов Петербурга. Для них он стремился стать истинным духовным пастырем. Его проповеди зажигали слушателей, и в помещении церкви Скорбящей Божьей Матери в Гавани иногда собиралось по несколько сот человек. Проповедник призывал рабочих создавать «трудовые организации», с помощью которых они «добьются лучших результатов для себя, чем в столкновении с правительством»¹. По мнению психологов, «фарисейство, предательство и трусливая ложь» удивительным образом сочетались в поведении Гапона «с взрывами удачи, скромности и слепой, кипучей отваги» и умением казаться простым, искренним и добросердечным². Посещая рабочие кварталы и ночлежные дома, молодой, красивый батюшка увлекал слушателей способностью складно и убедительно излагать близкие и понятные им мысли. При этом он выглядел в их глазах защитником всех угнетенных и обездоленных. Ему верили, за ним шли. Позднее в своих «Записках» Гапон напишет, что он сам верил в то, что «если сплотить всю эту массу рабочих и научить ее отстаивать свои интересы», то это может оказать «огромное влияние на улучшение условий труда в России».

Знакомство Гапона с деятельностью зубатовского общества в Москве произвело на него негативное впечатление. Его смутили контрасты между руководителями общества, заседавшими в роскошных апартаментах его председателя, окруженного парадными мундирами высших чинов полиции, и толпой рядовых членов зубатовской организации – простых рабочих. Когда возвратившегося в Петербург Гапона стали расспрашивать о московской зубатовской организации, он честно сказал столичному градоначальнику Клейгельсу и митрополиту Антонию, что увиденное им может только подорвать идею пропаганды среди рабочих «на христианской основе»³.

Тем не менее Гапон дал согласие с весны 1903 г. вести богослужение в Выборгском отделении зубатовского общества и записал в него нескольких единомышленников, с помощью которых рассчитывал впоследствии создать собственную организацию рабочих – «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Петербурга». Принципы ее он стал разрабатывать вместе с группой единомышленников уже весной 1903 г.

Многие современники, а позднее и исследователи не видели различий между зубатовскими и гапоновскими организациями. Гапона чаще всего называли «шпионом», «агентом охранки» и даже «provокатором», подставившим рабочих под пули «царских сатрапов». У историков и сегодня нет документов, которые могли либо подтвердить эту версию, либо окончательно очистить Гапона от тех подозрений в двойной игре, которую он мог вести. Они терзали в свое время даже часть его ближайших соратников. Действительно, Гапон общался и с чиновниками Департамента полиции, и с петербургским градоначальником, и с церковными иерархами. Департамент полиции покровительствовал деятельности Гапона и не возражал против предоставления ему бесплатно помещений для собраний. Но конечные цели жандармов и священника явно не совпадали. Гапон был нужен полиции своим умением привлекать к себе рабочих, но вопрос о финансировании гапоновских организаций остается непроясненным⁴. Источники подтверждают лишь один факт получения Гапоном в апреле 1903 г. от Зубатова 100 руб. за составление для С.Ю. Витте записки о зубатовской рабочей организации в Москве. Все остальное – лишь домыслы. И Гапон, и его единомышленники исключали союз своей организации с Департаментом полиции, причем в «штабе» гапоновской организации регулярно вносилось предложение полностью порвать с властями. Но контакты с Департаментом полиции были нужны Гапону. Они, как бы удостоверения в глазах этого властного органа благонадежность его организации, способствовали освобождению ее от сильного полицейско-жандармского покровительства. Его-то Гапон сознательно пытался избежать. Вместе с тем следует подчеркнуть, что она пользовалась неофициальным покровительством петербургского митропо-

лита Антония, считавшего, что «гапоновский союз» образован «в противовес революционной пропаганде среди рабочих». Впоследствии митрополит писал, что «предшествовавшие 9 января события не давали права опасаться той ужасной развязки, которая случилась»⁵.

Гапон видел свою задачу в установлении «братских взаимоотношений в процессе труда» между рабочими и предпринимателями. Идея эта возникла за пределами России – в среде англиканских священников, обнаруживших родство социализма с учением Христа, а некоторые социалисты на Западе, ощутив недостаток духовности в социализме, обратились к христианству. Христианский социализм, воплощенный там в деятельности ряда лидеров профсоюзного и кооперативного движения, получил широкое распространение в легальных рабочих организациях. В 1890-е годы идеи христианско-социалистической рабочей кооперации достигли России и не прошли мимо некоторых русских философов, которые входили в «Союз освобождения». Так, С.Н. Булгаков находил много общего между положением дел в Англии и России и видел возможность соединить «огонь религиозного воодушевления с холодом повседневной работы», хотя переход от «словесной проповеди» к практической деятельности считал задачей «неизмеримо сложной»⁶. Но идея соединения христианства и социализма отторгалась русскими философами как способная лишь «порождать революционеров»⁷.

Оценка Булгаковым Гапона неизвестна, зато Ленин считал, что «Гапон мог быть искренним христианским социалистом»⁸. На самом деле он вряд ли был таковым и, скорее всего, лишь интуитивно работал на эту идею. Гапон не видел взаимосвязи между экономическим и политическим освобождением рабочих и вряд ли глубоко задумывался об избавлении их от экономических тягот путем «совершенствования духовно-нравственного смысла труда и его организации», как предлагал западный христианский социализм⁹.

Еще осенью 1903 г. Гапон и его сподвижники сделали максимум возможного, чтобы выйти из-под контроля Зубатова. Это размежевание совпало с окончательным крахом карьеры Зубатова. Оставшаяся без руководства зубатовская организация на Выборгской стороне (15–20 человек) перешла – при одобрении ее членов – под начало Гапона. 30 августа 1903 г. сподвижники Гапона открыли клуб-чайную, вокруг нее сформировался один из отделов будущего гапоновского «Собрания». Гапон чувствовал коллективизм как одну из главных черт ментальности рабочих, их тяготение к созданию собственной, притом легальной, организации для защиты своих прав. Он вдохновенно мечтал «незаметно для властей» покрыть всю Россию сетью таких организаций с тем, чтобы сплотить в них до ста тысяч человек и поднять против угнетателей. Во главе этой армии Гапон видел себя. В октябре 1903 г. Гапон направил директо-

ру Департамента полиции А.А. Лопухину доклад, в котором убеждал его в «благородном стремлении под руководством истинно русских образованных людей и духовенства выработать трезвый, в христианском духе взгляд на жизнь и положение рабочего». При этом он надеялся на «улучшение труда и жизни рабочих без насильственного нарушения порядка и законности в своих отношениях к хозяевам и правительству»¹⁰. (Все это никак не вяжется со «шпионством» и «провокаторством» Гапона.)

Министр внутренних дел В.К. Плеве и его окружение считали, что, сохраняя идею зубатовских организаций, целесообразно попытаться сделать их «прозрачными» и подконтрольными полиции, с тем чтобы они превратились в «твердый оплот против проникновения в рабочую среду превратных социалистических учений»¹¹. При этом откровенно делалась ставка на религиозность рабочих, большинство которых были искренне верующими.

В феврале 1904 г. с оговорками и «в искаженном виде» (как на то сетовал Гапон) устав его «Собрания» был утвержден МВД. Руководящая роль в «Собрании» закреплялась за кружком учредителей, состоявшим из давних знакомых Гапона. Ему самому присвоили звание «представителя». Собрания и лекции должны были проводиться в присутствии полицейского, библиотека и читальня – контролироваться лицами, утвержденными градоначальником; в случае стачек организации запрещалось оказывать помощь рабочим. На официальном открытии «Собрания» 11 апреля 1904 г. присутствовали около 150 человек, в том числе новый петербургский градоначальник И.А. Фуллон, которому поручили надзирать за Гапоном. Добродушный генерал во всем доверился Гапону, в чем позднее ему пришлось горько раскаяться.

Отделы гапоновского «Собрания» появились вначале в самых густонаселенных рабочих районах столицы – на Выборгской стороне (там же был и «главный штаб») и в Нарвском районе с Путиловским заводом. В руководстве отделов «Собрания» были люди не моложе 30 лет. Некоторые из них побывали уже в партийных организациях. А.Е. Карелин, по профессии печатник, входил в 1880–1890-е годы в социал-демократическую брусневскую группу, Д.В. Кузин тоже был прежде социал-демократом. Значительную роль в «Собрании» играли также ткач И.В. Васильев, В.М. Карелина (ранее вела революционную пропаганду среди работниц выборгских фабрик), токарь-металлист Н.М. Варнашев, старший мастер В. Иноземцев, обойщик В. Смирнов. Их деятельность способствовала полевению гапоновских собраний, а позднее – включению в петицию царю социальных требований. Вошли в «Собрание» и некоторые рабочие, прежде – члены зубатовских обществ, хотя особо приближенных к Зубатову среди них не было, так как Гапон не хотел, чтобы они бросали тень на его организацию.

Гапоновские организации активно занимались социальными вопросами – речь прежде всего шла о пособиях в случае болезни и производственных травм, об организации труда и быта, о заработной плате и продолжительности рабочего дня. Эта сторона их деятельности дала основание некоторым исследователям увидеть в них чуть ли не начало тред-юнионистского движения в России¹². Однако эти идеи бродили лишь в умах руководителей «Собрания». В массе своей рабочие просто хотели получить в гапоновских «отделах» необходимые средства к существованию из фонда, сформировавшегося за счет благотворительных взносов. Всем было известно, что немалые средства вкладывал в развитие организации и сам Гапон, отдавая на ее нужды по 2 тыс. руб. в год (все свое жалование священника пересыльной тюрьмы).

Встречи рабочих в гапоновских организациях обычно начинались пением «Боже, Царя храни» и заканчивались молитвой. Тем не менее власти были настороже. Агенты охранного отделения все время проверяли и перепроверяли деятельность Гапона и его «Собрания». В квартире Гапона всегда толпился народ, а залы, где проходили лекции-проповеди, собирали до двух тысяч человек. К концу 1904 г. «Собрание фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» насчитывало 11 отделов, объединявших около 10 тыс. членов. Когда к петербургским присоединился еще и сестрорецкий отдел, общая численность организации дошла до 20 тыс. членов (взносы из них платили лишь 7–8 тыс.) Ее численности и размерам ее кассы могла тогда позавидовать любая политическая партия. Дирекция Путиловского завода опасалась, как бы все его рабочие не стали членами гапоновской организации.

Между тем, пока либералы и консерваторы спорили, стоит ли рассматривать переживаемый момент как «правительственную весну» или это просто «эра попустительства», в руководстве гапоновского «Собрания» выделилась группа, которую возглавили супруги А.Е. и В.М. Карелины. Они видели в гапоновских организациях возможность приобщения рабочих к идеям профессиональной легальной борьбы за «рабочие законы». Обсуждение социальных проблем на проводимых ими «занятиях» стало выходить за рамки, обозначенные в уставе. Рабочие все чаще переходили к критике правительства, призывая «сказать свое мнение царю, но так, чтобы правительство не могло замолчать сказанное»¹³. Присутствие на занятиях женщин-текстильщиц, привлеченных в организацию В.М. Карелиной, способствовало перенесению обсуждения насущных социальных вопросов с публичных встреч в рабочие семьи.

Изменение общей атмосферы в отделах «Собрания» и полевание паствы Гапона с каждым днем становилось все более заметным. Перед началом бесед теперь все реже пели «Боже, Царя храни» и не завершали их чтением молитв. Гапон был недоволен, но

сделать ничего не мог. Чтобы не утратить лидерства, он сам предложил всем отделениям «Собрания» сконцентрироваться на обсуждении статей из газет и журналов, не отклоняясь, однако, от целей, сформулированных в уставе. «Я верил, – писал Гапон, – в добрые намерения царя... Я представлял себе царя чрезвычайно... благородным и считал, что если обратиться к нему непосредственно с... просьбой, то он немедленно ее исполнит»¹⁴. Эту веру разделяли тогда очень многие рабочие, и она их объединяла.

Идея подачи петиции царю была заимствована участниками «Собраний» у либералов, которые, вопреки существовавшим тогда законам, развернули с ноября 1904 г. широкую банкетную кампанию. Чуть ли не каждый банкет завершался составлением обращения к властям. Гапон был поначалу против подачи петиций от рабочих (интуиция его не обманула). Количество сторонников и противников составления петиции и шествия с ней к царю оказалось примерно равным, но неожиданно в решающий момент Гапон сдался, и число сторонников подачи петиции быстро стало расти¹⁵. В отделах «Собрания» все чаще стали появляться сами либеральные деятели и выпускаемые ими издания («Наша жизнь», «Наши дни», «Сын Отечества»)¹⁶. Либералы призывали рабочих поддерживать их требования и искали пути взаимодействия с «Собранием»¹⁷.

В ноябре 1904 г. на совещании в квартире Гапона собралось около 30 человек, в том числе Н.М. Варнашев, Д.В. Кузин, И.В. Васильев, супруги Карелины, несколько рабочих-активистов. Присутствовали и «освобожденцы» – супруги С.Н. Прокопович и Е.Д. Кускова, В.Я. Яковлев (Богучарский) и другие. Целью встречи было обсуждение возможного присоединения рабочих к петиционной кампании при условии выдвижения ими собственных требований. Однако в ходе встречи кто-то вспомнил о петиции, которая была заготовлена Гапоном еще в марте 1904 г. Тогда главной ее идеей было начать превращение «Собрания» в массовую рабочую организацию¹⁸. Теперь этот документ лег в основу петиции, которую предстояло подать царю. «Освобожденцы» поддерживали руководителей гапоновской организации, но не дали, как вспоминает о том Карелин, никаких рекомендаций, что делать с этой петицией далее.

28 ноября на собрании председателей всех отделов «Собрания», организованном его правлением, Карелин предложил Гапону доработать текст петиции и продумать план ее подачи царю. Гапон вынужден был нехотя согласиться.

Мысль идти к царю искать правды коренилась в традиции крестных ходов и стремительно овладевала петербургскими рабочими. В отношении к царю находила выражение особая смесь крестьянского по своим истокам радикализма и консерватизма. Если трудовой народ и упрекал, бывало, на своих сходах и собраниях чиновников и правительство, то царь всегда оставался вне критики. От

прежних крестьянских «наказов» петицию отличало то, что в ее составлении и редактировании участвовало небывалое множество людей различного социального уровня – не только все руководители отделов «Собраний» (Гапон со своими единомышленниками), но и члены «Союза освобождения», и социал-демократы, и эсеры, и простые рабочие. Петиция вобрала в себя многие из экономических требований рабочих, а также включала отдельные положения социал-демократической программы-минимум, общедемократические требования из «банкетной» программы леволиберальных кругов.

Сам текст петиции – это удивительная смесь наивного монархизма и первых ростков самостоятельного политического сознания рабочих. В ней отсутствует религиозная риторика (хотя движение возглавлял священник, а шествие должно было совершиться под сенью икон и хоругвей) и даже содержится требование отделения Церкви от государства. Петиция была «коллективной жалобой» вроде тех, что подавались и раньше рабочими, пытавшимися законодательно урегулировать отношения с предпринимателями.

Когда петицию в декабре читали по отделам на собраниях, то помещения не могли вместить всех желающих. На собрания пускали по сменам, каждая из которых могла доходить до нескольких тысяч человек. Царю предлагалось «укоротить» чиновников введением выборной власти народа, способной их контролировать, разрушить стену, отдаляющую народ от трона, без гнева взглянуть на его просьбы, не отказать в помощи» и т.д. В глагольных формах присутствовала модалность, набор лексем отражал желание подчеркнуть тяжесть положения рабочих («беспомощные», «обнищали», «нас угнетают», «не признают за людей» и т.п.). В то же время в петиции прямо говорилось о том, что в России «рабочие лишены возможности организовываться в союзы для защиты своих интересов», и высказывалась просьба изменить ситуацию. В петиции были перечислены просьбы ввести 8-часовой рабочий день, проверить соблюдение закона 1897 г. в отношении его нормирования, имелось новое для того времени пожелание прекратить дискриминацию в оплате женского труда. Чтобы покончить с «гнетом капитала над трудом», петиция предлагала проследить за отменой косвенных налогов, заменить их прямым прогрессивным подоходным налогом, отменить выкупные платежи, предоставить дешевый кредит и в итоге провести «постепенную передачу земли народу». «Учредив на заводах и фабриках постоянные выборные рабочие комиссии и введя государственное страхование», рабочие предлагали «сделать законом свободу борьбы труда с капиталом»¹⁹. Говорилось в петиции и о немедленном прекращении войны. Текст петиции был доработан с помощью журналиста А.И. Матюшенского с включением в него положений из программы социал-демократической партии за исключением лозунга свержения самодержавия. Документ заклю-

чали две подписи: священника Гапона и безвестного рабочего Иван Васимова.

По решению своих комитетов, социал-демократы приняли решение не настаивать на включении в петицию лозунга смены политического строя, однако политических требований было в итоге включено немало. Гапон вынужденно согласился с этим, хотя поначалу пытался возражать²⁰. Так или иначе, но в текст петиции попали важные положения о необходимости введения общего и обязательного «народного» образования за государственный счет, а также идея народного представительства. («Пусть в нем (представительстве. – *Авт.*) будет и капиталист, и рабочий, и чиновник, и священник, и доктор, и учитель – пусть все, кто бы они ни были, изберут своих представителей».) Из программ РСДРП и других радикальных партий в петицию был включен пункт о необходимости «выборов в Учредительное собрание при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов»²¹. Таким образом, петиция была, несмотря на просительную риторику, совсем не «безобидным» для самодержавия документом, какой ее нередко представляли советские историки.

Содержание петиции вплоть до самых последних часов перед 9 января было предметом обсуждения и редактирования. Гапона волновала его личная роль в развитии событий. Он, обуреваемый сомнениями, не очень-то верил в перспективность этого мероприятия и не хотел конфликтовать с властью. Гапон рассматривал вариант прямой передачи петиции царю «в обход правительства», например, к очередной годовщине отмены крепостного права (19 февраля 1905 г.) или к получению в Петербурге сведений о новых поражениях в русско-японской войне²². В своих воспоминаниях Гапон писал о желании совместить подачу петиции с «большой стачкой». Однако это сомнительно, так как до конца декабря 1904 г. о «большой стачке» в Петербурге никто и не помышлял. Следует подчеркнуть, что именно желая обезопасить участников шествия, Гапон подробно информировал городские власти о своих планах относительно его организации.

Однако столичные власти не задумывались о процессе политической организации «отца Георгия». Это показали события на Путиловском заводе, где перед 20-ми числами декабря 1904 г. в одном из цехов мастером Тетявкиным были уволены четверо рабочих, оказавшиеся членами гапоновской организации. Заступничество самого Гапона, попытавшегося покончить дело «миром» – переговоры с администрацией завода, полного успеха не принесло. Приняв обратно трех рабочих, администрация никак не хотела восстановления четвертого. За упорством заводской администрации проглядывало желание силой «поставить на место» гапоновскую организацию, надоевшую ей своим постоянным вмешательством во взаи-

моотношения с рабочими. Желая увеличить число военных заказов, администрация старалась сделать правилом сверхурочные работы, а окончательно «прижать» рабочих ей мешало как раз гапоновское «Собрание» с его огромным влиянием среди рабочих. Поэтому в разгоревшемся конфликте она хотела показать неспособность и бессилие гапоновской организации. С 21 декабря, когда фабричный инспектор поддержал отказ администрации завода восстановить всех уволенных, и до 2 января 1905 г. события развивались стремительно и обнаружили большое упорство с обеих сторон. Гапон даже предупреждал администрацию Путилова, что если уволенные не будут восстановлены, то «3-го забастует Путиловский завод, 5-го – еще два больших завода», а 7-го – «весь пролетариат Петербурга объявит забастовку»²³.

Стачка на Путиловском заводе, начавшаяся 3 января 1905 г., стала искрой, которая зажгла пожар. Однако, анализируя поведение лиц, причастных к этому конфликту, можно увидеть, что стачку можно было предотвратить. Сохранился составленный утром 3 января «Акт выборных рабочих Путиловского завода». В нем Гапону поручалось возглавить депутацию рабочих завода на переговорах с администрацией. Перед этими переговорами Гапон обратился в третий раз за эти дни к градоначальнику И.А. Фуллону, предупреждая, что в случае неудовлетворения требований путиловцев и невозможности восстановления уволенных забастовка может охватить не только Путиловский завод, но и весь город. Фуллон с 30 декабря дважды пытался убедить администрацию пойти на уступки. В результате сначала появился приказ администрации об отмене увольнения одного из рабочих, а затем – обещание восстановить на работе двух других (но не трех) уволенных. Фуллон сказал Гапону, что «более ничего сделать не может»²⁴. Градоначальник в глубине души полагал, что в мирном шествии рабочих к Зимнему дворцу «политики не будет», поскольку в воскресенье, да еще в рождественские каникулы, студенты и курсистки, являвшиеся в его глазах самым «беспокойным элементом», еще «не в сборе» и потому уличные выступления с митингами, демонстрациями и с политическими речами мало вероятны²⁵.

Гапон, возможно, и удовлетворился бы достигнутым в переговорах результатом, но группа рабочих, присутствовавшая при телефонной беседе Фуллона с Гапоном, не согласилась предавать товарища и настаивала на восстановлении всех уволенных. К середине дня 3 декабря депутация рабочих из 40 человек заполнила помещение заводской администрации, чтобы вручить директору завода Смирнову листок-ультиматум со своими требованиями. Накануне рабочие цеха, где начальником был Тетявкин, посадили его в мешок и вывезли на тачке с заводской территории. Теперь они потребовали увольнения Тетявкина. К этому были добавлены такие тре-

бования, как сокращение рабочего дня до 8 часов, отмена сверхурочных, повышение заработной платы по составленной рабочими тарифной сетке.

Гапон, оказавшись между рабочими с их требованиями и директором завода, вдруг растерялся. Он лишь «поддакивал» рабочим в ожидании прихода директора, а когда он появился и Гапон стал зачитывать ему требования бастующих, то, отвечая на вопросы, постоянно искал одобрения у рабочих, задавая один и тот же вопрос: «Не так ли, товарищи?». Директор категорически отказался от дальнейших уступок, а тем более от увольнения мастера. Экономические требования он согласился удовлетворять только «в ряде случаев», а «не в виде уступок всей массе забастовщиков». Министр финансов В.Н. Коковцов, в ведении которого тогда находились не только финансы, но и промышленность, узнав о позиции администрации Путиловского завода, счел ее правильной. Он первым забил тревогу по поводу возможного развития конфликта, указывая на то, что требования рабочих «представляются невыполнимыми для промышленности», и выразил Святополку-Мирскому опасения по поводу деятельности гапоновского «Собрания», где эти требования были выработаны²⁶. Около 6 часов вечера 3 января 1905 г. завод облетела весть об отказе администрации удовлетворить требования рабочих. В цехах во всех печах был погашен огонь и полностью остановлены машины. Забастовка охватила 13 тыс. рабочих, приковав к событиям в Петербурге внимание многих не только в России, но и за рубежом. Забастовка путиловцев подняла новую волну стачки на нефтяных промыслах в Баку, повсюду обострила недовольство рабочих, накопившееся в течение нескольких месяцев войны. Информация о требованиях путиловцев в течение одного дня распространилась по другим фабрикам и заводам Петербурга, о чем позаботились руководители отделов гапоновского «Собрания», а также партийные лидеры. Стачка быстро принимала политический, антиправительственный характер.

С Рождества в городах и деревнях в стране стали активно циркулировать слухи о грядущем поражении России в русско-японской войне. Неслучайно Витте еще раньше говорил: «Будет ужасный удар, если возьмут Порт-Артур». В связи с его падением 20 декабря 1904 г. в рамках банкетной кампании в Петербурге прошло собрание инженеров, занятых на крупных предприятиях города. На нем звучали резкие антиправительственные высказывания, что провоцировало новые протесты в среде рабочих не меньше, чем агитация леворадикальных политических партий.

Отношение к священнику Гапону у петербургских социал-демократов и эсеров было настороженным. Большевики считали его «зубатовцем». 5 января 1905 г. секретарь ПК РСДРП С.И. Гусев (Я.Д. Драбкин) писал Ленину, что личность Гапона «не выяснена»,

хотя и назвал его «наивным идеалистом»²⁷. Меньшевики тоже считали Гапона «зубатовцем» и даже подозревали в провокаторстве. Лишь 4 января Петербургская группа меньшевиков обратилась к рабочим-путиловцам с сочувственной прокламацией по поводу начавшейся стачки, а 5 января и большевики, и эсеры выпустили листовки с обращением к рабочим других заводов поддержать путиловцев. Большевики призывали сбросить гнет административного, полицейского и чиновничьего произвола и предъявить правительству политические требования: «Нам нужна политическая свобода, нам нужна свобода стачек, союзов и собраний; нам необходимы свободные рабочие газеты, нам необходимо народное самоуправление (демократическая республика)!» Следующая листовка большевиков от 6 января, обращенная к рабочим Шлиссельбургского района, заканчивалась лозунгами: «Долой самодержавие! Да здравствует республика! Да здравствует социализм!»²⁸ У Гапона и других руководителей «Собрания» возникла тревога по поводу усиления революционного влияния на будущих участников шествия. Поэтому руководители гапоновских организаций требовали «тех листовок не читать и жечь, а разбрасывателей гнать и никаких политических вопросов не затрагивать»²⁹. Но сам Гапон не имел четкой линии поведения по отношению к политическим партиям. Он не столько возглавлял движение, сколько непроизвольно позволял увлечь себя более радикально настроенным членам «Собрания», представителям революционных и леволиберальных организаций и фактически просто плыл по течению. При этом весь план шествия к Зимнему дворцу и подача петиции царю настолько органично вытекал из глубинных основ русской православной ментальности, что к 9 января 1905 г. роль самого Гапона в предстоящих событиях не была ни определяющей, ни решающей.

За три дня до 9 января разговорами о забастовке на Путиловском заводе жил весь Петербург. Участники и свидетели тех событий рассказывали, что имели тогда массу поручений от подпольных социал-демократических цеховых кружков. Партийным рабочим и агитаторам было дано задание, проникая на собрания гапоновских отделов, отговаривать от шествия, указывая на его бесперспективность и опасность, а также вызывать интерес рабочих к политической агитации и прокламациям РСДРП. Но начало революции, связанное с «гапонадой», меньшевики, по их собственному выражению, «проспали», не оценив тем самым стихийной силы легальных гапоновских организаций. А большевики, констатируя свое бессилие, писали в газете «Вперед»: «Мы бессильны. Ведь теперь необходимы тысячи, десятки тысяч листовок, необходимы организованные рабочие собрания, необходимы подготовленные опытные ораторы, которые могли бы от попа Гапона привлечь толпы рабочих к нам. А что мы можем сделать?»³⁰

Тем не менее среди агитаторов из числа социал-демократов (их в общей сложности насчитывалось всего около 800 человек) многим рабочим запомнился в те дни слесарь Путиловского завода А.П. Серебровский – большевик, организатор Нарвского районного комитета РСДРП. Он вел пропаганду среди путиловцев на предприятиях за Невской и Московской заставами. Таких, как Серебровский, в ПК РСДРП было несколько десятков, в том числе В.С. Цацарин, В.С. Шелгунов, М.Г. Александров, В.Г. Белоусов, А.П. Шеломович, К.И. Леонов, Н.В. Дорошенко. Беседуя с рабочими, они стремились приблизить их требования к программе-минимуму РСДРП. Были среди агитаторов и женщины – Е.Д. Стасова и Р.С. Землячка³¹, однако рабочих, разделявших позицию большевиков, вряд ли насчитывалось более 300 человек (на 150 тыс. столичных пролетариев).

Учитывая популярность Гапона среди рабочих, ПК РСДРП рекомендовал вообще не упоминать во время агитации в отделах «Собрания» о Гапоне, так как речи агитаторов, которые нелестно отзывались о Гапоне или заканчивались партийными призывами, прерывались, а сами ораторы изгонялись из аудиторий. Несмотря на раскол в среде социал-демократов, все они выступали *против* гапоновской идеи шествия к царю: «Не просить царя, и даже не требовать от него, не унижаться перед нашим заклятым врагом, – писали большевики, – а сбросить его с престола и выгнать вместе с ним всю самодержавную шайку – только таким путем можно завоевать свободу»³².

Накануне 9 января состоялись переговоры Гапона сначала с социал-демократами во главе с меньшевиком С.И. Сомовым (Гапон назвал их «восхитительными парнями»), а затем с эсерами – рабочим Кирюшкиным, студентами Н.Л. Мухиным и Л.К. Кацманом. Все они пытались отговорить Гапона от шествия к Зимнему дворцу, но никакие уговоры успеха не имели.

Идея доверительного разговора с «царем-батюшкой» оказалась сильнее любых доводов с позиций здравого смысла. Поэтому партийные центры социал-демократов и эсеров приняли решение участвовать в манифестации. В ночь на 9 января полиция провела массовые аресты. Был арестован весь состав городского комитета эсеров и многие социал-демократы. В одном только Невском районе было взято под стражу свыше тридцати человек³³.

Еще 5 января забастовка охватила более 30 тыс. рабочих Путиловского, Невского судостроительного, Франко-Русского, Механического, Железопрокатного. Вагоностроительного и Семянниковского заводов, Невской и Екатерингофской бумагопрядильни и многих других предприятий. Информация о стачке, обрастая слухами, усиливала в то время еще не ярко выраженную, но таившуюся подспудно социальную агрессию. Коковцов в докладе Николаю II в

тот день подчеркнул, что требования рабочих предъявлены в «воспрещенной нашим законом форме», подчеркнув, что он «счел своим долгом» выразить также «весьма большие опасения» министру внутренних дел Святополоку-Мирскому по поводу действий гапоновского «Собрания русских фабрично-заводских рабочих»³⁴.

Роковой шаг власти

Обстановка была тревожной на всех уровнях власти, начиная от Комитета министров и кончая городовыми и полицейскими. Напряженность усиливалась слухами о происшествии 6 января у стен Зимнего дворца. Здесь годами на Крещение возводили специальную беседку для царя и высокопоставленных особ. По обычаю, царь с духовенством и свитой находился в ней при церемонии освящения воды, которую завершали праздничные выстрелы орудий Петропавловской крепости. На этот раз по ошибке один из снарядов оказался не холостым, а боевым. Выстрел картечью в сторону Невы обдал водой ближайшую к «Иордани» территорию у Зимнего дворца и часть его стены. Один из городских был ранен, а на помосте, где стояла царская беседка, нашли несколько пуль. Оказалось пробитым и знамя Морского корпуса. Если бы снаряд попал в беседку, можно было бы расценить это как покушение на самодержца. Однако Николай II, мечтавший быстрее отбыть в Царское Село, дал себя убедить, что эта была оплошность, и милостиво «простил» военных. Приняв послов и посланников в Золотой гостиной Зимнего дворца, он в 16 часов уехал в свою загородную резиденцию.

В это время во всех отделах гапоновских «Собраний» уже были заготовлены несколько копий петиции к царю. Авторитет Гапона с началом стачки на Путиловском заводе неимоверно вырос. Он переезжал из одной части столицы в другую и выступил несколько десятков раз. Каждое его слово в рабочих аудиториях воспринималось как откровение, каждое движение ловилось десятками глаз. Однако, по существу, в те дни уже не Гапон вел массы, а рабочая масса своим энтузиазмом увлекала его за собой.

Наэлектризованность рабочей аудитории достигла своего апогея к 7 января. Агитация в отделах «Собраний» за подачу петиции царю подкреплялась зажигательными речами сподвижников Гапона. Большевик С.И. Гусев отмечал тогда, что Гапоном «увлекаются не только серые рабочие, но и даже сознательные с.-д., организованные»³⁵. Один из них вспоминал впоследствии, что, выступая вслед за Гапоном по поводу содержания петиции, сам стал «невольнo воспроизводить его жесты, подражая его интонации и говоря с южным акцентом», как Гапон³⁶.

Между тем внесение поправок и дополнений к петиции продолжалось, а сами обсуждавшие ее рабочие с каждым часом станови-

лись «все сознательнее, левее и решительнее»³⁷. Под петицией уже стояли десятки тысяч подписей. Тех, кто предостерегал об опасности шествия к Зимнему дворцу, кто сомневался в том, что полиция и солдаты пропустят просителей, обрывали: «Не смеют!» Опасения по поводу возможных жертв парировали словами: «Пусть наша жизнь будет жертвой для страдавшей России»³⁸. Гапон и руководители отделов сами сомневались в безопасности участников шествия, иначе они не приняли бы решения раздать женщинам повязки сестер милосердия.

В последний день перед 9 января все еще обсуждался вопрос о форме подачи петиции: публично на площади, «в руки царю» или через депутацию от рабочих. Решено было идти к Зимнему «всем миром». Идея подобного шествия, зародившись еще в 1903 г. у петербургских студентов (в связи с запрещением студенческих собраний), действительно овладела в те дни массами. Призыв идти к Зимнему дворцу «искать правды» находил отклик у всех, и Гапон просил лишь «не вносить в шествие ничего революционного», в частности не поднимать красных флагов³⁹. Прокурор Петербургской судебной палаты в докладной министру юстиции язвительно отмечал, что, «опираясь на религиозность огромного большинства рабочих, Гапон увлек массу фабричных и ремесленников, используя эту сторону нравственной силы русского простолюдина... и дал пощечину революционерам, которые потеряли всякое значение в этих волнениях». При этом он высказывал опасение, что «если дойдет до... кровопролития», то оно «будет сигналом к беспорядкам, в которых примет участие... около 100 тыс. рабочих», поскольку «безработица... наложила отпечаток раздражения на массу»⁴⁰.

«Оттенок революционизма» в тексте петиции сразу заметил председатель Комитета министров Витте. Много позже он напишет, что если бы была его воля, то он «не посоветовал бы государю выйти к толпе», но дал бы совет уполномочить «главу правительства или одного из генерал-адъютантов взять это прошение и предложить рабочим разойтись, предупредив, что прошение это будет рассмотрено». В том случае, если бы рабочие не разошлись, писал Витте, «конечно, я употребил бы против них силу»⁴¹.

Между тем речи Гапона в эти последние часы перед воскресным шествием производили буквально магическое воздействие на слушателей. Гапон сам заряжался настроением аудитории и к вечеру 8 января понял, что сорвал голос и, вероятно, простудился. Когда впоследствии Гапона спросили, на что он рассчитывал, если царь принял бы делегацию, он ответил, что упал бы перед ним на колени и убедил написать указ об амнистии всех политических. Он видел себя также вышедшим рядом с царем на балкон и читающим указ, после чего под общее ликование стал бы первым советником

царя и фактическим правителем России, строящим вместе с самодержцем «царствие Божие на земле»⁴².

Со страхом понимая неотвратимость шествия к Зимнему дворцу, социал-демократы и эсеры разделились на тех, кто надеялся на «разум» правительства, и тех, кто видел в гапоновских планах большую опасность, но не в силах был ничего сделать, чтобы не допустить этого. И большевики, и меньшевики принимали деятельное участие в организации шествия. ПК большевиков принял решение выделить в колонны манифестантов по несколько членов партии, в том числе агитаторов, а в некоторых случаях – и знаменосцев со свернутым до нужного момента знаменем. В эти группы вошли известные большевики-пропагандисты, в частности М.В. Фрунзе, И.Ф. Дубровинский, А.П. Серебровский, Ф.З. Евсеев, П.А. Лебедев, а также А.И. Ульянова-Елизарова и другие. На одном из собраний большевиков 8 января было выдвинуто предложение в случае столкновения с войсками начать строительство баррикад⁴³. Прибытие к Дворовой площади, куда должен был выйти, по замыслу организаторов шествия, Николай II, было назначено на 2 часа дня 9 января. В целях придания шествию мирного характера Гапон предлагал рабочим идти к Зимнему дворцу с женами, детьми, семьями.

Что касается тактики городских властей, то до 7 января она заключалась в том, чтобы не вмешиваться в ход забастовок в столице. Считалось, что конфликты на предприятиях разрешатся сами собой. Но 7-го все круто изменилось и прежнее «благодушие» исчезло. Утром начальник штаба войск гвардии и Петербургского военного округа генерал Н.Ф. Мешетич явился к Фуллону и сообщил, что сам царь предложил объявить столицу на военном положении и что распоряжаться всем будет командир гвардейского корпуса князь С.И. Васильчиков⁴⁴. (Он подчинялся непосредственно командующему Петербургским военным округом вел. кн. Владимиру Александровичу, и на него в первую очередь рассчитывал царь.) Скорее всего, царь отдал это распоряжение в устной форме вечером 6 января после событий у «Иордани» или утром 7-го по телефону. Если судить по его дневникам, то он и позже не придавал особого значения своему распоряжению о введении военного положения и, похоже, старался дистанцироваться от последствий этого рокового решения. Между тем закон о военном положении позволял применение вооруженной силы и расстрелы в случае массовых беспорядков.

Настроение министров изменило прибытие дополнительных войск в условиях нарастания всеобщей стачки в столице. 7 января Гапон «по вызову» посетил министра юстиции Н.В. Муравьева и принес ему копию последнего варианта петиции. Сверив ее с первоначальным текстом, который лежал у него на столе, министр воскликнул: «Вы хотите ограничить самодержавие!» В ответ Гапон –

скорее униженно, чем требовательно – попросил собеседника принять меры, «чтобы шествие не закончилось трагедией»⁴⁵. Вспокоился и Департамент полиции во главе с А.А. Лопухиным, который в прошлом покровительствовал Зубатову, а затем и Гапону. Как объяснял Лопухин после событий 9 января, поскольку в петицию были введены «коррективы политического характера» и «мирному движению рабочих» был придан «характер народной манифестации, направленной к ограничению самодержавия», этого «ни в коем случае не могло быть допущено». При этом он считал, что и впредь «всякие демонстративные сборища и шествия будут рассеяны военной силой»⁴⁶.

В тот же день, 7 января, Гапон был вызван для объяснений и к своему епархиальному начальству, но туда не явился. Он старался добиться приема у Святополка-Мирского, которому ранее послал письмо. Подчеркивая «нравственную связь» между русским царем и «его» народом, он убеждал: «Царю нечего бояться. Пусть он выйдет как истинный царь с мужественным сердцем к своему народу и примет из рук в руки нашу петицию». Но Святополк-Мирский отказался принять Гапона. Вечером того же дня сам князь, а также министры Муравьев и Коковцов, «главный полицейский» Лопухин, «главный жандарм» К.Н. Рыдзевский, князь Васильчиков и градоначальник Фуллон обсуждали ситуацию у Святополка-Мирского перед тем, как доложить о ней царю. Муравьев повторил присутствовавшим, что считает Гапона «революционером, потому что в петиции содержится идея ограничения самодержавия». И все же присутствовавшие сошлись на том, чтобы военное положение в столице не вводить. Не последним аргументом в пользу этого решения было сообщение Коковцова, что введение военного положения в столице приведет к обвалу курса русских бумаг на европейских биржах. На совещании у Святополка-Мирского возникла мысль арестовать Гапона и поручить это Фуллону, но идею ареста отвергли как могущую усилить «недовольство рабочих к правительству»⁴⁷, тем более что этот «рабочий вождь» все время был в окружении не менее чем 200 рабочих («свита» перемещалась с ним по всем собраниям). В связи с известной уже царя общее решение свелось к подготовке «усиленной» встречи демонстрантов. Поздно вечером 7-го под председательством Фуллона и при участии военного и полицейского начальства (Васильчикова и Мешетича) был окончательно составлен план совместных действий войск и полиции на воскресенье, 9 января.

Еще в первых числах января в связи со стачками на Путиловском и других предприятиях на электрические и телефонные станции, на газовые заводы и к водопроводным сооружениям были посланы в помощь полиции 26 рот солдат Гренадерского, Семеновского, Преображенского, Стрелкового, Измайловского, Егерского,

Казачьего полков. Вечером в пятницу и субботу в каждый из 8 районов столицы был выделен отряд войск из конных и пехотных частей. Общий резерв расположился около Зимнего дворца. Наибольшее число солдат и казаков было направлено в Адмиралтейскую часть города (2 батальона солдат, 8 эскадронов и 2 сотни казаков), Коломенский и Нарвский его районы (4 батальона солдат и 3 эскадрона казаков). Всего в городе находилось 19,5 батальона солдат, 23 эскадрона и 4,5 сотни казаков (около 40 тыс. военных). Накануне воскресенья дополнительные войска прибыли также из Царского Села, Петергофа, Гатчины, Новгорода, Пскова и Ревеля.

Вопрос о том, чтобы кто-то вышел к рабочим и принял у них петицию, не рассматривался, хотя для подачи прошений царю существовала Особая канцелярия. Но кто бы взял на себя ответственность за принятие петиции, в текст которой была включена чуть ли не вся программа одной из революционных партий? Цель и характер шествия в сознании царя и его приближенных отходили на второй план, так как они знали, чем кончались массовые манифестации к дворцам королей и императоров в других странах. Поэтому главным казалось не допустить толпу к Дворцовой площади, остановив манифестантов у городских застав. О том, станут ли рабочие после этого расходиться по домам, никто не задумывался. Да и к самой затее с шествием многие относились не без иронии. Так, обер-гофмейстер при вдовствующей императрице Марии Федоровне кн. Г.Д. Шервашидзе заметил в тот вечер, собираясь в театр, что «если попы начнут делать политику, тогда ничего хорошего быть не может». Никаких дурных предчувствий у него не было. «Вся эта шумная эпопея, — полагал он, — никакого значения не имеет, народ на улицы не выйдет, холод — не шутка, да и голод тоже, в случае чего — полиция разгонит толпу». Митрополит петербургский Антоний также писал, что встретил утро 9 января «спокойно»⁴⁸, тем более что церковные власти — в противовес «крамольной пропаганде» — как раз опубликовали накануне в «Прибавлении к церковным ведомостям» (официальном органе Синода) поучение томского епископа Макария «О хранении заветов старины». Оно заканчивалась призывами к русским людям хранить «неизменную верность царю, зная, что на небе — Бог, а на земле — Царь, Божий помазанник»⁴⁹. Поучение предполагалось прочитать 9 января с церковных амвонов.

«Спокойствие» светских и церковных иерархов дорого обошлось стране. Если бы царь снизошел до встречи с рабочими депутатами и тем более не пытался бы переложить всю ответственность на плечи своих чиновников, возможно, это был бы шанс для самодержавия, по крайней мере, отсрочить взрыв народного гнева, а может быть, и избежать революции. Царские генералы не могли не представлять себе последствия расстрела, но подавление массовых беспорядков военной силой было уже в России апробирован-

ным методом решения самых острых проблем. Сознывая опасность обострения «рабочего вопроса», правительство, конечно, попыталась его решить созданием зубатовских и гапоновских организаций, но в условиях быстрого развития событий потеряло контроль над ними. Особенно это было видно на примере гапоновского «Собрания». В правительственных кругах возникло колебание между молчаливым одобрением и трусостью, а может быть, глупостью и жестокостью.

Все силовые министры вместе со Святополком-Мирским считали, что нужно «исправлять положение», но решать, как это сделать, не накаляя обстановки и не обостряя социального противостояния, без царя не осмеливались. Поэтому утром 8 января Святополк-Мирский поехал к Николаю II и с известной долей смелости (прощение его об отставке уже лежало у царя не одну неделю) намекнул, чтобы тот отозвал свой приказ о введении военного положения. Князь был крайне удивлен, когда Николай II, будучи «совершенно беззаботен», сразу согласился. По-видимому, он захотел поверить информации, представленной ему во время завтрака министром двора В.Б. Фредериксом. Ему было доложено, что, хотя «со вчерашнего дня в Петербурге забастовали все заводы и фабрики» и количество забастовщиков достигло 120 тыс., рабочие «ведут себя спокойно». К тому же из окрестностей Петербурга уже были вызваны войска. Остается неясным, однако, в какой из экстремальных ситуаций эти войска должны были применять оружие. Решение вопроса о том, предупреждать или не предупреждать об этом людей (прежде чем в них начнут стрелять), царь переложил на военных. 8 января Николай II одобрил план мобилизации воинских соединений. Отметим, что некоторых лиц из близкого окружения царя очень беспокоили последствия «приготовлений» к встрече рабочих у Зимнего дворца. Святополк-Мирский (как сообщает Ковцов) высказал предположение, что если рабочих известить о том, что царя во дворце не будет, то это позволит избежать «скопления народа»⁵⁰. Однако неясно, поделился ли он этой мыслью с кем-либо в «верхах». Таким образом, и эта возможность предотвратить трагическое событие также не была использована.

В ночь на воскресенье Петербург принял вид военного лагеря: на основных магистралях, ведущих к центру города, и у мостов через Неву стояли воинские соединения. В солдатских казармах пустили слух, что среди тех, кто пойдет утром к Зимнему дворцу, есть террористы, мечтающие дворец взорвать, а царя убить. Накануне Гапон отправил одно письмо в Царское Село, где просил царя прибыть в столицу и принять петицию от рабочих, а другое – с заверением в полной личной безопасности монарха – направил министру внутренних дел. В то время как Гапон посылал свои письма, стачки охватили более 400 предприятий (⁹/₁₀ всех расположенных в столи-

це)⁵¹. По сути дела, начиналась первая в истории общегородская забастовка в Петербурге. Гасло освещение, с перебоями шла вода, закрывались типографии, магазины, В этой обстановке большевики подготовили и распространили вечером 8 января еще одну листовку, которая заканчивалась словами: «Свобода покупается кровью, завоевывается с оружием в руках. Долой самодержавие!.. Да здравствует вооруженное восстание народа!»⁵² Иными словами, революционеры также не собирались вести иной разговор с властью, кроме вооруженного сопротивления ей. Сохранилась описание очевидцем одного из рабочих собраний 8 января: «Оратор-рабочий чуть не в 10-ый раз читает петицию перед меняющимися рядами слушателей и обращается с одним и тем же вопросом: “Смеют ли полиция и солдаты не пустить нас, товарищи?” – “Не смеют!” – гремит ему в ответ гул 700 голосов (готовых к сопротивлению). – “Товарищи... лучше умереть нам за наши требования, чем жить так, как жили до сих пор”. – “Умрем!” – “Все ли клянетесь умереть?” – “Клянемся!” ...Сотни рук поднимаются в воздух»⁵³.

Показания тех, кто был в гуще событий 9 января, говорят о том, что рабочие накануне воскресенья предчувствовали близость к той грани, за которой можно получить моральное право полагаться только на свои силы в борьбе за свободу⁵⁴. Об отсутствии царя в столице знали многие, но многие надеялись, что он вернется в воскресенье. В ночь на 9 января Святополк-Мирский, возвращаясь после доклада Николаю II, застал на Царскосельском вокзале толпу, ожидавшую прибытия императора. Некоторые группы рабочих, заранее ожидая расправы, готовили транспаранты со словами «Солдаты, не стреляйте в народ». Социал-демократ М.Н. Лядов, очевидец событий, писал: «Проснувшаяся масса заснуть уже не может – я всем своим существом чувствовал, что действительно рождается наша революция»⁵⁵.

Без всякого восторга к идее уличного шествия относилась в те дни столичная интеллигенция. Накануне кровавых событий депутация авторитетных общественных деятелей направилась к Святополку-Мирскому (М. Горький, редактор журнала «Право» И.В. Гессен, присяжный поверенный Е.И. Кедрин, обозреватель «Вестника Европы» и писатель Н.Ф. Анненский, публицист А.В. Пошехонов, историк В.И. Семевский и др.). Их принял вместо министра внутренних дел, отправившегося в Царское Село, товарищ министра Рыздзевский. Он сухо заявил, что правительство обо всем «осведомлено», а другими полномочиями он не располагает. Депутация направилась к Витте, но тот, напротив, заявил, что «дела этого совсем не знает» и потому предпринять ничего не может⁵⁶.

Часть высшего чиновничества, например бывший то время вне Петербурга московский губернатор В.Ф. Джунковский, считала, что Гапон сам «устроил провокационное шествие», «зная, что госу-

дарь... в Царском Селе»⁵⁷. Однако об отсутствии царя в городе формально ничего не говорило: на Зимнем дворце развешался императорский штандарт (свидетельство того, что царь на месте). Гапон искренне был уверен в мирном характере шествия и даже не задумывался о том, что будет 10 января, если царь примет-таки депутацию от рабочих, и как тогда заставить разойтись толпы народа, собравшиеся на улицах столицы. Он не был провокатором; по воле событий он оказался орудием властей, желавших, если случится «недозволенное», «примерно наказать» смутьянов.

Либеральный народник В.А. Поссе, беседовавший с Гапоном, когда он был уже в эмиграции, писал, что тот якобы предвидел два возможных варианта развития событий. Первый – если Николай II примет делегацию и его лично и он «уговорит» царя пойти на уступки и станет его советником. Второй – если ему придется возглавить народное восстание и превратиться в нового «мужицкого царя»⁵⁸. Постфактум Гапон хотел видеть себя героем, но в действительности при первом же залпе по манифестантам трусливо покинул свой пост «вождя», укрывшись в ближайшем дворе.

И сегодня, спустя сто лет, можно слышать, что шествие 9 января было спровоцировано через Гапона самим правительством с целью отбить у народа всякую охоту жаловаться на свое тяжелое положение. Думается, что такого изощренного и совершенно аморального плана в правящих «верхах» не было. Знакомство с приведенными выше и другими документами той поры неопровержимо свидетельствует о крайней самоуверенности и обычном для России недомыслии власти, бюрократической неразберихе, неумении властных структур координировать свои действия и принимать четкие и однозначные решения, чтобы не допустить обострения ситуации; причем пример этому подавал сам император. Ошибкой было и то, что практическое решение вопроса о реакции правящих «верхов» на нечто подобное православному крестному ходу рабочих с петицией было отдано в руки военных, которые, как правило, выступали за применение в отношении недовольных жестких, репрессивных мер.

На вопрос корреспондента «Daily Telegraph», почему войска убивают неповинных людей, один из придворных чиновников ответил: «Потому что гражданские законы отменены и действуют законы военные... Прошлой ночью его величество решил вручить заботу о поддержании общественного порядка великому князю Владимиру, который очень начитан в истории Французской революции и не допустит никаких безумных послаблений... Он считает, что верным средством для излечения народа от конституционных затей является повешение сотни недовольных в присутствии их товарищей»⁵⁹. Однако не стоит при этом забывать о том, что от штурма Бастилии шествие 9 января отличалось своим *мирным* характером и потому

крупномасштабные военные накануне «Кровавого воскресенья» приготовления были подготовкой к убийству объективно беззащитных и мирных людей.

Как писал Ф.М. Достоевский, «стать русским – значит перестать презирать народ свой»⁶⁰. Царь же, его министры и чиновники относились к миллионам россиян с поразительным равнодушием и безразличием. Это проявилось, в частности, в том, что предупреждение о возможных карательных санкциях в отношении тех, кто рискнет идти к царю с петицией, появилось лишь за сутки и то лишь в ряде газет («Вестнике градоначальства», «Правительственном вестнике»), которые в рабочих районах не читали. Темным зимним вечером 8 января в некоторых районах были развешаны небольшие листки, в которых сообщалось, что «никакие сборища по улицам не допускаются», и потому рабочим предлагается не принимать участия в многолюдных шествиях во избежание «несчастливых случаев»⁶¹. Однако рабочие и не считали шествие к Зимнему «сборищем». Напротив, оно было в их глазах законным и искренним шагом, говорившем об их доверии к царю, остававшемуся последней надеждой народа. Военные же, готовясь встретить рабочих, заряжали ружья боевыми, а не холостыми патронами, так что со стороны властей было большим лицемерием предупреждать о том, что выход на улицы может привести лишь к «несчастливым случаям». Когда уже вечером 9 января власти обсуждали события дня, и кто-то сказал, что «можно было обойтись нагайками» или «рассеиванием толп кавалерией» (это предлагал еще до трагедии товарищ министра внутренних дел П.Н. Дурново), начальник штаба округа генерал Н.Ф. Мешетич ответил, что войска были вызваны «не для парада». «Если толпа, несмотря на неоднократные предупреждения, не желает расходиться, а нападает на войска, даются определенные сигналы, а затем стреляют...» – заключил он⁶². Стоит отметить и то, что полиция не получала приказа препятствовать движению народа с окраин в центр города. Это создавало иллюзию безопасности шествия. Войскам же был отдан приказ стрельбы на поражение в любом случае, если рабочие будут прорываться в центр столицы⁶³.

Ночь на 9 января была тихая, предвещавшая мороз, но по воспоминаниям очевидцев, «жутко-тревожная». Наступало сухое морозное утро, повалил снег. Там, где собирались люди, его быстро утаптывали. Рабочие знали, что в городе повсюду войска, но значения этому не придавали. Во всех отделах «Собрания» предупреждали, чтобы в колонах не было красных флагов и революционных лозунгов. Аналогичные запреты касались пьяных. Из отделов было выделено около тысячи делегатов для передачи петиции царю, и они были поставлены в первые ряды колонн.

За Нарвской заставой шествие должен был возглавить сам Гапон. Здесь манифестанты приготовили царские портреты, иконы и

хоругви, взятые в часовнях общества трезвости и Алафузовской больницы. (Гапон потом напишет, что это была его инициатива.) В других районах кроме икон и царских портретов, были взяты кресты и бело-сине-красные национальные флаги. Рядом у костров грелись вооруженные солдаты, но почему-то никто не думал, что дадут приказ стрелять.

В 11 часов утра, когда толпа (около 20 тыс. чел.⁶⁴) запрудила улицы у Нарвской заставы, раздался возглас Гапона «С Богом!» С пением «Спаси, Господи, люди Твоя!», взявшись за руки, в направлении к центру города двинулись празднично одетые мужчины и женщины, старые и молодые. Дорогу колонне расчищали от экипажей полицейский пристав и околоточный. Мужчины, несмотря на мороз, шли без шапок. По пути шествия им встречалось много высыпавших из своих домов любопытных. Кто-то снимал шапки и набожно крестился – уж слишком шествие напоминало нескончаемый крестный ход⁶⁵. Петербургский корреспондент «L'Humanité» заметил по этому поводу: «Сказать, что манифестация была мирной, недостаточно. В ней было что-то наивное, душевное, религиозное... характерное проявление русского народного духа»⁶⁶.

Не прошло и получаса, как около моста через речку Таракановку мирному шествию преградили путь две роты Иркутского полка и эскадрон лейб-гвардии Конно-гренадерского полка. В ответ люди сомкнули ряды и стали петь громче. После краткого предупреждения прекратить движение толпу несколько раз прорезали конные. Но люди, не прекращая пения, продолжали двигаться дальше, и, возможно, поэтому не услышали звука сигнального рожка. Тут и раздалось три залпа по центру колонны. Старый рабочий, несший портрет царя, был убит сразу, другой, подхвативший портрет, – следом, потом – мальчик, в руках которого был церковный фонарь. Пали замертво оба телохранителя Гапона. Пристав и околоточный надзиратель, шедшие впереди, бросились к солдатам, крича, что те стреляют в портрет царя. Прошло несколько дней, и оба этих низших полицейских чина попали в список «пострадавших от нападения рабочих»⁶⁷.

Верные сподвижники Гапона предложили ему лечь на землю и поползти к ближайшим воротам. Во дворе его переодели в гражданское платье и под его хрипы «Нет больше Бога! Нет больше царя!» начали стричь ему волосы. Весь день он перебирался с квартиры на квартиру, боясь быть опознанным и арестованным. Так Гапон очутился у М. Горького, где его еще раз переодели, теперь уже в студенческую пару, сбрили бороду. В полночь по просьбе Гапона в типографии газеты «Свободное слово» было напечатано его воззвание «Солдатам и офицерам, убивавшим своих невинных братьев». Гапон проклинал их и «разрешал» забыть «солдатскую клятву изменнику-царю, приказавшему пролить невинную кровь народную»⁶⁸.

Судьба каждой из колонн, направлявших из других отделов «Собрания» (по ходу шествия они слились в четыре манифестации) была не менее драматичной. Одна из них вышла из Колпина в 6 утра и попала на Шлиссельбургский тракт к 9 часам. В колоннах пели молитвы («Отче наш», «Спаси, Господи, люди твоя», «Царю небесный»). Как и было условлено, не было красных флагов, не раздавалось ни одного выкрика, не было антиправительственных лозунгов. Шли семьями. Когда люди узнавали, что площади и улицы наполнены войсками, их охватывал порой «порыв революционного возмущения», и в толпе вдруг заговорили словами революционных листовок (нужно «не просить милости», а «требовать»)⁶⁹. Одна из колонн была расстреляна у начала Невского (у Александровского сада), в другие колонны стреляли также на углу Невского и улицы Гоголя, на Казанской площади, у Троицкого моста, между первой и четвертой линией Малого проспекта на Васильевском острове, а также у Полицейского моста и на Шлиссельбургском тракте. Особенно сильным заградительный огонь был у Александровского сада. Стрельба производилась боевыми патронами с близкого расстояния, раны были тяжелые – в грудь, живот, голову. Казацкими пашками власть обошлась там, где не было большого скопления народа – в Невском районе, в некоторых местах на Выборгской стороне, в Спасской и Литейных частях города. В рапортах командиров воинских соединений, участвовавших в расстреле, говорилось о том, что, прежде чем произвести залпы, народ предупреждался требованием «разойтись». Источники содержат на этот счет противоречивые сведения. Некоторые офицеры не рискнули дать команду на поражение, и там солдаты стреляли поверх голов⁷⁰. В большинстве же случаев ружейные залпы дополнялись атаками кавалерии, а та топтала упавших людей, добивая их ударами шашек. Преследуя участников шествия, солдаты врывались в подъезды домов, а иногда и в квартиры. К вечеру все участники шествия были разогнаны⁷¹.

Официальные лица в своих донесениях стремились оправдать свои преступные действия. Поэтому картина происшедшего должна восстанавливаться по свидетельствам, исходящим от разных людей. Эти показания были собраны корреспондентами различных газет и адвокатами по заданию Комиссии присяжных поверенных, созданной 16 января. Позже в распоряжении историков оказались личные письма и телеграммы и записки очевидцев событий 9 января, воспоминания Гапона⁷². Их сохранилось в общей сложности не менее 300. Многие из них отложились в архивном фонде петербургского генерал-губернатора Д.Ф. Трепова и находятся в Государственном архиве Российской Федерации. Некоторые из названных свидетельств попали к Трепову из рук жандармов, производивших аресты после 9 января. Они были обращены прямо к царю, но Ни-

колай II их не увидел. Кстати, и фонд «вещественных доказательств» злодеяния царизма был открыт только через пятьдесят лет после революции⁷³: именно в 1955 г. общество смогло услышать голоса людей, раненых и искалеченных в январе 1905 г.

Так, например, адвокат Л.Г. Жданов писал царю: «Как русский подданный, как гражданин и человек, не могу умолчать о том ужасе, который видел вчера. Может быть, иные, окружающие тебя бездушные или продажные слуги не пропустят этих строк... Это был ужас! Все собрались поглядеть: как народ станет просить царя и что скажет царь своему народу. “Да государь в Царском!” – слышны были голоса. – “Ничего. Он пришлет кого-нибудь принять депутатов и челобитную...” Почему-то разъезд пропустил с Невского две–три народных волны. Они тоже сгрудились у Александровского сада... Отца Гапона с депутатией ждут с Невского, и всеобщее внимание обращено туда... Два часа. Все затихли. Говор умолк... И вдруг прозвучала труба. Все в недоумении. Что это значит?.. Двух минут не прошло, загрохотал первый залп. Толпа шарахнулась отовсюду по Невскому, по Адмиралтейскому проспекту... Плач, вопли. По Адмиралтейскому проспекту мчится живая лавина в четыре–пять тысяч человек. Вдруг, почти сразу за первым залпом, второй залп. Там третий. Стоны, крики... Многие были притиснуты к решетке сада обезумевшей толпой... и сейчас ряд кровавых пятен темнеет вдоль решетки на этом месте. Увидел... вторую Ходынку... Убито много женщин... И все это без предупреждения... Ни один голос не крикнул: “Расходитесь, будут стрелять!”»⁷⁴

Среди убитых было много женщин, стариков и детей. Поэтому и выводы комиссии присяжных поверенных (которые тут же засекретили), были однозначные: «Днем 9 января без всякого законного повода стреляли, вечером рубили, а в последующие два дня просто били». Помощи пострадавшим во время расстрела оказано не было, так как власти приказали обслуживать только военных, и отказывать в помощи раненым из числа гражданского населения. М. Горький, который лично был среди рабочих, в «Воззвании к гражданам России и Европы» обвинил правительство в организации жесточайшего убийства людей и призвал к борьбе с самодержавием⁷⁵. Художник-передвижник В.Е. Маковский 9 января оказался в гуще колонны рабочих, двигавшихся по Среднему проспекту Васильевского острова. Вместе с толпой он попал под залпы. Сразу после «Кровавого воскресенья» Маковский начал работу над картиной «9 января 1905 г. на Васильевском острове». На переднем плане этого полотна – человек, разрывающий на себе рубаху и с обнаженной грудью идущий навстречу убийцам. В глубине видны рабочих, гневно сжимающих кулаки, и суровые лица его товарищей...

Подсчеты числа жертв расстрела 9 января сильно отличались друг от друга, причем цифры постепенно росли. Так, например,

бывший адъютант вел. кн. Сергея Александровича Джунковский упоминает в воспоминаниях о 70 убитых и 20 раненых, утверждая, что во всем виноват петербургский градоначальник, позволивший группам рабочих соединиться, и войска были вынуждены стрелять⁷⁶. По официальным первоначальным сведениям жертвами расстрела стали 96 убитых и 333 раненых (из них 34 человека умерли от ран). Затем по тем же сведениям число жертв возросло до 150 убитых и 420 раненых. Наконец, по официальным данным на 10 января число погибших достигло 200, и было ранено 800 человек. Листовка ПК РСДРП, изданная в те дни, сообщала уже о 700 убитых и 1200 раненых. На Путиловском заводе вечером 9 января говорили, что только у Нарвских ворот пострадало не менее 500 человек, а спустя два дня здесь речь шла уже о 1000 убитых и раненых. В зарубежных социал-демократических изданиях сообщалось, что только на Преображенском кладбище в братской могиле было похоронено 1100 человек. На Преображенском, Успенском, Смоленском, Митрофановском кладбищах погибших 9 января и привезенных сюда ночью хоронили под утро. На могилах оставались надписи от руки – «Невинно убиенный 9-го января», но по приказу полиции эти надписи были довольно скоро уничтожены. Упоминавшийся выше один из руководителей штаба «Собрания» А.Е. Карелин полагал, что убитых было около 4 тыс., а раненых – 7,5 тыс. человек. А.Г. Гапон приводит другие данные – от 600 до 900 человек убитых и не менее 5 тыс. раненых. Комиссия присяжных поверенных, обследовав больницы Петербурга, сообщила о 1216 убитых и более 5 тыс. раненых. В социал-демократической печати упоминались 4,6 тыс. «пострадавших» (при 1200 убитых и умерших от ран). Характерно, что ни один солдат или офицер в эти дни не погиб⁷⁷.

«Дремлющая» Россия превращается в Россию революционную

До 9 января российские политические лидеры и государственные деятели были убеждены, что монархизм – неискоренимая основа рабоче-крестьянского менталитета. Случаи поношения царя в публичных местах были единичными и потому тщательно фиксировались полицией в рапортах и донесениях. Известный жандарм А.И. Спиридович писал, что государственные мужи «прозевали лестное для монарха народное движение» и в погоне «за десятками подлинных революционеров проглядели десятки тысяч верноподданных рабочих»⁷⁸. Расстреляв мирное шествие во главе со священником, власть как бы отделила народный образ самодержца от Бога. «Люди, не только молодые, но и... старики, топтали портеры царя и иконы. И особенно топтали и плевали те, кто прежде в отделах заботился о том, чтобы перед иконами постоянно лампадки горели, масла в них подливали»⁷⁹. Когда на Невском проспекте одна из рот

Семеновского полка стала «зачищать» территорию, в нее полетели камни, бутылки, палки. Началась эскалация насилия со стороны народа: он крушил фонари, витрины магазинов, поджигал их, бил стекла во дворце вел. кн. Сергея Александровича и других знатных особ.

Многие рабочие после «царской встречи» направились не домой, а в отделы гапоновского «Собрания». Но руководителей там не было. Сам Гапон прятался на конспиративных квартирах, Варнашев покинул манифестантов сразу же, как только до него дошел слух о том, что произошло с Гапоном. Карелин «со страхом», как он сам пишет, возвратился в один из отделов и сразу же убедился, что в «душах людей пришел конец и царю, и Богу»⁸⁰. В помещениях «Собрания» рабочие сбрасывали со стен царские портреты, развешивали красные флаги, знамена. Темой разговоров становилось приобретение оружия, в чем не последнюю роль сыграли призывы агитаторов из числа социал-демократов и эсеров. Гапон в ночь с 9 на 10 января не без помощи эсера П.М. Рутенберга написал воззвание к рабочим, клеймя «зверя-царя» и его министров. Он призывал народ на баррикады, разрешая применять бомбы и динамит, и освобождал солдат от присяги царю⁸¹. Но утром 10 января по распоряжению Фуллона все отделы «Собрания» были закрыты, а их имущество передано в казначейство градоначальства⁸².

Здесь нужно сказать несколько слов о последующей судьбе самого Гапона. Прошло несколько дней после 9 января, и Гапона переправили за город, где из газет он узнал, что его лишили сана. Получив деньги и явки, он эмигрировал. За границей Гапон пробовал примкнуть к разным партиям, встречался с Плехановым, Лениным и даже примкнул к меньшевикам, но вскоре вышел из их рядов. Гапон, ни разу не дочитав до конца ни одной партийной программы, стал развивать план объединения всех революционных партий. Он пытался восстановить связи с ядром распущенных петербургских «Собраний», участвовал в попытке эсеров транспортировки оружия в Россию. В ноябре 1905 г. в «дни свобод» внезапно появился в Петербурге, выступал там в Совете рабочих депутатов, но успеха не имел. Через посредников обратился в правительство Витте за амнистией, которая якобы ему была обещана, как и компенсация в 30 тыс. руб. за конфискованное полицией имущество после разгрома «Собрания». Восстановив деятельность некоторых отделов «Собрания» (после Декабрьского восстания 1905 г. они были вновь распущены), Гапон выехал за границу, где издавались его воспоминания, и вернулся в конце декабря 1905 г. Общаясь с чиновниками Департамента полиции, он запутался в «сетях» этого учреждения. Повидимому, все же роковым оказалось для Гапона то, что он, сопоставив некоторые факты, заподозрил в провокаторстве Е.Ф. Азефа, который одновременно являлся и полицейским агентом, и руково-

дителем Боевой организации эсеров. Среди эсеров-боевиков неожиданно распространился слух о связи Гапона с охранкой (возможно, распущенный самим Азефом). Гапон был казнен группой боевиков 28 марта 1906 г. в Озерках под Петербургом. Его тело нашла группа рабочих и похоронила. На могиле был поставлен крест с надписью: «Герой 9 января 1905 г.», но вскоре неизвестными могила была сровнена с землей.

События 9 января стали «оптимистической трагедией» в освободительном движении России. «Кровавое воскресенье» вызвало у рабочих не страх, а гнев и возмущение. Находившиеся рядом с рабочими лидеры политических партий отмечали, что, когда смолкли залпы, «рабочие показали мужество и решимость»⁸³. Неудивительно, что страшный день расстрела закончился в столице сооружением баррикад, с которых были слышны и революционные призывы, и лозунг «Долой самодержавие!». Первая баррикада появилась вечером 9 января недалеко от «штаба» «Собрания» на Васильевском острове. Там же на 4-й линии было сооружено заграждение из телег, бочек и бревен. Баррикады появились также между 2-й и 3-й линиями и на 5-й линии Васильевского острова. На Малом проспекте на баррикаде был замечен красный флаг, сделанный из российского трехцветного флага, с надписью на нем: «Долой самодержавие!». На Среднем проспекте Васильевского острова заграждение было сооружено из телефонных столбов и проволоки, а красный флаг водружен рядом, на балконе одного из домов. Всего на Васильевском острове были построены 12 баррикад. Такие же заграждения возникли на Шлиссельбургском тракте, Троицком мосту, у Александровского сада, на Невском проспекте. Возле баррикад толпился народ. До глубокой ночи не утихала перестрелка. Группы рабочих-боевиков пытались нападать на офицеров, отнимать у них оружие. Но огромный численный перевес верных царю войск позволил быстро прекратить эти открытые выступления.

Революционеры и их политические лидеры расценили строительство баррикад в Петербурге как начало гражданской войны. «Революционное воспитание пролетариата за один день шагнуло вперед так, – писала большевистская газета «Вперед», – как оно не могло бы шагнуть в месяцы и годы серой, будничной, забитой жизни»⁸⁴. Лидер большевиков, находившийся в то время в Женеве и анализировавший данные печати, сделал вывод, что события 9 января заставили самих рабочих поставить вопрос о восстании против самодержавия. Однако нельзя не учитывать, что после этих событий значительная часть рабочих, не принимавших участия в шествии к Зимнему дворцу, продолжала верить официальным объяснениям причин, заставивших войска применить оружие. Власть старалась распространить слух о деньгах иностранных агентов и об организации заговора против царя. Группы рабочих на Ижорском и Адмиралтей-

ском заводах подали «почтительнейшие прошения» на имя митрополита с просьбой не смешивать их с теми, кто «усомнился в царе-батюшке». В Сестрорецке группа заводских оружейников направилась, было, в местный собор, чтобы отслужить панихиду по убитым 9 января, но позволила священнику быстро переубедить себя и отслужить панихиду только по тем, кто сложил голову на войне.

Чтобы сохранить революционный запал рабочих, социал-демократы срочно готовили агитационные листки, разъяснявшие лживость правительственной версии событий. Уже 9 января на фабрике Гаевского (Васильевский остров) группа рабочих проникла в типографию и напечатала там подобную листовку. На другой день появилась новая листовка, тираж которой составил 10 тыс. экземпляров. Авторы листовки именовали царя и его приспешников (великих князей, министров, генералов) «придворной сволочью», «убийцами». Листовка заканчивалась словами: «Смерть им! К оружию, товарищи, захватывайте арсеналы, оружейные склады и оружейные магазины. Разносите, товарищи, тюрьмы, освобождайте борцов за свободу. Свергнем царское правительство, поставим свое. Да здравствует революция, да здравствует Учредительное собрание народных представителей! Российская социалистическая рабочая партия»⁸⁵. На события 9 января откликнулись листовками Московский, Тверской, Рижский, Самарский, Саратовский, Казанский, Бакинский, Одесский, Екатеринославский и другие комитеты РСДРП. Все они призывали к забастовкам протеста, к сплочению в борьбе с самодержавным правительством.

Обращение к действительной истории российского рабочего класса в эти дни показывает, что он был значительной движущей силой в стихии революционных событий. Нельзя не признать быстроты формирования коллективной рабочей идентичности, обретавшейся в процессе социального «взросления» пролетариата. Однако рабочий класс был главной, но все же не единственной социальной силой, втянутой в январе 1905 в водоворот революционных событий. Реакция российского общества на события 9 января была очень мощной. Утром 9 января при первых известиях о расстрелах ученый-химик Д.И. Менделеев, взволнованный тем, что произошло на улицах столицы, отправился к Витте, чтобы добиться прекращения расправы, но через несколько часов удрученный вернулся домой, так и не будучи принят председателем Комитета министров⁸⁶. В Публичной библиотеке, в залах Тенишевского училища и в других общественных местах Петербурга люди плакали, узнав о расстрелах и погибших, проклинали царя. Интеллигенция начала сбор средств на нужды семей убитых рабочих, не забывая и о семьях бастующих. Бурное обсуждение событий проходило в ночь на 10 января в помещении Вольного экономического общества, куда пришли и представители интеллигенции, и делегации рабочих, в том числе от Нарв-

ского заводского района⁸⁷. 19 января собрание более 300 земских, фабричных и ветеринарных врачей Московской губернии выразило возмущение кровавой расправой с народом и подчеркнуло свою солидарность с требованиями петербургских рабочих⁸⁸. Группа членов Академии художеств (В.А. Серов, В.Д. Поленов и др.), имея в виду вел. кн. Владимира Александровича, заявили в специальном письме, что возмущены тем, что Академию художеств возглавляет лицо, не сумевшее избежать кровопролития⁸⁹. В журнале «Освобождение» П.Б. Струве напечатал ряд статей («Палач народа», «Анархия самодержавия»), где прямо обвинял в случившемся Николая II⁹⁰. Свои эмоции интеллигенция выражала в повседневных записях, в дневниках. Так, например, активная деятельница «Союза освобождения» А.В. Тыркова записала после 9 января о Николае II: «Убить его, убить, чтобы не душил Россию окровавленными цепями»⁹¹.

В обстановке всеобщего возмущения забастовочное движение после «расстрельного воскресенья» стало угрожающе расти. 10 января в стачке в столице участвовали 125 тыс. рабочих 625 предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции, и ряд военных заводов. На Обуховском заводе требования рабочих были поначалу чисто экономическими, но, когда администрация потребовала от рабочих прекратить стачку, «сознательные рабочие» (так был подписан документ), проявляя пролетарскую солидарность, заявили, что на работу не выйдут до «благоприятного разрешения общих условий забастовки всех рабочих города Петербурга»⁹².

12 января в городе объявили военное положение, и отдельные воинские части находились в Петербурге до начала марта 1905 г.⁹³. 16 января к работе не приступило ни одно крупное промышленное предприятие. Бастовали и многие мелкие предприятия на Выборгской стороне и у Нарвской заставы. Общее число бастующих составляло к середине января 43 тыс. человек. Одни хозяева крупных предприятий требовали от властей принятия решительных мер, направленных против забастовщиков. Другие – например, Нобель на своем петербургском заводе – попытались сами успокоить рабочих, убеждая их, что стачки организуют «продажные» партийные лидеры на деньги, полученные из-за рубежа. Иногда предпринимателям удавалось опереться на кучки штрейкбрехеров, но, например, на Охте, на заводе Крейтона забастовщики прогнали таких предателей рабочего дела. В ряде случаев владельцы предприятий шли на уступки, обещая увеличить заработную плату и сократить рабочий день (на заводе Бормана было, например, объявлено о введении 8-часового рабочего дня)⁹⁴.

В роковое воскресенье царь оставил запись в дневнике: «Тяжелый день! В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желаний рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных местах города, было много убитых и раненых.

Господи, как больно и тяжело!»⁹⁵ Тревога не покидала его, иначе бы он не требовал постоянных докладов и не встречался едва ли не каждый день с Треповым, Витте, Коковцовым, Фуллоном, Святополком-Мирским. Все они старались скрыть истинную опасность сложившейся ситуации и приукрасить положение дел. Это давало основания Николаю писать в те дни: «Сегодня особых происшествий в городе не было», «Днем особых беспорядков в городе не было», «День относительно прошел спокойно»⁹⁶. Еще 10 января «для объединения действий по прекращению беспорядков в Петербурге» Николай II распорядился назначить петербургским генерал-губернатором известного своей преданностью трону и царю обер-полицмейстера Москвы 50-летнего генерал-майора Д.Ф. Трепова. Он быстро принял сторону предпринимателей, которые настаивали на самых строгих мерах в отношении к забастовщикам и предлагали «рабочих, которые отказываются работать, наказывать и высылать из Петербурга», хотя некоторые владельцы заводов склонялись к уступкам ряда их требований⁹⁷.

В день назначения Трепова генерал-губернатором состоялось объединенное собрание сотрудников 10 ведущих столичных газет во главе с их редакторами, принявшими решение выпустить номера в траурном окаймлении и составившими заявление на имя министра внутренних дел, где подчеркивалось, что «единственным выходом из нынешнего положения является созыв Земского собора для устройства государственного порядка в России». При этом, как они предполагали, собрания Собора должны были происходить при полной гласности⁹⁸. Трепов сразу же поставил этих либералов-редакторов на место. 13 января он вызвал себе редакторов газет «Новое время», «Русь», «Биржевые ведомости», «Петербургский листок» и других и потребовал, чтобы они сняли свои подписи под заявлением, угрожая закрытием этих изданий. Журналистам было предложено убеждать население в том, что шествие к царю было организовано врагами империи – внутренними (интеллигенция, студенты) и внешними (японцы, англичане). Вместе с министром финансов Коковцовым Трепов написал обращение к рабочим о том, что они были увлечены «неблагодарными лицами на ложный путь». Этим он оправдывал и себя и правительство, которое пошло на «применение вооруженной силы»⁹⁹. При этом газетчикам было предложено ссылаться на телеграмму из Лондона некоего Череп-Спиридовича, где говорилось об англо-японских миллионах, якобы израсходованных на организацию революции в России. В Москве текст этой телеграммы был отпечатан в местном охранном отделении в форме листовки. Версию о том, что беспорядки в столице инспирированы японской разведкой, покорно озвучивал в некоторых церквях митрополит Антоний¹⁰⁰.

Трепов, пережив еще в Москве покушение на него на Николаевском вокзале эсера-террориста Полторацкого (предотвращенное

агентом охраны Е.Ф. Азефом 2 января 1905 г.), имел свои счета с революционерами. Он не видел разницы между эсерами, анархистами или социал-демократами. С первых же дней назначения Трепова в Петербург в городе начались повальные аресты. Были схвачены руководители отделов «Собрания» (А.Е. Карелин, Н.М. Варламов, К.С. Усанов, И.М. Харитонов, В.А. Янов и др.) М. Горького арестовали в Риге. При аресте у него нашли прокламации и сразу же препроводили в Петропавловскую крепость, где писатель пробыл почти две недели и был освобожден только после протестов мировой общественности. Всего «по делу 9 января» было взято под стражу для проведения следствия 688 человек; многих из них сразу же выслали из столицы в административном порядке¹⁰¹.

Приступив к решению рабочего вопроса, царь поспешил отправить в отставку всех чиновников, невзирая на их ранги, ранее лояльно относившихся к гапоновским организациям. С 14 января был уволен министр юстиции Муравьев (его заменил С.С. Манухин); 16-го лишился поста Фуллон (он был заменен генерал-майором В.А. Дедюлиным, ставшим вскоре командиром отдельного корпуса жандармов); 18 января должность П.Д. Святополка-Мирского перешла к бывшему московскому губернатору А.Г. Булыгину. Вечером 19 января, когда император принял в один день Витте, двух министров – военного и нового главу МВД, а потом начальника управления МВД, а также «депутацию рабочих от больших фабрик и заводов Петербурга», он записал в дневнике: «Окончательно ослаб головой»¹⁰². «Рабочий вопрос» сильно утомлял императора и впоследствии (согласимся с В.Н. Коковцовым¹⁰³) мало его интересовал, так как царь считал эту проблему «делом соответствующих учреждений». 14 января публично было объявлено, что царь поручил министру финансов разработку положения о страховании рабочих и сокращении рабочего дня.

Чтобы сгладить впечатление в обществе от «Кровавого воскресенья», Трепов по рекомендации сдававшего дела Святополка-Мирского убедил царя в необходимости принять в Царском селе депутацию рабочих. 19 января этот примитивный политический фарс и был разыгран, причем рабочие были подобраны с учетом их благонадежности. И все же прием царем рабочей депутации свидетельствовал об определенном влиянии последних событий в столице: до 9 января о чем-то подобном невозможно было и помыслить. Правда, многие из рабочих, оказавшихся в составе депутации, не знали, зачем их столь неожиданно после тщательной проверки повезли под полицейским конвоем в Царскосельский дворец¹⁰⁴. Накануне этого спектакля император с супругой, как было всенародно объявлено, «движимые чувством сердечного сострадания к семьям убитых и раненых во время беспорядков 9 января», всемиловитейше изволили назначить из собственных средств 50 тыс. руб. для оказа-

ния помощи нуждающимся¹⁰⁵. Осталось неизвестным, дошли ли выделенные из царской казны деньги по назначению.

Прием рабочих государем прошел довольно бледно. Император вышел с небольшой свитой и «соизволил осчастливить» пришедших небольшой речью. В ней он обвинял рабочих в «преступном покушении на бунт». Царь предупредил собравшихся, что в случае стачек и «мятежных сборищ» власти и впредь будут прибегать к военной силе, что может вызвать «новые неповинные жертвы». Русские газеты, опубликовавшие эту речь, почему-то опустили ту часть «царского слова», где говорилось о сокращения рабочего дня. (Она была опубликована в иностранной печати.) Любопытно, что царь вопрошал рабочих: «Что вы станете делать со свободным временем, если будете работать не более восьми часов? Я, царь, работаю сам 9 часов в день, и моя работа напряженнее, ибо вы работаете для себя только, а я работаю для вас всех. Если у вас будет свободное время, — то будете заниматься политикой; но этого я не потерплю». «Имейте терпение, — призывал он слушателей. — Будьте справедливы к вашим хозяевам и считайтесь с теми условиями, в которых находится русская промышленность». Словами «Я вас прощаю!» император заключил свое выступление, посоветовав рабочим поскорее вернуться «к мирному труду»¹⁰⁶. Синод предписал местному духовному начальству организовать перепечатку речи царя «для распространения среди прихожан». В одной только Пензенской епархии было распространено 15 тыс. экземпляров¹⁰⁷. Газеты «Наша жизнь» и «Наши дни» подобострастно отмечали, что члены депутации, «счастливые и довольные, с веселыми лицами» возвратились на рабочие места, «унося неизгладимое... впечатление о царском приеме»¹⁰⁸. Но, за исключением самого Трепова, все, кто участвовал в этом фарсе, считали, что попытка наладить «связь царя с рабочими», не оставит у них никакого следа.

И действительно, протестное движение набирало силу. Его усиливали сообщения о волнениях солдат в Маньчжурии по поводу плохого вооружения и обмундирования, нехватки снарядов, питания, медицинской помощи¹⁰⁹.

22 января в Москве состоялось чрезвычайное дворянское собрание. На нем были составлены две докладные записки, которые должны были стать основой адреса царю. Одна принадлежала группе дворян во главе с А.Д. Самариным, которые настаивали на необходимости твердой власти. Еще одна записка исходила от группы во главе с кн. С.Н. Трубецким и П.Д. Долгоруковым и, отражая настроения либеральных кругов, предлагала реформировать страну «в конституционном духе». Основу посланного на имя императора адреса составила после баллотировки записка группы Самарина¹¹⁰. Однако обсуждение записок показало, что протест народа в связи с расстрелом рабочих в столице еще больше расколол интеллиген-

цию. Многие политики, до этого мнившие себя хорошо знакомыми с положением в стране и предлагавшие ранее разные пути выхода из кризиса, искренне терялись. Тот же С.Н. Прокопович, бывший в канун Нового года в числе инициаторов подачи петиции рабочих к царю, вечером 9 января в коридоре Вольного экономического общества, когда к нему обратилась группа рабочих Нарвского района с вопросом, как им теперь быть дальше, ответил: «Главное не бейте стекол, пожалуйста, не бейте стекол»¹¹¹. Многие «начитанные» о революциях интеллигенты, зная, чем эти революции заканчиваются, попросту боялись народного бунта. Так, например, писатель, сын дворцового чиновника Д.С. Мережковский, именующий в частных беседах всякое насилие «зачатием на крови», а «политический террор и революции – первородным грехом»¹¹² вместе со своей женой З.Н. Гиппиус и литератором Д.В. Filosoфовым обратились к дирекции императорских театров. Они предлагали отменить в воскресенье 9 января все спектакли, чтобы не провоцировать революционных выступлений и погромов зрителей в театральных помещениях. М. Горький, знававший этих людей в писательской среде, в письме Е. П. Пешковой писал, что «первый день русской революции был первым днем морального краха русской интеллигенции – вот мое впечатление от ее поступков и речей»¹¹³.

Однако не все представители интеллигенции были деморализованы. Многие врачи и медицинский персонал больниц, не боясь казачьих шашек, оказывали 9 января помощь раненым. Главный врач Обуховской больницы А. Нечаев при известии о расстрелах тут же создал медицинские отряды, которые до поздней ночи работали на улицах города. Переходя от отряда к отряду рабочих-боевиков, инженер, имя которого не сохранилось, помогал им в сооружении баррикад, используя свои знания по фортификации. Известно также, что 9 января погибли несколько интеллигентов – членов РСДРП¹¹⁴.

Массовый расстрел на улицах столицы привел в движение все общественные слои. На него откликнулись и радикальные политические партии, усиливая своей агитацией остроту рабочих выступлений в стране, и значительная часть либерально-демократической интеллигенции – врачи, агрономы, инженеры, адвокаты, журналисты. Значительный общественный резонанс получили открытые выступления протеста против расстрела художников В.А. Серова и В.Д. Поленова, композитора Н.А. Римского-Корсакова, ученого К.А. Тимирязева, артистов В.И. Качалова и М. Ф. Андреевой. Число представителей интеллигенции, которые поднимали голос протеста против беззаконий правительства, росло с каждым днем. Неслучайно епископ Антоний, выступивший 20 февраля в Исаакиевском соборе с проповедью, где запугивал слушателей «страшным судом», назвал русскую интеллигенцию «главным виновником смуты».

Процесс революционизации масс был также очевидным, хотя и не столь стремительным, как склонны были его представить в массовой агитационной литературе левые партийные лидеры. Они нередко преувеличивали число участников митингов и демонстраций, поскольку их целью было ускорить социальную мобилизацию на решающее сражение в борьбе за победу революции. Лозунг свержения самодержавия тогда еще не стал достоянием масс и был воспринят лишь небольшим слоем «сознательных рабочих». Тем не менее, как удовлетворенно отмечали революционеры, каждая неделя обучала массы политике.

В январские дни в Петербурге большевистский ПК РСДРП и меньшевистская группа при ЦК РСДРП заключили временное соглашение об объединении финансовых средств, необходимых в первую очередь для выпуска агитационной литературы, в частности листовок. Они информировали рабочих о продолжающемся росте забастовочного движения, все чаще содержали призывы к подготовке восстания. Содержание таких агитационных листов обсуждалось на сходках и собраниях. Авторы писем, перлюстрированных в январе 1905 г. Департаментом полиции, указывая на переломы в настроении рабочих, отмечали, что «9 января трагически подтвердило верность слов социал-демократов», что «рабочие теперь понимают и говорят о том, насколько правы были с.-д.»¹¹⁵.

Однако наметившийся в середине января в Петербурге рост социал-демократических кружков, пополнявшихся теми, кто ранее входил в гапоновские организации, к концу месяца прекратился. Корреспонденты «Искры» сообщали, что в целом «отмечается сильный упадок духа в рабочей среде», так как рабочие считают, что «Гапон обманул». Настроение некоторой части петербургских рабочих, казалось бы, недавно вдохновленных походом к царю, было подавленным, причем разубеждать их было бессмысленно («все равно не поймут»)¹¹⁶.

В этот критический для рабочего движения момент небольшая группа людей, входивших в большевистское «Бюро комитетов большинства» решила продолжить начатую еще в декабре 1904 г. подготовку нового съезда социал-демократов. В заявлении Бюро указывалось: в России началась революция, поэтому необходимо «с наименьшей затратой драгоценной крови пролетариата» достигнуть теперь наибольших «политических и экономических завоеваний в предстоящей ломке общественного строя России». Характеризуя текущий момент, авторы заявления подчеркивали, что в начале января руководство рабочими оказалось «в руках священника с группой полусознательных лиц, слепо в него верящих, увлеченных его религиозным, утопическим энтузиазмом». Большевики считали, что срочно необходим съезд партии, который поможет ре-

шить неотложные первостепенные партийные задачи рабочего движения¹¹⁷.

Члены Бюро задействовали пять нелегальных типографий ПК РСДРП, которые издавали ежедневно до 10 тыс. экземпляров листовок. Труды их не пропали даром: к марту 1905 г. в четырех районах Петербурга число социал-демократических кружков выросло с 8 до 104, а число членов – с 95 до 732¹¹⁸. Вопрос о вооружении и создании боевых дружин стал «зlobой дня» и у социал-демократов, и у эсеров, причем последние особое внимание уделяли подготовке террористических актов. Социал-демократы же старались активизировать работу по расширению масштабов революционного массового движения, полагая, что индивидуальный террор «вне связи с массовым движением» «бесцелен, бессмыслен и заслуживает осуждения»¹¹⁹.

Революционной агитации противостояла активная идеологическая работа «партии порядка». В нее входили также иерархи Русской православной церкви. Митрополит петербургский и ладожский Антоний, московский – Владимир (Богоявленский), киевский – Флавиан (Городецкий), архиепископ финляндский Николай и епископ винницкий Клемент подписали послание Синода «возлюбленным чадам Святой Православной церкви». В нем они утверждали, что «беспорядки» организовали враги Отечества, чтобы расстроить русскую промышленность, затруднить снабжение армии, «навлечь на Россию неисчислимые бедствия»¹²⁰. Их послание взывало к Богу и повиновению воле Бога и властей («Бога бойтесь, царя чтите и всякой власти, от Бога поставленной, повинуйтесь»¹²¹). По согласованию с Треповым послание это стали зачитывать в петербургских церквях уже 16 января. Сам Антоний 23 января выступал перед рабочими Путиловского завода. Он так горячо говорил о нравственности и о заботах Церкви о народе, что Трепов распорядился расклеить послание Синода по всему городу на самых видных местах. Через «Церковные ведомости» оно попало и в другие города. Со всех церковных амвонов священники призывали к смирению и покорности. Церковная печать всячески муссировала слухи о том, что русские революционеры поддерживаются якобы японским правительством, которое им «раздало 18 млн руб.», а сами бунтарские идеи привезены из беспокойной Европы. Упоминание о причастности к этому кого-то «в столице Англии», вызвало недовольство британского посла и привело к дипломатическим трениям, что заставило российского министра иностранных дел В.Н. Ламздорфа указать на нежелательность в дальнейшем «подобных заявлений»¹²².

Известный зарубежный историк Т. Шанин довольно емко охарактеризовал начало революции 1905–1907 гг. как метафорический «момент истины», так как именно петербургский расстрел

9 января раскрыл жестокую правду российской действительности «сквозь безжалостную линзу опыта»¹²³.

Эта «правда жизни» стала очевидной для всей России. В «старой столице» – Москве первыми о расстреле рабочих в Петербурге узнали и рассказали всем газетчики. Неудивительно, что уже 10 января в знак солидарности с попавшими под пули товарищами-петербуржцами забастовали заводы бр. Бромлей, Добровых и Набогольц, фабрики Цинделя, типография Сытина. Через два дня в забастовках участвовали уже свыше 60 тыс. фабрично-заводских рабочих. На многих предприятиях делались отчисления из зарплаты в фонд Красного Креста для передачи жертвам «Кровавого воскресенья». Боясь стремительного роста революционных настроений, местные власти охотно предоставляли помещения и для умиротворяющих лекций-проповедей. Так, в Москве начались такого рода чтения церковного историка Н.П. Розанова на тему «Социально-экономическая жизнь и Евангелие». Он утверждал, что единственный путь к облегчению нужд человека – это его нравственное самоусовершенствование¹²⁴. К середине января городская Дума создала комиссию, поручив ей постоянное наблюдение за поведением рабочих. Это было сделано для того, чтобы не повторить печального опыта Петербурга, и ни в коем случае «не прибегать к вызову вооруженной силы». Московская городская Дума приняла решение «ходатайствовать перед высшим правительством» об узаконении стачек как мирного средства защиты рабочими своих интересов, о предоставлении рабочими права собраний и союзов при соблюдении ими установленного правопорядка и т.д.¹²⁵. После того как рабочие ряда предприятий Москвы добились сокращения рабочего дня и увеличения заработной платы, забастовки постепенно сошли на нет. Однако возбуждение среди рабочих, возникшее в связи с событиями 9 января, долго сохранялось на многих подмосковных предприятиях – в Мытищах, Люберцах, Подольске, Реутове, а также среди рабочих-текстильщиков смежных с Московской губерниях – Владимирской, Тульской, Ярославской, где вели агитацию и социал-демократы, и эсеры.

Эсеры значительно оживили свою деятельность после 9 января в Москве и сразу же поплатились арестом руководящей верхушки (В.М. Зензинова, В.Н. Переверзева и др., а также ряда активных рядовых членов – всего 40 человек). Тем не менее в январе эсерам удалось издать в Москве 25 тыс. экземпляров прокламаций, они участвовали в ряде стачек, и наиболее активно – в трехдневной 6-тысячной забастовке рабочих Прохоровской мануфактуры. И все же эсеровская газета «Революционная Россия» писала, что итоги работы эсеров в начале революции были «малоутешительными». Более всего оживились «боевые организации» эсеров. Они приобретали оружие и совершили ряд террористических актов. Во время

арестов зачинщиков стачек на заводе бр. Бромлей полицией при обыске у одного из арестованных рабочих был обнаружен составленный эсерами-боевиками план дворца в Нескучном саду – места пребывания командующего войсками московского военного округа вел. кн. Сергея Александровича. В Москве эсеры и социал-демократы заключили техническое соглашение на приобретение оружия. В Саратове, Нижнем Новгороде, Харькове, Перми, Екатеринославе, Одессе и других городах эсеры, как и социал-демократы, пропагандировали всеобщие стачки и самовооружение рабочих¹²⁶.

Большинство стачечников выдвигало экономические требования, но довольно быстро повсюду движение стало приобретать политическую окраску. Общую панораму рабочих протестов зимой 1905 г. представляют материалы сводок фабричной инспекции. По этим данным, расстрел мирного шествия рабочих Петербурга нашел отклик в 38 губерниях страны, на него откликнулись в январе более 444 тыс. стачечников (столько же бастовало суммарно в 1901–1904 гг.). «Еженедельные записки» Департамента полиции, регулярно составляемые на основе телеграмм с мест, говорят о том, что вести из столицы докатились до самых отдаленных окраин, находя там сочувствие народа и пролетарскую поддержку рабочим Петербурга. В Прибалтике, Белоруссии, Польше забастовки-отклики на события января дали 76,6% общего числа стачечников за год, в Центральном районе – 12,2%; на Украине и Донбассе несколько меньше – 5,3%, в Закавказье – 3,1%; в Поволжье – 2,8%¹²⁷.

Новым в массовом социальном движении стало включение в борьбу рабочих и служащих железнодорожных магистралей – важных экономических артерий страны. Стачку начали, поддержав рабочих Путиловского и других заводов, железнодорожники Петербурга. Тем самым был дан старт выступлениям рабочих на железных дорогах, связывающих Петербург и Прибалтику, Польшу и многие города западных губерний. В итоге в январе 1905 г. забастовки состоялись на 35 станциях различных железнодорожных магистралей Центра и Юга страны, Поволжья, Закавказья, Украины, Сибири, Дальнего Востока. Это вынудило министерство путей сообщения издать в начале февраля «Временные правила выборов на казенных железных дорогах», которые вводили в железнодорожных мастерских и паровозных депо 9-часовой рабочий день¹²⁸.

Стачки повсюду сопровождались многолюдными собраниями, митингами, распространением листовок. В Москве, Поволжье (Саратов), Сибири (Красноярск, Томск), Украине (Екатеринослав), Прибалтике (Рига, Митава, Либава, Юрьев), в западных губерниях (Вильно, Минск, Борисов, Двинск, Горки Могилевской губернии), Польше (Варшава, Лодзь), Финляндии (Гельсингфорс) были отмечены уличные демонстрации солидарности. В Прибалтике, по официальным, донесениям забастовки отличались «упорным и резким

характером». Там «дело дошло до вооруженного столкновения рабочих с войсками». Например, в Либаве демонстрация собрала сразу около тысячи человек, и в нее вливались новые и новые группы рабочих, служащих и других представителей городской демократии, солидарных с питерскими товарищами. Вызванные на помощь полиции войска оттеснили демонстрантов к морю. Число арестованных составило не менее 90 человек. У них были отобраны революционные воззвания, красный флаг и оружие. Промышленная Рига и непромышленный Саратов отреагировали на 9 января общегородскими забастовками. В Риге стачечный комитет сумел поднять на стачки протеста около 80 тыс. рабочих. Подобные примеры можно легко умножить. Деятели латышского национального движения выступали с требованием конституции и отдельных реформ в области местного самоуправления, в том числе введения латышского языка в делопроизводство административных и судебных учреждений.

Повсюду реакция периферийных народов на события в Петербурге была чрезвычайно острой. Известный большевик В.И. Невский, очевидец событий тех дней, считал, что по числу вовлеченных в движение протеста людей впереди других регионов России шли западные губернии¹²⁹. В Польше общее число забастовщиков превысило 100 тыс. человек. Столь массового движения здесь не было со времен общегородской стачки рабочих в Варшаве 1899 г. Польская социалистическая партия стала одним из инициаторов забастовок солидарности с русскими рабочими. Польские рабочие выходили на демонстрации под лозунгами «Да здравствует конституция!», «Да здравствуют русские рабочие и всеобщая стачка!». Стачки здесь сопровождались и национальными манифестациями, бойкотом русскоязычных школ.

В Департамент полиции непрерывно поступали сведения о новых выступлениях рабочих и студентов, об участвовавших террористических актах в национальных районах от Финляндии до Одессы, о национальных манифестациях с требованием предоставления культурной автономии и разрешения преподавания на родном языке в начальных школах¹³⁰. Так, в Финляндии после массового митинга протеста 11 января состоялись манифестации, организованные деятелями финского национального движения, ставившими задачу восстановления в полном объеме национальной автономии. Повсюду в национальных районах оживилась социальная жизнь, активизировалась политическая борьба, внутри которой все громче заявляли о себе различные национальные партии и организации. В Белоруссии национальная политическая организация Белорусская социалистическая громада выпустила прокламацию «Цараво жыво» о 9 января и выдвинула требование отмены ограничительных мер в отношении языка, веры и органов местного самоуправления. Минское сельскохозяйственное общество в своей резолюции

потребовало отмены ограничительных законов в отношении языка, веры и органов самоуправления. В массовом движении в западных губерниях и Прибалтике усилилось влияние бундовских организаций. Они требовали снятия ограничений, существовавших в России для евреев. Польская социалистическая партия, опубликовав «Политическую декларацию ППС», которая поддерживала борьбу русских рабочих, поставила вопрос о независимости Польши. Деятели латышского национального движения требовали введения конституции и свободного использования латышского языка в делопроизводстве административных и судебных учреждений. На Украине забастовки рабочей солидарности вызвали активность украинских либералов. Так, писатель М. Коцюбинский в день получения известия о 9 января на собрании Черниговской общественной библиотеки потребовал отмены цензуры на сочинения, издаваемые на языках народов империи. Такое же требование выдвинули профессора в университетах Киева и Харькова. В январе–феврале на Украине прокатилась волна либеральных банкетов и собраний, на которых звучали речи о демократической республике и конституции, проводились сборы пожертвований в пользу бастующих рабочих. В Средней Азии в петиционной кампании приняли участие и среднеазиатские джадиды. Здесь либеральная национальная буржуазия и часть интеллигенции требовали уравнивания в правах с русской буржуазией, отмены положения об усиленной охране, прекращения переселений крестьян из великорусских губерний. Свои петиции направляли царю и мусульмане. Мусульманское духовенство выступало за организацию духовного управления, за восстановление шариатского суда. В Закавказье участники массового митинга в Эривани составили петицию к царскому наместнику, которая содержала (наряду с экономическими и социальными требованиями) просьбу допустить использование родного языка в судопроизводстве, ввести обучение на родном языке в начальных школах, возвратить конфискованное имущество армянской церкви. Грузинские национальные деятели подали на имя министра внутренних дел записку, в которой просили о введении на Кавказе земства, а также института суда присяжных, допущения разбирательства дел в судах первой инстанции на грузинском языке.

Еженедельные записки Департамента полиции, выделяя рабочее движение, распространение революционных прокламаций, студенческие выступления и крестьянское движение при анализе общей обстановки в стране, на второе место после выступлений рабочих ставили проявление активности студентов. Полиция тоже особенно бдительно следила за студенческими сходками и собраниями. Опасаясь подъема студенческого движения после 9 января, министр народного просвещения В.Г. Глазов запретил праздновать 12 января 1905 г. 150-летие Московского университета, аргументируя это

решение «обстоятельствами военного времени, тревожным настроением студентов и публики». Тем не менее сотни студентов вышли на улицы для участия в митингах и демонстрациях. Они распространяли листовки, вели сбор средств для организации помощи петербургским рабочим, оказавшимися жертвами 9 января, а также на оружие для создания боевых дружин. Студенты находились в поле зрения нелегальных социал-демократических организаций, действовавших и ранее в 14 высших учебных заведениях, а также приверженцев «социал-революционизма» и либералов-«освобожденцев». Поэтому неудивительно, что в январе – феврале 1905 г. собрания и митинги студентов прошли во многих высших учебных заведениях России – Петербурга, Москвы, Киева, Харькова, Варшавы, Томска, Риги, Одессы – не менее чем в 39 университетах и вузах страны. Студенческое движение поддерживали преподаватели высших учебных заведений. Так, 19 января газета «Наши дни» опубликовала письмо 342 профессоров, в том числе 16 академиков, в котором они выступали за реформы в области научной и преподавательской деятельности, связывая их с необходимостью проведения общегосударственных преобразований. Ученые присоединялись к земским деятелям, требуя контроля над действиями администрации выборных представителей. Постепенно число профессоров и преподавателей, согласных с требованиями, изложенными в письме, возросло до 1500 человек. Вероятно, этой части российского общества в известной степени удалось «достучаться» до властей. Д.Ф. Трепов, вступив в должность петербургского генерал-губернатора, после первых жестких мер в отношении общественных организаций и ряда органов печати признал, что «систематическая строгость», необходимая для восстановления спокойствия в городе, должна совмещаться с «либеральными мероприятиями, направленными к установлению конституционного порядка»¹³¹. Он исходил из настроений общества.

События 9 января внесли существенные изменения в ход земских собраний, становившихся в ряде случаев и легальной политической трибуной в губерниях. После получения известий из Петербурга о расстреле рабочих 13 из 34 губернских земских собраний, существовавших в это время в Европейской России, избрали формой протеста против действий правительства перерыв в заседаниях своих зимних сессий, продемонстрировав тем самым гражданские позиции и политическую зрелость. Так, 10 января в ходе заседания Новгородского губернского земского собрания председатель Крестецкой земской управы А.П. Храповицкий обратился к председателю собрания кн. П.П. Голицыну. Он заявил: «До нас дошли слухи о том, что в Петербурге в эти дни возникло рабочее движение, которое было подавлено путем сильных репрессий... Я и мои товарищи так взволнованы, что не можем спокойно продолжать наши заня-

тия». Большинством голосов собрание прервало свою работу. Этому примеру последовали и другие губернские земские собрания, а при возобновлении работы 7 из них (Новгородское, Тверское, Тульское, Уфимское, Курское, Саратовское, Симбирское) сразу начали обсуждать политические вопросы. Новгородское земское собрание 50 голосами из 52 потребовало расследования действий правительства 9 января в Петербурге. В резолюции Костромского земского собрания говорилось: «Мы не можем не содрогнуться событиями, допущенными административным произволом. Волна кровавых потрясений разойдется по всей нашей земле». На заседании Тверского земства в речи В.Д. Кузьмина-Караваева чиновная бюрократия была названа «неискорененной причиной XVI в.», которая «может лишь предупреждать и пресекать». Собрания Уфимского губернского земства зимой 1905 г. переходили в настоящие манифестации, пока не были разогнаны полицией. Как правило, резолюции земских собраний в январе–феврале 1905 г. заканчивались требованием введения представительного учреждения в стране и неотложного созыва свободно избранных в него представителей народа.

Острота состоявшихся дискуссий на земских собраниях зависела от преобладания на них «третьего элемента» в лице гласных из числа демократических слоев и земских служащих. Они разгорались между правыми, за которыми стояли председатели губернских дворянских собраний и губернаторы, с одной стороны, и земской оппозицией – с другой. Правые требовали от председателей управ удаления с земских собраний посторонней «публики» и прессы. На губернском земском собрании в Вятке губернатор обвинил земских служащих «в забвении своих прямых обязанностей и недозволенных занятий политикой». В ходе заседания Курского земского губернского собрания будущий лидер правых в Государственной думе Н.Е. Марков 2-й начал подлинное гонение на «третий элемент» в земстве, к которому причислял всю интеллигенцию. Большой общественный резонанс получило заседание Тверского земского губернского собрания, на котором с яркой речью с оценкой расстрела 9 января выступил гласный от крестьян А.В. Кудрявцев. «У меня нет земельный пространств, – сказал он, – есть две души надельной земли и право голоса на сельском сходе... Я представляю 20 тыс. крестьян, у крестьян сейчас нет никаких прав... Недавние события показали... что крестьяне и рабочие дотерпелись. Они явились к администрации просить хлеба, им подали камень. Они с крестом и хоругвями в руках обнажали грудь и на коленях просили милости, им дали кусок свинца». Разразился скандал, правые из числа помещиков в обстановке шумного одобрения большинством собрания речи Кудрявцева заявили, что они слагают себя полномочия гласных¹³².

В конце января стали заметными и первые признаки революционного брожения в деревне. Реакция деревни на события 9 января

была неоднозначной. Наряду с сочувствием рабочим выражалось осуждение «господ», подбивавших их идти к царю и чуть ли не убить его. При этом циркулировали слухи о том, что царь хочет отдать землю крестьянам и «не запрещает громить господ»¹³³. Однако начавшиеся в Петербурге и других крупных городах стачки, митинги и демонстрации послужила и сигналом к новой волне крестьянских антипомещичьих выступлений. Толчок был дан тем, что многие рабочие «разъехались по своим деревням, одни – чтобы сохраниться за это время [после 9 января. – *Авт.*], другие – чтобы рассказать об этих событиях деревенскому народу»¹³⁴.

Одними из первых поднялись 13 февраля крестьяне села Сальное Дмитровского уезда Курской губернии, разорившие экономию купца Ченигина. Толчком к выступлению послужила привезенная крестьянином-отходником прокламация с призывом забирать в имения запасы зерна. Затем сельчане из 27 окрестных деревень разгромили в течение недели еще 17 усадеб и хуторов, причем вызванные войска и конные стражи далеко не сразу справились с участниками беспорядков¹³⁵. В феврале «аграрные беспорядки» – захват помещичьих земель, вырубка лесов, грабежи помещичьих имений, поджоги усадеб – охватили Курскую, Орловскую, Воронежскую и другие губернии Центрального региона. Затем они перекинулись в Черниговскую губернию, в Поволжье, Польшу и Прибалтику. В итоге за три первых месяца после 9 января крестьянское движение охватило 85 (т.е. почти 20%) уездов Европейской России (т.е. почти пятую часть)¹³⁶. Объектами нападений стали имения известных аристократических семейств Орловых-Давыдовых, Юсуповых, Бобринских, Мейендорфов, Долгоруковых и других, а также вел. кн. Сергея и Михаила Александровичей. Было разгромлено имение сахарозаводчика Терещенко, а также хозяйства некоторых богатых крестьян, купцов, казаков. Участились сообщения и о вооруженных столкновениях крестьян с полицией и войсками, что позволило некоторым социал-демократическим изданиям говорить о начале «партизанской войны» в деревне. Эсеры распространяли свои собственные и социал-демократические прокламации и брошюры (так было в Курской, Киевской, Самарской, Саратовской, Вятской и ряде малороссийских губерний), их агитация способствовала захвату помещичьих земель.

Карательные органы самодержавия ответили на растущее протестное движение увеличением числа воинских частей, направляемых в промышленные центры, прежде всего в Польшу и Прибалтику (для подавления рабочего движения). Иногда кровавые столкновения с полицией и войсками заканчивались трагически (так, при разгоне демонстрации 13 января в Риге были убиты 70 и ранены свыше 100 человек; много убитых и раненных во время расстрела демонстрации осталось 18 января на улицах Томска)¹³⁷. Однако од-

ними репрессиями остановить революцию было уже невозможно. Среди тех, кто отличался особым «революционным нетерпением», было много молодежи. Именно молодые рабочие поддерживали большевиков и эсеров, таков, можно сказать, «общий закон» революций. Но даже, по мнению эсера В.М. Чернова, призывы «вооружаться» в то время лишь «форсировали события». Но так или иначе, при всей «невосприимчивости» правительства к реформаторским идеям, в обстановке полной растерянности от военных неудач и роста стачечного движения они оставались для правящих верхов единственной паллиативной мерой, единственным способом не допустить нарастания революции.

Эхо русской революции за рубежом

События 9 января всколыхнули весь мир. Они вызвали сразу же отклик у русских, находившихся в это время в эмиграции. «Я был под впечатлением 9 января, – вспоминал впоследствии находившийся тогда в Женеве эсер Б.В. Савинков, – видел в Кровавом воскресенье зарю русской революции и, как бы ни скептически относился к революционной готовности масс, должен был признать значение и силу только что совершившегося исторического события. Гапон был для меня не просто бывший священник... я возлагал на него большие надежды. Он казался мне человеком... который способен овладеть сердцами рабочих. Это заблуждение разделяли многие...»¹³⁸.

Положение в России невозможно было замолчать – об этом говорили все. Но отклики на «Кровавое воскресенье» были очень противоречивыми. «Революция угрожающе подняла вчера голову в Петербурге, – писала консервативная немецкая газета «*Kreuzzeitung*» 10 января 1905 г. – Но такому натиску государство должно противопоставить всю свою силу, или оно бы погибло... Безжалостная энергия в надлежащий момент гораздо гуманнее, чем нерешительные колебания». Французская правая печать пела настоящий гимн «победоносному царю», который «не согласился появиться в окне своего дворца, украшенным фригийской шапочкой». А анти-семитская французская «*La Libre Parole*» заявляла, что все беды в России происходят от С.Ю. Витте, «воспитанного евреями и женатого на еврейке» и «толкнувшего Россию на путь бесконечных займов»¹³⁹. Газеты либерального толка, особенно в Англии и Италии, частью осудили зверства царского правительства, частью заняли нейтральную позицию.

Однако в абсолютном большинстве откликов на события начала января 1905 г. в Петербурге звучало сочувствие демократическим силам России. Интерес к внутривнутриполитической жизни России в Европе и США заметно возрос с началом русско-японской войны. Пожелтевшие подшивки иностранных газет и сегодня кричат заго-

ловками: «Петербург залит кровью», «Агония царизма», «Революция в России». Здесь же мы видим телеграммы, сообщающие о собраниях и митингах рабочих. Русские дипломаты также телеграфировали на родину о массовых манифестациях в знак протеста против расправы царского правительства над рабочими в Петербурге. Так, например, в Брюсселе тысячная толпа у русского посольства кричала: «Долой царизм! Долой убийц!»¹⁴⁰ Английские рабочие называли происшедшее 9 января в столице России «неистовой жестокостью и варварством»¹⁴¹.

В подготовке таких выступлений большую роль сыграли руководители социалистических партий европейских стран. Многочисленные демонстрации перед зданиями русских посольств и массовый сбор средств в фонд помощи русским революционерам и жертвам «Кровавого воскресенья», запросы социалистических депутатов в парламентах, создание «Обществ друзей русской свободы» — таков неполный список ответных мер демократической общественности Парижа, Вены, Будапешта, Берлина, Мюнхена, Стокгольма, Рима, Лондона, Брюсселя, Мадрида, Праги, Афин, Нью-Йорка, Вашингтона на события в России.

Трудно сосчитать число собраний, прошедших в течение января в Париже и других городах Франции. Это было самое крупное выступление французского рабочего класса после Парижской коммуны 1871 г. Синдикат парижских профсоюзов департамента Сены обратился к трудящимся России с манифестом. В нем, в частности, говорилось, что петербургские убийства напоминают рабочим Франции «побоища кровавой недели в 1871 г. ...Трудящиеся Парижа... обращаются к вам со словами: рассчитывайте на нас! Наша помощь вам обеспечена! Долой царизм! Долой эксплуататоров! Да здравствует социальная революция!»¹⁴² Статья Жана Жореса в «Юманите» «Революция в Петербурге» была созвучна оценкам событий в большевистской газете «Вперед», в которой были тогда напечатаны отрывки из мемуаров участника Парижской коммуны генерала Ключере об уличной борьбе¹⁴³. При участии А. Франса было создано первое «Общество друзей русского народа», выступившее против незаконного ареста А. М. Горького и потребовавшее разрыва франко-русского дипломатического союза, если писатель не будет освобожден¹⁴⁴.

Антицаристские выступления состоялись и в нескольких городах Австро-Венгрии. 23 января на собрании в Вене, где присутствовал один из русских дипломатов, народ стал выкрикивать лозунги: «Да здравствует революционная Россия! Долой царизм! Слава мученикам свободы!»¹⁴⁵ Свои симпатии петербургским рабочим выразили также пролетарии Сербии, Словакии, Чехии.

В Германию сообщение о революции в России пришло на волне подъема немецкого рабочего движения и активности социал-демо-

кратии. 10 января в передовой статье органа левых социал-демократов «*Leipziger Volkszeitung*» говорилось: «В России вспыхнула революция. И рабочий класс – ее носитель... В победе над царизмом... международный пролетариат видит предпосылку для своей собственной победы над капитализмом. Что же касается освободительной борьбы русского народа против банды преступников, которая именуется русским правительством, то здесь можно сказать с уверенностью, что победа русских – это немецкая победа, интернациональная победа». Этой оценке вторит анализ событий 9 января в Петербурге в статьях, написанных в эти дни Р. Люксембург. Она считала, что революция в России «исторически выросла как естественный результат социал-демократической агитации» и пророчески указывала, что «руководство массами не останется ни в руках гапонов, ненадолго вспыхнувших... на небосклоне революции, ни у либералов... Оно перейдет к социал-демократии»¹⁴⁶.

Советник русского посольства в Риме А.Н. Крунянский доносил на родину о реакции на 9 января Провинциального совета Неаполя. Последний напомнил итальянскому правительству, что «возрожденная Италия – дочь революции» и потому она «не может без стыда за себя оставлять своих представителей при монархе, который доверяет свою защиту варварским казачьим шайкам, убивающим женщин и детей»¹⁴⁷. 24 января социалист Мирабелли, воспользовавшись тем, что парламент решил почтить память недавно умерших героев итальянской революции 1848 г. и участников гарибальдийского движения, передал привет русским братьям, ведущим борьбу «за те же принципы свободы и демократии, за которые сражались итальянские революционеры».

Акции протеста прошли в Румынии, Испании и даже далеко от нее и от России, в Латинской Америке – в Аргентине, Уругвае и на Кубе. В феврале 1905 г. при Международном социалистическом бюро (МСБ) был создан специальный «русский фонд», в который поступали средства для помощи участникам и жертвам революции в России. Сбор средств шел по многим каналам. 31 января 1905 г. был опубликован манифест МСБ «К рабочим всех стран!» с призывом оказать эффективную поддержку рабочему классу России¹⁴⁸.

Расширение масштабов революции. Политические маневры правительства

После 9 января Николай II и его окружение находились в состоянии крайнего напряжения, усугублявшемся новым поражением в войне с Японией. Опорой царя всегда оставались сторонники жесткой линии и усиления репрессий вел. кн. Сергей Александрович и Владимир Александрович. Не прошло, однако, и месяца после январских событий в Петербурге, как 4 февраля в Москве у Николь-

ских ворот Кремля вел. кн. Сергей Александрович был убит бомбой, брошенной эсером Иваном Каляевым. Страх перед террористами сделал самого царя настоящим пленником Царскосельского дворца, где была срочно усилена охрана. Одни советовали самодержцу создать в обществе «успокоительное впечатление», издав указ о «выборных от рабочих», другие намекали, что желательно не «впечатление», а настоящие реформы, направленные на создание представительских учреждений. Так, министр земледелия А.С. Ермолов уже в конце января, когда появились признаки волнений в деревне, обратился к Николаю II с письмом, где наряду с усилением карательных мер предлагал созыв выборной «земской думы с последующим ее участием в законодательных мерах». Ермолов даже пугнул царя возможной волной терроризма («ничья жизнь не застрахована»)¹⁴⁹. При этом и Ермолов, и другие «советчики» этого ранга полагали, что ни в коем случае нельзя «впадать в конституцию»¹⁵⁰.

Николай колебался. Его колебания отражает ряд указов, недолговечных рескриптов и постановлений, которые были изданы в эти дни. С приходом министра внутренних дел Булыгина самодержавие попыталось сохранить наиболее выгодную для себя позицию, лишь делать вид, что готово пойти на уступки обществу. В конце января это общество было широко оповещено о создании правительственной комиссии, имевшей цель безотлагательное «выяснение причин недовольства рабочих г. Санкт-Петербурга»¹⁵¹. Ее возглавил 62-летний член Государственного совета Н.В. Шидловский – «хороший чиновник», по мнению С.Ю. Витте, но «человек заурядный и желчный», «необычайно высокого о себе мнения», окруживший себя фабричными инспекторами, но не имевший понятия, как приступить к делу¹⁵². В большевистской печати комиссия Шидловского была названа «комиссией государственных фокусов», и такое определение не лишено оснований. Целью комиссии было распространение иллюзий, что во имя народа «что-то да делается», отвлечение его от революционной борьбы. Это не исключало присутствия в комиссии не только промышленников, но и выборных от рабочих, кандидатуры которых председатель комиссии имел право отобрать и утвердить.

В среде социал-демократов в отношении к выборам и к работе в комиссии мнения разошлись. Меньшевики приняли решение участвовать в выборах, желая использовать их для создания легальных профессиональных рабочих организаций. Участие в выборах в комиссию, по их мнению, дало бы рабочим опыт легальной работы и создания собственных организаций. И действительно, многие рабочие, вовлеченные в процедуру выборов в комиссию, после ее роспуска приняли участие в создании комиссий уполномоченных на предприятиях, а осенью 1905 г. и Совета рабочих депутатов в Петербур-

ге. Большевики же настаивали на предъявлении властям радикальных политических требований, а в случае их отклонения хотели бойкотировать комиссию. 9 февраля на совещании членов ПК РСДРП и представителей от 45 крупнейших предприятий столицы были выработаны условия, на которых рабочие соглашались принять участие в работе комиссии Шидловского. Ими были введение демократических свобод, освобождение арестованных в связи с событиями 9 января, восстановление гапоновского «Собрания», гласность всей работы комиссии. Более 60 агитаторов были направлены большевиками на заводы и фабрики Петербурга, чтобы объяснить суть этих требований рабочим. 16–17 февраля в столице прошло общегородское собрание рабочих-выборщиков. Большинство из них склонились к позиции большевиков.

18 февраля комиссия официально отклонила требования рабочих-выборщиков политического характера как выходящие за пределы ее компетенции. В знак протеста 7 из 9 групп рабочих-выборщиков отказались от участия в комиссии. Это повлекло за собой их аресты, а в ответ – стачки протеста. «Правительство попало в положение смешное со стороны и ужасное для него самого, – отмечалось тогда в социал-демократической печати. – Оно благосклонно протянуло руку петербургским рабочим, ожидая, что они с благодарностью облобызают ее. Рабочие протянули свою и так стиснули вельможные пальцы, что их уже и не вырвешь»¹⁵³. Увидев, какой поворот принимает дело, Шидловский, по словам Витте, со свойственным ему «бюрократическим благоразумием пожелал от этой комиссии удалиться»¹⁵⁴. Будучи официально распущенной 20 февраля, комиссия Шидловского, так и не начав работу, бесславно закончила свое существование, вызвав новый всплеск стачек в Петербурге на Путиловском, Невском судостроительном и Металлическом заводах. В феврале оставались закрытыми Балтийский судостроительный завод и паровозные мастерские Александровского механического завода. В борьбу были втянуты в связи с выборами в комиссию Шидловского и текстильщики крупных мануфактур – Паля, Воронина, Екатеринбургской, Невской, Триумфальной, Ниточной и др. Впервые бастовали также некоторые небольшие механические заводы, где в общей сложности работали не менее 16 тыс. человек. 23 февраля, по официальным сведениям, в стачечном движении в Петербурге участвовали около 55 тыс. фабрично-заводских рабочих, а также наборщики газет «Русь», «Санкт-Петербургские ведомости», «Русская газета». Всего в феврале–марте 1905 г. в России прекратили работу только на предприятиях, подведомственных фабричной инспекции (с учетом повторных забастовок) 366,2 тыс. рабочих, а с начала года – более 810 тыс. человек. Примерно треть забастовок (37%) были политическими¹⁵⁵. С первых недель развития этого движения в нем стала проступать роль

рабочих высокой квалификации, связанных с крупным производством, (металлисты, текстильщики, горнозаводские рабочие), а на Украине – шахтеров¹⁵⁶. Высокая доля политических выступлений рабочих наблюдалась не только в Петербурге. Например, в западных губерниях из 50 тыс. забастовщиков 36 тыс. участвовали в политических стачках¹⁵⁷.

На рабочих массовках все чаще популяризировалась идея приобретения оружия. В этой обстановке подбрасываемый рабочим членами левых радикальных партий лозунг свержения самодержавия казался пока чем-то неосуществимым, хотя и вызывал, как и некоторые другие политические лозунги, чрезвычайное возбуждение, одобрение и сочувствие¹⁵⁸. Понимая это, деятели социал-демократических и эсеровских организаций в Петербурге, Москве, Риге, Баку старались не снимать с повестки дня своих заседаний вопрос о вооружении народа, «ассигнованиях... для приобретения револьверов» и даже создании боевых технических групп, которые бы заведовали распределением оружия в рабочих коллективах. В Петербурге осуществлять это решение большевики поручили С.И. Гусеву, Н.Е. Буренину, С.М. Познер и Ф.И. Драбкиной¹⁵⁹.

Анализируя деятельность радикальных революционных организаций в России в начале 1905 г., нельзя не признать, что рост массового движения серьезно обгонял организационную деятельность левых партий. Но всколыхнувшаяся масса стихийно и жадно слушала пропагандистов и агитаторов. В свете сказанного понятно, почему организации, подобные РСДРП, за первые месяцы 1905 г. выросли вдвое и даже втрое и теперь насчитывали по несколько сотен членов (Петербургская – около 1000 чел.). Большую организующую роль играла в это время газета «Вперед», печатавшаяся за рубежом. За три первых месяца 1905 г. ее редакция получила около 500 писем из России.

Правительство и предприниматели метались от репрессий к мизерным экономическим уступкам рабочим. Однако в забастовочное движение вовлекались, разделяя политические лозунги, и представители городской демократии: служащие (не только железнодорожные, но и почтово-телеграфные, торговые, городских управ и частных контор), работники муниципальных учреждений (городского транспорта), врачи, средний медицинский персонал, преподаватели высших и средних учебных заведений. Их помещения открывались для собраний и митингов. В итоге антиправительственное движение обрело новый облик. Январская трагедия 1905 г. помогла множеству людей, и быстрее всего молодым, неожиданно осознать себя личностями, от поведения которых что-то зависит. Неслучайно французский социальный психолог Г. Тард заметил, что именно в революционные эпохи толпа имеет шанс превратиться в публику (общество)¹⁶⁰. Митинги и демонстрации росли, собирая

тысячи людей на улицах больших и малых городов страны. Полицейские донесения не упускали случая подчеркнуть «буйство» толп народа, выкрикивавших противоправительственные лозунги и среди них – требование демократических свобод и Учредительного собрания, созданного на основании всеобщего, прямого и равного избирательного права¹⁶¹.

Вместе с тем революция выплеснула на поверхность немало грязной пены. В крупных масштабах в начале революции это проявилось в южной части Кавказского наместничества, в Бакинской и Эриванской губерниях, населенных армянами, азербайджанцами (татарами), курдами, русскими, евреями и другими народами. Экономические неурядицы, нерешенные социальные проблемы, кризис власти, нарастающая с каждым днем антиправительственная пропаганда революционных организаций, массовое стачечное движение, волнения крестьян привели к резкому ухудшению межэтнического климата. Ситуация усугублялась всплеском уголовной преступности (кражи, грабежи, поджоги, убийства), разраставшихся в условиях заметного ослабления с началом революции местных органов правопорядка.

В феврале 1905 г. при полном бездействии властей, видимо, считавших, что низменные страсти могут отвлечь народ от политики, в этом регионе произошла чудовищная армяно-азербайджанская резня. Она началась в Баку, откуда пожар конфликта перекинулся в Нахичевань, добрался до Эривани, распространившись на Елизаветпольскую губернию. В ходе столкновений на этнической почве здесь было убито, по официальным сведениям, более 750 человек и более 830 изувечено¹⁶². Бакинская губерния по требованию нефтепромышленников, заводчиков и банкиров была переведена на усиленное военное положение.

Задача преодоления общеполитического кризиса в стране ложилась на плечи министров: внутренних дел – А.Г. Булыгина, юстиции – С.С. Манухина, народного просвещения – В.Г. Глазова, путей сообщения – М.И. Хилкова, финансов – В.Н. Коковцова. В ведении последнего была и промышленность, так что ему в первую очередь приходилось решать проблемы, связанные с забастовками в важнейших отраслях производства. Компромиссные решения в сфере отношений между трудом и капиталом достигались с трудом, а многие предприниматели, требуя прекращения забастовок, категорически не хотели идти ни на какие уступки. Так, хозяин Московско-Казанской ж. д. фон Мекк заявил, что «скорее проложит золотые рельсы до Казани, чем уступит требованиям рабочих». Он предложил правительству ввести на железных дорогах военное положение¹⁶³. В феврале съезд горнопромышленников Юга России высказался за введение жестких наказаний за стачки¹⁶⁴, предлагая, например, применять закрытие предприятий (локауты) и замену одних

работников другими, пришедшими недавно из деревень и толпившимися у ворот предприятий.

Но были среди русских промышленников и более дальновидные люди, понимавшие, что по-старому управлять народом нельзя. Так, группа заводчиков Петербурга приняла решение не штрафовать рабочих, не искать «зачинщиков» стачек и вообще отказаться от помощи полиции при разрешении производственных конфликтов. Собрание петербургских заводчиков и фабрикантов постановило даже начать сбор средств на пособия семьям рабочих, пострадавшим 9 января, подтолкнув к аналогичному решению и городскую думу, ассигновавшую в пользу «потерпевших» 25 тыс. руб. (Правда, не все рабочие приняли эти пособия, поскольку сочли их «подачками»¹⁶⁵.) «В случае допустимых в обществе реформ и определенной дозы демократических прав и свобод», считали они, вслед за фабричным инспектором И.И. Янжулом, можно будет улучшить трудовое законодательство и избежать конфликтов. Но всех их тревожило воздействие на население повсюду множившихся «передовых сплоченных групп», которые способствовали усвоению антиправительственных политических требований «через прокламации большинством менее развитых рабочих»¹⁶⁶.

Фабричные инспекторы сообщали, что сама идея борьбы за сокращение рабочего дня (с 11,5 до 10,5, 9 и даже до 8 часов) создала «руководителям движения неизмеримый нравственный авторитет среди рабочих, который ничем уже не может быть подорван». В их донесениях подчеркивалось, что есть полное основание «ожидать в ближайшем будущем дальнейших раскатов волны всероссийского рабочего движения». Далее говорилось, что «возможность в одних случаях предупреждения новых забастовок, а в других – скорейшего и мирного окончания тех, которые возникнут, лежит единственно в немедленном предоставлении рабочим права объединяться и свободно избирать из своей среды своих представителей». Они справедливо считали, что уже никакими частичными уступками нельзя сдержать рабочего движения, и потому надо придать ему «культурные формы» некими законодательными мерами, касающимися быта фабрично-заводских рабочих, свободы стачек и создания рабочих организаций¹⁶⁷. Их видение путей разрешения «рабочего вопроса» во многом совпадало с известной «Программной запиской» деловых московских кругов, подготовленной текстильным фабрикантом С.Т. Морозовым. В ней содержалось предложение удовлетворить пять общеполитических требований: «равноправности всех и каждого перед прочным законом, полной неприкосновенности личности и жилища, свободы слова и печати, введения обязательного всеобщего школьного обучения, участия представителей всех классов населения в выработке законодательных норм»¹⁶⁸. Союз инженеров в Петербурге тоже отметил в специаль-

ной резолюции, что власть «вызывает только раздражение... своими постоянными колебаниями то в направлении односторонней защиты предпринимателя, то в сторону показной поддержки рабочих», а для того, чтобы преодолеть кризис, нужно «даровать широкую свободу союзов и собраний», законодательно закрепив «общегражданские свободы»¹⁶⁹.

Однако Николай II предпочитал слушать, но не слышать этих дальновидных русских промышленников. После изменений в министерском составе главными советниками царя по рабочему и другим социальным вопросам стали Булыгин с его Департаментом полиции и Трепов. Российский император зимой и в первый весенний месяц 1905 г. почти ежедневно принимал попеременно то министра внутренних дел, то петербургского генерал-губернатора. Дважды в месяц в Царском Селе собирался Совет министров, и 3 февраля 1905 г. в течение четырех часов на его заседании обсуждался вопрос о «своевременности обнародования манифеста по поводу войны, смуты и созыва местных выборных представителей». В итоге было решено заменить манифест рескриптом на имя министра внутренних дел.¹⁷⁰

Однако рескрипт уже не мог никого удовлетворить. Городская демократия все более ясно осознавала необходимость сплочения и организации. Новым в движении масс стало выдвижение требований признания властью выборных организаций, созданных рабочими и служащими по профессиям и по производствам. Профессиональные союзы в России были официально запрещены. Но к весне 1905 г. в профессиональное движение России оказались втянуты железнодорожники, печатники, булочники, табачники, портные, моряки, приказчики, фармацевты. Политическую направленность получили и профессиональные союзы интеллигенции, заявившие о себе еще в декабре 1904 г. после соответствующих решений II съезда «Союза освобождения». Полевение общества, естественно, сказывалось и на усилении оппозиционных настроений умеренно либеральных кругов, особенно тянувшейся к организации левой части политического спектра. Неслучайно П.Б. Струве неоднократно говорил о необходимости «создания благоприятных условий для развития коллективной самостоятельности рабочих», об их «праве на стачки и на явочный порядок в организации профессиональных обществ и союзов»¹⁷¹.

Вместе со своими единомышленниками из «Союза освобождения», который насчитывал к марту 1905 г. около 1600 членов, Струве предложил энергичнее вести подготовку всероссийских съездов интеллигенции по профессиям для учреждения профессионально-политических союзов. Некоторые из «освобожденцев» в это время полевели настолько, что в ряде вопросов поддерживали эсеров и даже социал-демократов¹⁷². «Январские события, – писал Струве, –

многому нас научили», заставив «подвергнуть научному обсуждению идею организации вооруженного восстания». «Я лично, – добавлял он в скобках, – считаю эту идею утопической. Но мое мнение может быть совершенно ошибочно, так как теперь с каждым месяцем меняются условия борьбы». Все это, заключал Струве, заставляет еще раз «обсудить и пересмотреть все другие способы борьбы с самодержавием»¹⁷³. Об опасности упустить момент говорили и либеральные земские деятели, рассчитывавшие на скорые реформы и введение умеренной конституции. Оценивая бездействие властей, известный земский деятель граф П.А. Гейден иронически вопрошал: «Значит, надо ждать, чтобы все развалилось, и тогда, должно быть, на развалинах начнут что-нибудь делать. Но будет ли тогда своевременно и не поздно ли будет?»¹⁷⁴ «Поздно» – это означало потерю инициативы властью и земскими организациями и переход ее при решении судьбы страны к революционному народу.

Действительно, еще до 1905 г. рабочие в западных губерниях при поддержке европейских тред-юнионистских организаций создали ряд выборных профессиональных объединений (щетинники, кожевники). В Москве после стачки типографов еще в 1903 г. был тоже образован профсоюз. Избранные во время стачек комитеты и советы уполномоченных участвовали в разрешении трудовых конфликтов, а после их окончания продолжали функционировать как профессиональные организации. Так, в частности, складывались профсоюзов металлистов на отдельных крупных предприятиях (Путиловском, Обуховском, Невском судостроительном, Александровском механическом и ряде других заводов). Организация рабочих Невского судостроительного завода в Петербурге, кстати сказать, положила начало созданию общегородского профсоюза металлистов. Такую же долгую историю имеет и процесс создания профсоюза на Харьковском паровозостроительном заводе¹⁷⁵.

В ходе стачек создавались выборные демократические рабочие организации, у истоков которых находились стачечные комитеты, а часто и более широкие в территориальном и профессиональном отношении Советы уполномоченных. Они стремились закрепить результаты победы, достигнутые в ходе забастовок: сокращение рабочего дня, повышение уровня заработной платы, контроль при определении расценок и квалификации рабочих. Эти выборные рабочие организации издавали распоряжения и постановления и признавались рабочими как «новая власть». На это обратил внимание харьковский фабричный инспектор А.Г. Гнедич. Он писал, что часто рабочие прекращали работу без предъявления каких-либо требований, а потом предъявляли их в общей для нескольких предприятий форме. На вопрос инспектора, отчего эти требования не были выставлены в начале забастовки, рабочие отвечали: «Тогда приказано было бастовать – мы и забастовали, а теперь приказано требовать –

мы требуем». – «Кто приказал?» – «Правительство». – «Какое правительство?» – «Новое правительство». Имелись в виду именно организаторы стачек, вошедшие в состав совета уполномоченных¹⁷⁶.

Созданием Советов уполномоченных в начале революции российский пролетариат дал путевку в жизнь новым политическим организациям – Советам рабочих депутатов. В отечественной и зарубежной литературе истоки Советов иногда находят не только в Собраниях уполномоченных, но и в выборных организациях, возникших в связи с работой комиссии Шидловского, и даже легальных гапоновских организациях. Однако возникновение Советов – это, прежде всего результат широкого забастовочного движения и появления в его ходе выборных депутатских (делегатских) собраний. Советы отличались от профсоюзов более широкой компетенцией, попыткой решить проблемы, связанные с положением не только рабочих и служащих той или иной профессии, но и всего данного города или района. Трудно не заметить в истории оформления Советов и влияния своеобразной русской ментальности, тяги к коллегиальности обсуждения и «соборности», типичных для психологии русских рабочих и унаследованной ими от крестьян, традиций крестьянской общинной взаимопомощи и демократии.

Шли недели, а правящие «верхи» России продолжали жить в бездействии и тревожном ожидании новых вестей с полей сражения в Маньчжурии. Здесь к середине февраля 1905 г. возникла угроза окружения главных сил русской армии в районе Мукдена, что означало невозможность победы в войне с Японией. «Внутренний фронт» грозил новыми вспышками революционного подъема. «Верхи» все более утверждались в необходимости принятия политических мер для умиротворения «благомыслящих». Беспокойство в правительстве усилилось в связи с приближением 19 февраля, когда в связи с годовщиной отмены крепостного права ожидалось, как и в прошлые годы, новые и, возможно, более сильные массовые выступления¹⁷⁷. На политической сцене в эти дни все чаще стала всплывать фигура министра финансов Коковцова, открыто склонявшегося после 9 января к либеральному консерватизму. Европейски образованный искусный дипломат, он и ранее просил царя удовлетворять «без задержки нужды рабочих, которые оказываются справедливыми», дабы «постепенно отдалять рабочих от революционных элементов»¹⁷⁸. Не видя необходимости в дополнении Свода государственных законов новыми статьями о труде в промышленности, Коковцов считал, что достаточно существующие законы «подладить под жизнь». Кроме того, он стремился втолковать царю, что правительства европейских держав, обеспокоенные развитием революции в России, полагают, что одни только карательные меры уже неприемлемы. Германский император Вильгельм II, также приверженец «энергичных действий» в борьбе с «беспорядками и

анархией», после событий 9 января рекомендовал Николаю II созвать собрание представителей от земств, которое было бы «придано к Государственному совету» и готовило бы для него законопроекты¹⁷⁹. Однако это был только дружеский совет, который Николай II мог принять или не принять.

Сложнее обстояло дело с французскими займами, в которых нуждалась Россия и которые в конечном итоге перевесили чашу весов в сторону «умиротворения» и принятия «мер политических». Карательные меры не устраивали французских банкиров, опасавшихся падения царского правительства, которому были даны займы. Представитель Парижско-Нидерландского банка Э.Д. Нецлин, прибыв в эти дни в Петербург, заявил В.Н. Коковцову, что «неудачи в войне и то, что... происходит в фабричных районах, производит самое невыгодное впечатление на французском рынке». Далее он подчеркнул, что французское правительство «встревожено» развитием событий в России и полагает, что царское правительство «бес- сильно бороться с поднимающимся революционным настроением»¹⁸⁰. Французов волновал вопрос: с кого можно будет спросить долги, если трон рухнет. Поэтому прежде чем снова давать в долг России, Нецлин добился аудиенции у царя. Представляя в разговоре с ним «саму твердость», Николай II просил его «передать, что революционное движение в стране гораздо менее глубоко, нежели это предполагают в Париже»¹⁸¹. Как бы в продолжение этой беседы Николай II подготовил рескрипт на имя министра внутренних дел Булыгина. В нем указывалось, что забастовочное движение наносит вред вооруженной борьбе с внешним врагом и нужно с ним бороться «всеми доступными способами».

Витте и Коковцов были крайне «смущены» весьма однозначным тоном рескрипта и убедили царя, что «в Париже просто не поймут этого». На этот раз Николай II с ними согласился, причем не исключено, что в тот момент на царя оказало влияние приближение 19 февраля. В новом тексте рескрипта, подписанным 18 февраля 1905 г., говорилось уже не о карательных мерах, а о том, что необходимо для консультации по вопросам «совершенствования законодательства» призвать «лучших людей России, представляющих ее население». В изданном тогда же указе Сенату тоже говорилось «об усовершенствовании государственного благоустройства и улучшении народного благосостояния империи», причем для обсуждения этого вопроса разрешалось подавать на высочайшее имя петиции, которые должны были затем рассматриваться Советом министров. Таким образом, императору все же пришлось пусть с опозданием, но сделать очень робкий шаг по пути реформирования государственного строя. «18-го февраля. Пятница, – записал Николай II в дневнике. – У меня происходило заседание Совета министров. Подписал рескрипт на имя Булыгина относительно разработки спо-

соба созыва местных представителей для участия в рассмотрении законопроектов, вносимых в Гос[ударственный] Совет. Дай Бог, чтобы эта важна мера принесла России пользу и преуспевание»¹⁸². Это в целом либеральное по духу заявление сопровождалось традиционным заверением, что «лишь под верховным водительством самодержавной власти возможно сохранение мощи и целостности России и ее дальнейшее преуспевание». Не следует забывать, что накануне 17 февраля Николай II подписал манифест, требуя усилить карательные меры против «злоумышленных вождей мятежного движения» с призывом к «благомыслящим людям» оказывать поддержку правительству.

Рескрипт и указ положили только начало выработке проекта о созыве Государственной думы законосовещательного характера. Но как мало надо было самой богатой части общества, если один только этот шаг вызвал одобрение в предпринимательском мире, ускорив вместе с тем его политическое самоопределение. Так, в Московском биржевом комитете по инициативе Н.А. Найденова был подготовлен адрес о желательности привлечения представителей общества (под ним имелись в виду деловые круги буржуазии) «к работе в области государственной деятельности»¹⁸³.

Однако большая часть оппозиционно настроенной общественности, которая еще пару месяцев назад с восторгом встретила бы решение царя созвать народных представителей, теперь, когда революция стала фактом, хотела уже значительно большего.

Дальнейший ход событий зависел в огромной степени от того, как пойдет создание представительного общегосударственного органа в России. Некоторые политики не без основания полагали, что новые реформаторские усилия правительства могут привести не к стабилизации обстановки и преодолению кризиса, а к новым стихийным выступлениям широких масс.

Итоги первой волны революции

Российское общество медленно избавлялось от раболепия перед властью, ибо зависимость от власть предержащих воспитывалась веками¹⁸⁴. Тем не менее события начала XX в. заставили его ускорить свое движение в этом направлении. К началу революции 1905–1907 гг. на авансцене российской политической жизни были представлены три классические социальные силы: традиционный консерватизм, поддерживаемый самим российским императором; либерализм, ориентированный на мирный эволюционный путь реформ, и радикализм, выступавший за политические свободы, демократическую республику, а в перспективе – и за социализм.

Одной из главных причин январского кризиса было отсутствие в тогдашней России легальных политических партий и организаций,

гражданских свобод. Во избежание обострения обстановки в стране власть должна была принять какие-то радикальные, а не паллиативные меры и четкие решения, не пропустить время уступить либералам и узаконить в стране тот тип государственного строя, который в начале XX в. уже существовал в ряде отнюдь не самых прогрессивных государств. Однако консерваторы во главе с царем отвергли эту альтернативу. Результатом стала революция.

Уже первые ее недели показали, как велика была социальная энергия масс. Об этом красноречиво свидетельствовали высокие показатели протестного рабочего движения (даже с учетом неполноты сведений фабричной инспекции Департамента торговли и промышленности). У истоков революции оказалось столкновение между трудом и капиталом на одном из крупнейших предприятий России – на Путиловском заводе в Петербурге. У администрации завода тоже была возможность не допустить стачку, приняв обратно на работу всего одного уволенного рабочего. Но она, подержанная, кстати, министром Коковцовым, отклонила это требование, и тем самым мирный путь разрешения трудового конфликта был само собой исключен. Забастовка охватила во время войны 10 тыс. рабочих одного из военных предприятий и быстро накалила обстановку в столице. Да и мирное шествие петербургских рабочих 9 января 1905 г. к Зимнему дворцу, превратившееся в кровавое побоище, тоже имело свою альтернативу – прием депутации от рабочих царем, что, кстати говоря, и было сделано им, но с большим опозданием уже после начала революции.

Резонанс от событий «Кровавого воскресенья» был феноменален. Даже в феврале, когда шок от расстрела гапоновского шествия несколько прошел, в России бастовало около 300 тыс. рабочих, а главное – забастовки постоянно дополнялись другими формами активного массового протеста (митингами и демонстрациями), что характеризует небывалое быстрое формирование коллективной пролетарской идентичности. Возбуждение, нараставшее в обществе, делало участником событий простого человека. Мир не знал до этого ничего подобного. 130-миллионная, ранее дремлющая, Россия на глазах превращалась в страну бастующих рабочих, за которыми шли демократические слои общества.

Конечно, и в первые недели революции экономические стачки преобладали, но даже беспристрастная фабричная инспекция не могла не отметить рост числа забастовок по политически мотивам. Число рабочих, прекративших работу в связи с выдвижением политических требований, составило 25% от общего количества забастовщиков в стране. Большая часть политических забастовок была связана с событиями 9 января. Именно они вызвали к жизни широкое общественное движение, включившее в себя протесты демократической и либеральной интеллигенции, подхватившей лозунг

«Долой самодержавие!». С другой стороны, уже в конце февраля 1905 г. в России появились грозные симптомы начинающихся крестьянской и «национальной» революций. Это была трагедия для страны. Хотя армия оставалась в первые месяцы 1905 г. еще верной «батюшке-царю», многим трезво мыслящим современникам было очевидно, что рано или поздно наступит момент, когда и солдаты откажутся поднимать оружие против демонстрантов и правительству непременно придется пойти на уступки.

Отказываясь услышать вызов либеральных и радикальных общественных сил, самодержавие поставило себя в такое положение, когда любое действие лишь ухудшало его позиции. Обстоятельства вынуждали Николай II встать на путь лавирования. Ведь для того, чтобы удержать Россию от сползания к гражданской войне, нужны были скорейшие реформы. Но Николай II медлил и с заключением столь нужного стране мира с Японией, и с началом преобразований. Он не слышал (или не хотел услышать?) председателя Комитета министров Витте, полагавшего, что стране нужно «примириться на время с потерей великодержавной роли» и быстрее закончить войну во имя быстрого подавления революции. Обратившись к Николаю II 26 февраля 1905 г. с письмом, он предложил «начать новую, деятельную жизнь разумного строительства»¹⁸⁵. Николай не внял этому предложению, вероятно, рассчитывая на то, что его правительство является единственной организованной политической силой. И это было для того времени правдой.

Известный французский государственный деятель наполеоновской эпохи, дипломат Талейран когда-то сформулировал парадоксальную мысль: «В революциях виновны все и не виновен никто». Однако в российских событиях 1905 г. были виновные, и прежде всего те, в чьих руках была власть. Драма 9 января 1905 г. оставила глубокий след в мировой истории, открыв целую полосу революций XX столетия.

Примечания

- ¹ Записки Георгия Гапона (Очерк рабочего движения в России 1900-х годов). М., 1918. С. 27–28.
- ² *Войталовский Л.Н.* Очерки коллективной психологии: Психология масс. М.; Пг. 1924., Ч. 1. С. 10–12.
- ³ Записки Георгия Гапона. С. 31, 37–38.
- ⁴ *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* Марксисты и русская революция. М., 1999. С. 6.
- ⁵ *Зырянов П.П.* Православная Церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 47.
- ⁶ *Булгаков С.Н.* Предисловие // *Брентано Л.* Христианско-социальное движение в Англии. М., 1906.; *Он же.* Христианский социализм. Новосибирск. 1991., С. 228. См. также: *Новиченко И.Ю.* Чарльз Кингсли и английский социализм середины XIX в. М., 2001. С. 3, 4, 240, 249–255.

- ⁷ Полный православный богословский энциклопедический словарь. М., 1922 (репринт) Т. 2. Стб. 2207–2298.
- ⁸ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 9. С. 211.
- ⁹ Новиченко И.Ю. Указ. соч. С. 293.
- ¹⁰ Записки Георгия Гапона. С. 43.
- ¹¹ Красный архив. 1926. Т. 4. С. 210; Сверчков Дм. Гапоновщина и 9 января 1905 г. М.; Л., 1925. С. 7.
- ¹² Pospelovsky D. Russian Poli-Trade-Unionism. Experiment or Provocation? London, 1971. P. 149.
- ¹³ Историко-революционный сборник. С. 200; Ксенофонов И.Н. Георгий Гапон. Вымысел и правда. М., 1996. С. 63–64.
- ¹⁴ Гапон Г.А. История моей жизни. М., 1990. С. 27.
- ¹⁵ Девятое января и Гапон. Воспоминания (Записано со слов А.Е. Карелина) // Красная летопись. 1922. № 1. С. 111).
- ¹⁶ «Освобожденцы» имели в виду тактику использования рабочих выступлений в своих интересах для давления на власть. Оценку отношения либералов к массовым выступлениям см.: Милуков П.Н. Воспоминания. Нью-Йорк. Т. 1. С. 320.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 279. К. 5. П. 11.
- ¹⁸ Шилов А. К документальной истории «Петиции» 9 января 1905 г. // Красная летопись. Л., 1925. № 2 (13). С. 21.
- ¹⁹ Революция 1905–1907 гг. в России: Документы и материалы. Начало первой русской революции. Январь–март 1905 года. (Далее – Начало первой русской революции). М., 1955. С. 29.
- ²⁰ Зырянов П.Н. Несчастливая звезда Гапона // Петербургская историческая школа. Альманах. СПб., 2002. С. 175.
- ²¹ Начало первой русской революции. С. 29–31.
- ²² Варнашев Н.М. От начала и до конца гапоновской организации // Историко-революционный сборник. Л., 1924. Вып. 1. № 1. С. 200–201, 202.
- ²³ Павлов И. Из воспоминаний о «Рабочем союзе» и священнике Гапоне // Минувшие годы. 1908. № 4. С. 83–84.
- ²⁴ Там же. С. 84.
- ²⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. (1894 – октябрь 1905 г. Царствование Николая II). М., 1960. С. 340; Валк С.Н. Петербургское градоначальство и 9 января // Красная летопись. 1925. № 1. С. 40.
- ²⁶ Начало первой русской революции. С. 15–16.
- ²⁷ Начало первой русской революции. С. 10.
- ²⁸ Там же. С. 11, 19.
- ²⁹ ГАРФ. Ф. 102, 00. 1905. Д. 4. Л. 16.
- ³⁰ Вперед. 1905. № 4. С. 4; Красная летопись. 1922. № 1. С. 24.
- ³¹ РГАСПИ. Ф. 124. Оп. 1. Д. 1747. Л. 8–12, 30–34; Серебровский А.П. В январские дни 1905 г. // Пролетарская революция. 1922. № 5. С. 194–200; Дорошенко Н.В. Роль социал-демократической организации в январских событиях 1905 года // Красная летопись. 1925. № 3 (14) С. 212; Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 79.
- ³² Листовки большевистских организаций в Первой русской революции 1905–1907 гг. М., 1956. Ч. 1. С. 213.
- ³³ Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 г. М., 1997. С. 169.
- ³⁴ Начало Первой русской революции. С. 15–16
- ³⁵ Пролетарская революция. 1905. № 2 (37). С. 25–26.

- ³⁶ Былое. 1925. № 1 (29). С. 4.
- ³⁷ *Невский В.И.* Петербургская социал-демократическая организация в январе 1905 года // Красная летопись. 1922. № 1. С. 142–143.
- ³⁸ *Невский В.И.* Январские дни 1905 г. в провинции // Там же. С. 32.
- ³⁹ *Галузо П.Г.* Гапон и гапоновщина. Ташкент, 1926. С. 41.
- ⁴⁰ Красный архив. 1935. № 1(68). С. 48.
- ⁴¹ *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 341.
- ⁴² *Поссе В.А.* Воспоминания. Пг., 1923. С. 48.
- ⁴³ Петербургский комитет РСДРП. Протоколы и материалы заседаний. Июль 1902 – февраль 1917. Л., 1986. С. 124–127; Петербургские большевики в период первой русской революции. 1895–1907. Л., 1956. С. 43; *Бондаревская Т.П.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905–1907 гг. Л., 1975. С. 63.
- ⁴⁴ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 169.
- ⁴⁵ *Гапон Г.* История моей жизни. С. 84.
- ⁴⁶ Начало первой русской революции. С. 101–102.
- ⁴⁷ *Гапон Г.* История моей жизни. С. 84; *Ростов Н.* Крушение одного опыта. Зубатов и Гапон. М., 1921. С. 51; Красная летопись. 1925. № 1 (12). С. 38–39; *Ксенофонт И.Н.* Георгий Гапон: вымысел и правда. М., 1996. С. 102.
- ⁴⁸ *Филиппов А.* Странички минувшего. О Гапоне. СПб., 1913. С.
- ⁴⁹ Прибавление к церковным ведомостям. 1905. 8 января. С. 52.
- ⁵⁰ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1903–1919 гг. В 2-х т. Париж, 1933. Т. I. С. 52–53
- ⁵¹ История рабочих Ленинграда. Том первый. 1703 – февраль 1917. Л., 1972. С. 265–266.
- ⁵² Начало первой русской революции. С. 40–41.
- ⁵³ Красная летопись. 1922. № 1(12). С. 32, 38–39.
- ⁵⁴ *Тарараев А.* Кровавое воскресенье и священник Гапон. М., 1933. С. 13; *Венедиктов-Безнюк Д.* Георгий Гапон М; Л., 1931; *С.-ский Н.* Психология русского рабочего вопроса СПб., 1911. С. 68; *Галузо П.Г.* Указ. соч. С. 54.
- ⁵⁵ *Лядов М.* Из жизни партии накануне и в годы первой русской революции (Воспоминания). 2-е изд. М., 1956. С. 72.
- ⁵⁶ *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 342.
- ⁵⁷ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 33.
- ⁵⁸ *Поссе В.А.* Воспоминания. С. 48.
- ⁵⁹ Красная летопись. 1922. № 1. С. 43.
- ⁶⁰ *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч. Т. 25. С. 23.
- ⁶¹ *Безбах С.А.* Великий урок. Л., 1934. С. 69.
- ⁶² Доклад комиссии, избранной общим собранием присяжных поверенных 16 января 1905 г. по поводу событий 9–11 января. СПб., 1905. С. 6–24; *Любимов Д.П.* Гапон и 9 января // Вопросы истории. 1965. № 8. С. 116.
- ⁶³ *С.-ский Н.* Указ соч. С. 90; *Галузо П.Г.* Указ. соч. С. 54–55.
- ⁶⁴ И. Павлов называет даже цифру 50 тыс. (см.: Былое. 1917. № 2(24). С. 87).
- ⁶⁵ Записки Георгия Гапона. С. 725; *Сверчков Дм.* Георгий Гапон. Опыт политический биографии. М., 1924. С. 29; Былое. 1917. № 2(24) С. 87.
- ⁶⁶ Красная летопись. 1922. № 1. С. 41.
- ⁶⁷ *Сверчков. Д.* Указ. соч. С. 29.
- ⁶⁸ Записки Георгия Гапона. С. 74; *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 33–34.
- ⁶⁹ *Шишкин В.Ф.* Так складывалась революционная мораль. М., 1967. С. 244.
- ⁷⁰ Красная летопись. 1922 № 1. С. 57.

- ⁷¹ Священник Гапон. Берлин. Б/г. С. 20; Русское богатство. 1905. № 1. С. 175; Начало первой русской революции. С. 70–78.
- ⁷² Воспоминания Гапона создавались в период его эмиграции и были сильно отредактированы. «Гапон мало самостоятелен... Немудрено, что носимый, как щепка, в бешено раскипевшем котле тех дней, Гапон многое не охватил, точно не запомнил, даже не мог... воспроизвести собственных переживаний великого воскресенья, тем более переживаний масс» (*Романов Б.А.* Рецензия на кн. Гапон Г. История моей жизни // Красная летопись. 1925. № 3. С. 268.).
- ⁷³ Очевидцы о 9 января 1905 г. в Петербурге // Исторический архив. 1955. № 1. С. 89–90.
- ⁷⁴ Там же С. 76–78).
- ⁷⁵ Горький М. Собр. соч. В 30-ти т. М., 1953. Т. 23. С. 335–336.
- ⁷⁶ Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 33.
- ⁷⁷ Сведения об убитых и раненых 9 января представлены на основании следующих изданий: *Гуревич Л.* Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г. Берлин, 1906. С. 81–83; *Симбирский Н.* Правда о Гапоне и 9-м января. СПб., 1906. С. 142–146; *Авенар Э.* Кровавое воскресенье. Киев. Б/г. С. 105, 129, 132–134; Голос минувшего. 1917. № 11–12. С. 10–11; Доклад Комиссии, избранной общим собранием присяжных поверенных 16 января 1905 г. по поводу событий 9–11 января // Красная летопись. 1922. № 1. С. 137–160; *Галузо П.Г.* Указ. соч. С. 55; *Карелин А.Е.* Девятое (22-е) января 1905 г. М., 1924. С. 11; Священник Гапон. Берлин. Б/г. С. 31–32; *Аргун А.М.* Жертвы 9/22 января 1905 года // Красная летопись. 1929. № 6. С. 15–24; Записки Георгия Гапона. С. 86; Начало Первой русской революции. С. 153; История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1955. Т. 2; С. 26; *Бондаревская Т.П.* Указ. соч. С. 63; *Ксенофонтов И.Н.* Указ. соч. С. 132–134.
- ⁷⁸ *Спиридович А.* Записки жандарма. Харьков, 1927. С. 173.
- ⁷⁹ *Карелин А.Е.* Указ. соч. С. 6–7.
- ⁸⁰ *Безбах С.А.* Указ. соч. С. 129–130.
- ⁸¹ РГАСПИ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 112. Л. 93.
- ⁸² *Ксенофонтов И.Н.* Указ. соч. С. 120–121, 127–131.
- ⁸³ *Лядов М.Н.* Указ. соч. С. 72.
- ⁸⁴ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 9. С. 178, 201–202, 252.
- ⁸⁵ Начало Первой русской революции. С. 79–80.
- ⁸⁶ *Кузнецов Б.Г.* Дмитрий Иванович Менделеев. М., 1957. С. 24.
- ⁸⁷ Начало Первой русской революции. С. 147.
- ⁸⁸ ГОПБ (Фонд архивного хранения) Ц. 59771.
- ⁸⁹ *Сахарова Е.В.* В.Д. Поленов. Письма, дневники, воспоминания. М.; Л., 1948. С. 377.
- ⁹⁰ Освобождение. 1905. № 65. С. 233. № 66. С. 259.
- ⁹¹ ГАФР. Ф. 629. Оп. 1. Д. 16. Л. 10.
- ⁹² Начало Первой русской революции. С. 134, 223.
- ⁹³ Там же. С. 814.
- ⁹⁴ Начало Первой русской революции. С. 159–164.
- ⁹⁵ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 246, 247.
- ⁹⁶ Там же. С. 247.
- ⁹⁷ *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т. 2. С. 157–158.
- ⁹⁸ *Сверчков. Д.* Указ. соч. С. 14.
- ⁹⁹ Начало Првой русской революции. С. 39.
- ¹⁰⁰ См. подробнее: *Ксенофонтов И. Н.* Указ. соч. С. 141.

- ¹⁰¹ Красный архив. 1935. № 1(68). С. 58.
- ¹⁰² Дневники императора Николая II. С. 247.
- ¹⁰³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. М., 1992. Кн. 1. С. 64.
- ¹⁰⁴ Начало Первой русской революции. С. 816–817.
- ¹⁰⁵ Ксенофонтов И.Н. Указ. соч. С. 139.
- ¹⁰⁶ Правительственный вестник. 1905. 20 января.
- ¹⁰⁷ Государственный архив Пензенской обл. Ф. 182. Оп. 1. Д. 2575. Л. 518–518 об.
- ¹⁰⁸ Сверчков Д. Указ. соч. С. 49.
- ¹⁰⁹ Шелохаев В.В. Российские реформы как теоретико-методологическая проблема // Россия в XX веке. Реформы и революции. М., 2002. Т. 1. С. 49.
- ¹¹⁰ Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 38, 40.
- ¹¹¹ Третий съезд РСДРП. Протоколы. М., 1959. С. 375.
- ¹¹² Мережковский Д.С. Полн. собр. соч. Т. 15. С. 23–24.
- ¹¹³ Горький М. Собрание сочинений в 30-ти томах. М., 1954. Т. 28. С. 349.
- ¹¹⁴ Среди манифестантов, следовавших к Зимнему дворцу и убитых 9 января были члены РСДРП М.П. Волков, М.В. Казанцев, И.И. Андреев, Л.В. Васильев, М.Г. Егорова; на Дворцовой площади был ранен М.В. Фрунзе (Бондаревская Т.П. Указ. соч. С. 63).
- ¹¹⁵ Кровавое воскресенье в Петербурге. Из перлюстрации Департамента полиции о 9 января 1905 г. // Красный архив. 1930. № 2 (39). С. 182, 184.
- ¹¹⁶ Галузо П.Г. Указ. соч. С. 58.
- ¹¹⁷ Революция 1905 года. Материалы и официальные документы. Харьков, 1925. С. 34–35.
- ¹¹⁸ Третий съезд РСДРП. С. 567–574.
- ¹¹⁹ См. об этом: Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 110.
- ¹²⁰ Зырянов П.Н. Православная Церковь. С. 52.
- ¹²¹ РГИА. Ф. 796. Д. 576. Л. 1–2.
- ¹²² РГИА. Ф. 797. Оп. 75. II отдел, 3-й стол. Д. 105. Л. 1.
- ¹²³ Шанин Т. Революция как момент истины. 1905–1907 гг. – 1917–1922. М., 1997. С. 11.
- ¹²⁴ Зырянов П.Н. Православная Церковь. С. 54–55.
- ¹²⁵ Хроника московской жизни. 1901–1910 гг. М., 2001. С. 227.
- ¹²⁶ Леонов М. И. Указ. соч. С. 170–171, 173, 179–181.
- ¹²⁷ Здесь и далее данные о развитии рабочего, крестьянского, студенческого, национального движения даны по кн.: Начало Первой русской революции. С. 164–165, 676–677, 767, 774 и др. Подсчеты по регионам произведены на основе таблицы, представленной в той же книге (С. 711).
- ¹²⁸ Пушкарева И.М. Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975. С. 90–101.
- ¹²⁹ Невский В.И. Рабочее движение в январские дни 1905 года. М., 1931. С. 175.
- ¹³⁰ См.: ГАРФ. Ф. 102, 00. 1905. Д. 90. Л. 23, 57; Д. 100. Л. 2.; Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. М., 1955. С. 64–65, 369, 440; Политические партии в России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1997. С. 467.
- ¹³¹ Гусятников П.С. Революционное движение в России. 1899–1907. М., 1971. С. 146; Ерман Л.К. Интеллигенция в Первой русской революции. М., 1966. С. 79; Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 65.
- ¹³² Цит. по: Королева Н.Г. Земство на переломе (1905–1907). М., 1995. С. 83–90, 93–94, 98–100.
- ¹³³ Вронский О.Г. Государственная власть России и крестьянство в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000. С. 27–28; Начало Первой русской революции. С. 630.

- ¹³⁴ Очевидцы о 9 января. С. 79.
- ¹³⁵ *Вронский О.Г.* Указ. соч. С. 29–31.
- ¹³⁶ *Тюкавкин В.Г.* Историографические итоги изучения размаха крестьянского движения в период Первой русской революции // Проблемы историографии и источниковедения истории трех российских революций. М., 1987. С. 32; *Мороховец Е.А.* Крестьянское движение и социал-демократия в эпоху Первой русской революции. М; Л., 1926. С. 10, 747–753, 757–762; *Веселовский Б.Б.* Крестьянский вопрос в крестьянском движении в России (1902–1906). СПб., 1907. С. 58.
- ¹³⁷ Начало Первой русской революции С. 505; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. С. 237–239.
- ¹³⁸ *Савинков Б.* Воспоминания террориста. Почему я признал советскую власть? М., 1990. С. 141.
- ¹³⁹ Начало Первой русской революции. С. 797.
- ¹⁴⁰ Историк-марксист. 1936. Т. 1(35). С. 29.
- ¹⁴¹ Times. 1905. January 27.
- ¹⁴² L'Humanité. 1905. 24 janvier.
- ¹⁴³ См.: Революция 1905–1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. М., 1978. С. 214.
- ¹⁴⁴ Вперед. 1905. 31(18) января.
- ¹⁴⁵ *Лукин Н.М.* Русская революция 1905 г. и Западная Европа (по донесениям царских дипломатов) // Историк-марксист. 1936. Т. 1(53) С. 28; Первая русская революция 1895–1907 гг. и международное революционное движение. М., 1955. Ч. 1. С. 336.
- ¹⁴⁶ Революция 1905–1907 годов в России и ее всемирно-историческое значение. С. 214.
- ¹⁴⁷ *Лукин Н.М.* Указ. соч. С. 35–36; Красный архив. 1925. Т. 2 (9). С. 35–36.
- ¹⁴⁸ Первая русская революция и ее историческое значение: Сб. документов и материалов. М., 1976. С. 461–462.
- ¹⁴⁹ Красный архив. 1925. Т. 1. С. 59–60.
- ¹⁵⁰ Кризис самодержавия в России. С. 166.
- ¹⁵¹ Рабочий класс в Первой российской революции. С. 102.
- ¹⁵² *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 369; *Коковцов В.Н.* Указ. соч. М., 1992. Кн. 1. С. 66.
- ¹⁵³ Начало Первой русской революции. С. 204, 206, 211; Петербургский комитет РСДРП. Протоколы... С. 135–136; Переписка Ленина и руководимых им учреждений РСДРП с партийными организациями 1905–1907 гг.: Сб. документов в 5 т. Т. 1. Кн. 2. С. 32, 83; *Тютюкин С.В.* Меншевиизм: страницы истории М., 2002. С. 106–107;
- ¹⁵⁴ *Витте С.Ю.* Указ. соч. С. 369.
- ¹⁵⁵ Рабочий класс в Первой российской революции. С. 95.
- ¹⁵⁶ Начало Первой русской революции. С. 750
- ¹⁵⁷ *Невский В.И.* Рабочее движение в январские дни 1905 года. М., 1931. С. 283–284; История рабочего класса Белорусской ССР. Минск, 1984. Т. 1. С. 215–217, 256.
- ¹⁵⁸ Переписка В.И. Ленина. Т. 1. Кн. 2. С. 256.
- ¹⁵⁹ Петербургский комитет РСДРП. Протоколы... С. 148–149. *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 179 и др.
- ¹⁶⁰ Цит. по кн.: *Овчаренко В.И., Грицанов А.А.* Социологический психологизм. Критический очерк. М., 1990. С. 44–45.
- ¹⁶¹ Начало Первой русской революции. С. 735–736.
- ¹⁶² Рабочий класс в Первой российской революции. С. 91.

- ¹⁶³ Цит. по кн.: *Пушкарева И.М.* Указ. соч. С. 99–100.
- ¹⁶⁴ Революция 1905–1907 гг. на Украине. Сб. документов и материалов. Киев, 1955. Т. 2. Ч. 1. С. 48–49.
- ¹⁶⁵ *Галузо П.Г.* Указ. соч. С. 61.
- ¹⁶⁶ *Янжул И.И.* Из воспоминаний и переписки фабричного инспектора первого призыва. СПб., 1907. С. 215.
- ¹⁶⁷ Начало Первой русской революции. С. 770–775.
- ¹⁶⁸ *Морозова Т.П., Поткина И.В.* Савва Морозов. М., 1998. С. 177–180; *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX в.: предпринимательство и политика. М., 2002. С. 238.
- ¹⁶⁹ Известия Общества гражданских инженеров. 1905. № 1–2. С. 97–102.
- ¹⁷⁰ Дневники императора Николая II. С. 252.
- ¹⁷¹ Цит. по: *Белоконский И.П.* Земское движение. М., 1914. С. 393.
- ¹⁷² *Шаццлло К.Ф.* Русский либерализм накануне революции 1905–1907 гг. М., 1985. С. 321–322.
- ¹⁷³ РГАСПИ. Ф. 302. Оп. 1. Д. 22. Л. 20 об.
- ¹⁷⁴ Цит. по: *Шевырин В.М.* Петр Андреевич Гейден // Российские либералы. М., 2001. С. 475–476.
- ¹⁷⁵ Рабочий класс в Первой российской революции. С. 96–98.
- ¹⁷⁶ Начало Первой русской революции. С. 771.
- ¹⁷⁷ Кризис самодержавия в России. С. 183..
- ¹⁷⁸ Начало Первой русской революции. С. 165.
- ¹⁷⁹ Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 1923. С. 91.
- ¹⁸⁰ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. М., 1992. Кн. 1. С. 69.
- ¹⁸¹ Там же. С. 70.
- ¹⁸² Дневники императора Николая II. С. 251.
- ¹⁸³ *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России. М., 1974. С. 165; *Барышников М.Н.* Политика и предпринимательство в России. СПб. 1997. С. 210–211; *Петров Ю.А.* Московская буржуазия. С. 238
- ¹⁸⁴ *Гросул В.Я.* Русское общество XVIII – начало XIX в. Традиции и новации. М., 2003. С. 203.
- ¹⁸⁵ См.: *Игнатьев А.В.* С. Ю. Витте – дипломат. М., 1980. С 201–202.

Глава 4

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД ПОДЪЕМА РЕВОЛЮЦИИ

Общество втягивается в политическую борьбу

Урок устрашения, преподанный народу на Дворцовой площади в Петербурге 9 января, оказался роковым для самой власти. По мере роста протестных выступлений масс в «верхах» усиливалась растерянность и колебания. Одни готовы были пойти на некоторые уступки, используя метод компромисса с более умеренной частью общества. К ним относились председатель Комитета министров С.Ю. Витте и министры А.С. Ермолов, А.Г. Булыгин, С.С. Манухин. Во дворце их поддерживали императрица Мария Федоровна и вел. кн. Александр Михайлович. Другие пугали царя перспективой утраты власти в случае уступок требованиям радикальной интеллигенции. Это были близкие к престолу министр Двора В.Б. Фредерикс и тесно связанные с ним генерал А.А. Мосолов, А.А. Будберг и другие.

Противоборство группировок сказывалось и на настроении императора. Он прямо говорил, как свидетельствовал управляющий делами Комитета министров Э.Ю. Нольде, что «разрывается... между желанием не давать никаких отступлений от самодержавного образа своего правления... и боязнью потерять все»¹. В абсолютистских тенденциях царя поддерживал и влиятельный обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев. «Никогда не утвердится в России буржуазная плутократия, – писал он, – наш... народ – совершенно непригодный материал для экспериментов с многоголовыми Законодательными собраниями и Семибоярщиной в той или иной форме. Наш народ может безропотно и охотно подчиняться только колоссальной власти, сосредоточенной в руках одного человека и окруженной ореолом такого мистического величия, которое ставит полномочия неограниченного монарха превыше всяких споров»².

Однако подобные взгляды были в начале XX в. уже явным анахронизмом. Николай II обманывался, когда думал, что «против монархии одни только интеллигенты, а народ, и в том числе фабрич-

но-заводской рабочий, за самодержавие и продолжает видеть в царе лучшего защитника своих интересов»³. Документы, обнародованные 18 февраля 1905 г., базировались на твердой уверенности в преданности народа царю. Однако одновременно власть вынуждена была признать право общественности высказывать свое мнение о государственных делах. Публикуя указ Сенату, царь надеялся прежде всего подтолкнуть консервативные силы к противоборству с либералами. Однако на практике актами 18 февраля воспользовались как раз либералы-оппозиционеры и частично крестьянство.

Для работы над проектом законосовещательной Думы была создана особая комиссия во главе с министром внутренних дел А.Г. Булыгиным. Работа ее шла медленно, как бы нехотя. Булыгин, рязанский помещик, хорошо знавший земско-дворянские настроения, принадлежал к корпусу губернских администраторов эпохи Александра III и умел вращаться в любой среде. Благодаря вел. кн. Сергею Александровичу и влиятельному Д.Ф. Трепову он оказался на посту главы МВД. К своим обязанностям председателя комиссии по вопросам, связанным с созывом Думы, он относился довольно формально. «Булыгин настолько мало интересовался вопросами (Думой), – утверждал В.И. Гурко, – что окончательно обработку этого вопроса выпустил из своих рук. Она была произведена Государственной канцелярией»⁴.

Создание комиссии Булыгина вызвало горячие дебаты в печати. Большинство столичных и провинциальных изданий было единодушно в требовании допустить к работе комиссии представителей разных общественных групп. В канун появления актов 18 февраля главные редакторы ряда изданий – «Русского богатства», «Мира Божия», «Образования», «Права», «Вестника фабричного законодательства» и других выступили с заявлением «о несовместимости существующего строя с истинной свободой печатного слова», «без которой общество не сможет отстаивать свои интересы»⁵. Социал-демократы давали однозначную оценку маневрам власти как «уловки самодержавия, обмана народа». «Освобождение» откликнулось на акты 18 февраля статьей П.Б. Струве, увидевшего в них символ трусости и слабости самодержавия. Сравнивая рескрипт от 18 февраля на имя Булыгина с белым флагом, выброшенным правительством обществу, он писал: «За этим белым флагом не вестники мира, а наезды oprичников»⁶.

Наибольший резонанс вызвал, однако, указ Сенату, разрешавший направлять в Совет министров проекты преобразования государственного строя. Недостатка в подобных предложениях не было, что опровергало тезис правой печати о неполитизированности российского общества. Одни предлагали созвать самостоятельное законосовещательное учреждение; другие вынашивали идею «социализации функции министерств в области законодательного по-

чина», суть которой состояла в образовании при министерствах и ведомствах совещательных коллегий (советов) в составе свободно избранных народом людей. Высказывались также пожелания расширить состав Государственного совета за счет избрания в него представителей народа.

Совет министров группировал в первую очередь петиции охранительного толка, отвечавшие намерениям власти ограничиться «маленькой конституцией». Эта идея поддерживалась такими правыми организациями, как «Русское собрание», «Кружок московских дворян, верных присяге», «Кружок 18 февраля». Соглашаясь на законосовещательное представительство, «охранители» выступали против ограничения самодержавной власти, признавая вместе с тем необходимость «уничтожить произвол правительственных чинов с тем, чтобы достоверно доводить до монарха назревшие нужды народа и страны»⁷. Газета «Русское дело», отражавшая мнение консерваторов умеренно славянофильского толка, ратовала за созыв законосовещательного представительного учреждения, реформу полиции, предоставление политических и гражданских прав первоначально одному только русскому населению, за свободу слова и расширение круга деятельности земских учреждений.

Не остались в стороне от волновавших общественность вопросов и крестьянские сходы. «Трудно представить себе, как забытые, доведенные до апатии крестьяне интересуются теперь всякими известиями, — писали корреспонденты из глубинки, — они нарасхват раскупают на базарах газеты, платят за них 10–15 и даже 20 коп. за номер и, отыскав грамотеев, составляют тут же кружки для чтения»⁸. Открыто обсуждать прочитанное и выражать свое мнение крестьяне в большинстве своем опасались, и не без оснований. Министерство внутренних дел предписывало губернаторам сообщать о «сборищах с целью составления всеподданнейших заявлений, дозволенных указом 18 февраля»⁹. Документы обсуждались в крестьянской среде потихоньку, под страхом наскока урядника. «Тот, если замечал, отбирал вредную бумагу. Того и гляди, всеобщее и равное пропишут на спине — не розгой, которая отменена, а нагайкой. Барам можно читать, а нам нельзя», — сетовали крестьяне¹⁰. Очевидцы сообщали из разных мест в провинции, что «крестьяне отлично понимают роль народного представительства и переживают момент массового духовного пробуждения». Эта мысль звучала и на заседаниях кружка «Беседа». «Крестьяне начинают очень интересоваться ходом событий», — констатировали его участники.

Крестьяне всем миром составляли многочисленные «приговоры» и наказания, содержание которых отражало сложные и противоречивые процессы, которые шли в посткрепостнической деревне. В них присутствовали и требования, типичные для традиционной ментальности крестьян-общинников: прирезки сельскому обществу

земель со всеми ее природными богатствами путем справедливого земельного передела, облегчения податного бремени, ликвидации надельной чересполосицы. Вместе с тем в этих коллективных «приговорах» отчетливо проявились и демократические тенденции: крестьяне выступали за уравнивание в правах с другими сословиями, предоставление им гарантии участия в государственных делах (в будущей Думе), за ликвидацию земских начальников и всех структур сословного управления в деревне, демократизацию земств, государственное регулирование поземельных отношений с учетом интересов массы сельского населения, доступное и бесплатное образование и медицину. Наказы свидетельствовали и о восприимчивости крестьянского мира к политическим требованиям. При этом патриархально-монархическое мировоззрение сельского жителя уживалось с одобрением требований созыва Учредительного собрания, политических и гражданских свобод, неприкосновенности личности и жилища, всеобщего, равного, тайного, прямого избирательного права.

Крестьяне выражали свои верноподданнические чувства и просили Николая II о помощи в решении наболевших вопросов. «Государь, – говорилось в петиции селян Лужского уезда Петербургской губернии, – трудно, тяжело нам живется... Мы исстрадались, измучились мы, у нас нет сил больше терпеть... Государь, протяните нам руку помощи». Далее речь шла о непосильном налоговом бремени, разорительных штрафах за случайный заход крестьянского скота на частновладельческие земли, о «позахваченных у сельского общества хороших участках»¹¹. В документе, направленном в Совет министров из Тверской губернии, звучали ноты отчаяния: «Или услышите наши просьбы, или истребите нас всех и живите одни, исполняя свои потребности, прихоти и роскошь».

Наказы шли из всех губерний Европейской России. Почти все они содержали просьбы об увеличении земельных наделов, наделении крестьян лесом и лугами, отмене унижительной опеки и уравнивания в правах с другими сословиями, о введении мелкой земской единицы (волостного земства) с преобладанием там крестьян. «Вся Россия волнуется, всем тяжело, – писали царю крестьяне Рузского уезда Московской губернии, – а Ваши чиновники говорят Вам, что это бунт. Не верь им, государь, – это нужна говорит в народе...» Надо немедленно «отменить исключительные законы, выкупные платежи, ввести подоходный налог. Богатый пусть платит больше, а бедный меньше. Надо произвести дополнительную прирезку земли, уничтожить чересполосицу». Для осуществления указанных мер царя просили «о скорейшем созыве выборных людей в видах обеспечения плодотворности законодательных работ на истинную пользу народа»¹².

О своих невзгодах сообщали императору крестьяне Суздальского уезда Владимирской губернии. «Как мы живем, так жить больше

нельзя, – жаловались жители села Перелога. – Тяжесть государственных неурядиц так придавила нас, как лист к земле: всюду нужда, голод, холод... В нашей Владимирской губернии начальство столько беспорядков произвело, что и не перечесать. Например, теперь выбивают с крестьян мирской сбор по 20 коп. с души. Не дал – самовар унесут и с аукциона продадут».

В приговорах высказывалось недовольство не только помещиками, но и новыми собственниками земли. Так крестьяне Юрьевского уезда Владимирской губернии потребовали от правительства установления норм, «выше которых приобретать земли считалось бы недозволенным, чтобы избежать захвата капиталистами земель...». «Разные комиссии далеки от нас по своим интересам, и потому мы просим назначить возможно скорее призыв избранных нами и нашим доверием облеченных депутатов, дабы они высказали наши нужды и помогли в устранении их», – подытоживали свои просьбы юрьевцы¹³.

Социально-экономическое расслоение крестьянского мира не могло не сказаться на отношении крестьян к общине. Поэтому наряду с требованиями защиты интересов сельских обществ (отчуждение в пользу общины частновладельческих и монастырских земель, справедливая арендная плата) у крестьян появлялись и мысли об облегчении выхода из сельских обществ. Тяга крестьян к знаниям, образованию подтверждается наличием в текстах большинства крестьянских документов пунктов об обязательном всеобщем обучении, учреждении школ, средних специальных учебных заведений, библиотек, читален на казенный счет.

Участие крестьян в протестных действиях не ограничивались петиционной кампанией. По данным Департамента полиции, за январь–апрель 1905 г. произошло 250 крестьянских выступлений. На фоне обострившейся проблемы малоземелья и слабой продуктивности сельскохозяйственного производства сознанием крестьян, прежде всего бедноты, все больше овладевала идея передела земли и «выкуривания» из деревни «господ-землевладельцев». Несмотря на изменения, происходившие в общине, для большинства селян она оставалась традиционной и наиболее надежной формой защиты их социальных интересов. Поэтому закономерно, что борьбу крестьян за своих права, за землю часто возглавляли близкие им люди из числа должностных лиц сельского управления – старосты, старшины и просто авторитетные члены общины. Решение о начале той или иной акции принимал сельский сход, и отвечали за последствия крестьяне всем миром¹⁴. Подготовка крестьянских выступлений начиналась с вечера, а ночью, по условленному сигналу крестьяне на телегах мчались к намеченному объекту. Утром они дружно возвращались домой. Поджоги, чаще всего хозяйственных построек, осуществлялись факелами из соломы.

В конце зимы на юге империи, в Гурии, началась упорная борьба крестьян за свои права и за землю, парализовавшая все местное управление. Крестьяне отказывались выполнять указания властей, платить подати и сборы, захватывали земли помещиков, луга, водоемы, инвентарь, громили имения. «Народная национализация» приняла вполне организованные формы: для распределения конфискованного у помещиков имущества, земли, угодий были созданы выборные крестьянские комитеты, действовавшие часто под руководством революционеров. Они упразднили существующую фискальную систему и создали новую, отвечавшую интересам крестьянства. Эти восстания крестьян подавлялись силой. Воинские команды и после усмирения бунтовщиков оставались в районах аграрных беспорядков, но одними только репрессивными мерами полностью ликвидировать социальные конфликты в деревне уже не удавалось.

К началу апреля возобновились локальные выступления в центральных губерниях. Губернаторы сообщали в МВД о возбужденном настроении крестьян. В Рязанской губернии участились нападения на хутора и были разгромлены 10 частновладельческих хозяйств, в Тульской – селяне подожгли имение гр. Бобринских. В апреле–мае в 10 уездах Курской губернии вновь произошли крестьянские волнения, поводом к которым послужили активно распространяемые слухи о неисполнении господами воли государя о равном для всех владении землей¹⁵. На севере страны и в районах торгового льноводства (Псковская, Смоленская, Новгородская губернии) типичной формой борьбы селян против помещиков, лесопромышленников и казенного ведомства были порубки леса. Забегая вперед, надо отметить, что в Центральном районе в апреле были зафиксированы властями 144 выступления крестьян, в мае – 299, в июне – 492, в июле – 248¹⁶.

Внутренняя нестабильность в империи усугублялась неудачами на Дальнем Востоке. В феврале общество потрясло новое тяжелое известие об отступлении российских войск под Мукденом. Командующий ген. А.Н. Куропаткин, потеряв надежду на победу, дал приказ срочно начать отход частей. Он проходил беспорядочно и в трудных условиях. Часть войск попала в окружение. Операция, в которой участвовали с обеих сторон свыше 500 тыс. солдат и офицеров, закончилась для Куропаткина провалом.

Разгром российских войск на Дальнем Востоке и разраставшаяся внутри страны революция серьезно встревожили не только власть, но и дворянскую общественность. При этом либеральное дворянство – политически наиболее организованная и сплоченная к этому времени часть помещичьего класса – не одобряло политику конфронтации с крестьянством и пыталось направить недовольство народа в сторону требований политических реформ и приемлемых вариантов решения аграрного вопроса. В сложившихся услови-

ях вполне понятно было стремление либералов всех оттенков не отдавать на откуп властной бюрократии судьбу острейших проблем, стоявших перед страной. Через несколько дней после опубликования царского рескрипта члены бюро земских съездов направили в Совет министров и в МВД ходатайства с просьбой допустить представителей органов местного самоуправления к работе в комиссии Булыгина, а руководителям управ земских собраний – рекомендации испросить разрешения на проведение чрезвычайных сессий, чем серьезно встревожили правую часть земских гласных и предводителей дворянства ряда губерний – будущих деятелей «Объединенного дворянства», опасавшихся влияния либералов на политику власти.

Общественным деятелям дали понять, что в комиссии Булыгина обойдутся без них, но чрезвычайные сессии части земских собраний все же состоялись. Это косвенно свидетельствовало о нежелании правительства дать земцам возможность воспользоваться провозглашенной указом 18 февраля свободой «радеть на благо государства и народа». В этих условиях бюро земских съездов попыталось опередить бюрократию и поставить ее перед фактом единодушия общественного мнения по важнейшим вопросам внутренней жизни империи. Через неделю после опубликования актов 18 февраля было создано общеземское совещание с участием 118 представителей от 29 земств из 34. Повестка дня февральской встречи, по сравнению с ноябрьским 1904 г. съездом, включала более актуальные вопросы, да и проходила она уже в иных условиях. На совещании предстояло определить отношение к комиссии Булыгина, выработать принципы организации народного представительства и проект аграрной реформы. Отдавая себе отчет в том, что обещания власти начать реформу государственного управления могут сбить волну оппозиционных настроений в земских собраниях, либеральные лидеры выдвинули на первый план вопрос о юридическом статусе представительного учреждения. Большинство участников совещания, как и на ноябрьском 1904 г. съезде, высказалось за законодательную Думу и всеобщее, равное, тайное, прямое избирательное право. Меньшинство осталось при своем мнении о желательности двухстепенных выборов, но не возражало, в отличие от предыдущего съезда, против законодательного характера представительного органа. В связи с этим можно говорить о возросшем единстве земской оппозиции, складывавшемся под впечатлением от разраставшейся революции и серьезных неудач в войне с Японией.

В феврале земские деятели вынуждены были признать «первостепенную важность аграрного вопроса», связав «правильную постановку аграрного законодательства с коренным преобразованием государственного строя»¹⁷. За основу участники совещания приняли программу «Союза освобождения», предназначавшуюся для

организационного съезда будущей конституционно-демократической партии, однако при этом учитывалось и настроение большинства земских гласных, т.е. социально-экономические интересы помещиков. Поэтому в проекте преобразований в аграрной сфере нашли место меры, апробированные в земских собраниях, – реформирование Крестьянского банка, освобождение его операций от бюрократических процедур, облегчение и удешевление механизма размежевания спорных земель, законодательное упорядочение условий земельной аренды, государственная помощь кооперации на селе, развитие культуры земледелия, улучшение форм землепользования, активизация переселенческой политики¹⁸.

В интересах малоземельных групп крестьянства предлагалось создание государственного земельного фонда – своеобразная мининационализация земли. В этот фонд включались казенные, частично удельные и часть частновладельческих земель, скупаемых казной у землевладельцев. Данная мера вошла в проект земской программы не без влияния проходившего одновременно съезда земцев-конституционалистов, большинство которых принадлежало к «Союзу освобождения». При этом надо отметить, что частичное отчуждение частновладельческих земель за выкуп как одна из мер, способствующих частному решению проблемы малоземелья, в принципе не отвергалась либеральной частью земских собраний, официальными лицами, да и некоторыми представителями консервативного дворянства. Поэтому единогласное одобрение аграрного проекта участниками февральского совещания соответствовало настроениям большей части земцев и не шло вразрез с интересами помещичьего дворянства. Однако февральское совещание земских деятелей не вызвало особого резонанса на местах, поскольку годовые сессии земских собраний давно закончились, а чрезвычайные еще не состоялись.

Используя некоторый спад революционных выступлений, лидеры либерализма полностью отделились организационной и идеологической работе. В Москве видные деятели земского и городского самоуправления, научная интеллигенция, публицисты проводили бурные политические дискуссии с целью «консолидации общественных сил и расширения сферы господства общественного настроения на народные массы». В доме гласного московского и тамбовского земств Ю.А. Новосильцева, богатого помещика, принадлежавшего, скорее, к интеллектуальной элите российского общества, и в квартирах его зятя и дочери Е.Ю. и И.П. Демидовых и их друзей – сестер В. и М. Морозовых постоянно устраивали лекции по государственно-правовым и аграрным вопросам. Лекторами выступили столичные профессора и приват-доценты А.А. Мануйлов, П.Н. Милюков, Ф.Ф. Фортунатов, И.Н. Сахаров, М.Я. Герценштейн, Н.М. Жданов. Частыми гостями «Новосильцевских сред» были земские гласные –

«освобожденцы» В.Е. Якушкин (Курск), Ф.Ф. Кокошкин (Тверь), кн. Д.И. Шаховской (Ярославль). В дискуссиях участвовали студенты, служащие органов самоуправления, интеллигенция. Не допуская превращения аудитории в противоправительственные митинги, хозяева проводили активную агитационную кампанию и знакомили присутствовавших с основными тезисами проектов партийных программ, которые разрабатывались в то время.

Ровно через месяц после февральского совещания открылся III съезд «Союза освобождения». Он был представительнее двух предыдущих (1903–1904 гг.): 69 групп «Союза» делегировали на него 50 человек. На съезде политическая часть программы (дабы избежать дискуссий) была принята в весьма абстрактных формулировках вроде реформы государственного строя, введения конституции, гарантирующей политические и гражданские свободы, созыва народного представительства с правом участия в составлении законов и контроля за государственным бюджетом. Вместе с тем III съезд «Союза освобождения» внес в программу пункт о необходимости представительства рабочего класса и крестьянства в будущем народном собрании¹⁹. Съезд потребовал также расширения функций местного самоуправления, формируемого на основе всеобщего избирательного права, упразднения должности земских начальников и уравнивания в правах крестьянского сословия с другими слоями населения.

Под влиянием революции конкретизировалась и программа по социальным вопросам. В первую очередь это касалось крестьян и рабочих. Рабочие должны были получить право проводить собрания и стачки, создавать профессиональные организации. Предусматривался 8-часовой рабочий день, но не повсеместно, а только на тех предприятиях, где эту меру можно было провести «без экономического ущерба», что оттягивало решение вопроса на долгие годы. Весьма неопределенно формулировалось решение съезда о социальном страховании рабочих. Таким образом, либеральные лидеры проявляли колебания, непоследовательность, медлительность в определении путей решения социально-экономических проблем, затрагивавших интересы широких народных масс, прежде всего рабочих, ограничиваясь лишь частичным удовлетворением их требований²⁰.

В апреле 1905 г. продолжалась активизация всех оппозиционных самодержавному режиму сил, действовавших на российской политической арене. В течение второго месяца революционной весны прошли I Всероссийский съезд железнодорожников, Всероссийский съезд учителей, III общеземский съезд и III съезд РСДРП.

Начавшаяся революция поставила перед российскими социал-демократами сложные задачи. Марксистская рабочая партия видела оптимальный исход революции в свержении самодержавия. Она

ставила своей целью возглавить борьбу рабочего класса и сплотить революционные и демократические силы из разных слоев населения для единого натиска на самодержавный строй. Преследование активистов партии, вынужденная эмиграция ее лидеров, недостаток финансовых средств сильно осложняли работу социал-демократов и во многом определяли нормы внутривнутрипартийной жизни. Ситуация усугублялась кризисным состоянием самой партии. В канун революции идейно-организационный раскол РСДРП на две фракции углубился. В партии появились два центральных печатных органа: большевистская газета «Вперед» и перешедшая в руки меньшевиков «Искра».

Большевики оценивали разгоравшуюся в стране революцию как буржуазно-демократическую, которую, однако, возглавлял в силу сложившихся исторических условий пролетариат. Вместе со своим основным союзником – крестьянством и другими демократическими силами общества рабочий класс должен был заменить самодержавную форму правления демократической республикой, создав тем самым благоприятные условия для постепенного перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. При этом особая роль отводилась партии как авангарду пролетариата в борьбе за власть. Отказываясь от догматического понимания марксизма, большевики исходили из того, что российская буржуазия, окрепшая экономически в иных по сравнению со странами Запада условиях, не обладала тем запасом созидательной политической энергии, которая привела «третье сословие» к власти в Европе в XVIII и XIX столетиях. Она искала компромисса со старой властью и нуждалась в ее защите и покровительстве.

Между большевиками и меньшевиками в начале 1905 г. не было принципиальных разногласий по таким вопросам, как оценка характера революции, будущего республиканского строя, а также использования насильственных форм борьбы. Меньшевики тоже отмечали особую роль пролетариата в революции, но, исходя из теории «классического марксизма», ставили под сомнение перспективу победы социалистической революции в стране с преобладанием не-пролетарского населения. Они высказывались за создание общенационального политического блока борьбы с самодержавием с участием либеральной буржуазии, потенциальную революционность которой явно переоценивали. Вызывала несогласие идеологов меньшевизма и одна из ключевых идей Ленина о решающей роли пролетарской партии в ходе революции («Сугубое значение, – писал он, – приобретает роль партии как авангарда класса, воспитателя, организатора»²¹).

Чтобы покончить с кризисом внутри партии, по настоянию большевиков был срочно созван III съезд РСДРП. Приглашение на партийный форум получили как большевистские, так и мень-

шевистские организации (на местах они разделились примерно поровну с некоторым перевесом большевиков), но меньшевики отказались от единого съезда и провели свою конференцию в Женеве.

III съезд РСДРП открылся в Лондоне. 24 делегата с решающим голосом и 14 – с совещательным представляли на съезде только большевистские организации РСДРП. В числе делегатов были профессиональные революционеры, соратники В.И. Ленина, принадлежавшие к интеллигентским кругам: А.В. Луначарский, В.В. Воровский, Р.С. Землячка, М.Н. Лядов, Н.К. Крупская, М.М. Литвинов и другие. Все они были достаточно молоды, но имели уже большой стаж подпольной работы. Представители местных большевистских организаций привезли на съезд живое дыхание революции, оптимизма и вместе с тем некоторую эйфорию от происходивших в России событий. Председателем съезда единогласно был избран Ленин, выступивший с докладами об участии социал-демократов во временном революционном правительстве и об отношении к крестьянскому движению.

Съезд подтвердил стратегическую линию большевиков на признание руководящей роли пролетариата в революции. Как известно, эту идею еще в 1880-х годах высказал Г.В. Плеханов, но ленинская постановка вопроса отличалась от плехановской акцентом на идею союза пролетариата и крестьянства при политической изоляции либеральной буржуазии и указанием на необходимость систематической и активной идейно-организационной работы РСДРП в непролетарской среде с тем, чтобы сплотить и возглавить все демократические силы в борьбе с самодержавием²².

Основным союзником пролетариата на III съезде было названо крестьянство, особенно беднейшее. К сожалению, четкой аграрной программы в начале 1905 г. у социал-демократов не было. Идея национализации земли, выдвинутая Лениным, не получила полной поддержки в партии. Часть большевиков выступала за раздел помещичьих земель между крестьянами в собственность, а меньшевики выдвигали программу муниципализации земли (помещичьи земли должны были перейти в ведение органов местного самоуправления и через арендные формы землепользования – к крестьянам). Съезд принял решение поддержать крестьянские выступления и приступить к организации крестьянских комитетов, которые были бы «пригодны и при теперешних условиях и при временном революционном правительстве, когда эти комитеты стали бы его органами»²³. Местные партийные организации нацеливались на расширение агитационной работы в деревне под лозунгами конфискации помещичьих, монастырских, казенных и удельных земель. Учитывая социальную неоднородность крестьянства и крайнюю запутанность аграрного вопроса в России, большевики выступали за передачу его

решения самим крестьянам, а законодательное оформление аграрных отношений должно было осуществить Учредительное собрание. На крестьянские комитеты возлагалась задача проведения «революционно-демократических преобразований в интересах избавления от полицейско-чиновничьего и помещичьего гнета»²⁴.

События 1905 г. перевели в практическую плоскость старые дискуссионные проблемы взаимоотношений РСДРП с непролетарскими партиями. Не разделяя в принципе тактическую линию социалистов-революционеров, съезд счел возможным рекомендовать местным комитетам входить во временные соглашения с эсерами, сохраняя при этом политическую самостоятельность партии рабочего класса. В резолюции «Об отношении к либералам» отмечалась нараставшая оппозиционность российской либеральной буржуазии, но при этом подчеркивалась ее непоследовательность, антиреволюционность и опасность попыток либеральной буржуазии захватить руководство протестным движением масс и тем самым снизить его накал²⁵. Осудив деятельность меньшевистской фракции, участники съезда поручили вновь избранному ЦК выработать условия объединения не только с отколовшейся фракцией, но и со всеми социал-демократическими организациями России в единую пролетарскую партию²⁶.

На III съезде РСДРП были определены и основные формы борьбы пролетариата. Большевики, как и все марксисты, никогда не абсолютизировали насильственные формы борьбы с эксплуататорами, но вместе с тем отдавали себе отчет в том, что в той или иной форме применение насилия, особенно в ходе революции в России, неизбежно. Правительственная практика силового подавления народного недовольства давала основания левой оппозиции для применения адекватных средств отпора самодержавию²⁷. Исходя из этого, III съезд РСДРП взял курс на практическую подготовку вооруженного восстания, хотя его участники явно переоценивали масштабы и организованность выступлений пролетариата, не говоря уже о крестьянстве. Съезд принял резолюцию о выработке плана восстания и руководстве им местными партийными комитетами, но с оговоркой о недопустимости непродуманных и неподготовленных вооруженных выступлений. Съезд подтвердил стратегическую линию большевиков на установление после победы революции демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и создания временного революционного правительства, состоящего из представителей революционных организаций (либералы к числу таких не относились). При этом фактически речь у Ленина и большевиков шла о демократической диктатуре народных «низов» в самом широком понимании этого слова. Разумеется, это была только принципиальная схема, которую революционная практика должна была наполнить в дальнейшем конкретным содержанием²⁸.

В новый состав Центрального комитета РСДРП, избранный съездом, вошли В.И. Ленин, А.А. Богданов, Л.Б. Красин, Д.С. Постолюнский и А.И. Рыков. На всех, кроме Ленина, возлагалась обязанность руководства революционной работой непосредственно в России.

На съезде Ленин поставил также вопрос о привлечении рабочих как основной социальной опоры партии в ее местные комитеты и другие руководящие органы РСДРП. В годы революции удельный вес рабочих в партийных структурах вырос, но по-прежнему в них доминировала интеллигенция. Несколько демократизирован был и устав РСДРП: расширились, в частности, права местных партийных организаций.

Одновременно с III съездом РСДРП проходила и конференция второй, меньшевистской фракции партии. Повестка дня двух форумов почти не имела различий. В речах делегатов звучала высокая оценка особой роли рабочего класса в революции, хотя позднее меньшевики изменили свою точку зрения, отдавая приоритет в руководстве буржуазной революцией буржуазии. В решениях конференции высказывалась поддержка борьбе крестьян за гражданские права и землю. В отличие от большевиков меньшевики отстаивали необходимость союза не только с революционными, но и либеральными организациями, которые все должны были войти в единый антиправительственный блок. Вместе с тем они внесли в резолюцию пункт о недопустимости участия РСДРП во временном правительстве, считая, что оно может лишь дискредитировать в глазах народа идею социализма, поскольку «ввести» его сразу в России было невозможно. Меньшевистская конференция уделила больше внимания, чем съезд большевиков, задачам экономической борьбы пролетариата и становлению профсоюзных организаций.

В целом меньшевикам были присущи постоянные колебания и нерешительность, особенно в реализации принятых политических решений. Их попытка перенести на русскую почву западную марксистскую модель общественного развития оказалась в конечном счете неудачной, что стало источником настоящей политической драмы меньшевизма²⁹.

Конференция избрала Организационную комиссию РСДРП для руководства меньшевистскими организациями в России. В ее состав вошли 5 видных меньшевиков-практиков. Теоретиками меньшевизма были Г.В. Плеханов (чья «особая» позиция далеко не всегда совпадала с точкой зрения других идеологов меньшевизма), Ю.О. Мартов, П.Б. Аксельрод, Ф.И. Дан и А.С. Мартынов.

В отличие от социал-демократов, не терявших, несмотря на внутренний кризис, революционного тонуса в работе местных организаций, партия социалистов-революционеров находилась в начале 1905 г. в состоянии разброда и дезорганизации. Большинство руко-

водящих деятелей эсеров были в ссылке или под надзором полиции, а заграничный штаб партии оказался неспособным к эффективной деятельности в условиях революции. Реальными руководителями ЦК в это время были В.М. Чернов, занимавший во всем «собственную позицию» Б.В. Савинков, а также оказавшийся провокатором Е.Ф. Азеф. М.А. Натансон, Ф.В. Волховский, О.С. Минор, Н.В. Чайковский и представители более «молодой волны» Н.Д. Авксентьев, М.В. Вишняк, В.М. Зензинов и другие или не отличались организаторскими способностями, или были тогда лишь на пути к руководящим постам. Активно работали лишь некоторые местные организации эсеров. Так, саратовцы – члены ЦК Н.И. и И.И. Ракитниковы и другие проявили инициативу в деле создания крестьянских и рабочих эсеровских организаций. С целью координации работы среди сельского населения саратовские эсеры провели местные съезды своих сторонников и подготовили съезд крестьянских работников партии Центрального, Поволжского и Северо-Западного районов³⁰.

Революция поставила перед всеми политическими организациями России задачу поиска путей к массам. Нелегальная партия эсеров с ее тактикой заговорщичества и терроризма не могла привлечь в свои ряды значительное число активных членов. По этой же причине крайне затруднительным оказалось взаимодействие эсеров с другими партиями, в том числе и с социал-демократами. Надо было менять не только тактику, но и суть партии, а это давалось нелегко. В конце концов эсеры в работе на местах использовали классическую тактику всех левых сил: агитацию, пропаганду, участие в стачечных комитетах, а в дальнейшем в профессиональных союзах и особенно во Всероссийском крестьянском союзе. Усилилось влияние эсеров на рабочих-забастовщиков в Петербурге, Москве, Ростове-на-Дону, Одессе, Самаре, Гомеле, Сормове, Белостоке, Риге, Баку, Красноярске, Иркутске, Нижнем Новгороде, Туле. В этих городах и на железнодорожных узловых станциях появились группы рабочих-эсеров. Справедливости ради надо сказать, что контингент членов подобных группы не отличался устойчивостью. Рабочие «перетекали» то к эсерами, то к социал-демократам, а то и к анархистам³¹.

Более глубокие корни партия эсеров имела в крестьянской среде земледельческого Центра России. Еще до революции здесь создавались крестьянские группы, через которые распространялись в деревне агитационные материалы. К весне 1905 г. значительно вырос авторитет эсеров среди крестьян более чем в 10 губерниях. При этом эсеровские агитаторы пытались соединить протестные действия крестьян с аграрно-террористической тактикой.

Сторонниками индивидуального террора продолжали оставаться многие функционеры партии (Б.В. Савинков и др.), но ЦК настаивал на изменении тактики. После событий 9 января эсеровские ли-

деры больше внимания начали уделять технической подготовке вооруженного восстания. В Петербурге был создан Боевой комитет во главе с П. Рутенбергом, однако после ареста его руководителя деятельность комитета практически прекратилась. Местные организации партии закупали оружие для боевых комитетов, возникших в целом ряде губерний. Закупку оружия спонсировали и такие весьма зажиточные люди, как купцы-миллионеры Высоцкий, Гоц, Зензинов, Фондаменский³². Дальнейший рост эсеровских организаций был связан уже с осенним подъемом революции.

Оппозиционные режиму силы весной и летом 1905 г. напоминали бурлящий поток, то низвергающийся с шумом, то стихающий. Дискуссии, острая полемика, размежевания, расколы и вновь слияния стали характерным явлением для всех общественных и политических организаций. В основе этого процесса лежали объективные факторы: особенности развития капитализма в России, противоречия между старым и новым экономическими укладами, незавершенность процесса формирования классов, острота социальных противоречий, отсутствие гражданских и политических свобод, долгие годы лишавшее общественные силы возможности открыто высказываться по волнующим их проблемам, неумение и нежелание власти прислушиваться к требованиям социальных «низов». Свою лепту в хаос теоретической мысли добавляла крайне активная и амбициозная интеллигенция, составлявшая ядро всех политических организаций.

Если революционным партиям, несмотря на разногласия, перспектива развития событий и избранная ими стратегия и тактика виделись достаточно определенно, то либералы оказались как бы на перекрестке дорог. Они одновременно были заинтересованы и в развитии революции, и в противодействии ей, если она перейдет известную границу и посягнет на интересы господствующих классов. Отсюда их постоянные колебания (правда, разной амплитуды) между требованиями масс и правительством. Эта особенность обнаружилась в работе III общеземского съезда.

Очередной форум земские лидеры намеревались провести в конце мая, но несговорчивость правительства, отказавшего представителям земского и городского самоуправления в участии в работе комиссии Булыгина, ускорила созыв съезда. Правительство само подталкивало земцев к действию, усиливая их оппозиционные настроения. Апрельский съезд был более представительным по сравнению с февральским совещанием не только по численности (171 человек), но и по весомости мандатов. 123 делегата получили полномочия из рук губернских гласных путем переписки с ними соответствующих управ. Среди них были известные деятели либерализма кн. П.Д. Долгоруков, кн. Д.И. Шаховской, И.И. и М.И. Петрункевич, В.Е. Якушкин, Ф.Ф. Кокошкин и Д.Н. Шипов, Ф.А. Головин,

В.Д. фон Дервиз, кн. Г.Е. Львов, В.И. Вернадский и другие. Они представляли собой мозговой и инициативный центр общеземской организации, причем почти все были потомственными дворянами-землевладельцами. Земские либеральные лидеры в большинстве своем были крупными помещиками (2–3,5 полных земских ценза), но собственным хозяйством занимались редко. Активная общественная деятельность в органах самоуправления сблизила их с верхушкой столичной интеллигенции – ярой сторонницей буржуазных ценностей и норм общественного и государственного устройства. Неслучайно в бюро земских съездов вошли профессор А.А. Мануйлов, Т.И. Полнер, В.О. Янчевский и другие. Городское самоуправление в бюро представляли известные богатые промышленники Н.И. Гучков, П.М. Федоров, Н.Н. Щепкин.

Официально власти запретили съезд вопреки указу 18 февраля, хотя в его повестке дня значилось: «Участие в работе комиссии Булыгина представителей земств и городов в связи с выработкой проекта улучшения государственного устройства». Но земцы не подчинились предписанию и.о. московского градоначальника Кристи, и 22 апреля в Москве на частной квартире открылось весеннее совещание земских деятелей. Как и в феврале, основным документом, фигурирующим при обмене мнениями, был компромиссный вариант «освобожденческой» конституции как альтернатива проекту, творимому бюрократией. Участники апрельской встречи в полном соответствии с решениями предыдущих общеземских совещаний и земских собраний единодушно одобрили резолюцию о немедленном созыве народного представительства. Однако обсуждение его структуры и принципов избирательной системы привело к серьезным разногласиям.

В проекте оргбюро подтверждался законодательный характер представительства, принцип всеобщего, равного, тайного и прямого избирательного права. В проекте меньшинства фигурировала еще и Земская палата. В ее состав должны были входить представители реорганизованных органов самоуправления. Ценз оседлости, предусмотренный в проекте, практически исключал присутствие в новом учреждении рабочих. Что касается идеи Земской палаты, то она генетически была связана именно с земским либерализмом. Смысл ее заключался в сосуществовании самодержавных и представительных институтов, введение которых в схему управления не влекло за собой ломки государственной системы. Принцип сотрудничества «исторической власти» с верхушкой общества подерживался либералами всех оттенков, но цели реформы, как указывалось выше, определялись по-разному. Для «освобожденцев» в подобном сотрудничестве вырисовывались постепенно контуры парламентаризма европейского типа. Земские либералы, выдвигая на первый план реформу местного самоуправления, венцом кото-

рого и являлась Земская палата, видели в ней надежную опору, способную противостоять как бесконтрольной бюрократической централизации, так и европейским формам парламентаризма. При этом слепое следование европейским стандартам называлось опасным для народа увлечением. Подобные мысли часто высказывались на страницах земской периодики.

Ярким выразителем земской умеренно-либеральной ориентации был Д.Н. Шипов – помещик, действительный ст. советник, гласный московской губернской управы. Он имел 1300 дес. земли, был поборником развития культуры земледелия и сельскохозяйственных промыслов. У левых либералов слыл консерватором. С именем Шипова связаны организационный раскол в бюро и на апрельском съезде. Сам Шипов, осмысливая размежевание в земской среде, писал: «Путь политической борьбы, по которому пошло преобразование нашего государственного строя, противопоставление интересов государственной власти и населения... привели страну к событиям, потрясшим и разрушившим ее экономические и государственные устои... Как важно и необходимо, чтобы развитие государственной и социальной жизни совершалось всегда во имя высоких идеалов... и всечеловеческого единения людей, а не в целях обеспечения личных и классовых прав и интересов»³³. Между тем концепция умеренных земцев основывалась именно на осуждаемых Шиповым принципах. Поэтому в ходе дискуссии на съезде столкнулись разные точки зрения. «Меньшинство» во главе с Шиповым настаивало на выборах в Земскую палату через органы самоуправления, дополненные представителями рабочих, крестьян, интеллигенции. «Большинство» же отвергло сословный принцип избирательной системы и высказалось за всеобщее, прямое, равное, тайное избирательное право. 71 голос был подан в защиту проекта оргбюро; 17 делегатов оказались в «меньшинстве», а 34 отдали предпочтение «треххвостке», исключая прямое голосование. Разногласия были принципиальными, хотя все поддерживали законодательный статус представительства. Чтобы восстановить единство, бюро внесло резолюцию о немедленном узаконении гражданских и политических свобод, об упразднении института земских начальников и отмене чрезвычайных мер управления. Съезд вновь ходатайствовал о включении общественных деятелей в комиссию Булыгина и потребовал широкой гласности ее работы.

Участники съезда весьма определенно отреагировали на указ царя от 10 апреля 1905 г. «О порядке возмещения убытков, нанесенных владельцам усадеб и торгово-промышленных заведений крестьянскими беспорядками». Они попали между молотом и наковальней – дальнейшим обострением социальных отношений в деревне и опасностью конфронтации с крестьянством в связи с определением мер наказания за «учинение беспорядков». Земские дея-

тели поспешили отмежеваться от участия в создаваемых по указу временных комиссиях, призванных определить убытки и порядок компенсации по ним. «Организация дела в этих комиссиях и вознаграждение потерпевших, – говорилось в документах съезда, – находятся в противоречии с принципом права, требующего беспристрастного решения законного суда, и вызовет не успокоение населения, а новое обострение классовых интересов»³⁴. Прогнозируя ухудшение ситуации в деревне, участники встречи главным виновником событий считали правительство и не желали выполнить непопулярную работу. Земским собраниям недвусмысленно рекомендовалось ходатайствовать об отмене указа 10 апреля 1905 г.

Социально-экономические вопросы не значились в повестке дня съезда. В резолюции содержалось лишь подтверждение ранее избранного направления аграрной политики либералов. Объяснение этому отчасти можно найти в параллельной работе аграрного совещания группы земцев-конституционалистов, но основная причина крылась в неподготовленности социально-экономического блока либеральной программы. Журнал «Освобождение» признал апрельский съезд удачным³⁵, но на его страницы все чаще выплескивалось сомнение в том, сумеют ли либеральные идеологи найти решение острейших вопросов, адекватное требованиям масс, и насколько реальны попытки перевода революции на реформистский путь. Характерны заголовки проблемных статей: «Как не потерять себя», «На какие реальные силы мы можем опираться» и т.д. «Если все закрыто сверху, то не можем ли мы идти рядом с революционными партиями? – говорилось в одной из них. – Найти прямой доступ к массам является неотложной задачей, но не будем обманываться: не покажутся ли деревне наши обещания бедными и неинтересными сравнительно с обещаниями социалистов-революционеров, сводящимися к общей конфискации земли в пользу крестьянства? Не предпочтут ли рабочие тех, кто им даст уверение в предстоящем наступлении диктатуры пролетариата?»³⁶ Пессимистические настроения витали и на самом съезде. «Легко оказаться не на высоте... – писал один из делегатов, – и обмануть ожидания передовой публики... Так или иначе надо перейти от разговоров к делу... Необходимо установить ясную программу действий как для центральной группы, так и для губерний и уездов. Возвращение каждый раз домой с букетом резолюций ставит нас в странную ситуацию»³⁷.

Апрельский съезд высветил два противоположных процесса: дальнейший компромисс между земским и «освободительным» течениями либерализма и углубление водораздела между «большинством» и «меньшинством» в самой земской среде. Левые либералы потребовали «резко и недвусмысленно отмежеваться от Шипова и Хомякова». Сам Шипов, оценивший апрельский съезд как «тягост-

ное заседание», вышел из состава оргбюро, предложив создать самостоятельное совещание сторонников «меньшинства» и выступить с альтернативной программой умеренных реформ. В группу Шипова вошли земские и городские деятели: кн. В.Н. Голицын, М.А. Стахович, кн. Г.Г. Гагарин, А.Ф. Алейников, М.В. Родзянко, Н.А. Хомяков, кн. С.С. Волконский и другие, составившие ядро будущей партии «октябристов». В целом это была довольно монолитная по убеждению группа, принадлежавшая к умеренно-либеральному крылу земской оппозиции.

Организационное размежевание «большинства» и «меньшинства» должно было произойти в конце мая, но революция внесла в эти прогнозы свои коррективы, и не только в стане либералов.

Весной 1905 г. в поведении «верхов» отчетливее обозначились элементы компромисса с либеральной частью общества. Комитет министров разработал серию законодательных актов, получивших утверждение царя. Они касались отмены некоторых ограничительных мер на употребление национальных языков, предоставления Церкви большей независимости от государства, изменений и упрощений нескольких статей цензурного устава, расширения прав польского населения в вопросах земельной собственности в 9 западных губерниях. 17 апреля появился указ о веротерпимости, отменивший некоторые ограничения для старообрядцев и частично сектантов. Постепенно расширялась автономия высших учебных заведений³⁸. Под влиянием крестьянских выступлений в канун сева были сокращены размеры продовольственных и семенных долгов.

Преобразование Министерства земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройства и земледелия и укрепление в составе нового ведомства структуры по делам переселений говорило о приоритетах аграрного курса власти, хотя в целом политика правительства в крестьянском вопросе продолжала оставаться непоследовательной. Несмотря на ухудшение социально-экономической ситуации в деревне в 1905 г., не была произведена отмена выкупных платежей, не ставился вопрос об уравнивании крестьян в правах с другими сословиями и о ликвидации института земских начальников.

1 апреля царь прекратил работу Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, а через полтора месяца, 16 мая, начало работать новое совещание по крестьянскому вопросу. Витте был заменен на его оппонента И.Л. Горемыкина. Совещание (на то дал согласие император) должно было наметить меры, облегчающие выход крестьян из общины с правом закрепления за ними в собственность причитающегося им надела. Однако в ходе работы большинство участников совещания пришло к выводу, что причина беспорядков кроется в малоземелье крестьян. Новая дискуссия о судьбе крестьянского мира свидетельствовала об отсутст-

вии уверенности «верхов» в положительных результатах реформирования общины. Вопрос так и остался открытым.

Революция на подъеме

Последний месяц весны и лето 1905 г. в политической жизни России выдались жаркими. День солидарности трудящихся – 1 мая положил начало новому этапу революционной борьбы масс. Социал-демократы задолго до праздника начали подготовку одновременной политической забастовки и уличных демонстраций в промышленных центрах страны. Местные партийные организации раздавали листовки с призывами к солидарности пролетариата в борьбе с миром неравенства и эксплуатации, за свободу, за социализм.

В Москве большевики провели многотысячные мероприятия в Сокольниках, в Петровско-Разумовском парке, в Орловской и Марьиной рощах, на рабочих заставах, в Грузинском народном доме. Выступления рабочих носили политический характер. В Петербурге меньшевистская часть городского комитета РСДРП пыталась провести мощную манифестацию и многочисленные заводские митинги. Причем рабочим рекомендовалось давать силовой отпор всем попыткам властей помешать протестным акциям. Большевики выступили против инициативы городского комитета, понимая, что события могут закончиться кровавыми столкновениями с войсками и полицией. Рабочие, проявив дисциплину и выдержку, ограничились проведением политических стачек, массовок и митингов.

Первомайские выступления широкой волной прокатились по стране. Бастовали рабочие Екатеринослава, Николаева, Одессы, Харькова, Полтавы, Вильно, Ревеля, Риги, Костромы, Уфы, Ярославля, Ростова-на-Дону. В Екатеринославе рабочая демонстрация закончилась стычкой с казаками и полицией. Бурно протекали первомайские дни в Польше. На улицы Варшавы вышли свыше 20 тыс. человек. Попытка властей разогнать демонстрантов силой привела к трагическому исходу: 30 рабочих были убиты и более 100 ранены³⁹. Протестуя против расстрела варшавян, забастовку объявили рабочие Ченстохова, Калиша, Лодзи. В Лодзи за один день прошли 27 демонстраций. Порядок был восстановлен, как и в Варшаве, только войсками и полицией. Уличные акции, в которых участвовало около 30 тыс. человек, закончилось новыми жертвами среди рабочих⁴⁰.

Чрезвычайно разнообразные по своим организационным формам первомайские выступления пролетариата охватили 200 городов России, а число их участников достигло 200 тыс. Для майского подъема было характерно значительное увеличение числа политических стачек. Они составили более 50% от общего числа забастовок. Политические и экономические стачки дополняли друг друга и

способствовали сплочению бастующих. Расширялись и менялись формы экономической борьбы. Предъявленные предпринимателям требования нередко осуществлялись явочным путем, что привлекало в ряды забастовщиков более широкие слои рабочих, чувствовавших результаты совместных усилий в деле защиты своих интересов.

Росло и число участников политических забастовок, о чем красноречиво говорят следующие данные⁴¹:

Месяцы	Число бастующих	Экономические стачки	Политические стачки
Апрель	105 000	26 000	78 700 (75%)
Май	220 500	109 300	112 200 (50%)
Июнь	155 700	55 000	100 700 (65%)
Июль	152 470	87 400	65 000 (43%)
Август	104 100	32 907	71 200 (68%)

В новых условиях активизировалась агитационно-массовая работа революционных партий. Социал-демократические листовки, программа РСДРП, труды марксистских теоретиков издавались огромными по тому времени тиражами. Аналогичную работу вели и эсеры. Ораторы левых партий выступали перед рабочими, читали лекции в партийных кружках, клубах. Активизировались и их оппоненты. Пролетариат как главная сила революции стал объектом агитации самых разных политических сил от «освобожденцев» до «черносотенцев», но наибольшую рабочую аудиторию собирали социал-демократы и другие левые организации.

Летом произошли мощные выступления пролетариата, которые можно расценивать как пролог бурных октябрьских дней 1905 г. 12 мая началась массовая стачка текстильщиков в Иваново-Вознесенске, продолжавшаяся более 70 дней. В ее орбиту втянулись также текстильные фабрики Шуи, Кохмы, Тейкова. Иваново-Вознесенск представлял собой центр большого промышленного района, на территории которого находилось до 200 фабрик с высокой концентрацией рабочей силы. Заработная плата не превышала 12 руб. в месяц (для разнорабочих – 8–9 руб.), тогда как в среднем по стране в данной отрасли она составляла около 20 руб. Штрафы, вычеты, поборы мастеров значительно сокращали и эту скудную зарплату (каждый рабочий подвергался штрафу не менее 10 раз в год). Очень тяжелыми были и бытовые условия, в которых жили рабочие-текстильщики. «Спальня помещалась во втором этаже большого каменного дома, – писал один из рабочих фабрики Гарелина. – На первом этаже находилась кухня, в ней стояли длинные столы и скамейки... Спальня – огромная комната по шесть окон с двух сторон. У стен и посередине ее в несколько рядов стояли деревянные нары, на которых валялась старая одежда, заменявшая матрацы. Немногие рабочие имели подушки... Чай пили на подоконниках

или на нарах. В спальне помещалось до 100 человек. Освещалась она керосиновыми лампами»⁴². Не лучше были и условия труда. В красильных цехах воздух, насыщенный парами реактивов и красок, нагревался до 30°. Вентиляция была явно недостаточной. Даже на простейшие операции работники затрачивали огромную физическую силу. 30 тыс. взмахов руками надо было, например, сделать за смену для закручивания тканей и холста в рулоны. Заболевания и увечья сопровождали каждого рабочего.

Докладывая о причинах забастовки в городе, владимирский вице-губернатор Сазонов вынужден был в мягкой форме признать вину работодателей за невнимание к производственно-бытовым вопросам, отметив: «...Низшая администрация на фабриках и заводах состоит из людей, в нравственном отношении стоящих очень невысоко, и эти люди налагают взыскания и штрафы на рабочих... причем зачастую просто вымогают деньги... На многих фабриках с рабочими обращаются крайне грубо... При обысках нигде не щадится стыдливость работниц... Молодые работницы подвергаются преследованиям не только со стороны фабричной администрации, но иногда и со стороны директоров и владельцев»⁴³. Естественно, что все это не могло не вызывать отпора со стороны рабочих, которые в условиях начавшейся революции уже не хотели мириться с нечеловеческими условиями своей жизни.

Руководство начавшейся забастовкой осуществляла городская партийная организация Северного комитета большевиков во главе с питерским рабочим Ф.А. Афанасьевым. В состав комитета входили рабочие Н.А. Жиделев, Ф.Н. Самойлов, С.И. Балашов. Московский комитет РСДРП направил в Иваново-Вознесенск М.В. Фрунзе. Членами комитета были также кадровые революционеры А.С. Бубнов и Е.А. Дунаев. 9 мая нелегальная общегородская партийная конференция выработала 26 требований к предпринимателям. Они подразделялись на экономические (8-часовой рабочий день, улучшение условий труда и быта, установление минимума заработной платы в 20 руб., отмена штрафов, введение социального страхования) и политические (созыв Учредительного собрания, свобода стачек, профсоюзов, печати, ликвидация фабричной полиции и фабричных тюрем). Комитет призвал всех рабочих присоединиться к забастовке, дополнив список требований.

Забастовку начали рабочие фабрики Бакулина, затем к ним присоединились рабочие более 40 других фабрик, железнодорожники, печатники, частично торговые служащие, портные, сапожники. Общее число забастовщиков превышало 70 тыс. человек. Фабрики остановились, а главная площадь перед городской управой превратилась 13 мая в место проведения гигантского рабочего собрания. Ораторы – простые люди труда говорили: «Дальше так жить нельзя», «Жалованье маленькое, а труд тяжелый», «Администрация

штрафует и наказывает за все... справедливости нет и нет возможности отстаивать свои права»⁴⁴.

Выступавшие зачитывали листовку с перечнем 26 требований бастующих, которые они хотели передать фабричному инспектору и администрации предприятия. Однако полиция запретила проведение собрания в черте города, и тогда рабочие решили перейти на опушку леса у р. Талки, чтобы избрать там депутатов на переговоры с фабрикантами. Тогда же возникла и касса взаимопомощи на время проведения стачки.

На собрании в лесу рабочие читали газеты, расхватывали листовки. Кто-то рассказывал об ужасах войны, событиях 9 января, о 1 Мая. Молодые рабочие говорили о социализме. Все соглашались с требованием созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого, тайного голосования.

Одновременно было принято решение продолжать борьбу до удовлетворения администрацией наказов рабочих и держаться стойко. Для дальнейшего руководства стачкой был избран Совет уполномоченных из расчета 1 депутат от 250 рабочих. Выборы проходили демократическим путем. В течение двух дней рабочие вручили «мандаты» 151 депутату. В их числе были 23 женщины. Совет возглавил беспартийный рабочий Авенир Низдрин. В состав Совета вошло 57 большевиков и несколько эсеров⁴⁵.

Первые Советы возникли во время забастовок весной 1905 г. на Урале (Нижний Тагил, Мотовилиха, Надеждинск, Алапаевск). Они еще не были зачатками новой формы местной власти, а скорее, выполняли функции профсоюзов по защите прав рабочих. Иваново-вознесенский же совет может рассматриваться как зародыш народовластия. Совет рабочих депутатов стал первой общегородской организацией и имел функциональную структуру (финансовая, продовольственная, стачечная комиссии, милиция для охраны порядка и безопасности бастующих)⁴⁶. Рабочая милиция взяла под охрану фабрики и места сбора стачечников. Она не должна была, в частности, допускать и столкновений между бастующими и продолжавшими работу текстильщиками. Иваново-вознесенский совет выполнял ряд нормотворческих функций и в определенной степени стал органом самоуправления, взяв на себя ответственность за порядок и безопасность в городе и на фабриках и наложив запрет на торговлю спиртными напитками и на повышение цен на продукты питания. Совет потребовал от фабрикантов выплачивать рабочим зарплату за время забастовки, запретил выселять их из фабричных квартир и увольнять за участие в стачке.

Городская организация РСДРП вместе с Советом рабочих депутатов работала на берегу Талки. Утром обычно собирались члены Совета и городской комитет РСДРП, намечались повестка дня собрания, темы выступлений, ораторы, меры по охране города и мес-

та собраний от провокаций местных властей и активизировавшихся правотеррористических, «черносотенных» элементов. Днем депутаты Совета зачитывали и утверждали протокол предыдущего собрания, избирали делегации для переговоров с губернской администрацией и предпринимателями. Затем начинались беседы с рабочими, Совет уполномоченных работал непрерывно. Члены Совета Н.А. Жиделев, Ф.Н. Самойлов, Н.П. Грачев, М.П. Сарментова, М.И. Голубева, С.И. Балашов, Е.А. Дунаев, М.И. Лакин и другие снискали большой авторитет у ткачей и делом доказали свою преданность интересам рабочих. Они решали большие и малые вопросы, принимали ходяков из других мест.

Убедившись в том, что подкупами более высокооплачиваемой части ткачей акцию не прекратить, местные власти решили «задушить» стачку. Но первая попытка ареста ядра Совета не удалась. 2 июня издается постановление о запрещении «сборищ на р. Талке». Рабочие тем не менее не покинули поляну, ожидая появления городского головы Дербенева. Но дождались они только казаков, пехоты и драгунов.

Днем 3 июня три батальона солдат и казаки напали на безоружных рабочих. Под крики полицмейстера: «Бей их, сукиных детей, руби, режь» – казаки с гиканьем и под свист нагаек начали избивать бастующих. Лес огласился стонами, рыданиями, проклятиями. Убегающих расстреливали поодиночке. Побойще привело к жертвам среди рабочих. Расправа в Иваново-Вознесенске вызвала гневный протест всей демократической России. Рабочие, интеллигенция, либеральная пресса осудили кровавые действия властей.

Напуганные размахом борьбы в «ситцевом царстве», организованностью пролетариата, ненадежностью многих войсковых частей, власти пошли на уступки: освободили арестованных членов Совета, вывели войска и казаков из города. Часть хозяев согласилась сократить рабочий день до 10,5 часа и повысить на 10–15% зарплату. Крайнее истощение сил стачечников вынудило Совет принять решение о прекращении с 1 июля забастовки. Но борьба продолжалась еще почти месяц. Изменились лозунги массовых митингов. Призывы «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!» привлекали все больше сторонников. Рабочие соседних районов оказывали финансовую поддержку бастующим.

Вслед за ивановцами забастовали текстильщики Шуи, Кинешмы, Вычуги, Родников. 4 июля началась всеобщая забастовка в Костроме. Ее инициаторами выступили рабочие Новой костромской льняной мануфактуры. К стачке присоединились все крупные промышленные предприятия, мелкие торговые и ремесленные заведения. По примеру ивановцев для руководства стачкой рабочие избрали Депутатское собрание из 108 человек. Они собирались ежедневно и рассматривали все текущие вопросы, связанные со

стачечной борьбой. Забастовка отличалась высокой политической активностью. Митинги проходили ежедневно на берегу р. Костромы и в пригородном лесу. В них участвовали до 15 тыс. рабочих.

Активную забастовочную борьбу вели и рабочие многих других промышленных городов и сел Центрального промышленного района и Царства Польского. В Лодзи бастовало к концу мая 40 текстильных фабрик, на которых работало более 33 тыс. рабочих⁴⁷. Участились случаи их столкновений с полицией и казаками, которые приходили на помощь фабрикантам. 18 июня городская организация СДКПиЛ проводила митинг недалеко от Лодзи. В город возвращались колонной в несколько сот человек под красным флагом. В Лодзи к митингующим присоединились еще несколько тысяч рабочих. В результате получилась мощная демонстрация. Драгуны и казаки попытались разогнать шествие, но демонстранты оказали сопротивление. В ход пошли палки и камни, а с противоположной стороны – пули и шашки. В результате сотни рабочих были ранены и 10 убиты. Новое побоище развернулось в день памяти о расстрелянных. И снова на мостовых остались жертвы.

Польские социал-демократы призвали рабочих в знак протеста провести всеобщую забастовку, но стихийное возмущение и негодование против действий властей вылились в народное восстание. 23 июня на улицах появилось около 50 баррикад из бочек, ящиков, досок, трамвайных вагонов, телег, повозок, над которыми развевались красные знамена. Когда в город были вызваны воинские части, начались бои за каждую баррикаду. Количество жертв росло: не менее 300 человек были убиты и около тысячи ранены. Несмотря на стойкость восставших, их сопротивление было сломлено. Солидарность польских рабочих с лодзинскими текстильщиками привела к остановке заводов в Варшаве, Домброве, Сосновице, Ченстохове. Выступления пролетариата Польши, Петербурга, Москвы, Екатеринослава, Минска, Харькова, Луганска, Бобруйска, Самары, Воронежа, Риги, Саратова свидетельствовали об укреплявшейся в рабочей массе тенденции к единству действий, о реальности перерастания разрозненных протестных акций во всеобщую забастовку.

Карательные методы «успокоения» недовольных, применявшиеся властями в городе и в сельской местности, укрепляли в сознании масс мысль о необходимости использования более радикальных форм борьбы, включая стачки политического характера и вооруженное восстание. В радикализации требований и лозунгов забастовщиков немалую роль продолжали играть сами предприниматели. Фабриканты, получавшие значительную прибыль за счет дешевого рынка рабочей силы и минимальных затрат на охрану труда, тормозили и без того не отличавшуюся последовательностью социально-экономическую политику правительства. Они добились закрытия комиссии В.Н. Коковцова по рабочему вопросу. Москов-

ский биржевой комитет по инициативе С.Т. Морозова предложил заключить конвенцию с целью обеспечить единство действий предпринимателей. Подобная «новация» могла привести лишь к усилению противостояния рабочих и хозяев, поскольку последние, по условиям конвенции, не должны были идти на удовлетворение требований рабочих, принимая при этом репрессивные меры по отношению к руководителям протестных акций и активным забастовщикам (увольнение с работы, выселение их семей из фабричных квартир, штрафы и т.д.). В общероссийском масштабе конвенцию подписать не удалось, но антирабочие отраслевые и территориальные союзы капиталистов стали усиливать давление на пролетариат, входя в явные противоречия с либеральными записками верхушки самой торгово-промышленной буржуазии, периодически призывавшей власти к политическим реформам.

Пролетариат и демократическая интеллигенция отвечали на репрессивные меры властей, не торопившихся идти на радикальные уступки народу, сплочением своих сил в рамках нараставшего с каждым месяцем профессионального движения. Российский тип профсоюзов отличался от классического западного тесной связью с социалистическими партиями и значительной политизацией своей деятельности. Первые массовые рабочие организации, выросшие из стачечных комитетов и выполнявшие функции профсоюзов, были созданы еще зимой 1905 г. на столичных Путиловском, Александровском, Обуховском, Невском судостроительных заводах, а затем на текстильных предприятиях Москвы и Петербурга, на паровозостроительном заводе в Харькове, в Донбассе. Профессиональные союзы возникли также у интеллигенции и служащих.

За руководство профсоюзами развернулась острая борьба не только между революционерами и либералами, но и внутри РСДРП. На первых порах большевики признавали широко распространенную в партиях II Интернационала теорию «нейтральности» профсоюзов. Однако она не выдержала испытания практикой как на Западе, так и особенно в российских условиях. Тем не менее меньшевики продолжали оставаться на старых позициях. В практической же профсоюзной работе они даже значительно опережали большевиков, сумев занять руководящие позиции в целом ряде рабочих профсоюзов. Этот факт во многом объяснялся тем, что акцент на удовлетворение материальных интересов людей труда всегда приносил успех, тогда как политическая борьба отпугивала многих рабочих, да и не только их. Вот почему менее радикальные, по сравнению с большевиками, в сфере политической борьбы меньшевики явно преуспевали там, где речь шла о борьбе экономической, и, в частности, в профсоюзах, призванных защищать интересы трудящихся именно в этой области. При этом и большевики, стремившиеся вовлечь профсоюзы в политическую борьбу и руково-

дить ими, и более умеренные в этом плане меньшевики (а также другие революционные партии и либералы) хотели использовать профессиональные союзы как средство расширения своего влияния на массы.

Вовлечение в революционные акции интеллигенции, студенчества, служащих, ремесленников свидетельствовало о растущей политизации демократических слоев городского населения. Они приняли активное участие в первомайских демонстрациях 1905 г. в Москве, Нижнем Новгороде, Киеве, Саратове, Самаре, Перми, Вильно. Лозунги Учредительного собрания, политических и гражданских свобод наполнялись теперь для них вполне конкретным содержанием, поскольку в демократизации общественного строя страны они уже видели реальные гарантии соблюдения своих собственных интересов, а не некую расплывчатую абстракцию. Под влиянием пролетарских методов борьбы служащие создавали стачечные комитеты, объявляли забастовки, требовали сокращения рабочего дня, повышения оплаты труда, разрешения на проведение протестных акций. Активизация городских масс способствовала процессу становления их профессиональных организаций. Весной 1905 г. возникли первые союзы железнодорожников Московского узла, была предпринята попытка объединения в союзы фармацевтов, учителей, почтово-телеграфных служащих, печатников.

11 апреля открылся подготовительный съезд учителей и деятелей народного образования. Вокруг платформы съезда шла борьба между социал-демократами и либералами, причем последним удалось одержать победу. Тем не менее через несколько дней на многочисленных митингах учителей в Москве и Петербурге большевики получили большинство делегатских мандатов на предстоящий съезд Союза учителей. В июне он состоялся, но «уступчивость» меньшевиков и эсеров опять помогла успеху либеральной платформы. Затем в союзе произошел раскол, и социал-демократы покинули его.

В первые месяцы революции в России было создано 14 очень пестрых по составу профессионально-политических союзов. Они объединяли в первую очередь высокооплачиваемую часть интеллигенции и служащих – профессоров, писателей, журналистов, адвокатов, инженеров и т.д., с большей симпатией воспринимавших реформаторские, а не революционные идеи. Среди членов союзов врачей, агрономов, частично учителей, торговых служащих, наоборот, было много сторонников большевиков, меньшевиков, эсеров. Известные врачи-большевики С.И. Мицкевич, Н.А. Семашко, М.Ф. Владимирский проводили, например, большую агитационную работу в духе программы-минимум РСДРП в отделениях «Общества охраны здоровья».

Либеральные лидеры, понимая, что потеснить социал-демократов в рабочих союзах им будет нелегко, сосредоточились на усиле-

нии своей руководящей роли в союзах интеллигенции и средних городских слоев, пытаясь подготовить на их базе организационные структуры своей будущей партии. Еще до революции «Союз освобождения» инициировал создание Союза инженеров и техников и Академического союза. В апреле 1905 г. на I Всероссийском съезде журналистов была предпринята попытка создания Союза журналистов. В мае для координации деятельности новых организаций профессионально-политического характера либералы созвали съезд «Союза союзов». Возглавил его Центральное бюро в Москве лидер будущей кадетской партии П.Н. Милюков.

Сами устроители считали «Союз союзов» временной группировкой «пробуждающихся политических элементов», в задачу которой входило «содействие развитию политического самосознания трудящихся»⁴⁸. «Союз союзов» выполнял некоторые организационные функции, но не был директивным органом, а его Центральное бюро наделялось лишь временными полномочиями. При этом либералы, как и социал-демократы, по-разному оценивали статус профессиональных организаций и их отношения с политическими партиями. Одни считали, что союзы должны быть чисто профессиональными и соответственно иметь «менее яркую, чем партии, программу и тактику». Другие отрицали подобный подход как обрекающий новые организации на «рыхлость». Третьи (к ним относился и Милюков) хотели бы видеть в союзах служащих и интеллигенции кузницу кадров для либеральных партий, что предполагало идейное руководство создаваемыми союзами.

Видный русский историк П.Н. Милюков, приват-доцент Московского университета, был одним из крупнейших идеологов русского либерализма. Его политическая деятельность началась еще в 1890-е годы. Затем он активно сотрудничал с журналом «Освобождение», стоял у истоков «Союза освобождения», а позже и партии конституционных демократов. Будучи по своему мировоззрению «западником», Милюков выступал с острой критикой умеренного земского либерализма, усматривая в нем славянофильские корни. Наиболее приемлемой формой государственного устройства он считал конституционную монархию британского типа.

Летом 1905 г. «Союз союзов» объединял до 50 тыс. человек, что составляло примерно 15% всей российской интеллигенции и служащих. Наиболее значительными и влиятельными среди этих профессионально-политических союзов являлись: Всероссийский союз учителей и деятелей по народному образованию, Союз конторщиков и бухгалтеров, Всероссийский союз железнодорожных служащих, Союз инженеров и техников, Союз адвокатов, Союз медиков, Союз фармацевтов. Представление о характере дискуссий, которые шли в этих союзах, дает отчет о форуме журналистов. «На съезде, – писал один из его участников, – обнаружили два тече-

ния. Направо стояли либералы... известные под именем «освобожденцев». Налево были социал-демократы... Затем значительное количество лиц с определенными демократическими и даже социалистическими симпатиями очутились между этими двумя крайностями... Собрание оказалось солидарным в политических вопросах – немедленный созыв Учредительного собрания... Социальный вопрос явился поводом к спорам, а затем и к расколу... Национализация земли вызвала большее сочувствие... Идея расширения крестьянского землевладения путем образования земельного фонда показалась многим из присутствующих неудовлетворительной»⁴⁹.

Журналистское сообщество в конце концов поддержало политическую резолюцию либералов о народном представительстве без указания на его юридический статус. На съезде заметную роль играли будущие лидеры Народной социалистической партии (энесы). Н.Ф. Анненский, В.А. Мякотин, В.Г. Богораз (Тан) и другие поддерживали идею национализации земли, популяризируемую «Русским богатством», но для либералов такая платформа была слишком радикальной. Они настаивали на принятии съездом своей программы, отстаивая тезис о создании государственного земельного фонда на основе «малой национализации». Радикалы признали устами А.В. Пешехонова «конец освобожденчества» и решили отделиться от него.

Значительная часть членов «Союза союзов» имели свою, отличную от руководства Центрального бюро, точку зрения на задачи и тактику возникающих организаций. Они мыслились как профессиональные органы с широким представительством всех партий. Более радикальной становилась и тактика интеллигентских союзов. «Она должна исходить из того, – резюмировал корреспондент журнала «Освобождение», – что надо влиять не на правительство, заставляя его давать, а на народ, заставляя его требовать»⁵⁰. Не удержались в рамках либеральной политической платформы Союзы учителей, фармацевтов, частично медиков. Полевение городских демократических слоев и части интеллигенции привело к охлаждению либеральных лидеров к своему детищу. Милюков отошел от «Союза союзов», но борьба либералов за влияние на интеллигенцию и учащуюся молодежь продолжалась.

Неоднозначно складывалась ситуация и в одном из ведущих профобъединений – Всероссийском железнодорожном союзе. Внешним фактором, ускорившим возникновение ВЖС, стал циркуляр министра путей сообщения от 8 февраля 1905 г., отменивший все завоевания железнодорожников, достигнутые во время забастовок на рубеже 1904–1905 гг. Как уже отмечалось в предыдущей главе, это вызвало ряд забастовок. А весной 1905 г. экономические требования железнодорожников под влиянием социал-демократов и эсеров были дополнены политическими (демократическая рес-

публика, политические и гражданские свободы, отмена чрезвычайных мер, которые действовали с 11 января на всех железных дорогах). В возникшем в апреле Всероссийском железнодорожном союзе преобладало влияние эсеров и либералов. Возглавляли ВЖС представители интеллигенции, работавшей в железнодорожной отрасли: В.Н. Переверзев, В.В. Романов, И.И. Беднов, К.Д. Наметниченко.

В резолюции I съезда ВЖС говорилось о произволе всеильной бюрократии, необходимости созыва народных представителей с законодательными правами, о прямом, всеобщем, равном и тайном избирательном праве. Союз мыслился как внепартийная организация, целью которой являлось объединение возможно большего числа рабочих и служащих железных дорог России, которая имела свои группы на каждой из них. Собрание уполномоченных дорог составляло съезд ВЖС. Исполнительный орган – Центральное бюро союза – избирался на съезде. Местные отделы ВЖС принимали решения о забастовках. Летом 1905 г. в ВЖС вошли служащие и частично рабочие 22 из 33 железных дорог общего назначения. В июле союз объединял 6 тыс. человек – около 15% всех служащих железных дорог⁵¹. Однако популярность ВЖС среди железнодорожных служащих была гораздо большей, чем число его членов. Большевики, несогласные с умеренно-конституционным характером программы ВЖС, создали Союз железнодорожных служащих Московского узла, распространивший свое влияние на железнодорожников Тулы, Риги, Харькова. На II съезде в июле 1905 г. ВЖС несколько полевел и принял решение о подготовке к всеобщей железнодорожной забастовке.

В конце весны обстановка в стране накалилась. В ночь на 14 мая в Цусимский пролив вошла эскадра вице-адмирала З.П. Рожественского. Она состояла из разнотипных судов с разной скоростью хода. Боевые корабли полгода находились в пути, совершив кругосветное плавание длиной в 18 тыс. миль. В задачу эскадры входило «завладеть Японским морем» и оказать помощь Порт-Артуру, который, однако, пал еще до ее подхода. Японский флот превосходил русские корабли в скорости хода, скорострельности артиллерии, мощности фугасов. Тактические преимущества тоже оказались на стороне японцев. Несмотря на величайший героизм русских моряков, бой в Цусимском проливе был проигран, эскадра разгромлена, часть кораблей и сам Рожественский попали в плен. Россия потеряла флот и несколько тысяч моряков.

Цусимский разгром вызвал панику не только в Петербурге, но и в Европе. Вильгельм II писал российскому императору, что события в Японское море «отнимают всякую надежду на то, чтобы счастье повернулось в твою сторону. Война уже давно непопулярна. Надо согласиться на мир»⁵². В разговоре с американским послом

Вильгельм II высказал озабоченность судьбой монархии в России и просил президента Т. Рузвельта предложить свое посредничество на русско-японских мирных переговорах. 24 мая Николай II созвал военное совещание. К заключению мира с Японией склонялись вел. кн. Владимир Александрович, адмирал Е.И. Алексеев, да и сам Николай II. Против мирного договора выступили адмирал Ф.В. Дубасов, генерал А.Н. Куропаткин, военный министр В.В. Сахаров, барон В.Б. Фредерикс. Они считали недопустимым для России кончать войну на Мукдене и Цусиме. Тем временем 28 мая Япония под давлением США изъявила согласие на переговоры, а 29 мая было опубликовано официальное приглашение Вашингтона на русско-японскую мирную конференцию.

В связи с вопросом о мире в Совете министров начали обсуждение судьбы представительного собрания. Правительство решало, созывать ли Собор из Сената, Государственного совета, предводителей дворянства и председателей земских управ или объявить о созыве Государственной думы. Большинство, в том числе Витте, Кокцов, Булыгин, настаивали на созыве Государственной думы. Министров поддержал Д.Ф. Трепов, опасавшийся негативной реакции возбужденного общества на созыв Собора. Но вопрос о мирном договоре с Японией предлагалось решать без участия представительного учреждения. 28 июля начались переговоры России и Японии об условиях заключения мира, происходившие в курортном городке Портсмуте (США).

Четко обозначившееся к тому времени обострение внутривнутриполитической обстановки в стране грозило крахом политики малозначительных уступок, проводимой царским правительством, и вызывало недовольство либеральных реформаторов, разуверившихся в способности власти услышать их голос. «Для русской монархии современный, открытый компромисс с демократическим конституционализмом есть прямо-таки вопрос существования», – писала либеральная пресса⁵³. 24–26 мая в Москве собрался коалиционный земско-городской съезд. Оргбюро предложило не давать специальной оценки текущему моменту. Глава московской губернской земской управы Ф.А. Головин призвал к единению с тем, чтобы «общими усилиями внести умиротворение в нашу государственную жизнь и предупредить возможность дальнейших потрясающих ее событий»⁵⁴. В письме к давнему оппоненту «освобожденцев» Шипову он писал: «Организационное бюро проникнуто желанием доброжелательного соглашения и сознает необходимость при угрожающей России ситуации поддержать авторитет государственной власти»⁵⁵. Либералы отлично понимали двусмысленность подобного акта, и обе стороны шли на съезд без всякого энтузиазма, но тем не менее с надеждой на определенный успех в поисках компромисса с властью⁵⁶.

Готовностью части либералов договориться с правительством советовали воспользоваться влиятельные при Дворе лица. В секретной записке кн. М.С. Путятина, адресованной царю, недвусмысленно говорилось «о благонадежности сторонников парламента — партии конституционалистов... У нее нет антагонизма к власти, кроме “недовольства бюрократией”». Но власть, видимо, утратив чувство реальности, запретила съезд. Он состоялся лишь благодаря настойчивому ходатайству московской администрации, опасавшейся нежелательных последствий. Из 300 делегатов земцы составляли половину. При этом всех волновала уже только одна проблема: «Желаем ли мы совместных действий с исторической властью или мы примирились с революцией и желаем ее усиления, чтобы власть уступила ей место?»⁵⁷ Дискуссий на съезде практически не было. «Освобожденец» И.И. Петрункевич, выступая одним из первых, предупредил: «Если мы вздумаем рассуждать о внутренней политике, мы тотчас расколемся, поэтому лучше не начинать»⁵⁸. Споры тем не менее разгорелись в связи с инициативой оргбюро передать царю адрес-петицию. Абсолютное большинство делегатов поддерживало намерение бюро направить к Николаю II специальную депутацию. В адресе говорилось о великой опасности для России и престола от возникшей «внутренней усобицы», а главным виновником «смуты» назывался «приказной строй». Бюрократия обвинялась в несоблюдении закона, произволе, «сокрытии правды от государя» и во всех прочих грехах. Общественные деятели призвали царя немедленно созвать представительное учреждение, но по настоянию шиповского «меньшинства» исключили упоминание об избирательной системе и функциях представительства.

И все же сторонников Шипова текст адреса не удовлетворил. Они просили не критиковать правительство, поскольку страна ведет войну, и не ставить ему никаких условий. Раскола предотвратить не удалось. Шипов отказался участвовать в депутатии. Адрес подписали 25 председателей губернских управ, 130 земских гласных и 33 члена городских дум. Несмотря на колебания «верхов», Николай II принял 6 июня депутацию общественности, в состав которой вошли И.И. Петрункевич, Д.И. Шаховской, Павел Д. Долгоруков, Ф.А. Головин, Ф.И. Родичев. Ю.А. Новосильцев, Н.Н. Львов, М.М. Ковалевский — фигуры, явно одиозные для царского Двора. Более умеренных общественных деятелей представляли кн. С.Н. Трубецкой, барон П.Л. Корф, кн. Г.Е. Львов. С речью к царю обратился С.Н. Трубецкой. Он просил Николая II во имя внутреннего мира не медлить с созывом народных представителей. О характере представительного учреждения, избирательной системе, даровании гражданских и политических свобод в речи не было ни слова. Царь пообещал созвать представительный орган, но дал понять, что в участии либералов в разработке проекта реформы госу-

дарственного управления власть не нуждается. Вместе с тем сам факт приема депутации, в состав которой вошли неугодные Двору лица, говорил о том, что правящие «верхи» готовы были идти на сотрудничество с той частью оппозиции, которая могла оказать поддержку режиму в борьбе с революцией. Одновременно с целью не потерять доверия правых сил царь принял и депутацию крайне консервативного курского дворянства и деятелей будущих правых партий. Они получили заверения в том, что преобразования не затронут и не изменят сути Основных законов империи и устоев государственной власти.

Противоречивые, туманные, мало к чему обязывающие обещания, данные с высоты престола, не добавляли авторитета власти и лишь усиливали хаос и смятение в стране. Чрезвычайные сессии земских собраний лета 1905 г. стали наглядным тому подтверждением. Они носили яркую политическую окраску. 17 из 19 собраний, получивших разрешение на проведение внеочередных сессий, откликнулись на призыв апрельского съезда высказать свое отношение к принятым им решениям. Дискуссии, хотя и бурные, велись под зорким наблюдением председателей собраний и глав губернских земских управ, поскольку циркуляром МВД запрещалось касаться «вопросов, по содержанию своему не соответствующих пред-указанным со стороны престола преобразованиям, а тем более стремящихся подрвать силу и значение Основных законов империи». Кроме того, от участия в обсуждении устранились «посторонние» лица, в числе которых оказались и земские служащие⁵⁹.

Понятно, что в таких условиях длительных дебатов быть не могло. Знаменательно, что одним из первых на проект государственных преобразований откликнулось столичное земское собрание, в котором доминировали крупные дворяне-землевладельцы, далекие от всякого радикализма. Большинство участников собрания прохладно относилось к земским служащим – «третьему элементу», многие гласные сами принадлежали в разное время к бюрократической элите, но тем не менее даже столичное земство высказалось за законодательные функции народного представительства. В определении принципов избирательной системы петербургские гласные солидаризировались с мнением 37-ми на апрельском съезде (всеобщее, равное, тайное, но двухстепенное избирательное право). Правая часть собрания настаивала на закреплении сословных привилегий дворянства и крупной буржуазии путем создания специального представительства в новом органе власти от дворянских собраний и биржевых комитетов. Эта инициатива получила одобрение собрания.

В близком к столичному по социальному составу орловском губернском земстве столкнулись взгляды умеренно-либеральной части гласных (М.А. и А.А. Стахович, П.Н. Пуцин, Г.А. Федоров, председатель губернской управы В.Н. Маслов) и правых (А.А. На-

рышкин, кн. В.В. Тенищев и другие). Первые – сторонники законодательного представительства – оказались в меньшинстве, тогда как большинство отдавало предпочтение законосовещательной Думе, но с правом контроля за бюджетом, займами, действиями администрации и обсуждением любого законопроекта. В совещательном статусе представительного учреждения правые видели гарантии защиты самодержавного строя от чуждых России форм западного парламентаризма. «Путь конституционного собрания, – заявил Нарышкин, – чреват губительными последствиями... Нельзя переступить закон эволюции. Иначе будет хуже, в жизни народной надо идти очень осторожно»⁶⁰. Председатель губернской управы либерал Маслов, возражая оппонентам, связал вопрос о характере народного представительства с групповыми интересами дворян-землевладельцев и крупной буржуазии. «Возможен только двоякий ответ на вопрос, что делать: или вовсе не собирать собрания или же, если собирать его, то дать ему права собрания конституционного, – заявил он. – Но как отнесется к реформе народ? Несмотря на нашу отчужденность от народа, для нас не составляют тайны его социальные мечтания вроде всеобщего передела земли и недвижимой собственности»⁶¹.

Усиливались сомнения (и не только орловских гласных) насчет способности власти и верхушки общества сохранить курс на проведение умеренных реформ. Кроме того, всем было ясно, что политические преобразования повлекут за собой и экономические, а это создавало прямую угрозу материальным интересам господствующих классов. При этом либералы видели в законодательном конституционном собрании гарантии своего контроля за политикой правительства, особенно в экономической области, а правые держались за законосовещательное представительное учреждение, препятствующее проникновению либеральных идей в высший эшелон бюрократии. В итоге большинство орловского земского собрания встало на сторону шиповского «меньшинства». Вместе с тем, понимая, что любые верхушечные конструкции без социальной опоры «снизу» легко превратятся в картонный домик, правые ораторы призывали исправить ошибки в деятельности земских учреждений, «недостаточно слившихся с крестьянским населением» и слишком удаленных от крестьянских проблем и местных нужд⁶². Полагаясь, как им казалось, на консервативность и монархическое мировоззрение большинства крестьян, собрание поддержало требование демократизации земства за счет увеличения числа гласных от крестьян.

Столкновением либералов и крайне правых во главе с председателем губернской земской управы И. Стерлиговым кончилась чрезвычайная сессия Тамбовского земства. Либеральная группа гласных была малочисленной, но в ее состав входили такие видные де-

ятели, как профессор В.И. Вернадский и кн. Ю.А. Новосильцев. Почти без обсуждения собрание одобрило проект преобразований, составленный управой, проигнорировав решения земских съездов. В нем содержался призыв к власти не поддаваться давлению революционных сил, включая конституционалистов, а для прекращения «смуты» созвать совещательную коллегия при императоре, избранную по сословиям. Оппонентам просто не дали выйти на трибуну, а заявление Н. Вольского о том, что наибольшее количество депутатов в новом учреждении должны дать крестьяне и рабочие, вызвало закрытие сессии⁶³. Нечто подобное происходило во многих других губерниях. Смоленское, Курское, Псковское земства приняли расплывчатые, в духе майского съезда, резолюции, ограничившись требованием немедленного созыва народных представителей. Обсуждение других вопросов откладывалось на будущее. «О пути, порядке и способе созыва будут разногласия, – резюмировал смоленский гласный В.И. Энгельгардт, – но об этом можно здесь не говорить»⁶⁴.

Летом 1905 г. в земских собраниях появилось понимание бесперспективности любых реформ и преобразований, если рабочие и крестьяне не получают права участия в государственном управлении. Однако по отношению к власти тактика местных земских деятелей не изменилась. Они просили и умоляли власть поторопиться с уступками общественным требованиям, причем, несмотря на серьезные разногласия и бурные дискуссии о статусе низшей палаты, большинство земств склонилось к поддержке решений апрельского съезда о законодательном статусе будущего народного представительства.

Тверское и Новгородское земство заседали в дни иваново-вознесенской стачки. Реакция земцев на действие властей во многом определила ход и решения этих чрезвычайных сессий. Новгородские земцы под впечатлением погрома, учиненного полицией на р. Талке, несмотря на свою умеренную позицию, высказались за «четыреххвостую» избирательную систему, передачу полиции благочиния и безопасности в ведение органов самоуправления, политические и гражданские свободы и за амнистию всем пострадавшим по политическим и религиозным мотивам⁶⁵.

Тверское же собрание состоялось сразу после приема царем депутации общественных деятелей. При этом одни расценивали визит к императору как начало конструктивного диалога с правительством, другие усматривали в этом факте лишь политический фарс власти. Так, В.Д. Кузьмин-Караваев призвал всех к единению, поскольку «блеснул луч света, блеснула надежда, скоро установится слияние верховной власти с народом, скоро покажется на горизонте обновленная Россия, живущая на правовых началах...» И.И. Петрункевич без излишней пышности в формулировках поддержал Кузьмина-Ка-

раваева. К словам «радикалов» присоединился даже лидер правых В.Ф. Гаслер – обычно неистовый оппонент либерального крыла. Перспектива совместными с властью усилиями сбить накал революции завораживающе подействовала на всех. Оптимистический пыл несколько охладил Е.В. де-Роберти, который считал, что ситуация после встречи с царем «нисколько не улучшилась, хотя и не ухудшилась»⁶⁶. В разгар дискуссии пришло сообщение из Иваново-Вознесенска. В собрании воцарилась гнетущая атмосфера. Слова и дела власти оказались на двух противоположных берегах. Большинство голосов было принято решение «осудить расправу над беззащитными рабочими», «оказать помощь жертвам полицейского произвола». Тверские земцы отдали предпочтение законодательному учреждению, как и большинство их коллег по самоуправлению, но не пришли к единому мнению о структуре нового института и о типе избирательной системы: 34 гласных проголосовали за всеобщее, равное, тайное и прямое избирательное право, 17 – против⁶⁷.

Внеочередные сессии конца весны – начала лета 1905 г. позволяют говорить в целом о консолидации земской оппозиции на политической платформе, одобренной всероссийскими земскими съездами. Решающим фактором в этом процессе стал рост революции. Способом умиротворения внутренней жизни страны либеральные земцы считали созыв представительного учреждения и дарование населению гражданских и политических свобод. Вместе с тем летние сессии земств показали, что противоречия между новым, «освободительным» и старым, земским либерализмом сохранились. При этом в период подъема революции обстановка в земских учреждениях явно обострилась. Столкновения на политической почве между либералами и правым крылом собраний стали постоянным явлением и влекли за собой упадок земской деятельности в повседневных вопросах.

Между тем подъем рабочего и крестьянского движения, накал общественного протеста, провал военных операций на Дальнем Востоке и вовлечение солдат в карательные акции против народа не могли не оказать влияния и на самый мощный и надежный прежде оплот режима – армию. Причин для недовольства «нижних чинов» было немало: тяжелые условия службы и казарменного быта, бесправие солдат и матросов, постоянная муштра, неуважительное отношение офицеров к личности военнослужащих. Все это создавало благоприятную почву для революционной и либеральной агитации в войсках. В результате не только солдаты, но и часть офицерского корпуса испытывали чувство вины перед обществом. «У нас, кроме того, великая задача, – говорилось в воззвании киевских офицеров, – помириться с народом и загладить наши преступления перед ним... Примкнем к тем, кто требует назревшей необходимости государственного переустройства»⁶⁸.

С января до середины июня 1905 г. в сухопутных войсках произошло 34 выступления: 16 из них – это участие военнослужащих в митингах и демонстрациях, 5 были вызваны плохими бытовыми условиями, 4 – грубым обращением начальства. Были среди них и два восстания⁶⁹. Характерно, что солдаты и матросы ставили начальству свои условия: увеличить жалование до 3 руб. в месяц, улучшить качество пищи, предоставить отпуска. Они требовали вежливого обращения со стороны офицеров, сокращения сроков службы, права посещать собрания и митинги, носить вне казарм штатскую одежду. В знак протеста военнослужащие часто отказывались от обеда, громили кухни и т.д.

Военное начальство принимало все меры к тому, чтобы воспрепятствовать проникновению революционных идей в казармы. Однако изолировать армию и флот от происходивших в стране событий было невозможно, причем в их революционизировании принимали участие не только социал-демократы и эсеры, но и гораздо более умеренные по своим взглядам люди. Так, в конце мая на ряде судов Черноморского флота появилось воззвание созданного лейтенантом П.П. Шмидтом «Офицерского союза друзей народа». Впоследствии сам Шмидт писал: «...Я разослал по всем судам воззвание, в котором еще и еще раз уговаривал командиров и адмиралов подать петицию государю... Я настаивал на том, что долг присяги обязывает довести до государя, что они – флот – дети народа, которые не могут, не хотят идти по велению преступных царских советчиков против своего народа, их вскормившего. Я верил в то, что, подай офицеры флота петицию, за ними последуют другие военные и реформы будут даны»⁷⁰.

Летом 1905 г. произошло невиданное ранее в российских вооруженных силах событие: первоклассный броненосец Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический» перешел на сторону революции. Надо сказать, что социал-демократы, которые уже давно вели революционную работу на Черноморском флоте, намечали восстание на осень 1905 г., рассчитывая соединить его с выступлениями рабочих и крестьян. Но этот план был сорван стихийным взрывом недовольства моряков на броненосце «Потемкин», который в июне 1905 г. первым ушел на учебные стрельбы в Тендровский залив. На «Потемкине» был кружок социал-демократов, организованный большевиком Г.Н. Вакулинчуком. Однако не допустить преждевременной развязки событий он не смог. Поводом к началу восстания 13 июня послужил, как известно, отказ команды есть борщ с червивым мясом и крайне неумелые действия командира корабля Голикова, старшего офицера Гиляровского и судового врача Смирнова. Когда матросы отказались от обеда, Голиков вызвал караул и пригрозил расстрелом тем, кто не выполнит команду «На обед». Команду выстроили на палубе, но в это время раздались

голоса: «Не стреляйте», «Довольно быть рабами». В ответ Гиляровский застрелил жоака матросов Григория Вакулинчука, но тут же сам очутился за бортом. Та же участь постигла и Голикова, и через несколько минут власть на «Потемкине» была уже в руках восставших. На корабле был выбран судовой комитет во главе с Афанасием Матюшенко – человеком огромной физической силы и смелости, который не имел, однако, никакого организаторского опыта и был, скорее, эсером и даже анархистом, чем социал-демократом. Члены комитета унтер-офицеры Денисенко и Дымченко отвечали за техническое состояние и управление броненосцем, проявив себя с самой лучшей стороны.

12 июня моряки-потемкинцы получили с подошедшего из Одессы миноносца № 267 известия о событиях в городе. Стачки рабочих, начавшиеся в конце апреля, к середине июня стали приобретать политический характер. 13 июня после столкновений с войсками рабочие начали строить баррикады на Пересыпи. Они попытались захватить электростанцию и перекрыть железную дорогу. В городе происходили кровавые стычки рабочих с полицией и войсками. В этой обстановке команда «Потемкина» приняла решение идти на помощь восставшей Одессе. К броненосцу присоединился и миноносец № 267. 14 июня «Потемкин» под красным флагом подошел к одесскому рейду. Восставшие моряки потребовали вывода из города всех войск, освобождения политзаключенных и прекращения расстрелов рабочих. Получив отказ, команда начала бомбардировку домов военного начальства, однако на высадку десанта в Одессе моряки не решились.

В грандиозную революционную манифестацию вылилось прощание команды «Потемкин» и горожан с убитым Вакулинчуком, но всеобщего восстания в Одессе не получилось. Одесские социал-демократы, в частности меньшевик Б.О. Богданов, попытались установить контакт с повстанцами, но матросы решили действовать самостоятельно. 17 июня «Потемкин» покинул Одессу и вышел в море. Навстречу ему двигались подоспевшие из Севастополя более 10 кораблей Черноморской эскадры. Однако ни одна из сторон не решилась открыть артиллерийский огонь. Броненосец «Георгий Победоносец» готов был присоединиться к восставшим. Мятежной частью корабля руководили Дорофей Кошуба и Дейнега. Однако в конечном счете корабль сдался властям.

«Потемкин» же после неудачного захода в Феодосию направился к берегам Румынии, где 24 июня и был интернирован в Констанце. Члены команды получили политические убежища в разных странах мира, а мятежный корабль был возвращен России. Леворадикальные партии и левые либералы из «Освобождения» приветствовали восстание на «Потемкине». Ленин и Плеханов посвятили ему специальные статьи, расценивая переход «потемкинцев» на

сторону революции как обнадеживающий признак возможности создания ядра революционной армии, без чего победа революции была бы невозможна⁷¹.

Почти одновременно с событиями на Черном море начались волнения на Балтийском флоте. На военной базе в Либаве формировались экипажи для отправки на Дальний Восток. Майский разгром российского флота под Цусимой оказал крайне отрицательное влияние на моряков-балтийцев. Как и на «Потемкине», поводом к начавшемуся 15 июня в Либаве восстанию флотского экипажа послужила недоброкачественная пища. Моряки начали обстрел офицерских квартир и здания управления портом. Над ним взвился красный флаг, однако попытки матросов пробиться в город к бастующим рабочим не увенчались успехом. После отказа солдат береговой части стрелять по мятежникам военное командование стянуло в Либаву войска, казаков, драгун. Восставшие оказались в кольце и сдались. Прибывший в порт морской министр А.А. Бирилев пригрозил расстрелом каждому десятому, если арестованные не выдадут зачинщиков, но угроза не подействовала. В итоге командованию пришлось заменить расстрел каторгой и отправкой на Дальний Восток, где еще шла война с Японией. Летом выступления в армии и на флоте продолжались на броненосцах «Синоп», «Александр II», «Минин», в Херсонском дисциплинарном батальоне⁷².

Июльско-августовский размах стачечной борьбы не оставлял надежды на скорое прекращение революции. В полугодовщину «Кровавого воскресенья» вновь забурлила столица. Металлисты Петербурга объявили политическую забастовку. Ей предшествовала широкая агитационно-пропагандистская работа большевиков, вступивших в соглашение с меньшевиками и эсерами. В однодневной политической стачке приняли участие около 100 тыс. рабочих более чем с 40 промышленных предприятий⁷³. 9 июля вместе с питерцами провели политические акции пролетарии Риги, Луганска, Сормова, Тулы, Перми и других городов. В Сормове еще в начале лета проходили необычные демонстрации на воде: задержавшийся паводок использовался для катания на лодках с пением революционных песен. Целая флотилия таких лодок привлекала толпы людей на берегу. Они усаживались на землю, образуя большой круг, в середине его появлялся оратор, и начинался импровизированный митинг. А 9 июля по улицам Сормова прошли массовые шествия. Колонны двинулись за город, но путь им преградили казаки. Начался митинг, но столкновения так и не произошло.

Вторая половина июля ознаменовалась всеобщей политической стачкой на Владикавказской железной дороге. Забастовщики выдвинули экономические и политические требования, в том числе созыва Учредительного собрания. На юге страны (Ростов-на-Дону, Новороссийск) забастовка железнодорожников привела к столкно-

вению с войсками. Летом же возобновилась и стачка рабочих красноярских железнодорожных мастерских. Ее участники устраивали митинги, политические демонстрации под лозунгом «Долой самодержавие!». Красноярцы нашли поддержку у железнодорожников крупных узловых станций (Чита, Курган, Омск, Иркутск). Выступление железнодорожников Сибири было подавлено с помощью войск лишь в конце августа⁷⁴.

В период летней страды в стачечную борьбу включились сельскохозяйственные рабочие. В июле батраки и крестьяне-арендаторы Латвии объявили экономическую стачку, которой латвийские социал-демократы придали политический характер. Для руководства стачкой создавались крестьянские и батрацкие комитеты, проводившие митинги и демонстрации и добывавшие деньги на нужды стачечников. В ходе забастовки применялись партизанские методы борьбы. Бастующие сжигали хозяйственные постройки в имениях, прерывали телефонную связь, разоружали баронскую стражу и полицию, изымали долговые расписки в зданиях волостных управлений, громили винные лавки и корчмы. В результате батраки добились повышения оплаты своего труда. Аналогичная ситуация сложилась в то время и в Литве. В период уборки урожая забастовки охватили Черноземный Центр, Белоруссию, Украину и степной Юг.

В летние месяцы возобновились массовые разгромы имений помещиков в Саратовской, Воронежской, Харьковской губерниях. О настроениях крестьян Черноземья довольно объективно писали сами землевладельцы. «Официальным представителям власти крестьяне не верят, священникам они также не верят. Доверием пользуются их собственные выборные и некоторые из земских деятелей, доказавших свою честность и бескорыстие, – говорилось в письме одного курского помещика. – С другой стороны, надо указать, что большинство крестьян с сокрушенным сердцем, не видя для себя нигде просвета, идет по пути разорения чужого имущества... Чувство законности у наших крестьян высоко развито, но беззащитное нарушение закона со стороны официальных представителей его, на которое деревни наталкиваются на каждом шагу, переполнило чашу великого крестьянского терпения»⁷⁵.

Накал крестьянской борьбы нарастал. В основе ее лежало, как отмечалось выше, стремление к справедливому распределению земельной собственности. Не дождавшись соответствующего акта от власти и помещиков, крестьяне захватывали помещичьи земли и уголья, полагая, что тем самым они «выпихнут» помещика из села и получают наконец больше земли. «Вместе с тем, – справедливо замечает один из российских исследователей, – крестьянская война оказалась совсем не похожа на тот безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть правящие сферы, особенно

по сравнению с теми жесткими карательными мерами, которым подвергались участники борьбы с помещиками»⁷⁶.

Борьба разных политических сил за крестьянские массы активизировалась с появлением самостоятельной крестьянской организации. В мае 1905 г. на съезде крестьян Московской губернии прозвучал призыв создать Всероссийский крестьянский союз. Инициатором съезда выступила либеральная интеллигенция. Неслучайно в его документах прозвучали требования ограничения всевластия чиновников и созыва представительного учреждения при участии в выборах всего народа. Вместе с тем съезд ограничился лишь констатацией крестьянских нужд (малоземелье, высокие подати, притеснения со стороны властей). Развернувшееся в Европейской России движение за создание ВКС увенчалось успехом, и 31 июля – 1 августа в Москве на Бутырском хуторе 100 крестьян из 22 губерний и 25 интеллигентов тайно провели Учредительный съезд Всероссийского крестьянского союза.

Крестьяне привнесли на съезд настроение сельских сходов и говорили об отмене выкупных платежей, прирезке земли сельским обществам, расширении своего участия в земских делах и о «всеобщем земельном поравнении». Съезд принял решение об образовании ВКС и избрал его руководящие органы – Главный комитет и Бюро содействия. На местах начали возникать отделы Союза. К сотрудничеству с ВКС стремились все оппозиционные партии. Большевики, меньшевики, эсеры, левые либералы развернули большую пропагандистскую работу в отделах ВКС, особенно в Центральном, Центрально-Черноземном и Юго-Западном районах Европейской России. В состав Главного комитета вошли левые либералы адвокат А.Ф. Стааль, ветеринарный врач А.В. Тесленко, бывшие народолюбцы С.П. и В.П. Мазуренко, писатель В.Г. Богораз (Тан). В Бюро содействия были избраны умеренный народник А.В. Пешехонов, «освобожденец» С. Старынкевич и другие лица. Эсеров и большевиков в руководстве ВКС не было, но во многих местных отделениях они укрепили свои позиции. Активными деятелями ВКС были земский служащий С.М. Блеклов, последователь учения Л.Н. Толстого украинский крестьянин А.И. Шурбак, выходцы из крестьян Московской губернии С.В. Куркин и В.Ф. Краснов.

После III съезда РСДРП усилилась агитационная и организационная деятельность социал-демократов среди крестьян. Через комитеты и аграрные группы осуществлялась связь агитаторов с деревнями и селами. Участники групп устраивали собрания, кружки для распространения агитационной литературы и пропаганды партийной программы. Ленинская брошюра «К деревенской бедноте» нашла своих читателей в сельской местности. А осенью за крестьянские массы начали бороться не только революционные, но и либеральные, и правые политические организации, о чем пойдет речь ниже.

Либералы меняют тактику

Дальнейшее развитие революции и приближавшийся созыв представительного органа – Государственной думы заставили либералов вплотную заняться созданием своей политической партии. Но для этого надо было покончить с неопределенностью программных установок и объединить тех, кто должен был составить ядро партии. 6 июля в доме кн. Долгорукова на Б. Знаменке в Москве открылся съезд земских и городских деятелей. «Заседание открыл гр. П.А. Гейден, – вспоминал один из его участников. – Тотчас явился пристав Носков, объявивший от имени ген.-губернатора требование всем разойтись. Присутствовавшие отказались это сделать. Полицейский начал составлять списки... Все было нелепо: смущенный Носков среди многих сиятельных господ и гр. Гейден, не привыкший, чтобы его выгоняли куда-то»⁷⁷. На июльский съезд прибыли 225 делегатов, 25 из них прислали городские думы. Неожиданно появилась даже группа крайне правых земских деятелей во главе с курским «зубром» кн. Н.Ф. Касаткиным-Ростовским, что говорило о большой значимости данного мероприятия для всех земцев.

Председателем съезда был избран Гейден, товарищем председателя – И.И. Петрункевич. Гейден принадлежал к титулованной знати, был богатым землевладельцем, возглавлял Вольное экономическое общество в эпоху Плеве. Граф олицетворял собой умеренное крыло земского либерализма и входил в группу Шипова, отстаивавшего умеренный конституционализм и постепенность реформ. Основным пунктом повестки дня значилось обсуждение «Проекта Государственной думы, составленного комиссией под председательством гофмейстера А.Г. Булыгина». Оргбюро пошло на смелый шаг, предложив вниманию участников съезда неофициальный документ, попавший каким-то образом в руки редакции газеты «Новости». Основными «рецензентами» проекта выступали земец Ф.Ф. Кокошкин и деятель городского самоуправления Н.Н. Щепкин (оба – будущие кадеты). Общественные лидеры, получив вариант правительственного проекта, поняли, что напрасно стучались в двери власти со своими ходатайствами.

В документе полностью игнорировались требования земцев о бессословном принципе избирательной системы, законодательном статусе Думы, реформе самоуправления, политических и гражданских правах населения, неприкосновенности «выборных людей». Боясь разгона форума, председатель отменил дискуссии, предложив после ознакомления делегатов с текстом проекта принять итоговую резолюцию. «Осуществление проекта А.Г. Булыгина, – говорилось в ней, – или иного, построенного на сходных с ним основаниях и потому не создающего народного представительства в истинном смысле этого слова, не может внести успокоения в страну,

предотвратить все опасности, ей угрожающие, и вывести ее из настоящего состояния на путь правильного и мирного развития на основах твердого государственного правопорядка»⁷⁸.

Практически единодушное непризнание правительственного варианта реформы повлекло за собой постановку вопроса о бойкоте Думы. Дискуссия носила острый характер. Одни доказывали необходимость работы в Думе, другие недоумевали, как можно всерьез говорить об этом. Так, председатель Курской губернской земской управы Н.В. Раевский, видя двусмысленность позиции съезда по важнейшему политическому вопросу, заявил: «Наше решение будет использовано против нас. Выйдет так, что мы осудили булыгинский проект, но нам уже очень захотелось стать народными представителями. Это скользкий путь». «Освобожденцы» Родичев и Кузьмин-Караваев отстаивали другую точку зрения. «В деле государственного строительства, – заявил Кузьмин-Караваев, – нельзя стоять только на почве права и отвлеченного идеализма. Надо принять то, что нам предлагают, но именно там через своих людей сказать: наша ближайшая задача – нормальные выборы»⁷⁹. Съезд готов был согласиться на то, что дадут «сверху», но занял выжидательную позицию и отложил рассмотрение вопроса о бойкоте.

Одновременно оргбюро вынесло на суд общественных деятелей своей проект «Основных законов». Эта была партийная программа будущих кадетов. В способности ее сплотить всех земцев сомневались сами лидеры, поэтому они приняли решение разослать «Основные законы» в местные земские и городские учреждения самоуправления и компетентным лицам с просьбой представить свои замечания. В программном документе предусматривалось создание двухпалатного законодательного органа, избранного на основе всеобщего, равного, тайного, прямого голосования (нижняя палата) и установленных норм представительства от органов самоуправления (Земская палата). Монарх назначал главу правительства, министров, утверждал законы, исполнял все функции главы государства. Населению гарантировались гражданские и политические права, намечались контуры демократизации местного самоуправления: минимальный (1 год) ценз оседлости, бессословный принцип выборов органов самоуправления, создание высших и низших самоуправляющихся союзов. Собственно говоря, это был компромиссный вариант «освободительской» программы, одобренной еще апрельским съездом. В идейное оформление партийной платформы июльский форум не внес ничего нового. Другое дело – вопросы тактики.

Основная цель либералов – добиться с помощью реформ прекращения дальнейшего развития революции – не была, как они считали, по достоинству оценена властью. Несмотря на широко разрекламированные июньскую депутацию к царю и прием Нико-

лаем П.А.И. Гучкова и московского городского головы К.В. Руковишников⁸⁰, компромисс с властью не вырисовывался. Не прибавлялось заметной популярности идеям либерализма в пролетарской и крестьянской среде, что грозило ему потерей политического веса и изоляцией в ходе революции. Предвидя подобную перспективу, руководители оргбюро решили сменить тактику. В ходе работы съезда появились два принципиально новых для земской и городской организации документа: «Доклад о деятельности правительства» и проект «Обращения к народу».

В выступлении одного из руководителей съезда И.И. Петрункевича и в докладе В.Е. Якушкина настойчиво проводилась та мысль, что от верховной власти земцы ничего ожидать не могут и поэтому надо обратиться к народу⁸¹. «За последние семь месяцев, – подчеркивалось в докладе, – ход наших законодательных мер таков, как будто бы специально имелось в виду доказать, что никакой законности не может существовать при нашей государственной системе... Все представители администрации, начиная от высших чинов и кончая самыми низшими, постоянно избегают всякой ответственности как за общее несоблюдение закона, так и за нарушение прав отдельных лиц. Произвол – это девиз нашей администрации... При таких условиях можем ли мы ограничиваться по-прежнему какими-либо постановлениями, высказывающими только наш взгляд на тот или другой вопрос? Не обязаны ли мы перейти от слов к делу?»⁸²

В докладах Павла и Петра Долгоруковых эта задача конкретизировалась и давались рекомендации управам, земским служащим, городским думам начать немедленное привлечение сельского и городского населения к участию в обсуждении предстоящей политической реформы и ознакомить население с резолюциями съезда политического характера⁸³. Из сказанного ясно, что оргбюро ориентировало съезд на новую тактику – агитацию в массах и политическую борьбу за массы. Земства тем самым приобретали качества партийно-политических структур, что впоследствии привело к конфликтам в местных собраниях. Съезд такой план действий одобрил.

Кульминационным моментом в его работе стало появление не известного ранее в истории либерализма документа – «Воззвания к русскому народу». Авторство его принадлежало И.И. Петрункевичу и представителю «Союза союзов» П.Н. Милюкову. Официальный текст документа, одобренный съездом, носил иное название: «Обращение к народу от съезда земских и городских деятелей». В тексте «Обращения» были смягчены оценки действий правительства, данные в «Воззвании». Был сглажен, как писал В.И. Вернадский, боевой характер документа, скорректирована та часть текста, где говорилось о вине власти в нарастании кризиса. В первом варианте понятие «власть» недвусмысленно включало в себя царя. Именно нерасчлененность термина «власть» привела к бурной дис-

куссии. В результате редактирования вся ответственность за внешнюю и внутреннюю политику возлагалась в тексте «Обращения» на советников и чиновников, которые «не исполняют волю государя» и препятствуют созыву «выборных от народа». «Обращение» призывало всех к единству, поскольку лишь общими усилиями можно «помочь правильному осуществлению объявленной воли государя»⁸⁴. «Порознь мы бессильны, но вместе всемогущи, – подчеркивалось в документе съезда, – у всех, и у земцев, и у городских людей – цель была и есть общая: созыв истинного народного представительства путем всеобщей подачи голосов, ибо только такое представительство может разрешить как следует все назревшие и гнетущие народную жизнь нужды»⁸⁵. Текст одобрили 202 делегата. Против проголосовали 8. Правые покинули заседание в конце первого дня работы июльского съезда.

Процедура подписания «Обращения» прошла негладко. Многие опасались призыва к «вовлечению масс в политическую борьбу». Но эмоциональные выступления Петрункевича и Родичева склонили большинство участников съезда к подписанию документа. «Мы хотим в непродолжительном времени стать представителями народа, – заявил Родичев, – и боимся обращаться к народу. Как же мы приобретем его доверие?»⁸⁶ Дилемма «власть или народ» получила на время разрешение в пользу народа. В целом на съезде победили сторонники левого, «освобожденческого» крыла либеральной оппозиции. В то же время решения съезда использовались как сильный аргумент против неуступчивости власти – шаг для земских либералов опасный, но он был сделан, хотя умеренно настроенных земцев не устраивал рост влияния интеллигентского, более радикального крыла оппозиции на «третий элемент» и на ход земской жизни.

Во время июльской встречи устраивались банкеты, собиравшие до 500 человек, половину из которых составляли земцы. На банкетах присутствовали члены «Союза союзов» и приглашенные ими социал-демократы и эсеры⁸⁷. Будущий лидер кадетов Милюков призывал земцев «к боевому соглашению с революционерами», а Родичев – к борьбе с «режимом произвола и тирании»⁸⁸. А.А. Мануйлов предлагал осуществить на деле народнический лозунг «Земля и воля», эсеры – члены начинающего складываться ВКС докладывали о готовности ряда районов страны к борьбе против существующего строя⁸⁹. Естественно, такие речи действовали на умеренно-либеральных земцев отпугивающе, и некоторые из них покинули съезд досрочно. Тем не менее он поднял активность исполнительных структур многих земств. Московское, Костромское, Таврическое, Саратовское земства собирали региональные совещания с целью найти действенные формы политической работы в сельской местности. Этот вопрос стоял и на встрече представителей се-

верных земств: Вятского, Вологодского, Владимирского, Ярославского, Новгородского. В августе аналогичные совещания прошли еще в 15 земствах. Страх перед новой реальностью и опасения, что «бедные возьмут себе силой жизненные блага, если богатые по совести не отдадут им таковых», разбудил земскую инициативу⁹⁰. Земские служащие объезжали уездные города «с прокламациями запрещенного в Москве съезда». Нередко члены местных организаций РСДРП и «Союза союзов», распространявшие листовки с призывом «Долой самодержавие!», включали в их текст описание июльского съезда⁹¹.

По сравнению с революционными партиями либеральные организации имели одно большое преимущество: они могли использовать самую сильную, разветвленную и легальную структуру – органы местного самоуправления для пропаганды своих идей и программ. Земства были заинтересованы в идеологической обработке крестьянских масс. Через сельские сходы, агрономические службы, ссудосберегательные товарищества земские гласные и служащие объясняли крестьянам «всю опасность насильственного пути разрешения земельного вопроса». При этом им обещали через народное представительство добиваться прирезки наделов за счет частичного отчуждения помещичьих земель, справедливых арендных отношений, урегулирования спорных вопросов о выпасах и пользовании лесами⁹². При этом ставилось лишь одно условие – использование мирных, законных средств борьбы. Претендуя на роль лидера в революции, либералы меняли тактику в зависимости от своих конкретных задач. Когда речь шла о борьбе за власть, они готовы были координировать действия с революционными организациями, но когда дело касалось влияния на массы, они всеми силами противодействовали проникновению в них революционных идей, особенно в крестьянскую среду.

9 и 10 июля прошел съезд земцев-конституционалистов. Он решал главный вопрос партийного строительства: вокруг каких групп будет складываться ядро партии и на какой идейно-теоретической платформе состоится слияние либералов разных оттенков. Разногласия при решении столь непростой задачи обнаружились быстро. Умеренное крыло (Гейден, Вернадский, В.М. Петрово-Соловово и другие) считало, что партийное ядро должны составить именно земцы-конституционалисты⁹³. Они допускали вхождение в партию и более правых (но не крайних) земцев и откладывали на будущее обсуждение социально-экономического блока программы. Интеллигентское крыло группы конституционалистов (А.А. Мануйлов, Л.Д. Брюханов, М.Л. Мандельштам) настаивало на возможно более полном варианте программы, так как иначе «не с чем идти к народу» и «нечего противопоставить левым партиям»⁹⁴. Тупиковая ситуация объяснялась неприятием умеренной частью съезда «освобож-

денческой» программы в качестве идейно-теоретической платформы либеральной партии. Острые дебаты увенчались делегированием 20 участников съезда на переговоры «с группами, близкими по основному направлению», с целью создания организационного комитета будущей партии.

На съезде с трудом прошла резолюция об отношении к «Союзу союзов». Большинство поддержало включение его представителей в комитет, но умеренное крыло голосовало против. На съезде выявилось углубление принципиальных разногласий между представителями двух оттенков либерализма, что привело к созданию осенью 1905 г. двух партий – кадетов и октябристов.

Становление правых партий

Процесс консолидации и организованного оформления наиболее трудно и медленно шел в правых группах консервативно-охранительного течения, поставивших своей задачей объединить все силы, противостоящие революции. Правые располагали относительной свободой и поддержкой власти. До начала XX в. «охранители» не имели особой потребности в массовых политических организациях, кроме корпоративных. Они пользовались надежными каналами и способами влияния на власть, укрепляли свои позиции в органах самоуправления. Выступая за незыблемость Основных законов империи, за неограниченное самодержавие и сословный строй, правые тем не менее искали пути приспособления к новым условиям и приходили в связи с этим в известное противоречие с обуржуазившейся частью дворянства и с верхушкой бюрократии, вынужденной регулировать развитие капитализма «сверху», в том числе и путем реформ, которые далеко не всегда устраивали консервативную часть дворянства.

Вместе с тем «охранители» признавали в том или ином виде необходимость перемен, но претендовали на то, чтобы держать процесс реформирования под своим контролем. С этой целью образовывались кружки, общества, учреждались печатные издания. Идеологи разрабатывали концепцию преобразований, которая должна была исходить от власти. Условно правое течение можно подразделить на три направления, сложившиеся к началу XX в.: патриотическо-культурническое («Русское собрание»), неославянофильское («Кружок московских дворян») и консервативно-охранительное («Московские ведомости»). Все три центра правых действовали обособленно и не торопились с объединением вплоть до осени 1905 г., хотя разговоры на данную тему и велись в печати.

«Русское собрание», в состав которого входили представители древних дворянских родов князя П.Д. Голицын, М.Л. Шаховский, М.Н. Волконский, графы П.Н. Апраксин, Н.Ф. Гейден, крупные

землевладельцы типа В.М. Пуришкевича, а также небольшая часть интеллигенции, вело просветительскую работу в казенно-патриотическом духе среди молодежи, средних городских слоев, крестьянства. «Собрание» было малочисленной организацией и насчитывало около 120 человек. Идеологами «Кружка московских дворян» были Д.Н. Шипов, Д.А. Хомяков, Ф.Д. Самарин, С.Ф. Шарапов, кн. А.Г. Щербатов. Шарапов издавал газету «Русское дело». «Кружок» придерживался умеренно-консервативной позиции, выступал за постепенное проведение государственных преобразований, «не нарушавших основ исторических устоев российской государственности». «Московские ведомости», ставшие еще при М.Н. Каткове политической трибуной русских консерваторов, оказывали серьезное влияние на правительственную политику. С приходом В.А. Грингмута газета приобрела крайне консервативную направленность.

В январских событиях 1905 г. правые усмотрели начало революции, для пресечения которой, по их мнению, следовало использовать как карательные, так и политические средства. Поэтому требования «искоренения крамолы», «подавления зла» сочетались у них с рекомендациями правительству «возобновить затормозившееся решение рабочего вопроса» и ускорить «создание рабочей организации для определения нужд рабочих и правильного взаимоотношения с работодателями». «Повсюду, где созданы такие организации, – говорилось в «Московских ведомостях» – рабочий класс борется за истинные свои интересы и уже не может быть вовлечен в бунты»⁹⁵. Виновниками «смуты» правые публицисты объявили интеллигенцию, либералов и бюрократию.

Пытаясь урезонить земцев, более осторожная газета «Русское дело» писала: «Неужели... опять раздадутся голоса, требующие разрушения веками сложившегося государственного строя? Неужели и московское дворянство поддастся модному течению?» «Московские ведомости» в преддверии обнародования актов 18 февраля бесцеремонно отменяли все реформаторские притязания либералов. «Может ли быть какая-нибудь речь об уступках горстке отщепенцев, ничего не имеющих общего ни с Россией, ни с ее народом? Всякая, даже частичная уступка была бы оскорблением для самодержавия и народа»⁹⁶, – возмущалась газета.

Представители крайнего крыла консерваторов призывали всех «верных царю людей» сплотиться для «противодействия чуждым нашему отечественному укладу течениям». При этом отвергалась всякая мысль о серьезном изменении устоев власти и требовались гарантии «в том, что наш государственный строй будет огражден от посягательств, могущих сказаться не только в прямом повреждении основ, но и в поползновении лиц, возмнивших себя призванными переустроить наш государственный строй»⁹⁷. Опасаясь дальнейшего развития революции, правая печать методично подталкивала

власть к репрессиям против революционеров и восставшего народа вплоть до организации «снизу» контрреволюционного террора, провоцируя гражданские столкновения.

Рескрипт 18 февраля вызвал бурные дискуссии о том, как «сохранить неограниченную монархию» в условиях кризиса. Каждая правая группа вкладывала свой смысл в понятия «единения царя с народом», «совет царя с землей». Но аксиомой для всех являлось следующее: законосовещательное учреждение создается для совета царя с верными людьми, в первую очередь из «старшего» сословия, т.е. дворянства; обязателен сословный принцип формирования подобной коллегии; необходимы гарантии от проникновения бацилл «парламентаризма» в российскую государственность, что было бы «гибельно для России и самодержавия». При этом делалось одно существенное уточнение: самодержавие должно обрести новую, невиданную ранее идеальную форму. Главным препятствием этому является бюрократия, в критике которой правые не уступали либералам. «Властная в России партия – бюрократическая, – писали «Московские ведомости». – В этой партии, разрушающей самобытное русское царство и счастье народа, следует видеть настоящий корень всех революций в России. Бюрократия стремится подчинить себе царя и русский народ. Такая самодержавная бюрократия, противопоставившая себя законному царскому самодержавию, окрепла и захватила верховную власть потому главным образом, что главы ее безнаказанны и пользуются исключительной привилегией»⁹⁸.

Надо сказать, что эта теория «двойного самодержавия», одно из которых – радеющий за народ царь, а другое – корыстная, бесконтрольная бюрократия, исторически очень живуча. Ее вытаскивают из сундука политических аргументов всякий раз, когда падает авторитет и доверие общества к власти и ее политике. Политическая система при этом искусственно разделяется на две составляющие: одна из них – верховная власть – возводится на Олимп безгрешности и справедливости, а другая – «бюрократия», всеми нитями связанная с первой, – превращается в объект бурной общественной критики.

Весной 1905 г. была сделана попытка сблизить правые течения и кружки и создать из них массовую антиреволюционную организацию. Инициатором здесь выступил член Государственного совета Б.В. Штюмер. Он вошел в сношения со знакомыми ему сенаторами и служащими разных министерств, особенно МВД. Штюмера поддержали в его начинаниях А.С. Стишинский, А.Д. Зиновьев, А.А. Бобринский, А.А. Ширинский-Шихматов и другие. Число сторонников росло. Позднее к группе, получившей название «Отечественный союз», подключались другие известные земцы правого толка. Но вербовка в «Союз» шла туго, а о связях с общественностью

вообще разговора не было. Своей целью участники «Союза» считали усиление влияния на власть. В связи с этим правление «Союза» пыталось составить собственный проект создания в России законосовещательного учреждения.

Собрания «Союза» проходили в Петербурге на Галерной в уютном особняке гр. Бобринского. «В сравнительно небольшом зале, устланном мягкими коврами... за продолговатым столом, при смягченном розовыми абажурами свете нескольких канделябров, – писал В.И. Гурко, – собрались созидатели «Союза» и серьезно обсуждали вопросы, на решение которых они, в сущности, уже лишены были возможности сколько-нибудь значительно повлиять»⁹⁹. «Союз» так и не вышел за рамки столичного бюрократического салона и не мог стать ядром будущей политической организации консервативных сил, инициатива в создание которой перешла к другим группам.

В апреле партийным строительством занялись члены «Кружка московских дворян», отколовшиеся от самаринской группы, примкнувшей к «Русскому собранию». Они создали самостоятельный «Кружок С.П. Шереметева». Им принадлежало авторство «Воззвания к москвичам и провинциалам Московской губернии», ставшего программой «Союза русских людей» (СРЛ). Это была организация с пестрым социальным составом (дворяне, интеллигенция, чиновники, частично представители мелкой и средней городской буржуазии, старообрядческих общин). «Союз» к лету 1905 г. открыл местные отделы в Москве, Московской губернии, Петербурге, Орле, Тамбове, Смоленске, Туле, Курске, Чернигове, Саратове, в Витебской губернии. Однако по численности он не намного превосходил «Русское собрание». В составе СРЛ оказались графы Бобринский, Гудович, Павел и Петр Шереметевы, князья Голицын, Щербатов, Волконский, Урусов, Гагарин, аристократы Д.А. Олсуфьев, А.А. Нарышкин, академики А.И. Соболевский, В.И. Ламанский, профессора Д.И. Иловайский, П.Н. Мрочек-Дроздовский, Д.Я. Самоквасов и другие.

В программе СРЛ отразились взгляды той части общества, для которой был неприемлем перенос западных моделей государственного и общественного устройства в Россию. Они не отрицали необходимости определенной модернизации государственного управления и самоуправления, но, по их мнению, она должна была проводиться в полном соответствии «с завещанными нам историей началами». К ним относились «нераздельность самодержавия с благом России», «исконно-национальное учреждение – Земский собор», «правильно организованное самоуправление», подразумевавшее вовлечение крестьян в земскую деятельность¹⁰⁰. Социально-экономические вопросы в программе фактически отсутствовали. Тем не менее СРЛ проводил активную работу среди рабочих, крестьян, молодежи. Со-

брения СРЛ посещали рабочие Москвы, Петербурга и других промышленных центров. Местные отделы распространяли прокламации и агитационную литературу. Большую аудиторию в 100–300 человек собирали клубы-чайные, превратившиеся в центр агитации правых организаций. Но численность СРЛ не росла, и претендовать на роль партии он не мог. По данным Департамента полиции, в рядах СРЛ значилось к осени 1905 г. всего около 300 членов¹⁰¹.

В период подъема революции не оказала сколько-нибудь значительного влияния на массы и Русская монархическая партия, формально возникшая сразу после опубликования актов 18 февраля, но фактически организовавшаяся, как и другие правые партии, лишь в период отступления революции. Центральное бюро РМП находилось при редакции «Московских ведомостей». В него вошли крайне правые: В.А. Грингмут, И.И. Восторгов, кн. Д.М. Долгоруков и другие. Они выступали за сохранение полноты самодержавия, за законосоветательную, по воле царя созываемую Думу, в защиту сословного строя и дворянских привилегий. «Главная опора самодержавия в дворянстве, – писал Грингмут, – а потому все удары, наносимые дворянству, имеют конечной своей целью разрушение всего государственного строя России»¹⁰². Вплоть до октября 1905 г. РМП не имела устава и программы и насчитывала всего около 100 членов¹⁰³. Лидеры РМП в дальнейшем оказались в составе руководящих органов «Союза русского народа», именем которого совершалась громная деятельность «черносотенных» правых организаций.

Летом 1905 г. начали воплощаться в жизнь планы отпора революции «снизу». Ядром антиреволюционных «народных» сил стали небольшие кружки, боевые отряды, группы. Современники указывали на их связь с полицией и местными властями. «Вместо общественных организаций, – писал А.С. Изгоев, – выступали какие-то странские, наполовину подпольные и погромные, наполовину охранно-полицейские союзы... получавшие из казенных источников не только деньги, но и руководящие указания»¹⁰⁴. «Вести из провинции», публикуемые в печати либерального толка, сообщали о том же. «Кондоиди, вице-губернатор, – писал корреспондент из Самары, – ездит по уездам, устраивает съезды земских начальников и преподает им различные наставления тактического характера. Под его руководством ведется агитация против интеллигенции и создаются «народно-монархические комитеты». Прикосновенен к этому делу губернский предводитель дворянства Чемодуров. Эта компания уверена, что народ сметет интеллигенцию, если это понадобится»¹⁰⁵. «Кружки» выпускали агитационную литературу, доказывали, что самодержавная форма правления единственно возможная и приемлемая для России. В основе пропаганды лежало противопоставление интересов «мужика-собственника, сидящего на земле», а значит, близкого к помещику, и «босяка-пролетария»; интеллиген-

ции и народа; «истинного, родового, вотчинного» и «владимирского» дворянства, «ставшего таковым благодаря «Табели о рангах» и владимирскому кресту»¹⁰⁶.

Провоцируя столкновения разных групп населения, правые пытались поднять массы на сопротивление революции «снизу» и требовали одновременно установления диктатуры «сверху». «Пробудимся мы хоть теперь, – взывала правая публицистика в связи с летними событиями в Иваново-Вознесенске и на флоте, – к сознанию необходимости серьезной, благоразумной и твердой энергии в беспощадном и благонамеренном подавлении революционной гидры... Спасти Россию могут лишь временные, экстренные меры – диктаторская власть, с объявлением всех крупных центров России на военном режиме»¹⁰⁷.

Лозунг «Сначала применение твердой силы, а затем тщательно продуманные реформы» объединял все течения правых, исключая «левых славянофилов» во главе с Шараповым. Позднее этот несколько скорректированный лозунг стал политической доктриной премьера П.А. Столыпина. Еще будучи саратовским губернатором, Столыпин и губернская администрация стремились к сплочению всех антиреволюционных сил. В результате правые начали устраивать контрдемонстрации против акций левых, встречая последних градом камней и тяжелых предметов. Столкновения заканчивались жертвами, увечьями, ранениями. Столыпин принимал личное участие в подавлении крестьянских волнений. Сам Д.Ф. Трепов по достоинству оценил «распорядительность» и «умелые действия губернатора»¹⁰⁸, что, возможно, обеспечило ему карьеру премьера.

В июне–июле 1905 г. в ряде городов России выступления правых приняли откровенно погромный характер. С тревогой встретило общество июльские события в Нижнем Новгороде, где избиение мирной демонстрации «черной сотней» привело к убийствам и ранениям. Прибывшие в город казаки фактически помогали «черносотенцам». Местные монархические объединения находили административную поддержку, им негласно покровительствовали некоторые лидеры дворянской правой. Имели они и свою социальную опору, хотя и непрочную. Ряды правых к осени 1905 г. пополнили интеллигенция, частично представители пролетариата и крестьянства, разделявшие монархические идеи. Весомым аргументом для привлечения народных масс в правые группы стало обострение национальных отношений.

В весенне-летний период начала формироваться в самостоятельную силу дворянская правая. В конце весны состоялось два совещания (22-х и 26-ти) предводителей дворянства. Они высказались за укрепление самодержавия «Земским собором», назвав его народным представительством, тесно связанным с отечественным государственным укладом. Тезис о «народном представительстве» вызвал бу-

рю в стакане воды. Консервативно-охранительная пресса обвинила предводителей в том, что они «сошли с почвы рескрипта 18 февраля и незаметно для самих себя уклоняются в сторону конституционной партии». «Без устранения недоразумений относительно понимания принципов рескрипта 18 февраля, – писал один из критиков предводителей, – всякие попытки людей порядка и законности сплотиться под одним знаменем заранее осуждены на неудачу»¹⁰⁹.

Вся без исключения правая пресса и известные правые деятели Ф.Д. Самарин, А.А. Киреев и другие увязли в дискуссиях о роли, функциях, способе формирования и о самом понятии «Земский собор». Точку в бесплодном споре поставила Всероссийская политическая стачка, но столкновение мнений продолжалось еще долго. «Дворянство и даже высшая бюрократия, – пишет современный историк, – не были едины в вопросе о способах борьбы с революцией и будущего государственного устройства страны»¹¹⁰. Консервативное дворянство в лице предводителей, принявших на совещании адрес-петицию царю, как и либералы, сомневались в способности правительства справиться с революцией. Они высказывали недовольство бюрократией, а точнее правительством, которое «нравственно рухнуло», испытывали страх перед «грядущими потрясениями». Но в отличие от либералов консерваторы предлагали ограничиться законосовещательным учреждением, не ущемляющим принципы самодержавия. Сам факт подачи адреса отнюдь не либеральными предводителями позволяет говорить о недовольстве верхушки общества реальной политикой правительства и системой управления, об изменении которой, но без ущерба самодержавию правые говорили все чаще. Не нашел поддержки у своих единомышленников Ф.Д. Самарин, заявивший о постепенности реформ. «Гг. Самарины, не впадайте в грубую политическую ошибку, – писал редактор газеты «Русский труд», – не укрепляйте тех именно ваших противников, против которых вы боретесь... “Смута”, смею вас уверить, не уляжется до тех пор, пока не будет ясной и твердой уверенности, что дальше нынешний порядок продолжаться не будет, что будут даны... необходимые преобразования существенного порядка»¹¹¹. Конечно, голос тех, кто пытался выступить против учреждения даже законосовещательного органа, находил понимание Двора и части высшей бюрократии, но солидаризироваться полностью с дворянско-консервативными пожеланиями власть уже не могла, опасаясь противопоставить себя абсолютному большинству общества.

Споры вокруг закона об учреждении Государственной думы

В конце июля завершилась подготовка проекта законосовещательной Думы. На последнем этапе ее работы в комиссию А.Г. Булыгина были приглашены в Петергоф «сведующие люди», пред-

ставлявшие общественное мнение. Среди них оказались лишь крайне консервативные деятели А.С. Стишинский, А.А. Бобринский, А.П. Струков, Н.М. Павлов, В.Ф. Доррер, А.А. Голенищев-Кутузов, А.А. Нарышкин. Либералов в комиссию так и не допустили.

На Петергофском совещании основное внимание уделялось проблемам, волновавшим власть: сохранению полноты самодержавия, законосовещательному характеру нового института, основам избирательной системы. По первому вопросу разногласий не выявилось. «Непреложность» Основных законов и самодержавия провозглашалась в первой же статье проекта. «Государственная дума учреждается, – говорилось в законе, – для предварительной разработки и обсуждения законодательных представлений, восходящих, по силе Основных законов, через Государственный совет к верховной самодержавной власти»¹¹².

В нескольких статьях подтверждался законосовещательный характер Думы. Тем не менее правые устроили обструкцию статье, предусматривающей возврат отклоненного Думой и Госсоветом проекта соответствующему министру. Они усмотрели в ней «ограничение законодательных прав монарха»¹¹³. Лишь заявление Д.Ф. Трепова и министра юстиции С.С. Манухина, выступивших в защиту указанной в проекте нормы, склонили царя в сторону большинства. Стишинский, Нарышкин, Голенищев-Кузузов, Павлов поставили под вопрос право Думы возбуждать законодательные инициативы, касающиеся производства новых расходов, но члены совещания не поддержали правых, успокаивая их тем, что «законодательные инициативы Думы не имеют обязательного характера»¹¹⁴.

Наиболее острые прения развернулись вокруг вопроса о порядке формирования нового учреждения. В канун появления актов о Государственной думе правая пресса настойчиво проводила мысль о необходимости соблюдения сословного принципа при построении избирательной системы. Имущественно-цензовая основа выборов приравнивалась к «упразднению родовитого дворянства – единственного культурного слоя, которое могло бы еще, сплотившись вокруг государя, спасти погибающую Россию»¹¹⁵. В Петергофе Стишинский повторил те же мысли, доказывая царю, что дворянство при имущественно-цензовой системе «получит такой удар, что оно не оправится»¹¹⁶. Но его доводы не убедили участников совещания. А.Д. Оболенский, В.О. Ключевский и члены царской фамилии усомнились в способности дворянства выступить единой силой. «Какие могут быть разговоры о сословном духе и традициях дворянского сословия, – парировал доводы правых вел. кн. Владимир Александрович, – после всего того, что произошло»¹¹⁷.

Приглашенные настаивали на своем, но им необходим был союзник. Старопоместное дворянство искало его в крестьянстве, надеясь на монархизм, определенную консервативность и «послуш-

ность» крестьян помещику. «Охранителям» казалось, что психология крестьян почти не изменилась и ею можно управлять. «Наш простой мужик остается все таким же, каким был и раньше: истинным православным христианином, преданным своему царю-батюшке. Наши крестьяне такие же... каких знала и более ранняя история... Ни для кого не тайна, что наши крамольники никакого успеха у крестьян не имеют... аграрные беспорядки – случайность»¹¹⁸, – утверждали правые публицисты. «Сведущие люди» принесли эту точку зрения в Петергоф, настаивая на сословном представительстве в Думе крестьян. Однако участники встречи (Оболенский, Ключевский, Коковцов, вел. кн. Владимир Александрович) все же опасались прихода в Думу большого числа выборных от крестьян. «Я никак не могу признать отвечающим действительности сравнения крестьянского элемента со стеной, ограждающей Думу от нежелательных увлечений, – возражал министр финансов Коковцов»¹¹⁹. «Крестьяне могут в любой момент... оказаться на стороне неблагонадежного элемента, который несомненно проникнет в Думу», – уверял он. В результате обсуждения группе Стишинского была сделана уступка: за крестьянами закреплялось одно обязательное место в Думе от каждой губернии.

6 августа 1905 г. был опубликован манифест о Государственной думе и избирательный закон. В манифесте провозглашалось учреждение законосовещательного установления, в функции которого входило рассмотрение бюджета и предварительная разработка и обсуждение законопроектов. «В сих видах, – особо отмечалось в манифесте, – сохраняя неприкосновенным закон Российской империи о существе самодержавной власти, признали мы за благо учредить Государственную думу»¹²⁰. Одновременно указывалось, что окончательное решение по законопроектам, как и ранее, принимает Государственный совет и утверждает закон император. Решения Думы не были, таким образом, обязательными. Избирательное право получили не все, а лишь лица не моложе 25 лет, владеющие недвижимостью на сумму не менее 1,5 тыс. руб., а в столице – 3 тыс. руб. В эту категорию почти не попадали рабочие, а женщины вообще не имели права голоса. Лишались избирательных прав военные и студенты. Для крестьян выборы устанавливались четырехстепенные, для других категорий – двухстепенные.

Согласно данным, появившимся в газетах, в выборах в Думу могло принять участие лишь незначительное меньшинство городского населения: в Петербурге – 7,1 тыс. человек из 1,4 млн. жителей, в Москве – 12 тыс. из 1,1 млн., в Царицыне – всего около 550 из 85 тыс., в Костроме – 600 из 55 тыс., в Казани – около 1 тыс. из 150 тыс. и т.д. В финальной стадии выборов 7,6 тыс. выборщиков предстояло избрать 412 депутатов. При этом, играя в «крестьянский цезаризм» и рассчитывая на монархические иллюзии и законо-

послушность крестьянства, власти решили дать крестьянам 45% голосов в губернских избирательных собраниях, землевладельцам – 34% и горожанам – 23%¹²¹. Закон перечеркнул надежды большей части общества на серьезное обновление государственного строя, провозглашение гражданских прав и свобод. Видимо, верх взяла логика К.П. Победоносцева, говорившего, что «народное правительство имеет смысл только в тех государствах, где есть почва для правильной организации общественного мнения... Все это доступно только тем, кто может не думать о куске хлеба... Всеобщая подача голосов, вообще привлечение многих к прямому или косвенному участию в делах правления есть величайшая из нелепостей»¹²².

Большевики дали отрицательную оценку маневрам власти, охарактеризовав Думу как «самое наглое издевательство над народным представительством». «Государственная дума, – писал В.И. Ленин, – не имеет ровно никаких прав, ибо все ее решения имеют не обязательный, а лишь совещательный характер... Это только игрушечная пристрочка к чиновничьему и полицейскому зданию»¹²³. Большевики призывали к активному бойкоту Думы. Эсеры, Всероссийский крестьянский союз, Всероссийский союз учителей также приняли решение бойкотировать Думу. Меньшевики заняли неопределенную позицию, а на Рижской конференции представителей социал-демократических организаций России фактически отказались бойкотировать выборы¹²⁴.

Закон 6 августа 1905 г. об учреждении законосовещательной Думы не удовлетворил никого. Правые получили гарантии неприкосновенности Основных законов и сохранения полноты самодержавной власти, но остались недовольны игнорированием их требований о сословном принципе избирательной системы. Обнародование актов 6 августа не прибавило оптимизма и промышленной буржуазии, претендовавшей на свое место у руля государственного управления. Да и лишение избирательных прав рабочих они восприняли с большим опасением.

Манифест и закон о Государственной думе вызвал замешательство в рядах либералов. Законосовещательное учреждение, столь дружно осужденное большинством земских собраний и июльским съездом земских и городских деятелей, стало реальностью. Земства после отмены указа 18 февраля потеряли юридическое право обсуждать общегосударственные вопросы, в том числе и отношение к бойкоту.

Этот вопрос не получил определенного решения на июльском съезде. Ф.А. Головин на заседании оргбюро откровенно признался: «Надо ждать сильного революционного толчка. Умеренным элементам пока делать нечего... Надо выжидать событий»¹²⁵.

IV съезд «Союза освобождения», состоявшийся в конце августа, высказался гораздо определеннее. Его участники отвергли бойкот

Государственной думы, аргументируя свое решение тем, что в нее надо избираться «исключительно с целью борьбы для введения в России действительных конституционных свобод». Часть «освобожденцев» готова была на данном этапе довольствоваться тем, что дали. «Акты 6 августа начинают собой новую эру свободной политической жизни России, – писал П.Н. Милоков. – Правильнее сказать, что тут перейдена какая-то грань, что сегодня мы на другой стороне того перевала, к которому шли вчера»¹²⁶. Однако полной ясности по поводу думской тактики у «освобожденцев» не было. Более конкретно съезд подошел к обсуждению вопроса о взаимоотношениях либералов с Крестьянским союзом. Местным отделам «Союза» вменялось в обязанность поддерживать связь с организациями Крестьянского союза. Активизировать работу в крестьянской массе должны были, согласно рекомендациям съезда, земские экономические советы, сельскохозяйственные общества и кооперативные организации¹²⁷. В связи с учреждением Государственной думы и предстоящими выборами IV съезд поставил вопрос ребром о создании конституционно-демократической партии на идейной платформе «Союза освобождения».

12–15 сентября в Москве проходил пятый съезд земских и городских деятелей. На нем присутствовало 193 делегата, из них 130 – представители земств и 63 – городов. Состав съезда мало чем отличался от предыдущего. Сентябрьский съезд работал легально, хотя полицейский чин вновь одарил общественных деятелей своим присутствием. Повестка дня свидетельствовала о подготовке либералов к выборам и автоматически снимала вопрос о бойкоте, что объясняется влиянием IV съезда «Союза освобождения». Либералы готовили почву для сотрудничества с властью. Недаром из Москвы пришла обнадеживающая правительственная депеша: «Среди земских и городских деятелей в настоящее время не замечается более резких проявлений их либеральных стремлений... Они безусловно отрешились от действий, могущих скомпрометировать их перед правительством»¹²⁸. Полицейские аналитики чутко уловили суть изменений в позиции либералов. В докладе бюро отсутствовала острая критика статуса Думы. «Закон о Думе, – говорилось в докладе, – не мог не вызвать целого ряда недоумений и мысли о необходимости внести в него изменения». В том же духе была принята и резолюция (против – 1), гласившая, что, хотя «Государственная дума, имеющая быть созванной на основании закона 6 августа, не явится народным представительством в истинном смысле этого слова», но все же необходимо войти в нее «в возможно большем числе» и образовать «там сплоченную группу с целью достигнуть через ее посредство гарантий гражданской свободы, равенства... и введения народного представительства на основах, установленных совещаниями земских деятелей»¹²⁹. Резолюция примирила «боль-

шинство» и «меньшинство» делегатов. Сложнее обстояло дело с «Воззванием к избирателям». Понимая, что акты 6 августа не внесут успокоения в общество, либералы вынуждены были включить в документ краткий вариант своей политической программы, принятой на апрельском и июльском съездах. Иначе, в случае дальнейшего развития революции, они могли оказаться в изоляции. Но «меньшинство» вновь заявило о своем несогласии с «четырёххвосткой».

Социально-экономическая часть «Воззвания» в самом сжатом виде повторяла пункты аграрной программы, одобренной на съездах земцев-конституционалистов и на земских съездах весной 1905 г. Крестьянам выдавался вексель с обещанием, что все намеченные меры будут осуществлены через Думу, если они «откажутся от насильственных методов захвата чужой собственности». Поскольку рабочие не получили избирательного права и либералы не очень были озабочены привлечением их голосов, в «Воззвании» не оказалось пункта о 8-часовом рабочем дне. В нем говорилось лишь о праве рабочих на стачки и на образование профессиональных союзов. На этом вполне мирно настроенный съезд либеральной оппозиции мог бы закрыть свою работу, продемонстрировав осторожное отношение к актам 6 августа.

Но предстояла еще доработка программы будущей кадетской партии, в частности раздела о национальном вопросе и децентрализации управления. Основным докладчиком выступал Ф.Ф. Кокошкин, высказавшийся за предоставление всем народностям России права на свободное культурное самоопределение. Во второй части доклада говорилось о реформе местного самоуправления, в чем были кровно заинтересованы все земцы. Его органам предполагалось передать решение всех основных вопросов местной жизни, тогда как функции губернаторской власти ограничивались лишь надзором за законностью деятельности органов самоуправления. Спорные вопросы должны были решаться в судах, а не в МВД. Предусматривалось введение волостного земства и Земской палаты, венчающей вертикаль самоуправления. Собственно говоря, это была старая земская схема устройства «местной жизни», и на съезде ее одобрили без особых дискуссий.

Постановка вопросов об автономизации вызвала дискуссию. Противники идеи автономизации и федерализации А.И. Гучков, А.М. Немировский, П.Б. Щербатов и другие аргументировали свои опасения перспективой раздробления государства. Рост активности националистических групп создавал реальную почву для подобных опасений. «Вместо облегчения национального вопроса наружу выйдет национальный антагонизм», – заявил Щербатов. – Если страшно давление из центра, то разве не страшен сепаратизм?»¹³⁰ Взвешенную позицию заняли и сторонники автономизации и федерали-

зации известные земские деятели А.М. Колюбакин и В.И. Вернадский. Надо отдать должное выступавшим на съезде: в их речах звучало не неприятие самой идеи, а ответственность лидеров за судьбу страны и многонационального народа. «Сейчас все понимают, – утверждал Колюбакин, – теперь не время мелких государств: от союза все выгоды». О несовместимости демократии и национал-сепаратизма говорил и Вернадский. «Демократический строй России при огромной территории, захватывающей 150 млн. человек, не может быть построен на национальных началах»¹³¹. Съезд признал правомерность включения в программу тезиса «об автономизации». Одновременно общественные деятели высказались за автономию Царства Польского с правом создания собственного представительного учреждения.

Сентябрьская встреча была последним беспартийным форумом земского либерализма. В преддверии Всероссийской политической стачки происходило размыивание пестрой земской оппозиции, предвещавшее ее закат. «Меньшинство» и сблизившиеся с ними столичные организации промышленников стояли на пороге создания самостоятельной политической партии.

Учреждение Государственной думы ускорило процесс реформы правительственных структур. Вернувшийся в Петербург после заключения 23 августа Портсмутского мира председатель Комитета министров С.Ю. Витте начал продвигать проект о Совете министров в Особом совещании под председательством графа Д.М. Сольского. В конце сентября рассматривался новый вариант реформы Совета министров, принципиально отличавшийся от разработанного еще в начале года варианта*. Во главе Совета проектировалось поставить председателя. Он обязан был представить царю кандидатов на министерские посты и входил к императору со «всепопдаднейшими докладами» по делам всех ведомств, кроме иностранных и военных дел, императорского Двора. Намечалось упразднение Комитета министров.

Вопрос о юридическом статусе главы Совета министров вызвал разногласия и споры. Этот неизвестный дотоле самодержавному строю институт рассматривался не только правыми, но и некоторыми членами правительства (Коковцов, Лобко) как посягательств-

* С января по середину апреля 1905 г. работало Особое совещание под председательством Витте, которое должно было выработать основные принципы формирования в России «объединенного правительства» – постоянно действующего Совета министров по западному образцу. Это была любимая идея Витте, мечтавшего стать премьером такого кабинета. Однако его планы встретили сопротивление других участников Совещания, а оправившийся от январского шока Николай II, категорически не желавший какого бы то ни было ограничения своих прав, дал указание прекратить его работу.

во на prerogative самодержавной монархии. Дискуссии, видимо, продолжались бы долго, тем более что и сам император не без сомнения соглашался на введение должности председателя Совета министров, но резкое обострение внутривластной ситуации заставило поторопиться с созданием «объединенного правительства». С ним власть связывала надежды на скорое подавление революции и на проведение эффективного и гибкого политического курса.

Примечания

- ¹ Цит. по: *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 88.
- ² *Победоносцев К.П.* Московский сборник. М., 1892. С. 43.
- ³ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 424.
- ⁴ Там же. С. 423.
- ⁵ Образование. 1905. № 2. С. 63.
- ⁶ Освобождение. 1905. № 67. С. 275.
- ⁷ Слово. 1905. № 37. С. 325.
- ⁸ Освобождение. 1905. № 67. С. 252.
- ⁹ См.: *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 115.
- ¹⁰ Цит. по: *Строев Н.* Исторический момент. Московский съезд земских и городских деятелей. СПб., 1906. С. 13.
- ¹¹ *Сенчакова Л.Т.* Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг. Сб. док. М., 2000. С. 43.
- ¹² Там же. С. 30, 32, 33, 35, 38, 43.
- ¹³ Там же. С. 46, 54.
- ¹⁴ См.: *Вронский О.* Крестьянство и власть. Тула, 1993. С. 29–31.
- ¹⁵ Там же. С. 31–35.
- ¹⁶ Там же. С. 40–41.
- ¹⁷ Освобождение. 1905. № 68. С. 395.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ *Шаццло К.Ф.* 1905-й год. М., 1980. С. 63.
- ²⁰ *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 115–118.
- ²¹ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 9. С. 406.
- ²² *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* Марксисты и русская революция. М., 1996. С. 50.
- ²³ Там же. С. 51–53.
- ²⁴ *Ленин В.И.* ПСС. Т. 2. С. 263.
- ²⁵ См.: *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* Указ. соч. С. 54.
- ²⁶ Революция 1905–1907 гг. в России. М., 1975. С. 80.
- ²⁷ *Тютюкин С.В., Шелохаев В.В.* Указ. соч. С. 56.
- ²⁸ Там же. С. 57.
- ²⁹ Там же. С. 65.
- ³⁰ См. об этом: *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 150.
- ³¹ Там же. С. 173–176.
- ³² Там же. С. 177, 180.
- ³³ *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 194.

- 34 ГАРФ. Ф. 102, 00 (II отд.). 1905. Д. 1000. Л. 39.
- 35 Освобождение. 1905. № 69–70. С. 308.
- 36 Освобождение. 1905. № 67. С. 339.
- 37 ГАРФ. Ф. 102, 00 (II отд.). 1905 (А). Вещественные доказательства. Л. 85.
- 38 См. об этом: *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч.
- 39 Революция 1905–1907 гг. в России. С. 95.
- 40 Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 124.
- 41 Там же. С. 125.
- 42 *Багаев М.А.* Моя жизнь. Воспоминания. Иваново, 1949. С. 8.
- 43 Всеобщая стачка иваново-вознесенских рабочих в 1905 г. Иваново. 1955. С. 9.
- 44 Там же. С. 143.
- 45 Рабочий класс в Первой российской революции. С. 130.
- 46 Революция 1905–1907 гг. в России. С. 100.
- 47 Рабочий класс в Первой российской революции. С. 182.
- 48 *Милюков П.Н.* Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1907 гг. СПб., 1907. С. 49–51.
- 49 Освобождение. 1905. № 69–70. С. 313.
- 50 Там же.
- 51 *Пушкарева И.М.* Железнодорожники России в буржуазно-демократической революции. М., 1975. С. 110–113.
- 52 *Ольденбург С.С.* Царствие императора Николая II. Белград, 1939. С. 281.
- 53 Освобождение. 1905. № 68. С. 1.
- 54 РОРГБ. Ф. 440. К. 2. Д. 22. Л. 1.
- 55 Там же.
- 56 *Маклаков В.* Современные записки. Париж, 1933. Т. III. С. 215.
- 57 Цит. по: *Соловьев Ю.Б.* Указ соч. С. 148.
- 58 *Маклаков В.* Указ. соч. С. 218.
- 59 Освобождение. 1905. № 74. С. 2.
- 60 РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 28. Л. 1.
- 61 Журнал чрезвычайной 1905 г. сессии Орловского губернского земского собрания. Орел, 1905. С. 1.
- 62 Там же. С. 3.
- 63 Там же. С. 8.
- 64 Журнал чрезвычайной 1905 г. сессии Смоленского губернского земского собрания. Смоленск, 1905. С. 10.
- 65 Журнал чрезвычайной 1905 г. сессии Новгородского губернского земского собрания. Новгород, 1905. С. 14.
- 66 Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 800. Оп. 1. Д. 239. Л. 5.
- 67 Там же. Л. 6.
- 68 Освобождение. 1905. № 67. С. 191.
- 69 *Петров В.А.* Очерки по истории революционного движения в русской армии в 1905 г. М.; Л., 1964. С. 383.
- 70 Цит. по: *Петров В.А.* Указ. соч. С. 105.
- 71 *Ленин В.И.* ПСС. Т. 10. С. 335, 337; *Плеханов Г.В.* Соч. Т. VIII. С. 320–322.
- 72 *Петров В.А.* Указ соч. С. 145–148.
- 73 Рабочий класс в Первой российской революции. С. 134.
- 74 Там же. С. 136.
- 75 Образование. 1905. № 4. Отд. II. С. 33.

- 76 *Петров Ю.А.* 1905 год: пролог гражданской войны // Россия в начале XX в. Исследование. М., 2002. С. 365.
- 77 *Маклаков В.* Указ. соч. С. 259.
- 78 ГАРФ. Ф. 102, 00 (II отд.). 1905. Д. 1000. Л. 188.
- 79 Там же. Л. 191.
- 80 *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 153.
- 81 ГАРФ. Ф. 102, 00 (II отд.). 1905. Д. 1000. Л. 122.
- 82 Там же.
- 83 Освобождение. 1905. № 76. С. 454.
- 84 Там же.
- 85 Там же.
- 86 Там же.
- 87 ГАРФ. Ф. 102, 00 (II отд.). 1905 (А). Вещественные доказательства. Л. 133.
- 88 Там же. Л. 140.
- 89 Там же.
- 90 Там же. Л. 269.
- 91 Там же. Л. 287.
- 92 ГАРФ. Ф. 102, 00 (II отд.). 1905. Д. 1000. Л. 265.
- 93 Освобождение. 1905. № 78/79. С. 3.
- 94 Там же. С. 5.
- 95 Московские ведомости. 1905. 29 января. С. 2.
- 96 Русское дело. 1905. 12 января. С. 2.
- 97 Известия Русского собрания. 1905. № 3. С. 3.
- 98 Московские ведомости. 1906. № 61. С. 2.
- 99 *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 40.
- 100 Русское дело. 1905. 18 июня. С. 3.
- 101 ГАРФ. Ф. 102, 00. Ф. 102. Д. 828. Ч. 1. Л. 5.
- 102 Собрание статей В. Грингмута. М., 1910. Вып. 3. С. 10.
- 103 Дневник Л.А. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 40. С. 73.
- 104 *Изгоев А.С.* Из истории падения самодержавия. С. 4.
- 405 Освобождение. 1905. № 71. С. 348.
- 106 Свет. 1905. 12 июня. С. 3.
- 107 Правда России. 1905. № 169. С. 2.
- 108 *Корелин А.П.* К стабильности через реформы // Россия в начале XX в. Исследование. М., 2002. С. 476.
- 109 Русское дело. 1905. № 18. С. 8.
- 110 *Корелин А.П.* Указ. соч. С. 363.
- 111 Русский труд. 1905. № 5. С. 3.
- 112 Петергофские совещания о проекте Государственной думы. Пг., 1917. С. 29.
- 113 Там же. С. 49–50.
- 114 Там же. С. 57.
- 115 Правда России. 1905. № 169. С. 3.
- 116 Петергофские совещания о проекте Государственной думы. С. 3.
- 117 Там же. С. 150.
- 118 Правда России. 1905. № 169. С. 3.
- 119 Петергофские совещания о проекте Государственной думы. С. 194.
- 120 Полн. собр. законов Российской империи (далее: ПСЗ РИ). Собр. 3. Т. XXI. Отд. 1. № 26656.
- 121 См.: Русские ведомости. 1905. 18 августа.
- 122 *Победоносцев К.П.* Указ. соч. С. 58.

¹²³ Ленин В.И. ПСС. Т. 2. С. 182.

¹²⁴ Тютюкин С.В., Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 118.

¹²⁵ ГАРФ. Ф. ДП 00 (II отд.). 1905 (А). Вещественные доказательства. Л. 568.

¹²⁶ Милуков П.Н. Указ. соч. С. 58.

¹²⁷ Освобождение. 1905. № 78/79. С. 488.

¹²⁸ ГАРФ. Ф. 102, 00 (II отд.). 1905 (А). Вещественные доказательства. Д. 1000.
Т. 3. Л. 18.

¹²⁹ Право. 1905. № 37. С. 3057.

¹³⁰ Право. 1905. № 44. С. 3618.

¹³¹ Там же.

Глава 5

ПЕРВАЯ ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ

Расстановка общественно-политических сил осенью 1905 г.

Косени 1905 г. революция поднялась на новую ступень, но у правительства не хватало сил, чтобы навести необходимый, с его точки зрения, порядок в стране. Все было против царизма. Расходы на войну опустошили казну, а революция ухудшила состояние экономики. Чиновники сбились со счета, подсчитывая количество забастовок, демонстраций и митингов. Губернаторы заваливали Петербург просьбами о присылке солдат для расправы с восставшими крестьянами, а военные требовали казаков для «приведения в чувство» взбунтовавшихся солдат. Усилились оппозиционные настроения в либеральных кругах. Непокойно было и в национальных районах на окраинах России. Словом, заключение Портсмутского мира, а затем издание манифеста 6 августа о созыве Булыгинской думы означали, по мнению тогдашних политиков, начало новой полосы в русской истории. Спорили о том, достигла ли уже революция своего предела и пойдет ли она на убыль или нет.

Ограничив права Государственной думы лишь обсуждением будущих законов, Николай II распорядился о создании Особого совещания под началом председателя Государственного совета Д.М. Сольского, которое приступило к разработке положения о выборах. Среди «левых» в Государственном совете преобладал один мотив: условиями их успешного проведения должны быть неприкосновенность личности, свобода слова, собраний и печати при отмене в предвыборный период «особых мер к ограждению государственного порядка». Однако в министерствах внутренних дел и юстиции придерживались иной точки зрения, причем сановники даже склонялись к полному запрету проведения собраний по выборам в Думу в тех отдельных местностях, где они могут напоминать «тайные сборища». Министр юстиции С.С. Манухин настаивал на том, чтобы женщины и учащиеся не допускались на собрания выборщиков¹. А глава Департамента полиции Д.Ф. Трепов обращал внимания на то, чтобы подобные собрания не были допущены в деревнях,

где они могут повести к нежелательной агитации революционных партий и «вызвать беспорядки»². Николай II, сразу же согласившись на присутствие полиции на собраниях выборщиков, отверг предложенный ему чиновниками план перенесения заседаний Думы из Петербурга в Петергоф или Гатчину. Местом для них был определен Таврический дворец.

Правые в Государственном совете говорили о том, что абсолютное недопустимо в связи с намечавшимся открытием Думы оппозиция правительству в его же собственных рядах, поскольку в этот момент особенно необходим сильный и единый кабинет, способный предотвратить крушение режима. Предлагалось изменить состав правительства и даже его название. 7 сентября при обсуждении этих вопросов в Государственном совете впервые было употреблен европейский термин «кабинет министров», сразу же утвердившийся в «верхах»³. Тогда же по общему молчаливому согласию всплыла кандидатура С.Ю. Витте в качестве главы нового правительства, хотя негативное отношение к нему в «высшем свете» и в среде высшей бюрократии сохранялось, причем особенно пугало его растущее «самовластие» после того, как он месяц назад подписал Портсмутский мир с Японией и извлек при поддержке США максимум возможного для России из безнадежно проигранной русско-японской войны. Из рук царя он получил даже графский титул (недоброжелатели сразу же прозвали Витте графом «Полусахалинским», намекая на уступку Японии южной части Сахалина). Но более прозорливые политики видели в нем прежде всего умного и прагматичного государственного деятеля, хорошо проявившего себя на посту министра финансов и являвшегося теперь единственным достойным претендентом на пост премьера. Вот почему, когда 21 сентября Витте нанес визит в Государственном совете Сольскому, тот сразу же заявил ему: «Граф, вы только один можете спасти положение»⁴.

Политическая атмосфера в России никогда еще со времени кануна «Кровавого воскресенья» не была столь напряженной, как в осенние дни 1905 г. Закон о выборах в Государственную думу являл собой издевательство над идеей народного представительства: из 140-миллионного населения страны только 4 млн (около 3%) получили возможность участвовать в голосовании на выборах в Думу. Усиливало недовольство то, что подготовка к выборам шла под надзором полиции, земских начальников и губернаторов. Под воздействием агитации социал-демократов и эсеров, влиявшей на растущий слой «сознательных» рабочих в городах и «грамотных» мужиков в деревнях, в народе рождалась молва о новом обмане со стороны царских чиновников. Когда 16 сентября Витте вернулся из США в Петербург, он был поражен тем, что творилось в стране. «Смута увеличивалась не по дням, а по часам, революция все грознее и грознее выскакивала на улицу, она завлекала все классы на-

селения. Весь высший класс был недоволен и ожесточен... Земские и городские деятели уже давно заявили: «Спасение лишь в конституции»; торгово-промышленный класс, богатые люди стали на сторону земцев, городских деятелей из профессуры, а некоторые из них (Морозов, Четвериков, вдова Терещенко) производили большие денежные пожертвования не только для поддержания освободительного движения, но и прямо на революцию... рабочие совершенно попали под руководство революционеров и действовали наиболее активно там, где нужно было действие физическое; все инородцы, а ведь в Российской империи инородцев около 35% всего населения, видя столь сильное расслабление империи, подняли головы... крестьяне подняли усиленно вопрос о безземелии и вообще об их утесненном положении; чиновники, видя близко многие порядки в канцелярии и систему протекций, развитую в царствование Николая II до гигантских размеров, стали против режима, которому служили; войско было взволновано всеми позорными неудачами войны и винило во всем совершенно основательно правительство... Можно без всякого преувеличения сказать, что вся Россия пришла в смуту и что общий лозунг заключался в крике души «Так дальше жить нельзя», другими словами, с существующим режимом нужно покончить. А для того, чтобы с ним покончить, явились борцы действия и мысли во всех без исключения классах населения, и не единичные, а исчисляемые многими тысячами. Большинство же, не двигаясь, совершенно сочувствовало действующим. Все объединились в ненависти к существующему режиму...»⁵

Почувствовав свой «звездный час», Витте выступил в Государственном совете с речью, пугая тем, что «враги правительства сплочены и организованы и дело революции быстро продвигается», грозя «крестьянской пугачевщиной». Он говорил о «самозванных правительствах», появившихся «в большом числе по всей России», имея в виду рабочие Депутатские собрания, Советы и крестьянские комитеты. Витте заявил, что видит спасение России в скорейшем преобразовании высших органов власти, и причем в этом он неожиданно нашел союзника в лице Д.Ф. Трепова, которому царь исключительно доверял.

Необходимость изменений в структуре власти подсказывалась «верхам» растущим в стране протестным движением против Булыгинской думы не только в среде рабочих и студентов, но и в земских кругах, критиковавших реформаторские замыслы правительства. Изданные в сентябре МВД правила проведения собраний при выборах в Думу (с оговоркой о присутствии полицейских чинов, имевших право их закрывать в случае беспорядков) были еще одной слабой и бесплодной попыткой власти удержать общество в рамках «дозволенного». Известий о крупных забастовках в начале сентября было не так много (бастовали рабочие гомельских и харьков-

ских железнодорожных мастерских и депо, одного из больших цехов на Пушечном заводе в Пермской губернии), но зато росло число собраний и митингов⁶. Об этом поступали полицейские донесения из Петербурга, Москвы, Саратова, Перми, Оренбурга, Тифлиса и других городов. В них говорилось о растущих требованиях рабочих, о распространении среди них листовок, и это сильно беспокоило Департамент полиции. Петербургский градоначальник В.А. Дедюлин в донесении Трепову подробно рассказал о типичном для того времени случае, который произошел на огромном Невском судостроительном заводе. На митинге, стихийно возникшем на заводском дворе по окончании смены, из толпы вдруг выделился мужчина лет 30 в костюме рабочего и, «сказав речь, скрылся в толпе». Дедюлин перечислил основные тезисы этой речи: погибшая война с Японией, недопущение рабочих к прямым выборам в Государственную думу, голод народа в провинции, «движение народа в России за последний год» и его результаты. Речь закончилась призывом продолжить борьбу. Первого оратора сменил другой неизвестный мужчина лет 20, тоже одетый рабочим. Этот говорил «о необходимости требовать восьмичасовой рабочий день, наделы земли для крестьян», призывал к ежедневному проведению подобных митингов, к предъявлению требований хозяевам предприятий. На донесении Трепов написал размашистым почерком на полях: «Принять решительные меры к задержанию агитаторов»⁷. Но приказ этот не мог быть выполнен прежде всего потому, что случай такого рода не был единичным. Их по всей стране можно было насчитать сотни и тысячи. В Петербурге такие собрания и митинги рабочих становились повседневным явлением на Обуховском, Александровском и на многих других предприятиях. А лейтмотивом этих собраний и митингов был протест против Булыгинской думы. Все чаще они заканчивались лозунгами и призывами: «Долой самодержавие! Долой Государственную думу! Да здравствует всенародное правительство! Да здравствует демократическая республика и социализм!» На одном из собраний рабочих в Иваново-Вознесенске критика Булыгинской думы закончилась составлением резолюции о «немедленном уничтожении царского самодержавия и замене его демократической республикой, т.е. самодержавием народа»⁸. Нередко ораторы предлагали рабочим запастись оружием к открытию Государственной думы.

В то же время в крупных городах усилились волнения студентов высших учебных заведений, во многих случаях так и не приступивших к занятиям после начавшихся в январе протестов против расстрела в день «Кровавого воскресенья». 27 августа правительство, скорее, случайно (когда, как говорится, одна рука не знает, что делает другая) восстановило университетскую автономию и дало студентам разрешение на занятия в университетах. В результате уни-

верситетские аудитории – в Петербурге, Киеве, Харькове, Одессе, Юрьеве стали превращаться в «островки» свободы слова, в места постоянных встреч тысяч партийных активистов и сочувствовавших им партийных и непартийных рабочих, представителей образованных классов. Не получая конкретных указаний, полиция в растерянности наблюдала за происходящим, а старая профессура – видная часть многоликой российской интеллигенции, проходя мимо, лишь пожимала плечами. В начале сентября в Выборге состоялся нелегальный съезд представителей студенческих организаций 23 высших учебных заведений страны, на котором была принята резолюция, предлагавшая студенчеству «отдать все силы борьбе с самодержавием».

Протест против Булыгинской думы затронул и крестьянство. Главный комитет Всероссийского крестьянского союза выпустил в количестве 15 тыс. экземпляров листовку «Ко всем крестьянам Русского государства». В ней говорилось, что Дума, которую «надумало дать народу царское правительство, ничего не даст народу, поскольку в нее после выборов попадут только помещики и купцы, крестьян же будет мало». Обращение призывало крестьян собираться на сельские и волостные сходы и «назначать достойных людей в народные представители в другой орган – в Учредительное собрание, которое должно состоять из выборных представителей от всего народа». В донесениях с мест говорилось, что резолюции о бойкоте Булыгинской думы принимали многие крестьянские сходы. Корреспондент газеты «Рабочий» писал, что крестьяне одной из деревень в Симбирской губернии приняли решение требовать, чтобы «Дума не только писала законы, но и... проверяла министров, смещала бы их, назначала новых и отдавала под суд всех провинившихся сановников... чтобы были отменены косвенные и прямые налоги и введены подоходный налог, сложение недоимок и отмена выкупных платежей». Эсеры и социал-демократы призывали крестьян к вооруженной борьбе. В листовке «К крестьянам» от 17 сентября социал-демократы в разгар крестьянских выступлений в Саратовской губернии писали: «Надейтесь только на самих себя... Идите вместе с рабочим классом, не теряя ни дня, ни часа, и примыкайте к его борьбе за свободу... Учитесь у рабочих... Смотрите: мы соединимся в крепкие союзы, мы готовимся к восстанию... Делайте и вы то же, крестьяне, устраивайте забастовки, демонстрации»⁹. Сотенными и тысячными тиражами распространялись в деревнях листовки: «Образцовый крестьянский приговор», «Учредительное собрание», «Чего хотят люди, которые ходят с красными флагами».

Подъем крестьянского движения одновременно с политическими выступлениями рабочих в городах порождал возбуждение в образованном обществе. По официальным сведениям, с января по октябрь 1905 г. количество участников стачек в России только на

предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, составило более 2,2 млн человек (включая повторные стачки). Число крестьянских выступлений за этот период, по подсчетам исследователей, составило (также включая повторные выступления) 997 случаев. Притом, если количество участников стачек испытывало колебания и за июль–сентябрь 1905 г. их было меньше, чем в предыдущие кварталы года, то число крестьянских выступлений в третьем квартале сравнялось с данными за все первое полугодие, причем к сентябрю движением было охвачено 113 (21%) из 546 уездов Европейской России и Кавказа. Кроме того, примерно с середины мая и до конца сентября в стране произошло не менее 42 массовых выступлений солдат и матросов. А на сентябрьском земско-городском съезде 1905 г. один из главных вопросов повестки дня касался прав национальных меньшинств в России и ее децентрализации. Участники съезда решительным образом высказывались «против лево-радикальных требований политического самоопределения наций и федеративного устройства государства», считая, что реализация этих лозунгов открывала бы прямой путь к распаду России и анархии (исключение делалось лишь для Польши и Финляндии)¹⁰. Царские чиновники сетовали на то, что правительством в комиссии Кокцовца был ранее опрометчиво поставлен вопрос об отмене уголовного преследования участников рабочего движения. Теперь они предпочли бы приостановить его обсуждение, считая, что подобная мера лишь усилила бы нараставшую «смуту». В среде крупных промышленников и в предпринимательских организациях, прежде всего в московских предпринимательских кругах, уже давно сохранялось недовольство грубым вмешательством государственных чиновников во взаимоотношения между предпринимателями и рабочими. Решительно не принимая «насильственно-революционных» методов, предлагаемых революционными партиями, некоторые предприниматели направляли в правительство записки, в которых содержались требования политических свобод и реформирования рабочего законодательства, включая официальное разрешение экономических стачек и создание рабочих организаций в интересах регулирования отношений между трудом и капиталом. Эти предпринимательские круги, принадлежавшие в основном к московской буржуазии, выработали программу мер экономического и политического характера в целях организации «подготовительных действий по выборам представителей в народное собрание». Правительству пока было не ясно, куда повернут предпринимательские круги, в которых возникала, в частности, мысль о возможности использования общероссийской организации предпринимателей как средства «отстаивания законодательного характера Думы»¹¹. В торгово-промышленном мире усиливалась тенденция к единению фабрикантов, заводчиков и биржевиков независимо от их политических

симпатий с целью проведения в Думу наибольшего числа своих депутатов.

Серьезные изменения осенью 1905 г. происходили и в революционной среде. В ходе революции, особенно с начала ее высшего подъема, определенные слои рабочих, студенчества, городской демократии, а также крестьяне, солдаты и матросы все чаще сталкивались с социал-демократами и эсерами. Агитацию за всеобщую стачку в стране РСДРП развернула еще весной 1905 г. Тогда же она поставила вопрос о перерастании всеобщей стачки в вооруженное восстание. Отличительной чертой работы социал-демократических организаций летом 1905 г. было то, что по ним прошла волна демократизации, обеспечивая более тесную связь с пролетарскими массами. Меншевики приветствовали принятую демократической интеллигенцией тактику «сближения с революционным народом», но большевики считали это недостаточным и со свойственной им непримиримостью упрекали их в соглашательстве с либералами и всячески клеймили его. Меншевики не отказывались от вооруженной борьбы и в принципе агитировали за нее, подводя народ к сознанию необходимости взяться за оружие¹², но отрицали теорию «организации» восстания, тогда как большевики делали акцент на подготовке боевых дружин, увязывая ее с лозунгом «Долой самодержавие!». Если большевики настаивали на бойкоте Булыгинской думы и решении вопроса о власти «по Ленину» (т.е. через вооруженное восстание и создание в ходе его органов народной власти), то меньшевики клонили «к Мартову» и призывали использовать кампанию по выборам в Думу для создания явочным порядком «органов революционного самоуправления», чтобы покрыть их сетью всю Россию. План этот был хорош только в теории, ибо проведение нелегальных (или полунелегальных) выборов в органы местного самоуправления в условиях самодержавия без свободы печати и собраний было практически невозможно, а большая часть населения просто не была готова к неизбежной в таком случае прямой конфронтации с властью.

Когда социал-демократы призывали всю революционную демократию к совместной борьбе, они рассчитывали на растущее понимание ею необходимости объединения и сплочения сил в борьбе против правительства. Не одна тысяча экземпляров листовок революционного содержания была обращена ко всем слоям населения от имени многих комитетов РСДРП – Петербургского, Московского, Екатеринославского, Харьковского, Казанского, Костромского, Тульского, Рижского и других. Все они разоблачали фарс с Булыгинской думой и призывали к продолжению борьбы. Свой вклад в эту пропаганду и агитацию внесли социал-демократы и социалисты в национальных районах – Бунд, СДКПиЛ, ЛСДРП, СДЛП, ППС, партия Дашнакцутюн и другие.

Выборы в Думу создавали возможность расширения пропаганды и агитации этих партий в массах. На конференциях, организованных меньшевиками 24 августа 1905 г. в Киеве и 7–9 сентября в Риге, где, кроме центральных органов РСДРП, были представители ряда местных партийных организаций Украины, Кавказа, Бунда, СДКПиЛ и латышских социал-демократов, большинство участников склонилось к бойкоту Булыгинской думы. Выяснилось, что рядовые члены меньшевистской фракции во многих случаях уже проводят такую тактику в жизнь и что меньшевики-практики идут дальше своих заграничных лидеров в вопросах бойкота Думы и вооруженного восстания. «Снизу» формировался и «левый блок» социал-демократии с революционной демократией эсеровского толка и национальными социалистическими организациями.

Позволю себе заметить, что в советской историографии имелось два устоявшихся положения в отношении поведения эсеров в годы революции: с одной стороны, всячески преувеличивались масштабы индивидуального террора как тактики всей партии, а с другой – считалось, что эсеры были «крестьянской партией». Однако террор был в основном делом Боевой организации эсеров и к моменту высшего подъема революции был сведен до минимума в связи с позицией «двойного агента» – руководителя этой организации и одновременно агента охранки Е.Ф. Азефа (после манифеста 17 октября 1905 г. Боевая организация ПСР официально была распущена). При этом террористические акты в период высшего подъема революции обычно совершались лишь революционерами-одиночками, даже не связанными с эсерами. Верно, что эсеры вели большую работу в деревне и с начала революции имели устойчивую сеть «разъездных агитаторов», работавших среди крестьян. В то же время лидеры эсеровской партии считали свою партию партией «трудового народа», ведущей работу среди всех демократических слоев, в том числе и среди городских рабочих. Лидеры партии не только включали требования рабочих в собственную программу, но многие из них были убеждены, что без содействия городского пролетариата революция в деревне вообще невозможна и обречена на провал¹³. Если перед революцией социалистам-революционерам не удалось обогнать социал-демократов ни по связям с рабочими, ни по агитации на фабриках и заводах, то с начала 1905 г. они попытались использовать в этом плане все мыслимые возможности. Эсеры участвовали в протестном движении рабочих, распространяли свое влияние на деревню, агитировали среди солдат и матросов, студентов, демократической интеллигенции. При ЦК партии эсеров были созданы специальная Рабочая, Крестьянская и Солдатская комиссии. Эсеры с большим энтузиазмом участвовали в проведении стачек и создании профсоюзов среди служащих и рабочих мелкой промышленности. Лидеры эсеров в своем революци-

онном нетерпении были близки к большевикам, призывая народ к вооружению, слиянию борьбы в городе и деревне, вели техническую подготовку восстания, участвуя в создании боевых рабочих дружин и приобретении для них оружия, выделяли для этого средства из касс своих комитетов в Петербурге, Москве, Киеве и в других городах. Большое место в своей агитации они уделяли призывам к крестьянскому восстанию и всеобщей стачке в городе, а лозунг вооруженного восстания, как и у большевиков, то и дело мелькал на страницах партийных изданий и листовок¹⁴.

Человеческие и материальные ресурсы, которыми располагали социал-демократы и эсеры были невелики. Большевики и меньшевики насчитывали в 1905 г. около 26,5 тыс. активистов, связанных (по приблизительным подсчетам) со 170 подпольными организациями преимущественно в крупных городах¹⁵. В финансовом отношении социал-демократы тоже испытывали большие трудности, расходуя свои средства главным образом на нелегальные типографии, выпускавшие листовки и другую агитационную литературу. По новейшим подсчетам, эсеры к концу 1905 г. имели примерно столько же организаций, как и социал-демократы, и примерно 14 тыс. членов¹⁶. Осенью эмоциональный настрой партии эсеров достиг уровня эйфории. В своих периодических изданиях и множестве прокламаций они звали к единению всех сил для ударов по «врагам трудового народа», яростно бичевали оппортунизм «освобожденцев» и т.д.

Обращаясь к воспоминаниям участников и очевидцев событий 1905 г., нельзя не увидеть в революционной России того времени самоотверженную работу партийных пропагандистов и агитаторов, распространителей революционной литературы, инициаторов и организаторов стачек, собраний, митингов и демонстраций. Это были большевики и меньшевики, эсеры, бундовцы, представители национальных социал-демократических и социалистических партий. Витте заметил в одном из разговоров, что «громадную роль в событиях 17 октября и в последующее время сыграли социалистические идеи в различных видах и формах, отрицающие и колеблющие право собственности»¹⁷. Действительно, отрицание права собственности в России, как ни в одной другой стране мира, в силу сложившихся исторических условий объединяло все обездоленное и бесправное население страны. Это был один из краеугольных камней, на которых стояла вся агитация и пропаганда революционеров, указывавших на ту пропасть, которая разделяла в России богатых и бедных. Такая пропаганда воспитывала ненависть и презрение к богатым и к богатству вообще. Упрощенные схемы социал-демократической марксистской теории, а также построенная на их основе тактика находили в массах достаточно широкий отклик, особенно во время таких политических кризисов, к которому пришла Россия

осенью 1905 г., тогда как туманные и непоследовательные рассуждения либералов о свободе и гражданском обществе, их постоянные реверансы в сторону правящих «верхов» и славословия в адрес закона 6 августа как «поворотном пункте» в политическом развитии России¹⁸ оставляли народ достаточно равнодушным.

Подводя итог, следует сказать, что в сентябре 1905 г. Первая российская революция стояла на пороге нового этапа своего развития. Булыгинская дума не вызвала у большинства народа никакого энтузиазма. На повестке дня стояла борьба за гражданские свободы, за демократический парламент и первую в истории страны конституцию. Требование «народного парламента» все чаще озвучивали участвовавшие в революционном процессе «заразившиеся политикой» собрания рабочих. Бойкотом Булыгинской думы, который отвечал настроению немалого числа людей, бросался открытый вызов самодержавному правительству самой его способности управлять государством.

«Барометр показывает бурю»: первая общенациональная забастовка и начало перерастания ее в восстание

Московский вице-губернатор В.Ф. Джунковский вспоминал: «К октябрю месяцу в воздухе чувствовалось определенно революционное настроение; чувствовалось, что правительство как будто было бессильно воспрепятствовать развитию этого настроения и вызванного им движения, тем более что этому движению особенно благоприятствовало отсутствие в Европейской России сколько-нибудь внушительной военной силы»¹⁹.

21 сентября на митинге в здании Московского университета на Манежной, собравшем не менее 10 тыс. человек, было получено сообщение о начавшейся накануне стачке в нескольких типографиях. Бесстрастно сообщила об этом и газета «Русское слово», указав лишь на забастовки в типографиях И. Д. Сытина и П.Д. Яковлева и уделив этой информации столько же места, как и открытию сезона в Большом театре балетом «Лебединое озеро» и появлению в Зоологическом саду золотых рыбок. Первым стачкам типографов власти не придали значения неслучайно. Сентябрь вообще был самым «спокойным» с точки зрения фабричной инспекции месяцем с начала года: по ее сведениям, в сентябре общее число бастовавших уменьшилось примерно в три раза и составило около 38 тыс. рабочих. Большинство их приходилась на участвовавшие в конце месяца «демонстративно-политические» стачки²⁰, считавшиеся фабричной инспекцией особым «объектом внимания» Департамента полиции. Никто не мог предположить, что стачка нескольких типографий в Москве станет исходным моментом грандиозных событий в стране. Лишь несколько дней спустя, когда стачка московских типографов

стала всеобщей, революционная печать назвала ее «яркой молнией», предвестницей революционной грозы, «осветившей новое поле сражений».

Стачка возникла спонтанно на почве требований типографами 8-часового рабочего дня, государственного страхования и оплачиваемых отпусков и была неожиданной для меньшевиков-пропагандистов, которые вели нелегальные кружки в ряде типографий. В перерастании стачки во всеобщую сыграла роль и общая политическая атмосфера в стране и, в частности, критика общественности в адрес Булыгинской думы. В течение нескольких дней в Москве не работали 89 типографий и более 8 тыс. рабочих и служащих полиграфической отрасли, приостановился выпуск газет. К типографам присоединились рабочие Миусского трамвайного парка, булочники, кондитеры. На улицах появились толпы народа, возникали стычки с полицией и жандармами. У Патриарших прудов, у Ильинских ворот, на Страстной площади в эти дни не прекращались многочисленные митинги, на которых выделялись студенты. Постоянным местом собраний стал Московский университет. 23 сентября правительство закрыло его, и тогда студенты вышли на улицы города, выкрикивая демократические лозунги.

Центр революционной борьбы перемещался в Москву, рабочие которой в отличие от Петербурга имели несравненно больше связей с деревней. Это придавало выступлениям московских рабочих, как считали лидеры революционных партий, особую значимость: массовое движение могло получить здесь характер широкого народного движения, имеющего решающее политическое значение. Но не у министров в Петербурге, не у царя в Петергофе события в Москве не вызывали еще особых опасений. Тем не менее 23 сентября председатель Государственного совета Д.М. Сольский распорядился в секретном порядке напечатать полученную от Николая II записку его бывшего министра юстиции Н.В. Муравьева о «ближайших правительственных задачах». Она начиналась с того, что «при всей корректности отношения к учреждению Думы», нужно «вести борьбу с революцией без малейшего колебания», используя и карательные меры²¹.

В тот же день тысячи толпы в Москве на Тверской скандировали лозунги: «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует республика!». Казаки попытались разогнать антиправительственный митинг, но в них полетел град камней. Вечером у памятника Пушкину снова собралось много людей, их оцепила полиция, у стен Страстного монастыря появились войска, но толпа не расходилась, а ораторы продолжали свои речи. На следующий день в связи с остановкой работы ряда предприятий стихийно возникли новые митинги, которые теперь чаще всего заканчивались демонстрациями. Движение принимало все более острый по-

литический характер и выливалось в столкновения народа с казаками и солдатами.

25 сентября в связи с непредвиденным понижением заработной платы объявили забастовку более 100 московских булочников и пекарей. Закрытие булочных еще более накалило обстановку, вызвав возмущение населения и против властей, и против забастовщиков. У булочной Филиппова на Тверской напротив дома московского генерал-губернатора произошло целое сражение. Наряд полиции и две сотни казаков, вызванных сюда, чтобы разогнать толпу, были встречены бутылками и камнями, летевшими с верхних этажей здания. Более двух часов слышались винтовочные выстрелы и посвист нагаек. Двое рабочих были убиты, 8 ранены, около 200 человек отправлено в полицию. С трудом удалось разогнать толпы народа в районе Сретенских ворот, на Большой Никитской, в Екатерининском парке.

25 и 26 сентября к стачке подключились 22 московских предприятия и 3 тыс. рабочих. К 3 октября в ней участвовали рабочие не менее 100 предприятий. У столяров, табачников, мебельщиков, трамвайщиков стачка стала всеобщей. В стачках и демонстрациях в конце месяца участвовали сотни рабочих-металлистов с заводов Густава Листа, Гоппера, Доброва и Набгольца, Большакова, рабочие Брестских железнодорожных мастерских Александровской ж.д. Некоторые из них, вовлеченные еще в 1903 г. в зубатовские организации, теперь присоединялись к общему протестному движению. Не проходило дня без столкновений рабочих и студентов с нарядами полиции. На улицах Москвы постоянно дежурили не менее 23 рот пехоты, 12 эскадронов драгун, несколько сотен казаков. Они с утра подтягивались к воротам крупных предприятий, к центральным улицам города. В боевую готовность была приведена артиллерия на Ходынском поле. Однако московские власти считали, что и этого недостаточно. Из Московского военного округа в Москву были дополнительно переброшены две пехотные дивизии, полк драгун и бригада артиллерии. В ответ среди участников уличных собраний и демонстраций сразу появились вооруженные люди, участились случаи, когда оружие отбирали у полиции. На митингах и демонстрациях распространялось множество листовок революционных партий.

Из сохранившегося в архиве отчета Московского комитета РСДРП известно, что только в сентябре им было распространено почти 93 тыс. экземпляров прокламаций различных наименований, изданных от имени МК и ЦК большевиков. 24 тыс. из них содержали призыв к бойкоту Булыгинской думы и созыву Учредительного собрания, требования свободы слова, собраний и стачек, неприкосновенности личности и жилища, а также амнистии политическим заключенным, 8-часового рабочего дня и отмены выкупных платежей

в деревне. Часть этой литературы направлялась из Москвы в другие города. Об ее содержании говорят сами названия листовок: «О всеобщей стачке», «Крестьяне, к вам наше слово», «К солдатам», «К учащимся». Обращения и призывы революционеров были рассчитаны на рост товарищеской солидарности. Установлено, что именно в те дни люди на улицах стали называть друг друга «товарищами». В образованном обществе все чаще возникали аналогии с событиями Великой французской революции. Выходившая в Петербурге либеральная газета «Слово» так и писала 23 сентября: «Наши московские монтаньяры идут шаг за шагом по той же проторенной дороге, ведущей прямо к «площади гильотин». Улица идет!» Подъем революционного движения усилил фрондирование либеральной буржуазии. По словам публицистов, либералы тогда «краснели на глазах».

«Сознательным» рабочим в Москве предназначались в сентябре и более тысячи экземпляров различных брошюр, в их числе «Манифест коммунистической партии» Маркса и Энгельса, работа меньшевика Ф.И. Дана «Учредительное собрание», а также газеты «Рабочий» и «Пролетарий»²². Большевики в Москве призывали расширить стачку до всеобщей и превратить ее в вооруженное восстание. «От спячки к стачке, от стачки к вооруженному восстанию, от восстания к победе – таков наш путь, путь рабочего класса! Смелее же, товарищи! Вперед на борьбу за народное освобождение! Долой самодержавие! Да здравствует революция! Да здравствует РСДРП!»²³

Власти в Москве были в растерянности. Генерал-губернатор А.А. Козлов и градоначальник Г.П. Медем, по впечатлению близко стоявших к ним людей, то ли «не отдавали себе отчета в том, что происходит», то ли «делали вид, что ничего не происходит», в растерянности «занимались неуместными по тому времени вопросами» или, раздражаясь, вообще отказывались «вникать в события»²⁴. Их можно было понять: малочисленность московского гарнизона не позволяла им вмешаться в ход событий, а в ответ на их депеши никаких указаний из Петербурга не поступало.

В первых числах октября волна массового движения рабочих поднялась еще выше. Это был тот случай, когда на решающие моменты истории энергия народных масс возрастает, что нашло выражение в новом всплеске самоорганизации народа. 2–4 октября 1905 г. в Москве состоялись выборы в профессиональные советы типографов, металлистов, железнодорожников, столяров и табачников, активно участвовавших в сентябрьских стачках. Они провели ряд совместных заседаний с целью создания общегородского Совета рабочих депутатов. На них было решено продолжать забастовку. Она все более органично становилась частью общего возбуждения в стране. Стачки на фабриках, заводах, шахтах и мастерские в Петербурге, Минске, Риге, Варшаве, собрания и митинги на предприяти-

ях и в высших учебных заведениях в городах Украины (особенно в Донбассе), в Белоруссии, Прибалтике, Польше, Закавказье, Поволжье – такова впечатляющая картина событий тех дней.

Перерастанию сентябрьских выступлений в Октябрьскую всеобщую стачку способствовали выступления железнодорожников. В Москве начиная с 3 октября стало расти число участников стачек в железнодорожных мастерских и среди кондукторов Московского железнодорожного узла. Со времени февральских стачек среди московских железнодорожников вели деятельную работу социал-демократы и эсеры. Здесь с апреля 1905 г. существовало Центральное бюро ВЖС, в которое входили избранные по деловым качествам большевик, меньшевик, внефракционный социал-демократ, анархист и три социалиста-революционера, включая и самого председателя Союза В.Н. Переверзева. К октябрю ВЖС провел уже два съезда, на которых стоял вопрос о всеобщей стачке. В начале октября Центральное бюро ВЖС вошло в контакт с проходившим под демократическими лозунгами в Петербурге Деlegatesким съездом железнодорожных пенсионных касс. От социал-демократов, на которых ориентировались в политических вопросах многие рабочие железнодорожных мастерских и депо в Москве, исходило следующее обращение к московским железнодорожникам: «Наша всеобщая стачка будет смертельным ударом по царскому самовластию и спасением десяткам тысяч наших братьев, брошенных в далекую Маньчжурию»²⁵.

Активность эсеров и социал-демократов среди московских железнодорожников сильно повлияла на развитие всероссийской стачки. 6 октября в связи с забастовкой машинистов поездов прекратились грузовые перевозки на Московско-Казанской ж.д., и уже вечером МК РСДРП призвал всех рабочих-железнодорожников в Москве начать стачку. В общем водовороте событий ЦБ ВЖС, возбужденное слухами об аресте делегатов их профсоюза в Петербурге, приняло решение объявить всеобщую стачку на всех железнодорожных магистралях общероссийского значения. Группа рабочих мастерских и машинистов поездов Московско-Казанской ж.д. явилась на ст. Перово, где начальником был член ВЖС, сообщила ему о решении ЦБ ВЖС, и в ночь на 7 октября по инициативе машиниста эсера А.В. Ухтомского с этой станции по всем железным дорогам России была послана депеша о прекращении движения поездов и работы мастерских и депо в 12 часов дня 7 октября. Телеграмма содержала требования политического характера. Первыми прекратили работу все телеграфисты железных дорог Москвы, за которыми последовали телеграфисты других станций. На рассвете 7 октября полиция сделала попытку арестовать группу машинистов, но повсюду стихийно возникли собрания с требованием освобождения арестованных, и эта попытка полиции не удалась.

С этого момента отдельные стачки в Москве начали становиться составной частью всеобщей массовой политической забастовки, в которой связующими нитями была агитация и организационная работа инициативных групп и политических партий. Везде забастовщики быстро переходили от экономических требований (главными из них были повышение заработной платы и сокращение рабочего дня) к политическим. Рабочие требовали от правительства провозглашения демократических свобод, национального равноправия и созыва Учредительного собрания для установления «нового государственного порядка в России».

В ночь на 9 октября члены узлового железнодорожного стачечного комитета в Москве и почти весь состав ЦБ ВЖС были арестованы, но механизм стачки уже был запущен. 10 октября прекратилось движение поездов на всех основных железнодорожных магистралях, ведущих из Москвы. Прибывший в этот день в Москву на Николаевский вокзал министр путей сообщений князь М.И. Хилков рассчитывал в ходе личной беседы с железнодорожниками уладить конфликт и заставить их прекратить стачку. Но, кроме казаков и солдат, на вокзале никого не оказалось. Начальник станции робко доложил, что ввиду забастовки собрать железнодорожников невозможно. 10 октября встала мануфактуры Цинделя с 2,5 тыс. рабочих, Даниловская с 3,5 тыс. рабочих, ряд механических заводов и другие предприятия. Даже лаконичные строчки «Русского слова» дают возможность почувствовать обстановку тех дней в Москве, увидеть ее глазами простых обывателей. Сообщалось, что «из-за забастовок на железных дорогах корреспонденция с Почтамта... не распространяется. Во дворе Почтамта под стеклянными навесами хранятся груды посылок и запакованных в брезентовые мешки газет и журналов. Цены на подсолнечное и льняное масло ненормально повысились из-за того, что на складах масла мало, а подвоза нет. Началась забастовка 40 аптек...»²⁶. Более тысячи делегатов от московских предприятий вечером 10 октября собрались вместе по инициативе социал-демократов на конференцию, которая приняла решение с 11 октября объявить общегородскую политическую забастовку. Она прошла под лозунгами: «Долой царское правительство!», «Да здравствует всенародное восстание!» Большевики В.Л. Шанцер, М.И. Васильев-Южин, М.Ф. Владимирский были выделены МК РСДРП для руководства стачкой, но их сразу же арестовали.

В центре протестного движения в Москве оказалась городская Дума. Советская историография затушевывала этот факт, так как поведение московской буржуазии не укладывалось в ортодоксальную схему «расстановки классовых сил». Между тем 11 октября на собрание членов этой Думы явилась депутация от возникшего днем раньше в Москве Стачечного комитета (Рабочего правления, как называли его «Известия Московской городской думы»). Депутация

потребовала от Думы присоединиться ко всеобщей забастовке. По воспоминаниям тогдашнего вице-губернатора В.Ф. Джунковского, делегат от рабочих С.С. Красников, возглавивший депутацию, «держал себя очень вызывающе и доминировал над всеми гласными, которые... растерялись, и из речей их видно было, что они сами не знают, что делать»²⁷. И вдруг профессор Московского университета либерал С.А. Муромцев «сказал одним предложением то, что думал», а именно: «Только конституция может умиротворить и успокоить, и потому надлежит ее требовать»²⁸. Рабочие были поддержаны представителями городских больниц и водопроводного хозяйства. Дума присоединилась к стачке, а Муромцев в кругу думских гласных прослыл героем дня.

12 октября в Москве забастовал Центральный телеграф, и московские власти оказались заложниками народной стихии.росло число уличных столкновений с войсками и полицией. Они возникали и нередко заканчивались кровавыми потасовками между участниками забастовок и теми, кто отказывался прекращать работу. Однако в те дни, как свидетельствуют фабричные инспекторы, «снятие» предприятий, которые не включились еще в стачку, скорее, было успешным. Так, в Симоновской слободе толпа из 500 рабочих одно за другим «сняла» почти все предприятия этого района, еще не включившиеся в стачку. 13 октября собрание служащих городской Думы выдвинуло требования политического характера. На собрании звучали гневные речи гласного А.И. Гучкова в адрес стачечников. Он говорил, что «забастовщики совершают тягчайшее преступление», оставляя город без врачебной помощи и воды, что их действия – «проявление коллективного психоза, охватившего русское общество»²⁹. И все же собрание объявило о забастовке служащих муниципалитета, не исключая больниц и водопровода, а гласные М.В. Челноков и С.А. Левицкий громко заявили о поддержке забастовщиков. Общее собрание врачей городских больниц, выражая солидарность с бастующими, постановило организовывать больничные стачечные комитеты и отчислять 20% из зарплаты на обеспечение врачебно-питательных пунктов. 14 октября группа гласных из 12 человек вынесла постановление ассигновать 3 тыс. руб. на помощь семьям забастовщиков и выделить средства на организацию Комитета общественной безопасности «для защиты освободительного движения и достигнутых им результатов». Этому воспротивились фабриканты Рябушинский, Абрикосов, Гужон, Сиу, узнавшие, что на одном из заседаний Думы обсуждался вопрос о передаче некоторых ее функций возникшим в городе революционно-демократическим организациям, и потребовавшие введения в Москве военного положения³⁰. И все же требуемая сумма Думой была ассигнована и направлена семьям безработных, которые находились в бедственном положении.

К 14 октября в Москве закрылись магазины, прекратили работу водопровод и центральная электрическая станция, продолжали бездействовать телефон и телеграф. Бастовали рабочие и служащие конки, трамвая, Газового завода. Жизнь в городе замерла. Газета «Русское слово» писала 16 октября 1905 г.: «Москва в настоящий момент представляет изолированный от всего мира город: прекращены железнодорожные, телеграфные и телефонные сообщения. Город остался без питьевой воды и без освещения. Предметы первой необходимости растут в цене. Промышленная деятельность приостановилась, торговля сокращается, телефон перестал функционировать. На улицах – столкновения, хулиганы». Там же появились группы вооруженных людей – не только революционеры, но и торговцы, лавочники и т.п. У населения нарастало недовольство общей ситуацией в городе, а в местах скопления людей переходили из рук в руки листовки большевиков, предлагавшие готовиться к восстанию. К их воззванию «Жертвуйте на оружие!» были приложены подписанные листы для сборов средств на вооружение народа.

Очень скоро забастовка распространилась на промышленные предприятия Московской губернии, охватив 7 тыс. рабочих Коломенского завода в Александровском уезде, 3 тыс. рабочих фабрики «Новая Мыза» в Серпуховском уезде, 2 тыс. рабочих Вагоностроительного завода в Мытищах, заводы и фабрики в Богородске, Подольске. Клину, Орехово-Зуеве, Егорьевске. Стачки рабочих за пределами Москвы усиливали позиции забастовщиков-москвичей.

Москва поделила с Петербургом почин Всероссийской политической стачки. Некоторые действия рабочих и городской демократии Москвы и Петербурга отличались почти синхронностью. На митингах в первых числах октября в Политехническом и Горном институтах в Петербурге, собиравших до 10 тыс. «лиц разных профессий», поддерживались ораторы, призывавшие к общей забастовке, вооружению и баррикадам. 3 октября в Петербурге в знак солидарности с типографами Москвы началась профессиональная стачка, охватившая 27 типографий. В последующие дни петербургское общество было возбуждено известиями о забастовках рабочих-металлистов на заводах Невского района. На Шлиссельбургском тракте «большими группами рабочих с красными флагами» были построены баррикады, возведены проволочные заграждения.

6 октября обстановка в рабочих кварталах Петербурга стала крайне напряженной. Стачки здесь с трудом сдерживались полицией и войсками. Как и в Москве, в петербургском обществе неожиданно распространился слух об аресте руководителей Делегатского съезда пенсионных касс железных дорог. Это усилило возбуждение среди железнодорожных рабочих и служащих столичного железнодорожного узла. Когда 7 октября по железнодорожному

телеграфу была получена телеграмма ЦБ ВЖС с призывом к стачке, железнодорожники Петербурга проявили полную готовность откликнуться на этот призыв. Еще более их возбудил арест в Москве 8 октября руководителей ЦБ ВЖС. Делегатский пенсионный съезд в Петербурге тут же взял на себя инициативу добиваться осуществления требований, которые были выдвинуты ВЖС. Представители Делегатского пенсионного съезда отправились к Витте как председателю Комитета министров и министру Хилкову, предъявив ему отнюдь не «верноподданнейшую просьбу», а жесткий ультиматум, включавший основные экономические и главные политические требования вплоть до созыва Учредительного собрания. Витте также ответил ультиматумом. Он заявил, что «требования Учредительного собрания неприемлемы даже принципиально... Что касается других требований, то они обсуждаются, но «сначала успокоение – потом реформы»³¹. Ответ Витте окончательно решил вопрос о присоединении к стачке Петербургского железнодорожного узла.

12 октября прекратилось движение поездов на всех железных дорогах общероссийского значения, идущих от столицы. В тот же день в Петербурге забастовали многие крупные предприятия. Из-за железнодорожной забастовки прекратился подвоз топлива и на грани полной остановки оказались крупнейшие заводы: Александровский, Обуховский, Путиловский, Балтийский и другие, многие текстильные фабрики: Паля, Максвеля, Северная ткацкая и другие. Несмотря на мобилизацию военных сил, улицы Петербурга в одночасье заполнились толпами народа. В Политехническом институте, во дворе Петербургского университета шли нескончаемые многотысячные митинги рабочих, служащих, студентов. Речи большинства ораторов кончались призывами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!». Шел сбор средств на вооружение дружин. К вооруженному восстанию призывали и листовки. Английский корреспондент телеграфировал из Петербурга в Лондон: «Забастовка ширится и угрожает вовлечь всю Россию»³². Шестидесятилетний предприниматель Н.Е. Врангель, которому было вчуже все и даже «жутко» от того, что происходило в стране, писал: «Тысячные толпы рабочих наполняли Невский, препятствуя экипажному движению. Постоянные стычки с полицией, даже с войсками у Казанского собора, у Нарвских ворот, у Технологического института и во многих других местах. Кавалерийские полки почти не возвращались в казармы и, ожидая беспорядков, ночевали то на одном заводе, то на другом. Город точно на осадном положении. От заунывных, нестройных революционных напевов толпы тоскливо на душе. В сумерки досками наглухо забивают окна магазинов. Удары молотков бьют по нервам. Вечером город вымирает. Обыватели избегают выходить из домов, освещать квартиры...

Ждут чего-то страшного, чего-то необычного. Ходят слухи о введении военного положения... Говорят, что завтра ни воды, ни припасов не будет – и все запасаются, но многого уже в лавках нет. И тревога растет и растет. Прибывающие из других мест только усиливают состояние тревоги. Каких-то знакомых сожгли заживо, каких-то просто изгнали из их имений, никто ничего не знает про свое имущество... Какой-то Совет рабочих депутатов где-то заседает и днем и ночью, и власти перед ним пасуют. Говорят о каком-то все-сильном Носаре и еще и еще о нем. Полиция выбивается из сил... Положение становится все тревожнее... Государь, несмотря на осень, переехал в Петергоф, где усилен гарнизон»³³.

14 октября прекратили работу все высшие учебные заведения, аптеки, почты, типографии, конка, магазины. Умолк телефон, было отключено электричество, отменены спектакли в театрах. Из петербургских газет 15 октября вышли только «Правительственный вестник» и «Ведомости Петербургского градоначальства». Городской водопровод был окружен военным патрулем с десятью пулеметами – иначе столица осталась бы без воды. Стремившемуся выбраться из революционного Петербурга британскому послу Ч. Гардингу удалось выехать в Англию 15 октября на последнем отпльвшем пароходе: вечером того же дня стачка охватила грузчиков и моряков столичного порта. Когда к стачке присоединились банковские служащие, в Государственный банк приехал министр финансов Коковцов. Желая урезонить забастовавших служащих, он сказал: «Господа! Подумайте и о том, что скажут нам со временем наши дети! Они нас спросят: «Папа, что ты сделал в те дни, когда родина наша переживала тяжелую смуту? Был ли ты на стороне народа? Что же вы тогда ответите нашим детям?» В ответ раздался свист. Один из служащих вскочил на стул и, пародируя слова министра, воскликнул: «Товарищи! Разойдемся немедленно. Иначе, что мы ответим нашим детям, когда они спросят: “А были ли мы в смутное время на стороне свободы?”»³⁴.

В обстановке всеобщего возбуждения еще 13 октября во дворе Технологического института в Петербурге собралась огромная толпа, которая к вечеру насчитывала до 15 тыс. человек. Оказалось, что на собраниях, которые прошли на крупных предприятиях, было выбрано до 40 депутатов в общегородскую революционную организацию. Теперь они собрались вместе, и один из рабочих выкрикнул ее название – Совет рабочих депутатов³⁵. Петербургский совет рабочих депутатов высветил новую грань в развитии революционного движения и стал самой яркой формой самоорганизации забастовщиков. Как и в Иваново-Вознесенске, Совет рабочих депутатов в Петербурге вырос из забастовочной борьбы и претендовал на роль органа революционной народной власти. Как и парижские коммуны времен Великой французской революции 1871 г., Советы

рабочих депутатов в России были закономерным историческим явлением, вызванным повышением роли пролетариата в жизни общества. Они были порождением массовых действий и являлись внепарламентскими формами демократии. Но, в отличие от Иваново-Вознесенского, Петербургский совет возник в обстановке бойкота Булыгинской думы. На этом историческом фоне он, как и другие Советы, возникшие в период высшего подъема революции, как бы подсказывал обществу альтернативу Булыгинской думе – образец избранного прямым и всеобщим голосованием представительного органа власти, в котором заседали депутаты от народа.

Петербургский совет рабочих депутатов, как столичный орган народной власти, стал самым влиятельным более чем из 50 других Советов рабочих депутатов, возникших в 1905 г. в России. Если на первом его заседании было всего 40 депутатов от столичных фабрик и заводов, то к середине ноября их насчитывалось уже 562 почти от 200 предприятий и мастерских, причем 65% из них составляли большевики и меньшевики, 13% приходилось на долю эсеров, а 22% депутатов были беспартийными³⁶. С самого зарождения Петербургский совет стал превращаться в альтернативную общественную власть в городе. В него входили представители от рабочих и служащих, левых партий и профсоюзов. В исполнительном комитете Совета от РСДРП было больше меньшевиков, чем большевиков. Руководящий пост в нем занял после двухдневного председательствования безвестного Зборовского близкий к меньшевикам присяжный поверенный Г.С. Носарь, выступавший под фамилией рабочего Хрусталева. Ключевую роль в Совете немного позже стал играть внефракционный тогда социал-демократ Л.Д. Троцкий, подталкивающий решения Совета влево своими речами о вооружении народа. Петербургский совет, опережая власть, явочным порядком вводил демократические свободы. Его исполком действовал в интересах рабочих разных профессий, служащих, студентов, учащихся гимназий и реальных училищ – всех тех, кто обращался в Совет за помощью, приглашали на собрания и митинги. В разгар всеобщей стачки и после издания Манифеста 17 октября Совет боролся за осуществление требований революционного народа. Петербургский и другие Советы рабочих депутатов возникли в период высшего подъема революции как зачаточные органы местной власти, а некоторые из них, например Московский, стали затем органами вооруженного народного восстания.

К 10 октября стачка полностью охватила большинство железнодорожных артерий, связанных с Москвой, а также десятки станций Южных и Юго-Восточных ж.д. 11 октября к ним присоединились Юго-Западные ж.д. 12 октября встали все дороги, идущие от Москвы, было прервано сообщение с Петербургом по Николаевской ж.д., прекратилось движение на Полесских ж.д., бастовали участки

Балтийской ж.д., началась стачка на Варшавском узле. Каждый день приносил известия о прекращении движения поездов на новых и все более значительных участках железнодорожной сети огромной территории Центральной России, Урала, Сибири, Закавказья, Прибалтики, Польши, Финляндии. На отдельных участках железных дорог поезда курсировали только с разрешения революционных комитетов, перевоза продовольствие, а в Средней Азии – и питьевую воду. По Сибирской магистрали пропускались только эшелоны с демобилизованными солдатами. Благодаря стачкам на железных дорогах революция приобрела невиданные прежде глубину и размах. За короткий срок она достигла самых отдаленных районов. Стачки рабочих в Центре дополнялись мощным стачечным движением в Харькове, Екатеринославе, Киеве, Николаеве, Вильно, Риге, Ревеле, Баку, Тифлисе, Батуме. Железнодорожники сыграли ведущую роль в вовлечении во всеобщую стачку рабочих и служащих Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии.

Прекращение движения товарных поездов вело к нарушению промышленной и торговой жизни. Первыми вставали крупные предприятия, рабочие которых пополняли ряды участников митингов и демонстраций. Так было, например, в Туле, где из-за прекращения подвоза сырья и топлива встали Патронный и Оружейный заводы. Забастовка железных дорог в Пермской губернии привела к тому, что остановилась работа на Мотовилихинском, Сысертском, Надеждинском, Нижне-Тагильском заводах. Превратились в митингующих и демонстрантов рабочие Харьковского паровозостроительного завода, а в Екатеринославе – заводов Эзау, Трубопрокатного и Брянского, в Саратове встали заводы Беринга, Гантке, в Ревеле – завод «Двигатель». То же было в Варшаве, Златоусте, Уфе, Риге и во многих других губернских и уездных городах. В Одессе, Иваново-Вознесенске, Ярославле бастовали все без исключения промышленные предприятия. Забастовки солидарности охватывали рабочих самых разных профессий, служащих, студентов.

«В России жизнь остановилась. Жуткое, страшное, но поразительное совершилось», – записывали в своих дневниках современники³⁷. В связи с прекращением движения поездов и почтово-телеграфной связи люди оказались изолированными от мира. В городах прекращался завоз продуктов, закрывались магазины и лавки, обезлюдели рынки, торговцы вздували цены на продукты первой необходимости. Останавливался и городской транспорт – трамваи, конки, бросали работу извозчики. Под натиском забастовщиков останавливалась работа водопроводных станций, отключалось электричество, газовое освещение. С наступлением темноты десятки городов погружались в темноту. В связи с объявлением военного положения по улицам больших городов проезжали солдаты и казаки, но это не мешало тому, что с наступлением темноты участились

случаи насилия, грабеж, разгромы лавок и магазинов, особенно оружейных³⁸. Но каждое утро чувство солидарности и единодушие звало людей на улицы, на собрания, митинги, демонстрации, ставшие частью повседневности. «Тысячи, десятки тысяч рабочих людей стекаются на собрания со всех сторон, без зова, без указания, теснятся порой в духоте и давке, лишь бы услышать боевые речи своих сознательных товарищей, лишь бы отозваться на них могучим криком годами накопленного гнева, злобы, негодования», – общались народу наполненные оптимизмом революционные листовки, призывавшие к созданию боевых дружин³⁹.

Единство действий пролетариата и радикально настроенной городской демократии лежало в основе общего натиска на самодержавие. С каждым днем росло число стачечных комитетов, изменялся их социальный состав: кроме рабочих в них входили теперь и представители городской демократии. Стачкомы отстраняли от работы должностных лиц, брали управление участками железных дорог в свои руки и, являясь переходной формой к Советам, организовывали народную милицию, вводили сокращенный рабочий день, брали на себя обеспечение населения продовольствием⁴⁰. Студенты высших учебных заведений в Киеве, Риге, Харькове, учащиеся Минска, Могилева, Гомеля, Тулы, Томска повсюду предоставляли рабочим свои помещения для собраний и митингов, принимали участие в общих демонстрациях. Воздействие пролетариата на служащих, демократическую интеллигенцию особенно сильным было в провинциальных центрах. Выделялось участие в стачке медицинских работников, сразу принявших демократическую программу протестного движения. Они организовывали больницы стачечные комитеты, оказывали бастующим медицинскую и материальную помощь, отчисляя деньги из своих зарплат семьям забастовщиков, а также устраивали врачебно-питательные пункты, а в случаях перехода стачек к вооруженным схваткам возникли медицинские отряды первой помощи. Такой отряд, который в Москве возглавил врач В.Н. Кащенко, назывался «Комитет Красного Креста для помощи раненым революционерам». Организованный характер приобрело оказание медицинской помощи рабочим в Петербурге, Ростове-на-Дону, Николаеве, Перми, Красноярске. Только в Петербурге общее число добровольцев санитарной службы для дежурства на случай уличных боев составило 2 тыс. человек⁴¹.

Всероссийская стачка вовлекала в политику конторских, торговых, государственных служащих. Тысячи приказчиков и мелких чиновников с первых дней стачки интересовались тем, о чем пишут газеты, ходили на собрания и митинги. В разгар всеобщей стачки к ней присоединился либеральный «Союз союзов» и 17 его организаций (профессионально-политические союзы инженеров, адвокатов,

агрономов и статистиков, врачей, писателей, женского равноправия, равноправия евреев, учителей и т.д.). Стачка была поддержана группами артистов театров. Большинство демократической интеллигенции придерживалось либеральных взглядов, но революционная атмосфера накладывала на них свой отпечаток. «Чиновники, инженеры, юристы, банковские служащие и даже профессора, – писали очевидцы событий тех дней, – все превратились в забастовщиков, все стихийно шли за пролетариатом, перенимая у него не только самый способ борьбы, но и тип его учреждений, как то стачечные комитеты, стачечные фонды...»⁴² Через координационные центры борьбы политические партии пытались утвердить свое влияние на массы.

Столь мощного проявления протеста, в котором первую роль играл рабочий, мир до 1905 г. не знал. Видный деятель международного рабочего движения того времени Р. Люксембург в ярких красках представила процесс рождения «всеобщности» забастовки. Она писала: Октябрьская стачка «отражает в себе все фазисы политической и экономической борьбы, все стадии и моменты революции... То она широким, волнообразным морем наводняет всю страну, то делится на исполинскую сеть тонких рукавов; то она струится из-под почвы студеным ключом, то бесследно иссякает. Политические и экономические стачки, стачки массовые и частичные, демонстративные и боевые, всеобщие стачки отдельных отраслей промышленности и всеобщие стачки отдельных городов – все это перемешивается, протекает рядом друг с другом, переплетается между собой, переходит одно в другое. Перед нами вечно движущееся и меняющееся море явлений... Но при этом стачечное движение почти ни на минуту не прекращается. Меняются только его формы, его широта, его влияние. Этот живой пульс революции и в то же время ее самое могучее маховое колесо»⁴³.

Из 71 губернии Европейской России всеобщие стачки затронули 66 губерний и 120 городов. По данным фабричной инспекции, в стачку было вовлечено более 2,6 тыс. промышленных предприятий и более 500 тыс. рабочих (почти треть от общего их числа). Из них, по тем же подсчетам, 77% приходится на участников политических стачек. Огромное значение имело участие во всеобщей стачке около 700 тыс. железнодорожников и до 200 тыс. представителей городской демократии. Всего же революционная стихия в октябре 1905 г. захватила 1,4 млн человек только в городах и фабрично-заводских поселках, не считая рабочих предприятий, не подчиненных надзору фабричной инспекции. Если добавить сюда горных и горнозаводских рабочих, тех, кто был занят на шахтах, приисках, нефтяных промыслах, а также строительных рабочих и рабочих мелкой промышленности, то общее число рабочих, занятых во всех отраслях производства, возрастет до 800 тыс., а общее число участни-

ков стачечной борьбы – до 2 млн человек⁴⁴. За этими показателями, конечно, стоят глубокие различия между рабочими крупных предприятий и маленьких мастерских, студентами и профессорами, телеграфистами и банковскими служащими, старшим поколением и молодежью, мужчинами и женщинами, образованными и неграмотными людьми и т.д. Внутренние закономерности развития коллективного самосознания применительно к российской ситуации 1905 г. изучены еще слабо, но ясно одно: всех – и участников революционных действий, и более пассивных, просто сочувствовавших революционерам – на краткий исторический срок к середине октября объединило общее настроение. При этом не последнюю роль в нем играла одна из составных частей российского менталитета – та самая «общинная соборность», которая стимулировала, в частности, и революционную солидарность.

Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. вобрала в себя экономические, политические, конфессиональные и другие требования, отражая очень пестрый состав ее участников и их решимость положить конец социальной несправедливости в сфере оплаты труда и социальных отношений на производстве. Ее активные участники выступали против крайне низкого жизненного уровня трудового народа, против растущего разрыва между его реальным экономическим положением и возрастающими потребностями при увеличении общественного богатства в период модернизации страны, против равнодушия самодержавия к социальным противоречиям в обществе. На политической сцене появился народ если и не открыто участвовавший, то сочувствовавший революционной агитации, согласный с тем, о чем было написано в программах левых партий. Лозунги и призывы, которые выдвигала социал-демократия, указывали на рабочих как на главную пружину в развитии революционных событий. Далеко не все люди склонялись тогда к вооруженному свержению самодержавия, но все сходились в одном – в необходимости изменения формы правления, вплоть до демократической республики. Для рабочих было важно увеличить свой заработок и сократить рабочий день, а крестьянам нужна была прирезка земли. Таким образом, лозунги РСДРП и других левых партий отражали интересы основной массы населения страны. И в этом была главная причина успеха Октябрьской всероссийской стачки.

В ту пору многим лидерам революционных партий, вдохновленным размахом движения, начинало казаться, что до окончательной победы революции остается совсем немного. Появившийся в России из эмиграции еще в конце сентября близкий к меньшевикам А.Л. Гельфанд (Парвус) писал тогда, что «при бурном обороте событий начинает иногда казаться почти неизбежным захват власти»⁴⁵. В накаленной атмосфере тех дней все острее вставала про-

блема вооружения народа, а главное – правильного использования боевых дружин. Большевики считали, что основной функцией боевых дружин должна быть «самооборона» от бесчинств полиции и «черной сотни». Большевики целенаправленно связывали создание боевых дружин с подготовкой вооруженного восстания и созданием «революционной армии».

В призывах к приобретению или изготовлению оружия агитация большевиков мало чем отличалась от эсеровской. Партия эсеров в дни всеобщей стачки и особенно после издания Манифеста 17 октября усилила свою агитационную работу. В общем революционном потоке даже охранка не в силах была отделить их от социал-демократов⁴⁶. При этом уже одно участие эсеров в рабочих собраниях и митингах воспринималось как напоминание о необходимости связи между городом и деревней, и само понятие «социалист-революционер» связывалось с крестьянской революцией⁴⁷. Однако, ведя усиленную агитацию среди рабочих, эсеры не сумели тогда занять прочных позиций в их организациях. Эсеровские лидеры подчеркивали впоследствии, что к осени 1905 г. под их влиянием находились два больших профсоюза – ВЖС и Союз служащих почты и телеграфа. Но преобладание в них эсеров было, скорее, случайным, а не результатом особых организационных усилий со стороны ЦК партии эсеров. В местные отделения Союза служащих почты и телеграфа эсеры попали лишь потому, что социал-демократы уделили им недостаточно внимания. Бунд, польские, латышские, литовские социалисты и социал-демократы также проявили себя во время всеобщей стачки очень активно, действуя чаще всего совместно с другими левыми партиями. Случалось, что в стачечных комитетах и других организациях инициативу в свои руки брали деятели и либерального толка, а также беспартийные.

Всеобщая октябрьская стачка уже в зародыше таила в себе связь с вооруженной борьбой, так как она возникла в государстве с неразвитой правовой системой, где власть предпочитала прибегать к силовым методам урегулирования конфликтов. Имеется масса свидетельств о сборах в октябре 1905 г. средств на приобретение оружия во время собраний и митингов в Москве, Петербурге и других городах, об участвовавших случаях разоружения полицейских и военных патрулей, о нападении на оружейные магазины и склады оружия. Типичную для многих собраний того времени резолюцию приняли во время всеобщей стачки рабочие одного из цехов Обуховского завода. Предъявив требования немедленного освобождения политических заключенных и выразив готовность бороться до конца за свержение самодержавия и установление демократической республики, обуховцы признавали, что достигнуть этого можно только насильственным путем. Потому они призывали всех рабочих «сплотиться вокруг партийных революционных комитетов

для подготовки и проведения вооруженного восстания»⁴⁸. Митинги в Петербурге собирали тысячи и десятки тысяч людей, и на каждом из них говорилось о захвате власти и вооружения народа. Аудитории высших учебных заведений 15–16 октября становились также местами агитации за вооруженное восстание с призывами к его подготовке⁴⁹.

Всеобщая стачка повсюду ускоряла процесс формирования боевых дружин. С их помощью осуществлялось печатание революционных изданий и снабжение забастовщиков продовольствием. Донесения с мест отмечали участвовавшие стычки народа с полицией и войсками. В Екатеринославе они произошли 11 октября у железнодорожного депо и у здания окружного суда в центре города. В заводском районе Чевелевке развернулось целое сражение, подступы к рабочему поселку были обнесены рвом и укреплены сооруженными из проволоки и телеграфных столбов шестью баррикадами. Рабочие участвовали в боях в течение двух дней. Во время похорон убитых демонстранты несли лозунги: «Долой самодержавие!», «Смерть тиранам!». 11 октября ружейная пальба раздавалась из окон, с чердаков и из-за углов домов на окраинах Харькова, где в центре сражения оказалось здание университета, окруженное баррикадами и превратившееся в крепость. Хроника событий 1905 г. свидетельствует, что не проходило и дня без столкновения забастовщиков с полицией, войсками, казаками: 12 октября – в Саратове, 13-го – в Курске и Челябинске, 14-го – в Одессе и Ревеле и продолжались там во все дни до опубликования Манифеста 17 октября.

15 октября в Москве около Воскресенской площади полиция и солдаты напали на рабочих и студентов, собравшихся на огромный 3-тысячный митинг. Часть митинговавших была оттеснена во двор Московского университета. Окруженный двумя цепями солдат, он превратился в настоящий военно-революционный лагерь с боевым штабом, пунктом «Красного Креста» и отрядами боевиков, разделенных на «десятки». Из железных решеток ограды осажденными наскоро делались копыя и дротики. Во дворе университета студенты разобрали мостовую, заготовив булыжники – проверенное оружие пролетариата⁵⁰. Осада продолжалась более суток, пока власти не гарантировали осажденным безопасный выход с территории университета. 16 октября в Одессе в разных местах города, в том числе и в центре – на Ришельевской улице начались баррикадные бои. Кровавыми столкновениями закончился этот день в Саратове и Вильно. 17 октября стычки вооруженных людей с полицией и солдатами были отмечены в Казани, Лодзи, Мариуполе, Риге.

В общий поток революционных событий вливалась и крестьянская революция. Как и в рабочем движении, в ней было больше социального негативизма, чем зрелого политического сознания, которое совсем не так быстро, как того бы хотелось лидерам многих

партий, но все же постепенно формировалось под воздействием революционной интеллигенции. В октябре после уборки урожая крестьянское движение под воздействием городских стачек приняло наиболее острые за все месяцы с начала революции формы. Случаи крестьянских «бунтов» участились в селах и деревнях Центральной России, Поволжья, Украины, Закавказья, Польши и некоторых белорусских губерний. Крестьяне захватывали землю, зерно, имущество помещичьих экономий, самочинно рубили их леса. Их владельцы бежали в города, посылая в Петербург панические телеграммы и требуя присылки войск. В октябре крестьяне вступали в борьбу чаще всего в тех уездах, которые прилегали к железным дорогам, где на станциях создавались революционные комитеты. «Крестьяне сходились к линии, убеждались, что чугунка стоит, расспрашивали о причинах забастовки и, зараженные новыми идеями, возвращались в свои села и деревни. Вести о забастовке будоражили деревню»⁵¹, — отмечали очевидцы. Рабочие поддерживали крестьян, а крестьяне на сходах присоединялись к требованиям рабочих⁵². К крестьянам были обращены тысячи партийных листовок. Только московские большевики в октябре издали их более 12 тыс. экземпляров. Под влиянием этой агитации, а также местных организаций Всероссийского крестьянского союза появились группы «сознательных» крестьян, проявлявшие живой интерес к политической жизни. Все чаще крестьяне давали отпор насилию со стороны властей, прогоняли урядников, волостных старшин, вступали в настоящие бои с солдатами и казаками. Так, 11 октября в Воронежской губернии в деревне Гологузовка помещица вызвала полицейских, чтобы прекратить порубку леса, но крестьяне, вооружившись кольями, прогнали их⁵³. В Саратовской губернии, где в октябре было отмечено 335 крестьянских выступлений, в ряде волостей крестьянское движение грозило перерасти в восстание. 16 октября началось вооруженное восстание гурийских крестьян в Закавказье.

Следивший в эмиграции за развитием Октябрьской стачки Ленин поспешил заявить в своем окружении, что «предсказания большевиков о великом значении политической массовой стачки в деле вооруженного восстания блестяще оправдались», что «восстание вырастает на глазах». Об этом он написал 13 октября в газету «Пролетарий» и в письме М.М. Эссен в Петербург. Правда, он подчеркнул, что охотно оттянул бы восстание до весны и до возвращения армии из Маньчжурии. «Но, — писал он далее, — ведь, нас все равно не спрашивают. Возьмите теперешнюю грандиозную стачку»⁵⁴. Лидер большевиков не мог, однако, предвидеть, что через несколько дней Николай II издаст манифест о даровании демократических свобод, что не могло не изменить общую ситуацию в стране.

Вынужденный поворот к перестройке системы государственного управления

Император Николай II не унаследовал от предков ни властного характера, ни воли и способности к быстрому принятию решений. На протяжении веков монархическая власть всегда ассоциировала себя с государством, рассматривая династические интересы как государственные. Ни один из монархов в России не мыслил себе политическую систему в стране иной, как неограниченное самодержавие. Николай II тоже смотрел на него как на священное наследие, которое он обязан был сохранить в неприкосновенности и передать его затем своему сыну.

Начало осени у Николая II, если судить по ежедневным записям в его дневнике, было преимущественно заполнено событиями семейной жизни и охотой⁵⁵. Он, конечно, как всегда, принимал министров и послов, просматривал «всепопданнейшие доклады», пометая их двумя точками, разделенными косой черточкой, но долго не придавал значения тому, что происходило в Петербурге, Москве и других местах. Так же отнесся он и к начавшейся 7 октября стачке на железных дорогах страны. Докладывая об этой стачке, Д.Ф. Трепов даже не знал толком, что за организация объединяет железнодорожников⁵⁶. Он предложил издать указ заменить бастующих машинистов и служащих воинскими чинами из состава железнодорожных батальонов и с их помощью восстановить движение поездов. Но Витте, проясняя ситуацию, сообщил Николаю II, что вследствие недостатка войск перевести забастовавшие железные дороги на военное положение невозможно, а железнодорожных батальонов хватит на восстановление движения лишь на стратегически важных его направлениях к западной границе⁵⁷. 12 октября железнодорожные забастовки прервали сообщение с Петергофом, где обитала царская семья после возвращения из Ливадии. Царь постарался уяснить для себя у Трепова возможность справиться со «смутой» в столице с помощью военной силы. В распоряжении петербургского генерал-губернатора были 43 батальона пехоты, 16 эскадронов кавалерии, 17 казачьих сотен и, конечно, пулеметы. Для подавления революционных сил в одном Петербурге этого, возможно, и хватило бы, но движение не ограничивалось столицей. Была еще Москва и вся Россия. К тому же, как показали события 9 января, расстрелы могли вызвать и обратную реакцию населения. Нельзя было скидывать со счетов и брожение в армии, которое с начала года сменялось вспышками бунтов.

На помощь из-за границы рассчитывать тоже не приходилось. Эхо начавшейся всеобщей политической стачки в России прокатилось по всей Европе, отозвалось в ряде стран волнениями и забастовками рабочих, выступлениями демократической интеллиген-

ции. Европейские правительства давали весьма уклончивые ответы на вопросы царских дипломатов о возможности получения финансовой помощи, а иностранные кредиторы не скрывали своего беспокойства в связи с ослаблением позиций царского правительства внутри страны. Прибывшие в первой половине октября 1905 г. в Петербург представители европейских банков дали понять, что царское правительство не получит новых займов до выяснения ситуации в стране. Интересно отметить, что поезд, на котором ехали банкиры в Петербург, был несколько раз задержан на станциях, а то и просто в поле. Не успели банкиры разместиться в гостинице, как в ней погас свет. Переговоры о займе шли в самой тягостной обстановке. «День ото дня, – вспоминал В.Н. Коковцов, – внешний вид города становился все более и более грозным»⁵⁸.

В связи со сложившейся ситуацией консерваторы-традиционалисты и самые близкие люди из окружения царя настойчиво требовали введения военного положения. Более прогрессивная, хотя и незначительная часть царского окружения, не возражая против такой меры, считала, что верховной власти не обойтись без «дарования русскому народу широких демократических свобод»⁵⁹. Этот мотив особенно громко звучал в оппозиционных либеральных кругах, где кое-кто даже поговаривал о «солидарности с забастовочным движением»⁶⁰.

Всеобщая стачка вызвала тревогу в кругах деловой буржуазии. «Забастовка дорог, – телеграфировал еще 10 октября правительству Совет Союза землевладельцев, – создала безвыходное положение и грозит катастрофой, если не примете надлежащих мер для восстановления движения и порядка». На имя министра финансов 13 октября пришла телеграмма от Совета съезда горнопромышленников Юга России, харьковского и екатеринославского губернаторов. Не менее тревожные телеграммы поступали от сахарозаводчиков, текстильных фабрикантов, торговцев хлебом, мясом, молоком, чаем и т.д. «Прекращение движения на железных дорогах, – сообщал председатель Московской хлебной биржи, – и приостановка вспомогательных при железных дорогах учреждений – элеваторов, зернохранилищ – неизбежным образом повлечет за собой расстройством хлебной торговли»⁶¹. Убытки от простоя промышленных предприятий и железных дорог исчислялись миллионами рублей. Армия предпринимателей требовала положить конец стачке. Газета «Слово» от 14 октября 1905 писала, что «должны быть приняты самые решительные меры к водворению общего спокойствия. Нужна твердая власть, нужно немедленно, во что бы то ни стало, восстановление прерванного движения дорог, торговли и всех проявлений жизни».

Промышленники и банкиры в этот острый момент категорически не разделяли позиции левых либералов в отношении забасто-

вок как способа давления на правительство. Вместе с тем мир бизнеса, отмежевываясь от жесткой охранительной позиции властей, считал, что, если уж затрагивать рабочий вопрос, то его нужно решать в плане «изменения общих политических условий», и планировали провести в Государственную думу как можно больше депутатов от торгово-промышленных кругов⁶². (Интересы деловой буржуазии прежде всего сводились к обеспечению свободы предпринимательства.)

12 октября собралось экстренное совещание с участием министров путей сообщения, финансов, военного, внутренних дел и юстиции. Речь на нем шла о необходимости срочных мер в отношении положения железнодорожных служащих, чтобы прекратить их стачку. В самих министерствах, как вспоминал начальник Канцелярии министра Императорского двора А.А. Мосолов, «все признавали необходимость реформ, но почти никто не отдавал себе отчета в том, в чем они должны выразиться. Одни высказывались за введение либеральной конституции, другие – за создание совещательного органа, третьи – за диктатуру по назначению, а четвертые считали, что порядок и умиротворение должны быть водворены государем диктаторскими приемами»⁶³. Характерно, что представители банков выразили на совещании готовность дать средства для борьбы со стачками.

В эти решающие для страны исторические дни Николай II наконец-то решил подготовить манифест, чтобы пресечь «смуту». В глубокой тайне он срочно привлек к этой работе узкую группу отличавшихся особой преданностью лиц в составе: С.Ю. Витте, И.Л. Горемыкина, А.А. Будберга, В.Б. Фредерикса, О.Б. Рихтера, Д.Ф. Трепова, Н.И. Вуича и других – всего 11 человек. Многие министры и даже некоторые члены царствующего дома находились в полном неведении. Военный министр А.Ф. Редигер, приглашенный в один из тех дней в Петергоф, лишь по громким голосам из-за закрытых дверей царского кабинета догадался, что там идет важное совещание. Министр финансов В.Н. Коковцов узнал о самом манифесте 17 октября чуть ли не из газет и, как он пишет, «даже не подозревал о его изготвлении»⁶⁴. Даже председатель Государственного совета Сольский знал только о ведущихся переговорах в Петергофе, но не об их содержании.

Главная роль при обсуждении проекта манифеста принадлежала Витте, считавшегося в тот момент единственно приемлемой фигурой на высший пост в правительстве и в западных деловых кругах, с мнением которых царю приходилось считаться. Витте настаивал на том, что без законодательной Государственной думы и основательного реформирования государственного строя нельзя сохранить монархию. К 9 октября 1905 г. он в связи с данным ему поручением царя подготовил документ, в основу которого была поло-

жена записка деятеля городских и земских съездов В.Д. Кузьмина-Караваева. В ней, кроме экскурса в историю освободительного движения в России, доказывалась неизбежность победы революции, если правительство не сумеет «взять его (движение. — *Авт.*) в свои руки». Напоминая об «ужасах русского бунта», записка содержала горестные упреки правительству в непонимании роли тех «умеренных сил», которым «с каждым днем становится все труднее сдерживать движение» и «приходится бороться на два фронта: с теми, кто сознательно идет к насильственному перевороту, и с правительством, которое не отличает их от анархистов и одинаково преследует». Витте тоже пытался в рамках дозволенного разъяснить царю, чт, «пока власть имеет опору в широких общественных слоях, мирное разрешение кризиса еще возможно». Он прямо говорил, что сейчас еще правительство, драпируясь в демократические одежды, может вызвать замешательство и раскол в революционных рядах, а такжe отход от революции умеренных «протестантов», но скоро исчезнет и этот шанс. «Выбора нет, — подчеркивал Витте, — или стать во главе охватившего страну движения, или отдать ее на растерзание стихийных сил»⁶⁵. Он уверял царя, что слово «конституция» никакой опасности не представляет, что между законосовещательной и законодательной Думами нет непреодолимого различия и что полнота власти царя сохранится. Предлагалось как-то успокоить народ: упомянуть о необходимости нового законодательного нормирования рабочего дня, государственном страховании рабочих, учреждении «примирительных камер», возможности выкупа крестьянами помещичьих земель и предоставлении ограниченной автономии некоторым окраинам. В заключении бесед, которые происходили у Витте с царем, он не упускал возможности напомнить и о необходимости создать новое «сильное правительство, чтобы бороться с анархией». Смысл этих и других такого же рода сентенций Витте сводился к тому, чтобы именно ему как главе этого правительства были предоставлены широкие полномочия⁶⁶.

К середине октября всеобщая стачка вступила в такую фазу, когда в стране установилось своеобразное равновесие сил между революцией и властью. Царизм не в силах был подавить революционное движение, а революции не хватало сил, чтобы свергнуть старую власть. Но всякое промедление грозило самодержавию опасностью, тем более что усилилось брожение в тыловых армейских гарнизонах. Видя колебания царя, Витте хитроумно наметнул ему, что есть и другой выход из кризиса путем установления диктатуры «человека решительного и военного». Витте знал, что сил на масштабные карательные мероприятия у правительства нет, а в военном диктаторе Николай II мог лишь увидеть угрозу своей неограниченной власти. Расчет оправдался: царь высказался за опубликование «основания записки» Витте в виде манифеста от имени верховной

власти. 12 октября Витте сказал царю, что, поскольку идея диктатуры практически отпадает, остается лишь «создание однородного правительства с определенной программой»⁶⁷.

Однако консерваторы сопротивлялись предстоящим реформам, как могли. Среди них был и давно служивший царскому престолу 66-летний И.Л. Горемыкин. Показательно, что 13 октября он был специально вызван в Петергоф (царь предполагал ввести его в будущий кабинет министров в качестве министра внутренних дел). Горемыкин добирался в Петергоф в карете, и по пути ее забросали камнями строительные рабочие. Разгневанный сановник стал уговаривать царя оказать «твердое сопротивление» революции, уничтожив ее «смертельным для толпы огнем». Однако в ответ на это даже «жесткий» Трепов «укорил» Горемыкина в авантюризме. И все же вечером 13 октября Николай II по телеграфу дал поручение Витте «впредь до утверждения закона о кабинете» усилиями старого правительства «всемерно способствовать восстановлению порядка»⁶⁸.

Распоряжение императора было получено в тот момент, когда жизнь в столице была почти полностью парализована. Повсюду шли митинги. Наиболее массовыми они были в просторных помещениях Военно-медицинской академии, института гражданских инженеров, путей сообщения, Горном, Технологическом, Академии художеств. В некоторых из них собиралось по несколько тысяч человек.

В этой обстановке Трепов отдал 14 октября 1905 г. получивший на века печальную известность приказ: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть». Текст приказ в Петербурге был расклеен на всех улицах, а соответствующая телеграмма была послана во все крупные города. Но и там губернаторы высказывали сомнение в возможности его выполнения.

В Москве еще 12 октября открылся Учредительный съезд либеральной конституционно-демократической партии. Он собрал интеллектуальную элиту страны, среди которой были историки П.Н. Милоков и С.А. Котляревский, правоведы П.Б. Струве, Д.И. Шаховской, Н.Н. Кутлер, Ф.Ф. Кокошкин, экономист А.А. Кауфман и другие. К 14-му они почти согласовали программу партии, ориентированную на отстаивание основных демократических прав граждан России в рамках конституционной парламентской монархии, изменение финансовой и экономической политики правительства, реформу местного самоуправления, введение автономии в отдельных частях империи, нового аграрного и рабочего законодательства и на организацию народного просвещения на демократических началах⁶⁹. Все, о чем говорилось на учредительном съезде кадетской партии, сводилось к тому, что будущее России кадеты связывали с конституционной монархией дуалистического типа. Ее

главная особенность состояла в стремлении совместить сильную исполнительную власть во главе с монархом и народное представительство как инструмент социального контроля. В центре этой политической системы оказывался монарх и двухпалатный парламент – Государственная дума и Государственный совет. Данная модель представлялась даже умеренным конституционалистам идеальной формой, позволяющей объединить силы либерального общественного движения и передовых элементов бюрократии для осуществления политических и социальных реформ.

В глубине души Витте, может быть, и разделял некоторые либеральные воззрения, но он руководствовался не ими, так как был человеком циничным и карьерным. Это определяло его поведение в стремлении получить пост главы правительства. Назначение на этот пост ему светило лишь в том случае, если Николай II утвердит (даже в самом урезанном виде, что Витте мало волновало) проект реформ, которого страшились консерваторы. Проклиная положение, когда верноподданные должны были добираться каждый раз к главе государства парохомом, Витте рано утром 14 октября до завтрака снова отправился к царю. Он вез ему очередной доклад, который назывался «О законодательной санкции через Государственную думу», где провозглашалось стремление царя «к возможно быстрейшему осуществлению гражданских свобод», но подчеркивалось, что «устройство правового порядка» – дело долгое. В докладе содержалось предложение об объединении министров и о преобразовании Государственного совета. Царь настаивал на издании манифеста от своего имени, а Витте хотел, чтобы монарх утвердил его доклад с программой будущих преобразований. Разговор Витте с царем продолжался до 5 часов вечера, но окончательного решения император не вынес и на этот раз, и Витте уехал ни с чем.

14 октября вечером флигель-адъютант императора по телефону снова вызвал Витте на следующее утро в Петергоф, сообщив, что Николай II приказал подготовить манифест, в котором намеченные в докладе Витте меры «были бы выведены из области обещаний в область государем даруемых фактов». Требуя подчеркнуть в документе свою роль, царь явно хотел «умерить» пыл рвавшегося к государственной власти Витте. Тот, в свою очередь, предложил члену Государственного совета А.Д. Оболенскому за ночь составить проект манифеста. Утром 15 октября на пароходе по дороге в Петергоф во время обсуждения этого проекта, в котором приняли участие Витте, Фредерикс, сам Оболенский и молодой правовед зять Плеве Н.И. Вуич, последним был записан на листке бумаги коллективно сформулированный пункт о «непременном» участии Думы и Государственного совета в рассмотрении всех законодательных актов. Но и эта формулировка, в сущности, не меняла законосовещательный статус Думы. Однако, когда пароход уже при-

чалил в Петергофе к берегу, Витте продиктовал Вуичу новую редакцию текста, где наконец прозвучали решающие слова: «...Никакой закон не может иметь силы, если не получил санкции Государственной думы»⁷⁰.

За составителями манифеста следовала тень революционного Петербурга. У тех, кто следил за развитием событий в столице и не ведал всей «кухни» рождения манифеста, даже возникли предположения о возможном отречении царя. Так, находившийся в Петербурге корреспондент английской газеты поспешил утром 15 октября послать в Лондон соответствующую депешу⁷¹. А в это время царь, узнав о прибытии парохода, видимо, приказал Витте срочно прочитать ему доклад в присутствии вел. кн. Николая Николаевича, который неожиданно оказался на стороне Витте. Великого князя, как командующего войсками гвардии и Петербургского военного округа, Николай II прочил в диктаторы, но это отнюдь не вызвало у него восторга. Желая избежать назначения, Николай Николаевич стал усиленно нажимать на царя с тем, чтобы тот скорее подписал манифест. Поддержал Витте и старейший член Государственного совета 75-летний О.Б. Рихтер. Витте склонял присутствовавших к тому, чтобы не издавать манифест, а ограничиться утверждением его доклада, но Рихтер и все другие все же сошлись на необходимости манифеста как проявлении «царской воли».

В литературе, чтобы подчеркнуть страхи членов царской фамилии в дни всеобщей стачки, приводится якобы имевший место факт подготовки в Петергофе на всякий случай яхты, на которой Романовы могла бы «бежать от революции». Слухи о возможном бегстве царя связывали с курсирующими недалеко от Петергофа немецкими канонерками, присланными, как говорили, Вильгельмом II для оказания помощи своему кузену Николаю II. Однако все это – большое преувеличение, искажающее оценку царем общей ситуации в стране, что подтверждают и записи в его дневнике, указывавшие, скорее, на твердость духа Николая II в этот момент. Если яхта и была, то она не предназначалась для бегства царской семьи из России. Самодержавие было еще достаточно сильным, и Николай II это чувствовал и понимал. Необычным в поведении императора в те дни были лишь его каждодневные многочасовые встречи с членами Государственного совета, министрами, с избранными представителями высшей бюрократии для создания окончательного варианта манифеста⁷², который мог бы успокоить общество. Комментируя ситуацию в стране в последние дни перед подписанием царем манифеста, нельзя не отдать должное краткой и точной ее оценке Лениным. Не переставая пристально следить за развитием событий в России, он охарактеризовал обстановку накануне 17 октября так : «1) Итог до сих пор – равновесие сил... 2) Царизм уже не в силах – революция еще не в силах победить. 3) От этого громадные коле-

бания. Страшное, гигантское усиление революционных явлений (стачки, митинги, баррикады, комитеты общественной безопасности, полная парализация правительства etc.) – с другой стороны, отсутствие решительной репрессии. Войска колеблются. 4) Двор колеблется и выжидает. Собственно, это правильная тактика с его стороны: равновесие сил заставляет выжидать, ибо власть в их руках. Революция дошла до такого момента, когда контрреволюции нападать, наступать невыгодно»⁷³.

Колебался царь до самого последнего момента. В течение 15 октября доклад Витте превратился в манифест, над которым в ночь на 16 октября еще трудились, редактируя его, И.Л. Горемыкин и начальник императорской канцелярии А.А. Будберг. Они изготовили несколько вариантов проекта манифеста. Борьба за его окончательный текст сопровождалась, скорее, борьбой амбиций, желанием ряда лиц подорвать влияние Витте в самом начале его карьеры как главы нового правительства. Но Сольский, как и ранее, поддерживал Витте, что сыграло положительную роль и рассеяло сомнения в пользу будущего премьера. При поддержке Д.Ф. Трепова был сохранен виттевский вариант текста манифеста. На прямо поставленный царем Трепову вопрос, что он думает о сложившейся ситуации, последний сказал твердо: «Свобода печати, совести, собраний и союзов должна быть дана»⁷⁴ и авторитетно заявил, что вопрос о назначении Витте уже «предрешен». Тем самым был положил конец и разговорам на эту тему в коридорах высшей власти.

Утром 16 октября царь после завтрака «просидел долго» с Горемыкиным и Будбергом «для редакционных улучшений» манифеста. Но и в этот момент Николай II вновь пожелал узнать у Трепова, «сколько дней, считая крайний срок», можно «держат в Петербурге порядок без пролития крови» и возможно ли вообще «достичь водворения порядка без больших жертв». Трепов ответил: «Не могу ни теперь, ни в будущем дать в этом гарантию, крамола так разрослась, что вряд ли без этого суждено обойтись»⁷⁵. Вопрос о принятии манифеста в редакции Витте – Вуича – Обленского был решен к середине дня 16 октября. Не будет неосторожным согласиться с самим Витте, который написал в своих воспоминаниях, что он фактически предъявлял царю ультиматум, заявив, что он отказывается от назначения на пост главы правительства, если проект манифеста в том виде, в каком именно он его составил, будет изменен. Николай II вынужден был отступить. К этому же времени относится и записка царя Трепову, где говорилось: «Дорогой Дмитрий Федорович! Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное. Тем не менее по совести я предпочитаю даровать все сразу, нежели быть вынуж-

денным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же»⁷⁶.

Существует версия, восходящая к мемуарам Витте, Редигера и некоторых других лиц, согласно которой вел. кн. Николай Николаевич буквально за несколько часов до подписания манифеста угрожал Николаю II чуть не самоубийством, если он его не подпишет. Возможно, это так и было, если учесть, что великий князь недавно вернулся из Тулы через Серпухов в Москву, где стачка была в самом разгаре. Сопровождаемый вице-губернатором, он с трудом доехал до Николаевского вокзала. Движение поездов было прекращено. Было жутковато из-за полной темноты, даже в царских комнатах горели только свечи. Поезд из локомотива и двух вагонов был сформирован военной командой и отошел от московского вокзала в полном мраке⁷⁷.

В конечном счете у самодержца сработало элементарное чувство самосохранения и здравого смысла. Привычный порядок жизни в стране рассыпался буквально на глазах. В высших слоях общества нарастала паника. Губернаторам и полиции было неясно, что делать дальше. Перемещение армейских подразделений для подавления революции стало невозможными. Военные поражения ухудшили перспективы получения новых внешних займов, а под влиянием революционного движения поступления в казну резко сокращались. Для сохранения золотого запаса империи Государственный банк перешел к новой кассовой политике, стремясь производить все расчеты бумажными кредитными билетами. В результате началась настоящая осада сберегательных касс вкладчиками. Каждую ночь во всех крупных городах к ним стекались толпы народа. Те, кто прежде часто отказывался брать тяжелые золотые монеты, теперь требовали возвращения своих вкладов только золотом. Критическим днем стало 16 октября, когда конторы Государственного банка во многих городах России были закрыты, а отделения в Ростове-на-Дону, Киеве, Курске, Ашхабаде работали под усиленной охраной. Массовую забастовку банковских служащих предотвратило только последовавшее сообщение о предстоящем издании манифеста и даровании гражданских свобод.

Давая «конституцию», Николай II, конечно, понимал, что с неограниченной властью ему придется расстаться. При этом дата подписания манифеста 17 октября совпала с датой крушения царского поезда в Борках 17 лет назад! В понедельник 17 октября 1905 г. (число «17», если вспомнить 1917 г., оказалось роковым для царской семьи) Николай II записал в дневнике: «Годовщина крушения! ...Подписал манифест в 5 час. После такого дня голова сделалась тяжелою, и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, спаси и умири Россию!»⁷⁸

Рожденный в сомнениях императора и в редакционных муках его составителей манифест 17 октября назывался «Об усовершенствовании государственного порядка» и представлял собой, может быть, самый краткий документ такого рода за всю историю России. Поскольку в советской историографии манифест воспроизводился главным образом в сатирическом исполнении (художник И. Грабовский изобразил на листке с текстом манифеста окровавленную руку царя) или с купюрами, приводим его полностью с сохранением особенностей стиля того времени.

«Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, царь Польский, великий Князь Финляндский и прочая, и прочая, и прочая.

Смуты и волнения в столицах и во многих местностях Империи нашей великою и тяжкою скорбью преисполняют сердце Наше. Благо Российского Государя неразрывно с благом народным, и печаль народная – его печаль. От волнений, ныне возникших, может явиться глубокое нестроение народное и угроза целостности и единству Державы Нашей. Великий обет царского служения повелевает нам всеми силами разума и власти Нашей стремиться к скорейшему прекращению столь опасной для государства смуты. Повелев подлежащим властям принять меры к устранению прямых проявлений беспорядков, бесчинств и насилий, в охрану людей мирных, стремящихся к спокойному выполнению лежащего на каждом долга, Мы, для успешного выполнения общих предначертанных Нами к умиротворению государственной жизни мер, признали необходимым объединить деятельность высшего правительства.

На обязанность правительства возлагаем мы выполнение непрелюдной Нашей воли

I. Даровать населению незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов.

II. Не останавливая предназначенных выборов в Государственную думу, привлечь теперь же к участию в Думе в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку и

III. Установить, как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы и чтобы выборным от народа обеспечена была возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий поставленных от нас властей.

Призываем всех верных сынов России вспомнить долг свой перед Родиной, помочь прекращению всей неслыханной смуты и вме-

сте с нами напрячь все силы к восстановлению тишины и мира на родной земле.

Дан в Петергофе в 17-й день октября, в лето от Рождества Христова тысяча девятьсот пятое. Царствования же нашего одиннадцатое. На подлинном Собственной Его Императорского величества рукой подписано: “Николай”»⁷⁹

Все, о чем говорилось в Манифесте, предлагалось народу принять как очередную царскую «великую милость», а повеление «подлежащим властям принять меры к устранению прямых беспорядков, бесчинств и насилий», означало команду центральной и местной власти ликвидировать «смуту».

Манифест спас самодержавие от краха. Само собой разумеется, что судьба Булыгинской думы была, таким образом, окончательно решена. Мало того, в манифесте она как бы «осуждалась» за то, что в прежнем ее проекте неимущие «классы населения» были «совсем лишены избирательных прав». В связи с изданием манифеста была объявлена амнистия политическим заключенным, восстановлена демократическая конституция Финляндии, но ее генерал-губернатором был назначен недавний усмиритель крестьян в Харьковской губернии И.М. Оболенский.

В историографии до сих пор не существует единства мнений в оценке манифеста 17 октября: ограничил или не ограничил он самодержавие или только декларировал эволюцию формы правления от абсолютной монархии к конституционной, можно ли считать установившийся строй конституционным самодержавием или конституционной монархией и т.д.? Согласимся в том, что манифест провозгласил начало буржуазного конституционализма в России, внеся изменения и в форму правления, и в политический режим государства в целом. 19 октября царь подписал также указ о новом Совете министров во главе с Витте. Его программа была изложена в записке Витте царю от 9 октября, где говорилось, что Россия «переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданских свобод». В первые же дни премьерства Витте с поста обер-прокурора Синода ушел К.П. Победоносцев, подал в отставку Д.Ф. Трепов, как того требовали широкие круги общества (правда, он тут же получил другую влиятельную должность – дворового коменданта). Значительно изменился кадровый состав исполнительной власти. В последней декаде октября сменились министры внутренних дел, торговли и промышленности, финансов, путей сообщения, народного просвещения, земледелия, государственный контролер, а немного позднее – и министр юстиции. Был создан единый Совет министров с предполагаемым подбором министров премьером вместо прежнего порядка, когда каждый министр утверждался лично царем и был ответственен только перед ним. С.Ю. Витте стал первым в истории России премьер-министром, не-

сущим ответственность за осуществление реформ и консолидацию власти (подробно об этом см. гл. 7).

Общественно-политическая жизнь России в «дни свобод»

Вечером 17 октября телеграфные агентства разнесли по всему миру весть о «дарованных» русским царем народу демократических свободах. «Народ победил. Царь капитулировал. Самодержавие перестало существовать» – было написано в английской газете «Таймс». Однако часть леворадикальных кругов в России весьма настороженно отнеслась к «царской милости». Примерно через неделю большевистский «Пролетарий» так прокомментировала одну из телеграмм друзей русской революции из Северной Америки, поздравивших русских революционеров с «первой победой революции»: манифест – это победа, но народу еще рано ликовать, так как самодержавие далеко не капитулировало, а только отступило, «оставив неприятелю поле сражения». Действительно, манифест только декларировал введение в стране буржуазного конституционализма, ничем не гарантируя его реализацию. Самодержавие отступило, чтобы собрать свои силы. Оценка манифеста многими представителями интеллигенции сводилась к тому, что «это – не конституция, а глумление над народом»⁸⁰.

Авторы манифеста 17 октября рассчитывали на благодарность населения, но сильно просчитались. Манифест лишь еще более накалил обстановку. Консерваторы-традиционалисты были ошеломлены уступками царя, но публично не могли критиковать его «волю». Наметился рубеж между теми, кто верил в то, что реформе нужно дать шанс, и теми, кто ставил своей целью создание республики при обеспечении эффективного контроля народа над исполнительной властью. Среди либеральной интеллигенции восторженный энтузиазм первых «Дней свободы» разделяли далеко не все. Критика началась со стороны кадетов, утвердивших 18 октября на съезде в Москве собственную программу реформ. Известен случай, когда в Москве в Литературном кружке после получения известия о манифесте П.Н. Милюкова попросили произнести речь. Он, взяв в руки бокал с шампанским, сказал то, чего от него никто не ожидал: «Ничто не изменилось, война продолжается»⁸¹.

Большинство социалистов, члены Петербургского и других Советов рабочих депутатов и «Союза союзов» увидели в манифесте в лучшем случае «улучшенную версию Булыгинской думы» и продолжали выступать за Учредительное собрание, депутаты которого избирались бы по принципу «один человек – один голос». Манифест внес разногласия в многоликую среду эсеров. Их лидер М.Р. Гоц развивал такой тезис: хотя манифест 17 октября – «худшая из всех конституций, но Россия становится конституционной

страной», и пусть революция еще не победила, но во имя полной и окончательной победы «форсировать» и не следует. Гоца в эмиграции поддерживал другой лидер эсеров В.М. Чернов. В местных же эсеровских организациях в России сохранялось «нервическое настроение». «Массовики» (те, кто вел агитацию) вновь заговорили о терроре, а установка «не форсировать» революцию с трудом усваивалась рядовыми членами партии, считавшими, что царь и правительство вновь обманывают народ⁸².

Издание манифеста 17 октября оживило и российские деловые круги, которые в начале октября создали в Петербурге Партию правового порядка из представителей служилого и поместного дворянства и крупных дельцов из купеческого сословия. Ее рупором стала газета «Слово». Правительство до манифеста относилось к организациям предпринимателей с опаской, но после 17 октября позиция предпринимательских кругов стала для власти очень важной. Это относилось, в частности, к «Петербургскому обществу для содействия и улучшения развития фабрично-заводской промышленности», которое вскоре создало Прогрессивно-экономическую партию и безоговорочно приняло конституционную монархию как форму государственного правления. Окончательно эта партия оформилась в январе 1906 г., но еще раньше она уже располагала значительными средствами за счет членских взносов петербургских фабрикантов и заводчиков. Последние сразу же определили свою позицию в отношении стачек, угрожая петербургскими рабочим локаутом в ответ на их попытки ввести явочным порядком 8-часовой рабочий день. Тем не менее Прогрессивно-экономическая партия выступала за равенство всех перед законом, требовала реализации данного в манифесте 17 октября обещания предоставить Государственной думе право издания законов и намеревалась популяризировать свои идеи в рабочей среде. Речь шла о законодательном ограничении продолжительности рабочего дня женщин и малолетних и т.д.⁸³. Конституционную монархию как форму правления поддерживала и созданная в Москве в ноябре Умеренно-прогрессивная партия предпринимателей, издававшая газету «Рассвет» и действовавшая в блоке с будущими членами Союза 17 октября. Выступая, как и Прогрессивно-экономическая партия, за расширение функций местного самоуправления, она включала в свою программу требования свободы собраний, союзов и стачек при условии «ненасильственного законодательства»⁸⁴. В Москве же в ноябре появилось воззвание Торгово-промышленной партии, которое должно было «согреть душу» правительства заявлением о ее намерении стать средоточием «лиц правопорядка» и «опорой сильной правительственной власти, без которой немислимо успокоение». Все эти три партии, объединявшие «верхи» делового мира, и созданный в конце ноября в Петербурге Всероссийский союз торговли и промы-

шленности давали власти шанс на дальнейшее развитие процесса модернизации в стране.

В среде российских обывателей, которых теперь с натяжкой можно было назвать «гражданами», получившими хотя и куцую, но конституцию, торжественное объявление о новых свободах было принято многими за чистую правду. Первые известия о манифесте вызвали во многих городах всеобщее ликование. Однако довольно скоро стало ясно, что ликуют далеко не все. Как записал в своем дневнике Джунковский, Москва 18 октября «приняла праздничный вид, забастовка в городских предприятиях закончилась, железные дороги стали функционировать. Везде чувствовался большой подъем... Появились процессии по улицам, одни – с портретом государя, другие – с красными флагами, между ними происходили стычки: одни пели гимн, другие – революционные песни... Полиция, не имея директив, смотрела и не принимала никаких мер, разнузданность толпы наводила панику на мирного обывателя. Толпы с красными флагами украсили ими подъезд дома генерал-губернатора, который до того растерялся, что выходил на балкон своего генерал-губернаторского дома совсем невпопад». Увидев эти красные флаги, Джунковский посоветовал генерал-губернатору П.П. Дурново: «Прикажите убрать, ведь это неудобно, толпы смеются», но получил ответ: «Ничего, не надо раздражать, ночью дворники уберут»⁸⁵. Характерно, что в тот же день в нескольких минутах ходьбы от генерал-губернаторского дома, в вестибюле Консерватории выступал оратор, говоривший о преимуществах маузера перед браунингом; там же шел сбор средств под плакатом: «На вооруженное восстание»⁸⁶.

В Петербурге, где уже вечером 17 октября прошел слух о подписанном царем манифесте о демократических свободах, на некоторых улицах даже зажглись фонари, и люди заговорили о возобновлении спектаклей в театрах и представлений в цирке. Но Петербург даже в центральных его районах медленно отходил от всеобщей стачки: движение транспорта в городе было восстановлено не сразу, по вечерам все по-прежнему погружалось во мрак, по улицам ходили военные патрули. Первое заседание Совета министров под председательством Витте открылось вечером 18 октября, но проходило оно на квартире генерал-губернатора. Позже министры собирались то в «Запасном доме» подле Зимнего дворца, то на квартире своего председателя Витте.

На улицах столицы, как повелел царь, власти принимали меры «к устранению беспорядка, бесчинств и насилий». 18 октября громадная толпа у Казанского собора и столичной Думы с красными флагами пела «Вечную память» по убитым 9 января и «Марсельезу», раздавались призывы к вооруженному восстанию. Вскоре толпа превратилась в демонстрацию и устремилась на Васильевский

остров, требуя освободить «политических». В то же время на Невском проспекте произошло столкновение полиции с другой толпой, закончившееся первым после принятия манифеста кровопролитием: пострадал неизвестный рабочий, который нес национальный флаг. В другом районе города толпа демонстрантов устремилась к Технологическому институту с намерением освободить задержанных там студентов. К ней присоединилась масса людей с Владимирского проспекта. Рота Семеновского полка под командованием генерала Г.А. Мина преградила народу путь. Когда же один из демонстрантов забрался на фонарный столб и произнес речь о «необходимости свержения с престола государя, удаления войск и отставки генерал-губернатора», солдаты дали по нему залп, в результате чего оратор был убит и 4 человека ранены. У Технологического института демонстрантов разогнали конные наряды с шашками (среди тяжело раненных здесь оказался профессор истории Е.В. Тарле). Кровавые столкновения полиции с народом произошли также на Боткинской улице в Петербурге, где были и убитые. По официальным сведениям, в Петербурге в первый день «свобод» на улицах города 18 человек были убиты или тяжело ранены. Снова начались митинги в высших учебных заведениях, в Академии художеств, в Консерватории⁸⁷.

Газеты «Право», «Русские ведомости», «Русское слово» и местная печать сообщали о том, как рьяно подавляли «смуту» в других городах. С 18 по 22 октября были разогнаны и избиты полицией и сколоченными ею группами монархически настроенных лиц демонстранты в Казани и Киеве, где были убиты и ранены более 19 человек. В Перми на улицах города осталось более 30 раненых. В Минске в результате расстрела демонстрации более 50 человек было убито и более 300 ранено. В Ташкенте солдаты по приказу местных властей во время митинга убили и ранили более 20 человек, в Томске было более 30 убитых и 70 раненых, в Витебске казачий разъезд оставил на мостовой 7 убитых и т.д. В Вильно на похороны убитых 18 октября собралось до 30 тыс. человек, с которыми полиция уже не могла справиться. В эти дни особой остроты достигли давно назревавшие события в Закавказье, где в Баку, Тифлисе, Елисаветполе, на станциях Закавказской и Карсской ж.д. все время происходили столкновения азербайджанцев и армян. Теперь толпа в тысячу азербайджанцев напала на армянский город Казах. Два дня здесь продолжались грабежи армянского населения, возникли сильные пожары, число жертв достигло нескольких сотен, а убытки исчислялись миллионами рублей, причем войска, как всегда, вмешивались в ход событий с запозданием⁸⁸.

Социально-бытовые проблемы в связи со всеобщей стачкой ко времени опубликования манифеста восстановили определенные слои народа не только против правительства, но и против револю-

ционеров, а главное – агитаторов, звавших к продолжению стачек, на митинги и демонстрации. Газета «Русское слово» писала 18 октября 1905 г., что накануне в Москве «в Марьиной роще произошло ужасное побоище. К находившимся здесь фабрикам подошла из Москвы толпа, человек 500 забастовавших фабричных рабочих с требованием прекращения работы. Рабочие Марьиной рощи, вооружившись ломami, кольями, ножами и тому подобным оружием, напали на пришельцев. К нападавшим присоединились обыватели Марьиной рощи и «черносотенцы», произошла ужасная свалка. Вскоре сюда приехали казаки и, действуя нагайками и шашками, разогнали рабочих-москвичей. В результате около 30 человек оказались тяжело раненными».

Количество жертв революции еще более возросло после начала «черносотенных» погромов, представлявших «собой взрыв ненависти воинствующих монархистов к революционерам, Манифесту и последовавшим за ним собраниям, митингам и демонстрациям. Это явление объясняется тем, что всеобщая стачка для политически инертных слоев населения означала лишь угрозу привычному укладу жизни. Монархически настроенные слои населения после издания Манифеста заявили о себе открыто, получив идейную поддержку у лидеров правых монархических организаций Русского собрания, Союза русских людей и почти сформировавшегося Союза русского народа. Одна из прокламаций Русского собрания, например, вещала: «Озорство, безумие, зверство разрастаются на Руси. Спасайтесь от заразы, русские люди, пожалейте вашу родину-мать! В ком еще здорова душа, дай себе твердое слово жить своим умом по Божьему и царскому закону и удерживать других от разбоя, стачек, забастовок и мятежей»⁸⁹. И многие «черносотенцы» по-своему поняли этот призыв. Невероятного накала в стране достиг антисемитизм, во многом из-за попустительства властей. Центральные и местные газеты правого толка публиковали многочисленные статьи и материалы, вызывавшие, в частности, неприязнь к евреям. Одним из худших образчиков антисемитской пропаганды в годы революции стало появление и распространение в районе, подчиненном Московскому цензурному комитету, печально знаменитого антиеврейского памфлета, получившего название «Протоколы сионских мудрецов», настраивающего невежественных людей против евреев.

Если не сами лидеры монархических организаций, то их рядовые члены участвовали в формировании групп «русского народа», способных на «патриотические дебоши» с участием дворников, торговцев рынка, владельцев мелких мастерских, завсегдатаев винных лавок («пивные патриоты») и босяков. Поощряемые полицией и прикормленные подчас фабрично-заводской администрацией, богатыми русскими торговцами и даже МВД⁹⁰, «черносотенцы» стали объединяться в группы расправы над революционерами и «неправо-

славными» (главным образом евреями). С пением «Боже, Царя храни», с трехцветными флагами и портретами Николая II они нападали на участников собраний, митингов и демонстрантов. Жертва одного из погромов в Костроме рассказывал: «Появилась шайка мясников, лабазников и др. темных личностей и с криками «ура» бросилась на нас... Ломовики, извозчики распрягали лошадей, оставляли их у телег и оглоблями и дугами били людей»⁹¹. Ряд губернаторов выступил против «черносотенцев», но те обходились и без санкций властей, и их выступления приобретали разнузданный стихийный характер⁹². С особой ненавистью в южных и западных городах и местечках «черносотенцы» обрушивались не только на евреев, но и на простых обывателей. В.В. Шульгин после такого погрома на окраине Киева увидел «обезображенные жалкие еврейские халупы... Все окна выбиты... Местами выбиты и рамы... Между ними, безглазыми, в пуху и грязи – вся жалкая рухлядь этих домов, перекалеченная и переломанная»⁹³. В подпитии подонки общества калечили людей, убивали евреев, громили их лавки и магазины, вырезали целиком их семьи. Иногда толпы погромщиков нападали и на богатых русских купцов, владельцев домов, а в Баку был разгромлен даже дом прогрессивного по взглядам вице-губернатора Ледоховского. Разгул «черносотенцев» пришелся на начало 20-х чисел октября, когда еще не закончились стачки и в страхе перед необузданной силой погромщиков рабочие прекращали борьбу.

Погромы и расправы над революционерами, радикалами-интеллигентами и студентами-социалистами при бездействии властей произошли с 17 октября по 1 ноября не менее чем в 36 губерниях и в 660 населенных пунктах страны⁹⁴, почти половина из них (около 300) – в так называемой черте еврейской оседлости, а также в районах, традиционно зараженных антисемитизмом. В Ростове-на-Дону еврейские погромы продолжались три дня и сопровождалась грабежами. Здесь были убиты 44 человека, ранены 222. В городе царил хаос; убийства, поджоги и мародерство продолжались до тех пор, пока не были введены регулярные войска. 18–20 октября еврейский погром в Киеве начался со столкновения участников политической демонстрации с «черной сотней», взбешенностью групп еврейской самообороны и начавшей громить еврейские лавки, магазины и дома. Массовые погромы с большими жертвами произошли в Екатеринославе и вызвали там страшные пожары. Антисемитские настроения разжигались в ряде мест под воздействием провокационных слухов о якобы имевшем место глумлении над русскими религиозными и национальными святынями. Погромы не миновали Кременчуга (где «черносотенцы» упрекали евреев в «неблагодарности за дарование Высочайшего манифеста»), а также Кривого Рога, Вознесенска, Николаева в Херсонской губернии, Орши – в Могилевской, Александровки, Луганска и Мариуполя – в

Екатеринославской, Ромен и Переяславля – в Полтавской, Кишинева – в Бессарабской. В Одессе от еврейских погромов пострадало около 2 тыс. человек. Волна еврейских погромов прокатилась по Минской и другим белорусским губерниям, Погромы произошли и в городах, находившихся вдали от черты оседлости, например в Воронеже, где стычка «патриотов» и революционеров закончилась перестрелкой и еврейским погромом. В Москве «черносотенцами» во время демонстрации был убит ломом большевик-знаменосец Н.Э. Бауман. В Иваново-Вознесенске растерзана еврейка О.М. Генкина и убит русский Ф.А. Афанасьев, являвшиеся активными членами большевистской организации⁹⁵.

Среди жертв погромщиков были евреи, русские, украинцы, белорусы, армяне, азербайджанцы, поляки, латыши, немцы, греки, молдаване. Поводом к стычкам революционеров и «патриотов» могли послужить и провокации со стороны «черносотенцев», и оскорбления их противниками атрибутов царской власти – флагов и портретов Николая II, не говоря уже о лозунге «Долой самодержавие!».

Октябрьские погромы 1905 г. стоили жизни примерно 4 тыс. человек, а число раненых и искалеченных доходило до 10 тыс. Кроме того, в городах были разграблены тысячи квартир, а материальный ущерб от погромов только за две октябрьские недели составил (только по 100 погромам) более 25 млн руб.⁹⁶ Журнал «Сатирикон», используя картину В.В. Верещагина, поместил рисунок, на котором была изображена Красная площадь и огромная пирамида из человеческих черепов. Рисунок был назван «Апофеоз 17 октября».

Еще долго после всеобщей стачки в городах царил беспредел. Днем революционные митинги сменялись погромами, и даже в храмах при большом скоплении народа мог появиться оратор и, прервав священника, произнести речь, понося царский манифест. А с наступлением темноты голову поднимала уголовщина. Московские газеты сообщали, что после «своеобразно понятой хитровцами и нищими провозглашенной манифестом свободы» на улицах вдруг не стало прохода от нищих, в другие времена боявшихся быть замеченными в кутузку⁹⁷. Участились случаи насилий и грабежей, в том числе вооруженных. «Экспроприаторы» то останавливали карету, перевозящую деньги в Государственный банк, то с криком «Руки вверх!» врывались в магазины, банки, а то и в помещения, где проходили собрания, требуя от присутствовавших денег. Полиции трудно было отличить обычных уголовников, грабивших ради наживы, от революционеров, по ее мнению, тоже «сеявших смерть и экспроприировавших чужую собственность». Вскоре после 17 октября временно прекратилось телеграфное сообщение с Петербургом вследствие кражи медной проволоки с телеграфных проводов около Химок⁹⁸. Социальные вопросы решались подчас весьма свое-

образно. Газеты рассказывали, что к дворнику у дома Бахрушина в Москве подошла группа молодых людей с вопросом: «Ты за кого – за царя?» Дворник обругал их и в ответ получил несколько тяжелых ножевых ран⁹⁹. Тревожная обстановка в обществе вызвала в конце октября на вокзалах Московско-Брестской и Московско-Виндаво-Рыбинской ж.д. скопление пассажиров, желавших уехать за границу. Газета «Русское слово» сообщала 17 ноября 1905 г. что охватившая людей до манифеста 17 октября паника в течение месяца так и не улеглась. «В города устремлялись повозки с семьями помещиков, бегущих от пылающих имений. Зажиточные люди спешно бежали за границу: в канцелярии московского генерал-губернатора в среднем выдается в день 100 заграничных паспортов». Волна эмиграции захлестнула западные губернии. Все это вызывало крайнее возмущение в обществе. И снова оно выливалось в негодующие резолюции собраний и митингов. «Вот обещанное Витте «равноправие всех перед законом, без различия национальностей», – писали социал-демократы в одной из листовок. – Ведь несчастные евреи потому и являются главной и первой жертвой хулиганов, что они совершенно бесправны, находятся как бы вне закона, и толпа, грабя и убивая их, уверена в своей безнаказанности. А правительство и полиция особенно озлоблены против евреев потому, что еврейские рабочие одни из первых в России начали освободительную борьбу с самодержавием, что они давно уже создали могучую социал-демократическую организацию, что вместе с поляками, кавказцами, латышами и другими «инородцами» они давно составляют самый преданный, самый мужественный, организованный, боевой отряд всероссийской революционной рабочей армии. Позор и проклятие тому правительству, которое подготавливает и устраивает такое неслыханное злодеяние»¹⁰⁰. Масштаб и вопиющий характер преступлений, совершенных во время октябрьских погромов, не позволил предать их забвению. Состоялось как минимум 205 процессов по погромным делам. Хотя в ряде случаев царский суд по разным причинам был снисходителен к «черносотенцам», более половины осужденных получили по несколько месяцев ареста, а некоторые и до 10 лет каторжных работ¹⁰¹.

Объявление манифеста, разгоны собраний и демонстраций, разгул «черной сотни» – все это вело к спаду революционных настроений и к прекращению забастовок. Городской стачечный комитет в Москве, где преобладали меньшевики, 18 октября обратился к рабочим с призывом прекратить стачки и перейти к «мирному обсуждению» своих требований. 21 октября такое же решение принял и Петербургский совет рабочих депутатов. Телеграмму о прекращении стачки разослало по всем железным дорогам и ЦБ ВЖС, но на большинстве дорог движение поездов возобновилось лишь в конце октября – начале ноября. Учитывая тенденцию к свертыванию

стачки, московская общегородская конференция РСДРП 22 октября приняла решение о ее прекращении. В резолюции конференции в связи с критикой манифеста говорилось о необходимости заняться подготовкой новой всеобщей стачки, чтобы перевести затем ее в вооруженное восстание. Полиция с помощью дворников постоянно обнаруживала подпольные лаборатории по производству бомб и взрывчатых веществ (пироксилина, пороха, глицерина и др.).

В ряде городов (Лодзь, Рига, Либава) возникли вооруженные отряды народной милиции, которая пыталась поддерживать порядок, охранять участников собраний и митингов, не допускать их разгона. Бездействие властей приводило к увеличению числа боевых дружин, отрядов самообороны и «красных сотен». На убийство Баумана рабочие Москвы ответили в день его похорон огромной демонстрацией. Это было охраняемое боевыми дружинами и эскортом солдат, присоединившихся к революции, двухсоттысячное шествие с сотнями красных флагов, на многих из которых было написано: «Долой самодержавие!», «Да здравствует временное революционное правительство и демократическая республика!» Революционный похоронный гимн «Вы жертвую пали» был слышен на многих улицах города. Эта демонстрация была разрешена градоначальником, но при возвращении ее участников с похорон в районе Манежа на них напали казаки, и снова на мостовой остались убитые и раненые.

В конце октября в Москве в помещениях Политехнического музея, в аудиториях высших учебных заведений и училищ все еще продолжались собрания и митинги. Люди собирались по профессиям: врачи, учителя, инженеры и т.д. А 6 ноября в здании Московского земледельческого училища на Смоленском бульваре начался Делегатский съезд Всероссийского крестьянского союза. На него съехались делегаты из 27 губерний и 75 уездов Европейской России, представлявшие примерно 200 тыс. членов ВКС. 105 делегатов приехали с крестьянскими «приговорами» от губернских и уездных комитетов и местных групп Союза. 145 делегатов были крестьянами, остальные представляли сельскую интеллигенцию – учителей, земских гласных, врачей и т.д. В числе делегатов были также священник, офицер, две женщины-крестьянки и учительница. С правом совещательного голоса присутствовали эсеры и социал-демократы. В зал набилось от 300 до 500 человек. Несколько дней продолжались живые и яркие рассказы делегатов о малоземелье и бесправном положении крестьян. Каждый рассказывал о выступлении крестьян в своей местности и почти каждый пытался ответить на вопрос, как нужно решать земельную проблему – мирным или насильственным путем. Так заявил о себе после всероссийской стачки «аграрный вопрос». Положение крестьян вызывало сочувствие в обществе и даже у некоторых помещиков, близко наблюдавших по-

вседневную жизнь крестьян (одного из них они выбрали даже делегатом на съезд, чтобы он там отстаивал их интересы).

Во время работы съезда в Историческом музее была открыта выставка кустарных изделий крестьян из пострадавших от неурожая 1905 г. Саратовской, Самарской, Воронежской, Владимирской, Московской, Вятской и других губерний¹⁰². О съезде Крестьянского союза появились заметки в «Русских ведомостях», «Русском слове», «Русском листке», «Нижегородском листке», «Северном крае», «Приволжском крае», «Вестнике Юга» и других газетах. На съезде тоже возник вопрос о вооруженном восстании. Многие делегаты ссылались на то, что крестьяне выступали против него, пока не исчерпаны мирные средства получения земли. Но высказывались и сомнения в эффективности последних и предлагалось вооружаться для продолжения борьбы до созыва Учредительного собрания и решения им вопроса о земле. То, что подавляющее большинство участников съезда отказалось поддержать призыв к вооруженному восстанию, казалось бы, должно было насторожить революционеров, и прежде всего социал-демократов, державших курс на силовую конфронтацию. Пока же к дебатам о вооруженном восстании не остались равнодушны московские власти: 14 ноября 17 человек, связанных с руководством ВКС, были арестованы и отправлены в тюрьму, а на квартирах и в гостиницах, где остановились делегаты, прошли обыски. Было изъято много литературы, и Департамент полиции послал соответствующие распоряжения в отношении местных комитетов ВКС. Тем не менее 18 ноября съезд завершил свою работу, потребовав выполнения обещаний, данных народу в манифесте 17 октября, и немедленной передачи земли в руки крестьянских общин. В адрес правительства раздались угрозы начать крестьянскую забастовку с применением других «крайних орудий» в борьбе за свободу и землю.

Один из гласных Московской городской думы сравнил настроение, царившее в самой Москве и в стране после принятия манифеста, «с волнами и рябью, которые остаются в обществе после той громадной волны, которую сделала забастовка»¹⁰³. Но под этими, казалось бы, небольшими волнами, таился новый водоворот событий. Своеобразным продолжением октябрьских событий стали вооруженные выступления в армии и на флоте. Самыми крупными из них явились восстания моряков Кронштадта и Севастополя, за которыми последовали всеобщая стачка почтово-телеграфных служащих, а также новые забастовки на ряде железных дорог.

Первым начал Кронштадт. Еще 18 октября среди матросов появились агитаторы, которые предлагали не верить царскому манифесту и готовиться к вооруженному восстанию. Собрания и митинги продолжались и в последующие дни. Социал-демократы готовили в Кронштадте восстание, которое должно было начаться 30 ок-

тября, но уже вечером 26 октября матросы узнали, что комендант крепости арестовал 40 солдат, посмевших предъявить начальству требования об улучшении своего положения. Поезд с арестованными солдатами был остановлен моряками. В ответ конвой открыл огонь и убил одного матроса. Это послужило сигналом к восстанию 12 флотских экипажей, артиллеристов и минеров. Власти в лице коменданта крепости и полиция прибегли к провокации: переодетые матросами уголовники начали громить винные магазины, зазывая всех желающих выпить. Часть солдат и матросов не устояла перед таким искушением и напилась, начались грабежи. Подтянув подкрепления, командованию удалось прекратить бунт и подавить повстанцев с помощью пулеметной команды и пехотного полка. Были убиты и пропали без вести 50 человек и около 200 было ранено. Полтора тысячам матросов грозили военно-полевой суд и смертная казнь.

Но общество еще не остыло от всеобщей стачки и жило идеями солидарности. В Петербурге начались массовые собрания и митинги, а 2–7 ноября прошла стачка протеста. В ней участвовали от 140 до 160 тыс. рабочих столицы, учителя гимназий и реальных училищ, конторщики, бухгалтеры, инженеры. Забастовки с протестом против действий правительства в отношении кронштадтских моряков начались в Москве, Вильно, Харькове, Киеве и других городах. «Глас народа» сыграл свою роль: в газетах было объявлено, что моряков будет судить военно-окружной суд, а это означало, что нависшая над ними угроза смертной казни миновала. Тогда же было объявлено и о снятии военного положения в Польше, введенного перед этим в 10 польских губерниях и тоже вызвавшего протесты по всей стране, в том числе и в Петербурге.

Верховной власти казалось, что она сделала невероятные уступки народу, но успокоить его никак не удавалось. Правительство Витте пребывало в состоянии растерянности, так как власть на местах не вышла из состояния паралича. Этим отчасти можно объяснить и избранную премьером тактику выжидания, что дало царю повод обвинять Витте в бездействии. «Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на успокоение»¹⁰⁴, – писал Николай II вдовствующей императрице Марии Федоровне. Не удавалось Витте договориться о деловом сотрудничестве и с либеральными общественными кругами, представители которых отвергли предложенные им министерские посты, объясняя это тем, что манифест 17 октября – не конституция, а лишь декларация о намерениях правительства.

За выступлением кронштадтских моряков последовали новые бунты в армии и на флоте, причем в 62 из 195 случаев солдатских и матросских выступлений осенью 1905 г. дело доходило до вооруженных столкновений. Вооруженные демонстрации солдат прошли

в Баку, Киеве, Харькове, Ташкенте, Владивостоке, в воинских частях, дислоцированных в Сибири.

Большой резонанс получило восстание в Севастополе – главной базе Черноморского флота. Предыстория его была также связана с объявлением здесь 18 октября царем манифеста. На одном из митингов выступил беспартийный революционер, «социалист вне партий», как он сам себя называл, 38-летний лейтенант П.П. Шмидт – бескорыстный идеалист и народолюбец, которых много дала миру русская интеллигенция. Потомственный морской офицер, дворянин, Шмидт служил на Балтике и Тихом океане. В 1898 г. он ушел в запас и стал плавать на торговых судах. В 1904 г. организовал в Севастополе «Союз офицеров – друзей народа» и принимал участие в организации «Одесского общества взаимопомощи моряков торгового флота». В октябрьские дни часто выступал на митингах и собраниях в Севастополе, завоевав огромную популярность у моряков, солдат и рабочих. Шмидт плохо разбирался в партийных программах и политических течениях, но твердо знал одно: простой народ России заслуживает лучшей участи. На митинге Шмидт потребовал полной и немедленной амнистии политическим заключенным, и тысячи людей вдруг пошли к тюрьме встречать своих освобожденных, согласно обещанию властей, товарищей. Однако тюремная охрана открыла огонь, 8 демонстрантов были убиты и 50 ранены. Яркая речь Шмидта на 40-тысячном митинге, состоявшемся в день похорон убитых, привлекла к нему симпатии людей, и он был избран в Совет рабочих депутатов. Совет повел переговоры с городской Думой об освобождении политических заключенных, отмене военного положения и организации народной милиции.

Восстание стихийно началось 11 ноября в обстановке крайнего возбуждения матросов и солдат с эпизода, случившегося в Белостокском полку, и вскоре перекинулось на все воинские части и корабли Черноморского флота. Совет рабочих депутатов пополнился революционными матросами, а Шмидт был избран его председателем. Восстали и команды боевых кораблей – «Св. Пантелеймона» (так был переименован недавний «бунтовщик» броненосец «Потемкин»), крейсер «Очаков» и еще 10 более мелких военных кораблей и полторы тысячи экипажа. Их поддержали матросы и солдаты в самом Севастополе. Всего в рядах повстанцев было до 8 тыс. моряков и солдат.

События в Севастополе встревожили Николая II, о чем он 12 ноября первой строкой записал в своем дневнике¹⁰⁵. Можно предположить, что военный министр Редигер и морской министр Бирилев, которых он принял по этому поводу, не раскрыли царю подлинные масштабы восстания. Крейсер «Очаков», которым стал командовать Шмидт, превратился в центр восстания. 15 ноября он поднял красный флаг и протелеграфировал от имени Шмидта флажками:

«Командую флотом». Однако Шмидт лишь несколько часов оставался первым в истории командиром революционной эскадры. Не успели закончиться разоружение матросами офицеров на кораблях и прозвучать призывы к колеблющимся морякам примкнуть к восстанию, как восставшим в середине дня 15 ноября был предъявлен ультиматум о немедленной и безоговорочной капитуляции. Перевес в 22 боевых корабля и в 10 тыс. солдат в пользу правительства решил судьбу восстания. Оно было подавлено к утру 16 ноября: взбунтовавшиеся корабли – расстреляли, а повстанцев, пытавшихся доплыть до берега, встречали пулеметными очередями. Последним пылающий «Очаков» покинул Шмидт. Он был схвачен и предстал перед судом. Большая часть матросов и солдат была приговорена к каторге, а П.П. Шмидт, комендор Н.Г. Антоненко, кондуктор С.П. Частник и машинист А.И. Гладков расстреляны после суда 6 марта 1906 г. на о. Березань. Перед смертью Шмидт выразил глубокую убежденность в грядущей победе революции.

Ярким примером вовлечения в революционное движение после железнодорожников государственных служащих стала 50-тысячная стачка армии работников почты и телеграфа¹⁰⁶, которая сильно изменила общую картину забастовочного движения в ноябре, когда общее число его участников приблизилось к 400 тыс. человек, причем более 250 тыс. из них выдвигали политические требования¹⁰⁷. Всероссийская забастовка почтово-телеграфных служащих вспыхнула 15 ноября. Их организаторами были эсеры, меньшевики и даже левые либералы. Еще 22 октября на большом митинге в Москве почтовиками и телеграфистами было принято решение о создании своего профессионального союза и избрано его Центральное бюро. Союз выработал ряд экономических требований, а член его Бюро Н.Ю. Двужильный специально ездил к новому министру внутренних дел П.Н. Дурново, пытаясь доказать ему, что работники почт и телеграфов не нарушают новых порядков, закрепленные манифестом 17 октября. Однако правительство не прекратило репрессии против почтовиков, сославшись на то, что действие манифеста не распространяется на государственных служащих. 14 ноября приказом по московскому почтамту с «волчьим билетом» были уволены 25 членов Центрального и московского комитетов союза. После ультиматума по поводу увольнений, изложенного в телеграмме на имя Витте, Союз использовал оружие политической стачки. Объявив ее 15 ноября, он вопреки запрещению московских властей открыл в Политехническом музее свой всероссийский съезд. В течение двух дней стачка охватила почту и телеграф таких крупных городов, как Петербург, Самара, Рига, Вильно, Харьков, Тифлис, Красноярск, Чита, не менее 10 губернских и многие уездные города. Забастовщики требовали улучшения своего экономического и правового положения и немедленного созыва Учредительного собрания.

В этих условиях Витте оказался как бы между молотом и наковальней: с одной стороны, на него возлагала какие-то надежды общественность, а с другой – наседали царь, требовавший положить конец «смуте». Заняв пост главы правительства, Витте вступил в переговоры с представителями кадетской партии на предмет их вхождения в новый кабинет. Но кадеты поставили ему ряд условий: реализовать в полном объеме положения манифеста 17 октября, созвать Учредительное собрание на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права для выработки конституции, провести политическую амнистию. И все это – не дожидаясь решений Государственной думы. Отказ Витте удовлетворить эти требования привел к срыву переговоров. Да и само предложение Витте либералам о участии в правительстве было, скорее, политической игрой. Его истинное отношение к событиям того времени лучше всего характеризуют слова, которые Витте якобы произнес тогда: «Объявление конституции – великая ложь времени». По его мнению, при разноязычности и разноплеменности России конституционно-парламентская форма правления привела бы к разложению государственного строя и потому неприемлема¹⁰⁸. Отказавшись даже принять лояльно настроенную делегацию земско-городского съезда, Витте бесповоротно решил сделать ставку на силовые методы подавления любого общественного движения в стране. Действуя с одобрения царя (после издания манифеста Витте ездил к Николаю II каждую неделю в Петергоф, где два раза в ноябре собирался Совет министров в полном составе по поводу составления проекта новых Основных законов Российской империи), он начал решительную борьбу со стачками, встретив в этом полное одобрение Д.Ф. Трепова, который как дворцовый комендант присутствовал при встречах Николая II с министрами.

При участии Витте, получившего еще ранее информацию о готовившейся стачке почтово-телеграфных служащих и оформлении отделений их Союза в крупных городах России, был подготовлен указ от 11 ноября 1905 г. В нем подчеркивалась незаконность политических стачек государственных служащих и одновременно вводились более суровые наказания за антиправительственные вставки: до 1 года и 4 месяцев тюремного заключения полагалось теперь их рядовым участникам и до 4 лет тюрьмы – организаторам забастовок на железных дорогах и вообще на предприятиях, где стачка может «угрожать безопасности государства». Последний пункт властями стал толковаться весьма расширительно и начал распространяться не только на государственных служащих. Указ ударил и по земской и городской общественности, и по служащим почт и телеграфа. Он появился в разгар работы съезда земских и городских деятелей, проходившего с 6 ноября 1905 г. в Москве. Отказ Витте принять делегацию съезда и сам указ усилили идейно-политиче-

скую дифференциацию в либеральной среде. Умеренные элементы земско-городского съезда после его закрытия 13 ноября приступили к формированию партии «Союз 17 октября», поставившей задачу содействовать правительству в реализации манифеста 17 октября и созыве Государственной думы.

В соответствии с указом от 11 ноября 1905 г. помещения почт и телеграфов повсюду были заняты войсками и полицией, сотни семей служащих были выброшены из служебных квартир. После телеграммы П.Н. Дурново от 19 ноября одновременно во всех городах были произведены аресты активных участников стачки. Забастовка прекратилась. Делегаты съезда почтово-телеграфных служащих в Москве присоединились к Совету рабочих депутатов, который начал работу во второй столице 21 ноября. Репрессии против почтово-телеграфных служащих к концу ноября приняли массовый характер, а их локальные протесты слились со всеобщей политической стачкой в декабре 1905 г. и продолжались еще в течение месяца.

Вслед за стачкой почтово-телеграфных служащих новый очаг стачечной борьбы в ноябре возник на ст. Кушка Средне-Азиатской ж.д. Несколько железнодорожных служащих на этой станции, находившейся в пограничной полосе, как военнообязанные были приговорены военно-полевым судом к смертной казни за то, что выступили против расстрела солдат резервного батальона Ташкентской крепости. Солдатам было вменено в вину невыполнение одного из приказов начальства, но приговор был явно не адекватен их проступку. Он и явился поводом для стачки на ст. Кушка, а после ее подавления повлек не менее суровое наказание. 22 ноября в адрес правительства стали поступать телеграммы со всех железных дорог. В них говорилось, что, если смертная казнь на Кушке не будет отменена, вспыхнет новая всеобщая стачка железнодорожников. Правительство, маневрируя, уступило, но 29 ноября последовал очередной указ Николая II о предоставлении местным властям права объявлять по своему усмотрению положение усиленной и чрезвычайной охраны для борьбы с забастовками на железных дорогах, почте и телеграфе.

Несмотря на отдельные бунты в армейских частях и растущую непопулярность среди солдат «внутренней войны» правительства с народом, в значительной части воинских соединений, особенно в казачьих частях, еще удавалось удерживать дисциплину. В условиях введения военного положения только что дарованные «конституционные права» в расчет не принимались. Волна карательных экспедиций прокатились по всей империи, причем особенно усердствовали они в деревнях. И это неслучайно. К концу ноября уже не менее чем в половине губерний были отмечены случаи крестьянских «беспорядков» и разгромы «экономий». С удвоенной силой они повторились на западной и южной ее окраинах. К тому време-

ни в Европейской России было разгромлено до 3 тыс. имений, а ущерб от этого только по 179 уездам превысил 41 млн руб., из них более 10,5 млн руб. приходилось на Саратовскую губернию, 5,4 млн – на Лифляндскую, 5 млн – на Курляндскую, 4,9 млн – на Черниговскую, 3,9 млн – на Самарскую и 3,4 млн – на Таврическую¹⁰⁹. У дочери тогдашнего саратовского губернатора П.А. Столыпина при виде ночного неба, освещенного отблесками пламени в горящих усадьбах, возникло впечатление огромного лесного пожара¹¹⁰. По многим сельским дорогам двигались тогда вереницы экипажей помещиков, увозившие их владельцев в города, а навстречу им из городов маршировали отряды карателей, создавая яркую картину настоящей социальной войны, развернувшейся в российской деревне.

Крестьяне громили имения, заручившись поддержкой всех членов общины, и даже порой избивая тех, кто остался в стороне от подобных акций. Но разгром поместий не был «бездумным бунтом», простым вандализмом. Насилие было обращено больше на старост и управляющих имениями, собиравших подати, обманывавших и обкрадывавших крестьян, тогда как хозяевам зачастую предлагалось «уехать с миром», оставив землю крестьянской общине.

Власти делали все, чтобы вернуть крестьянам «страх перед Богом и царем». В практику вошла немедленная высылка зачинщиков беспорядков из родных деревень. Общинный сход в этих случаях окружался кавалерией, и власти угрозами или массовыми порками принуждали его участников выносить нужные им решения. На глазах у родственников и соседей организаторов «бунтов» под конвоем гнали, как скот, прочь на ближайшую железнодорожную станцию и отправляли оттуда в Сибирь. Нетрудно догадаться, какие чувства испытывали при этом их односельчане, у которых за показной покорностью скрывалась настоящая ненависть к власти. К середине ноября 1905 г. волна погромов в деревне стала утихать, особенно после того как стал вступать в силу приказ нового министра внутренних дел П.Н. Дурново расстреливать «зачинщиков» на месте, а деревни сжигать. В отместку карателям в Саратове террористом был убит генерал В.В. Сахаров, посланный на умирение крестьянских выступлений.

И все же в «дни свобод», наступившие после обнародования манифеста 17 октября, в жизни россиян начались достаточно серьезные изменения. Причем многое происходило явочным порядком, не дожидаясь соответствующих распоряжений властей. В первую очередь это отразилось на положении печати. Так, Петербургский совет рабочих депутатов вынес еще 21 октября следующее постановление: «Только те газеты могут выходить в свет, редакторы которых... не посылают своих номеров в цензуру»¹¹¹. 22 октября все столичные газеты вышли без цензуры, с 27 октября в Петербурге стала открыто выходить газета большевиков «Новая жизнь», а еще

через две недели – меньшевистское «Начало». Легализовались подпольные большевистские газеты «Борьба» и «Вперед» в Москве, «Кавказский рабочий листок» в Тифлисе, «Забайкальский рабочий» в Чите и «Красноярский рабочий листок». Объявленная властями амнистия открыла дорогу в Россию эмигрантам – Мартову, Ленину, Засулич и многим другим. В жизни РСДРП, несмотря на идейные расхождения между большевиками и меньшевиками, наметилась тенденция к возможному слиянию местных организаций «большинства» и «меньшинства». Меньшевики, например, приняли соответствующее решение на состоявшейся 22–24 ноября в Петербурге конференции с участием более 20 представителей местных городских комитетов, двух союзов РСДРП и украинской «Спилки»¹¹². Большевистские лидеры также были сторонниками объединения с меньшевиками, но при одном непременном условии, сформулированном Лениным: «Объединить две части – согласны. Спустить две части – никогда»¹¹³. При этом большевики считали, что с принятием манифеста 17 октября в стране, по существу, ничего не изменилось, и продолжали агитацию за вооруженное восстание. «Теперь, товарищи, оружия, оружия прежде всего! – читаем мы в их листовках тех дней. – Оружие и народная милиция! Пусть это будет нашим боевым кличем, нашей главной заботой»¹¹⁴. Подготовка к восстанию часто шла теперь открыто, а боевые дружины возникали в декабре 1905 г. в десятках городов и рабочих поселков страны. Они создавались либо каждой революционной партией отдельно, либо совместно представителями разных партий, охраняли народные собрания и митинги, помогали распространять революционную литературу, а то и патрулировали в городах.

Характерно, что в атмосфере революционной эйфории, охватившей значительную часть российского общества, часть социал-демократических лидеров меньшевиков (Л.Д. Троцкий, Ф.И. Дан и другие) поддержали ультрареволюционную теорию «перманентной революции» Парвуса, долго работавшего в рядах левой социал-демократической партии в Германии, а осенью 1905 г. сотрудничавшего в газете «Начало»). Согласно этой теории, развитие революционного процесса в России должно было быстро перейти до установления диктатуры пролетариата и слиться с европейской пролетарской революцией, которая в случае своей победы могла оказать освободившимся от гнета самодержавия и буржуазии россиянам политическую и экономическую помощь.

Бурное время переживал Петербургский совет рабочих депутатов. Он вникал во все стороны хозяйственной, общественной и коммунальной жизни столицы, утверждая себя как орган народной власти. 18 октября в связи с царским манифестом им была принята резолюция с требованием полной и немедленной политической амнистии; 19 октября – решение о введении явочным порядком свободы

печати; 31 октября – постановление о 8-часовом рабочем дне, которое провести в жизнь не удалось. Заводчики и фабриканты в Петербурге один за другим стали закрывать свои предприятия, и свыше тысячи рабочих столицы оказались без работы. Правда, после того как рабочих поддержал Совет, локаут был прекращен, и отдельные категории рабочих сумели добиться сокращения рабочего дня, но в целом кампания за введение явочным порядком 8-часового рабочего дня была прекращена.

Петербургскому совету принадлежала инициатива объявления всеобщей политической стачки в защиту арестованных участников Кронштадтского восстания и против введения военного положения в Польше, которая была доведена до победы. На страницах его печатного органа рассматривались вопросы о регулировании цен на продукты, снижении квартплаты для малоимущих и т.д. Поскольку судьба всех революций во всех странах всегда решалась в столицах, значение Петербургского совета рабочих депутатов резко возросло. В его адрес стали поступать телеграммы и письма из других городов, и он становился общероссийским политическим центром. Депутаты Петербургского совета не уставали повторять, что их волнуют судьбы всех рабочих страны. Они оглашали на своих заседаниях информацию о стачках в других городах, выносили решение об организации помощи товарищам-пролетариям. Депутаты были в курсе того, что происходило в организациях ВЖС и ВКС. В ноябре на заседаниях Петербургского совета появились представители от крестьян Харьковской, Саратовской, Черниговской, Тамбовской губернии. Некоторые Советы, возникшие в других городах, пытались установить связь с Петербургским советом. В исполкоме Петросовета неоднократно возникал вопрос о вооруженном восстании. Представители политических партий высказывали по этому поводу разное мнение, но при этом в Совете дружно собирали средства на оружие.

Из 33 городских Советов, возникших в 1905 г., 21 был создан в октябре–ноябре в губернских (областных) и уездных городах¹¹⁵. Это были Александров, Баку, Белосток, Воронеж, Екатеринбург, Екатеринослав, Красноярск, Киев, Кострома, Луганск, Москва, Одесса, Петербург, Ростов-на-Дону, Самара, Севастополь, Смоленск, Ставрополь, Тверь, Чита. Их деятельность стала заметным явлением в политической жизни российского общества. Они создавались фактически по единому сценарию, воплощая в жизнь принципы коллективизма и солидарности. В Советах, как ни в одной другой организации, укреплялась связь наиболее активной части революционного народа с массами, вступившими на путь политической борьбы.

В Москве после Октябрьской стачки продолжало действовать Рабочее правление. Вместе с городской Думой оно решало вопрос

о работе электрической станции и других жизненно важных городских объектов. Гласные Думы, считаясь с Рабочим правлением, предложили управе подыскать несколько помещений для свободного проведения митингов и собраний, а также приняли ряд других популярных в народе решений. По предложению гласного С.А. Муромцева, Дума постановила реализовать план организации народной милиции¹¹⁶, способствовала общественным организациям в создании самообороны для защиты от «черносотенцев». Московское общество при участии Думы откликнулось и на еврейские погромы в стране, образовав комитет для сбора пожертвований в пользу пострадавших от них, причем уже первый сбор составлял более 30 тыс. руб.¹¹⁷. 20 ноября газета «Русское слово» сообщила следующий небезынтересный факт: московский генерал-губернатор П.П. Дурново выехал в Петербург и, «как стало известно в административных сферах, более в Москву не собирается возвращаться».

21 ноября в Москве начал работу Совет рабочих депутатов. Его возникновению предшествовало появление в сентябре Советов депутатов по профессиям, а позднее – районных Советов (Лефортовский, Пресненско-Хамовнический). На первом заседании Моссовета присутствовали 179 депутатов, представлявших 80 тыс. рабочих. То, что Московский совет возник в обстановке нового подъема стачечного движения в 20-х числах ноября, придавало ему боевой характер, а преобладавшие в его руководстве большевики были вдохновлены идеей организации вооруженного восстания, выдвигая эту задачу на первый план и в деятельности Совета. Совет выступил с критикой своего предшественника – Рабочего правления, упрекая его в том, что оно занималось лишь муниципальными проблемами «в соглашательстве» с буржуазией. 25 ноября в Москву прибыла группа демобилизованных солдат с Дальнего Востока, а также две сотни Донского казачьего полка. Мимо внимания депутатов Совета не прошла просьба казаков отправить их обратно, так как они уже были «изнурены несением полицейской службы» и «не в силах исполнять ее как следует»¹¹⁸. В последних числах ноября начались волнения в Москве среди солдат тылового саперного батальона, расквартированного в Сокольниках. Этому факту Московский совет уделил на своем заседании особое внимание.

Октябрь и ноябрь 1905 г. отмечены в истории России ростом профсоюзов, создававшихся тогда без всякой регистрации. К концу года до 50 профсоюзов насчитывалось только в Москве, столько же их было в Петербурге (с 45 тыс. членов). В Одессе возникло в это время до 30 профсоюзов, в Полтаве – до 27, в Нижнем Новгороде – 18, в Харькове – 11 и т.д.¹¹⁹. Ряд профсоюзов участвовал в работе Советов, в создании боевых дружин и был в глазах царских властей «мятежными организациями»¹²⁰. В профсоюзах нашла отражение многопартийность участников революции, которая ранее

затушевывалась в советской историографии в силу того, что в них роль меньшевиков и эсеров была такой же, как и большевиков, а в ряде случаев – преобладающей.

Партия социалистов-революционеров после манифеста 17 октября сосредоточила свои усилия на крестьянском движении, поставив своей целью поддерживать накал крестьянских выступлений. Наибольшая активность эсеров была замечена в центральных губерниях и в Поволжье, а также в некоторых национальных районах. Но организационных усилий эсеров в деревне хватало лишь на то, чтобы возглавить выступления на территории одной волости, реже – уезда. Реального значения это почти не имело, тем более что все крестьянские выступления после прибытия регулярных частей сразу же ликвидировались. Эсеры и социал-демократы приняли участие в создании в сельской местности организаций народного самоуправления, носивших в ряде случаев громкие названия «крестьянских республик». Одна из них – «Марковская республика» возникла в октябре под Волоколамском (Московская губерния) в с. Лотошино и даже имела избранного крестьянами «президента» – члена ВКС П.А. Буршина. Патронировал ее создание Крестьянский союз во главе с петербургским рабочим с завода «Арсенал» эсером Г.З. Соколовым, связанным с Московским комитетом ПСР. «Марковская республика» объединила крестьян нескольких деревень, расположенных на землях князей Мещерских, Нарышкиных, Голицыных, Шаховских, баронов Бровер и других помещиков. На общем сходе 18 октября крестьяне постановили отбирать у помещиков землю для покосов, перестать платить господам подати, не поставлять рекрутов в армию и прирезать землю тем, кто обрабатывает ее личным трудом («путем отчуждения частновладельческой земли с денежным возмещением»). В отношении Государственной думы было принято решение: «выбирать в нее – всем, богатым и бедным», «прямо, а не через выборщиков» и тайно, «чтобы выбирать безбоязненно и по совести». Разделение на сословия крестьяне предлагали отменить и заменить их одним сословием «русские граждане». Уездное и земское управление, по мнению участников схода «республики», должно контролироваться земством, выбранным, как и Государственная дума, «прямо и тайно». Когда приговор был одобрен всей волостью, в него были включены революционные требования свержения самодержавия и созыва Учредительного собрания. «Марковская республика» просуществовала шесть месяцев. До нее добрался американский журналист из «Нью-Йорк таймс» Джон Смит, написавший об этом специальную статью. После того как в «республике» начались самозахваты крестьянами земли друг у друга, правительство, воспользовавшись ситуацией, послало в с. Лотошино казаков, и «республика» прекратила свое существование¹²¹.

Аналогичная крестьянская организация возникла в Сумском уезде Харьковской губернии. Она установила контакт с Петербургским советом рабочих депутатов. Известны также Крестьянский комитет в с. Николаевский Городок в Саратовской губернии и «Старо-Буянская республика» в Самарской губернии. В конце ноября в Новинской волости Тверской губернии. 30 сел участвовали в выборах Крестьянского совета, связанного с Тверским советом рабочих депутатов. При создании этих организаций крестьяне опирались на «общинность», но толчком к возникновению «крестьянских республик» обычно служило «городское» влияние, в частности, и проникновение в деревню из города революционной агитации. Наказы крестьян часто заканчивались вписанными в них агитаторами призывами к «союзу крестьян с рабочим классом». Влияние города проявлялась даже в новой лексике крестьян: «Мы забастовали лука» – случалось, говорили они при захвате пастбищ и сенокосов. Но бывало и так, как на вышеупомянутом ноябрьском съезде ВКС, когда большая группа его делегатов отказалась выслушать до конца представителя «делегации от рабочих», начавшего «учить крестьян революционному опыту».

В революции крестьяне видели средство осуществления «черного передела», но, как правило, старались обходить призывы к борьбе с царем, имея весьма смутное представление о реальном содержании лозунга «Земля и воля». В массе своей они, напротив, связывали его с добрыми намерениями царя и даже помещиков, отвергали применение насильственных методов борьбы и, в частности, эсеровский террор (об этом можно судить и по настроениям делегатов съезда ВКС). В октябре – ноябре 1905 г., когда закончились полевые работы, число крестьянских выступлений увеличилось по сравнению с первыми осенними месяцами более чем в 3,5 раза¹²².росло и число приговоров, наказов, прошений о прирезке земли, сложении выкупных платежей, приобретении земли на льготных условиях и т.д. В эти месяцы в 16 губерниях Центральной России, где были сосредоточены «дворянские гнезда» и основная масса бывших крепостных, крестьянами было подано властям почти 57% всех приговоров и наказов, составленных ими в 1905 г.¹²³. Значительная часть крестьян надеялась получить землю от обещанной царем Государственной думы. Эти настроения поддерживали либералы-земцы, и прежде всего кадеты¹²⁴.

20 октября в «Московском листке» появилась информация о начале оформления «Союза 17 октября» – партии, поставившей своей задачей «осуществление основ манифеста 17 октября». На земско-городском съезде 6–8 ноября 1905 г. октябристы прямо и решительно высказались в поддержку правительства Витте. «Важно его положение, а не его личность... – говорилось на съезде. – Ему приходится вести войну на два фронта – и против реакции, и против

крайних партий. Ему нужна поддержка со стороны общества, и мы должны ему дать эту поддержку»¹²⁵. Октябристы настаивали на том, что первой задачей правительства должно быть подавление революционного движения и защита «священной собственности».

Кадеты старались сохранить свое лицо оппозиционной партии, но и они осудили и политическую стачку 2–7 ноября, и всероссийскую почтово-телеграфную забастовку, открыто проявляла неприязнь к Советам. «Зрелищем унижительным» назвал эти органы народной власти П.Б. Струве, тогда как правые кадеты вообще считали их возникновение «абсурдом», а установление явочным порядком 8-часового рабочего дня – «преступлением перед страной». Они открыто перешли от прежнего словесного признания забастовочного движения к осуждению «стачечного азарта» и высказались за вотум доверия Витте и его правительственного курса. У них было лишь одно условие – осуществление «закона 17 октября». А когда закон будет дан – «содействовать правительству и поставить для него людей»¹²⁶. При этом правые кадеты готовы были выбросить за борт лозунг созыва Учредительного собрания.

Левое либеральное крыло ноябрьского земско-городского съезда предлагало не торопиться с принятием вотума доверия правительству Витте и настаивало в отличие от правых кадетов на созыве Учредительного собрания в целях скорейшего перевода революции на мирные рельсы. Оно даже склонялось к тому, чтобы во избежание анархии заключить соглашение с левыми партиями, рассчитывая «отговорить» их лидеров от необходимости вооруженного восстания¹²⁷. Предполагая, что у меньшевиков эта позиция может найти поддержку, левые земцы тут же оговаривались, что они «решительно отвергают «непрерывную» политическую революцию, непосредственно переходящую в революцию социалистическую»¹²⁸. В конечном итоге съезд выразил уверенность, что правительство Витте может рассчитывать на поддержку со стороны земских и городских деятелей при условии, «если оно будет проводить конституционные начала манифеста правильно и последовательно»¹²⁹.

В ходе Всероссийской октябрьской политической стачки и особенно после издания манифеста 17 октября заявила о себе и «национальная революция». На окраинах Европейской России оживились национальные демократические и либеральные организации. Национальная интеллигенция в Литве, Латвии, Эстонии, Украине и в других национальных районах выдвигала требования культурно-национальной автономии.

В Литве 22 октября группой литовской буржуазии, к которой присоединились некоторые ксендзы, был послан меморандум на имя Витте, в котором они «испрашивали» в виде царской милости предоставление Литве автономии с сеймом в Вильно при сохранении за Николаем II титула Великого князя Литовского. Известие о

меморандуме вызвало взрыв негодования в обществе, в том числе у делегатов формирующегося тогда же «Крестьянского союза Литвы», поскольку в этом документе не было ни единого слова о земле и о правах на нее народа. 21–22 ноября литовские либералы созвали съезд «литовцев» («Великий Вильнюсский сейм»), собравший не менее 2 тыс. человек; половину из них составляли представители сельских обществ, а другую половину – представители предпринимательских кругов, землевладельцев и духовенства. Лидеры СДПЛ поддержали решения съезда, хотя они не шли дальше просьб об автономии. В гуще этих событий шло формирование Литовской демократической партии вокруг журнала «Укиникас» («Крестьянин»), а также Литовской народно-демократической партии землевладельцев и предпринимателей, Отдела союза достижения равноправия евреев, Союза христианских либеральных демократов и других. Последний обратился с воззванием к населению не поднимать мятежей¹³⁰.

В Латвии в ноябре либералы оформили создание демократической партии, стремясь объединить разрозненные национальные силы и привлечь на свою сторону крестьян. Они рассчитывали, что манифест 17 октября укрепит их позиции и открыто выступили против революционных методов борьбы, «защищая конституцию от революционеров». В то же время ЛСДРП призывала массы продолжать забастовку и не верить в обещания царя. На организованных этой партией митингах их участники требовали отмены усиленной охраны в Лифляндской губернии. Листовки латышских социал-демократов призывали крестьян создавать новые органы самоуправления вместо волостных управлений. Манифест 17 октября вызвал к жизни в конце ноября близкую к кадетам Эстонскую демократическую прогрессивную партию, созданную на основе ранее существовавших группировок, объединявшихся вокруг газеты «Постимэс» («Почтальон»), и насчитывавшую тогда около тысячи членов. Эта партия выступила против революции, требуя от правительства «наведения порядка» в Прибалтике¹³¹.

В Западном регионе во время подъема революции сепаратизм Бунда, считавшего себя единственным представителем еврейского пролетариата, отошел на второй план. Представители бундовских организаций вместе с членами РСДРП и эсерами участвовали в массовом движении. Лидеры Польской социалистической партии, несмотря на внутренние разногласия, видели необходимость сотрудничества с российскими революционными партиями с целью свержения самодержавия.

В партии был создан «боевой отдел», который занимался подготовкой специальных боевых групп, приобретением и изготовлением оружия, взрывчатых материалов и организацией покушений на представителей царской власти. ППС твердо держала курс на неза-

висимость Польши и созыв Варшавского сейма, который бы мог определить отношения Королевства Польского и России. Белорусская социалистическая громада (БСГ) также выступила за установление в России федеративной демократической республики с общим сеймом¹³².

Сложные процессы происходили в украинском национальном движении. Националисты из Украинской народной партии (УНП) рассматривали рабочее движение как чуждую и враждебную украинцам силу, выдавая его за чисто «русское», «московское». Члены национальных либеральных организаций прокадетского толка в Киеве, Харькове, Одессе, Полтаве требовали культурно-национальной автономии и введения преподавания в школах на украинском языке. Осенью образовалась Украинская радикальная партия (УРП), функции ЦК которой исполняла Киевская громада, связанная с несколькими комитетами в Екатеринославе и других городах. Они распространяли литературу на украинском языке (брошюры «Отчего у нас доньше нет хорошего строя?», «Кто народу враг?», «О выборах депутатов в народный совет» и другие), ратовали за введение в стране конституционного правления¹³³.

В Закавказье в Баку, Елизаветполе, Шуше и других местах участники массовых митингов и демонстраций требовали отмены всех ограничений на национальной почве и удаления царских чиновников. Осенью здесь было создано несколько национальных культурно-просветительных обществ, комитетов и групп, таких, например, как «Дифайи» («Защитник»), представлявших средние слои азербайджанцев, требовавших самоуправления и реорганизации судов. Возникла и близкая к эсерам партия «Иттифак» («Союз»), а также «Иттифак эль муслимин» («Союз мусульман»), «Мусульманская конституционная партия», близкая к кадетам и представлявшая интересы азербайджанских промышленников и торговцев. Ожилась и панисламистски настроенная национальная интеллигенция, группировавшаяся вокруг газеты «Хаит» («Жизнь»), а также журнала «Фюизат» («Благодеяние») и призывавшая к объединению всех мусульман под эгидой Турции. Вместе с тем эти организации выступали против конституционного строя в России, считая, что он для «мусульман будет более невыгодным, чем самодержавный строй». Среди трудящихся мусульман вела работу социал-демократическая организация «Гуммет» («Энергия»). Осенью 1905 г. она была наиболее популярна, как и Бакинский комитет РСДРП, среди рабочих Бакинского района. В Тифлисе гумметисты из числа меньшевиков контактировали с азербайджанскими социал-демократами и революционерами из Ирана при транспортировке оружия и литературы. К концу 1905 г. в Армении радикализировалась партия «Дашнакцютюн», выступавшая за создание Закавказской демократической республики в составе Российской

Федерации путем вооруженного восстания, но была сторонницей сугубо самостоятельных выступлений армян. Лидеры РСДРП выступали против сепаратизма, свойственного армянским левым партиям, в том числе «Армянский социал-демократической рабочей организации», которая, ссылаясь на специфику Армении, как бы не замечала Кавказского союза РСДРП и входившего в него Бакинского и других комитетов. В Грузии же с этим Союзом были связаны все успехи революционного движения, тогда как грузинские дворяне и духовенство встали в ряды борцов со «смутой». Осенью 1905 г. грузино-синодальные круги даже создали в помощь полиции особые «христианские отряды»¹³⁴.

Активное участие в революционном движении приняли трудящиеся Финляндии. Его поддерживало оформившееся в 1905 г. левое крыло социал-демократической партии. 30 октября, солидаризируясь с русскими рабочими, рабочие Финляндии объявили забастовку и создали для поддержания порядка Красную гвардию. Финская национальная партия задолго до революции выступала под лозунгами «Сгибаться, но не ломаться!», «В единении сила!», за переговоры и компромиссы с царскими властями в борьбе за автономию Финляндии. В результате всеобщей октябрьской стачки в условиях ослабления самодержавия 22 октября Николай II согласился на ее восстановление¹³⁵.

О некоторых оценках событий октября 1905 г. в современной историографии

Всероссийскую октябрьскую политическую стачку в России историческая наука долгие годы освещала, основываясь на программных документах большевиков. Поэтому фактический материал советской исторической наукой выстраивался таким образом, чтобы показать, что большевики к осени 1905 г., сумев «овладеть массами» и «управляя» стихией, «раскачали» народ, и прежде всего рабочих, на политическую акцию во всероссийском масштабе для решающего подъема революции. На самом деле путь к этому событию был гораздо более извилистым и роль большевиков в нем была совсем не так велика и уникальна, как пытались представить позже. При этом на протяжении всего 1905 г. существовали разные альтернативные варианты поступательного движения исторического процесса, который отнюдь не был предопределен изначально. Все без исключения политические партии очутились неожиданно перед лицом стремительно усиливавшегося массового противостояния власти. Все больше в России становилось людей, охваченных верой и надеждой на изменение образа жизни.

Всероссийская октябрьская политическая стачка 1905 г., открывшая период высшего подъема революции, предстала как ги-

гантский вихрь солидарного общенародного натиска, охвативший и центр, и периферийные районы страны. Никто ни в России, ни в других странах не предполагал возможности такого развития событий. Масштабы общенациональной забастовки были потрясающими. Число забастовщиков составило в октябре 1905 г. такую же цифру, как в трех вместе взятых странах Европы (Германия, Франция и Италия) с 1901 по 1904 г.¹³⁶ Широкое демократическое движение, охватившее Россию осенью 1905 г., наглядно продемонстрировало шаткость отжившей самодержавной системы правления, не желавшей, однако, сдаваться без боя.

В России власть и общество отличались различным «прочтением» вызовов времени, и это мешало самодержавию найти мирный выход из кризисной ситуации. Были моменты, которые могли бы дать иной поворот развитию событий в стране. Об этом пишет, в частности, в своих воспоминаниях военный министр А.Ф. Редигер, в тревоге переживший события осени 1905 г.: «Положение» о законотворительной Государственной думе было объявлено 6 августа 1905 года и оказалось запоздалым. Будь оно издано на один-два года раньше, то внесло бы успокоение в страну и могло расширяться и улучшаться постепенно; теперь же оно никого не удовлетворило и вызвало лишь разочарование и озлобление»¹³⁷.

Самодержавие с трудом сдавало свои позиции, затягивало проведение реформ даже тогда, когда манифест 17 октября был уже подписан и обнародован под звуки выстрелов в столице в безоружные толпы людей, наивно радовавшихся объявленным свободам. Праздничное ликование людей сразу же было омрачено появлением на улицах городов погромщиков-«черносотенцев» под бело-сине-красными флагами. К ноябрю 1905 г. в 40 губерниях страны было введено военное положение. Власть спешно собирала силы для перехода в решительное наступление. В итоге в народе крепло убеждение, что финал нового витка революции будет далеко не мирным.

В свое время историки в России и особенно за рубежом оценивали Всероссийскую октябрьскую политическую стачку как кульминацию революции. Однако дальнейшее развитие событий показало, что манифест 17 октября не был полной победой революции. Законодательную Государственную думу страна получила только потому, что в тот момент самодержавие не имело сил дать надлежащий отпор революционным выступлениям народа. С изданием манифеста 17 октября период высшего подъема революции не закончился. Результат Всероссийской октябрьской стачки нужно было закрепить продолжением натиска на старую власть, что и было сделано в ноябре 1905 г.

Атмосфера всеобщего ликования по поводу манифеста создавалась в городах прежде всего либеральной интеллигенцией и ее печатью, выражавшими радость по поводу наступления «эпохи мир-

ного парламентского развития» страны. Революционеры в основном достаточно трезво оценивали сложившуюся ситуацию, подчеркивая, что уступка царя несет вынужденный характер и что манифест призван дать власти необходимую передышку для того, чтобы продолжить войну с собственным народом.

Неоднозначное отношение современников к манифесту 17 октября нашло отражение и в советской историографии 1920-х годов, где Октябрьская стачка рассматривалась как высший взлет революции, причем некоторые историки даже заканчивали историю революции 1905–1907 гг. всероссийской забастовкой¹³⁸. Но тогда же появились и статьи региональных авторов, назвавших последние три месяца 1905 г. «высшим подъемом» революции¹³⁹. В советской историографии более позднего времени и в 18-томной документальной публикации «Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы» кульминацией революции считались Декабрьские вооруженные восстания 1905 г. Эта точка зрения стала официальной и общепринятой.

Однако в постсоветский период вновь стало высказываться мнение, что на революцию 1905–1907 гг. можно смотреть как на проведенную «верхами» общества «перестройку» государственной системы России, причем решающий шаг в этом направлении был сделан именно в октябре 1905 г., когда появился знаменитый царский манифест¹⁴⁰. Тем самым протестное движение масс, солидарный общенародный натиск на самодержавие превращались лишь в некий вспомогательный фактор исторического процесса. Исследователям еще предстоит дать более четкую оценку соотношения политических сил в России, их «равновесия» и конфронтации в последние три месяца 1905 г., от итогов которых зависели не только исход всей революции, но и дальнейшее историческое развитие России. Но бесспорно одно: Октябрьская стачка была первой, а Декабрьские восстания – второй кульминацией восходящей линии российской революции. Пытаясь представить себе всю панораму событий в последние месяцы 1905 г., необходимо подчеркнуть, что ко времени опубликования манифеста 17 октября царизм был сильно ослаблен, а влияние социалистических партий в обществе значительно возросло, причем обе стороны собирали в ноябре силы для решающего сражения.

Лидеры революционных партий убедились в том, что политическая стачка даже в масштабах всей страны не в состоянии привести к свержению царизма и принести победу революции. Многие из них понимали, что логика развития событий требует нового, еще более решительного боя с царизмом. При этом для лидеров большевиков, призывавших к вооруженному восстанию, вопрос о степени готовности к нему масс и собственной партии был далеко не главным. Они руководствовались и тогда девизом, о котором незадолго до

смерти обмолвился Ленин применительно к событиям октября 1917 г.: «Сначала нужно вязаться в бой, а там уже будет видно». Неприятие русских революционеров подогревали и оценки ситуации в России прогрессивной общественностью в западных странах, следившей за событиями в России и неустанно повторявшей с начала 1905 г., что центр европейской революции переместился к ее восточным рубежам.

Октябрьская стачка в России явилась для всего мира первым примером общенациональной забастовки с политическими требованиями. «На берегах Невы, Вислы и Волги – вот где решаются ныне судьбы новой Европы и будущего человечества... Пролетарии всех стран, соединяются, дабы подготовить пришествие социальной справедливости и мира во всем мире!» – говорил А. Франс в речи на собрании «Общества друзей русской свободы в Париже»¹⁴¹. Октябрьско–ноябрьские события нацеливали лидеров социалистических партий на массовую вооруженную борьбу, но соотношение сил в стране после манифеста 17 октября в целом складывалась далеко не в их пользу. После 17 октября против революции единым фронтом выступали и крайне реакционные силы во главе с Николаем II, и практически вся деловая буржуазия, и «ультралибералы» в лице кадетов. А обыватели – «читатели газет» (М. Цветаева), участники собраний и митингов, сочувствовавшие еще недавно рабочим, все больше отходили от политики, в основном удовлетворившись обещаниями царского манифеста. Не последнюю роль играла здесь и их усталость от неспадаящей нестабильности в обществе. Всматриваясь через столетие в события 1905 г., нельзя не заметить, что довольно проблематично выглядят расчеты большевиков на «союз рабочих и крестьян». И на декабрьских баррикадах 1905 г. вооруженные отряды «сознательных рабочих», вдохновленные агитацией и организационной поддержкой представителей революционных партий, оказались в конечном итоге один на один с регулярными воинскими силами правительства.

Примечания

¹ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 4. Л. 29–30, 100.

² Там же. Л. 139.

³ Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 217.

⁴ Дневник А.А. Половцева // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 64.

⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 551–552.

⁶ Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. (Далее – Всероссийская политическая стачка) М.; Л., 1955. Ч. I. С. 25, 29–30, 43–45, 58–60, 65, 86–93, 108, 111–114, 128–138, 180.

⁷ Там же. С. 21–22.

⁸ Там же. С. 4, 16–17, 29, 31, 41, 101, 113, 124, 127, 140–141, 151, 170; см. также: Революция 1905–1907 годов. Документы и материалы. Революционное дви-

- жение в России весной и летом 1905 года. Апрель–сентябрь. М., 1957. Ч. 1. С. 303–304; М., 1961. Ч. 9. Кн. 1. С. 388.
- ⁹ Там же. Ч. 1. С. 856; Всероссийская политическая стачка. Ч. 2. С. 423; ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 11977.
- ¹⁰ История рабочего класса СССР. С. 140, 340 (подсчеты произведены на основании таблицы); Революция 1905–1907 гг. в России. М., 1975. С. 124; *Шелохаев В.В.* Федор Федорович Кокошкин // Либералы в России. М., 2001. С. 325.
- ¹¹ *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002. С. 238–246.
- ¹² См. об этом подробнее: *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 119–120.
- ¹³ *Хильдермайер М.* Представления партии социалистов-революционеров о рабочем классе (1900–1914) // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917. СПб., 1997. С. 321.
- ¹⁴ *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 154, 174–179 и др.
- ¹⁵ Политические партии в России. Конец XIX – первая треть XX в. Энциклопедия. М., 1996 С. 517.
- ¹⁶ *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 45. (Подсчитано автором главы на основе соотношения общего числа членов партии эсеров в 1905–1907 гг. и числа организаций в другие периоды начала XX в.); см. также с.187.
- ¹⁷ Цит. по: *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. М., 1933. Т. 1. С. 83.
- ¹⁸ Либерал П.Н.Милуков, например, заявлял, что с появлением Булыгинской думы «в России нет более бюрократического строя» (*Милуков П.Н.* Год борьбы. СПб., 1907. С. 68).
- ¹⁹ *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. В двух томах. М., 1997. Т. I. С. 72.
- ²⁰ Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 год. Составил В.Е. Варзар. СПб., 1906 г. (Приложение); *Кириллов В.С.* Большевики во главе массовых политических стачек в Первой русской революции (1905–1907) М., 1976. С. 90.
- ²¹ Кризис самодержавия. С. 299–231; *Ганелин Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991 С. 198.
- ²² Всероссийская политическая стачка. Ч. 1. С. 104.
- ²³ Там же. С. 63–64ю
- ²⁴ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. С. 72.
- ²⁵ 1905 год в Красноярске. Красноярск, 1941. С. 29–30.
- ²⁶ Русское слово. 1905. 11 октября.
- ²⁷ Известия Московской городской думы. 1905. Вып. 22.
- ²⁸ *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 73–74.
- ²⁹ Там же. С. 76.
- ³⁰ *Богущая Л.* Московские большевики в стачечных боях 1905 года. М., 1948. С. 90.
- ³¹ Право. 1905. № 45–46. Приложение. Хроника октябрьских дней. С. 18.
- ³² Цит. по: *Зашихин А.Н.* Лондонские газеты об Октябрьской политической стачке 1905 г. в Петербурге // Вопросы истории. 1986. № 12. С. 175.
- ³³ *Врангель Н.Е.* Воспоминания: от крепостного права до большевиков. [М.,] 2003. С. 321.
- ³⁴ Право. 1905. № 45–46. Приложение. С. 82.
- ³⁵ *Буров А.В.* Хроника Московской заставы. 25 лет // Сборник памяти Ильича. Л., 1931. С. 36.
- ³⁶ История рабочего класса СССР. С. 244.

- ³⁷ *Врангель Н.Е.* Указ. соч. С. 322.
- ³⁸ Сведения о жизни в городах в период всеобщей стачки собраны и обобщены из официальных телеграмм и газет (см.: Всероссийская политическая стачка. Ч. 1. С. 545, 606, 619–620; Ч. 2. С. 27, 77, 90, 98, 118, 137, 147, 221, 259, 262, 269, 306, 335).
- ³⁹ Всероссийская стачка. Ч. 1. С. 443.
- ⁴⁰ *Пушкарева И.М.* Железнодорожники России в буржуазно-демократических революциях. М., 1975. С. 161–162.
- ⁴¹ *Ерман Л.К.* Интеллигенция в Первой русской революции. М., 1966. С. 155–156.
- ⁴² Цит. по: *Шестаков А.В.* Октябрьская стачка 1905 г. Харьков, 1925. С. 179.
- ⁴³ *Люксембург Р.* Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. Пг., 1919. С. 35.
- ⁴⁴ История рабочего класса СССР. С. 161; *Обнинский В.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 175; *Кириллов В.С.* Большевики во главе массовых политических стачек в Первой русской революции (1905–1907 гг.). М., 1976. С. 241.
- ⁴⁵ Цит. по кн: *Тютюкин С.В.* Указ. соч. С. 141.
- ⁴⁶ Протоколы первого съезда партии социалистов-революционеров. Милвуд; Нью-Йорк, 1983. С. 362.
- ⁴⁷ *Хильдермайер М.* Указ соч. С. 310.
- ⁴⁸ Всероссийская политическая стачка. Ч. I. С. 249.
- ⁴⁹ *Шустер У.А.* Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Л., 1976. С. 150.
- ⁵⁰ 1905 год в Москве. М., 1955. С. 95.
- ⁵¹ *Сушкин Г.Г.* Октябрь, ноябрь, декабрь 1905 г. на Рязанско-Уральской ж.д. // Каторга и ссылка. 1930. № 12. С. 148.
- ⁵² *Пушкарева И.М.* Железнодорожники России. С. 165.
- ⁵³ Всероссийская политическая стачка. Ч. 2. С. 387.
- ⁵⁴ *Бондаревская Т.П.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905–1907 гг. Л., 1975. С. 126; См. также: *Ленин В.И.* Всероссийская политическая стачка // Полн. собр. соч. С. 2; *Он же.* Письмо М.М. Эссен от 26(13) октября 1905 г. // Полн. собр. соч. Т. 47. С. 100.
- ⁵⁵ Дневники императора Николая II. М., 1991. С. 279–282.
- ⁵⁶ Всероссийская политическая стачка. Ч. I. С. 208.
- ⁵⁷ Там же. С. 213–214.
- ⁵⁸ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. М., 1992. Кн. 1. С. 89, 96–97.
- ⁵⁹ Русские ведомости. 1905. 14 октября.
- ⁶⁰ Конституционно-демократическая партия. Съезд 12–18 октября 1905 г. М., 1905. С. 18.
- ⁶¹ См. об этом: *Пушкарева И.М.* Железнодорожники России. С. 176.
- ⁶² *Петров Ю.А.* Указ. соч. С. 238, 240.
- ⁶³ Цит. по: *Боханов А.Н.* Николай II. М., 1997. С. 230.
- ⁶⁴ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 93–94.
- ⁶⁵ Цит. по: Манифест 17 октября // Красный архив. 1925. Т. 5 С. 54–59.
- ⁶⁶ Кризис самодержавия в России. С. 223.
- ⁶⁷ Цит. по: Манифест 17 октября. С. 61.
- ⁶⁸ *Витте С.Ю.* Указ. соч. Т. 3. С. 12.
- ⁶⁹ Российские либералы: кадеты и октябристы. (Документы, воспоминания, публицистика). М., 1996. С. 51–58.
- ⁷⁰ См. об этом: *Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 210.
- ⁷¹ Цит. по: *Зашихин А.Н.* Указ. соч. С. 176.

- 72 Дневники императора Николая II. С. 284 и др.
- 73 Ленин В.И. Равновесие сил // Пол. собр. соч. Т. 12. С. 5.
- 74 Былое. 1919. № 14. С. 110.
- 75 Цит по: Кризис самодержавия в России. С. 236.
- 76 ГАРФ. Ф. 525 (Д.Ф. Трепов). Оп. 1. Д. 45. Л. 6–7.
- 77 Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 83.
- 78 Дневники императора Николая II. С. 285.
- 79 Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. СПб., 1908. Т. XXI. Отд. 1. № 26803.
- 80 Врангель Н.Е. Указ. соч. С. 324.
- 81 Цит. по: Боханов А.Н. Николай II. М., 1997. С. 231.
- 82 Леонов М.И. Указ. соч. С. 193–196.
- 83 Политические партии в России. С. 483–484.
- 84 Там же. С. 647–648.
- 85 Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 87.
- 86 Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России: воспоминания современника. Париж, 1936. Кн. 3. С. 406.
- 87 Всероссийская политическая стачка. С. 375–377.
- 88 Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. М., 1955. С. 176.
- 89 Цит. по: Кирьянов Ю.И. Русское собрание. 1900–1917. М., 2003. С. 245.
- 90 Русское слово. 1905. 23 ноября.
- 91 Северо-Западный край. 1905. 30 октября.
- 92 Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 82.
- 93 Шульгин В.В. Дни. 1920 год. М., 1989. С. 69.
- 94 Степанов С.А. Указ. соч. С. 54–55; Еврейская энциклопедия. Т. 12. СПб., 1908–1913. С. 618–621.
- 95 Русское слово. 1905. 17 октября; Баку. 1905. 28 октября; Смирнова С. Черная сотня. СПб., 1906; Общественное движение в России в начале XX века. Т. 3. СПб., 1909–1912. С. 57. Революция 1905–1907 гг. в национальных районах. М., 1955. С. 178. О еврейских погромах см. также: Еврейские погромы в Российской империи. 1900–1916. М., 1998. С. 151–152, 175, 177, 181–196.
- 96 Обнинский В. Полгода русской революции: Сб. материалов к истории русской революции (октябрь 1905 – апрель 1906 г.). М., 1906. Вып. I. С. 42. По подсчетам исследователей, тоже далеко не окончательным и бесспорным, во время погромов было убито более 1,5 тыс. и ранено более 3,5 тыс. человек (Степанов С.А. Указ. соч. С. 56–59 и др.).
- 97 Русское слово. 1905. 6 ноября.
- 98 Русское слово. 1905. 29 ноября.
- 99 Русское слово. 1905. 2 декабря.
- 100 Всероссийская политическая стачка. С. 380.
- 101 Степанов С.А. Указ. соч. С. 81–82.
- 102 Протоколы делегатского совещания Всероссийского крестьянского союза 6–10 ноября 1905 г. в Москве. М., 1906. С. 6, 61–62 и др.; ГАРФ. Ф. 63. 1905. Д. 783. Л. 428–431; Ф. 102, 00. 1905. Д. 999. Т. 45. Лит. А. Л. 1. Ф. 857 (А.С. Зарудного). Оп. 1. 1905–1906. Д. 1315. Л. 2–4, 35, 137–209; Сын Отечества. 1905. № 242. 29 ноября; Русское слово. 1905. 22 ноября; Тан В. Красное и черное: Очерки. М., 1907. С. 243; Мазуренко С.П. Крестьяне в 1905 году. М., 1929. С. 59.
- 103 Джунковский В.Ф. Указ. соч. С. 91.
- 104 Цит. по: Боханов А.Н. Николай II. С. 232.
- 105 Дневники императора Николая II. С. 288.

- ¹⁰⁶ *Базилевич К.В.* Очерки по истории профессионального движения работников связи. 1905–1906. М., 1925. С. 21 и др.
- ¹⁰⁷ Данные фабричной инспекции о стачках см в прим. 20.
- ¹⁰⁸ *Пушкарева И.М.* Георгий Евгеньевич Львов // Россия на рубеже веков: исторические портреты. М., 1991. С. 163.
- ¹⁰⁹ *Симонова М.С.* Крестьянское движение 1905–1907 гг. в советской историографии // Исторические записки. 1975. № 95. С. 214–215.
- ¹¹⁰ *Бок М.* Жизнь П.А. Столыпина. Воспоминания об отце // П.А. Столыпин в воспоминаниях дочерей. М., 2003. С. 208; *Шанин Т.* Революция как момент истины. 1905–1907 – 1917–1922. М., 1997. С. 160–161.
- ¹¹¹ Известия Совета рабочих депутатов. 1905. 20 октября.
- ¹¹² *Тютюкин С.В.* Указ. соч. С. 141–142.
- ¹¹³ *Ленин В.И.* Письмо в Центральный комитет партии от 3 октября 1905 г. // Полн. собр. соч. Т. 47. С. 80.
- ¹¹⁴ Всероссийская политическая стачка. Ч. I. С. 380.
- ¹¹⁵ История рабочего класса СССР. С. 247.
- ¹¹⁶ Московский листок. 1905. 20 сентября; Русское слово. 1905. 25 октября.
- ¹¹⁷ Русское слово. 1905. 27 октября.
- ¹¹⁸ Русское слово. 1905. 26 ноября.
- ¹¹⁹ История рабочего класса СССР. С. 259–262.
- ¹²⁰ Революция 1905–1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь–декабрь. М., 1955. Ч. 2 С. 32.
- ¹²¹ Революция 1905–1907 гг. в России. М., 1975. С. 207–298; Все насмарку в Маркове // Московский комсомолец. 2003. 6 октября.
- ¹²² Революция 1905–1907 гг. в России. М., 1975. С. 198.
- ¹²³ Приговоры и наказания крестьян Центральной России. 1905–1907 гг. Сб. док. М., 2000. С.26–152 (подсчет наш).
- ¹²⁴ Русское слово. 1905. 12 ноября.
- ¹²⁵ Русские ведомости. 1905. 8 ноября.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Русские ведомости. 1905. 10 ноября.
- ¹²⁸ *Кауфман А.* Познай самого себя // Полярная звезда. 1905. № 2. С. 139 и др.
- ¹²⁹ Право. 1905. № 44. Стб. 3619–3620.
- ¹³⁰ *Капсукис В.* Вильнюсский сейм. 1905 г. // «Кибиркштис» («Искра») 1905. № 11; *Гридзиянускане П.П.* Революция 1905 г. в Литве // Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. С. 336–339.
- ¹³¹ *Крастынь Я.П.* Революция 1905–1907 гг. в Латвии // Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. С. 276–279; Политические партии России. С. 713–716.
- ¹³² Политические партии России. С. 63, 467.
- ¹³³ Там же. С. 638, 643; *Иванов Л.М.* Революция 1905–1907 гг. на Украине // Революция 1905–1907 гг. в национальных районах. С. 95.
- ¹³⁴ *Ибрагимов З.И.* Революция 1905–1907 гг. в Азербайджане // Революция 1905–1907 гг. в национальных районах. С. 454–455; *Хачапуридзе Г.В.* Революция 1905–1907 гг. в Грузии // Там же. С. 494; *Габриэлян Д.Е.* Революция 1905–1907 гг. в Армении // Там же С. 549 –550; Политические партии России. С. 155, 171, 178, 231 и др.
- ¹³⁵ Политические партии России. С. 657.
- ¹³⁶ *Пушкарева И.М.* 1905 год. Всероссийская октябрьская политическая стачка // Вопросы истории. 1965. № 10. С. 117.

- ¹³⁷ *Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х т. М., 1999. Т. 1. С. 443.
- ¹³⁸ *Шестаков А.* Всеобщая Октябрьская стачка 1905 года // 1905. История революционного движения в отдельных очерках. М.; Л., 1925. Т. 2. С. 264–352.
- ¹³⁹ *Харечко Т.* Октябрьско-декабрьский подъем 1905 г. в Донбассе // «Летопись революции». Харьков, 1925. № 5–6. С. 5–35.
- ¹⁴⁰ *Иоффе Г.З.* 90 лет российской перестройке 1905 г. //URI:[http:// www.funet.fi/pub/culture/russian/journals/vesti/vesti10/revolut.htm](http://www.funet.fi/pub/culture/russian/journals/vesti/vesti10/revolut.htm). 25.01.02. По поводу проблемы, поставленной Г.З. Иоффе, см.: *Пушкарёва И.М.* 1905 год: революционный штурм или «перестройка» государственной системы в России? // Россия в XIX – XX веках. Материалы II научных чтений памяти профессора Валерия Ивановича Бовыкина. М., 2002. С. 276–279.
- ¹⁴¹ Первая русская революция и ее историческое значение. Сб. документов и материалов. М., 1975. С. 480.

Глава 6

У ПОРОГА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Конец «дней свободы»

В исторической ретроспекции становится все более очевидно, что царский манифест 17 октября 1905 г. при сложившемся к тому времени соотношении общественно-политических сил в стране был пределом уступок самодержавной власти российскому обществу. Однако сравнительная легкость одержанной тогда народом победы и общая атмосфера совершенно непривычной для России свободы создавали у революционеров и шедшей за ними части рабочих и радикально настроенной интеллигенции иллюзию возможности продолжения наступательной борьбы вплоть до превращения Российской империи в демократическую республику. Крестьяне стремились к радикальному решению в свою пользу аграрного вопроса, рабочие добивались 8-часового рабочего дня, национальные меньшинства – равноправия и как минимум культурной автономии в составе Российского государства. Что же касается социалистов, то среди них было немало тех, кто считал вполне реальным немедленный переход от демократического этапа революции прямо к социалистическому.

Эйфория от октябрьской победы над властью и иллюзия полного единения всех слоев общества в их стремлении к свободе мешали видеть сохранявшуюся еще реальную силу правящего режима и его способность к социальному маневрированию, глубокие противоречия внутри оппозиционных и революционных сил, а также страх большинства народа перед применением насилия как «сверху», так и «снизу». Между тем к концу 1905 г. ситуация объективно складывалась уже не в пользу революции. Определенные симптомы снижения накала борьбы с царизмом можно было наблюдать еще в конце октября и особенно в ноябре 1905 г., когда после огромного выброса социальной энергии пролетариата и средних слоев городского населения накануне издания манифеста 17 октября количество забастовщиков в следующем месяце сократилось на 200 тыс. человек, а участников политических стачек – более чем

вдвое. Восстание севастопольских моряков под руководством лейтенанта П.П. Шмидта было разгромлено всего за пять дней. Что касается деревни, то ноябрь стал пиком антипомещичьих выступлений, но до всероссийского крестьянского восстания движение явно не доросло. Тем не менее маховик революции был раскручен уже настолько, что остановить его было практически невозможно. При этом революционеры были убеждены, что лозунгом момента должна стать даже не новая всероссийская политическая стачка, а стачка в сочетании с вооруженным восстанием, о подготовке к которому все революционные партии заговорили еще сразу после «Кровавого воскресенья».

Очень показательна в этом отношении позиция лидера большевиков Ленина, который не скрывал, что к решительной победе революции может привести только всенародное вооруженное восстание. В высшей степени характерны те практические советы, которые он давал в октябре 1905 г. своим товарищам по партии: вооружаться револьверами, ножами, тряпками с керосином для поджогов, самодельными бомбами и т.п., а в качестве «тренировки» перед восстанием – убивать шпионов, устраивать взрывы полицейских участков, нападения на банки для конфискации средств на нужды революции, избивать городских. «Скрывать от масс необходимость отчаянной, кровавой, истребительной войны как непосредственной задачи грядущих выступлений значит обессиливать и себя, и народ», – инструктировал Ленин большевиков¹.

Ленинский план подготовки восстания включал в себя не только соответствующую агитационно-пропагандистскую работу, но и целый комплекс мероприятий военно-технического характера: формирование, вооружение и обучение боевых дружин за счет партии, самовооружение рабочих путем изготовления самодельного оружия, покупки или хищения его из оружейных магазинов, разоружения полиции и т.п., а также создание специальных военных организаций, занимающихся разложением царской армии и флота с целью привлечения солдат и матросов на сторону революции. Для этого были нужны значительные материальные средства, транспорт, опытные инструкторы и отчаянные, смелые, готовые на все люди. Всего этого, разумеется, не хватало, но работа в данном направлении велась в Петербурге, Москве, Казани, Нижнем Новгороде, Риге, Харькове, в Донбассе, на Урале и в ряде других мест. По подсчетам историков, к концу 1905 г. вооруженные дружины были сформированы более чем в 300 городах, рабочих поселках и на железнодорожных станциях², причем есть основания считать эти данные неполными. Количество дружинников вообще не поддается учету, но могло составлять как минимум несколько тысяч человек.

Меньшевистская фракция РСДРП также считала в 1905 г. вооруженное восстание практически неизбежным, но полагалась не

столько на подготовку социал-демократических боевых дружин, сколько на самовооружение населения. Свою же главную задачу меньшевики видели в том, чтобы «зажечь» народ бунтарскими настроениями, разбудить в нем жажду решительной схватки с властью. Однако по примеру большевиков они вели и военно-боевую работу, хотя масштабы ее изучены пока еще слабо.

Что касается социалистов-революционеров, то по своим взглядам на проблему восстания она была очень близка к большевикам. Эсеры активно вели агитационную работу в вооруженных силах, организовывали террористические акты³. Однако после издания манифеста 17 октября в эсеровском партийном руководстве появились настроения в пользу отсрочки восстания, в результате чего в декабре 1905 г. эсеры далеко не везде проявляли присущую им обычно активность, часто колебались и в общем и целом не сыграли той роли, которую могли бы сыграть (реванш за это они попытались взять летом следующего, 1906 г.).

Характерно, однако, что в отличие от октября 1917 г., при определении момента начала вооруженной борьбы все революционные партии полагались больше на импульсы, идущие от массового движения, чем на решения своих руководящих органов. Вполне реальной представлялась и такая ситуация, когда сознательно или бессознательно ускорить взрыв народного возмущения могло само правительство, поставив революционеров перед выбором: немедленное, пусть и не вполне еще подготовленное восстание или отступление без боя под натиском реакции, чреватое деморализацией революционных сил. Забегая вперед, заметим, что именно этот вариант развития событий и имел место в декабре 1905 г.

При этом революционеры исходили из того, что неизбежные в ходе восстания жертвы со стороны народа с лихвой окупятся в случае его победы избавлением от насилия и репрессий царских властей. Те же, в свою очередь, оправившись от шока октябрьских дней, тоже особо не стремились соблюдать меры предосторожности, чтобы избежать кровопролития, тем более что цена человеческой жизни всегда была в России крайне низка. Что касается самих будущих участников восстания, то среди них были и фанатики, горевшие желанием отомстить за страдания народа и убежденные, что на силу нужно отвечать только силой, а кровь смывать только кровью, и просто «рисковые» молодые люди, жаждавшие открытой схватки с властью и верившие в свою счастливую звезду, и те, кто поддался настроению минуты и шел на баррикады из чувства солидарности с товарищами или любимыми людьми (так было, в частности, в декабре с некоторыми молодыми девушками). Были, наконец, среди повстанцев и просто дисциплинированные члены революционных партий, для которых приказ партийного центра был непреложным законом и требовал безоговорочного исполнения

без всяких колебаний и рефлексии. Кроме того, не нужно забывать, что в 1905 г. россияне еще очень плохо представляли себе, что такое полномасштабная гражданская война и что она несет народу. И, может быть, именно поэтому ни «верхи», ни «низы» и ни одна из политических партий России не сделали в декабре 1905 г. ничего, чтобы уклониться от схватки.

Вспышки гражданской войны, т.е. вооруженного (притом с обеих сторон) столкновения защитников и противников существующего строя, неоднократно имели место на протяжении всего 1905 г. Можно привести немало примеров, когда одна часть армии или флота стреляла в своих же товарищей только потому, что одни выполняли царский приказ, а другие поднимали вооруженный мятеж против власти. Зафиксировано и немало случаев, когда население давало вооруженный отпор войскам и полиции, разгонявшим их митинги и демонстрации или восстанавливавшим порядок во время стачек. Наконец, широко известны примеры разного рода погромов на политической, социальной, этнической и религиозной почве, когда «черносотенцы», т.е. наиболее активная и агрессивно настроенная часть русских монархистов и националистов, избивала и убивала революционеров и радикально настроенных интеллигентов, а то и просто первых подвернувшихся под руку людей в знак протеста против любых попыток поставить под сомнение и изменить основы существующего порядка вещей. В свою очередь, их действия вызывали отпор со стороны демократических сил, создававших отряды самообороны, рабочие дружины и народную милицию для отпора «черносотенцам». Таким образом, в реальной жизни революция была неотделима от контрреволюции (в последней была и народная, религиозно-националистическая струя с участием рабочих, крестьян и средних слоев городского населения), причем представители обоих социально-политических полюсов все чаще прибегали в своем противостоянии друг другу к последнему аргументу – оружию.

По меткому замечанию одного из эсеровских лидеров В.М. Зензинова, ситуация к концу 1905 г. складывалась так: «Революция и правительство – как два человека, нацелившихся уже один в другого из пистолета. Весь вопрос в том, кто первый нажмет на собачку»⁴. И первым к активным действиям по наведению порядка в стране перешло правительство. 26 ноября 1905 г. власти, которые более месяца терпели Петербургский совет рабочих депутатов, ставший в столице подобием «второго правительства», арестовали его председателя Г.С. Хрусталева-Носаря. Этот 28-летний адвокат был в Совете фигурой достаточно случайной, но тем не менее весьма популярной в пролетарской среде. Оставить его арест без ответа Совет не мог. Сначала была принята написанная его реальным лидером «внефракционным» социал-демократом Л.Д. Троцким

краткая, но выразительная, хотя и мало подкрепленная практическими действиями резолюция, где говорилось о продолжении подготовки к вооруженному восстанию, а затем через несколько дней появился документ, получивший название Финансового манифеста*. Под ним стояли подписи нескольких леворадикальных организаций: Петербургского совета рабочих депутатов, Всероссийского крестьянского союза, ЦК (большевиков) и ОК (меньшевиков) РСДРП, ЦК партии эсеров и ЦК Польской социалистической партии. (Напомним, что Царство Польское входило тогда в состав Российской империи.) Позже к ним присоединился и Московский совет рабочих депутатов. Смысл манифеста состоял в призыве к населению изымать вклады из сберегательных касс и требовать при всех денежных расчетах, включая выдачу зарплаты, выплаты причитающейся суммы золотом. Это должно было истощить золотой запас Госбанка и ускорить крушение всей системы денежного обращения в России. Одновременно населению предлагалось отказаться от внесения всех казенных платежей, а иностранные государства предупреждались, что русский народ не допустит выплаты долгов по заграничным займам царского правительства⁶.

Следует иметь в виду, что в октябре–ноябре 1905 г., совершенно независимо от упомянутого Финансового манифеста революционных партий и организаций, в стране стремительно набирал темпы процесс оттока вкладов из сберегательных касс. Финансовый манифест лишь подлил масла в огонь, и к 9 декабря золотой запас Госбанка сократился почти на 250 млн. руб., а эмиссия бумажных денег за эти же два месяца достигла почти 400 млн. руб. По воспоминаниям министра финансов В.Н. Коковцова, началась настоящая осада сберкасс вкладчиками и теми, кто хотел обменять кредитные билеты на золото. В результате Госбанк вынужден был признать, что «не может удовлетворить полностью требования на золото, вызываемые агитацией крайних партий»⁷. Возмущала правительство и та «наглость», с которой эти партии пытались диктовать власти свои условия. И хотя правая и либеральная печать откровенно издевалась над блефовой, по их убеждению, угрозой революционеров

* Еще на ноябрьском съезде Всероссийского крестьянского союза его делегаты пригрозили правительству, что на репрессии против ВКС крестьяне могут ответить отказом от уплаты налогов и изъятием своих вкладов из сберегательных касс и закрытием винных лавок. Когда же 14 ноября был арестован ряд руководящих деятелей ВКС, Главный комитет этой организации призвал выполнить эту угрозу. В ходе контактов руководства ВКС с Петербургским советом рабочих депутатов в 20-х числах ноября последний поддерживал идею финансового бойкота царской власти. Над проектом текста Финансового манифеста совместно работали С.П. Мазуренко и Ф.И. Медведев (ВКС) и А.Л. Парвус (Совет рабочих депутатов). Окончательный вариант документа был утвержден 1 декабря 1905 г.⁵.

по адресу финансового ведомства и европейских банкиров⁸, публикация Финансового манифеста, безусловно, подтолкнула правительство к решительным действиям. Прежним заигрыванием Витте с «братцами рабочими» пришел конец, и верх взяла жесткая линия Трепова–Дурново на репрессии в отношении пролетариата и его революционных организаций.

Инициатором ареста руководителей Петербургского совета стал начальник столичного охранного отделения полковник А.В. Герасимов, которого поддержал министр юстиции М.Г. Акимов, убедившие П.Н. Дурново в необходимости безотлагательных и решительных действий в отношении Совета⁹. Товарищ министра внутренних дел В.И. Гурко, имевший возможность близко наблюдать Витте в конце 1905 г., отмечал в своих воспоминаниях изрядную растерянность премьера перед лицом новой ситуации. С одной стороны, сам Витте чувствовал, что его надежды на «умиротворение» России путем лавирования правительства и частичных уступок демократическим силам явно терпят крах, ибо не только революционеры, но и либералы хотят значительно большего, чем может предложить им власть. Поэтому у Витте постепенно нарастало раздражение и недовольство поведением левых партий и центристов, и он все более поворачивал в сторону репрессий в отношении демократических сил. С другой стороны, Витте боялся потерять лицо реформатора, пользующегося известным доверием хотя бы части общественности, и все время намекал, что, к сожалению, связан по рукам и ногам капризной волей Николая II. Это двойственное положение премьера, метавшегося между царем, Треповым и Дурново, с одной стороны, и либеральной интеллигенцией и даже Советом рабочих депутатов – с другой, находило прямое выражение в его зигзагообразной политической линии в ноябре–декабре 1905 г. с явно выраженной, однако, тенденцией к повороту вправо¹⁰. Так или иначе, но мешать Дурново Витте уже не мог, да, вероятно, и не хотел, поскольку в воздухе носился страшный призрак антиправительственного мятежа.

Финансовый манифест полностью или в извлечениях был напечатан 2 декабря в восьми левых газетах: большевистской «Новой жизни», меньшевистском «Начале», троцкистской «Русской газете», эсеровском «Сыне Отечества», кадетском «Свободном народе» и других. Весь тираж указанных газет с текстом манифеста был конфискован, а издание самих этих печатных органов приостановлено, что явилось прямым вызовом левым силам. В то же день, 2 декабря, был опубликован царский указ, вводивший «Временные правила о наказаниях наиболее опасных проявлений участия в забастовках»¹¹. Кары грозили «подстрекателям» к забастовкам на железных дорогах, телеграфе, телефонных станциях и вообще на всех объектах, приостановка работы которых «угро-

жает безопасности государства или создает возможность общественного бедствия». Для них предусматривались наказания в виде тюремного заключения сроком от 8 месяцев до 1 года 4 месяцев, а для членов революционных партий – от 1 года 4 месяцев до 4 лет. Чуть ранее, 29 ноября появился указ царя, предоставлявший местным властям право объявления положения усиленной и чрезвычайной охраны для борьбы с забастовками на железных дорогах, почте и телеграфе.

Но главный удар левым силам был нанесен 3 декабря. В тот день исполком Петербургского совета обсуждал вопрос о том, нужно ли отвечать на наступление реакции новой всеобщей политической стачкой. При этом все понимали, что в сложившейся ситуации речь должна идти уже не просто о стачке, а о стачке, перерастающей в восстание: это диктовалось и более воинственным, чем прежде, настроением властей и тем, что мирная стачка, как показали октябрьские события, не могла дать желаемого результата, да и сами рабочие были настроены очень решительно. Поэтому представители столичных большевиков в Совете Б.М. Кнунянц и П.А. Красиков прямо говорили, что «одной забастовкой мы не удержимся, забастовка связана с выступлением на улицу». Большевиков поддержали представители рабочих Василеостровского и Московского районов Петербурга, а также Всероссийского почтово-телеграфного союза. Против были эсеры, считавшие, что восстание еще не подготовлено. Председательствовавший на заседании Троцкий (один из трех сопредседателей Совета после ареста Хрусталева-Носаря) тоже полагал, что питерские рабочие должны подождать, пока начет провинция¹².

Как раз в это время в помещение Вольного экономического общества, где заседал Совет, ворвалась полиция, получившая приказ арестовать рабочих вожakov. То, что произошло дальше, как нельзя лучше характеризует атмосферу тех дней, то хрупкое равновесие между силами правительства и революции, которое еще сохранялось в России после манифеста 17 октября. Увидев полицейских, Троцкий предложил им подождать, пока закончится выступление очередного оратора. Затем, выслушав приказ об аресте участников заседания, он объявил, что это заявление властей принимается к сведению, но заседание тем не менее будет продолжено, и попросил полицию покинуть зал. К великому изумлению присутствующих, это требование было выполнено. Паузу использовали для уничтожения компрометирующих Совет документов и приведения в негодность имевшегося у присутствующих личного оружия. И даже тогда, когда полиция и солдаты вновь вошли в зал, меньшевик А.И. Вайнштейн еще успел призвать солдат встать на сторону народа. Лишь после этого Троцкий закрыл заседание, и началась процедура ареста и обыска¹³.

Вместе с членами исполкома были арестованы и рядовые депутаты, собиравшиеся на назначенный чуть позже пленум Совета. В общей сложности были захвачены 267 человек¹⁴. Налицо была и важная улика – 27 револьверов, несколько финских ножей и кинжалов, отобранных у рабочих депутатов. Позже полиции удалось восстановить и несколько их разорванных запасных книжек с конспиративными адресами и другой ценной для властей информацией. Все это фигурировало затем в качестве вещественных доказательств на открытом судебном процессе депутатов столичного Совета в 1906 г.^{*}

Утром следующего дня, 4 декабря, в Петербурге прошло заседание руководящих центров большевиков и меньшевиков – ЦК и ОК РСДРП с участием Ленина и Мартова, а также членов объединенного Петербургского комитета РСДРП (в то время в полном разгаре был процесс объединения двух социал-демократических фракций). На совещании было решено начать в ближайшие дни всеобщую стачку протеста против репрессий в отношении рабочих руководителей¹⁵. Вечером того же дня прошло заседание уцелевших от ареста членов Совета, призвавших рабочих провести выборы новых депутатов взамен арестованных. Одновременно состоялись рабочие собрания на ряде заводов и фабрик столицы, участники которых поддерживали идею всеобщей стачки. Это дало основание ЦК РСДРП обратиться к петербургскому пролетариату с листовкой-воззванием «Да здравствует всеобщая стачка!».

6 декабря исполком воссозданного Петербургского совета под председательством единомышленника Троцкого, выходца из России, левого немецкого социал-демократа и автора теории «перманентной» революции Парвуса (Гельфанда) единогласно принял ре-

^{*} Судебный процесс по делу депутатов Петербургского совета начался 19 сентября 1906 г. и продолжался целый месяц. К тому времени революция уже шла на спад и правительство полностью контролировало ситуацию в стране. Однако власть еще не решалась вернуться к старым методам расправы с революционерами. Процесс был открытым, обвиняемых защищали лучшие столичные адвокаты, симпатизировавшие рабочим, а количество свидетелей превышало 200 человек. Главным среди подсудимых был Троцкий, который произнес яркую двухчасовую речь, вызвавшую горячие отклики в зале суда и за его пределами.

После того как суд отказал в вызове в качестве свидетеля сенатора А.А. Лопухина (бывшего директора Департамента полиции МВД), открывшего осенью 1905 г. существование в главном полицейском ведомстве секретной типографии, где печатались провокационные погромные листовки, Троцкий и его товарищи сорвали процесс, отказавшись присутствовать на последующих заседаниях. Приговор был сравнительно мягким: лишение гражданских прав и бессрочная ссылка в Сибирь. В феврале 1907 г. по дороге к месту ссылки Троцкий бежал из г. Березова за границу.

шение объявить в столице с полудня 8 декабря всеобщую забастовку. По этому поводу Петербургский совет, РСДРП, эсеры и Бунд обратились с воззванием «Ко всему народу» с призывом к очередной всероссийской стачке. «Подымайтесь все – рабочие, крестьяне, интеллигенция... – говорилось в воззвании. – Лучше умереть в борьбе, чем жить в рабстве». Обращаясь к солдатам и матросам, авторы документа писали: «Восстаньте заодно с нами. Нет силы, которая могла бы пойти против армии, объединившейся с народом»¹⁶. За всеобщую стачку высказались также «Союз союзов», Почтово-телеграфный союз и ряд рабочих профсоюзов¹⁷.

Однако почин забастовки принадлежал на этот раз не петербургским, а московским рабочим, которые были меньше истощены предшествующей борьбой, имели перед собой не такого сильного, как в столице, противника (московский военный гарнизон и полиция были менее многочисленны, чем в Петербурге) и больше сочувствующих из числа либеральной интеллигенции и даже части предпринимателей. В Москве были сильны также леворадикальные (около 10 тыс. социал-демократов и эсеров) и центристские (примерно 20 тыс. кадетов и октябристов) партии. Заметно активизировались с осени 1905 г. и московские рабочие, ставшие застрельщиками Всероссийской октябрьской политической стачки. В ноябре оформился Московский совет рабочих депутатов, представленный не менее 100 тыс. пролетариев второй столицы.

В «дни свобод» общественно-политическая атмосфера в Москве принимала все более ярко выраженный антиправительственный характер. В городе за этот сравнительно короткий промежуток времени было зарегистрировано проведение более 400 митингов и возникло около 70 профсоюзов¹⁸. Среди гласных городской Думы выделялось активное левое крыло¹⁹. Показателем силы демократических слоев города стали многотысячные манифестации в связи с состоявшимися в октябре похоронами первого выборного ректора Московского университета, известного религиозного философа кн. С.Н. Трубецкого и революционера-большевика Николая Баумана.

Обострению положения в первопрестольной способствовало и вспыхнувшее неожиданно для властей 2–4 декабря 1905 г. восстание солдат Ростовского полка, расквартированного в Москве. Среди 37 предъявленных солдатами требований были: вежливое обращение командиров с подчиненными, улучшение питания, сокращение продолжительности военных занятий до 4 часов в день, прекращение цензурирования солдатских писем и др. Кроме того, – и это больше всего напугало власти – солдаты требовали, чтобы им были даны все гражданские права, провозглашенные в манифесте 17 октября, а также чтобы их не использовали для подавления рабочих и крестьянских волнений и дали право выбирать своих взвод-

ных командиров и фельдфебелей. До выполнения этих условий солдаты отказывались от несения службы²⁰. Непокойно было и в других воинских частях московского гарнизона. 3 декабря был созван Совет солдатских депутатов, где были представлены четыре пехотных и один казачий полки и три саперных батальона. Все это настолько напугало командующего Московским военным округом генерала Н.Н. Малахова, что он обратился к военному министру А.Ф. Редигеру с просьбой срочно усилить гарнизон двумя пехотными гвардейскими полками и бригадой артиллерии, так как «подкладка» движения, по его мнению, была политической²¹.

Вряд ли стоит говорить о том, насколько эти события ободрили и воодушевили революционеров, хорошо понимавших, что без помощи или хотя бы нейтралитета войск победы им не видать. Однако разного рода обещаниями Малахову вскоре удалось успокоить часть солдат, расколоть их и предотвратить таким образом разрастание мятежа. Однако московские революционеры, считавшие, что правительство твердо решило положить конец деятельности всех Советов рабочих депутатов и практически не оставляет им другого выбора, кроме перехода к решительным действиям, уже твердо настраивались на стачку-восстание.

Стачка и восстание в Москве

4 декабря собрался пленум Московского совета. Обсуждали последние события в Петербурге и Москве, причем выявились как сторонники, так и противники немедленного объявления забастовки. Поэтому было решено провести на следующий день своеобразный референдум по этому вопросу на московских заводах и фабриках и уже затем принимать окончательное решение о начале стачки²².

Прошедшие 5 декабря фабрично-заводские собрания показали, что, по крайней мере, часть рабочих буквально рвется в бой. Насторожение их хорошо передал рабочий корреспондент московской большевистской газеты «Вперед»: «Чего тянуть – начинать бы уж»²³. В резолюции, принятой на собрании печатников типографии Кушнерева – одной из самых крупных в Москве, – говорилось: «...Мы готовы ответить на вызов правительства всеобщей забастовкой, надеясь, что она может и должна перейти в вооруженное восстание»²⁴. А вечером того же дня в помещении училища И.И. Фидлера на Чистых прудах собралась общегородская конференция большевиков. Представители фабрично-заводских партийных ячеек один за другим выступали в поддержку стачки-восстания, а один из рабочих железнодорожных мастерских откровенно сказал: «Мы всю ночь ковали и куем оружие. Если вы и дадите приказ воздержаться от вооруженного выступления, мы все равно выйдем; рабочий класс готов биться...»²⁵

Правда, работа по подготовке восстания была еще далека от завершения, партийное влияние в частях московского гарнизона было слабым, оружия не хватало, но оптимисты считали, что все эти негативные моменты можно будет преодолеть уже в ходе начавшихся боев. Бурными аплодисментами встретили большевики заявление участника проходившей в те дни в Москве конференции представителей 29 железных дорог страны о готовности ее делегатов призвать всех железнодорожников к всеобщей политической забастовке. В итоге было принято решение предложить Моссовету начать всеобщую забастовку с перспективой перехода от нее к восстанию. За него проголосовало подавляющее большинство участников конференции, причем голосовали только представители рабочих коллективов. Состоявшаяся накануне, 4 декабря, конференция московских меньшевиков приняла более расплывчатое решение: усилить агитацию среди рабочих и солдат и быть готовыми к дальнейшему обострению ситуации²⁶. Позже меньшевики без каких-либо оговорок поддержали лозунг стачки-восстания.

Что касается эсеров, то среди них была в Москве группа молодежи (будущие максималисты В.В. Мазурин и др.), которая выступала за решительные действия и критиковала слишком осторожную, по их мнению, тактику ЦК и МК ПСР. 3 декабря в Москве состоялось заседание с участием членов московского отдела ЦК и МК эсеров, на котором присутствовали и приехавшие из Петербурга В.М. Чернов и Е.Ф. Азеф. Последние предупредили, что в столице восстание в данный момент немыслимо и даже стачка стоит под вопросом. Однако возобладало мнение, что восстание в Москве неизбежно и рабочие в любом случае выйдут на улицу. В конце концов решили предоставить решение этого вопроса естественному ходу вещей, т.е. в случае начала восстания присоединиться к нему, что и было в дальнейшем сделано²⁷.

6 декабря продолжались собрания и митинги рабочих, а вечером пленум Моссовета после выступлений депутатов от крупнейших предприятий, представителей железнодорожников, почтовиков и польского пролетариата единогласно принял решение: объявить в Москве с полудня 7 декабря всеобщую политическую стачку и стремиться перевести ее в вооруженное восстание. Сообщение об этом было помещено 7 декабря на первой полосе новой газеты «Известия Московского совета рабочих депутатов» за 4 подписями – Совета, комитета (большевиков) и группы (меньшевиков) РСДРП и комитета партии эсеров.

На пленуме Моссовета было оглашено также воззвание к рабочим, солдатам и всем москвичам, предложенное партийным руководством большевиков и эсеров. Оно призывало рабочих к беспощадной войне с правительством, солдат – к совместным действиям с восставшим народом, а всех граждан – к любой возможной личной по-

мощи рабочим и солдатам²⁸. Пленум решил возложить руководство стачкой и «дальнейшими решительными актами» на исполком Совета и представленные в нем революционные партии²⁹, создав с этой целью специальное информационное бюро. Призыв к забастовке был поддержан также съездом почтово-телеграфных служащих, упоминавшейся выше конференцией делегатов 29 железных дорог и Центральным бюро Всероссийского железнодорожного союза.

Декабрьская стачка началась в Москве ровно через два месяца после объявления знаменитой октябрьской забастовки, давшей старт всероссийскому выступлению пролетариата. Как отмечалось, 8 декабря в «Известиях Московского совета рабочих депутатов», «никогда еще московский пролетариат не выступал с таким единством, такой грозной и могучей армией». Город с более чем миллионным населением на глазах менял свой привычный вид. Остановились крупнейшие предприятия, прекратилась подача электроэнергии, встали трамваи, один за другим закрывались магазины, с прилавков которых москвичи буквально сметали все продукты. На всякий случай запасались и водой, керосином, свечами. Перестало работать и большинство московских учреждений. Прекратился выпуск газет, кроме «Известий Московского совета», закрылись театры и школы. Из Москвы больше не отправлялись и в нее не прибывали поезда (действовала лишь магистраль Москва–Петербург, которую обслуживали солдаты). В системе коммунального хозяйства исключение было сделано только для газового завода (опасаясь, что с его остановкой могут замерзнуть трубы газовых сетей) и водопровода. С 4 часов дня город погружался в темноту, поскольку Совет запретил фонарщикам зажигать фонари, многие из которых были к тому же разбиты³⁰. В дальнейшем часть магазинов по распоряжению Совета возобновила работу при двух условиях – не поднимать цены и продавать рабочим продукты в кредит. С 10 декабря в булочных уже нельзя было купить белый хлеб, поскольку его брали в основном «господа», а не рабочие³¹.

Настроение большинства москвичей в те дни было приподнятым. Вот что записала 7 декабря в дневнике попечительница одного из московских детских приютов, дочь профессора Московского университета и члена ЦК партии октябристов графиня Е.Л. Камаровская: «Выходя утром и днем на улицу, сразу понимаешь настроение города. Точно праздник. Везде массы народу, рабочие гуляют весело толпой с красными флагами. Масса молодежи! То и дело слышно: «Товарищи, всеобщая забастовка!». Таким образом точно поздравляют всех с самой большой радостью... Ворота закрыты, нижние окна – забиты, город точно вымер, а взгляните на улицу – она живет деятельно, оживленно»³².

8 декабря в Москве бастовали уже 150 тыс. человек – на 50 тыс. больше, чем накануне. А вечером в саду «Аквариум» (возле ны-

нешней Триумфальной площади) произошел серьезный инцидент, еще более накаливший обстановку в городе. Многотысячный митинг явно революционного характера был прекращен полицией, которая вместе с солдатами стала задерживать и обыскивать его участников, требуя сдачи оружия. Однако большинство митингующих, включая вооруженных дружинников, сумели скрыться. В итоге полицейская акция провалилась, но вызвала искреннее возмущение москвичей. А в ночь на 9 декабря эсеровские боевики вместе с членами ЦК ПСР В.М. Зензиновым и С.Н. Слетовым совершили смелый налет на помещение московского охранного отделения в Гнезниковском переулке. Были брошены две бомбы, от взрыва которых сильно пострадало здание и погибли три человека³³.

Днем и вечером 9 декабря события приняли уже по-настоящему драматический характер. Еще рано утром на Страстной (ныне Пушкинской) площади, у Страстного монастыря произошла вооруженная стычка одной из боевых дружин с группой «черносотенцев» и пришедшими им на помощь драгунами. Вечером там же драгуны в упор расстреляли митингующих рабочих. «Вся площадь залита кровью, пожарные смывают ее», – сообщал в письме находившийся в те дни в Москве А.М. Горький³⁴. В ответ на действия полиции и войск на Страстной площади и на Тверской улице появились первые баррикады – неизменный атрибут вооруженных восстаний той поры. Их сооружали наскоро, из того, что попадалось под руку, с одной единственной целью – не пропустить кавалерию. Продержались эти баррикады очень недолго, но всем стало ясно: стачка перерастает в восстание.

Вечером 9 декабря власти впервые применили против революционеров артиллерию. Это произошло возле реального училища Фидлера, здание которого на Чистых прудах стало в те дни настоящим сборным пунктом вооруженных дружинников и членов революционных партий. 9 декабря там собрались около 500 человек. Войска осадили училище и потребовали от дружинников сдать оружие. На размышление им был дан час, однако по истечении этого срока боевики открыли огонь из револьверов и бросили в солдат бомбы. После этого по училищу было выпущено несколько снарядов. В итоге 5 человек были убиты, 15 ранены и свыше 100 арестованы и отправлены в Бутырскую тюрьму³⁵. Сам Фидлер был тяжело ранен и через несколько дней скончался. Разгром его училища еще больше накалил обстановку в Москве, хотя большинству находившихся там дружинников удалось скрыться.

Ночь на 10 декабря стала в Москве переломной. По всему городу стихийно началось сооружение баррикад. 10 декабря эта инициатива была поддержана социал-демократами: в районы пришла директива Федеративного (большевистско-меньшевистского) совета РСДРП строить баррикады и проводить демонстрации перед казар-

мами с целью привлечения солдат на сторону народа. Естественно, баррикады, которые наспех возводили в рост человека из фонарных и телефонных столбов, спиленных деревьев, домовых ворот, афишных тумб, бочек, ящиков, опрокинутых трамвайных вагонов и т.д., не могли надежно защитить дружинников от огня правительственных войск. Однако они затрудняли передвижение последних по городу, вселяли в солдат и офицеров страх. Количество крупных и мелких баррикад в Москве исчислялось сотнями. Их опутывали проволокой, обкладывали снегом и заливали это сооружение водой, которая, замерзнув, превращалась в ледяной панцирь. Полицейские и пожарные разбирали баррикады, резали проволочные заграждения, но дружинники и население восстанавливали их вновь и вновь.

Первая, ближайшая к центру города линия баррикад тянулась пунктиром вдоль Бульварного кольца от Покровских ворот до Арбата, вторая – по кольцу Садовых улиц от Сухаревой башни до Смоленской площади, третья – как бы соединяла Бутырскую, Тверскую, а потом и Дорогомиловскую заставы³⁶. Много баррикад было в Замоскворечье в районе Большой Калужской, Шаболовки и Донской улицы, а также на Пятницкой у типографии Сытина. Появились также баррикады в Лефортове и Хамовниках. Их сооружали на Арбате и Пресне, Пречистенке и Мясницкой, Лесной и Долгоруковской улицах. В возведении баррикад принимали участие самые разные люди – дружинники, рабочие, мещане, студенты, учащиеся, а порой и выходцы из более зажиточных слоев населения (очевидец восстания в Москве К.Н. Левин писал о «господине в бобрах», который тоже строил одну из баррикад)³⁷. Многое здесь зависело от физической силы, темперамента и просто от настроения оказавшихся рядом со строящейся баррикадой прохожих. Были случаи, когда их работой руководили даже специалисты-инженеры³⁸.

В первые дни восстания население Москвы относилось к революционерам и дружинникам в основном сочувственно, выражая тем самым свою неприязнь к полиции и войскам. В то время настроение у демократических слоев населения оставалось бодрым, приподнятым, страха еще почти не было. Максим Горький как очевидец декабрьских событий в Москве свидетельствовал: «Публика настроена удивительно! Ей Богу, ничего подобного не ожидал! Деловито, серьезно – в деле при стычках с конниками и постройке баррикад, весело и шутливо – в безделье. Превосходное настроение!»³⁹ Наблюдение писателя подтверждал и автор репортажа с московских улиц, опубликованного в одном из номеров «Известий Московского совета»⁴⁰. Но были и совершенно другие настроения, спектр которых простирался от откровенной злобы и ненависти к взбунтовавшемуся «быдлу» до смешанного чувства восхищения смелостью повстанцев и горечи и страха перед начинающейся

гражданской войной. Уже упоминавшаяся графиня Камаровская записала в дневнике 10 декабря под звуки доносившейся до ее дома артиллерийской канонады: «С каждым залпом какой-то холод проникает в меня, ведь все эти залпы направлены против людей, которые идут убежденно, умирают во имя великой идеи свободы! Пусть они ее понимают ложно, но им это простится, если они искренне верят. Я слышу, залп останавливается... и горячо молюсь за убитых»⁴¹.

Примерно те же ощущения были и у московского корреспондента петербургского «Нового времени», который писал: «Идет бой – и между кем же: русские люди истребляют русских же людей. В такие минуты никого не винишь, не можешь никого строго судить, а только испытываешь глубокое сожаление ко всем и желаешь одного – конца этой братоубийственной бойни, исчезновения этих ужасов, от которых мы старше в неделю, как в год»⁴². В воспоминаниях москвичей, разделявших «охранительные» настроения, по адресу повстанцев можно найти множество крепких выражений типа «сброд», «злодеи» и т.д., а само восстание называется не иначе как мятежом⁴³.

Какого-либо четкого плана действий у восставших не было. В их головах бродили смутные идеи захвата Кремля, полицейских участков, домов генерал-губернатора и крупных военачальников, замены полиции народной милицией и др.⁴⁴. Поскольку правительственные войска сосредоточились в центре города, а опорными пунктами восставших служили окраинные рабочие районы, то вначале предполагалось, что дружинники будут постепенно продвигаться в направлении Кремля, чтобы принудить власти к капитуляции. «Мы начнем с окраин, будем захватывать одну часть города за другой. В захваченной части мы сейчас же установим свое, выборное управление, введем свои порядки, 8-часовой рабочий день, подоходный налог и т.д. Мы докажем, что при нашем управлении общественная жизнь потечет правильнее, жизнь, свободы и права каждого будут ограждены более, чем теперь», – говорилось в обращении Боевой организации при Московском комитете большевиков⁴⁵. И действительно, в Москве в те декабрьские дни появились настоящие рабочие «республики», где власть фактически принадлежала восставшим. Так было на Пресне, в Симоновой слободе и некоторых других местах.

Однако руководящий боевой штаб восстания отсутствовал, и действия повстанцев носили в основном стихийный, хаотичный характер, а само восстание быстро распалось на ряд не связанных между собой очагов. Характерно, что уже 10 декабря Моссовет передал функции руководства действиями боевых дружин районным Советам, поскольку связь с окраинами города была довольно слабой⁴⁶. Единственным документом, свидетельствующим о том, что

восстание все же не было пущено на самотек, стали выработанные Боевой организацией при большевистском МК РСДРП «Советы восставшим рабочим». Они распространялись по районам уже 10 декабря, а на следующий день были опубликованы в «Известиях Московского совета». В них, в частности, говорилось: «1. Главное правило – не действуйте толпой. Действуйте небольшими отрядами человека по три-четыре, не больше. Пусть только этих отрядов будет как можно больше и пусть каждый из них выучится быстро нападать и быстро исчезать. Полиция и войска будут бессильны, если вся Москва покроется этими маленькими неуловимыми отрядами. 2. Кроме того, товарищи, не занимайте укрепленных мест. Войска их всегда сумеет взять или просто разрушить артиллерией. Пусть вашими крепостями будут проходные дворы и все места, из которых легко стрелять и легко уйти...»

Исходя из того, что «солдаты – дети народа и по своей воле против него не пойдут», рекомендовалось «пехоты по возможности не трогать», а направлять удары против офицеров, казаков, драгун. Установка при этом давалась очень жесткая: «Каждый офицер, ведущий солдат на избиение рабочих, объявляется врагом народа и ставится вне закона. Его, безусловно, убивайте. Казаков не жалейте. На них много народной крови, они всегдашние враги рабочих. Пусть уезжают в свои края, где у них земли и семьи, или пусть сидят безвыходно в своих казармах. Там вы их не трогайте. Но как только они выйдут на улицу – конные или пешие, вооруженные или безоружные, – смотрите на них как на злейших врагов и уничтожайте их без пощады. На драгун и патрули делайте нападения и уничтожайте. В борьбе с полицией действуйте так. Всех высших чинов до пристава включительно при всяком удобном случае убивайте. Околоточных обезоруживайте и арестовывайте, тех же, которые известны своей жестокостью и подлостью, тоже убивайте. У городских только отнимайте оружие и заставляйте служить не полиции, а нам. Дворникам запрещайте запираť ворота. Это очень важно. Следите за ними, и если не послушают, то первый раз пойте, а во второй – убейте...»⁴⁷

Таким образом, большевики призывали к настоящей партизанской войне, и их советы были сразу же использованы дружинниками в ходе борьбы с войсками и полицией. Неслучайно в официальных документах в те дни часто встречались при характеристике действий повстанцев такие выражения, как «партизанские отряды» и «партизанская война». По словам уже не раз цитировавшегося нами московского губернатора Джунковского, дружинники «совершали партизанские нападения, выскакивали из-за угла и, постреляв, рассеивались и разбегались, желая этими вылазками утомить войска»⁴⁸, которые открывали в ответ беспорядочную стрельбу вдоль улиц и переулков⁴⁹. Как сообщал Дурново Витте,

«тактика борьбы со стороны революционеров приняла партизанский характер. Они избегают столкновений с войсками и баррикады не защищают»⁵⁰. При этом соотношение сил между властями и революционерами вначале складывалось для последних совсем не так безнадежно, как это представляется многим сегодня. В распоряжении властей в Москве был 15-тысячный гарнизон и 2 тыс. полицейских, однако лишь примерно десятая часть войск была надежной. Как докладывал царю московский генерал-губернатор Ф.В. Дубасов, в первые дни восстания он мог полагаться только на 1350 штыков⁵¹.

Назначенный незадолго до восстания московским генерал-губернатором 60-летний вице-адмирал Дубасов, который после удачного боевого дебюта еще в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. затем ничем особенным на флоте себя не проявил, в 1905 г. «прославился» усмирением крестьянских волнений в Центральной России. Дубасова рекомендовал Николаю II Витте, считавший, что Москва – это гнездо смуты, в которой царит анархия, и там особенно нужен твердый и преданный царю генерал-губернатор⁵². Вступая 5 декабря в должность, Дубасов заявил, что в борьбе с крамоллой не остановится «ни перед какими самыми крайними и самыми суровыми мерами»⁵³. И надо сказать, что это обещание он выполнил. Об уровне политического мышления Дубасова можно судить хотя бы по тому, что главную причину революции он видел в «еврейском революционном союзе», но признавал, что России предстоит большая работа по «обновлению отжившего строя», о чем возведено «с высоты престола» 17 октября 1905 г.⁵⁴.

Что касается 40-летнего московского губернатора полковника В.Ф. Джунковского, то он был любимым адъютантом прежнего генерал-губернатора Москвы вел. кн. Сергея Александровича, убитого эсером И.П. Каляевым в Кремле в феврале 1905 г. Это был энергичный и гораздо более гибкий, чем Дубасов, человек, причем в дни восстаний Дубасов передоверил ему многие свои функции. Сам за себя говорит тот факт, что в декабре 1905 г. на Джунковского было совершено несколько неудачных покушений. Гораздо более бесцветной фигурой был шеф московской полиции градоначальник Г.П. Медем, который, чувствуя свое бессилие перед революционерами, еще до восстания подал в отставку, не принятую, однако, в тот момент царем. В Москву был срочно командирован также вице-директор Департамента полиции П.И. Рачковский – человек, весьма опытный в делах полицейского сыска. Наконец, московским городским головой с ноября 1905 г. являлся Н.И. Гучков – брат лидера октябристов А.И. Гучкова и сам член ЦК «Союза 17 октября», видный представитель деловых кругов, зарекомендовавший себя в дни восстания как умный и распорядительный страж порядка во второй российской столице.

Точных данных о количестве вооруженных дружинников в Москве в декабре 1905 г. нет. Тем не менее в советской историографии прочно закрепились основанные на мемуарной литературе данные о 1600–1700 вооруженных дружинниках, имевшихся к началу восстания⁵⁵. Считалось также, что в период самого восстания общее количество вооруженных и невооруженных боевиков возросло чуть ли не до 8 тыс. человек⁵⁶. На помощь москвичам прибывали также дружинники из Подмоскovie – Мытищ, Коломны, Люберец, Перова, Александрова и других мест. Вместе с тем один из руководителей большевистских рабочих дружин З.Я. Литвин-Седой утверждал, что дружинников в Москве было не более 700–800⁵⁷. Проверить эти цифры сегодня не представляется возможным, но вопрос заключается даже не в количестве дружинников как таковых, а в том, насколько их вооружение, боевая выучка, дисциплина, настрoение, уровень руководства и тактика соответствовали требованиям и правилам ведения вооруженной борьбы того времени и состоянию правительственных войск. Огромное значение имело и отношение к повстанцам городского населения (активная поддержка, сочувствие, нейтралитет или прямая враждебность). Совершенно очевидно, что реально противостоять регулярной армии сколько-нибудь длительное время московские дружинники были не в состоянии. В то же время своей смелостью и боевым духом они явно превосходили правительственные войска, проявляя порой чудеса самоотверженности, находчивости и полное презрение к смерти.

Дружинники были организованы в несколько крупных отрядов по партийному, профессиональному, национальному и территориально-производственному признакам. Так, например, действовали большевистская, меньшевистская, эсеровская, студенческая, кавказская (из выходцев с Кавказа), железнодорожная, типографская, «вольная» (профсоюзная), а также ряд заводских (на предприятиях Гужона, Бромлея, Трехгорной текстильной мануфактуре, фабриках Шмита, Цинделя, в Миусском трамвайном парке и других) дружин. Вооружение дружинников оставляло желать много лучшего и значительно уступало вооружению правительственных войск. В основном у повстанцев были револьверы самых разных систем, боевые винтовки и охотничьи ружья, самодельные ручные бомбы «македонки», холодное оружие. Однажды во время боев дружинники захватили пушку, но выстрелить из нее ни разу так и не смогли.

В ходе восстания дружинники нападали на полицейские участки, разоружали городских на улицах и по месту их жительства, отбирали оружие у солдат, грабили оружейные магазины. Однако оружия все равно не хватало. Уже с лета 1905 г. развернулась и работа по обучению дружинников основам военного дела, стрельбе, правилам ведения уличных боев в условиях большого города. Однако закрепить эти навыки большинство дружинников так и не успело.

Сохранилось немало рассказов о мужестве повстанцев. С опасностью для жизни доставляли в Москву бомбы и взрывчатые вещества Ф.И. Драбкина и Д.А. Павлов. Геройски погиб в бою на Арбате дружинник с фабрики Шмита И.В. Карасев. Неутомимы были женщины – жены и сестры рабочих, курсистки и даже отдельные гимназистки, участвовавшие в оказании первой медицинской помощи раненым и в организации питания дружинников. Но у восставших не было в Москве ни центрального руководства, ни авторитетного харизматического вождя. Члены ЦК большевиков В.И. Ленин и Л.Б. Красин, а также такие крупные фигуры партии эсеров, как В.М. Чернов или Б.В. Савинков, в дни восстания в Москве не появились. Популярный руководитель московских большевиков Вергилий Шанцер («Марат») был арестован 7 декабря, как и лично известный Ленину М.И. Васильев-Южин, которого лидер большевиков посылал в июне 1905 г. в Одессу в связи с восстанием на броненосце «Потемкин». Большевик З.Я. Литвин-Седой и эсер М.И. Соколов («Медведь») действовали в основном в пределах только одного московского района – Пресни. Сфера действий других руководителей боевых отрядов – большевиков В.М. Савкова из Замоскворечья, П.М. Щепетильникова из Миусского трамвайного парка, М.С. Николаева с мебельной фабрики Шмита и Ф.М. Мантулина с сахаро-рафинадного завода на Пресне или эсеров Н.И. Ривкина с той же Пресни и А.В. Ухтомского с Казанской железной дороги была еще более ограниченной. Все это, несомненно, сказалось на ходе и исходе Московского восстания.

Здесь нет возможности подробно описывать все, что происходило в Москве 10–19 декабря 1905 г., когда шло восстание. Его панорама напоминает огромную и очень пеструю мозаику, отдельные эпизоды которой с трудом складываются в какую-то цельную картину. Это была типичная городская партизанская война революционеров против правительственных войск и довольно хаотичные и часто беспорядочные действия последних, носившие порой превентивно-устрашающий характер с целью запугать повстанцев, а заодно и население города, что не могло не привести к многочисленным и совершенно неоправданным жертвам.

Наиболее драматические события происходили в первые и последние дни восстания. 10 декабря кровопролитные столкновения произошли в центре города – в районе Тверской улицы и на Каланчевской площади у трех вокзалов. Как известно, Николай II редко фиксировал в своем дневнике факты, выходившие за пределы узкосемейных интересов Романовых, но на этот раз даже он отметил «невиданное побоище между войсками и революционерами» в Москве⁵⁸. Максим Горький тоже характеризовал ситуацию в Москве 10 декабря как «настоящий бой» с применением правительственными войсками артиллерии⁵⁹.

В тот же день на Пресне казаки без боя отступили под напором многотысячной толпы рабочих Трехгорной мануфактуры, среди которых было много женщин. Шедшие впереди с красным знаменем работницы Мария Козырева и Александра Быкова кричали казакам: «Стреляйте в нас, убейте нас, а живыми мы знамя не отдадим!». После этого казаки повернули прочь под приветственные возгласы рабочих.

11–12 декабря бои продолжались по всему городу. Фактически это была кульминация восстания. Поэтому Дубасов вынужден был пойти на ряд экстраординарных мер. Еще в начале декабрьской стачки город был объявлен на положении чрезвычайной охраны. С 12 декабря были введены обыски всех прохожих после 6 часов вечера с целью изъятия оружия. Ворота домов следовало теперь постоянно держать закрытыми, чтобы не давать восставшим возможности уходить от погони. Войска получили приказ открывать огонь по группам людей более трех человек, а с 9 часов вечера до 7 часов утра вообще запрещалось выходить из домов под угрозой штрафа до 3 тыс. руб. или ареста на 3 месяца. Попытки повредить телефонные и телеграфные линии могли караться смертной казнью⁶⁰. На домовладельцев и управляющих домами была возложена личная ответственность за хранение их жильцами оружия и взрывчатых веществ. По домам, из окон которых дружинники вели стрельбу, немедленно открывался огонь. Эти жесткие меры, направленные на пресечение беспорядков, бесспорно, дали свои результаты: властям удалось запугать обывателя и лишить повстанцев поддержки основной части москвичей.

Обстановка начавшейся гражданской войны заставляла власти прибегать и к разного рода хитростям. Так, Дубасов приказал городским снять форму, так как участились случаи убийства одиночных солдат и полицейских революционерами. 11 декабря были отключены все частные абоненты городской телефонной сети, чтобы повстанцы не могли узнавать о перемещениях правительственных войск по городу⁶¹.

12 декабря самым ярким эпизодом восстания был бой у типографии Сытина на Пятницкой, в результате которого она сгорела. В тот день Дубасов сообщал в Петербург: «Положение становится очень серьезным, кольцо баррикад охватывает город все теснее, войск становится явно недостаточно»⁶². На следующий день, 13 декабря, артиллерия полтора часа без перерыва вела огонь с Арбатской площади по Арбату и Поварской. Большое столкновение произошло у Прохоровской мануфактуры на Пресне. 14 и 15 декабря бои все еще продолжались, хотя уже чувствовалось, что обе стороны устали, восстание теряет темп и продолжается фактически уже только по инерции. Не смогло оказать существенной помощи москвичам и пролетарское Подмосковье, хотя здесь был ряд опорных

пунктов революционеров, в частности линия Казанской железной дороги до Голутвина.

Судьба восстания решалась, однако, не столько в самой Москве, сколько в Петербурге. Обстановка в столице была куда менее напряженной, чем в Москве, но тоже достаточно сложной. 8 декабря там началась забастовка с требованиями созыва Учредительного собрания, введения 8-часового рабочего дня, передачи всей земли крестьянам, освобождения политзаключенных и т.д. 9 декабря в забастовке участвовали уже 130 тыс. человек. В тот же день произошли первые столкновения рабочих с войсками. Однако дальнейшего развития революционные события в Петербурге не получили. Несмотря на призывы ЦК и ОК РСДРП поддержать восставших москвичей, стачка в столице пошла на убыль и 16 декабря закончилась безрезультатно. Помогли властям и массовые аресты эсеров и социал-демократов 8–9 и 12–13 декабря. Полиция захватила 3 динамитные мастерские, 500 готовых бомб, много оружия, несколько подпольных типографий. Не обошлось здесь и без предательства со стороны Азефа⁶³.

Тот факт, что пролетарский Петербург не сумел поддержать Москву, облегчил положение властей, которые решились наконец внять непрерывным просьбам Дубасова о помощи. В исторической литературе и в мемуаристике сложилось не совсем правильное представление о том, что московские власти не проявили в деле подавления восстания ни умения, ни должной решительности⁶⁴. В Петербурге, где от Дубасова ждали только победных реляций, такое видение московских событий, видимо, действительно имело место, но факт остается фактом: известная пассивность и нерешительность повстанцев, с одной стороны, и меры, принимавшиеся Дубасовым и Джунковским, – с другой привели к тому, что к моменту прибытия в Москву подкреплений 15 декабря в ней оставались только два очага восстания – Пресня и линия Казанской железной дороги. Что касается непрерывных просьб Дубасова о помощи, то они были вполне естественными и отнюдь не свидетельствовали о его трусости и беспомощности, поскольку положение властей в Москве действительно было очень трудным.

В свою очередь, в столице империи шли в те дни большие политические маневры. 11 декабря, в самый разгар Московского восстания указом Николая II был расширен круг избирателей в Государственную думу (теперь право голоса получили и рабочие крупных и средних предприятий, где было занято не менее 50 человек). А уже на следующий день в Совете министров обсуждалось предложение о предании участников революционного движения военно-полевым судам, наделенным правом вынесения смертных приговоров с приведением их в исполнение в 24 часа. Однако министры пришли к заключению, что после манифеста 17 октября принимать подобные

меры было бы «неудобно», да и особой необходимости в этом не было, поскольку и обычные военные суды действовали достаточно оперативно. Вместе с тем войскам было дано право стрелять в участников революционных выступлений боевыми патронами⁶⁵. Характерно, что либеральничавший прежде Витте выступал теперь в поддержку самых крайних карательных мер, считая, что «всякие нежности должны быть оставлены в стороне»⁶⁶.

Вопрос об отправке подкреплений Дубасову решался в столице на самом «верху» – с участием царя, вел. кн. Николая Николаевича и Витте, выступавшего в роли «главноуправляющего» и проявлявшего в те дни особую активность. Сначала 12 декабря в путь двинулся по железной дороге из Польши Ладожский пехотный полк, добравшийся до Москвы только 16 декабря. А 14 декабря из столицы был отправлен Семеновский гвардейский полк под командованием полковника Г.А. Мина. Царь специально послал с приветом к семеновцам дежурного адъютанта, что должно было воодушевить их на быстрые и решительные действия против повстанцев. До гвардейцев было доведено следующее распоряжение Николая II: «...Действовать крайне энергично; огня не прекращать, пока не будут нанесены серьезные потери. Случаев употребления оружия не стараться вызывать, но если бы где-либо появился взрыв восстания, немедленно переходить к самым активным действиям... и не прекращать действия, пока все сопротивление и все сопротивляющиеся не будут сметены окончательно, чтобы подавить в зародыше всякую вспышку, и сделать это так, чтобы отбить охоту это вновь начинать»⁶⁷. 15 декабря Семеновский полк прибыл в Москву, и с 16 декабря началась крупномасштабная операция по ликвидации последнего очага восстания на Пресне.

Получив дополнительно 1900 штыков⁶⁸, Дубасов активизировал свои действия, и к вечеру 21 декабря «зачистка» Пресни была закончена. На день раньше завершилась операция по подавлению восстания на станциях Казанской железной дороги на участке Москва – Голутвин. Расправа с революционерами, попавшими в руки карателей, была быстрой и безжалостной. Среди 150 расстрелянных оказался и бывший унтер-офицер машинист А.В. Ухтомский, который в ходе восстания регулярно доставлял в Москву дружинников с подмосковных станций, а вечером увозил их обратно домой. 16 декабря поезд с дружинниками попал в засаду, но благодаря смелости, профессиональному искусству Ухтомского им удалось вырваться из-под обстрела. Однако сам он был арестован и 17 декабря без суда расстрелян. Знаменательно, что руководивший карательной операцией на Казанской дороге полковник Н.К. Рима́н признал, что Ухтомский выделялся среди арестованных спокойствием и стойкостью духа. «Это был орел, убежденный человек», – добавил он⁶⁹. Перед расстрелом Ухтомский обратился к сол-

датам с речью, которая, видимо, сильно подействовала на них, потому что после первого залпа он остался невредим, затем был только ранен и добит уже выстрелом в упор из револьвера⁷⁰. Поскольку Рима́н получил приказ: «Арестованных не иметь и действовать беспощадно», то он выполнял его неукоснительно, хотя сопротивления его отряд практически уже не встречал. Характерно, что даже Джунковский отмечал позже в воспоминаниях: «Эта экспедиция Рима́на и оставила поэтому какой-то неприятный осадок, какую-то черную страницу на общем фоне усмирения мятежа»⁷¹. Признание это достаточно красноречиво, если учесть, что Джунковский никогда не сочувствовал революционерам и сам участвовал в подавлении восстания.

Бои на Пресне, где правительственными войсками командовал Мин, а среди дружинников преобладали эсеры и их сторонники, стали агонией теперь уже обреченного на разгром Московского восстания. Сюда же, на Пресню стянулись и многие ставшие впоследствии известными большевики, включая Литвина-Седого, Сурена Спандаряна, Владимира Загорского, Михаила Фрунзе, Петра Заломова (прототипа Павла Власова из романа Горького «Мать») и других. Попытка Мина взять Пресню за один день – 16 декабря не увенчалась успехом, и тогда с раннего утра 17 декабря 10 рот Семеновского полка и весь Ладожский полк с артиллерией и пулеметами начали методично окружать район Пресни. Только в течение одного часа там было выпущено 400 снарядов. Хозяин мебельной фабрики студент Московского университета социал-демократ Николай Шмит получил от Мина ультиматум: выдать членов фабричной дружины и указать место хранения оружия. Однако он ответил отказом. В итоге фабрика была сожжена, а сам Шмит арестован и позже при загадочных обстоятельствах погиб в тюрьме.

Многие дома на Пресне приходилось брать буквально штурмом, поскольку дружинники оказывали войскам отчаянное сопротивление. К вечеру 17 декабря огненное зарево от горящих домов освещало всю Пресню и практически всю Москву. «Точно французы на Москву нагрянули» – говорили на улицах. В ночь на 18 декабря часть рабочих Прохоровской мануфактуры, являвшейся главным оплотом восставших на Пресне, по настоянию фабриканта Н.И. Прохорова обратилась к Мину с просьбой не стрелять по рабочим казармам, где находились женщины и дети. Просьба рабочих была выполнена, но дружинники ушли с Прохоровки на соседний сахаро-рафинадный завод, который 19 декабря войскам тоже пришлось брать штурмом. Был захвачен и расстрелян один из руководителей дружинников рабочий-большевик Федор Мантулин, оставивший прощальное письмо товарищам, где не было ни капли сожаления по поводу участия в революции: «Поклянитесь, что отомстите, добьетесь нашей победы, дадите счастье народу», – на-

писал на прощание Мантулин⁷². По данным, приведенным в воспоминаниях Джунковского, на Пресне в ходе последних боев были убиты 42 дружинника и 131 ранен⁷³. Однако многим дружинникам удалось уйти за пределы Москвы, а некоторые сумели даже захватить с собой оружие. Недаром градоначальник Медем писал: «Мятеж кончается волей мятежников, а к истреблению последних упущен случай»⁷⁴.

Решение о прекращении восстания из-за явного численного превосходства правительственных сил далось революционерам очень непросто. Первыми еще 14 декабря заколебались меньшевики, ссылавшиеся на настроения рабочих и потерю всяких надежд на переход частей московского гарнизона на сторону восставших. Затем появились новые аргументы в пользу такого решения – бесперспективность дальнейших ожиданий помощи от петербуржцев и необходимость организованно, без паники выйти из боя. Решение о прекращении с 17 декабря забастовки и восстания было принято московской меньшевистской группой уже вечером 15 декабря⁷⁵. Большевики же и эсеры в то время еще настаивали на продолжении борьбы. На последнем заседании Моссовета 15 декабря никакого окончательного решения принято не было, тем более что больше половины депутатов отсутствовало. Однако уже 16 декабря штаб боевых дружин на Пресне в составе двух большевиков, двух эсеров и одного меньшевика решил приступить к свертыванию боевых действий, а с понедельника 19 декабря прекратить и забастовку⁷⁶. Это решение было повторено затем в листовке большевистского МК РСДРП и в воззвании исполкома Моссовета от 18 декабря⁷⁷. Однако фактически бои на Пресне продолжались еще до 21 декабря. При этом в последних документах революционных организаций тех дней звучали оптимистические ноты: борьба будет продолжена, победа в конечном счете будет за рабочими, опыт Пресни многому научит борцов за свободу по всему миру⁷⁸.

Декабрьские события в Москве, по данным Союза медиков, полученным из московских больниц, унесли жизни 1059 человек, включая 137 женщин и 86 детей⁷⁹. В основном это были мирные жители, не участвовавшие в боях: случайные прохожие, а то и просто любопытные, с интересом наблюдавшие за ходом событий. Потери войск были незначительны: в рапорте Дубасова от 22 декабря 1905 г. говорилось о 28 убитых и 78 раненых⁸⁰. Полиция потеряла 26 городских, 7 околоточных, 2 помощников пристава и 1 пристава. Погибли также 14 дворников⁸¹.

Проявления жестокости в ходе восстания были с обеих сторон. Войска открывали огонь по случайным прохожим, патрули стреляли в спину уже обысканным и отпущенным жителям, артиллеристы били шрапнелью по толпе или просто вдоль улиц и т.д. Были отдельные случаи расстрелов без всякого суда и со стороны револю-

ционеров. Так, на Пресне были арестованы дружинниками и расстреляны околоточный надзиратель Сахаров и начальник московской сыскной полиции (уголовного розыска) А.И. Войлошников, причем труп первого был выловлен из Москвы-реки со множеством огнестрельных ранений. По свидетельству меньшевистского мемуариста, ответственность за это нес лично большевик Литвин-Седой, который решил не доводить дело до революционного суда, опасаясь мягкости его решения⁸².

В наведении порядка в Москве активно участвовала городская дума. По настоянию Н.И. Гучкова при генерал-губернаторе 15 декабря был создан совет для оперативного решения важнейших проблем городской жизни с участием представителей думы, земства, купечества, ряда высокопоставленных чиновников, губернатора и градоначальника. В тот же день было решено отказаться от практики обстрела домов мирных жителей и начать разборку баррикад⁸³. Патрулям и заставам было предписано производить обыски москвичей только при крайней необходимости. Медицинская помощь на городских улицах должна была оказываться всем пострадавшим, включая и революционеров.

Уже с 15 декабря в едином прежде фронте забастовщиков стали появляться первые бреши. С утра 16 декабря начали возвращаться на работу рабочие Лефортовского и Басманного районов. Дала ток электростанция, и в квартирах москвичей опять появился свет. 17 декабря заработал телефон, 19-го – открылись все магазины⁸⁴. При генерал-губернаторе была создана специальная комиссия во главе с Джунковским, принимавшая прошения о возмещении материального ущерба, нанесенного горожанам во время восстания и составившего на менее 3,3 млн руб. К этому нужно добавить не поддающийся точному учету ущерб, причиненный городскому хозяйству Москвы действиями дружинников, широко использовавших элементы городской инфраструктуры при сооружении баррикад, а также ущерб от разграбления криминальными элементами складов и магазинов (несколько таких случаев было отмечено в ходе восстания).

Характерно, однако, что все эти претензии остались неудовлетворенными. Некоторым фабрикантам, у которых в декабрьские дни сгорели их предприятия (например, Н.П. Шмиту и И.Д. Сытину), было отказано в компенсации под тем предлогом, что они сами помогали или сочувствовали революционерам. Дубасов выделил лишь 100 тыс. руб., которые пошли на помощь семьям погибших при подавлении восстания армейских и полицейских чинов. На этом фоне более предпочтительной выглядела позиция Городской думы, выдавшей заработную плату за дни забастовки служащим и рабочим муниципальных учреждений и предприятий и выделившей несколько тысяч рублей на организацию питания оставшимся без крова москвичам⁸⁵.

Перед Рождеством на улицах города уже, как всегда, царила предпраздничная суета, в магазинах и на рынках, несмотря на рост цен, творилось что-то невообразимое, а за вином стояли длиннейшие очереди⁸⁶. Дубасов получил телеграмму от Николая II и вдовствующей императрицы Марии Федоровны с поздравлениями москвичам по случаю Нового года и соболезнованиями в связи с пережитыми ими «тяжкими днями вооруженного мятежа»⁸⁷.

Восстание закончилось. Жизнь продолжалась. Обыватели радовались тому, что она вошла в привычную колею. Дружинники заживляли раны, пытались анализировать ход восстания, определить причины его поражения. Заслуживает внимания тот факт, что в революционной среде обошлось на этот раз без «разборок» и поиска «виноватых». Преобладало мнение, что основная борьба еще впереди.

Восставшая Москва не осталась одинокой

Хорошо известно, что ни социал-демократы, ни эсеры не планировали на декабрь 1905 г. повстанческих акций всероссийского масштаба. Никаких инструкций на этот счет из руководящих партийных центров на места не поступало. О московских событиях там узнавали из телеграмм, скудных газетных сообщений, частных писем, от приезжих москвичей. Очень показательно и то, что происходившая в дни Московского восстания большевистская партийная конференция в Таммерфорсе даже не обсуждала специально вопрос о восстании, сосредоточив внимание на предстоящем объединении с меньшевиками и тактике партии в связи с выборами в I Государственную думу. Не получило большого резонанса и воззвание ЦК и ОК РСДРП с призывом поддержать восставших москвичей, обращенное к петербургским рабочим и выпущенное только 13 декабря.

Тем не менее логика развития революционного движения, которой так или иначе подчинялась вся страна, а также очень сильное в 1905 г. чувство пролетарской солидарности сделали свое дело: восставшая Москва в декабре 1905 г. не осталась одинокой, хотя этот факт имел не столько практическое (реальная помощь с периферии московским повстанцам или хотя бы распыление правительственных сил на подавление сразу нескольких очагов восстания), сколько нравственно-психологическое значение, поддерживая в массах дух протеста и сопротивления царскому режиму.

В декабре 1905 г. локальные очаги вооруженных восстаний возникли в нескольких пролетарских центрах Европейской России – Ростове-на-Дону, Харькове, Сормове, Новороссийске, Мотовилихе на Урале, Горловке в Донбассе. Кроме того, в более «размытых» формах аренной вооруженной борьбы стали Латвия, Эстония, Гру-

зия, Екатеринославщина на Украине, ряд станций Транссибирской железнодорожной магистрали. Часть восстаний происходила до декабрьских московских событий, часть – во время или после них. И хотя по масштабам и продолжительности ни одно из них нельзя даже сравнивать с боями в Москве, уже само появление таких «блуждающих огней» гражданской войны еще более обостряло кризисную ситуацию в стране в конце «красного» 1905 года.

Следует также подчеркнуть, что декабрьские вооруженные восстания происходили на фоне очередного подъема забастовочного движения всероссийского масштаба, который захватил, даже по неполным данным фабричной инспекции, 435 тыс. рабочих (напомним, что в январе 1905 г. бастовали 444 тыс., а в октябре – 519 тыс. человек⁸⁸, причем 390 тыс. рабочих (85%) выступали в декабре под политическими лозунгами. Около трети стачечников дали металлисты – наиболее политизированный и социально активный отряд российского рабочего класса, большую активность проявили также железнодорожники.

В рамках высшего подъема Первой российской революции мы выделяем две кульминации – октябрь и декабрь 1905 г. Но если во время Всероссийской октябрьской политической стачки революция в наибольшей степени приблизилась к параметрам революции общенациональной (хотя по многим причинам не стала и не могла стать ею), то в декабре рабочие проявили себя в масштабах всей России уже не так активно, как в октябре, и не вызвали прежнего сочувствия в других социальных слоях, что стало одним из ряда факторов, способствовавших поражению их авангарда. Тем не менее на борьбу поднялась в декабре 1905 г. не только Москва. По продолжительности вооруженной борьбы (13–21 декабря) второе место после нее занимал пролетарский Ростов-на-Дону, который часто называют «воротами Кавказа». Здесь сходились несколько важных железнодорожных линий, активно работало Центральное бюро рабочих и служащих Владикавказской дороги во главе с 20-летним большевиком С.Г. Рейзманом и были созданы боевая организация и мастерская по изготовлению бомб. Уже 8 декабря забастовали ростовские железнодорожники и рабочие железнодорожных мастерских, постановившие на своем собрании «работ не прекращать впредь до низвержения самодержавия»⁸⁹ (эта максималистская формулировка очень показательна для настроений части рабочих и членов революционных партий того времени).

Сначала Донской комитет РСДРП и Ростовский совет рабочих депутатов, которыми руководили тогда меньшевики, были против объявления забастовки на промышленных предприятиях города, считая ее проведение преждевременным из-за приближавшихся рождественских праздников. Однако боевое настроение рабочих заставило их изменить свою позицию, и с утра 9 декабря к стачке

железнодорожников присоединились рабочие ростовских фабрик, заводов и ремесленных мастерских. В ответ на арест нескольких рабочих-активистов социал-демократы и исполком Совета призвали ростовских пролетариев готовиться к тому, чтобы «с оружием в руках отстаивать свои права и защищать народную свободу»⁹⁰. В последующие два дня стачка стала всеобщей, причем рабочие добились освобождения своих арестованных товарищей.

13 декабря дружинники, которыми командовал молодой большевик Ю.П. Бутягин, внезапным ударом захватили городской вокзал, переходивший затем несколько раз из рук в руки, причем правительственные войска применяли даже артиллерию. Расположенное недалеко от вокзала рабочее предместье Темерник покрылось баррикадами, которые оборонялись дружинниками, совершавшими также смелые вылазки в центр Ростова. Вскоре революционеры получили подкрепление – на помощь ростовчанам прибыли еще 150 дружинников со станций Тихорецкая и Кавказская. Темерник стал ростовской Пресней. 300–400 дружинников восемь дней сдерживали атаки превосходящих сил царских войск. 20 декабря артиллерийский обстрел Темерника продолжался пять часов. У повстанцев была надежда закрепиться в другом рабочем пригороде Ростова – Нахичевани, где был расположен завод «Акса́й» и имелась довольно сильная дружина из членов армянской революционной партии «Дашнакцутюн». Однако когда ростовские дружинники, перейдя по льду Дон, пришли в Нахичевань и сложили свое оружие в заводской столовой, там по невыясненным причинам произошел сильный взрыв. К тому времени было получено и сообщение из Москвы о подавлении там восстания. В этих условиях продолжение борьбы теряло смысл. В обращении Донского комитета РСДРП и исполкома Ростовского совета рабочих депутатов к жителям города говорилось: «Мы не победили еще, но мы и не побеждены. Мы объявили забастовку по призыву наших петербургских и московских товарищей, по их же призыву заканчиваем ее, чтобы, когда снова придут дни борьбы, выступить на нее рука об руку с пролетариатом всей России»⁹¹.

В отличие от Ростова восстание в Харькове продолжалось всего один день. Центром событий стал здесь завод сельскохозяйственных машин Гельферих-Саде, где 12 декабря развернулся настоящий многочасовой бой дружинников с казаками и солдатами, которым была придана артиллерия. Исход восстания решил явный перевес сил правительственных войск. В итоге 24 человека были убиты, 60 ранены, более 130 арестованы⁹². Но наибольшим кровопролитием сопровождалось подавление восстания рабочих в Горловке 17 декабря, где было убито до 300 рабочих⁹³.

Баррикадные бои имели место 12–14 декабря в Сормове и Нижнем Новгороде, а в те же дни в Мотовилихе уральские рабочие

больше применяли партизанскую тактику, смело нападая на солдат и казаков.

Много беспокойства царским властям доставляла ситуация, сложившаяся к концу 1905 г. в Грузии, хотя она во многом отличалась от обстановки в Центральной России. Специфика этого региона заключалась в том, что здесь преобладало крестьянское население, поляризация различных социальных групп была выражена не столь ярко, как в русских губерниях, а среди революционеров преобладали меньшевики, активно агитировавшие за введение явочным порядком революционного самоуправления. Характеризуя ситуацию, сложившуюся в конце 1905 г. в Кутаисской губернии, на территории которой возникло несколько самочинных народных «республик» (Чиатурская, Квирильская, Горийская, Душетская, Телавская), полицейские власти сообщали царскому наместнику на Кавказе И.И. Воронцову-Дашкову: «...Политическое состояние приняло не просто характер «анархии», более или менее всегда поддающейся воздействию военной репрессии, а какого-то особого государства из самоуправляющихся революционных общин, признающих лишь власть революционных комитетов и ныне запасающихся оружием для открытого восстания. Происходящие в Кутаисской губернии события настолько поразительны на общем фоне государственного строя империи, что иностранцы специально приезжают на Кавказ с целью ознакомления на месте с новыми формами русской государственности»⁹⁴.

Парадоксальность ситуации усугублялась тем, что в июле 1905 г. кутаисским губернатором был назначен крупный специалист в области виноградарства В.А. Старосельский⁹⁵, который по своим взглядам был близок к социал-демократам. Дело дошло до того, что в конце ноября Воронцов-Дашков по представлению Старосельского и делегации кутаисской общественности приказал вывести из Кутаиса казаков, отличавшихся особенно грубым и вызывающим поведением по отношению к жителям города, и заменил полицию народной милицией, установившей в Кутаисе образцовый порядок.

С 7 декабря 1905 г. по 11 января 1906 г. просуществовала Озургетская «республика», где почти ежедневно устраивались массовые митинги и демонстрации с пением «Марсельезы», красными флагами и портретами Маркса. 17 декабря рабочие Чиатурского промышленного района вместе с крестьянами и железнодорожниками фактически захватили власть во всей Верхней Имеретии. Грузинские и абхазские крестьяне создавали отряды «красносотенников», которые вступали в вооруженные столкновения с царскими войсками и полицией. 30 декабря 1905 г. бой в Квирилах и Белагорах закончился победой революционных отрядов над двумя ротами Тенгинского полка. Повстанцы захватили пленных, боевые трофеи и, кроме того, экспроприировали из местного банка 220 тыс. руб.⁹⁶.

В центре Кавказского наместничества – Тифлисе главными очагами революционного движения стали рабочие районы Надзаладеви и Дидубе. Однако перевес в силах был на стороне правительства, тогда как дружинники придерживались в основном оборонительной тактики, совершая лишь отдельные набеги на полицейские участки и казачьи квартиры. 18 и 23 декабря правительственные войска нанесли поражение повстанцам. Довольно либерально настроенный прежде Воронцов-Дашков отдал приказ о беспощадной расправе с участниками революционного движения. Особенно усердствовал генерал А.М. Алиханов-Аварский, назначенный временным кутаисским генерал-губернатором, заменив Старосельского⁹⁷. Он наложил на крестьян контрибуцию в размере 500 тыс. руб., приказал им заново отстроить сожженные здания правительственных учреждений, вернуть все захваченное оружие, выдать революционных главарей, возобновить уплату податей и несение повинностей.

Поистине драматический характер приняли события в Прибалтике, где была достигнута наибольшая согласованность в действиях рабочих и крестьян, страдавших от малоземелья и притеснений немецких баронов-землевладельцев. Еще 22 ноября Николай II своим указом ввел военное положение в Лифляндской губернии. В ответ вспыхнула всеобщая стачка рабочих Риги и нескольких других латышских городов. До предела была накалена и обстановка в деревне. Недаром лифляндский губернатор телеграфировал 27 ноября в Петербург: «В Рижском и Венденском уездах полная революция... Всего восставших крестьян более 60 тысяч. В городе Риге положение опасное, гарнизон мал»⁹⁸.

Самым ярким эпизодом вооруженной борьбы в Прибалтике стало восстание жителей небольшого городка Туккум 1–2 декабря 1905 г. По приказу латышских социал-демократов туда прибыли около 3 тыс. батраков и крестьян из соседних селений, которые вместе с местными жителями напали на расквартированных в местной гостинице русских драгун, нанесли им большие потери и обратили в бегство. Однако вступление в город нового отряда царских войск с двумя орудиями заставило восставших вступить с его командиром в переговоры, причем выдвинутые ими условия прекращения сопротивления (свободный выход из города, гарантии неприкосновенности, суд над двумя наиболее ненавистными народу немецкими баронами) были приняты. Была удовлетворена и просьба горожан не открывать по Туккуму артиллерийского огня. Характерно, что, получив рапорт об этих событиях, Николай II выразил недовольство столь «либеральным» поведением военных, наложив резолюцию: «Надо было разгромить город»⁹⁹. Тем не менее итог усмирения туккумских повстанцев был впечатляющим: правительственные войска потеряли 39 человек убитыми и 28 ранеными, тогда как повстанцев было убито 120 (шестеро погибли в бою, 50 бы-

ли убиты в отместку за мятеж местными баронами и 64 расстреляны по приговору военного суда)¹⁰⁰.

4 декабря началось, но было быстро подавлено восстание в соседнем с Туккумом городке Тальсен. Однако в главных городах Латвии, Эстонии и Литвы дело ограничилось лишь стачками (Рига, Ревель, Вильно, Каунас, Даугавпилс и другие). В сельской местности непрерывно возникали обширные зоны неповиновения царским властям, прекращалось внесение арендной платы, создавались отряды народной милиции, в школах вводилось преподавание на родном языке.

Ответом властей на эти выступления стала настоящая карательная истерия, сопровождавшаяся массовыми расстрелами, порками, изнасилованием женщин, поджогами домов мятежных главарей и т.д. 23 декабря 1905 г. Витте писал царю, имея в виду прибалтийские губернии: «Необходимо с кровожадными мятежниками расправляться самым беспощадным образом»¹⁰¹. Особенно «отличились» при этом отряды генерала А.А. Орлова в Латвии и флотского капитана О.О. Рихтера в Эстонии, неизменно получавшие одобрение царя¹⁰². О том, какие неограниченные полномочия получил Орлов, свидетельствует отрывок из письма к нему главного «разработчика» плана карательной экспедиции в Прибалтике генерала Г.О. Рауха, который сам был выходцем из «обиженного» в Латвии немецкого дворянства: «Валяй вовсю, – писал Раух, – и знай, что за строгость излишнюю тебя не осудят свыше, а скорее за недостаток ее... Террор же можно прекратить в Лифляндии лишь террором»¹⁰³. По данным кадетской газеты «Речь», только за декабрь 1905 г. и январь 1906 г., когда шло усмирение Прибалтики, там были убиты 959 человек, подвергнуты порке 251, сожжены 97 крестьянских дворов, 4 училища, 2 волостных правления, 3 общественных здания, 22 городских дома¹⁰⁴.

Жестоко мстила власть революционерам и в Сибири. В Красноярске в первой декаде декабря благодаря переходу солдат местного гарнизона на сторону народа власть фактически оказалась в руках Совета рабочих и солдатских (!) депутатов. Однако прибытие в город двух новых пехотных полков быстро изменило ситуацию в пользу царских властей. Повстанцы (около 900 рабочих и солдат) забаррикадировались в помещении железнодорожных мастерских и целую неделю, с 28 декабря 1905 г. по 3 января 1906 г. в тридцатиградусный мороз, без топлива, воды и продовольствия выдерживали осаду верных правительству войск. Однако в конце концов им пришлось сдаться. Административный центр Забайкалья Чита еще в конце ноября 1905 г. мирным путем стал рабоче-солдатско-казачьей «республикой». Однако 22 января 1906 г. прибывшая в Читу карательная экспедиция генерала П.К. Ренненкампа заставила читинцев сложить оружие.

Если Ренненкампф двигался по Транссибирской магистрали из Маньчжурии на запад, то войска генерала А.Н. Меллер-Закомельского направлялись навстречу ему из Центральной России. Особой беспощадностью отличался при этом Меллер-Закомельский, вполне оправдавший ту характеристику, которую дал ему Витте: «...Если бы Меллер-Закомельский не был генералом, то по своему характеру он был бы очень хорошим тюремщиком, особенно в тех тюрьмах, в которых практикуются телесные наказания»¹⁰⁵. Аресты, массовые порки и расстрелы без суда производились на каждой сколько-нибудь крупной станции Транссибирской магистрали. Среди расстрелянных был и известный революционер-большевик Иван Бабушкин. При этом карательные действия Меллер-Закомельского и Ренненкампфа находили полную поддержку Николая II и Витте, причем царю особенно импонировала решительность и жестокость Меллер-Закомельского («Ренненкампф излишне рассуждает, Меллер больше действует», – говорил император)¹⁰⁶.

Таким образом, к началу 1906 г. положение в России в целом стабилизировалось. Правящий режим не только устоял, но и перешел в контрнаступление. Особенно тяжело отразилась на состоянии революционного лагеря слабая активность в декабре пролетарского Петербурга, компенсировать которую не смогли ни Москва, ни те несколько российских городов, где рабочие тоже поднялись на закончившееся безрезультатно восстание. Правда, революция еще не была закончена, но в ходе ее произошел перелом в сторону стабилизации позиций правительства. Что касается революционеров, то в декабре 1905 г. им не хватало денег, оружия, военных знаний, а отчасти и смелости, без чего решение столь масштабной задачи, как свержение самодержавного строя, было невозможно. После окончания восстания стало ясно, что успешно руководить им революционеры еще не умеют. С другой стороны, политический маневр, предпринятый властью в октябре 1905 г., принес свои плоды. Правительству удалось разрушить те хрупкие мосты, которые были наведены прежде между либеральной оппозицией и революционерами, изолировать последних и заставить революционные партии действовать практически в одиночку. Если добавить к этому внутреннее противоречие в самом революционном лагере, то станет очевидным, что поставленная в декабре 1905 г. революционерами главная политическая задача – достижение полной победы над самодержавием – оказалась в то время неразрешимой.

Преступление, подвиг или трагедия? Декабрь 1905 г. в оценках современников и историков

Ярко выраженная социальная и политическая заостренность декабрьских событий 1905 г., прямое влияние их реальных и потенци-

альных результатов на судьбы России исключают однозначную оценку этого феномена не только современниками, стоявшими часто по разные стороны политической баррикады, но и потомками, которые, казалось бы, могли уже отрешиться от страстей, предрассудков и заблуждений столетней давности. Действительно, декабрьские баррикады разделили не только правительственные войска и рабочих-дружинников, но и общественное мнение, в том числе и за рубежом, причем этот раскол продолжается и поныне.

В лагере власти восстание считали государственным преступлением, и в таких оценках, бесспорно, была своя логика, поскольку в декабре 1905 г. на карту фактически была поставлена судьба страны и тех, кто ею управлял. Наиболее радикально настроенная часть «низов» общества, наоборот, видела в тех, кто сражался на московских баррикадах, народных мстителей, которые, как и парижские коммунары 1871 г., «штурмовали небо» (Маркс), чтобы силой завоевать право на новую жизнь. Наконец, как всегда, была и третья точка зрения, согласно которой декабрь 1905 г. стал огромной трагедией национального масштаба, настоящей драмой российской истории, причем ответственность за нее должны были разделить власть и революционеры.

Эти три взгляда на декабрьские события 1905 г. дожили до наших дней, причем за последние 10–15 лет, наряду с ростом равнодушия, безразличия к интересующим нас сюжетам, наблюдается резкий рост негативных оценок любых революций, включая и революцию 1905–1907 гг., активные участники которой часто предстают сегодня как бандиты и убийцы, недостойные быть членами цивилизованного общества. Наиболее активно действовали в ходе декабрьских восстаний большевики, для которых революция была «праздником угнетенных», а восстание – самым героическим актом революционной борьбы. По словам Ленина, «декабрь был *естественным и неизбежным* (курсив мой. – Авт.) завершением массовых столкновений и битв, нараставших во всех концах страны в течение 12-ти месяцев»¹⁰⁷. Правда, как уже отмечалось в предыдущей главе, лидер большевиков не считал декабрь 1905 г. оптимальным сроком решительной схватки народа с властью, полагая, что лучше было бы отложить ее, по крайней мере до весны 1906 г.¹⁰⁸, когда в Центральную Россию должны были вернуться русские войска из Маньчжурии, активизировались бы крестьянские массы, рабочие восстановили силы после изнурительных стачек лета и осени 1905 г., а сами революционеры смогли бы лучше подготовиться к восстанию.

Но Ленин был убежден, что революция совершается методом проб и ошибок, а элемент стихийности преобладает в ней над любыми попытками запрограммировать действия масс из революционных штабов. Он считал также, что бывают такие моменты, когда даже преждевременное и не вполне подготовленное восстание со

сравнительно небольшими шансами на успех полезнее для дела революции, чем бездействие и покорность власти, которая считается только с реальной силой народа, а его терпение воспринимает как своего рода карт-бланш для усиления нажима на своих подданных. Вот почему, несмотря на поражение декабрьских восстаний, Ленин был убежден: пролетариат отнюдь не разбит, он «сплотил в бою все революционные силы народа, не дал деморализовать себя отступлением, показал массам, впервые в новейшей истории России показал массам, возможность и необходимость борьбы до конца»¹⁰⁹.

Вместе с тем, подводя итоги декабрьских восстаний, Ленин хорошо видел их недостатки – незавершенность военно-технической подготовки, преобладание оборонительной тактики над наступательной, отставание руководителей от боевого порыва рядовых повстанцев, слабую работу по привлечению правительственных войск на сторону революции, асинхронность в действиях революционеров в различных регионах, не говоря уже об отсутствии должной поддержки рабочих со стороны крестьян. Не устраивала лидера большевиков и недостаточная активность рабочих, стачки которых не приняли такого размаха, как в октябре 1905 г. Тем не менее большевики отнюдь не были обескуражены итогами декабрьских боев и считали, что в дальнейшем нужно действовать в том же направлении, но действовать более решительно и наступательно¹¹⁰.

В целом положительно, хотя и более сдержанно, оценивали декабрьские события 1905 г. и эсеры, роль которых в те дни была, однако, совсем невелика по сравнению с их амбициозными претензиями на некий ультраактивизм. Что же касается меньшевиков, то здесь ситуация была куда более сложной. Одним из первых откликнулся на восстание из-за границы Г.В. Плеханов. На протяжении 1905 г. он неоднократно высказывался за восстание, призывал усилить его подготовку, допускал, что даже неудачное восстание иногда может принести делу революции определенную пользу, предотвращая деморализацию масс перед лицом наступающей и нагнетающей реакции. Однако по мере приближения решающей схватки Плеханов все чаще предостерегал своих товарищей по партии от успешных, авантюристических решений. Закрывая глаза на силу стихийного элемента в развитии революционных событий, он явно преувеличивал роль революционных партий как главного якобы фактора в определении сроков восстания. По мнению Плеханова, революционеры, видя незавершенность его подготовки, должны были поставить заслон любому «вспышkopускательству» при неблагоприятном для революционеров соотношении сил в стране в целом или в данном регионе. Исходя из этого, он и пришел к выводу, что раз восстание не было в должной мере подготовлено и силы правительства явно превосходили силы революции, то «не нужно было и браться за оружие»¹¹¹.

Эта крылатая фраза «отца русского марксизма» быстро облетела всю Россию, и именно с ней Плеханов вошел во все учебники истории. И действительно, трудно подыскать более краткую, емкую и убийственную для революционеров формулу, тем более что предложил ее уважаемый и почитаемый идеолог русского марксизма. Большевики восприняли ее как откровенный плевок в лицо всем революционерам, как проявление оппортунизма и реформистского перерождения Плеханова. В замешательстве были и меньшевики, в большинстве своем не решавшиеся еще на подобную откровенность, хотя в душе они были солидарны с Плехановым, стоявшим в конце 1905 г. как бы вне обеих фракций РСДРП. Зато на либералов откровение Плеханова произвело самое благоприятное впечатление как свидетельство политического реализма наиболее образованной и здравомыслящей части русских марксистов.

Формально Плеханов был недалек от истины, ибо, даже одержав кратковременную победу в Москве, революционеры все равно были бы смяты затем превосходящими силами правительственного лагеря. Но была и вторая, нравственно-психологическая сторона вопроса, которую тяжелобольной, оторванный многие годы от родины Плеханов, видимо, не принял во внимание. Его оценка появилась слишком поспешно и пришла из эмигрантского «далека», что, по большому счету, изначально лишало Плеханова права на категоричность подобных выводов. Кроме того, односторонне обвиняя революционеров в авантюризме, Плеханов не хотел замечать того единодушия, с которым решение о начале восстания было принято самыми разными политическими партиями и организациями, в том числе и достаточно осторожными московскими меньшевиками. Подменяя живую жизнь книжной схемой, Плеханов не смог найти такую оценку прошедшего восстания, которая не подрезала бы крылья участникам революции, а звала бы их, проанализировав причины своего поражения, лучше готовиться к новым боям, относиться к восстанию как к серьезному революционному делу, как к искусству.

Меньшевики не без основания считали революционерами-импрессионистами, способными быстро поворачивать и вправо, и влево. Они оперативно отреагировали на разгром декабрьских восстаний и скоро фактически приняли выводы Плеханова. Так, московские меньшевики, выпустившие в 1906 г. сборник материалов «Москва в декабре 1905 г.», утверждали там, что характер действий повстанцев, их нерешительность и военно-техническая беспомощность ставят под сомнение саму возможность оценивать декабрьские события в Москве как народное восстание. Это мнение вполне корреспондировалось с известными высказываниями Петра Струве о «бутафорских» баррикадах в Москве, которые строили фанатичные интеллигенты, уличные мальчишки и терроризированные ре-

волюционерами дворники. В итоге московские меньшевики приходили к выводу, что в декабре 1905 г. РСДРП совершила ошибку, хотя и выражали уверенность в конечной победе народа¹¹².

Правда, лидер меньшевиков Ю.О. Мартов в написанной им после 1917 г. «Истории российской социал-демократии» был более сдержан в оценках, делая акцент на том, что «партия лишь санкционировала движение, которое началось без нее в силу всей логики создавшегося для пролетариата положения, из которого он... не видел иного выхода, как в выступлении до того момента, когда все организованные им центры будут поодиночке разбиты. Она (партия. — *Авт.*) его санкционировала, далекая от уверенности в возможности политического успеха при данном соотношении сил — без энтузиазма и самообмана». Мартов подчеркивал, что «руководители партии переоценили не только силы, которые стояли за ними, но и степень той необходимости, которая, по их мнению, толкала рабочую партию на немедленное выступление». Тем не менее пролетариат и РСДРП, по его словам, несмотря на большие потери, не были разбиты, и в начале 1906 г. партийная жизнь уже вновь кипела ключом¹¹³.

На IV съезде РСДРП весной 1906 г. меньшевики уже не столько поддерживали идею нового восстания, сколько хоронили ее. Ошибочной была признана ими позже и вся тактика РСДРП в ноябре–декабре 1905 г. По мнению авторов многотомного меньшевистского труда по истории освободительного движения в России в начале XX в., эта тактика явно забегала вперед, была излишне радикальной и фактически изолировала пролетариат от буржуазных и мелкобуржуазных слоев населения, обрекая его тем самым на поражение¹¹⁴.

Международная социал-демократия в лице К. Каутского, А. Бебеля, Р. Люксембург и других видных западноевропейских социалистов отнеслась к декабрьскому восстанию 1905 г. в России более благожелательно, отметив героизм рабочих и революционеров, которые доказали возможность борьбы революционных сил с современной армией, в чем до этого сильно сомневались в партиях II Интернационала¹¹⁵.

Русские либералы предпочитали не оскорблять чувства участников восстания, хотя и считали, что у них изначально не было шансов на успех. Одновременно они осуждали правительство за то, что оно довело народ до подобной вспышки, а затем утопило ее в крови. Так, П.Б. Струве в упомянутой уже статье в журнале «Полярная звезда» возмущается тем, что правительство допустило, чтобы «с бессмысленностью и беспощадностью, беспрецедентной в истории, разрушались дома, убивались люди, и участвовавшие, и не участвовавшие в движении», и чтобы после подавления восстания началась настоящая расправа с мирным гражданским населением. П.Н. Ми-

люков в статье «Мораль Московского восстания» тоже осуждал не революционеров, а власть, обреченную из-за своего полного разрыва с обществом, по его мнению, на гибель¹¹⁶.

В советской историографии декабрьские восстания 1905 г. неизменно рассматривались как подвиг рабочего класса и его большевистского авангарда. В западной исторической литературе специально Московскому восстанию посвящена лишь книга американской исследовательницы Лоры Энгельштейн «Москва. 1905. Организация рабочего класса и политический конфликт», где она делит ответственность за трагические события в Москве между безрассудным и упрямым царем и большевиками, стремившимися удовлетворить свою жажду конфронтации и подтолкнуть рабочих к кровавому столкновению с властями во имя торжества марксистской доктрины. Обвинения бросаются и в адрес Ленина, который якобы знал об обреченности восстания, но тем не менее санкционировал его, считая, что, независимо от своего исхода, оно будет полезно для распространения в массах революционных и социалистических идей¹¹⁷. Заметим, что подобные суждения находят порой отклик и в современной постсоветской историографии. В отдельных работах декабрьские восстания прямо осуждаются как безрассудный и, в сущности, совершенно бесполезный, антигуманный акт, лишь увеличивший число жертв революции¹¹⁸.

Подводя итог, можно сказать, что все задействованные в декабрьских восстаниях 1905 г. общественно-политические силы в общем и целом действовали в соответствии с теми социальными сценариями, которые определяли их поведение в период всей революции. В этом плане никаких неожиданностей декабрь 1905 г. не преподнес: власть защищала свои позиции, революционеры нападали на них при поддержке части народа, требовавшего от правительства дальнейших уступок, а либеральная демократия, сохраняя оппозиционность по отношению к власти, явно не сочувствовала экстремистским методам борьбы с нею, осуждая в то же время и правительство за промедление с реформами и ненужную, по ее мнению, жестокость.

Левое крыло революционеров, и прежде всего большевики, стремились разжечь пожар гражданской войны во всероссийском масштабе, но не имели для этого необходимых сил и средств. Вместе с тем представители более умеренных революционных течений, например большая часть меньшевиков, не могли эффективно противостоять ультрарадикалам, опасаясь, в частности, перспективы падения своего влияния на рабочих и интеллигенцию. В итоге в действиях революционеров не хватало продуманности и умения руководить восставшими¹¹⁹, причем уровень такого руководства вполне соответствовал уровню развития страны и общества в целом и, видимо, не мог в 1905 г. быть выше того, каким он был.

В результате восстания каждый класс российского общества, каждая политическая партия и сама власть сделали определенный шаг вперед в своей самоидентификации, стали более четко определять свое политическое поведение, лучше видеть своих союзников и противников. Одним из важных моментов в политической истории России стало осознание властью необратимости перехода от самодержавия к думской монархии и сохранения определенного баланса между старым и новым, самодержавием и реформами.

Реальная расстановка политических сил в декабре 1905 г. покончила с надеждами на то, что революция в России может принять общенациональный характер. Недаром лидер кадетской партии П.Н. Милюков позже заявил, что «легкомысленно затеянное и проигранное еще до того, как оно началось», Московское восстание провело между либералами и революционерами «непроходимую грань»¹²⁰.

Нельзя сказать, что участники декабрьской драмы извлекли из нее все необходимые уроки. В декабре 1905 г. Россия заглянула в пропасть гражданской войны, но сумела остановиться буквально на ее краю. Тотальная война хижин против дворцов тогда не состоялась. Власть была еще достаточно сильна, чтобы держать ситуацию в стране под контролем, а революционные партии, и прежде всего их самые левые группировки, наоборот, не обладали пока реальной силой, чтобы «раскачать» эту ситуацию до крайних пределов. Но главное заключалось в том, что народные массы не были доведены еще до состояния такого отчаяния и безысходности, когда в действие вступает классическая формула: «Лучше ужасный конец, чем ужас без конца».

Тем не менее гражданская война не была снята с повестки дня. Одержав победу, власть не стала «душеприказчиком революции» и не захотела придать реформаторскому процессу тот размах и глубину, которые могли бы предотвратить новые, еще более страшные потрясения. Еще менее способны были изменить свое естество революционные партии. В итоге призрак гражданской войны прочно поселился с тех пор на российских просторах и вновь властно заявил о себе в 1917 и последующие за ним годы.

Примечания

¹ См.: Ленин В.И. ПСС. Т. 11. С. 336–338; Т. 13. С. 371–372.

² Подсчитано по кн.: Сенчакова Л.Т. Боевая рать революции. М., 1975. С. 186–191.

³ См.: Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 180–181, 202–207 и др.

⁴ Зензинов В.М. Пережитое. Нью-Йорк, 1953. С. 256.

⁵ См.: Высший подъем революции. Ноябрь–декабрь 1905 г. М., 1955. Ч. 1. С. 53; Горин П.О. Очерки по истории Советов рабочих депутатов в 1905 г. 2-е изд. М., 1930. С. 36.

- 6 См.: Высший подъем революции. Ч. 1. С. 25–26.
- 7 См.: *Петров Ю.А., Калмыков С.В.* Сберегательное дело России. Вехи истории. М., 1995. С. 52. См. также: *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 1. С. 111–112; *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 516.
- 8 См.: *Троцкий Л.Д.* Моя жизнь. М., 1991. С. 185.
- 9 См.: *Герасимов А.В.* На лезвии с террористами. М., 1991. С. 47–49.
- 10 См.: *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 517–518.
- 11 См.: Высший подъем революции. Ч. 1. С. 147–150.
- 12 Там же. С. 440–442.
- 13 См.: *Сверчков Д.* На заре революции. М., 1921. С. 160–165.
- 14 См.: *Бондаревская Т.П.* Петербургский комитет РСДРП в революции 1905–1907 гг. Л., 1975. С. 141.
- 15 См.: Первая конференция военных и боевых организаций РСДРП. Ноябрь 1906 г. М., 1932. С. 59.
- 16 Высший подъем революции. Ч. 1. С. 453–454.
- 17 Северный голос. 1905. 8 декабря.
- 18 См.: *Engelstein L.* Moscow, 1905. Working Class Organisation and political Conflict. Stanford, 1982. P. 150; *Bonnell V.* Roots of Revolution: Workers' Politics and Organisations in St. Petersburg and Moscow. 1900–1914. Berkeley, 1983. P. 123.
- 19 См.: *Писарькова Л.Ф.* Московская дума в период революции (1905–1917) // Московский архив. М., 2000. С. 574–575.
- 20 См.: Высший подъем революции. Ч. 1. С. 623–624.
- 21 Там же. С. 613, 614.
- 22 См.: Там же. С. 646.
- 23 Вперед. 1905. 6 декабря.
- 24 Высший подъем революции. Ч. 1. С. 647.
- 25 1905 год в Москве. М., 1955. С. 148.
- 26 См.: Москва в декабре 1905 г. М., 1906. С. 7–8.
- 27 См.: *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 205–206.
- 28 См.: Высший подъем революции. Ч. 1. С. 648–650.
- 29 Там же. С. 648.
- 30 См.: Русское слово. 1905. 19 декабря.
- 31 См.: Право. 1905. 18 декабря.
- 32 Исторический архив. 2000. № 5. С. 164.
- 33 См.: *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 210.
- 34 См.: *Горький А.М.* Собр. соч. Т. 28. М., 1954. С. 399.
- 35 См.: *Джунковский В.Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 1. С. 114.
- 36 Высший подъем революции. Ч. 1. С. 667–671, 702.
- 37 К.Н.Л. Вооруженное восстание в Москве // Текущий момент. М., 1906. С. 7.
- 38 См.: *Джунковский В.Ф.* Указ. соч. Т. 1. С. 117.
- 39 *Горький А.М.* Собр. соч. Т. 28. С. 399–400.
- 40 См.: Известия Московского совета рабочих депутатов. 1905. 11 декабря.
- 41 Исторический архив. 2000. № 5. С. 168.
- 42 Новое время. 1905. 15 декабря.
- 43 См., например: *Ржанов И.* Декабрьские баррикады. М., 1909 и др.
- 44 См.: Высший подъем революции. Ч. 1. С. 707.
- 45 Там же. С. 666.
- 46 Москва в декабре 1905 г. М., 1906. С. 142.
- 47 Высший подъем революции. Ч. 1. С. 666.

- ⁴⁸ Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 118.
- ⁴⁹ Русское слово. 1905. 19 декабря.
- ⁵⁰ Высший подъем революции. Ч. 1. С. 677.
- ⁵¹ См.: Московский архив. Вторая половина XIX – начало XX в. М., 2000. С. 469.
- ⁵² См.: Высший подъем революции. Ч. 1. С. 581; *Витте С.Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 169.
- ⁵³ Московский архив. С. 460.
- ⁵⁴ Там же. С. 475, 480.
- ⁵⁵ См.: *Яковлев Н.Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 г. М., 1957. С. 117–118; Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1978. Т. 3. С. 63.
- ⁵⁶ На этой цифре настаивал Ленин (см.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 30. С. 324).
- ⁵⁷ См.: Пятый год. Сб. статей и воспоминаний. Свердловск, 1925. С. 184.
- ⁵⁸ Дневник императора Николая II. М., 1991. С. 292.
- ⁵⁹ *Горький А.М.* Собр. соч. Т. 28. С. 399–401.
- ⁶⁰ См.: Московский архив. С. 119–120.
- ⁶¹ См.: Русское слово. 1905. 19 декабря.
- ⁶² Высший подъем революции. Ч. 1. С. 676–677.
- ⁶³ См.: *Герасимов А.В.* Указ. соч. С. 51; *Савинков Б.В.* Воспоминания. М., 1990. С. 199–200.
- ⁶⁴ См.: *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 519. Характерно, что заслуги Дубасова в деле подавления Московского восстания были вознаграждены довольно скупо (он стал членом Государственного совета). В апреле 1906 г. на него было совершено покушение, в результате которого московский генерал-губернатор получил ранение, а 5 июня 1906 г. он был уволен от должности и переехал в Петербург. Здесь на Дубасова снова было совершено покушение: сам он отделался контузией, а два покушавшихся на его жизнь рабочих были казнены.
- ⁶⁵ См.: Совет министров Российской империи. 1905–1906. Л., 1990. С. 101–102; ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXV. № 27029.
- ⁶⁶ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 153.
- ⁶⁷ Дневник императора Николая II. С. 293; Высший подъем революции. Ч. 1. С. 677.
- ⁶⁸ См.: Московский архив. С. 469.
- ⁶⁹ Из истории московского вооруженного восстания 1905 года. М., 1930. С. 92.
- ⁷⁰ См.: Пятый год. С. 266–267.
- ⁷¹ Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 128.
- ⁷² Письма славы и бессмертия. М., 1987. С. 27.
- ⁷³ Джунковский В.Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 129.
- ⁷⁴ 1905 год в Москве. М., 1955. С. 213.
- ⁷⁵ См.: Москва в декабре 1905 г. С. 143, 147; *Гарви П.А.* Воспоминания социал-демократа. Нью-Йорк, 1946. С. 654–657.
- ⁷⁶ Высший подъем революции. Ч. 1. С. 688–689.
- ⁷⁷ Там же. С. 712–715.
- ⁷⁸ Там же. С. 689.
- ⁷⁹ Русские ведомости. 1905. 21 декабря.
- ⁸⁰ Московский архив. С. 470.
- ⁸¹ Русское слово. 1905. 22 декабря.
- ⁸² См.: *Гарви П.А.* Указ. соч. С. 639–645.

- 83 См.: Московский архив. С. 463.
- 84 См.: Русское слово. 1905. 19 декабря.
- 85 См.: Россия в начале XX века. М., 2002. С. 389.
- 86 См.: Русское слово. 1905. 25 декабря.
- 87 Русские ведомости. 1905. 5 января.
- 88 См.: Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг. С. 95, 184, 200.
- 89 Высший подъем революции. Ч. 2. С. 483.
- 90 Там же. С. 457.
- 91 Там же. С. 482.
- 92 См.: Хроника революционного рабочего движения на Украине (1900–1917). Справочник. Киев, 1987. С. 147.
- 93 Там же. С. 152.
- 94 Цит. по кн.: Генеральная репетиция Великого Октября. М., 1985. С. 403–404.
- 95 Подробнее о нем см.: *Лейберов И.П.* В последние годы... СПб., 2003. С. 19–41.
- 96 См.: Революция 1905–1907 гг. в России. М., 1975. С. 272.
- 97 Старосельский получил отставку 15 января 1906 г. В дальнейшем он жил в Петербурге и других городах России, окончательно связал в 1907 г. свою судьбу с большевиками, присутствовал на V съезде РСДРП, встречался с Лениным. В 1908 г. эмигрировал во Францию. Умер в 1916 г. в Париже.
- 98 Высший подъем революции. Ч. 4. С. 404–405.
- 99 Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л., 1984. С. 267.
- 100 Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. М., 1949. С. 283–284.
- 101 Цит. по: Кризис самодержавия в России. 1895–1919. С. 266.
- 102 Там же. С. 268.
- 103 Красный архив. 1926. Т. VI (XIX). С. 94.
- 104 Речь. 1906. 12 марта.
- 105 *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 397.
- 106 Красный архив. 1931. Т. 2. С. 105.
- 107 *Ленин В.И.* ПСС. Т. 19. С. 368.
- 108 См.: Там же. Т. 47. С. 100.
- 109 Там же. Т. 19. С. 214.
- 110 Там же. Т. 12. С. 226–227.
- 111 См.: *Плеханов Г.В.* Соч. Т. XV. С. 12.
- 112 См.: Москва в декабре 1905 г. С. 242–246. Ср.: *Струве П.Б.* Два забастовочных комитета // Полярная звезда. 1905. 30 декабря. № 3.
- 113 *Мартов Ю.О.* Избранное. М., 2000. С. 162.
- 114 См.: Общественное движение в России в начале XX века. СПб., 1909. Т. II. Ч. 2. С. 235.
- 115 Подробнее см.: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 3. М., 1978. С. 127–128; Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг. С. 230–231.
- 116 См.: *Милюков П.Н.* Год борьбы. СПб., 1907. С. 176–178.
- 117 См.: *Engelstein L.* Op. cit. P. 135, 137, 166.
- 118 О.В. Волобуев в книге «Драма российской истории: большевики и революция» (М., Международный фонд «Демократия». 2002) прямо пишет, что в оценках декабрьских событий 1905 г. прав был не Ленин, а Плеханов. «В сущности, Московское восстание было революционной авантюрой, инспирированной Советом рабочих депутатов под влиянием большевиков и эсеров» (С. 64).

В ряде учебных пособий для средней и высшей школы проводится мысль о том, что декабрьские восстания были бесполезны для народа и, наоборот, дали правительству возможность, «поиграв мускулами», упрочить свои позиции. С другой стороны, воочию увидев ужасы гражданской войны, от революции и освободительного движения отошли многие их сторонники. Революция, говорится в книге «История России. XX век» (М., 1996), «показала всю мерзость кровавого социального конфликта, когда во имя политических целей убивали и калечили людей, часто ни в чем не замешанных; она показала весь ужас русского бунта, которому со времен Александра Пушкина предсказывали быть “бессмысленным и беспощадным”».

¹¹⁹ В то время как советская историография старательно обходила этот вопрос, западные ученые и в период «холодной войны», и позже, когда российские историки во многом пошли навстречу их концепциям, неизменно подчеркивали ошибки и просчеты революционеров. Так, об этом пишет, в частности, автор одной из самых объективных западных работ о революции 1905–1907 гг. американский профессор А. Ашер (см.: *Ascher A. The Revolution of 1905. Russia in Disarray. Stanford, 1988. P. 322–323*).

¹²⁰ *Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 234.*

Глава 7

ОТ САМОДЕРЖАВИЯ К ДУМСКОЙ МОНАРХИИ

«Однородное правительство» С.Ю. Витте, революция и «конституционные» реформы

Декабрьская победа правительственных сил, положившая начало периоду отступления революции, не прервала, однако, тот сложный и так и оставшийся незавершенным процесс трансформации самодержавного строя, который начался после 17 октября 1905 г. И дело здесь было не только в «царском слове», данном в знаменитом манифесте, но и в том, что эти преобразования уже не зависели от той или иной политической конъюнктуры, да и продолжавшаяся революция все еще держала власть в напряжении. Поэтому мы должны будем вернуться несколько назад и рассмотреть весь период становления так называемой думской монархии, которое, как известно, началось после издания манифеста 17 октября и оказалось тесно связанным с именем гр. С.Ю. Витте.

* * *

«Таким образом, я очутился во главе власти вопреки моему желанию...» — этот комментарий Витте по поводу назначения его председателем Совета министров, как и многое в его мемуарах, абсолютно не соответствовал действительности¹. На самом деле он страстно желал власти, однако оказался лишь во главе коллегиального органа, только в теории проводившего единый политический курс и безоговорочно подчинявшегося «премьеру» (этот термин с октября 1905 г. все быстрее входил в обиход). Конечно, новый Совет гораздо больше напоминал единое правительство, чем прежний совершенно бесправный Комитет министров, но и от западных «кабинетов» он отличался очень сильно и стилем взаимоотношений с верховной властью (а позже и с народным представительством), и самим механизмом своей работы.

Отсутствие солидарности в правительственных кругах было одной из наиболее острых для самодержавия проблем, возможные пути решения которой постоянно (особенно в кризисных условиях), но безуспешно обсуждались при всех последних царях. Суть этой

проблемы заключалась в том, что любой фактический, а не номинальный глава «единого» правительства не мог не монополизировать интерпретацию «самодержавной воли», а значит, превращался бы во временщика или диктатора. Наиболее важным институтом, гарантировавшим «полицентризм» в правительстве, являлись всеподданнейшие доклады отдельных министров, которые даже в большей степени, чем право их назначения, позволяли монарху реально контролировать администрацию. Конечно, существовали и неформальные, закулисные механизмы влияния, однако огромное их значение во многом поддерживалось именно отсутствием правительственного единства.

Вместе с тем вопрос о создании и функционировании «однородного правительства» являлся важнейшей частью комплекса проблем, ассоциировавшихся в умах современников с введением «конституционного устройства»², и, конечно, неслучайно обсуждение его активизировалось уже с принятием решения о созыве законосовещательной («булыгинской») думы. Тогда, в сентябре–октябре 1905 г., Витте, предвкушавший свою будущую роль главы правительства, настаивал на отмене министерских докладов и, не встретив в «верхах» поддержки, не постеснялся заявить: «Пишите, что хотите, я же знаю, как я поступлю в том случае, если на меня выпадет удовольствие быть председателем будущего Совета министров. У меня будут министры – мои люди, и их отдельных всеподданнейших докладов я не побоюсь»³.

Мог ли он всерьез рассчитывать на столь благоприятное для себя положение вещей? Едва ли. Во всяком случае, его действия в первые недели после 17 октября, в том числе переговоры с представителями «общественности», свидетельствовали о надеждах заручиться поддержкой будущего «народного представительства». Приглашая гр. И.И. Толстого занять должность министра просвещения, новый глава кабинета считал долгом предупредить его, что через 3–4 месяца, «с открытием Государственной думы мы все должны будем уйти и уступить место другим, если сама Дума не попросит кого-либо из нас остаться»⁴. Витте, имевший тогда очень слабое представление о настроениях в среде общественной оппозиции режиму, по словам одного из его сотрудников, «был убежден, что, дав России Думу, он вышиб из-под ног революции главную ее базу, так что отныне русская передовая интеллигенция будет поддерживать государственную власть и, в частности, его как премьера». А в результате он «получил вместо желаемого оперного апофеоза травлю и смуту со всех сторон»⁵.

От состава правительства зависела его работоспособность в критических условиях продолжающейся революции⁶. Пытаясь привлечь общественных деятелей, Витте, по собственному откровенному признанию, рассчитывал, что те «могут помочь своею репутаци-

ей успокоить общественное волнение»⁷. Однако представители бюро земских съездов (фактически – кадетов) Ф.Ф. Кокошкин, Ф.А. Головин и кн. Г.Е. Львов на единственной встрече с премьером от переговоров об участии в правительстве уклонились, продекларировав от имени либералов требования созыва Учредительного собрания, избранного по «четыреххвостке», политической амнистии и немедленной реализации положений манифеста 17 октября⁸. Контакты с более «умеренными» Д.Н. Шиповым, кн. Е.Н. Трубецким, М.А. Стаховичем и А.И. Гучковым продолжались гораздо дольше, причем «общественники» в итоге все-таки отказались занять предлагавшиеся им должности соответственно государственного контролера, министров народного просвещения, земледелия и торговли и промышленности. «Наше вступление в кабинет, – писал позже Шипов, – могло бы иметь значение в том случае, если бы одновременно с нами вошли представители большинства съездов земских и городских деятелей, объединившихся в партии народной свободы (кадетов. – *Авт.*), и если бы общественным представителям было предоставлено в кабинете достаточное число мест, обеспечивающее их влияние на государственное управление»⁹. Это вроде бы означало, что будущие октябристы (сама партия была создана несколькими днями позже) отказываются от «сепаратного сговора» с властью. Пойти на такой сговор «умеренным» было тем сложнее, что кадетское руководство внимательно следило за ходом переговоров (Е.Н. Трубецкой был членом кадетской партии, и, судя по воспоминаниям Милюкова, совсем не прочь был стать министром)¹⁰. Модель «буржуазных» европейских революций середины XIX в., в ходе которых оппозиция пошла на компромисс с властью из опасения социального хаоса, разумеется, занимала не последнее место в сознании русских либералов (как впоследствии и либеральных историков). Однако выдвигавшиеся на переговорах каждой из сторон условия были абсолютно неприемлемы для другой. При этом и Витте, и либералы, видимо, действительно сделали максимум возможных для них тогда уступок, и дальнейшие шаги в этом направлении могли бы превратить их в политических банкротов. Желавших совершить подобное самоубийство, разумеется, не нашлось...

Неудача этих первых в российской истории переговоров об участии представителей либеральной оппозиции в правительстве впоследствии стала поводом для многочисленных спекуляций на тему «упущенного шанса» ее сотрудничества с властью. Известны ретроспективные сожаления об этом, например, В.А. Маклакова¹¹, по мнению которого, кадетской партии следовало бы стать тем, чем только и могла быть в крестьянской стране либеральная партия – организацией узкого слоя интеллектуальной элиты, постепенно и осторожно готовящей массы к восприятию либеральных идей. Революция же привела к совершенно обратному результату: «Попут-

ный политический ветер надул паруса партии, сделал ее «народной». Помню стремительное проникновение в нее таких элементов, которые не только программы ее понять не могли, но не умели произнести ее имени»¹². Таким образом, остаться либеральной партией могла, только расколовшись. Но ведь раскол, в благотворность которого хотелось верить Маклакову, в среде либеральной оппозиции к тому времени уже произошел. Однако даже представители меньшинства (октябристы) не сочли возможным войти в правительство, резонно полагая, что это лишь дискредитирует их в общественном мнении, а самому правительству при неясности его программы никакой помощи не окажет. Да и мыслимо ли было превращение кадетов в «умеренную» партию в условиях пика революции и мощного напора «снизу»?

Для Витте же принятие условий оппозиции означало бы признание полной неудачи ставки на «умиротворение» общества. Кроме того, премьер совсем не был готов возглавить правительство, хотя бы отчасти состоящее из общественных деятелей. Они бы полностью лишали его той свободы лавирования, на которой, как будет показано ниже, была построена вся деятельность Витте в качестве главы правительства. Да и по складу своего характера он не терпел возле себя какой-либо оппозиции, привык распоряжаться авторитарно, а из-за полного отсутствия светскости часто облекал свои мысли в нарочито грубую форму. Впоследствии, вспоминая о работе Совета министров под председательством Витте, гр. И.И. Толстой писал: «...Его тихий голос нередко переходил на настоящий крик, когда он вступал с кем-нибудь в спор; при этом он не задумывался над своими выражениями и слова вроде: “так могут думать только идиоты” или “это черт знает, на что похоже”, “я в таком случае все брошу к черту”, “я попрошу Вас молчать и слушать, когда я говорю” и т.п. были не редкостью»¹³. Можно поэтому согласиться с мнением В.И. Гурко, утверждавшего, что «если Витте охотно шел на всякие заигрывания и даже уступки общественности... то поступиться в ее пользу малейшей долей своей власти он вовсе не намеревался»¹⁴.

Впрочем, для премьера, конечно, был важен не итог переговоров, а сам их факт как доказательство желания сотрудничать с обществом (сведения о контактах с либералами по его инициативе предавались огласке). И когда в конце октября в частной беседе с П.Н. Милюковым премьер услышал от того совет сформировать «деловой» кабинет из представителей либеральной бюрократии, он, вспоминая лидер кадетов, «сразу преобразился: вскочил с места, протянул мне свою неуклюжую руку и, потрясая мою, ему протянутую с некоторым недоумением, громко воскликнул: “Вот наконец я слышу первое здоровое слово. Я так и решил сделать”». Разговор с Милюковым выявил и одну из наиболее болезненных для

Витте тем: о смысле тех изменений, которые внес в государственный строй России манифест 17 октября. Милоков заявил, что если правительство решило двигаться по конституционному пути, то оно «лучше всего поступило бы, если бы прямо и открыто сказало это – и немедленно октроировало (даровало. – *Авт.*) бы хартию, достаточно либеральную, чтобы удовлетворить широкие круги общества». Витте вынужден был признать, что камень преткновения – в позиции Николая II, не желающего конституции¹⁵. Впоследствии премьер приложит немало усилий, чтобы дезавуировать в глазах императора конституционный смысл манифеста. Делать это ему было тем легче, что смысл самого слова «конституция» был весьма неопределенным и суть ее понималась в «верхах» и в обществе далеко не однозначно.

Неудача переговоров с оппозицией затянула формирование правительства, но в то же время вроде бы давала его главе значительную свободу в подборе сотрудников. На деле же сложившийся состав кабинета оказался совсем не однородным. По мнению прекрасно осведомленного В.И. Гурко (в то время – заведующего Земским отделом МВД), «кабинет Витте разделился на три довольно резко очерченные части». Первую составляли «определенные клеветы Витте, не решавшиеся даже ему возражать» – министр финансов И.П. Шипов, главноуправляющий землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлер (бывшие сотрудники Витте по министерству финансов) и министр путей сообщения К.С. Немешаев. Вторую – министры, «стребившиеся выказать свою самостоятельность», но «в конечном счете все же неизменно примыкавшие к мнению Витте». Это были министр народного просвещения И.И. Толстой, министр промышленности и торговли В.И. Тимирязев, государственный контролер Д.А. Философов и «бесцветный» министр иностранных дел гр. В.Н. Ламздорф, внутренней политикой не интересовавшийся. Третью группу составляли министры, от председателя совершенно не зависевшие – военный (А.Ф. Редигер), морской (А.А. Бирилев) и императорского двора (гр. В.Б. Фредерикс). Очень близкий к Витте обер-прокурор св. Синода кн. А.Д. Оболенский влиянием не пользовался¹⁶.

Совершенно особую позицию в правительстве занимал П.Н. Дурново. Назначенный на должность управляющего Министерством внутренних дел по настоянию Витте и несмотря на отрицательное мнение Николая II, он оказался в оппозиции главе правительства, которая становилась все более явной по мере того, как успехи в борьбе со «смутой» резко поднимали авторитет Дурново в глазах императора. Общественное мнение очень скоро стало воспринимать главу МВД как некоего антипода Витте (так что правительство по европейской моде часто именовалось «кабинет Витте – Дурново»). В декабре, скорее всего, по инициативе Дурново казавший-

ся нерешительным министр юстиции С.С. Манухин был заменен родственником министра внутренних дел М.Г. Акимовым. В итоге, как отмечал Гурко, оба министра «пользовались доверием государя в значительно большей степени, нежели сам председатель Совета, и посему при личных докладах Николаю II неизменно получали высочайшее одобрение своих действий и предположений...»¹⁷

Конечно, Витте в какой-то мере был заинтересован в подобном положении, позволявшем ему дистанцироваться от непопулярных репрессий (а это было важно не только для создания благоприятного общественного мнения, но и для обеспечения личной безопасности от террористов). Однако подобное «распределение ролей» все-таки не было лишь пропагандистским ходом. Витте и Дурново действительно стали своеобразными антиподами, и не только по противоположности политики, которую они проводили. По словам И.И. Толстого, уже в ноябре–декабре «Дурново возражал почти против каждого предложения Витте, как бы принципиально не одобряя всю конституционную затею...» С началом же нового года, когда на Дурново посыпались «высочайшие милости», он все резче спорил с премьером, подолгу не посещал заседаний Совета министров¹⁸.

Всячески демонстрируемая Дурново последовательность его политической линии очень резко контрастировала с очевидной неопределенностью курса премьера. «Несчастнее и растерянее, как в эти дни Вашего премьерства, я никогда Вас не видел, – утверждал в своем изданном уже в эмиграции памфлете некогда очень близкий к Витте журналист И.И. Колышко. – В пышных покоях Зимнего дворца, окруженный полицией и жандармами, всемогущий и бесильный, заземленный между самодержавием и революцией, между Хрустальевым-Носарем и Дурново, вы барахтались...»¹⁹ О том же писал Гурко: «Да, в ноябрьские и декабрьские дни 1905 г. Витте предстал перед лицами, даже близко его знавшими, в новом свете. Куда девалась его самоуверенность, неограниченная смелость и ни перед чем не останавливающийся натиск. Как в беседах со своими сотрудниками, так даже и в заседаниях Совета министров... Витте обнаруживал не только отсутствие вперед продуманной и твердо принятой линии действия, но и полную растерянность»²⁰. Даже в стане оппозиции поведение премьера вызывало удивление²¹.

Что же произошло с человеком, казалось, долгие годы внутренне готовившимся к исполнению роли если не «спасителя отечества», то, по крайней мере, полновластного главы правительства? Стал ли он заложником непреодолимых обстоятельств или всего лишь оказался в решающий момент не на высоте вдруг вставших в полный рост принципиально новых, немыслимых ранее проблем? Самый, наверное, противоречивый политик последних десятилетий Российской империи, Витте не был ни великим государственным деятелем, способным за многочисленными частностями постоянно

видеть главное, ни гениальным тактиком, воспринимающим действительность как шахматную доску. Для этого он всегда был слишком страстен и эгоцентричен, обладая удивительной способностью замыкать любую ситуацию на себе самом. Этот «солипсизм» Витте, хорошо знакомый любому читателю его мемуаров, в «нормальных» условиях скорее помогал ему добиваться желаемого, обескураживая противников напором и самоуверенностью, непривычными для жившей по жестким и достаточно формальным законам правящей элиты. Но в критических условиях революции он столкнулся не с обычными бюрократическими баталиями, а с силами и задачами совершенно иного масштаба. Окружающий мир отказывался играть по прежним правилам, проявляя полное безразличие к желаниям премьера, а тот был уже недостаточно гибок, чтобы усваивать новые уроки с былой легкостью.

Безусловно, премьер был лишен какой-либо внешней точки опоры: революционные и монархические силы были ему враждебны, либералы (в том числе «умеренные») всячески демонстрировали недоверие, император едва скрывал свою антипатию. Не было и отчетливой программы действий, которая позволяла бы Витте надеяться на поддержку с чьей-либо стороны или даже просто «идти напролом» в том или ином направлении. Он явно растерялся и, раздражаясь, часто обвинял в непоследовательности Николая II, прислушивающегося не к нему, Витте, а к разнообразным интриганам. При этом оказывалось, что он – конституционалист не менее последовательный, чем многие кадеты. Своему противнику В.Н. Коковцову он не побоялся даже заявить в начале января 1906 г., что «вообще не видит никакого просвета и смотрит на вещи самым безнадежным образом, не чувствуя доверия к себе государя и не видя его готовности идти дальше по пути реформ и введения у нас настоящей, а не “детской”... конституции, с уступкой народному представительству большей части своих прав»²².

При этом Витте отнюдь не был бездеятелен, как, скажем, сменивший его И.Л. Горемыкин. Правительственная активность была очень высокой, а премьер, по словам И.И. Тхоржевского, «упрям, как вол и гигант, работал всю зиму 1905–1906 годов». Тхоржевский, который был одним из шести чиновников, поочередно при нем дежуривших, вспоминал, что «больше одного дня в неделю нельзя было физически выдержать этой работы, так ее было много!»²³ Однако при оценках Витте как премьера его работоспособность в расчет принималась мало.

В ноябре 1905 г. с подачи «Нового времени» по столице гуляла злая шутка: в Петербурге существуют два правительства – графа Витте и Хрусталева-Носаря (Совет рабочих депутатов), причем неизвестно, кто кого арестует. В «Воспоминаниях» Витте безапелляционно приписал заслугу ареста Совета себе²⁴. По свидетельству же

Гурко, премьер узнал об этом событии по телефону во время заседания правительства. «С буквально белым лицом и с прерывающимся от дрожи голосом он в величайшем волнении сказал: “Все погибло. Дурново арестовал Совет рабочих депутатов”. Слова эти произвели впечатление разорвавшейся бомбы...»²⁵ Премьер не мог взять нужную «ноту» ни имея дело с возбужденными массами, ни при общении с тонко чувствовавшим фальшь императором. Знаменитое послание Витте 3 ноября к бастовавшим рабочим Петербурга начиналось с обращения «братцы рабочие». «Эти “братцы” были одною из политических безвкусиц, губивших и погубивших Витте», – считал Тхоржевский²⁶. Всеподданнейшие доклады премьера декабря – января и телеграммы на места, на которые он неоднократно ссылался в этих докладах, были полны весьма решительных выражений: «нужно разделиться с остзейскими губерниями»; «с кровожадными мятежниками расправляться самым беспощадным образом» и т.п.²⁷. Однако на императора такие эскапады производили впечатление, обратное ожидавшемуся. 25 января он сообщал матери, что «Витте после московских событий (декабрьского восстания. – Авт.) резко изменился. Теперь он хочет всех вешать и расстреливать. Это настоящий хамелеон...»²⁸. Идеологические маневры премьера зафиксировали многие достаточно осведомленные наблюдатели. Так, по словам А.В. Богданович, «Витте за последнее время тянет все правее и правее в убеждениях, которых у него нет, и поэтому выходит, что “правая” в недоумении – его туманных мнений не может понять, ему не верит»²⁹.

Стремясь предстать в Царском Селе в роли «усмирителя», премьер не отказывался от контактов с «умеренными», причем и здесь проявилась его склонность к не слишком замаскированной двойной игре. В числе мероприятий, имевших не текущий, а «органический» характер, на первом месте оказался вопрос об изменении Положения о выборах в Государственную думу, обсуждавшийся в Совете министров в течение нескольких дней с 19 ноября 1905 г. К этим заседаниям было подготовлено сразу три проекта избирательного закона, причем один из них по инициативе Витте разрабатывался либеральными общественными деятелями (Д.Н. Шиповым, С.А. Муромцевым и другими) и предполагал введение всеобщего избирательного права (для мужчин старше 25 лет) при двухстепенных выборах в деревне и прямых в городе. Суть двух других проектов заключалась в изменении трехкуриальной системы, установленной Положением 6 августа, в соответствии с буквой манифеста 17 октября, то есть в предоставлении избирательных прав некоторым социальным группам, которые были их лишены. Особенно сложным оказался вопрос, каким образом включить в выборную систему рабочих, признававшихся наиболее опасным классом населения. Каждый из возможных путей – выделение рабочих в отдельную группу

избирателей (вплоть до закрепления за ними определенного числа мест в Думе) или включение их представителей в число городских выборщиков – казался по-своему опасным³⁰.

Во время предварительных бесед с Витте, к немалому удивлению Шипова, оказалось, что премьер не имеет ни малейшего представления о сути предлагавшейся москвичами пропорциональной системы, и, несмотря на пояснения, она была им отвергнута. Тем не менее Витте заявил, что сочувствует идее всеобщего голосования, а ознакомившись с составленной канцелярией Совета министров справкой, где излагались преимущества и недостатки предложенных проектов, «общественники» не могли не прийти к выводу, что он распорядился акцентировать преимущества их точки зрения. Впрочем, в беседе с Шиповым Крыжановский выразил сомнение в искренности главы правительства. И действительно, на заседании Совета тот поразил Шипова и его товарищей (участвовали 7 общественных деятелей) выступлением против всеобщего голосования, во время которого Крыжановский неоднократно обращался к Шипову с улыбкой³¹. На стороне же москвичей оказались Н.Н. Кутлер, К.С. Немешаев и Д.А. Философов. Последний, доказывая укорененность идеи равенства в душе русского крестьянина, как вспоминал Крыжановский, «ссылался на пример недавних перед тем погромов, где крестьяне, деля между собою увезенное из разграбленной усадьбы имущество, разрубили фортепиано, находя несправедливым отдать его кому-либо целиком, и разобрали по частям»³². По словам Гурко, слыша такую аргументацию от хорошо знакомого коллеги, он «просто не верил своим ушам»³³. Конечно, Философов едва ли мог считать подобный довод основательным. Характерно, однако, что он счел уместной эту доведенную до абсурда апелляцию к традиционным идеологическим представлениям о патриархальной простоте (а значит, природном консерватизме) крестьянства. К такой же уловке чуть позже с подачи Витте должны были прибегнуть и «общественники».

После Совета министров новый избирательный закон обсуждался в особом совещании под председательством царя 5, 7 и 11 декабря («первое царское сельское совещание»). На первое заседание как представители «общества» были приглашены Д.Н. Шипов, А.И. Гучков, П.Л. Корф (все трое принадлежали к числу основателей «Союза 17 октября») и В.А. Бобринский (последние двое – как предполагаемые противники всеобщего голосования). Аргументация Шипова и Гучкова, по сути, сводилась к тому, что именно всеобщее голосование не только успокоит страну, но и обеспечит консервативный состав Думы. Отдельное же представительство рабочих явится, по словам Гучкова, «организованным стачечным союзом». При этом «вовсе не следует бояться народных масс» (т.е. крестьян). К этому мнению присоединился Корф, по словам которого, «созыв Государ-

ственной думы – это конец революции»³⁴. Уповать на консерватизм крестьянства в условиях массовых аграрных волнений позволяла настойчиво проводимая Шиповым мысль о том, что оно «будет очень радикально в земельном деле и, наоборот, очень консервативно в вопросах политических»³⁵. Более того, якобы к землевладельцам лично «крестьяне никакой вражды не питают»³⁶.

В перерыве Витте и Крыжановский поздравили Шипова с успехом. Общественные деятели удалились, мнения же сановников кардинально разошлись. Н.С. Таганцев, А.А. Сабуров, А.С. Стишинский, П.Н. Дурново и Д.Ф. Трепов были против всеобщих выборов, В.И. Тимирязев, В. И. Верховский, Д. А. Философов – за, причем последний вновь эксплуатировал в либеральных целях охранительные догмы: «В основании всеобщей избирательной системы лежат те же принципы, которые соответствуют всему мирозерцанию русского народа: перед Богом и царем все равны. Мы не можем идти по тому пути, по которому шли западноевропейские народы, как, например, Англия, где существовал феодализм»³⁷. Позиция премьера была трудноуловима. Подтекст его многочисленных выступлений верно резюмировал Крыжановский: «Самое удивительное в совещании было поведение графа Витте. Его нерешительный характер и колебания и явная боязнь принимать на себя ответственность выявились здесь в полной мере. Впечатление от его бесконечных речей было таково, что он во всех спорных случаях как бы стремился переложить ответственность на государя, словно желая иметь возможность потом говорить: “Вот, я говорил, вот, я указывал, а он решил по-своему”»³⁸. При этом после первого же заседания Витте, судя по его собственным воспоминаниям, в первый и последний раз в жизни решил воспользоваться влиянием императрицы, «высказав, что государь сделает ошибку, согласившись на крайний проект» (т.е. на всеобщее голосование)³⁹. В конце концов Николай II заявил, что он колебался, но теперь «чутье ему подсказывает», что «идти слишком большими шагами нельзя. Сегодня – всеобщее голосование, а там недалеко и до демократической республики. Это было бы бессмысленно и преступно»⁴⁰.

По принятым в итоге поправкам к избирательному закону, в дополнение к крестьянской, землевладельческой и городской куриям создавалась рабочая. В избрании выборщиков участвовали рабочие промышленных предприятий с общим числом занятых не менее 50 человек. Уполномоченные от предприятий образовывали губернский (или городской) съезд, который по специальным нормам избирал выборщиков на губернское (городское) избирательное собрание, где они присоединялись к выборщикам от других курий. Существенно расширялась городская курия за счет нанимателей квартир, служащих государственных, земских, сословных учреждений (им для участия в выборах достаточно было получать жалованье или

пенсию), мелких собственников. В землевладельческой курии избирательные права получили управляющие и арендаторы имений, соответствующих цензу⁴¹. Казалось бы, принятие этого более умеренного по сравнению с всеобщим голосованием, варианта должно было удовлетворить императора. Однако уже в начале января 1906 г. он явно склонялся к тому, чтобы записать новый закон в «пассив» правительству Витте. В беседе с вернувшимся из Парижа В.Н. Ковцовым, пожаловавшись ему на то, что правительство «шатается из стороны в сторону», Николай II заявил: «Вот Вас здесь не было всего две с небольшим недели, а сколько за это время сделано невероятных по своим последствиям шагов. Переделан избирательный закон в таком смысле, что меня пугают самыми тяжелыми последствиями в смысле будущего состава Государственной думы...»⁴²

Одной из наиболее характерных черт нового закона, по верному замечанию американского историка А. Ашера, была его сложность. «Вчера я целый день пытался вникнуть в механизм выборов. У меня ничего не вышло, – писал находившийся в то время в Москве Морис Беринг 3 марта 1906 г. – Я спросил у одного русского, сколько стадий [ступеней] в голосовании. Он сказал четыре. Я спросил другого; он сказал три. Я спросил третьего; он ответил – две». Все трое были правы⁴³.

В литературе принято приводить данные о пропорциях представительства выборщиков по куриям, в соответствии с которыми землевладельцы избирали 35% выборщиков, крестьяне – 42, горожане – 22, а рабочие – 3%⁴⁴. Такой подсчет дает лишь очень схематичное представление о реальном соотношении сил на выборах. В действительности сложность избирательной процедуры, низкий уровень политической культуры большинства избирателей, царившее во время выборов возбуждение и целый ряд других факторов сильно затрудняли возможность предсказать исход голосования. Свою роль сыграла и мажоритарная система, находившаяся в серьезном противоречии с пропорциональным принципом формирования собрания выборщиков и гарантировавшая существенные перекосы в итогах голосования. В случае если абсолютное большинство выборщиков оказывалось представителями одной партии, результат был предreshен. При ином раскладе он определялся многими, порой достаточно случайными обстоятельствами. До завершения голосования выборщики не могли покинуть помещения, в котором оно проводилось, и утомление от многочасовой процедуры иногда приводило к тому, что компромиссными, «проходными» оказывались совершенно неожиданные кандидатуры⁴⁵.

Ретроспективные оценки выборной системы по закону 11 декабря, кому бы они ни принадлежали, конечно, исходили из того, что ее применение дало достаточно радикальный состав I и II Государственных дум. Много лет спустя Милюков сделал в воспоминаниях

достаточно парадоксальный вывод, что именно сложность системы стала важным фактором успеха оппозиционных партий. «Витте потерял шанс использовать выборы для всенародного плебисцита в пользу самодержавия, – уверял он. – Избиратель получал время оправиться от испуга реакции, собраться, столковаться – два, три, четыре раза перед последним “ящиком”»⁴⁶. Лидер кадетов имел в виду плебисциты времен правления Наполеона III, в ходе которых французский народ (в большинстве своем, как и в России – крестьяне) неизменно выражал поддержку своему императору. Фактически той же точки зрения придерживались те, кто (как, например, Шипов), защищая всеобщее голосование, уповал на консерватизм крестьянства. Однако в условиях продолжающейся революции такие расчеты выглядели по меньшей мере рискованно.

В одной из своих речей на первом царскосельском совещании Витте выделил в качестве одной из «исходных точек» обсуждавшихся преобразований необходимость поставить между Думой и императором Государственный совет. К тому времени дискуссии о превращении Госсовета в «верхнюю палату» имели достаточно длительную историю. Эта тема обсуждалась в Совете министров и на петергофских совещаниях летом 1905 г., на совещаниях на квартире Д.М. Сольского в октябре⁴⁷. Автором одного из обсуждавшихся проектов стал все тот же Крыжановский, «маг и волшебник конституционного права», как иронично называл его Милюков. Свою роль «регулятора» по отношению к Думе Совет может выполнить в том случае, считал он, если в нем будут доминировать силы, консервативные вследствие не «случайностей личных воззрений», а «более мощных движущих причин», под которыми подразумевались в первую очередь «крупные материальные интересы». При условии равенства выборной и назначаемой частей Совет должен обладать достаточной легитимностью в глазах общества и монарх получит возможность противопоставлять мнению Думы не свое собственное (или, что почти то же самое, правительственное), а другое, вроде бы тоже имеющее общественную санкцию. В итоге неудовольствие «будет направлено прямо и непосредственно против Совета, а не против верховной власти»⁴⁸.

Уже 28 октября для разработки реформы по инициативе Витте было создано Особое совещание под председательством Сольского, работа которого продолжалась до 19 января 1906 г. Затем 14 и 16 февраля разработанный проект подвергся обсуждению в совещании под председательством царя («второе царскосельское совещание»). Наибольшие споры в обоих совещаниях вызвали два ключевых вопроса: соотношение выборного и назначаемого элемента и прав Думы и Совета. Озвученное в Царском Селе предложение консерваторов (А.С. Стишинского, П.Н. Дурново, К.И. Палена, А.П. Игнатьева) сделать прерогативой монарха определение коли-

чества выборных и назначаемых членов было признано излишним.

В совещании Сольского Н.Н. Кутлер и А.Д. Оболенский высказались за то, чтобы предоставить Совету право не абсолютного, а лишь суспензивного вето, для преодоления которого требовалось бы квалифицированное большинство ($2/3$) Думы. Это предложение мотивировалось тем, что при разном составе «палат» законодательная власть рискует быть полностью парализованной, если Совет будет систематически отклонять принятые Думой законы. Противники же такой системы взаимоотношений двух законодательных органов видели в ней опасность не только умаления значения Совета, но и того, что она поставит монарха в невыгодную для него роль арбитра между «демократической» и «аристократической» палатами. К традиционалистским идеологическим ценностям опять активно апеллировал Витте, причем для защиты предложения, вроде бы имевшего, скорее, либеральный смысл. Говоря о Думе, он в очередной раз заявил, что «рассматриваемое преобразование еще не составляет конституции», а на следующий день, вернувшись к мысли о суспензивном вето, выразил опасение, как бы Совет не стал «средостением» между царем и крестьянами: «Они и смотрят на Думу так – найдем через нее доступ к царю, найдем расправу... Скажут, думали, что будет доступ, а между тем чиновники отдалили нас от государя». Коковцов сказал, что предлагаемый премьером путь «знаменует переход к одной палате», и услышал от Витте: «Я смотрю так, что Владимир Николаевич желает конституционный порядок управления, а я считаю, что этого нельзя». Тут не выдержал престарелый гр. К.И. Пален, еще при Александре II бывший министром юстиции: «Что такое конституция? Граф Витте сказал, что в манифесте 17 октября никакой конституции не содержится. Не подлежит, однако, сомнению, что Россия будет управляться по конституционному образцу...» «Ни один факультет университета не определяет конституции, как граф Пален, – ответил Витте. – Прежде всего у нас нет присяги на верность устанавливаемому строю. Государь император вводит этот строй по собственной инициативе. Какая же это конституция? ...Напрасно относиться с пренебрежением к психологии общества, а особенно крестьян, где психология все – царь и Бог!» Виттевскую трактовку конституции тут же опровергли Ф.Г. Тернер и Н.С. Таганцев, а в перерыве Пален, предупредив императора об опасности предложения Витте, добавил: «А говорить, что вы не дали конституции, значит куртизанить»⁴⁹.

Позиция Витте, со свойственной ему прямолинейностью стремившегося обелить себя в глазах царя, не вызывает удивления. Вместе с тем этот спор не был лишь терминологической эквилибристикой. Речь шла о различных идеологических парадигмах, и неслучайно точка зрения Витте, пытавшегося эксплуатировать ту из них, сторонником которой был сам император, неминуемо приводила его к

оперированию понятиями из традиционалистского арсенала. Вспомним, с какой настойчивостью доказывал необходимость для власти *признать* конституционный характер перемен в государственном строе, *произнести* само слово «конституция» Милюков в разговоре с премьером. «Меня очень упрекали мои критики, – вспоминал об этой беседе лидер кадетов, – что я так цеплялся за «слово», когда «содержание» его было уже уступлено. Но в том-то и дело, что уступлено оно не было и что самое сокрытие «слова» это доказывало...»⁵⁰ «Вопрос о словах» представлялся, как будет показано ниже, чрезвычайно важным не только ему, но и Николаю II.

Возвращаясь к Государственному совету, стоит отметить, что не было принято ни одно из сделанных Витте в Царском Селе предложений (он также поразил всех выступлением против публичности заседаний «палат», ссылаясь на то, что невежественные посетители будут бросать в министров «мочеными яблоками да ревущими кошками»⁵¹). По закону 20 февраля 1906 г. совет получил равные с Думой права, в том числе право законодательной инициативы и запроса министрам. В число выборных его членов должны были войти 34 представителя губернских земских собраний, 22 члена от съездов землевладельцев (в губерниях, где не было земств), 6 – от Православной церкви, 18 – от дворянских обществ, 6 – от Академии наук и университетов, по 6 – от торговых и промышленных организаций⁵². Как и предвидели сановники, реформа Госсовета, ограничивавшая права Думы, была воспринята в либеральном обществе негативно, а требование упразднения этого органа вошло в «стандартный набор» требований левой оппозиции. Консервативный смысл создания «верхней палаты» несомненен. Однако согласиться с той точкой зрения, что это была контрреформа⁵³, вряд ли можно уже потому, что задумывалась и обсуждалась она параллельно с разработкой законов о Думе, да и вопрос о ее противоречии манифесту 17 октября совсем не так однозначен, как полагали многие оппозиционеры. С юридической точки зрения, скорее, можно назвать его вопросом о различных толкованиях этого акта⁵⁴.

Последней из «органических» мер, разработанных в преддверии созыва Думы, стало принятие новых Основных законов Российской империи, которые должны были быть исключены из ведения народного представительства. Возможно, Витте не прочь был и здесь использовать тот же маневр, что при обсуждении вопроса о выборной системе. Во всяком случае, еще ночью 23 октября пришедшим к нему по поводу демонстрации у Технологического института известным юристам и кадетам И.В. Гессену и Л.И. Петражицкому он совершенно неожиданно, как бы экспромтом, предложил составить проект Основных законов⁵⁵. Несложно догадаться, какая судьба ожидала бы это произведение, если бы оно было создано. Однако непосредственно к обсуждению этого вопроса правительство при-

ступило только в конце февраля 1906 г., когда ситуация сильно изменилась и премьер был озабочен главным образом демонстрацией собственной лояльности.

По-видимому, еще в январе он получил копию проекта Основных законов, составленного в государственной канцелярии под руководством государственного секретаря Ю.А. Иксуля фон Гинденбандта и его помощника П.А. Харитонов. Вскоре после этого он поручил скорректировать этот проект молодому чиновнику И.И. Тхоржевскому «как человеку, готовившемуся к кафедре государственного права и имевшему в своей домашней библиотеке французские тексты всех конституций мира». От себя премьер добавил: «Пусть он возьмет побольше из японской конституции, там права микадо наиболее широкие. И у нас должно быть так же»⁵⁶. В марте проект обсуждался в Совете министров. Претензии Витте вызывало прежде всего отсутствие четкого разграничения закона и постановления (указа), изданного верховной властью в порядке управления (т.е. без санкции Думы), что, по его мнению, ограничивало возможности императора. По инициативе премьера в проект было также внесено положение о праве императора «издавать указы, направленные к ограждению государственной и общественной безопасности и порядка и обеспечения народного благосостояния». Столь широкая и неопределенная формулировка, конечно, открывала перед верховной властью массу возможностей. Большинство Совета министров во главе с Витте высказалось также за отмену несменяемости судей и исключительную ответственность министров перед царем. Были оговорены prerogatives царя по «высшему руководству» внешней политикой, армией и флотом, объявлению местностей на исключительном и военном положении и др.⁵⁷.

Во время обсуждения проекта на очередном совещании в Царском Селе, проходившем 7, 9, 11 и 12 апреля, одним из наиболее дискуссионных стал вопрос об определении императорской власти⁵⁸. Поднят он был появившимся на второй день работы совещания И.Л. Горемыкиным, представшем в качестве столпа «охранительства». Будущий преемник Витте выразил сомнение в самой необходимости нового издания Основных законов, поскольку изменение статьи об императорской власти «и ей подобных» «чревато событиями». С необычно для него длинной и очень эмоциональной речью по этому поводу выступил Николай II, заявивший, что в статье об императорской власти «заключается главнейший вопрос во всем этом деле». Рассказав о своих колебаниях и поддержке, которую он получает от «всякого сословия людей», император выразил свое кредо, способное поставить в тупик любого, кто попытался бы оценить его с точки зрения формальной логики: «Акт 17 октября дан мною вполне сознательно, и я твердо решил довести его до конца. Но я не убежден в необходимости при этом отречься от самодержавных

прав... Могут сказать, что это отступление от обещаний, данных 17 октября. Я это знаю и понимаю... Но надо уразуметь, с чьей стороны будет укор. Он, конечно, последует со стороны всего так называемого образованного элемента, пролетариев, третьего сословия. Но я уверен, что 80% русского народа будет со мною...»⁵⁹

Выступление Витте, по обыкновению, было крайне невнятным, зато несомненные консерваторы, Пален и Акимов, заявили, что они не сторонники манифеста 17 октября, но после его издания слово «неограниченный» по отношению к монарху употреблять уже нельзя. К ним присоединились все выступавшие, и в конце концов император вынужден был сдаться.

В воспоминаниях Витте описал процесс принятия Основных законов достаточно подробно. Тому были веские причины. Премьер преподносил себя как «оберегателя» одновременно и монарших прерогатив и преобразований, инициированных манифестом 17 октября. Логика его заключалась в том, что превращение Думы в Учредительное собрание, неизбежное, если отказаться от издания новых Основных законов или допустить в них серьезные пробелы, вынудило бы власть прибегнуть к силе и разрушило бы хрупкий новый строй⁶⁰. Об искренности этой ретроспективной оценки судить сложно.

В закулисных манипуляциях вокруг проекта Основных законов немалую роль играл дворцовый комендант Д.Ф. Трепов, ставший к тому времени одним из активнейших противников премьера. Именно он через бывшего товарища министра финансов В.И. Ковалевского передал проект законов группе либералов с просьбой высказать свои соображения. В обсуждении приняли участие Милюков, Гессен, Муромцев, Ф.А. Головин, Н.И. Лазаревский и М.М. Ковалевский⁶¹. Итогом его стала особая записка, переданная Трепову 18 апреля. В ней либералы вновь попытались эксплуатировать убеждения главного ее читателя (царя), сочетая консервативную аргументацию с реверансами в адрес монарха, «великих начал манифеста 17 октября» и инвективами по отношению к «произволу министров», усиление ответственности которых перед Думой было основным их предложением⁶². И хотя убедить царя этот маневр, конечно, не смог, в законе было учтено предложение ввести так называемый принцип контрассигнации, в соответствии с которым указы монарха должны скрепляться подписью главы правительства или министра, что, по идее, увеличивало их ответственность, снимая часть ее с императора (в последующем этот принцип неоднократно нарушался).

Утвержденные 23 апреля Основные законы состояли из пяти глав: о существовании верховной самодержавной власти; о правах и обязанностях российских подданных; о законах; о Государственном совете и Государственной думе и об образе их действий; о Совете мини-

стров, министрах и главноуправляющих отдельными частями. 82 статьи законов регламентировали основные черты нового государственного устройства, определяли суть власти самодержца, правительства, законодательных палат, а также тех прав подданных, которые были обещаны манифестом 17 октября 1905 г. Следует, правда, отметить, что эти права определялись весьма расплывчато и обставлялись многочисленными ограничениями. Так, в последней, 41-й статье главы второй без обвиняков говорилось: «Изъятия из действия изложенных в сей главе постановлений в отношении местностей, объявленных на военном положении или в положении исключительном, определены особыми законами». В целом же текст Основных законов представлял собой, скорее, самую общую, «рамочную» конструкцию, конкретный смысл которой должен был определяться даже не подзаконными актами, а еще не принятыми законами (наиболее часто встречающаяся в тексте фраза – «в порядке, законом определенном»). Эта постоянная оговорка исключала возможность понимать статьи Основных законов как нормы прямого действия и в результате выхолащивала сам их смысл.

Изданием Основных законов 24 апреля, т.е. всего за три дня до открытия Думы, формально завершился процесс реформирования государственного строя страны. С тех самых пор уже целый век не утихают споры о природе этого строя, в ходе которых высказывались самые разнообразные точки зрения. И хотя со страниц публицистических произведений и учебников государственного права они, казалось бы, окончательно перекочевали на страницы исторических трудов, идеологический их подтекст отнюдь не исчез и может быть прослежен без труда. Показательно в этом отношении, что до сих пор в исторической литературе можно встретить ссылки на мнения «дореволюционных государствоведов», большинство которых считало, что в 1906 г. Россия превратилась в конституционную монархию. При этом особо не акцентируется тот факт, что наиболее авторитетные из них (Н.И. Лазаревский, В.М. Гессен, С.А. Котляревский) были видными кадетами. Напротив, представители противоположного взгляда, также представленного в российской юридической науке (П.Е. Казанский, Н.А. Захаров), принадлежали к «правому лагерю». Для них был несомненен неотчуждаемый характер самодержавной власти, а вопрос о «конституционном» характере перемен оставался не более чем данью европейской традиции. Однако и для большинства кадетов конституционная природа нового строя была, скорее, неким недостижимым идеалом, находящимся в постоянном и разительном противоречии с действительностью.

Маклаков, в эмиграции обвинявший руководство партии в недальновидности, поскольку требования истинного либерализма оно систематически приносило в жертву тактике и революционной де-

магии, полагал, что если считать конституцию противоположностью абсолютизму, то «Основные законы 1906 г., несомненно, были конституцией. Их смысл не менялся от того, что их можно было иногда *нарушать*». Милюков же, по его мнению, «систематически и умышленно смешивал “конституцию” с “парламентаризмом”, хотя знал, что существуют “непарламентарные” конституции»⁶³. Маклаков имел в виду государственное устройство, ныне часто именуемое «дуалистической монархией», при котором народное представительство и монарх с подчиненным ему правительством составляют два «центра власти», находящихся в подвижном и неустойчивом равновесии. Важнейшей же чертой парламентарного строя считалось (и продолжает считаться) установление ответственности правительства перед народным представительством, в результате чего складывается положение, когда статус монарха лучше всего определяется известной формулой «царствует, но не правит». Отсутствие этой ответственности, как и ограниченность прав Думы в собственно законодательной сфере, и заставляли многих кадетов говорить о «лжеконституционном» характере российского государственного строя. Впрочем, давая ту или иную оценку установленному в 1906 г. строю, они действительно руководствовались потребностями момента. Когда нужно было подчеркнуть prerogatives Думы и тот факт, что монарх *уже* не всевластен, всячески акцентировалась идея *соблюдения* конституции; когда же речь заходила о необходимости «ограничить произвол», поддерживалась точка зрения, что «*настоящую*» конституцию еще только предстоит создать.

В редких же случаях, когда речь не шла о тактике, Милюков и его товарищи, по словам Т. Эммонса, «понимали, что шансы на конституционалистский исход из кризиса старого порядка не очень велики»⁶⁴. Не в этом ли сознании (может быть, не вполне четко артикулировавшемся) обреченности либеральной программы развития страны коренились слабость и противоречивость стратегии партии, вынуждавшие ее лидеров с головой погружаться в тактические маневры?

В отечественной историографии советского времени в определении государственного строя страны также существовали определенные разногласия. Некоторые авторы писали об Основных законах 1906 г. как о конституции, хотя и консервативной, призрачной и т.п.⁶⁵, другие (и эта точка зрения была господствующей) считали, что самодержавие лишь создало в качестве «прикрытия» внешние атрибуты конституции, которые были сугубо иллюзорными, поскольку реальная власть оставалась в руках монарха⁶⁶. Однако принципиального значения эти разногласия не имели, поскольку никак не влияли на оценку общего направления развития страны.

В западной историографии так называемой либеральной школы признается, что в России существовала конституция, хотя она

была очень консервативной и часто нарушалась⁶⁷. Это считается важным симптомом того, что Россия развивалась по пути, заданному западной цивилизацией, хотя политическая модернизация страны и осложнялась множеством разного рода факторов. Напротив, некоторые западные историки настаивают на более или менее выраженной уникальности социального и политического развития России, полагая, что определение ее строя в 1906–1917 гг. как «конституционной монархии» лишь ведет к некорректному сближению устройства совершенно различных стран⁶⁸. Существует и промежуточная точка зрения, согласно которой судьбу преобразований 1905–1906 гг. определяли многие факторы, и само по себе политическое устройство страны могло эволюционировать в различных направлениях, но эти возможности так и остались нереализованными⁶⁹.

Конечно, «тень 1917 года» более или менее явно довлеет над всеми исследователями, вынуждая их сообразовывать характеристику думского строя с собственным видением причин второй российской революции. Оптимизма в оценках это не прибавляет. Так, говоря о взглядах героев своей книги – кадетов, Теренс Эммонс заключает: «В условиях слабости институциональных и культурных основ, необходимых для конституционного строя, зачаточного состояния гражданского общества, максималистских ожиданий крестьян и значительной части рабочих и наличия развитого революционного движения, поощряющего эти ожидания, – словом, в условиях отсталости российского общества и запоздалого характера кризиса старого режима они опасались, что достигшие огромного размаха массовые революционные выступления едва ли приведут к умеренно-конституционалистскому пути выхода из политического кризиса. Последующие события показали, что такое восприятие ситуации не было безосновательным»⁷⁰. Стоит, правда, заметить, что эти опасения кадетов повлияли на действия партии совсем не так, как можно было бы ожидать.

Современные российские историки также склонны оценивать природу государственного строя страны после 1905 г. в зависимости от того, считают ли они естественной и predetermined эволюцию России по западным моделям. По сложившемуся на рубеже 1980–1990-х годов обыкновению, их оценки перспектив российского конституционализма в целом более оптимистичны (разумеется, подобный оптимизм, являющийся результатом «отталкивания» от штампов советской историографии, нельзя считать глубоким и долговечным).

Сторонники такого взгляда, как правило, выстраивают более или менее непротиворечивую схему развития в стране «правовых» начал государственной властью или вопреки ей – либеральной интеллигенцией. Предельным вариантом первого подхода можно счи-

тать концепцию Б.Н. Миронова, полагающего, что российское самодержавие не было полностью неограниченным даже в XVIII–XIX вв., а в 1906 г. превратилось в «правовую дуалистическую монархию» подобно многим странам Центральной и Восточной Европы⁷¹. Что касается идеи о «либеральной альтернативе» традиционной власти, то она на протяжении последнего десятилетия занимала доминирующее положение в российской науке⁷². В соответствии с этим подходом кадеты и близкие к ним группы накануне и в ходе революции 1905–1906 гг., говоря о необходимости «настоящей конституции», сформулировали в целом реалистичную политическую программу, воплощению которой помешали главным образом близорукость и упрямство самодержавия, а также фатальное стечение обстоятельств.

В новейших работах все чаще озвучивается и подход, в какой-то мере воскрешающий традиционалистские доктрины начала прошлого века. Все громче раздается и критика в адрес кадетов, фактически повторяющая мысли авторов «Вех» и особенно «прозревших» в эмиграции П.Б. Струве, В.А. Маклакова и других⁷³. Напомню, что эта точка зрения гласит, что реформы в целом создали достаточно условий для участия представительства в законодательной работе и конфронтация Думы и правительства лежит в основном на совести либералов. Наконец, нельзя не сказать и о взгляде, также генетически восходящем к политической борьбе, на этот раз 1920–1930-х годов. А.Н. Медушевский, определяя политический строй страны после 1906 г. как «мнимый», или «монархический», конституционализм, усматривает прямое родство между самодержавием (абсолютной монархией) и тоталитарным государством. Власть, считает он, лишь использовала западные формы для легитимации «сугубо традиционалистского института». В итоге же устанавливался «режим личного правления монарха, который все более непосредственно опирался на институты чрезвычайного положения и силовые структуры власти»⁷⁴. Сближение самодержавия с большевистским авторитаризмом делалось, как известно, еще некоторыми «сменовеховцами», не говоря уже о западных критиках советского строя. Встретив его в современной научной работе, читатель, думается, был бы вправе рассчитывать на более основательную аргументацию, к сожалению, отсутствующую у Медушевского. Думается, нет необходимости лишний раз говорить о принципиальных, качественных отличиях советского режима от любого из вариантов традиционного монархического устройства.

В целом же можно утверждать, что вопрос о характере политического строя Российской империи в 1906–1917 гг. являлся и является лишь производным от общего представления об эволюции страны. Поэтому, кстати, формально-юридическая оценка реформ 1905–1906 гг. никогда не пользовалась большим авторитетом по

сравнению с политико-социологической или исторической. Изложенные же выше споры основных авторов самих этих реформ о том, как их следует понимать и квалифицировать, делают еще менее обоснованным любой сугубо объективистский взгляд на их смысл и судьбу, любую попытку однозначной их оценки вне исторического контекста. Политическое устройство не определяется нормативными актами, это сложная система, обусловливаемая взаимодействием многих разноуровневых факторов. Уже поэтому сколько-нибудь жизнеспособную конституцию невозможно изобрести или позаимствовать, она всегда, даже при «революционном происхождении», – плод эволюции политических и гражданских институтов, культуры и мировоззрения элиты и масс и т.д. Глубокая противоречивость такой эволюции в России видна и в непосредственной предыстории реформ 1905–1906 гг., и в их судьбе, и эта противоречивость является, пожалуй, их наиболее бесспорной особенностью.

Если же все-таки пытаться отыскать некий ориентир, позволяющий определить государственный строй России после 1906 г., то наиболее адекватной представляется концепция дуалистической монархии как переходной формы от традиционного к конституционному (в европейском смысле этого понятия) устройству власти. Эта концепция позволяет, в частности, учесть то важное обстоятельство, что система управления (исполнительной власти) и после появления представительных учреждений в целом оставалась прежней и в центре и на местах. Другой вопрос – насколько после 1906 г. предопределено было движение в сторону европейского конституционализма и существовали ли альтернативные варианты развития политической системы страны, например, в сторону некой разновидности авторитарно-корпоративистского строя, какой появился в XX в. в некоторых периферийных государствах Европы, обладавших, подобно России, достаточно отсталой социально-экономической структурой и глубокими традициями государственного и сословного патернализма. На мой взгляд, вероятность развития страны по такому альтернативному сценарию была весьма велика.

Во всяком случае, ясно одно: события февраля 1917 г. стали неестественным итогом эволюции политического строя, основы которого были заложены в 1905–1907 гг., а достаточно радикальным (хотя и вполне предсказуемым) разрывом с эволюционным путем. Октябрь же 1917 г. стал лишь закономерным следствием Февраля.

Аграрный вопрос в правительственной политике и в общественном мнении в конце 1905 – начале 1906 г.

Аграрный вопрос не без основания считается одной из важнейших проблем, определивших ход и исход Первой русской революции. Громадное его значение очень часто отодвигает в тень то об-

стоятельство, что различия в понимании существа этого вопроса были, пожалуй, не менее глубокими, чем в понимании смысла вызванных революцией политических реформ. При этом две эти проблемы были связаны множеством очевидных и скрытых нитей. До недавнего времени практически аксиоматичным для отечественной историографии было представление о том, что самодержавие, действуя в интересах помещиков, лишь в чисто демагогических целях прибегало к патримониальной традиционалистской идеологии, в соответствии с которой «забота о благосостоянии» крестьянства являлась важнейшей задачей правительства⁷⁵. Впрочем, прямолинейность такого представления достаточно очевидна. Как же, принимая его, объяснить, например, упорную приверженность Николая II, многих сановников и общественных деятелей идее патриархальности, природного консерватизма крестьян? Ведь даже после мощных аграрных волнений 1905 г. в «верхах» сохраняли надежду на то, что «крестьянская» Дума станет опорой власти в борьбе с «интеллигентской» революцией! Не слишком убедительным выглядит и другой тезис, согласно которому в «попечительно-охранительном» курсе аграрной политики проявлялась «вековая крепостническая вражда дворянства к принципу буржуазной крестьянской собственности»⁷⁶. Следуя этой логике, к числу маховых крепостников придется отнести даже одного из крупнейших деятелей крестьянской реформы 1861 г. П.П. Семенова (Тян-Шанского), который в 1905 г. продолжал оставаться последовательным сторонником такого курса. К тому же сейчас уже ясно, что дворянство никогда не выступало каким-то «единым фронтом» против развития крестьянского частного землевладения.

Анализируя сложную, полную зигзагов и отступлений борьбу в правительстве вокруг предстоящей аграрной реформы, целесообразно выделить в ней сразу несколько пластов, в том числе идеологический, экономический (связанный с материальными интересами дворянства) и политический (определявшийся борьбой за власть как внутри правительства, так и между ним и общественными силами). При этом оказывается, что экономические мотивы использовались в качестве *прикрытия* в политической борьбе гораздо активнее по сравнению с обратной ситуацией, когда политические или идеологические аргументы прикрывали материальные интересы. В этом смысле спекуляции левых сил (в том числе кадетов) на тяге крестьян к обладанию землей мало чем отличались от использования правыми естественных опасений землевладельцев за свою собственность и безопасность.

Аграрный вопрос стал своеобразной «разменной монетой» и в политических интригах в правительственных и придворных кругах. Важная роль принадлежала здесь уже в начале 1905 г. братьям Д.Ф. и В.Ф. Треповым и бывшему министру внутренних дел Горе-

мыкину, который в 1899 г. расстался с министерским постом благодаря Витте и потому никаких добрых чувств к тому не питал. Именно на квартире Горемыкина, по словам Гурко, «в тесном кружке, к которому присоединился [А.В.]Кривошеин, осуждались все действия Витте и обсуждались способы его устранения. Центр этот просуществовал довольно долго, а именно до весны 1906 г., т.е. до увольнения Витте...»⁷⁷. Происки этих деятелей привели к закрытию 30 марта 1905 г. Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности и передаче готовившейся крестьянской реформы в Особое совещание под председательством Горемыкина⁷⁸ (он со времен руководства «крестьянским» департаментом Сената считался «знатоком» аграрных проблем).

В чем же заключались разногласия между Горемыкиным и Витте? Вопреки усилиям многочисленных исследователей доказывать принципиальную противоположность «реакционного курса» первого «реформаторской программе» второго в действительности дело во многом сводилось к сиюминутным политическим задачам и личной борьбе. Поскольку Витте, не очень хорошо разбиравшийся в тонкостях крестьянского хозяйства и землепользования, считал возможным сделать упор на установление *правового* равноправия крестьян (что отчетливо коррелировало с его идеями по поводу *политических* реформ), «горемыкинцы» настаивали на том, что центр тяжести должен лежать в *хозяйственной* и *административной* плоскости при сохранении «исторических основ крестьянского быта»⁷⁹. Позднее, уже осенью 1905 г. они сыграли перед императором на той же струне, противопоставив «политическому» манифесту 17 октября идею манифеста, обращенного к крестьянам, политической якобы совершенно не интересующимся⁸⁰. Итогом этого нехитрого маневра стали акты 3 ноября 1905 г., объявившие о снижении и последующей отмене (с января 1907 г.) выкупных платежей и расширении операций Крестьянского банка. Хотя Витте пытался в воспоминаниях приписать инициативу этих мер исключительно Совету министров, документами это не подтверждается⁸¹. В них было столько же «горемыкинского», сколько и «виттевского». Группа противников премьера всего лишь утвердила собственную инициативу в крестьянском деле. Возможно, продолжая развивать этот успех, Д.Ф. Трепов, славившийся своей склонностью к «крайностям», и предложил царю известный проект принудительного отчуждения помещичьих земель, автором которого был харьковский профессор П.П. Мигулин. Записка Мигулина была передана в Совет министров. Авантюристический смысл этого проекта, произвольность цифровых выкладок и расчетов, демагогичность аргументации были очевидны. Достаточно сказать, что площадь частновладельческих земель, подлежащих отчуждению, исчислялась автором валом, по всей Европейской России. Полученная цифра в 20–25 млн

десятин могла быть использована на митинге, но для разработки каких-либо реальных мер была абсолютно не пригодна⁸². Сам факт, что подобный «план» обсуждался правительством, причем по инициативе императора, лучше всего свидетельствовал о панике в «верхах» в октябре 1905 г.

Без труда отклонив проект, Витте, возможно, решил выдвинуть встречную инициативу. Так родился не менее известный проект Н.Н. Кутлера. Решение о его разработке было принято премьером примерно в то же время, когда он демонстрировал свои колебания при обсуждении выборного закона (напомню, что и там речь шла о том, что крестьянство хочет земли, но никаких политических претензий не выдвигает). Поводом послужило обсуждение крестьянского вопроса в Совете министров 3 ноября под председательством царя, который, в частности, сказал (запись Э.Ю. Нольде): «Выкупн[ные] платежи не такая большая сторона. Землю хочется иметь. Гл[авное] уп[равление] зем[леустройства] и з[емледелия] должно практически поставить. Наряду с Крест[ьянским] банк[ом] в будущем д[олжны] разрешить краеугольный вопрос российс[кий]»⁸³. При желании эти слова можно было понять как распоряжение готовить проект отчуждения. Наспех составленный Кутлером и А. А. Кауфманом проект был в обстановке строгой секретности вынесен на обсуждение Совета министров. Но несмотря на спешку, Кутлер сумел сформулировать свой взгляд на аграрный вопрос и приложить к проекту цифровые выкладки, несколько неожиданные, учитывая исходные цели проекта. По его расчетам, даже если передать крестьянам все частновладельческие земли, для доведения душевых наделов до высших норм Положения 19 февраля 1861 г. не хватит 27 млн десятин. Впрочем, аргументация строилась не на этом «валовом» подходе. Кутлер попытался произвести погубернскую разверстку и пришел к выводу, что в губерниях, испытывавших наибольший земельный голод, возможная прибавка будет исчисляться «ничтожными долями десятин» на душу. Поэтому закономерным оказалось утверждение, что отчуждение частных земель возможно в достаточно узких пределах, после тщательного изучения местных условий и значение этой меры проявится только при «подъеме производительности» и «устранении недостатков надельного землевладения»⁸⁴. Собственно техническая сторона проекта (условия отчуждения и выкупа) большого значения не имела и явно носила прикидочный характер.

По словам И.И. Толстого, «весьма естественно, что чисто социалистический принцип, положенный в основу предложения, возбудил горячие дебаты». Премьер разгорячился и заявил, что никакой неприкосновенности права собственности не признает. «...А что касается интересов помещиков-дворян, — продолжал он, — то я считаю, что они пожнут только то, что сами посеяли. Кто делает рево-

люцию? Я утверждаю, что делают революцию не крестьяне, не пахари, а дворяне, и что во главе их стоят все князья да графы, ну и черт с ними – пусть гибнут»⁸⁵. Используя столь грубую демагогию, Витте, конечно, учитывал, что «в сферах» не слишком довольны поместным дворянством, не оказавшим должной поддержки трону.

Однако он жестоко просчитался. Сведения о проекте, конечно, проникли в общество и вызвали бурный протест. В конце декабря в беседе с Коковцовым о проекте с возмущением говорил германский император (!), назвавший его «прямым безумием» и «чистейшим марксизмом». Через несколько дней Витте заявил Коковцову, что никакого отношения к этому «сумасшедшему проекту» не имеет⁸⁶. Однако это не помешало ему во всеподданнейшем докладе от 10 января в целом довольно сочувственно изложить аргументы сторонников отчуждения (хотя заявлять о своей позиции он остерегся)⁸⁷. После неодобрительной резолюции императора вопрос был закрыт, а Кутлер вскоре был отправлен в отставку, став, как он и предчувствовал, «козлом отпущения»⁸⁸ (позднее и он, и Кауфман оказались в рядах кадетской партии).

Между тем реальная разработка аграрной реформы велась во многом независимо от этих пропагандистских инициатив. С этой точки зрения, отмена выкупных платежей была лишь технической мерой, знаменовавшей окончательный переход надельных земель в руки крестьян. В очередной раз вставал вопрос о порядке выхода их из обществ, выдела и возможности продажи наделов. Наконец, предполагавшаяся активизация операций Крестьянского банка (который получил право скупать земли за счет своего капитала, а в перспективе должен был стать посредником при продаже крестьянам казенных и удельных земель) ставила вопрос о том, кому, в каких размерах и на каких основаниях продавать землю. Комиссию по согласованию манифеста 3 ноября с действующим законодательством возглавил Гурко – один из главных архитекторов реформы, получившей впоследствии не совсем точное название «столыпинской», убежденный сторонник насильственного разрушения общины. Возможно, он же был автором «Записки о недопустимости дальнейшего наделения крестьян», доказывавшей «полную несостоятельность и фантастичность» этой меры и с одобрением воспринятой императором⁸⁹. В отличие от Витте Гурко не считал достаточным уравнение крестьян в правах с прочими сословиями, а предлагал решительные законодательные и административные меры по «переводу» крестьян к личной собственности.

Разработкой нового аграрного курса продолжало заниматься и горемыкинское совещание, причем оказалось, что противники в вопросе о принудительном отчуждении – Гурко и Кутлер – отстаивают одну и ту же программу создания крепкого среднего (фермерского) землевладения. Интересно, что в своих выступлениях Гурко,

активный участник правых дворянских организаций, резко выступил не только против общины, но и против помещичьих латифундий. Это был голос скорее профессионального бюрократа, чем помещика. Большинство же участников совещания (в том числе такие столпы неославянофильства, как Д.А. Хомяков и Ф.Д. Самарин) явно находилось в плену той же патриархально-попечительской идеологии, которую активно эксплуатировал Витте. Правда, в отличие от премьера, в своих пристрастиях оно было гораздо более последовательным⁹⁰.

Но независимо от этого дни совещания Горемыкина были сочтены. В январе 1906 г. по инициативе Витте оно было закрыто. Промежуточное сражение многолетних противников закончилось ничью. Решающее же Витте, как известно, проиграл, причем по причинам, не имевшим отношения к сути крестьянского вопроса, а тем более – к его технической стороне. Тем не менее в «политическом завещании» его кабинета («Программа вопросов, вносимых на рассмотрение Государственной думы») аграрные проблемы занимали важнейшее место⁹¹. Правительство предполагало не только упорядочить выдел надельных земель из общины и порядок их купли-продажи, но и коренным образом реорганизовать местное управление и суд на всесословных началах. Автором соответствующего раздела, видимо, был Гурко, чья карьера с падением кабинета и отставкой его непосредственного начальника Дурново не окончилась, а наоборот, вступила в пору своего расцвета. Этот факт лишний раз демонстрирует, что смена курса в аграрной сфере зависела не от перестановок в высших эшелонах власти, не от прихотей того или иного министра, а от более глубоких и мощных факторов. «Революцию в сознании» бюрократической элиты, предшествовавшую воплощению нового курса в жизнь и прослеженную, в частности, Дэвидом Мейси⁹², можно было признать совершившейся (даже несмотря на то, что 18 марта Государственный совет большинством в шесть голосов отверг представление Совета министров о принятии временных правил выдела наделов из общины).

Можно ли сказать то же об общественном мнении? Важнейший поворот в сознании консервативного помещного дворянства был зафиксирован уже в ноябре 1905 г. на учредительном съезде Всероссийского союза землевладельцев. «Весь наш 40-летний строй, воздвигнутый на принципе общинного владения крестьян, был роковой ошибкой, и теперь необходимо его изменить»⁹³ – такой вывод означал глубокое разочарование в патерналистской политике по отношению к крестьянству, выражавшееся дворянством в то время, когда и либералы типа Шипова, и Витте, и Николай II веры в нее еще не утратили. Антиобщинные выступления правых помещиков, конечно, были непосредственно связаны с отстаиванием ими нерушимости права собственности и отказом признать право-

мерность принудительного отчуждения их земель. Впрочем, позднее оказалось, что в этом, как и во многих других вопросах, дворянство было отнюдь не едино. «С “успокоением” пришло и “протрезвление”»⁹⁴. Ставка на развитие в крестьянской среде частной собственности на землю, несомненно, должна была оказаться в противоречии с убеждениями многих консерваторов. Одни из них продолжали оставаться приверженцами «патриархальных» ценностей и институтов (в числе которых были земские начальники и дворянские предводители), другие видели угрозу в экспансии крестьянского землевладения, а третьи – в неизбежном при уничтожении общины «сверху» широком вмешательстве в местную жизнь бюрократии⁹⁵. Позже вопрос о разрушении общины (а значит, и поддержке столыпинской аграрной реформы) стал причиной для серьезных разногласий в среде правых. Впрочем, в 1905 и первой половине 1906 г. об «успокоении» можно было только мечтать, а потому нюансы отступали на задний план перед безусловной разделявшейся всеми «охранителями» идеей неприкосновенности частной собственности.

Несколько иную позицию заняли, хотя и после серьезных споров, октябристы, чья аграрная программа отличалась крайней туманностью, но все же содержала положение о принципиальной возможности отчуждения. Однако особого внимания заслуживает программа по крестьянскому вопросу кадетов. И дело не только в том, что это была наиболее массовая в то время партия, получившая бесспорное преобладание в I Государственной думе. Именно аграрная проблема проливает свет на характер кадетского либерализма и на особенности партийной тактики. Едва ли можно принять распространенную в историографии точку зрения, в соответствии с которой приоритетом для кадетов были «незыблемость» или даже «укрепление» начал частной собственности⁹⁶. Сам лидер партии с полным основанием признавал позднее: «Народническая идеология через аграрный вопрос вливалась широкой струей в наши партийные ряды, и обвинение нас нашими противниками в “социализме” было в этом отношении не совсем безосновательным. При содействии народников мы могли рассчитывать на понимание и сочувствие к нам крестьянства»⁹⁷. Трудно сказать, где именно для Милюкова проходила граница между народнической и либеральной доктринами в аграрном вопросе, но народническая составляющая в русском либерализме была необычайно сильна изначально, и ей не было необходимости «вливаться» в кадетские ряды.

Короткий аграрный раздел программы кадетской партии, принятой на ее I съезде в октябре 1905 г., не содержал даже упоминания о «частной собственности». Он был целиком посвящен возможным путям расширения крестьянских наделов за счет государственных, удельных и частных земель⁹⁸. Доклад А.А. Кауфмана на

II съезде партии в январе 1906 г. сводился к признанию невозможности наделить всех крестьян по так называемой «трудовой норме» (т.е. дать им столько земли, сколько они могут обработать личным трудом), хотя докладчик однозначно заявил о своем сочувствии этой идее. Признавалось необходимым доведение наделов до «потребительской нормы», а для этого – широкое отчуждение тех частновладельческих земель, которые «являются способом получения ренты», и сохранение в руках владельцев лишь части их собственности, представляющей «образцы высокой культуры». Впрочем, Кауфман оговорил и то, что «прирезки земли составят собой только паллиатив» без повышения ее производительности. Судя по стенограмме прений, некоторые выступавшие (Ф.И. Родичев и др.) явно колебались: «теория» толкала их к «уважению права собственности», а потребности политического момента заставляли это право игнорировать. Другие, напротив, считая предложенные меры недостаточными, заявляли, что следует, по словам В.Е. Якушкина, «сказать крестьянам: ваша дальнейшая судьба – “земля и воля”». Озабоченный единством партии Милюков, признав, что «состав членов разнообразен и мировоззрения их различны, одни стоят на точке зрения права, другие – на точке зрения пользы», призвал присутствующих к «благоразумию». Принципиальных изменений в программе сделано не было⁹⁹.

На третьем, преддумском съезде (21–25 апреля 1906 г.) картина существенно изменилась. Данные избирателям обещания, победа на выборах и эйфория от ожидания еще более крупных побед сильно радикализировали партию. Проект аграрной комиссии, построенный на принципе принудительного отчуждения (именно он лег в основу представленного в Думе «проекта 42-х»), подвергся резкой критике за недостаточную радикальность, поскольку он сохранял остатки частной собственности на землю. Между тем она, как заявил один из ораторов, является «одной из самых вреднейших монополий». «...Проект сведется в конце концов при своем осуществлении к полному уничтожению частной поземельной собственности, – продолжал он. – ...Зачем же скрывать действительный смысл... реформы?» Один за другим выступавшие заверяли съезд в своей глубокой антипатии к принципу частного землевладения. П.Б. Струве, говоря о проекте, заявил, что «большого дать невозможно. Фактически при ее [реформы] осуществлении от частного землевладения действительно остается... то, что можно будет положить в жилетный карман». Сторонники частной собственности (например, Л.И. Петражицкий) вынуждены были возражать против преобладающего настроения только с «деловой» точки зрения, «не касаясь принципов»¹⁰⁰. Многие противники национализации лишь выражали сомнение в том, что она придется по душе крестьянам. Один из «левых», А.С. Изгоев, даже заявил вполне в социалистическом духе,

что национализация не может стать «окончательным решением социального вопроса», поскольку «останутся еще капиталистическое хозяйство, налоговая система и т.д.». Подытожил прения Милюков: «Во всяком случае, в проекте аграрной комиссии ни о какой классовой точке зрения не может быть и речи, а если проект и нарушает чьи-либо классовые интересы, то, во всяком случае, не крестьян». В итоговой резолюции подчеркивалось, что «передача земли в руки трудящихся» является «руководящим принципом партии»¹⁰¹.

Действительно, только крайне пристрастные политические противники могли обвинить кадетов весной 1906 г. в «защите частной собственности». Возможная неискренность некоторых выступавших или влияние «настроений в массах», конечно, сути дела не меняли. «Умеренность» кадетов выражалась тогда лишь в том, что они, отстаивая законодательный путь преобразования, не считали возможным, скажем, призывать крестьян к захвату земли. В революционности же самого этого преобразования, как оно виделось подавляющему большинству делегатов, едва ли приходится сомневаться. Примечательно также, что несомненное влияние на окончательно принятую партией программу оказала аграрная программа близкой к ним, но считавшейся немного более правой Партии демократических реформ, составленная известным приверженцем крестьянской общины профессором А.С. Посниковым¹⁰². Суть ее заключалась в идее создания государственного земельного фонда, из которого наделялись бы (по возможности – по «трудовой норме»!) в бессрочное пользование все нуждающиеся крестьяне. Для Посникова и его многочисленных единомышленников, в том числе и в рядах кадетов, эта идея была отнюдь не тактической уловкой, призванной привлечь симпатии крестьян, а принципиальным убеждением в пагубности развития рыночных отношений в крестьянской среде. Разумеется, такой подход был весьма далек от либерализма не только в его классическом, но и в новом, распространившемся в Европе на рубеже веков «социальном» варианте.

Необходимо подчеркнуть, что способ решения аграрного вопроса, сформулированный кадетами, исключал возможность развития и *крестьянской* частной собственности на землю (независимо от убеждения многих из них в том, что ее развитие – единственно целесообразный путь аграрной эволюции). Таким образом, ни один из вариантов правительственной программы не мог быть для кадетов приемлемым, и конфликт на этой почве стал неизбежен.

Что касается аграрной программы социалистических партий, то традиционно считается, что наиболее разработанной она была у эсеров. Знаменитая концепция социализации земли предполагала отмену частной собственности и отчуждение без выкупа всех частновладельческих земель с созданием некоего «общенародного» фонда, из которого все желающие наделялись бы землей на урав-

нительных началах. Для наемного труда места в этой программе также не оставалось. Предполагалось, что распоряжаться земельным фондом должны были органы всеобщего самоуправления разных уровней. Идеи, которые лежали в основе этой программы, действительно разрабатывались в народнической и неонароднической публицистике десятилетиями. Проблема, однако, заключалась в том, что они основывались на целом ряде догматических посылок, едва ли способных выдержать столкновение с реальностью, причем не только в перспективе (думается, в XXI веке нет необходимости доказывать утопизм эсеровских идей), но и уже на первых шагах (скажем, в ходе пропаганды в крестьянской среде). Главной из таких догм было представление о «природных» социалистических инстинктах крестьянина. Отчасти сознавая, что крестьяне вряд ли будут безропотно исполнять предназначенную им роль объекта социального экспериментирования, идеологи партии вынуждены были делать многочисленные уступки реальности, которые «размывали» и усложняли программу, что, в свою очередь, вызывало бесконечные внутрипартийные дискуссии. В итоге, по словам современного историка, «аграрная программа разрасталась в многостраничный законопроект со сложной иерархией разделов, статей, пунктов и подпунктов... Формализация программы, стремление направить крестьянское движение в заданное парадигмой русло, были чреваты противопоставлением придуманного пути в страну счастья и изобилия с реальными крестьянскими интересами...»¹⁰³

Отдельный и непростой вопрос – насколько эсеровская программа была понятна крестьянам и соответствовала их менталитету. Едва ли корректной представляется точка зрения, что лозунг социализации «наиболее адекватно соответствовал российским реалиям (?), ментальности подавляющего большинства населения»¹⁰⁴. Крестьяне, бесспорно, «вычитывали» в идеях эсеров смысл, который им хотелось в них увидеть, и многие партийцы не без основания испытывали во время революции неподдельную тревогу по поводу того, что «сколько-нибудь солидных данных, что при стихийном движении вопрос решится в духе программы нашей партии, у нас нет»¹⁰⁵. Тем не менее нельзя не признать, что эсеровские призывы получили наибольший отклик в крестьянской среде. Социал-демократы ничем подобным похвастаться не могли, ибо их аграрная программа была куцей, невнятной и абстрактно-теоретической по характеру. Таким образом, адекватного решения ключевого вопроса российской действительности и, соответственно, революции ни одна политическая сила предложить не смогла. В условиях готовившегося созыва Думы это обстоятельство превращалось в бомбу замедленного действия, готовую взорвать хрупкое здание народного представительства.

Народ продолжает борьбу: новый этап массового движения (первая половина 1906 г.)

С поражением декабрьских восстаний 1905 г. революция не закончилась. Тем не менее в стране нарастали стабилизационные тенденции, власть приходила в себя после шока последних месяцев «красного» 1905 года, а предпринимательские круги стремились отобрать у рабочих то, что было завоевано ими в период высшего подъема революции. В 1906 г. в условиях «усиленной охраны» жили уже 70% населения страны (по сравнению с 33% осенью 1905 г.), а в 1907 г. – около 75%. Всего к моменту открытия I Государственной думы в конце апреля 1906 г. в тюрьмах было, по некоторым оценкам, около 70 тыс. политических заключенных¹⁰⁶. За первые 10 месяцев 1906 г., по свидетельству военного министра Редигера, войска вызывались для наведения порядка 2330 раз, причем в карательных акциях участвовали почти 2 млн. военнослужащих (с учетом того, что некоторые воинские части были использованы по нескольку раз; в 1905 г. на борьбу с революцией привлекались 3,2 млн. солдат и казаков)¹⁰⁷. Образовался некий замкнутый круг: существующий в России порядок вызвал протест народа, он, в свою очередь, – очередные репрессии властей; а эти последние – новый протест масс и т.д. Ослабление власти стимулировало рост криминалитета и политического экстремизма. Так, только за время работы I Государственной думы (конец апреля – начало мая 1906 г.) в России были совершены 177 удавшихся и 52 неудавшихся покушения на должностных лиц, 88 покушений на частных лиц, 189 нападений на казенные учреждения, включая банки, 93 – на торговые помещения и квартиры граждан. В результате были убиты 58 чинов полиции, 46 представителей администрации, 90 частных лиц, а ранены 233 человек¹⁰⁸.

Правительство, как всегда, действовало методом кнута и пряника. Наряду с репрессиями, как уже говорилось выше, шла работа над целым пакетом реформ: разрабатывались проекты смягчения остроты аграрного вопроса при сохранении помещичьего землевладения, перехода на 60-часовую рабочую неделю и введения социального страхования. При этом власти убеждали предпринимателей пойти на неизбежные в создавшейся ситуации экономические уступки рабочим, а буржуазия, наоборот, видела единственное реальное средство «успокоения» в политических реформах. В результате выработка соответствующих законопроектов затягивалась на неопределенный срок и социальная напряженность в стране сохранялась, порождая все новые и новые вспышки недовольства народных масс.

Несмотря на то что 1906 г. ознаменовался некоторым оживлением конъюнктуры в ряде отраслей промышленности, в целом экономика России оставалась в состоянии застоя. Оживление наблюда-

лось практически лишь в текстильной индустрии, что было связано с некоторым расширением емкости внутреннего рынка в результате повышения покупательной способности крестьян за счет снижения арендных и продажных цен на землю и сокращения суммы выкупных платежей. Неблагоприятная ситуация складывалась и в сельском хозяйстве: неурожай, чреватый голодом, был отмечен в 1906 г. в 33 уездах Европейской России с населением около 10 млн. человек (Поволжье, часть Черноземного Центра, Урал). Следствием этого было повышение цен на продукты питания, «сседавшее» все прибавки к зарплате рабочих и доходы средних слоев городского населения. Давала знать о себе и безработица, одна из причин которой состояла в проведении на фабриках и заводах локаутов с последующей фильтрацией политически неблагонадежных рабочих независимо от их производственной квалификации. Общее количество безработных в столице империи достигало в начале 1906 г. 10–12 тыс. человек, в Москве – около 5 тыс. и т.д.¹⁰⁹.

Значительно изменилось в 1906 г. и настроение масс, прежде всего рабочих. Горечь декабрьского поражения и усталость от длительной и упорной борьбы в 1905 г., известное разочарование в эффективности силовых методов давления на правительство и буржуазию, наконец надежды на Государственную думу, состав которой оказался более левым, чем можно было вначале предположить, – все это вместе взятое сделало свое дело. Часть рабочих чувствовала явную растерянность и нуждалась в передышке, у других появилось желание уйти в частную жизнь и направить энергию на улучшение своего материального положения, устранившись от политики. Неслучайным было и то, что в РСДРП громче зазвучал голос более умеренных и осторожных меньшевиков, стремившихся отмежеваться от радикализма большевиков-ленинцев.

Вместе с тем действовали и факторы, отчасти компенсировавшие упадок оппозиционных и революционных настроений после декабрьских событий 1905 г. Кампания по выборам депутатов I Государственной думы и затем кратковременная, но бурная ее первая сессия заставили правительство несколько сократить масштабы репрессивных акций, чтобы создать иллюзию «национального единения» в стране. Это было необходимо и для укрепления пошатнувшегося престижа династии Романовых за рубежом, где как раз в начале 1906 г. велись очень сложные переговоры о предоставлении России столь нужного ей большого западного займа.

Новым моментом стала весной 1906 г. и легализация рабочих профсоюзов, которые наряду с профессиональными объединениями демократической интеллигенции и служащих, а также всероссийскими крестьянским, железнодорожным и почтово-телеграфным союзами стали нелегально или полунелегально возникать в ходе революции.

Правда, начавшийся в стране своеобразный профсоюзный бум имел и немало издержек: так, возникало множество слабых, малочисленных союзов, движение дробилось на отдельные узкоцеховые потоки, не хватало грамотных и способных организаторов, многие «записавшиеся» в союз рабочие в дальнейшем прекращали поддерживать с ним связь. Тем не менее, несмотря на все формальные запреты, профсоюзы принимали самое активное участие в забастовочном движении. Так, например, петербургский профсоюз металлистов организовал в 1906 г. 17 забастовок, 14 из которых закончились победой рабочих¹¹⁰. Но особенно большую роль играли профсоюзы в организации забастовок у рабочих тех отраслей промышленности, которые в силу специфики производства были разбросаны по множеству мелких мастерских в разных концах больших городов (сапожники, портные, пекари) и только начинали активно включаться в борьбу за свои права. Таким образом, руководство рабочим движением осуществляли теперь не только революционные партии, но и профсоюзы, что, несомненно, помогло сохранить его в 1906 г. на довольно высоком уровне. И хотя внешне рабочее движение в 1906–1907 гг. становилось более будничным и менее результативным, оно имело тот плюс, что постепенно захватывало более отсталые в социально-политическом отношении слои рабочих, расширяло свою «географию» за счет включения в орбиту борьбы ряда периферийных районов страны, обогащалось новыми формами сопротивления пролетариата натиску буржуазии и властей.

Для пролетариата и революционных партий было очень важно не промолчать в первую годовщину «Кровавого воскресенья», ставшего началом революции. В ее колыбели – Петербурге, несмотря на локауты, по призыву городского комитета РСДРП и Центрального бюро профсоюзов не вышли на работу от 30 до 40 тыс. человек¹¹¹. Помимо рабочих в столице бастовали многие учителя начальных школ, аптекари. Стачки протеста прошли в городах Поволжья, на Украине, в Сибири, Прибалтике, Белоруссии, Царстве Польском. Митинги, траурные сходки и демонстрации состоялись на ряде уральских заводов. Однако рабочие Москвы, Риги, текстильщики Центрального промышленного района не смогли принять участия в этих выступлениях. Всего на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, бастовали в январе 1906 г. 190 тыс. рабочих, в том числе по политическим мотивам – 163,5 тыс. человек¹¹².

Заслуживает внимания тот факт, что годовщина «Кровавого воскресенья» по призыву Международного социалистического бюро была отмечена и за рубежом. Только в Берлине и его пригородах состоялось более 100 митингов. Рабочие собрания прошли также в Дрездене, Франкфурте, Кельне и других городах Германии. Более 200 митингов и собраний состоялось во Франции. В Риме де-

ло дошло даже до столкновений демонстрантов с полицией, в результате которых были раненые и арестованные.

В феврале 1906 г. в забастовочной борьбе российского пролетариата наступила кратковременная пауза: общее количество стачечников сократилось по сравнению с январем в 7 раз, а участников политических забастовок – более чем в 41 раз. Однако уже в марте вновь происходит перелом: общее количество стачечников возрастает до 51,7 тыс. против 27,4 тыс. в феврале, а число политических стачечников увеличивается в 7 раз¹¹³. Это подготовило резкий, скачкообразный взлет забастовочной волны в апреле 1906 г., когда она прокатилась опять буквально по всей стране.

Весенне-летний подъем рабочего движения 1906 г. по всем масштабам и богатству приемов борьбы уступал только последним месяцам 1905 г. Положительно сказалось здесь и сокращение репрессий властей в связи с выборами и началом работы I Государственной думы. Всероссийский размах приобрело празднование Дня международной пролетарской солидарности 1 мая. В Петербурге по призыву ПК РСДРП и 19 профсоюзов бастовали свыше 30 тыс. рабочих, в том числе 17 тыс. металлистов. Собравшись утром у ворот своих предприятий, рабочие шли оттуда с флагами и революционными песнями по улицам столицы. Митинги были организованы на заводах, в пригородах Петербурга, а также на кладбищах, где были похоронены жертвы революционной борьбы 1905 г. Рабочие некоторых провинциальных городов вместе с приказчиками, студентами, учащимися устраивали демонстрации перед зданиями местных тюрем, выражая тем самым солидарность с политическими заключенными. Были случаи, когда демонстрации и маевки сопровождались столкновениями рабочих с войсками и «черносотенцами». В приволжских городах, как и в 1905 г., состоялись первомайские массовки прямо на реке. Отмечали Первомай и в отдельных сельских районах, где были расположены промышленные предприятия, причем там в собраниях и митингах принимали участие и местные крестьяне. Всего в апреле 1906 г., по данным фабричной инспекции, бастовала 221 тыс. рабочих, в том числе 152 тыс. человек участвовали в политических стачках. В мае эти показатели поднялись соответственно до 157 и 94 тыс., а в июне составили 101 и 90 тыс.¹¹⁴.

Характерной приметой времени стали митинги протеста петербургских рабочих против начавшегося в июне суда над членами столичного Совета рабочих депутатов, арестованными в декабре 1905 г. На десятках митингов обсуждалась работа I Государственной думы и появление там фракции РСДРП, конфликт депутатов с правительством, кадетское требование создания «ответственного министерства», вызвавшее новые разногласия среди социал-демократов, поскольку меньшевики поддерживали его, а большевики – отвергали, считая неким политическим фарсом.

Крупные стачки проходили в мае–июне 1906 г. на заводах, шахтах и рудниках Юга России. Бастовали также моряки Черноморского торгового флота, выступившие в защиту своего профсоюза, закрытого властями в конце 1905 г. Моряки предъявили судовладельцам 42 требования, которые в конце июня были удовлетворены. Широкий размах получили также стачки на нефтепромыслах Грозного и Баку, закончившиеся частичной победой рабочих.

Не хотели мириться со своим положением и сельскохозяйственный пролетариат и беднейшие крестьяне, работавшие по найму в помещичьих имениях на Украине, в Литве, Белоруссии, на Кубани и Ставрополье. Бастовавшие батраки требовали уравнивания оплаты труда мужчин и женщин, установления минимума дневного заработка для поденщиков, увеличения платы сезонным и постоянным наемным рабочим, нормального горячего питания, вежливого обращения со стороны управляющих и т.д. При этом нередко были и столкновения батраков с войсками и стражниками.

Весной 1906 г. в России впервые появилась такая новая форма пролетарского протеста, как движение безработных, причем руководить им пытались не только социал-демократы, в первую очередь большевики, но и анархисты (в частности, петербургская группа «Рабочий заговор»). На этот раз речь шла уже не просто о сострадании жертвам безработицы и о посильной помощи попавшим в беду товарищам, а об организации самих безработных и осуществлении ряда мер общественного воздействия на власти и предпринимателей с целью заставить их не только активно заниматься традиционной благотворительностью, но и создавать новые рабочие места. При этом обстановка революции благоприятствовала успеху подобной работы, поскольку «верхи» стремились любыми средствами снизить уровень социальной напряженности, а «низы» легче откликались на призывы к классовой солидарности.

Материальная помощь безработным складывалась из единовременных сборов на предприятиях или систематических отчислений от заработной платы рабочих, а также из средств профсоюзов и сборов от различных культурно-просветительных мероприятий. Кроме того, организаторы движения призывали рабочих требовать отмены сверхурочных работ и сокращения рабочего дня, рассматривая эти меры как дополнительный резерв увеличения спроса предпринимателей на рабочие руки.

Нельзя не отметить, что помощь безработным осуществляли не только революционные партии, но и либерально-демократическая общественность в лице партии кадетов и «Союза союзов» (организация бесплатных столовых, сбор пожертвований и т.д.), а также городские думы и даже МВД, для которого безработные были потенциальной угрозой обострения политической ситуации в стране.

Центром движения безработных стала столица империи. Еще в ноябре 1905 г. при Петербургском совете рабочих депутатов была создана специальная комиссия с семью районными отделениями, ведавшая помощью безработным и членам их семей. В марте 1906 г. был избран первый состав Совета безработных, а в апреле на столичных предприятиях прошли новые выборы в этот орган, само название которого свидетельствовало о том, насколько глубоко укоренилась в сознании пролетарских масс идея Совета как новой эффективной формы рабочей организации. Порядок выборов был таков: рабочие избирали по 1 депутату от каждых 500 человек, а безработные – от каждых 150. Всего в выборах участвовали 90–100 тыс. рабочих. Наряду с общегородским Советом безработных были образованы 8 районных. Председателем городского Совета безработных стал член Петербургского комитета РСДРП студент-большевик Владимир Войтинский (в дальнейшем он перешел к меньшевикам и закончил жизнь в эмиграции, что заставило советскую историографию вычеркнуть его из истории революции и «забыть» о его интересной книге воспоминаний «Годы побед и поражений»). Среди членов исполкома Петербургского совета безработных была и такая колоритная фигура, как участник знаменитой «Обуховской обороны» рабочий-большевик С.В. Малышев. Совет выпускал ежегодник «Тернии труда» и журнал «Хлеб и работа», название которого дублировало главный лозунг всего движения.

В апреле 1906 г. Совет безработных обратился в городскую думу Петербурга с петицией о помощи безработным и внес конкретные предложения об организации общественных работ в столице, рассчитанных на использование в течение полугода 6 тыс. человек. Городская дума ассигновала 500 тыс. руб. на продовольственную помощь и квартирные пособия безработным и затем выделила 2,5 млн. руб. на организацию общественных работ (ремонт мостов, строительство рынков, реконструкция Галерной гавани). Совет безработных открыл 33 столовые, выдававшие в пик своей деятельности ежедневно от 16 до 20 тыс. бесплатных обедов¹¹⁵. На общественных работах были введены 8-часовой рабочий день, поденная оплата труда, избраны особые уполномоченные с правом контроля за ходом работ. Однако к концу 1906 г. общественные работы стали свертываться, власти начали высылать безработных из столицы, разгоняли их собрания, закрывали столовые, подвергали аресту активистов этого движения. В конце 1907 г. все члены Совета безработных были арестованы.

В конце апреля – начале мая 1906 г. в Москве тоже прошли выборы в Совет безработных, просуществовавший до конца августа. Деятельность его была аналогична той, которую вел Совет безработных в Петербурге. Движение безработных охватило и многие другие города. Советы безработных возникли в 1906–1907 гг. в Костроме,

Харькове, Таганроге, Иваново-Вознесенске, Ревеле, Тифлисе, Баку, Астрахани, Архангельске и некоторых других пролетарских центрах. Движение безработных несколько облегчило положение этого слоя пролетариата, сыграло значительную роль в укреплении рабочей солидарности и имело большое агитационное значение.

Сохранялась напряженность и в деревне. При этом в ряде случаев положение было настолько серьезным, что требовалось вмешательство войск. Так, в январе 1906 г. в молдавском селе Комрат крестьяне создали свою «республику», отменили все налоги и раздали землю местного помещика нуждающимся односельчанам. В феврале вспыхнуло восстание крестьян в Ардатовском уезде Симбирской губернии, а в июне были отмечены сопровождавшиеся насилием в отношении земских начальников и управляющего одним из имений восстание в Царевостангурске Вятской губернии и разгром 52 усадеб и хуторов в Воронежской губернии¹¹⁶. Общее же количество подобных погромных действий крестьян было намного больше. По-прежнему массовый характер носили случаи расхищения крестьянами помещичьей собственности. В деревнях развернулась настоящая «война за лес». Самочинные порубки казенных и частновладельческих лесов стали повседневным явлением. В одной только лесистой Вятской губернии в 1906 г. было отмечено 27 тыс. случаев нарушений лесного устава. На Алтае в 1907 г. скопилось в производстве более 85 тыс. «порубочных» дел¹¹⁷.

Ожидание решения аграрного вопроса «сверху» не мешало крестьянам действовать и силовыми, противозаконными методами. В 1906 г. они захватывали помещичьи земли и луга даже чаще, чем в 1905 г. Обычно это делалось по приговору сельского схода, действовали «всемирно», и нередко захват заканчивался столкновениями со стражниками или войсками, причем огнестрельное оружие или просто дубины, топоры, вилы, крючья применяли и крестьяне. Подобные попытки чаще всего пресекались, земля возвращалась владельцам, крестьян наказывали, но их тяга к захвату земли бывших господ была неистребима. «Все равно земля наша», – говорили они.

В этой связи понятна реакция крестьян на учрежденные по указу 4 марта 1906 г. землеустроительные комиссии, которые должны были оказывать содействие в урегулировании земельных споров между крестьянами и помещиками (заметим, что многие захваты помещичьих земель мотивировались крестьянами тем, что они считали их «спорными» и незаконно присвоенными их бывшими господами после реформы 1861 г.). В состав комиссий с участием правительственных чиновников, представителей земств и помещиков должны были входить и крестьяне (по три на уезд). Однако они усматривали во всей этой затее властей очередную «господскую ловушку» и часто просто бойкотировали выборы. В итоге за весь 1906 г. приступили к работе лишь 180 комитетов из более чем 500¹¹⁸.

Продолжались в 1906 г. и отказы крестьян платить налоги под тем, в частности, предлогом, что они ждут решений начавшей в конце апреля 1906 г. работу I Государственной думы. Еще хуже обстояло дело с земскими сборами: если в 1905 г. они были собраны лишь наполовину (15 из 32 млн. руб.), то за первую половину 1906 г. – всего на четверть¹¹⁹, причем крестьяне нередко откровенно говорили: «Дайте землю – заплатим». Очень красочную зарисовку настроений крестьян Новгородской губернии в связи с их «податной забастовкой» опубликовала 9 января 1906 г. газета «Страна». После того, как на сельском сходе было зачитано губернаторское распоряжение о необходимости немедленной уплаты налогов, крестьяне говорили: «Не платили два года и платить не будем, да и с чего...» После этого, «как будто их дело и не касается», они разошлись, говоря: «Самим жрать нету, а тут еще с приказами суются». Были случаи, когда налоги «выбивали», но в целом ситуация оставалась без существенных изменений. Так, например, в Уфимской губернии за 1906 г. было собрано с крестьян лишь 15% налогов, в Черноморской – около 60%, а в Вологодской недоимки к началу 1907 г. составили почти 3 млн. руб.¹²⁰.

Чутко прислушиваясь к тому, что происходило в городах, и оценивая небывалый подъем забастовочного движения рабочих как показатель слабости «верхов», крестьяне тоже все чаще прибегали к забастовкам с целью изменения условий аренды земли, восстановления своих сервитутных прав, повышения платы за выполнение тех или иных работ в помещичьих экономиях и т.д., причем очень часто они действовали вместе с наемными сельскохозяйственными рабочими. Это было весьма чувствительное и убыточное для помещиков средство «выкуривания» их из родных мест. В апреле 1906 г. правительство выработало особые «Правила против возникновения стачек среди сельских рабочих», грозившие наиболее активным их участникам тюремным заключением (до 4 лет), а за сопротивление правительственным войскам и стражникам – ссылкой до 8 лет. Однако тактика запугивания крестьян и батраков провалилась. Летом 1906 г. массовые стачки на селе были отмечены на Сев. Кавказе и Ставрополье, на Дону, в Рязанской, Воронежской, Орловской, Курской, Тамбовской, Саратовской губернии. При этом наблюдался явный рост организованности крестьян и батраков.

В то же время крестьяне не отказывались и от традиционных обращений с жалобами и просьбами к властям, а в 1906 г. и к Государственной думе. Время работы I Думы (май–июль 1906 г.) было отмечено целым потоком крестьянских приговоров и наказов с изложением жалоб и просьб в адрес властей и депутатов, хотя регламент работы Думы запрещал прием подобных документов. Однако надежда обитателей российской деревни на помощь «сверху», особенно от Думы, где заседали и их избранные, была насколько ве-

лика, а желание удовлетворить свои требования мирным, законным путем так сильно, что в адрес Думы поступило более 300 таких приговоров и наказов, причем эти данные отражают ситуацию только в 16 центральных губерниях России¹²¹.

Настроение деревни передавалось и в армию, хотя первая половина 1906 г. прошла здесь более спокойно, чем предыдущий год, особенно его лето и осень. Самым крупным из солдатских волнений этого периода были июньские волнения в гвардейском Преображенском полку, находившемся в летних лагерях под Петербургом. Не без влияния крестьянских депутатов I Думы они отказались повиноваться начальству, а 23 июня солдаты 1-го батальона преображенцев, шефом которого числился сам царь, предъявили командиру ряд экономических и политических требований, включая требование наделения крестьян землей. Мятежный батальон был срочно отправлен в Новгородскую губернию, а около 200 солдат пошли под суд. В июне 1906 г. волнения были отмечены и в Семеновском гвардейском полку.

Приведенные факты красноречиво свидетельствуют о том, что до успокоения страны было далеко. И хотя активность рабочих шла на убыль, а студенты, демократическая интеллигенция и армия уже не доставляли правительству столько хлопот, как в 1905 г., торжествовать победу над «бунтовщиками» и «смутьянами» было еще рано.

Первая Государственная дума

Процедура выборов в Думу началась в конце февраля и, закончившись в большинстве регионов к середине апреля, в оставшихся продолжалась и после начала ее работы. К тому времени политическое пространство страны было наскоро «поделено» различными организациями, с большим или меньшим основанием претендовавшими на статус «партий». Появившиеся в ходе революции (особенно после 17 октября), как грибы после дождя, – в большом количестве и самых разных видов и размеров – они так же, как грибы, росли «семействами», неизбежно тесня друг друга. Наибольшей организованностью, естественно, отличались не новые образования, а революционные партии, закаленные годами активной борьбы с властью, но в наименьшей степени заинтересованные в легальной политической деятельности. Противоположная часть политического спектра только начинала оформляться. На этом фланге выделялись Русское собрание, образовавшееся еще в начале века как культурно-просветительское общество, а в ходе революции превратившееся в своеобразный элитарный политический клуб, и возглавляемый А.И. Дубровиным Союз русского народа – единственная в то время массовая правомонархическая организация, начала становления которой пришлось на конец 1905 г.¹²². Опреде-

ленной известностью пользовались также Союз русских людей гр. Н.П. Игнатьева и кн. А.Г. Щербатова и Русская монархическая партия редактора «Московских ведомостей» В.А. Грингмута (обе возникли еще в начале 1905 г.).

Лидеры правых находились в весьма сложном положении: не сочувствуя самой идее законодательного представительства, они не могли открыто выступать против царского манифеста и вынуждены были давать ему собственное толкование, согласно которому он не подразумевал отказа от самодержавия. Отношение правых к выборам в Думу стало одним из центральных вопросов, обсуждавшихся 8–11 февраля 1906 г. на I Всероссийском съезде русских людей, собравшем представителей 30 организаций. Сознывая, что в условиях крайне радикализированных настроений в стране добиться успеха на выборах будет невозможно, монархисты пытались решить, поддерживать ли им «умеренных конституционалистов» («Союз 17 октября») или «крайних» (кадетов) и даже революционеров? Последняя точка зрения доминировала, однако однозначного решения принято не было¹²³.

Наиболее масштабную и умело организованную агитационную кампанию развернули кадеты, что, несомненно, явилось важным фактором их успеха. Основная ее идея заключалась в том, что Партия народной свободы (это название было принято в пропагандистских целях на январском съезде) – *единственная* сила, способная обеспечить удовлетворение *всех* требований народа, сделав это *мирным путем*. В условиях спада массового движения такая идея была очень выигрышна. Широко использовались разнообразные формы устной и печатной агитации, благо партия не испытывала недостатка в людях, профессионально владевших словом. Важную роль сыграла при этом тактика бойкота выборов, объявленная левыми партиями: кадеты действительно оказались единственной организованной оппозиционной силой, за которую могли голосовать несогласные с бойкотом избиратели¹²⁴.

Позднее левые партии прямо или косвенно признали ошибкой отказ от участия в этих выборах. Впрочем, и в начале 1906 г. единства по этому вопросу в их рядах не было. Меньшевики в основном придерживались позиции полубойкота (участия в агитационных целях лишь на первых стадиях выборного процесса), большевики же еще в декабре 1905 г. заняли более решительную позицию отчасти под влиянием радикальных настроений в своих местных организациях, стремясь поддержать в массах свой имидж бескомпромиссных борцов с властью. Кроме того, ожидалось, что возможное весеннее восстание сметет власть, а заодно и Думу. При этом Ленин пропагандировал тактику «активного бойкота», т.е. широкого использования избирательных собраний в агитационных целях, в том числе для разоблачения самого думского строя.

Еще более радикально были настроены эсеры. На I партийном съезде на рубеже 1905–1906 гг. (глубоко законспирированный, он проходил в глухой финляндской деревне) острые дискуссии развернулись вокруг вопроса о подготовке к всеобщему восстанию в деревне, ожидавшемуся осенью. Победила центристская точка зрения В.М. Чернова: к восстанию готовиться, но не делать на него исключительную ставку. Решение о бойкоте Думы было принято единогласно. Более того, большинством голосов было решено, что недопустимо участвовать в предвыборных собраниях (даже для агитации против Думы!). Впрочем, впоследствии оказалось, что далеко не все эсеры следовали этим партийным установкам. Нельзя не признать, что, «как и социал-демократы, эсеры переоценивали собственные силы, не придали должного значения наметившемуся после декабря 1905 г. повороту общественности. Поэтому сразу же после съезда они вынуждены были внести серьезные коррективы в свою тактику»¹²⁵.

Активную, хотя и несопоставимую с кадетской, кампанию развернули и октябристы. На I съезде «Союза 17 октября» программа партии, разработанная в общем виде еще в ноябре, была переработана и дополнена. Утверждая конституционный характер свершившихся преобразований, октябристы признавали необходимым обеспечить в государственном устройстве «связь с прошлым», не протестуя даже против сохранения за монархом титула «самодержавный». Оживленные прения вызвали национальный и аграрный вопросы. Приняв положения о единстве и неделимости империи, а также необходимости полной компенсации при возможном отчуждении частновладельческих земель, партия едва ли могла рассчитывать на сочувствие масс.

Основной упор в ходе предвыборной борьбы «Союз 17 октября» сделал на распространении печатных агитационных материалов. Однако огромные массы листовок и брошюр (только в Петербурге их было распространено 3 млн экз.!) избирателя не убедили. «Блок 4-х» (вместе с октябристами его составляли менее значительные Партия правового порядка, Прогрессивно-экономическая партия и Торгово-промышленный союз) сумел провести в Думу только 16 депутатов. Помимо очевидного несоответствия их программ настроениям масс, поражению способствовала крайняя организационная рыхлость и инертность большинства членов этих «господских партий», не склонных по положению и возрасту к демонстрации боевого задора. Для правых октябристы оказались слишком оппозиционными, для «передовой интеллигенции» — слишком умеренными.

Для правительства, и в особенности для Витте, заигрывавшего с октябристами еще с осени, их фиаско оказалось большим ударом. Впрочем, итог выборов стал ясен премьеру далеко не сразу, и неко-

торое время он даже выражал удовлетворение большим количеством попавших в Думу крестьян (231 депутат – цифра совершенно фантастическая для любого парламента мира, даже если учесть, что отражала она не род занятий, а лишь сословную принадлежность). Однако «очень скоро выяснилось, – писал Гурко, – что подавляющее большинство избранных именует себя кадетами (сильное преувеличение – у кадетов был лишь относительный перевес. – *Авт.*). При таких условиях крестьянское большинство являлось уже не плюсом, а минусом, так как для всех было понятно, что это будет серая толпа, всецело находящаяся в руках нескольких десятков интеллигентов кадетского образца. Витте... становился мрачнее тучи»¹²⁶. Оснований для недовольства было тем больше, что глава правительства провозгласил и действительно пытался следовать политике невмешательства в ход голосования. Конечно, избежать административного давления на местах было невозможно, однако сколько-нибудь систематически этот важный «ресурс» не использовался во многом именно из-за официальной позиции правительства. Закономерно поэтому, что премьер обвинил в исходе выборов Дурново с его репрессивной политикой, придворные же круги и сам император, напротив, решили, что важная причина радикального состава представительства – «самоустранение» правительства.

Раздражение Витте можно было понять. Из рук уплывал последний, пусть и иллюзорный шанс удержаться у власти, заручившись поддержкой Думы. Между тем успешное заключение в начале апреля международного займа на гигантскую сумму в 2250 млн франков означало, что император лишился важнейшей причины терпеть Витте на посту премьера. Заем, как считалось, был осуществлен во многом благодаря авторитету Витте в международных финансовых кругах (хотя непосредственные переговоры в Париже вел Коковцов). Он в полном смысле слова спас государство от банкротства, а заключение займа до созыва Думы, несомненно, было крупным успехом правительства¹²⁷. В какой мере Витте чувствовал неизбежность своей отставки? По этому поводу и современники, и историки придерживались разных точек зрения, подкрепляемых противоречивыми суждениями самого премьера, направившего императору развернутую просьбу об отставке, но при этом вроде бы выражавшего перед коллегами и подчиненными уверенность в своем будущем¹²⁸. Думается, что психологически это противоречие вполне объяснимо. Понимая, что отставка практически неизбежна и, наверное, частью своего «я» ожидая ее как облегчения, он до последнего момента, повинаясь мощному инстинкту властолюбия, не мог поверить, что его роль сыграна.

Гораздо больше оснований для уверенности в своем положении, несомненно, было у Дурново, который, как ни странно, рассчитывал реабилитировать себя перед Думой, развив «целую программу

либеральных мероприятий». Однако отставку получил кабинет in corpore, и это как бы подчеркивало, что «обновленная власть» ждет встречи с народным представительством. Подобный ход, очевидно, был подсказан императору оппозиционным Витте кружком, состоявшим из братьев Треповых и Горемыкина¹²⁹. Последний и стал новым премьером.

Многие историки, исходя из позиции, занятой Горемыкиным по отношению к Думе, склонны оценивать эту смену кабинета как меру реакционную, однако в то время она воспринималась в обществе совсем не столь однозначно. Так, кадетская пресса, в очередной раз заклеив Витте как «контрреволюционера», приветствовала его отставку как «первую победу организованного общественного мнения»¹³⁰. Действительно, ключевые фигуры нового кабинета не могли вызвать в обществе резкого отторжения. Горемыкин и министр юстиции И.Г. Щегловитов не успели еще зарекомендовать себя отъявленными реакционерами, а назначенный министром внутренних дел молодой саратовский губернатор П.А. Столыпин был не очень хорошо известен обществу, но в целом считалось, что он близок по убеждениям к октябристам. Новые министры финансов В.Н. Коковцов и народного просвещения П.М. фон Кауфман были известны как добросовестные бюрократы, а министр иностранных дел А.П. Извольский вообще был сторонником конституции. Лишь главноуправляющего земледелием и землеустройством А.С. Стишинского, обер-прокурора Св. Синода А.А. Ширинского-Шихматова и, может быть, государственного контролера П.Х. Шванебаха можно было бы назвать реакционерами.

Выбор Горемыкина – человека, известного своей пассивностью и отсутствием определенной политической физиономии – во многом обуславливался именно этими его качествами. Когда Коковцов на аудиенции прямо выразил Николаю II свое мнение, что безразличие и «отсутствие всякой гибкости» Горемыкина лишь усилят оппозиционное настроение Думы, тот ответил: «Для меня главное то, что Горемыкин не пойдет за моей спиной ни на какие соглашения и уступки во вред моей власти...»¹³¹

66-летний новый премьер, сделавший карьеру в Сенате и Министерстве юстиции, со времен своего пребывания на посту министра внутренних дел (1895–1899) пользовался репутацией добросовестного, но не слишком инициативного бюрократа «старой школы». Не обладая особыми дарованиями, он действительно отличался надежностью и предсказуемостью, а за его несколько напускной флегматичностью скрывались трезвый ум и здравое видение происходящего, столь чуждые его смертельному врагу Витте. Однако даже в еще большей степени, чем Витте, Горемыкин был политиком уходящей «непубличной» эпохи, а в условиях продолжающейся революции его методы и привычки выглядели явным анахронизмом.

Большинству министров было очевидно, что новое правительство перед лицом радикальной Думы и еще более радикальной страны вынуждено будет играть неблагодарную роль «каменной стены», став объектом нападков и ненависти. Но даже в этих условиях важна была тактика, избранная правительством в отношении народного представительства. По мнению задиристого и неуживчивого Гурко, «Горемыкин избрал самый худший способ обращения с Государственной думой, а именно – полное пренебрежение к самому ее существованию»¹³². Такая линия вполне соответствовала характеру склонного к фатализму премьера. Уже вскоре после своего назначения он сделал в разговоре с Коковцовым прогноз развития событий, который исключал всякий оптимизм по поводу сотрудничества с Думой и, надо признать, оказался достаточно адекватен реальности: «Она (Дума. – *Авт.*) будет заниматься, – сказал он, – одной борьбой с правительством и захватом у него власти, и все дело сведется только к тому, хватит ли у правительства достаточно силы и умения, чтобы отстоять власть в тех невероятных условиях, которые созданы этой невероятной чепухой, – управлять страной во время революционного угара какой-то пародией на западноевропейский парламентаризм»¹³³. Логичным следствием подобного видения ситуации и оказался отказ даже пытаться использовать Думу по прямому предназначению – для законотворческой деятельности. В итоге первым внесенным в нее правительственным законопроектом стал знаменитый проект об отпуске средств на устройство прачечных и оранжереи при Юрьевском университете, оглашение которого вызвало в Думе дружный и вполне искренний хохот¹³⁴. Однако и вне Думы правительство фактически бездействовало¹³⁵. Гурко писал: «Сколько-нибудь разработанной, продуманной и принятой членами Совета программы не было, а потому по всякому вопросу прения захватывали самые разнообразные предметы. В общем впечатление было жалкое...»¹³⁶ Но настроение премьера, по-видимому, первоначально разделяли не все члены кабинета. Надежда на то, что с думским большинством все-таки будет возможность (или необходимость) иметь дело, не оставляла не только Извольского, но и Коковцова, и Столыпина. Поэтому, конечно, не стоит недооценивать значения первых шагов самого народного представительства.

Как известно, в I Думе доминировали кадеты. Существует несколько вариантов подсчетов партийного состава Думы (см. табл.). Все они весьма условны из-за неустойчивости партийного членения депутатов, неизбежной для совсем еще молодых партий и «парламента». Кроме того, на всем протяжении работы Думы в столицу продолжали прибывать депутаты (в частности, избранные от окраин), что также меняло состав фракций.

Партии	Данные на конец апреля 1906 г. (подсчет С.М. Си- дельникова)	Данные на 10–15 мая (под- счет Н.А. Боро- дина)	Данные на 26 июня (под- счет С.М. Си- дельникова)	Данные на 26 июня (под- счет Н.А. Бо- родина)
Кадеты	182	153	176	179
Левые	47	—	—	—
Трудовики	—	107	102	94
Социал-демокра- ты	—	—	18	17
Торгово-промыш- ленная партия	2	1	—	—
Правые	8	—	—	—
Октябристы	—	13	—	—
Прогрессисты	36	2 (умеренные прогрессисты)	12	12
Партия демокра- тических реформ	4	4	6	6
Партия мирного обновления	—	—	26	26
Национальные партии	60	—	—	—
Автономисты	—	63	14	12
Польское коло	—	—	33	32
Беспартийные	83	105	100	100
Всего	448	448	487	478

Источники: *Сидельников С.М.* Образование и деятельность Первой Государственной думы. М., 1962. С. 192, 196; *Бородин Н.А.* Личный состав Первой Государственной думы, ее организация и статистические сведения о членах// Первая Государственная дума. Вып. 1. Политическое значение Первой думы/ Под ред. А.А. Муханова и В.Д. Набокова. СПб., 1907. С. 23–34, 27; *Emmons T.* Op. cit. P. 355–356. Кроме того, следует иметь в виду что, по данным М.И. Леонова, в Думу было избрано не менее 16 эсеров (не афишировавших своей партийной принадлежности), многие из которых стали позже лидерами Трудовой группы. См.: *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 282.

Не имея абсолютного большинства, кадеты тем не менее сумели провести своих кандидатов на посты председателя (С.А. Муромцев), обоих его товарищей (кн. П.Д. Долгоруков и Н.А. Гредескул), секретаря (кн. Д.И. Шаховской). Кадетами были $2/3$ членов президиума Думы, более половины членов различных комиссий, в том числе председатели 7 постоянных и 15 временных комиссий. На роль «мозгового центра» фракции «как-то сами собою выдвинулись» Милюков (он не был членом Думы и участвовал в ее деятельности, находясь в ложе прессы или в буфете), М.М. Винавер и Ф.Ф. Кокошкин¹³⁷. Нужно признать, что руководство партии еще до начала работы Думы поставило перед собой чрезвычайно сложную задачу. Апрельский съезд кадетов продемонстрировал, что под влиянием «настроения страны» большинство его участников (а значит, и дум-

ской фракции) даже и не думало о *сотрудничестве* с правительством. Речь шла о предъявлении власти *требований*, которые та, если желала остаться властью, конечно, удовлетворить не могла. По мнению Милюкова, «пусть конфликт грозит; пусть даже он неизбежен. Но нужно создать для него наиболее благоприятную почву. Нужно успеть дать материал стране для суждения о смысле конфликта. Для этого нужно не только “быть в Думе”, но и остаться там на более или менее продолжительное время». Иначе считало большинство делегатов съезда, полагая, что «следует просто игнорировать правительство, игнорировать и законы, изданные после 17 октября, игнорировать Государственный совет, провести всю нашу законодательную программу в форме “ультиматума” или “декларации”»¹³⁸. Правительство должно уйти, а если оно этого не делает, в дело вступит «народ». Прав был В.А. Маклаков, когда утверждал, что причиной борьбы между Думой и правительством «была не “конституция”, не программа “либеральных реформ”; характерной причиной было отношение к *революции*»¹³⁹.

В этих условиях в плане тактики кадетской партии речь могла идти лишь о внешнем соблюдении конституционных *форм* с тем, чтобы не дать власти повода для преждевременного роспуска Думы. Содержание же кадетских требований и, главное, настроение депутатов настолько противоречили этим формам, что задача Милюкова и Винавера (Кокошкин занимался главным образом общими вопросами) заключалась в постоянном и неослабном контроле за тем, что в нормально функционирующем парламенте, как правило, определяется само собой. Учитывая же, что добиться большинства кадеты могли, лишь заручившись поддержкой слева, в их задачи входила также выработка «общей линии» с трудовиками.

Эта вторая по численности и значению фракция Думы не отличалась ни сплоченностью, ни ясностью программы. Она включала в себя не только занимающихся сельским хозяйством крестьян (42 человека), но и народнически настроенных интеллигентов (26), рабочих и служащих (соответственно 19 и 15)¹⁴⁰. Среди трудовиков первоначально оказались и те немногочисленные эсеры и социал-демократы, которые попали в число депутатов в качестве беспартийных. Но большинство фракции все-таки принадлежало действительно беспартийным крестьянам, для которых, как справедливо утверждал В. А. Оболенский, «весь смысл Государственной думы заключался в надежде получить при ее посредничестве в свое владение помещичьи земли», а потому в центре внимания Трудовой группы находился именно аграрный вопрос. Выступления трудовиков по политическим проблемам отличались простотой и радикализмом, а решения во многом определялись лидерами группы – А.Ф. Аладыным, С.В. Аникиным, И.В. Жилкиным, Ф.М. Оникко (первые трое составили «триумvirат», подобный кадетскому). В отличие от Ала-

дына, «типичного авантюриста, делавшего карьеру на революции»¹⁴¹, и, стоит добавить, человека с весьма интересной судьбой¹⁴², Аникин и Жилкин были, по оценке Милюкова, «люди совестливые и скромные». «Аникин, – вспоминал Оболенский, – выступал в Думе с демагогическими речами. Других, за недостатком настоящей культурности, он произносить не мог. Но демагогия его была вполне искренняя... Его речи нравились крестьянам, ибо в них чувствовалась подлинная мужицкая ненависть к привилегированным классам общества...»¹⁴³ Тактика трудовиков определялась убеждением, «будто вся страна “стихийно-революционно” настроена... Дума, по их мнению, и не могла быть “государственным установлением”, она должна была просто стать органом революционной стихии»¹⁴⁴.

Естественно, что кадеты восприняли основную массу трудовиков (за исключением убежденных левых) как возможный объект для обработки и, так сказать, культуртрегерского воздействия, полагая, по словам Винавера, что «вся эта лава, весьма раскаленная, не будучи захвачена в определенное русло, могла только снести те устои, на которых воздвигнуто новое, крайне непрочное здание нашей парламентской жизни»¹⁴⁵. Трудовики действительно не желали соблюдать «парламентских форм», а многие из них их просто не понимали, точнее, понимали по-своему. Когда на повестке дня оказался аграрный вопрос, в прения записалось огромное количество крестьян, причем тем из них, кто не успел или не захотел выступить, избиратели по возвращении домой устроили настоящую обструкцию, обвинив в неисполнении своего долга.

«Борьба за трудовиков» с представителями революционных партий, собственно, и составляла основное содержание внутридумской работы кадетского руководства, метко названной Милюковым «тканью Пенелопы или работой Сизифа». «Это помогало “тянуть” работу Думы... – вспоминал он, – но отнюдь не содействовало изменению ее общего политического направления»¹⁴⁶. Трудовики сопротивлялись. Происхождение, мировоззрение, житейский опыт – все это тянуло их «налево». Все большее влияние на них завоевывали социал-демократы, что отражалось и на результатах голосования¹⁴⁷. Винавер не без основания утверждал, что по мере развития событий в поведении трудовиков все отчетливее проявлялись «отрицательное отношение к кадетской тактике бережения Думы при одновременном отрицании и противоположной революционной внедумской тактике...»¹⁴⁸

Значение социал-демократов в этой борьбе особенно выросло после некоторой корректировки их отношения к Думе. 10–25 апреля в Стокгольме состоялся IV съезд РСДРП. Несмотря на свой объединительный характер, съезд выявил, по выражению одного из лидеров меньшевиков П. Б. Аксельрода, «принципиальный антагонизм» между двумя течениями в партии. Большевики настаивали на

том, что революция приближается к новому мощному подъему и в этих условиях и легальная борьба, и сотрудничество с либералами пагубны для ее развития; меньшевики придерживались противоположных позиций. Острые прения развернулись на съезде по аграрному вопросу, причем оказалось, что обе фракции имеют достаточно абстрактные, схематичные и едва ли способные привлечь крестьян представления о необходимой аграрной реформе. Меньшевистская «муниципализация» в этом смысле едва ли сильно отличалась от большевистской «национализации»¹⁴⁹. В целом же съезд продемонстрировал, что социал-демократы не только не руководят революцией, но и реагируют на происходящее в стране с явным запозданием и не вполне адекватно.

В соответствии с решениями съезда социал-демократы могли выставлять свои кандидатуры на выборах в Думу (там, где они еще не состоялись). Так в Думу попали 5 меньшевиков, выбранных в Грузии. Именно после их прибытия в Петербург 12 июня организационно оформилась социал-демократическая фракция (18 человек, руководитель – Н.Н. Жордания). В рамках меньшевистской думской тактики, при всей ее противоречивости, Дума рассматривалась не как законодательное собрание, а как «организующий центр революции» (А.Н. Потресов). Неудивительно, что ЦК РСДРП в одном из директивных документов еще в мае предлагал партийным организациям, воздержавшись от уличных выступлений, настойчиво разжигать конфликты Думы с правительством, вести дело к ее разгону, а тогда уже «принять участие в восстании и двинуться возможно больше вперед, выставляя самые крайние лозунги»¹⁵⁰.

Аналогичную позицию в отношении Думы заняли эсеры. Прощедшие в нее члены партии расположились на левом фланге Трудовой группы. Правда, эсеры резко отрицательно отнеслись к конституированию социал-демократической фракции, полагая, что тактика социал-демократов лишь дробит «революционный лагерь». Приходилось им считаться и с отсутствием единства в собственных рядах, ведь многие трудовики тяготели, скорее, к относительно умеренной, энесовской программе (сама Трудовая народно-социалистическая партия оформилась позже, уже после роспуска Думы).

Правее кадетов находилась немногочисленная группа октябристов, часть которой в конце мая преобразовалась в Партию мирного обновления. Тот факт, что ее лидер авторитетный гр. П.А. Гейден «совершенно для себя неожиданно оказался не в левом центре, где ему быть надлежало, а на крайнем правом фланге»¹⁵¹, еще раз свидетельствовал о радикализме состава Думы. По европейскому обычаю, место в зале заседаний Таврического дворца воспринималось как знак партийной принадлежности, и нельзя не признать характерным, что «провинциальные кадеты из... революционного по-

зерства стремились сесть как можно левее, а опоздавшие с большим неудовольствием размещались на центральных и правых скамьях»¹⁵².

Даже краткий рассказ о раскладе сил в I Думе был бы неполным без характеристики ее председателя. Сергей Александрович Муромцев, блестящий юрист и профессор Московского университета, по общему мнению, был прирожденным председателем. Готовясь к исполнению своей роли, он «выработал в себе манеры, жесты такие, какие, согласно его артистической интуиции, должна была иметь его председательская особа...»¹⁵³. Отказавшись считать себя членом кадетской фракции, он на председательском месте ««священнодействовал», не вмешиваясь в ход занятий и ожидая, в своем пассивно-замкнутом величии, первых шагов и формальных обращений со стороны самих депутатов». Следствием этого, по признанию Милюкова, было то, что кадеты (и Дума в целом) лишились «естественного посредника в неизбежных столкновениях с властью»¹⁵⁴. Так, Муромцев не поехал представляться Горемыкину, считая, что именно он, а не глава исполнительной власти, является вторым лицом в государстве. Впрочем, его позиция лишь отражала всеобъемлющее сознание своей значимости, господствовавшее в Думе.

Уже торжественный прием в Зимнем дворце 27 апреля, во время которого император обратился к думцам с короткой приветственной речью, обнаружил всю глубину отчуждения власти и «народа». Плохо скрываема враждебность «лучших людей» потрясла Николая II и его окружение. Рассматривая «наглое лицо» одного из них (Ф.М. Оникко), Коковцов и Столыпин даже всерьез задались вопросом, нет ли у него при себе бомбы¹⁵⁵. Зато на улице и по пути в Таврический дворец народных избранников ждали бурные приветствия и требования амнистии. В первой прозвучавшей в Думе речи И.И. Петрункевич говорил именно об амнистии. Выйдя же из дворца после первого заседания, депутаты оказались в густой толпе народа. «Я с трудом отдаю себе отчет в том, что затем происходило, — вспоминал Оболенский. — Чувствовал только какое-то восторженное состояние, сливавшее меня с уличной толпой. Помню, что какие-то незнакомые люди пожимали мне руки, а оказавшаяся рядом толстая незнакомая дама радостно крутила меня в своих объятьях...»¹⁵⁶

Эта тональность сохранялась все 72 дня существования Думы. «Бурные заседания, красивые речи и... никакого следа в русском законодательстве»¹⁵⁷. За время работы Думы в нее было внесено 16 правительственных и столько же депутатских законопроектов. Лишь 3 проекта вышли из комиссий, 2 из них были одобрены, и только 1 (об ассигновании 15 млн руб. пострадавшим от неурожая) стал законом (одобренный проект об отмене смертной казни был

отклонен Государственным советом)¹⁵⁸. По мнению Оболенского, именно отсутствие будничной законотворческой деятельности, которая «лучше валериановых капель успокаивает нервы депутатов», повлияло на то, что они «находились в непрерывном нервном возбуждении»¹⁵⁹. Думается, такое объяснение не совсем справедливо. Депутаты просто не пожелали бы принять успокоительного. Возбуждение все время подпитывалось извне, а ожидание очередных грандиозных свершений делало невозможной «рутинную» работу над законами. Наивно объяснять, как это делал В.А. Маклаков, судьбу Думы и тактикой кадетского руководства, которое также не могло не оказаться заложником (пусть и не совсем невольным) господствовавшего в Думе и за ее пределами настроения.

Ход работы I Думы неоднократно излагался в исторической литературе¹⁶⁰. Поэтому есть смысл остановиться лишь на ключевых моментах ее истории. Первым из них стал ответный адрес на «тронную речь» императора – плод творчества упомянутого кадетского «триумвирата», содержащий основные положения кадетской программы. Принятый в результате бурных, но не слишком содержательных дебатов (трудовикам не очень нравился его «просительный тон», хотя, например, Гурко он казался «почти императивным»¹⁶¹), адрес содержал полуходатайства-полутребования установления ответственного министерства, упразднения Государственного совета, расширения законодательных прав Думы, отмены чрезвычайных законов и амнистии. Кроме того, Дума заявляла о своем намерении ввести всеобщее избирательное право, принять законы об основных «свободах», гражданском равенстве и неприкосновенности личности, отмене смертной казни, всеобщем бесплатном обучении, принудительном отчуждении частновладельческих земель, налоговой реформе, преобразовании местного управления и самоуправления. Упоминались также национальный и рабочий вопросы¹⁶².

Конечно, адрес фактически был обращен не к монарху или правительству, а к стране, демонстрируя перед ней решительность Думы. В «верхах» разошлись не в его принципиальной оценке (конечно, кадетские требования были неприемлемы для правительства), а лишь во мнении о том, как его принимать и что на него отвечать. В итоге было решено, что депутацию Думы император принимать не должен, а отвечать по существу и от своего имени следует председателю правительства¹⁶³. Текст речи премьера был написан Гурко, разумеется, в достаточно непримиримом духе, и зачитан Горемыкиным 13 мая¹⁶⁴. Как и следовало ожидать, реакцией депутатов было почти единогласное выражение правительству недоверия.

Достаточно быстро в центре внимания думцев, как и ожидалось, оказался аграрный вопрос. Кадетский проект принудительного отчуждения частновладельческих земель за вознаграждение, извест-

ный как «проект 42-х», был внесен в Думу 8 мая. Думается, нет необходимости опровергать аксиоматичное для советской историографии мнение о его помещичьем характере. Кадеты действительно не предлагали полного уничтожения помещичьего землевладения и бесплатной передачи крестьянам всех земель (чего от них и невозможно было ожидать), однако проект, при всей его неопределенности, открывал путь для самой широкой экспроприации частных земель с созданием «государственного земельного запаса» и наделением из него *в пользование* и за плату всех нуждающихся¹⁶⁵. Его сугубо популистский характер, а также влияние на него народнических идей были очевидны. Нет никаких оснований считать, что в нем отразилась «борьба буржуазии за ограничение прав помещиков на монопольное владение земельной собственностью»¹⁶⁶ и тем более что его реализация могла повести к «укреплению рациональной рыночной экономики» и что кадеты предлагали власти «спасительный для нее компромисс»¹⁶⁷. Непонятно, как могли укрепить частную собственность ее огосударствление и дробление на множество мелких участков, сдаваемых государством в пользование крестьянам.

19 мая с возражениями думцам по поручению Совета министров выступили Стишинский и Гурко. Суть речи первого сводилась к тому, что отчуждение незаконно и главное – не может решить земельного вопроса, ибо, лишь незначительно (в целом примерно на треть) увеличив крестьянские наделы, приведет к варваризации земледелия, застою в сельском хозяйстве и падению товарного производства хлеба, да и получение земли лишь в пользование крестьян удовлетворить не сможет. Выступление Гурко было более ярким и убедительным. Указав на то, что невозможно, экспроприровав земли помещиков, оставить в неприкосновенности другие, в том числе крестьянские частные владения, он нарисовал картину всеобщего поравнения наделов до уровня менее 4 десятин, с иронией заметив, что даже социалистические теории имеют в виду не раздробление производительных сил, а наоборот, их объединение, предложение же кадетов означает не социалистический, а «первобытный» способ обеспечения социальной справедливости¹⁶⁷.

С возражениями от имени кадетов выступил М. Я. Герценштейн, перемежавший не вполне корректные ссылки на зарубежный опыт государственного регулирования в аграрной сфере пророчествами о всеобщем крестьянском бунте. В дальнейшем дискуссия имела продолжение, причем, Думу ожидали и другие, гораздо более радикальные программы решения земельного вопроса. 23 мая был внесен известный трудовический «проект 104-х»¹⁶⁹, предполагавший фактическую отмену частной собственности на землю и передачу ее в «общенародный земельный фонд», распоряжаться которым должны были «местные самоуправления, избранные всеобщим,

равным, прямым и тайным голосованием». Из этого фонда и предполагалось наделение всех трудящихся по трудовой норме. В основу проекта лег «программный документ», написанный А.В. Пешехоновым – одним из лидеров группировки народнических публицистов, оформившейся вокруг журнала «Русское богатство», а позднее составившей ядро партии народных социалистов. Различия между ними и эсерами заключались в данном вопросе в том, что энесы выступали за сохранение в собственности крестьян приобретенных ими земель (но не выше трудовой нормы), а также за выплату вознаграждения за принудительно отчуждаемые частные земли (в первую очередь опять-таки крестьянские). Несомненно, эти особенности и делали программу энесов гораздо более привлекательной для крестьян. Вместе с тем они несколько не меняли ее утопического и революционного характера, который едва ли нуждается в комментариях¹⁷⁰.

На следующий день был оглашен «проект 35-ти», предлагавший немедленное создание на местах упомянутых в предыдущем проекте земельных комитетов. Подписавшие его левые трудовики, действовавшие по инициативе лидера эсеров В. М. Чернова, несомненно, имели в виду дальнейшее революционизирование страны¹⁷¹. «Нам необходимо, – прямо заявлял по этому поводу Аладьин, – создать вне Думы такие силы, на которые мы могли бы рассчитывать в нужный момент, в момент конфликта»¹⁷². Наконец, 6 июня Дума услышала о «проекте 33-х», без экивоков и в полном виде озвучивавшем эсеровскую программу абсолютной ликвидации частной собственности на землю и ее всеобщее уравнительное распределение. В отличие от предыдущих этот проект был отвергнут без передачи в комиссию, работа же самой аграрной комиссии Думы вскоре зашла в тупик из-за невозможности совместить кадетский и трудовический проекты¹⁷³.

Разумеется, в таких условиях внесение в Думу намеченной еще Витте при деятельном участии Гурко программы, нацеленной в первую очередь на ликвидацию общины, было по меньшей мере несвоевременным. И когда по настоянию Гурко отклоненный в апреле Государственным советом проект по этому поводу все-таки поступил на обсуждение Совета министров, против него «решительно восстал Горемыкин, а Столыпин не произнес в его защиту ни единого слова»¹⁷⁴. Тем не менее 6 и 10 июня правительство внесло в Думу два аграрных законопроекта, предполагавших возможность выхода крестьян из общины и расширения их землевладения (не за счет частных земель). Они явно носили компромиссный характер, предполагая, например, упразднение земских начальников и одновременно сохранение неотчуждаемости крестьянских наделов. Проекты были рассчитаны «на привлечение крестьянства и либеральной оппозиции»¹⁷⁵, но замыслы правительства потерпели пол-

ное фиаско. Дума демонстративно отклонила их без передачи в комиссию, т.е. отказалась даже обсуждать их.

Сравнимой по значению с аграрной проблемой «болевой точкой» во взаимоотношениях народного представительства и власти, пожалуй, был только вопрос об ответственном министерстве. Конечно, Дума рассматривала и другие важные проблемы, однако законопроекты и об отмене смертной казни, неприкосновенности личности, свободе собраний и печати, которые в иных обстоятельствах, несомненно, привлекли бы всеобщее внимание, летом 1906 г. оценивались не столько с точки зрения их содержания, сколько как лишний аргумент в политической борьбе. Собственно, еще до начала работы Думы, полагая, что кадеты должны «избегать... острых столкновений, предоставив инициативу конфликта правительству», Милюков справедливо относил предложения о всеобщем избирательном праве и о «свободах» к числу «безопасных вопросов»¹⁷⁶. Не задевая непосредственно власть, они, как считалось, не слишком заботят и «народ» (особенно крестьянство).

Знаменательно, однако, что и здесь кадеты встретили неожиданное и упорное противодействие слева. Так, кадетский законопроект о свободе собраний, предварительно обсуждавшийся 16–20 июня, подвергся резкой критике со стороны социал-демократов и трудовиков. Кадеты предлагали поставить свободу собраний в определенные рамки, и для закона это было совершенно естественно. Критики же имели в виду не законотворческое, а агитационное значение Думы. Один из проектов социал-демократов состоял поэтому всего из двух статей: первая провозглашала свободу собраний, вторая угрожала всяческими карами ее нарушителям¹⁷⁷. Левые выступили против передачи кадетского проекта в комиссию, отвергая тем самым даже возможность его «улучшения», и лишь с большим трудом кадетам удалось добиться благоприятного исхода голосования. При этом, как признавал Винавер, критика слева «произвела даже некоторое замешательство» в их собственных рядах¹⁷⁸.

I Дума явно оказалась в тупике. «Бесконечные речи по отдельным вопросам... вначале производившие сильное впечатление, стали утомлять, утомление ощущали и сами депутаты, и прежде всегда напряженно переполненный зал заседания, а также и места для публики все время пустовали», – вспоминал редактор кадетской «Речи» И.В. Гессен¹⁷⁹. Вполне закономерно, что правительство после речи Горемыкина 13 мая перестало проявлять какой бы то ни было интерес к существованию думских прений. По словам Коковцова, уже в середине мая все министры за исключением Извольского были единодушны, признавая, что работать с Думой невозможно. Вопрос, таким образом, заключался лишь в выборе подходящего момента для ее роспуска. Важная роль при этом должна была принадлежать министру внутренних дел, владеющему необходимой информацией

о положении в стране. Столыпин же, считая роспуск Думы «совершенно неизбежным», поначалу предлагал «выжидательный способ действий»¹⁸⁰.

В начале июня необходимость роспуска вновь обсуждалась Советом министров. Коковцов призывал к осторожности и терпению. Извольский и Кауфман высказались за компромисс с Думой, полагая, что ее «центр» (т.е. кадеты) удовлетворится, если будет сформировано правительство из умеренных чиновников и общественников. Особые надежды они возлагали на якобы наметившуюся в самой Думе «новую группировку партий». Остальные же члены правительства исходили из более трезвой оценки ситуации. По их мнению, ни «коалиционное», ни даже кадетское правительство не имело шансов ужиться с Думой, не согласившись «ей подчиниться», а это означало бы «повторение той политики, которую вел граф Витте с 17 октября по конец ноября, т.е. политики боязливых уступок и деморализации администрации при растущей дерзости революционных партий». Откладывать решение нельзя, следует лишь выбрать для роспуска «удачный момент» и законный повод¹⁸¹. Неизвестно, когда именно журнал Совета министров попал к императору (возвращен им он был только 15 июля). Если верить Коковцову, ни Столыпин, ни Горемыкин в беседах с Николаем II решительно в пользу немедленного роспуска не высказывались¹⁸². Да и сам министр финансов, судя по всему, не занимал столь определенной позиции, как ему хотелось представить в мемуарах. По сообщению Крыжановского, после принятия Советом министров решения о роспуске Думы Коковцов сказал: «О бирже я не говорю, на бирже будет полный крах, но что будет в России, что будет в С.-Петербурге?» На уверения окружающих, что ничего не будет и все пройдет спокойно, он презрительно пожимал плечами и отвечал: “Посмотрим, посмотрим” с видом человека, идущего на гибель по воле Провидения»¹⁸³.

Сторонниками сделки с кадетами несколько неожиданно оказались дворцовый комендант Д. Ф. Трепов и министр двора В.Б. Фредерикс. Трепов обсуждал с Коковцовым возможность образования «министерства доверия» еще в начале мая, и именно он, вероятно, и убедил Фредерикса в неизбежности этого шага. В середине июня Трепов пытался завязать переговоры с Муромцевым и Петрункевичем, а затем с Милюковым, результатом чего и стала знаменитая тайная встреча лидера кадетов с «вахмистром по воспитанию и погромщиком по убеждению» в ресторане Кюба. Здесь Трепов аккуратно и без возражений занес в записную книжку требования кадетов, не возразив ни против политических реформ, ни против отчуждения частных земель. Сомнение вызвала у него лишь амнистия. Составлен был и список министров из кадетов и близких к ним «умеренных». За исключением сферы «императорской прерогати-

вы» (министров военного, морского и императорского двора) в него вошел только один «бюрократ» (А.П. Извольский)¹⁸⁴. Когда Николай II ознакомил с этим списком Коковцова, тот предостерег императора от опасных экспериментов, предсказав, что даже если кадеты получают власть, они будут «сметены» крайними левыми элементами, и это выльется в «революцию и коренную ломку всего нашего государственного строя». «...Верьте мне, что я не приму решения, с которым не мирится моя совесть, и, конечно, взвешу каждую мысль, которую Вы мне высказали», – заверил Николай II встревоженного собеседника. А уже во время следующего доклада Коковцов услышал, что у императора «нет более никаких колебаний, да их и не было на самом деле...»¹⁸⁵.

Возможность формирования кадетского министерства широко обсуждалась в российской и иностранной прессе, в контакты с кадетами оказались вовлечены А.С. Ермолов, С.Е. Крыжановский, А.П. Извольский¹⁸⁶. Наконец, подключился к ним и Столыпин, также встретившийся (конечно, с ведома или по прямому поручению императора) с Милюковым. Лидер кадетов в очередной раз поведал о требованиях думской оппозиции и убедился, что на сочувствие Столыпина, в отличие от Трепова, рассчитывать не приходится уже потому, что в новом правительстве его участие не предусматривалось ни в каком из вариантов. Тем не менее эта встреча вселяла в лидера кадетов оптимизм, а Муромцев уже видел себя главой первого в российской истории «правительства народного доверия»¹⁸⁷.

Отказавшись от мысли достигнуть компромисса с кадетским руководством, Столыпин (неизвестно, по собственной ли инициативе) через знакомого ему еще по Саратовской губернии умеренного думца Н.Н. Львова привлек к переговорам Д.Н. Шипова. Тот быстро убедился в неосуществимости предлагавшейся комбинации – создать «коалиционный» кабинет с участием Столыпина, Извольского, октябристов и некоторых кадетов (с почти не скрываемой Столыпиным целью прикрыть роспуск Думы), и 28 июня на высочайшей аудиенции убеждал императора, что реально только кадетское министерство с Муромцевым во главе и Милюковым в качестве министра иностранных дел¹⁸⁸. Император выслушал рассуждения Шипова с вниманием и любовью. 3 июля на экстренном собрании кадетской фракции Милюков вынужден был проинформировать товарищей по партии о своем участии в переговорах и получил «не особенно дружественную санкцию собрания» на их продолжение. Но ни о каких компромиссах не могло быть и речи: настроение фракции оставляло возможность говорить лишь о «думском» министерстве без всякого участия «бюрократов»¹⁸⁹.

На таком многообещающем для оппозиции фоне разворачивалась история с ее «аграрным контрбращением», послужившим формальным поводом для роспуска Думы. 20 июня правительство

обратилось к населению страны с обращением, дезавуировав думские проекты отчуждения частновладельческих земель и изложив собственную программу¹⁹⁰. Дума сочла это провокацией. Так появилась идея «контрсообщения». Независимо от его содержания, оно было не вполне легальным, поскольку прямые обращения законодателей к населению не были предусмотрены законом. 4 июля, в день, когда проект сообщения (в нем, в частности, объявлялось, что законодатели от идеи принудительного отчуждения не отступят¹⁹¹) был вынесен на обсуждение, в Думе появился Столыпин, который тщательно записывал прения. Но лишь на следующий день Милюков, по его собственному выражению, «забил тревогу». Однако большинство фракции к его предостережениям отнеслось с неудовольствием, хотя и было решено внести в текст «контрсообщения» смягчающие его смысл поправки, вызвавшие негодование левых, которые демонстративно воздержались от голосования. Обращение было принято голосами кадетов¹⁹².

Сложно сказать, сыграло ли оно какую-либо роль в принятии окончательного решения о судьбе Думы. Судя по запискам военного министра Редигера, еще 2 июля он, Горемыкин и Столыпин обсуждали меры, необходимые в день закрытия Думы (уже было известно, что оно последует в воскресенье 9 июля)¹⁹³. Тем не менее противники роспуска Трепов и Фредерикс не прекращали ему противодействовать¹⁹⁴, а учитывая их близость к царю, уверенности в бесповоротности принятого решения у министров не было до самого конца. Эту ситуацию и отражала (независимо от ее достоверности) распространенная версия, согласно которой Горемыкину в ночь на 9 июля был отправлен высочайший приказ, отменяющий опубликование манифеста о роспуске, однако он не получил его, потому что предусмотрительно приказал себя не будить¹⁹⁵. Отвлекающий думцев маневр был мастерски выполнен Столыпиным, который за день до роспуска заявил Муромцеву о своем намерении выступить на заседании 10 июля по поводу белостокского погрома (это был необычайно острый вопрос, до того неоднократно дебатировавшийся в Думе).

Одновременно с указом о роспуске Думы был обнародован указ об отставке Горемыкина и назначении Столыпина председателем Совета министров (с оставлением в должности министра внутренних дел). Это решение, по всей видимости, вызревало постепенно и не было неожиданностью ни для Столыпина, ни для Горемыкина. Собственно, последний, почувствовав неизбежность отставки, сам рекомендовал царю именно Столыпина. По настоянию же нового премьера в отставку были отправлены наиболее нелюбимые общественным мнением министры – Стишинский и Ширинский-Шихматов. Эти посты, наряду с постом государственного контролера, Столыпин предполагал заместить «общественными» представителями.

Дело в том, что в то время он еще не отказался от идеи укрепить свой кабинет путем привлечения лидеров «умеренной» оппозиции.

Вероятно, полной картины событий, предшествовавших роспуску I Думы, несмотря на существование многочисленных воспоминаний участников этих событий, у историков не будет никогда. Некоторые современники (например, А. П. Извольский), а затем и историки полагали, что истинной целью усилий Трепова было обострение ситуации и неизбежное вслед за тем установление диктатуры с ним самим во главе¹⁹⁶. Такой вариант Трепов наверняка просчитывал, однако мотивация его поступков, вероятно, все-таки была более сложной. По словам Гурко, «неустойчивый в своих политических убеждениях, так как основаны они были... на одном лишь чувстве, легко к тому же подвергающийся панике», он беспокоился прежде всего о безопасности царя и к тому же полагал, что его личному положению никакие перемены в правительстве не угрожают¹⁹⁷. Только неверная оценка реального влияния Думы и готовности народа встать на ее защиту могла подвигнуть некоторых приближенных царя на судорожные поиски компромисса. Иной была мотивация действий Извольского, ориентировавшегося на общественное мнение западных стран и, кроме того, очевидно, стремившегося сохранить свой пост при неизбежной отставке правительства.

Однако подавляющее большинство сановников, опасаясь возможных последствий роспуска Думы, все же считало, что с течением времени ситуация может лишь ухудшаться, а революционные силы, убеждаясь в слабости правительства, лишь усилят свой натиск. Наиболее же верный политический прогноз, как оказалось позже, дал Горемыкин, который еще 6 июня заявил А.А. Половцову: «Теперь не остается ничего иного, как распустить Думу, затем созвать ее вновь, повливав всеми возможными средствами на выборы, а если и это не поможет, то вновь распустить Думу и издать новый избирательный закон»¹⁹⁸. Подобно оппозиционерам, которые, по словам Маклакова, «о революциях читали только в книжках»¹⁹⁹, правительство также «училось» иметь дело с революцией. И, конечно, далеко неслучайны были ссылки в журнале Совета министров 7–8 июня на доказавшую свою бесперспективность тактику уступок, которой придерживался после 17 октября Витте. Поэтому есть все основания утверждать, что отличие лета 1906 г. от осени 1905 заключалось не только в отсутствии мощного натиска «снизу», как принято считать в историографии, но и в серьезных подвижках в «верхах».

Вместе с тем, распуская Думу, правительство вряд ли надеялось на благоразумный состав следующего ее созыва. Скорее, это был пробный камень, предполагавший внимательное отслеживание поведения депутатов и главное – реакции страны. Кадетское руководство же в истории с переговорами выглядело пассивной стороной,

не имеющей реальной силы, чтобы диктовать условия, но при этом необоснованно амбициозной, что мешало договариваться с властью. Любой сколько-нибудь трезво оценивающий ситуацию в стране человек не мог не прийти к выводу, что кадеты лишь выступают в роли самозванных глашатаев революции, никем не уполномоченных, а потому не заслуживающих доверия. Если считать июньские переговоры политической игрой (каковой они и были для всех их участников), то придется признать, что кадеты эту игру проиграли, даже не успев понять ее правил.

Примечания

- ¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. СПб., 2003. С. 249.
- ² См.: *Королева Н.Г.* Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. М., 1982. С. 30–41.
- ³ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. М., 1992. Кн. 1. С. 93. В итоге доклады все-таки сохранялись. См.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 2000. С. 239–240; Из архива С.Ю. Витте. С. 321.
- ⁴ Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. 31 октября 1905 г. – 24 апреля 1906 г. М., 1997. С. 19.
- ⁵ *Тхоржевский И.И.* Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 74.
- ⁶ История его формирования и состав неоднократно анализировались в исторической литературе, см.: *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977. С. 8–31; *Корелин А.П., Степанов С.А.* С.Ю. Витте – финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 192–205; *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 231 и след.
- ⁷ Из архива С.Ю. Витте. С. 251.
- ⁸ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. М., 1990. С. 328.
- ⁹ *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 346.
- ¹⁰ *Милюков П.Н.* Три попытки. (К истории русского лжеконституционализма). Париж, 1921. С. 13; *Он же.* Воспоминания. Т. 1. С. 328.
- ¹¹ См.: *Маклаков В.А.* Первая Государственная дума. Париж, 1939. С. 13–14, 44.
- ¹² Там же. С. 9.
- ¹³ Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. С. 176.
- ¹⁴ *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 472.
- ¹⁵ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 330.
- ¹⁶ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 476–478.
- ¹⁷ Там же. С. 479.
- ¹⁸ Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. С. 165–167.
- ¹⁹ *Баян.* Ложь Витте. Ящик Пандоры. Берлин, б. г. С. 35.
- ²⁰ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 517.
- ²¹ См.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Указ. соч. С. 254.
- ²² *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 122.
- ²³ *Тхоржевский И.И.* Указ. соч. С. 73.

- ²⁴ Из архива С.Ю. Витте. С. 266.
- ²⁵ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 518.
- ²⁶ Там же. С. 79. Представители рабочих закономерно ответили на это обращение резкой отповедью, заявив, в частности, что «рабочие ни в каком родстве с графом Витте не состоят».
- ²⁷ Революция 1905 г. и самодержавие. М.; Л., 1928. С. 27–42.
- ²⁸ Красный архив. 1927. Т. 3. С. 187.
- ²⁹ *Богданович А.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 367 (запись от 3 февраля 1906 г.)
- ³⁰ См.: Кризис самодержавия в России. С. 254–258.
- ³¹ *Шипов Д.Н.* Указ. соч. С. 352–370; Кризис самодержавия в России. 1895–1917. Л76 1984. С. 254–258.
- ³² *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора// Вопросы истории. 1997. №3. С. 121.
- ³³ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 480.
- ³⁴ Былое. 1917. № 3(25). С. 235–237.
- ³⁵ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин, б. г. С. 69.
- ³⁶ См. также: *Таганцев Н.С.* Пережитое: Вып. I: Учреждение Государственной думы в 1905–1906 гг. Пг., 1919. С. 89.
- ³⁷ Былое. 1917. №3(25).
- ³⁸ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. С. 72.
- ³⁹ Из архива С.Ю. Витте. Т. 3. С. 450.
- ⁴⁰ Былое. 1917. № 3(25). С. 258–259.
- ⁴¹ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXV. Отд. 1. № 27029.
- ⁴² *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 123.
- ⁴³ Цит. по: *Asher A.* The Revolution of 1905. Vol. 2. Authority restored. Stanford, 1992. P. 42–43.
- ⁴⁴ См., например: *Демин В.А.* Государственная дума России. (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 27.
- ⁴⁵ См. очень яркое и детальное описание выборов в Таврической губернии, которое оставил в своих воспоминаниях кадет кн. В.А. Оболенский: *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988.
- ⁴⁶ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 352.
- ⁴⁷ См.: *Степанский А.Д.* Реформа Государственного совета в 1906 г. // Труды МГИАИ. М., 1965. Т. 20; Кризис самодержавия в России. С. 275–279; *Бородин А.П.* Реформа Государственного совета 1906 года // Вопросы истории. 1999. № 4–5.
- ⁴⁸ *Бородин А.П.* Реформа Государственного совета. С. 84–85.
- ⁴⁹ Былое. 1917. № 5–6. С. 289–318; Из дневника А.А. Половцова // Красный архив. 1923. № 4. С. 90–91.
- ⁵⁰ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 331.
- ⁵¹ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 126.
- ⁵² ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXV. Отд. 1. № 27425.
- ⁵³ *Бородин А.П.* Реформа Государственного совета. С. 82–83, 93.
- ⁵⁴ См. об этом: Кризис самодержавия в России. С. 281.
- ⁵⁵ *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937. С. 210–211.
- ⁵⁶ *Тхоржевский И.И.* Указ. соч. С. 72.
- ⁵⁷ Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 360–364; Кризис самодержавия в России. С. 284–287.

- ⁵⁸ Приведу варианты текста статьи об императорской власти (цит. по: *Королева Н.Г.* Указ. соч. С. 77):

Основные законы 1832 г.	Проект гос. канцелярии	Проект Совета министров (текст, утвержденный в качестве ст. 4 Основных законов 1906 г.)
Император всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает	Государю императору самодержцу всероссийскому принадлежит верховная в государстве власть	Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает

- ⁵⁹ О том, что очевидная противоречивость этого выступления не была случайной, говорит его предыстория. Еще 1 декабря 1905 г. во время приема депутации «Союза землевладельцев» на прямой вопрос, «сохранил ли император свое *самодержавие* после 17 октября», царь не нашелся что ответить и был им смущен (25 лет назад. Из дневника Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. № 4/5. С. 113). Зато уже 16 февраля правой депутации из Иваново-Вознесенска он, по версии А.В. Богданович, заявил: «Передайте вашим братьям и единомышленникам, что я, как встарь, буду самодержавный и неограниченный. Милости, дарованные манифестами, я исполню для блага всего моего народа» (*Богданович А.В.* Указ. соч. С. 371). Вероятно, позицию Николая II можно объяснить тем, что он разделял точку зрения, неоднократно высказывавшуюся в правых кругах. Суть ее заключалась в следующем: манифестом 17 октября государь установил новый порядок управления, признав его полезным, но в его же власти вновь изменить его, если выяснится, что он негоден.
- ⁶⁰ Из архива С.Ю. Витте. С. 462.
- ⁶¹ Там же. С. 467.
- ⁶² См.: ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXVI. Отд. 1. № 27805.
- ⁶³ *Маклаков В.А.* Первая Государственная дума. С. 22.
- ⁶⁴ *Emmons T.* The Formation of the Political Parties and the First National Elections in Russia. Cambridge, MA, 1983. P. 377.
- ⁶⁵ *Черменский Е.Д.* IV Государственная дума и свержение царизма. М., 1975. С. 25, 32; *Давидович А.М.* Самодержавие в эпоху империализма. М., 1975.
- ⁶⁶ *Васильева Н.И., Гальперин Г.Б., Королев А.И.* Первая российская революция и самодержавие. Л., 1975. С. 106–111, 129; *Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 264.
- ⁶⁷ *Леонтович В.В.* История либерализма в России. М., 1995. С. 439 и след.; *Butler W.M.* Civil Rights in Russia: Legal Standards in Gestation // Civil Rights in Imperial Russia. Oxford, 1989. P. 1–12; *Asher A.* Op. cit. P. 94–95.
- ⁶⁸ *Fitzpatrick Sh.* The Russian revolution. Oxford, 1982.
- ⁶⁹ *Hosking G.* The Russian constitutional experiment: Government and Duma, 1907–1914. Cambridge, 1983.
- ⁷⁰ *Emmons T.* Op. cit. P. 377–378.
- ⁷¹ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи. (XVIII – начало XX в.) Т. 2. С. 154–160.
- ⁷² См.: *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
- ⁷³ *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи. 1906–1917. Историко-правовой очерк. М., 1998. С. 158–159.

- 74 Медушевский А.Н. Конституционная монархия в России// Вопросы истории. 1994. № 8. С. 45; см. также: Он же. Демократия и авторитаризм. Российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 198–201.
- 75 См., напр.: Соловьев Ю.Б. Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981. С. 191.
- 76 Симонова М.С. Аграрная политика самодержавия в 1905 г. // Исторические записки. Т. 81. М., 1968. С. 205.
- 77 Гурко В.И. Указ. соч. С. 399–400.
- 78 Из архива С.Ю. Витте. Т. 1. Кн. 2. С. 547.
- 79 См.: Корелин А.П. Столыпинская аграрная реформа в аспекте земельной собственности // Собственность на землю в России: история и современность. М., 2002. С. 261–262.
- 80 Соловьев Ю.Б. Указ. соч. С. 192–193.
- 81 Совет министров Российской империи. С. 31–32.
- 82 См.: Мигулин П.П. Аграрный вопрос. Харьков, 1906. С. 53–59.
- 83 Совет министров Российской империи. С. 35.
- 84 Аграрный вопрос в Совете министров (1906 г.). М.; Л., 1924. С. 42–46.
- 85 Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. С. 169–170.
- 86 Коковцов В.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 120–121.
- 87 Совет министров Российской империи. С. 149–150.
- 88 Коковцов В.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 121.
- 89 Аграрный вопрос в Совете министров. С. 63–70; Симонова М.С. Указ. соч. С. 212.
- 90 Симонова М.С. Указ. соч. С. 213–215.
- 91 Совет министров Российской империи. С. 449–459.
- 92 См.: Мacey D.A.J. Government and Peasant in Russia, 1861–1906. The Prehistory of the Stolypin Reforms. DeKalb, 1987; Мейси Д. Земельная реформа и политические перемены: феномен Столыпина // Вопросы истории. 1993. № 4.
- 93 Цит. по: Соловьев Ю.Б. Указ. соч. С. 201.
- 94 Бородин А.П. Объединенное дворянство и аграрная реформа// Вопросы истории. 1993. № 9. С. 37.
- 95 См.: Мейси Д. Указ. соч. С. 10.
- 96 См.: Журавлев В.В. Программные установки политических партий России по вопросам собственности на землю, конец XIX – начало XX века// Собственность на землю в России: история и современность. С. 223; Шелохаев В.В. Проблема собственности в программах политических партий России в начале XX в. // Россия в условиях трансформаций. Вып. 13. М., 2001. С. 35.
- 97 Миллюков П.Н. Воспоминания. С. 353.
- 98 Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 1. 1905–1907. М., 1997. С. 39.
- 99 Там же. С. 128–149.
- 100 Там же. С. 295, 303, 304.
- 101 Там же. С. 329, 334.
- 102 См.: Хайлова Н.Б. Проблема центризма в русском либерализме в начале XX века// Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов. Документы и материалы. М., 2002. С. 13–14.
- 103 Леонов М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 281.

- 104 Шелохаев В.В. Проблема собственности. С. 39; Журавлев В.В. Программные установки политических партий. С. 211.
- 105 Из выступления О.С. Минора на I съезде ПСР в декабре 1905 – январе 1906 г. Цит. по: Леонов М.И. Указ. соч. С. 235.
- 106 См.: Работы Первой Государственной думы. СПб., 1906. С. XI.
- 107 Красный архив. 1933. № 5(60). С. 127; История СССР. 1988. № 5. С. 41–42.
- 108 См.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 172. Л. 13 об. – 14.
- 109 См.: Михайлов Н.В. Безработные и российское общество в 1905–1907 гг. // Историк и революция. СПб., 1999. С. 53. В советской историографии данные о масштабах безработицы были сильно преувеличены.
- 110 См.: Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг. С. 286.
- 111 См.: История рабочих Ленинграда: В 2-х т. Л., 1972. Т. 1. С. 304.
- 112 Рабочий класс в Первой российской революции. С. 269.
- 113 См.: Там же. С. 271.
- 114 См.: Там же. С. 288–289.
- 115 См.: Михайлов Н.В. Указ соч. С. 58; Малышев С.В. О питерском Совете безработных. М., 1932. С. 28.
- 116 Второй период революции. Ч. 1. Кн. 2. С. 248–250; Ч. 1. Кн. 1. С. 732; Ч. 2. Кн. 2. С. 348.
- 117 См.: Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1989. С. 81.
- 118 См.: Обзор деятельности уездных землеустроительных комитетов за первый год их существования. СПб., 1908. С. 1.
- 119 Русские ведомости. 1906. 17 сентября.
- 120 См.: Сенчакова Л.Т. Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. С. 35–36.
- 121 См.: Сенчакова Л.Т. Приговоры и указы русского крестьянства 1905–1907 гг. По материалам Центральные губерний. М., 1994. Ч. 2. С. 286.
- 122 См.: Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001. С. 4–11; Он же. Русское собрание. 1900–1917. М., 2003. С. 25–37.
- 123 Кирьянов Ю.И. Русское собрание. С. 36–38.
- 124 См.: Asher A. Op. cit. P. 45–51; Еттонсе Т. Op. cit. P. 123–126.
- 125 Леонов М.И. Указ соч. С. 248.
- 126 Гурко В.И. Указ. соч. С. 532.
- 127 См.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 312–334; Ананьич Б.В. Внешние займы царизма и думский вопрос в 1906–1907 гг. // Исторические записки. Т. 81. М., 1968.
- 128 См.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш. Указ. соч. С. 340–346.
- 129 Гурко В.И. Указ. соч. С. 535.
- 130 Asher A. Op. cit. P. 77.
- 131 Коковцов В.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 152.
- 132 Гурко В.И. Указ. соч. С. 549.
- 133 Коковцов В.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 149.
- 134 Оболенский В.А. Указ. соч. С. 344.
- 135 См.: Королева Н.Г. Указ. соч. С. 112–126.
- 136 Гурко В.И. Указ. соч. С. 553.
- 137 Милуков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 366.
- 138 Там же. С. 361–362.
- 139 Маклаков В.А. Первая Государственная дума. С. 34.
- 140 Колесниченко Д.А. Трудовики в период первой российской революции. М., 1985. С. 44.

- 141 Оболенский В.А. Указ. соч. С. 380.
- 142 См.: *Christian R.F.* Alexis Aladin, Trudovik Leader in the First Russian Duma: Materials for a Biography (1873–1920) // *Oxford Slavonic Papers*. Vol. 21. 1989.
- 143 Оболенский В.А. Указ. соч. С. 382.
- 144 Макалов В.А. Первая Государственная дума. С. 42.
- 145 Винавер М.М. Конфликты в Первой думе. СПб., 1907. С. 24.
- 146 Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 367.
- 147 Колесниченко Д.А. Указ. соч. С. 86.
- 148 Винавер М.М. Указ. соч. С. 115.
- 149 Гютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002. С. 158–175.
- 150 Там же. С. 180–181.
- 151 Оболенский В.А. Указ. соч. С. 379. «Но вся моя правость в том, – оправдывался сам Гейден в одном из личных писем, – что я враг революционных приемов и стою за мирную борьбу» (*Шевырин В.М.* Петр Александрович Гейден // *Российские либералы*. М., 2001. С. 478).
- 152 Оболенский В.А. Указ. соч. С. 336–337.
- 153 Там же. С. 352.
- 154 Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1. С. 371.
- 155 Коковцов В.Н. Указ. соч. Кн. 1. С. 156.
- 156 Оболенский В.А. Указ. соч. С. 341.
- 157 Там же. С. 342.
- 158 Демин В.А. Государственная дума России: механизм функционирования. М., 1996. С. 50.
- 159 Оболенский В.А. Указ. соч. С. 342.
- 160 См.: *Сидельников С.М.* Указ. соч.; *Калинычев Ф. И.* Государственная дума в период Первой русской революции (1905–1907 гг.). М., 1965; *Asher A.* Op. cit.; *Смирнов А.Ф.* Государственная дума Российской империи 1906–1917 гг. М., 1998.
- 161 Гурко В.И. Указ. соч. С. 552.
- 162 Текст адреса см.: Государственная дума 1906–1917. Стенографические отчеты. М., 1995. Т. 1. С. 59–62.
- 163 Дебатировалось и было отвергнуто предложение Николаю II выступить перед Думой, выдвинутое Извольским и Д.Ф. Треповым. Желание же Горемыкина не отвечать вообще было единодушно отвергнуто министрами. См.: *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 163–165; *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 552–554.
- 164 См.: Государственная дума 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 1. С. 73–76.
- 165 Там же. С. 67–69.
- 166 Шелохаев В.В. Проблема собственности. С. 34.
- 167 Журавлев В.В. Проблемы земельной собственности в зеркале Государственной думы России: 1906–1917 гг. // *Собственность на землю в России*. С. 306–307.
- 168 Государственная дума 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 1. С. 142–155.
- 169 Там же. С. 165–166.
- 170 См.: *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 289–290.
- 171 Там же. С. 179–180.
- 172 Цит. по: *Колесниченко Д.А.* Указ. соч. С. 66.
- 173 Там же. С. 69–73.
- 174 Гурко В.И. Указ. соч. С. 557.

- 175 Подробное изложение содержания проектов см. в кн.: *Сидельников С.М.* Аграрная реформа Столыпина. Сборник документов. М., 1973. С. 309–313 (примечания).
- 176 *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 361.
- 177 *Сидельников С.М.* Указ. соч. С. 252.
- 178 *Винавер М.М.* Указ. соч. С. 135.
- 179 *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 229.
- 180 *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 167–168.
- 181 Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. Вып. 1. С. 32–43.
- 182 *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 173.
- 183 *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 125.
- 184 *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 376–380.
- 185 *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 176–178.
- 186 См. детальный анализ предыстории и хода переговоров в кн.: *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 52–109.
- 187 *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 383–385, 392–393; *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора// Вопросы истории. 1997. № 3. С. 124–125.
- 188 *Шипов Д.Н.* Указ. соч. С. 449–460.
- 189 *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 393–394.
- 190 Опубликовано в кн.: *Сидельников С.М.* Аграрная реформа Столыпина. Сб. док. С. 84–89.
- 191 Государственная дума 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. 1. С. 307.
- 192 *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 395–396.
- 193 *Старцев В.И.* Указ. соч. С. 101.
- 194 По сообщению Коковцова, 7 июля Фредерикс убеждал Столыпина, что «Дума совершенно лояльна» и нужно только погрозить ей от имени государя (*Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 186). Трепов же, узнав о роспуске, якобы воскликнул: «Это ужасно! Завтра к нам сюда придет весь Петербург!» (*Гурко В.И.* Указ. соч. С. 569–570).
- 195 Там же. С. 570–571. О «сне» Горемыкина сообщали также столь осведомленные современники, как Крыжановский и Коковцов (уже в эмиграции последний, впрочем, отвергал эту легенду, что отразилось и в его воспоминаниях).
- 196 *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 291.
- 197 *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 567.
- 198 Красный архив. 1923. № 4. С. 109.
- 199 *Маклаков В.А.* Первая Государственная дума. С. 34.

ФИНАЛ РЕВОЛЮЦИИ

Власть, либеральная оппозиция и революция в период июльского политического кризиса

Роспуск I Думы положил начало политическому кризису, во многих отношениях ставшему последним всплеском революции, после которого она уже окончательно и бесповоротно пошла на спад. Однако в воскресенье 9 июля, когда было обнародовано решение о роспуске, подобный исход этого кризиса отнюдь не был очевидным. Напротив, практически все политические силы, кто с надеждой, а кто с опаской ожидали (и, как оказалось, не совсем безосновательно) массовых антиправительственных выступлений.

Особенно важен вопрос о достойном поведении после роспуска Думы был для сделавших ставку на нее кадетов. Многим из них казалось, что не только влияние, но само существование партии зависели от того, сможет ли она не потерять лицо организации бескомпромиссной и решительной, но при этом отвергающей насильственные методы сопротивления. Идеальной в этом отношении была бы роль жертв полицейского произвола. Распустив Думу в воскресенье, правительство лишило депутатов возможности устроить героический спектакль и вынудило их перейти к активным действиям, встав тем самым на полулегальную почву. Неизвестно, просчитывались ли в «верхах» различные варианты поведения думской оппозиции, но нельзя не прийти к выводу, что именно кадеты оказались 9 июля в патовом положении, когда любой их шаг оказывался бы ошибочным. В отличие от левых они не могли думать об объявлении себя Учредительным собранием или Временным правительством и о призыве масс к «прямым действиям» (забастовкам и восстанию), а в отличие от умеренных не могли позволить себе мирно разойтись по домам¹.

Впрочем, возможность активного сопротивления правительству многими кадетами с порога не отвергалась. Вопрос ставился по-другому: «Готов ли народ на организованное выступление, есть ли надежда на победу?»² Никаких признаков этого сонная в обычный летний воскресный день столица не подавала... В таких условиях ес-

ли призыв к пассивному сопротивлению (неплатежу налогов и саботажу рекрутского набора) и не казался кадетам *максимумом* возможного, то он мог стать *тактически* удобным первым шагом, платформой для дальнейших действий, зависящих от хода событий. Неслучайно составление проекта будущего Выборгского воззвания было поручено «гению тактики» – Милкокову. На экстренном заседании кадетского ЦК, собравшемся утром 9 июля на квартире у Петрункевича, царило вполне понятное возбуждение. Еще за несколько дней до того «Речь» убеждала, что роспуск Думы «равносителен гражданской войне». Ф.Ф. Кокошкину было поручено провести «юридическую экспертизу» действий правительства, и он пришел к выводу, что закон все-таки нарушен, поскольку в указе не определена дата выборов в следующую Думу. Наспех составленный Милковым проект воззвания показался многим слишком умеренным. По словам Винавера, это был «жалкий минимум действия». Сам лидер кадетов признавал в воспоминаниях: «У нас не было языка, которым мы могли бы поднять народ... Наш шаг, нуждавшийся в ученом комментарии Кокошкина, действительно “не звучал”, ибо был заранее осужден не дойти до понимания народа»³. Но если так, то не лучше ли оставаться на почве закона? В ЦК были и противники воззвания (И.В. Гессен, Л.И. Петражицкий и другие), считавшие «тактически верную» линию проигрышной стратегически. Но тем не менее она была одобрена, причем было принято решение выехать на территорию Финляндии, где собрание депутатов не рисковало быть арестованным.

Длившиеся несколько часов переговоры с трудовиками привели к тому, что те, настроенные в массе своей гораздо более радикально, но не имевшие единого плана действий, последовали за кадетами. Очень показательна брошенная при этом одним из трудовиков фраза, которую можно считать квинтэссенцией их «оппортунистической революционности»: «Хорошо, мы едем, но знайте, что этим мы губим дело освобождения народа»⁴. В целом беспартийные трудовики не откликнулись в тот момент на призывы эсеров к активному сопротивлению. Отправились в Выборг и социал-демократы, которые так и не смогли прийти к единству во вопросу о том, к чему нужно призывать народ: стачке, переходящей в восстание (как считали меньшевики) или выдержке и готовности к будущим боям (точка зрения большевиков). Рассчитывать на массовое выступление крестьянства не приходилось (даже оптимистически настроенные революционеры ждали его никак не раньше осени), рабочие же без поддержки деревни, по мнению большевиков, победить не могли.

Ход Выборгского совещания 9–10 июля хорошо известен и подробно проанализирован в литературе⁵. Достаточно сказать, что полторы сотни собравшихся здесь под председательством Муром-

цева думцев были очень далеки от единства. Даже внутри фракций споры по ходу совещания лишь разгорались; по-разному виделись депутатам и значение, и содержание, и форма воззвания. По словам Милюкова, в среде кадетов «критика грозила убить последние остатки героических настроений»⁶. Указывалось, что предлагавшиеся в воззвании формы гражданского сопротивления (неплатеж налогов, отказ от призыва в армию) неконституционны, не могут иметь реального значения. Некоторые трудовики предлагали вернуться в Петербург, другие, напротив, – руководить революцией, оставшись в Финляндии. Неизвестно, чем бы закончились дискуссии, но в дело вмешалось правительство, потребовавшее от Выборгского губернатора прекратить сборище. Тот обратился к Муромцеву, и бывший председатель бывшей Думы объявил совещание закрытым. При этом по предложению Петрункевича было решено подписать разработанный документ в существующем виде. Воззвание было срочно отпечатано тиражом в 10 тыс. экземпляров, и днем 11 июля участники совещания на поезде, украшенном красными флагами, под звуки «Марсельезы» отправились в Петербург. «Нас приветствовали как “героев”, а между тем в собственном сознании я видел всю бутафорию своего “геройства”», – вспоминал В.А. Оболенский⁷.

Левые партии имели в виду дальнейшее сопротивление с обращением за помощью к народу, армии и флоту. Сразу после подписания воззвания в той же выборгской гостинице «Бельведер» группа эсеров, трудовиков и социал-демократов составила свое воззвание к армии и флоту. А уже 12 июля в Петербурге наряду с ним стал распространяться и манифест «Ко всему крестьянству», подписанный комитетами фракции РСДРП и Трудовой группы, ЦК РСДРП, ЦК ПСР, Всероссийскими крестьянским, железнодорожным и учительским союзами. В нем крестьяне фактически призывались к немедленному восстанию⁸. Все эти акции были предприняты по инициативе эсеров; социал-демократы, не имея четкого представления о собственной тактике, лишь «присоединялись». Впрочем, ни эти, ни более поздние воинственные призывы серьезного отклика в массах не получили.

Для кадетского же руководства прибытие в Петербург означало, по характерному выражению Милюкова, что «Первая Государственная дума отошла в историю»⁹ (что и было оформлено соответствующим решением ЦК 15 июля). Попытки левых подвигнуть кадетов на дальнейшие действия успеха не имели.

В дальнейшем левые партии использовали Выборгское воззвание для революционной агитации (при этом сам его текст «поправлялся» в радикальном духе)¹⁰, а правительство – для демонстрации общественному мнению внутри и особенно вне страны революционного характера «либеральной» оппозиции¹¹. Кроме того, внима-

тельно следившее за настроением страны, оно могло с удовлетворением констатировать, что воззвание, по словам Гурко, «не получило никакого отклика в стране, и это обстоятельство сразу обнаружило всю незначительность их (думцев. – *Авт.*) влияния на те народные элементы, на которые мечтали опереться выборгские трибуны»¹².

Большинству кадетов очень скоро стало очевидно, что воззвание никак нельзя занести в актив партии. Это был настоящий провал. По словам В. А. Оболенского, «прозаический конец Первой Думы был бы лучше, а главное – понятнее для населения, чем предпринятая нами поездка в Выборг и составление воззвания, тактический смысл которого даже для многих сочувствующих нам остался непонятным»¹³. Примечательно, что почти никто из подписавших его сам и не собирался руководствоваться призывами не платить налогов¹⁴. Окончательно, хотя и после жарких споров, инициированных левыми кадетами, и в дипломатичной форме похоронено воззвание было на IV съезде партии в конце сентября¹⁵. Решение съезда признать проведение воззвания в жизнь невозможным ознаменовало серьезный кризис внутри партии. Однако история самого воззвания на этом не закончилась. Еще 16 июля против подписавших его депутатов было возбуждено уголовное дело по обвинению в «распространении... воззвания, призывающего население к противодействию закону и законным распоряжениям властей». К суду, состоявшемуся уже в декабре 1907 г., было привлечено 167 человек, явилось 157. Все за исключением двоих были признаны виновными и приговорены к трехмесячному тюремному заключению, которое они отбывали в 1908 г.¹⁶. Но независимо от суда, по Положению о выборах в Думу, все, находившиеся под следствием, были лишены избирательных прав и не могли участвовать в выборах во II Думу. Впрочем, такая перспектива была очевидна юридически образованным кадетам еще утром 9 июля и обсуждалась ими, как только возникла мысль о воззвании.

Помимо прочего, воззвание стало поводом для того, чтобы окончательно отвергнуть мысль о возможном участии кадетов в правительстве. «Когда же кадеты поехали в Выборг и стали там проделывать свой фарс, всем стало очевидно, что роль их кончена. Ума не хватило», – писал Крыжановский¹⁷. Воззвание, а также спокойствие, с каким встретила роспуск Думы страна, сильно подорвали «акции» Д. Ф. Трепова (в сентябре он скоропостижно скончался), и напротив, еще более укрепили позиции нового премьера.

Вскоре после роспуска Думы Столыпин начал новый тур переговоров с общественными деятелями, стремясь привлечь их в правительство. Участниками консультаций стали, во-первых, кн. Г.Е. Львов и Д.Н. Шипов, по-прежнему пользовавшийся в «верхах» репутацией одного из самых влиятельных «умеренных». Они с

самого начала выдвинули ряд условий, делавших благополучный исход переговоров крайне маловероятным. Шипов и Львов настаивали на предоставлении «общественникам» не менее половины министерских портфелей (в том числе постов министров внутренних дел и юстиции), отмене смертной казни, чрезвычайных положений, объявлении амнистии и земельной реформы на началах принудительного отчуждения, созыве Думы не 20 февраля 1907 г., как то предусматривал указ о ее роспуске, а не позднее 1 декабря 1906 г. Практически сразу переговоры зашли в тупик и были прерваны¹⁸.

Иначе повели себя «мирнообновленцы» – гр. П.А. Гейден, Н.Н. Львов, а также октябрист А.И. Гучков. Гучков предложил на пост министра народного просвещения профессора П.Г. Виноградова, а в качестве министра юстиции – А.Ф. Кони, которого удалось уговорить встретиться со Столыпиным. Встреча не помогла – Кони отказывался, и тогда по выходе с дачи премьера Гейден изложил ему комбинацию, которую задумали «общественники»: получив в свои руки пять портфелей, они смогут привлечь на свою сторону А.П. Извольского и В.Б. Фредерикса и, приобретя таким образом большинство в правительстве, проводить свою программу. Наивность этих расчетов была очевидна. Тем не менее на следующий день Кони дал себя уговорить, но из последовавшего затем разговора с Гейденом и Гучковым сделал печальный, но закономерный вывод: «За словами моих собеседников я, к прискорбию, видел не государственных людей, которые “ходят осторожно и подозрительно глядят”, а политиканствующих хороших людей, привыкших действовать не на ум, а на чувства слушателей, не теоремами, а аксиомами». В откровенном разговоре со Столыпиным Кони рассказал ему о планах общественников. Премьер ответил, что никакого троянского коня в своем кабинете не желает и не допустит¹⁹. Кандидатура Гейдена была отвергнута. Виноградов сообщил, что согласен войти в правительство только вместе с Шиповым. Комбинация распадалась. К тому же император из аудиенции с Н.Н. Львовым и Гучковым 20 июля вынес «глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т.е. государственного управления, в особенности Львов». При этом, добавлял он в письме Столыпину, «я был против вступления *целой группы* лиц с какой-то программой»²⁰. На этом переговоры завершились. 27 июля на вакантные должности были назначены: главноуправляющим земледелия – кн. Б.А. Васильчиков, обер-прокурором Синода – брат министра иностранных дел П.П. Извольский, министром торговли и промышленности – Д.А. Философов.

Был ли этот второй тур переговоров, как полагают многие историки, лишь уловкой, позволявшей прикрыть «переход к реакции», или средством выиграть время в условиях волнений в Свеаборге и Кронштадте, подавленных как раз накануне того момента, когда пе-

переговоры были прерваны? Думается, что Столыпин искренне желал ввести в состав правительства нескольких деятелей, которые придали бы его кабинету вес в глазах общества и позволили бы нейтрализовать, если не привлечь на свою сторону часть оппозиции. Никакого злостного «коварства» в подобных замыслах, конечно, не было. Неудивительно и то, что каждая из сторон, участвовавших в консультациях, преследовала свои цели. Важно отметить другое. Речь не шла о достижении компромисса: участники переговоров говорили на разных языках и имели в виду не просто различные, а совершенно несовместимые цели (за исключением, может быть, Гучкова, неожиданно почувствовавшего к Столыпину подобие симпатии). Ни о каком политическом партнерстве не могло быть и речи.

Конечно, такой исход был закономерен. Вместе с тем можно утверждать, что и июньские, и июльские переговоры серьезно повлияли на «политическую физиономию» Столыпина: в ней стало гораздо меньше того «умеренного октябризма» и расчетов на сотрудничество со «здравомыслящим обществом», с которыми он приехал в Петербург. Правительство как единственная сила, которая в состоянии проводить осмысленные реформы независимо или даже вопреки общественному мнению, — в такой концепции не было ничего нового. Напротив, именно ею руководствовались все крупные реформаторы предшествующих десятилетий, и в этом смысле столыпинский курс междумского периода по форме был столь же привычен для самодержавия, сколь для «общественности» была привычной оппозиция правительственному реформаторству. Казалось, что и власть, и оппозиция с облегчением вернулись к исполнению хорошо знакомых им ролей. Однако летом 1906 г. революция не закончилась, а правительство (точнее, часть его) еще не распрощалось с надеждой на заключение против «смуты» союза с частью общества. Попытки добиться этого были связаны с именем нового премьера.

Народное движение на заключительном этапе революции

Роспуск I Государственной думы не вызвал социального взрыва, на который рассчитывали многие революционеры. И дело здесь было не только и не столько в недостаточной информированности населения о случившемся, сколько в том, что авторитет Думы, несмотря на явное сочувствие народа ее левому крылу, был еще сравнительно невысок, поскольку она не успела еще принять ни одного закона, которого ждало общество. К тому же досрочный роспуск Думы был произведен в рамках закона, а объявление о созыве следующего состава народных представителей на основе прежнего избирательного закона давало возможность надеяться на сохранение недавно обретенного страной законодательного учреждения. От-

резвляюще действовала и ежедневная критика в адрес Думы в революционной оппозиционной и правой печати. Поэтому даже в эпицентре событий – Петербурге, где проходили заседания Думы, день 9 июля 1906 г. прошел спокойно.

Растерялись поначалу и социал-демократы, пользовавшиеся наибольшим авторитетом у питерских рабочих. Дело в том, что взгляды большевиков и меньшевиков на роль Думы в общественно-политической жизни страны были далеко не однозначными. В глазах меньшевиков, одержавших победу на проходившем в апреле–мае 1906 г. IV (объединительном) съезде РСДРП и преобладавших в составе ее ЦК, Дума стояла на «столбовой дороге революции», и нужно было всячески поддерживать ее и добиваться создания ответственного перед ней кадетского правительства. Исходя из этого, меньшевики считали, что роспуск Думы – это сигнал к новому подъему революционной активности масс и что начинать нужно с объявления всеобщей стачки в ее защиту. Большевики же были настроены по отношению к Думе гораздо более скептически и к тому же считали, что эффективно повлиять на ситуацию пролетариат сможет не просто стачкой, а стачкой-восстанием, которая, в свою очередь, не принесет успеха без поддержки крестьянства. На подъеме же крестьянского движения можно было рассчитывать не раньше осени. Что касается эсеров, то они тоже были не за стачку, а за восстание, но, в отличие от большевиков, считали возможным поднять его немедленно, ориентируясь в первую очередь на армию, флот и крестьянство²¹.

В итоге первые десять дней после роспуска Думы ушли на препирательства между революционными партиями по вопросу о формах и сроках их ответа на действия правительства, а принятый 10 июля частью депутатов Думы так называемый Выборгский манифест с призывом к гражданскому неповиновению властям еще только начал свой путь к народу, да и вряд ли мог воодушевить его на борьбу с правительством. И трудно сказать, как развернулись бы события, если бы 18 июля 1906 г. стихийно не восстал гарнизон крепости Свеаборг близ Гельсингфорса, а в ночь на 20 июля свеаборжцев не поддержали бы матросы и солдаты Kronштадта.

Всего в июле 1906 г. в армии произошло не менее 40 локальных восстаний (Брест-Литовск, Ферганская обл., Самара, Литва, Красноводск, Дагестан и другие)²². Они были вызваны в основном тяготами армейской службы, но роспуск Думы в ряде случаев действительно сыграл роль сигнала к отказу солдат повиноваться командирам. Однако все эти выступления остались кратковременными, изолированными друг от друга вспышками протеста, а их руководители либо пошли под расстрел, либо были строго наказаны.

Главные же события развернулись тогда в непосредственной близости от Петербурга на территории Финляндии, в крепости

Кронштадт и близ Ревеля. Великое княжество Финляндское, вернувшее себе в октябре 1905 г. в полном объеме свою автономию, являлось настоящей оперативной базой русских революционеров, которые широко пользовались царившей на его территории относительной свободой. Объектом пристального внимания социал-демократов и эсеров стали в первую очередь русские сухопутные и морские силы, дислоцированные на территории Финляндии. Крепость Свеаборг, расположенная на 13 островах под Гельсингфорсом, имела 6-тысячный гарнизон, а сам Гельсингфорс являлся местом стоянки части кораблей Балтийского флота. В 1905–1906 гг. здесь работали члены военных организаций РСДРП (в основном большевики) и эсеров, причем именно последние инициировали июльское восстание в Свеаборге, прямо связанное с роспуском I Думы.

Уже 9 июля в Гельсингфорсе прошел 20-тысячный революционный митинг с участием социал-демократического депутата Думы украинского рабочего М.И. Михайличенко, известного писателя Леонида Андреева, командира финской Красной гвардии капитана И. Кока и представителя эсеров. В последующие дни эсеры и вошедшие в соглашение с ними социал-демократы начали готовиться к восстанию, намеченному на 18 июля. Но стихийные выступления солдат-минеров начались уже вечером 17 июля (по одной из версий, они должны были стать отвлекающим маневром, призванным отвлечь внимание командования от главной группы заговорщиков). Поводом к выступлению послужил чисто бытовой эпизод – отмена так называемых «винных денег», которые выдавались солдатам вместо положенной им водки. Восставшие, не предъявляя прямо каких-либо политических требований, захватили три острова, над одним из которых взвился привезенный из Гельсингфорса красный флаг со словами «Учредительное собрание» и «Земля и воля» – типично эсеровскими лозунгами того времени. Общее число повстанцев, которыми руководили два очень молодых офицера социал-демократа Аркадий Емельянов и Евгений Коханский (традиционно их считают большевиками), достигало 3 тыс. человек. Попытка расширить масштабы восстания и захватить полуостров Скаттуден, где располагались военный порт Свеаборгской крепости и матросские казармы, была быстро пресечена, и в итоге восстание свелось к продолжавшейся 18 и 19 июля артиллерийской дуэли между восставшими и оставшимися верными присяге правительственными войсками и к нескольким партизанским акциям финских красногвардейцев и рабочих в Гельсингфорсе, не принесшим, однако, ожидаемых результатов.

К решительным действиям свеаборжцы, по существу, так и не приступили, ожидая подхода кораблей Балтийского флота, на которых, как заверяли эсеры, тоже должно было начаться восстание. К вечеру 19 июля три корабля действительно подошли к Свеабор-

гу, но вместо помощи восставшим открыли по ним огонь. Это и решило судьбу восстания, сделав продолжение борьбы просто бессмысленным. К рассвету 20 июля все было кончено. Арестованы были около тысячи солдат, несколько сот матросов и группа финских красногвардейцев (около тысячи повстанцев погибли в боях или сумело скрыться из Свеаборга). 28 участников восстания были расстреляны, более 700 оказались в тюрьмах, около 300 – на каторге. Оправдали лишь 72 человека²³.

Еще быстрее, всего за одну ночь на 20 июля закончилось плохо подготовленное и выданное провокаторами восстание матросов и солдат в Кронштадте, где находилась основная база Балтийского флота. Крепость уже давно имела репутацию «революционного гнезда» (напомню, что в октябре 1905 г. здесь произошло одно из самых крупных, хотя и неудачных военных восстаний периода революции). В 5-тысячном гарнизоне было немало пролетарских элементов, а также матросов, переведенных с других флотов за причастность к революционному движению. Поэтому кронштадтцы, как магнит, притягивали к себе революционеров, и в итоге, по оценке министра внутренних дел П.А. Столыпина, 80% матросов и до половины солдат крепости можно было считать «сознательными, т.е. революционерами»²⁴.

Сообщение о начале восстания в Свеаборге спровоцировало поспешное выступление 3 тыс. моряков и 1,5 тыс. солдат кронштадтского гарнизона. Инициаторами восстания снова стали эсеры, причем на этот раз их ЦК договорился с ЦК РСДРП о том, что обе партии будут действовать в Кронштадте солидарно. Однако намеченный ими план действий сразу же оказался скомканным, поскольку через провокаторов власти заранее узнали о намерениях революционеров и приняли ряд предупредительных мер. Неудачной оказалась идея проведения восстания в ночное время: в итоге безоружные матросы (оружие на берегу им не выдавалось) метались по затемненному городу и были быстро окружены верными правительству войсками. Слишком поспешно сдался и один из захваченных революционерами укрепленных фортов крепости, который мог держать под обстрелом значительную часть Кронштадта и подходы к нему. К этому нужно добавить, что корабли Балтийского флота участия в восстании не приняли.

Расправа с повстанцами была суровой: 36 человек были казнены, причем их тела сбросили в море; 130 попали на каторгу, более 300 – в тюрьмы, свыше 900 – в исправительно-арестантские части. В итоге были репрессированы 1417 человек (для сравнения отметим, что во время самого восстания погибли всего 9 человек, а ранены были 20)²⁵.

Третьим очагом восстания на Балтике стал учебный крейсер «Память Азова», на котором проходило морскую практику около

700 гардемарин. Восстание на корабле, находившемся вблизи Ревеля, тоже началось в ночь на 20 июля. Руководили им прибывший на «Память Азова» из Гельсингфорса большевик Арсений Коптюх (его арест и послужил сигналом к началу выступления) и взявший на себя командование кораблем Николай Лобадин. ЦК эсеров направил на крейсер И.И. Фундаминского (Бунакева), который, однако, добрался до «Памяти Азова» уже тогда, когда восстание закончилось (он был арестован, но затем освобожден из-за отсутствия прямых улик причастности к выступлению). Раскол команды на сторонников и противников восстания помог командованию быстро справиться с его участниками. 18 матросских вожаков были расстреляны.

Планы революционеров предусматривали также военные восстания в Севастополе, Либаве и Усть-Двинске, но реализовать их не удалось.

Восстания на Балтике подтолкнули, наконец, революционные партии к более решительным действиям в Петербурге. В ночь на 21 июля прошло координационное совещание, участники которого поддержали предложение ЦК РСДРП объявить всеобщую стачку солидарности с восставшими солдатами и моряками. Правда, этот шаг уже явно запоздал, поскольку военные восстания 20 июля были разгромлены, но информация об этом до революционеров еще не дошла, и они действительно рассчитывали поддержать вставших на сторону революции солдат и матросов. Однако настроение питерских рабочих явно не совпадало с желаниями революционных центров и мало напоминало октябрь 1905 г. Забастовка шла вяло, недружно. 21 июля прекратили работу только 40 тыс. рабочих, а всего в стачке 21–25 июля участвовали не более 70–80 тыс. человек.

Осознание того, что военные восстания потерпели поражение и привели к огромным жертвам, что Думу уже не вернешь и Столыпин торжествует полную победу, естественно, парализовало волю рабочих к сопротивлению. К тому же за две недели, прошедшие после роспуска Думы, они успели «перегореть», а разногласия внутри РСДРП и в революционном лагере в целом не могли не действовать на них обескураживающе. Это проявилось и в Петербурге, и особенно в Москве, которая ориентировалась в данном случае на столицу. Забастовку в первопрестольной начали по директиве ЦК РСДРП только 24 июля. На следующий день в ней участвовали уже рабочие около 200 промышленных предприятий (50 тыс. рабочих). Однако окончание стачки в Петербурге послужило сигналом и для москвичей, прекративших бастовать 27 июля.

Три дня длилась 10-тысячная забастовка в Астрахани, организованная эсерами. В других промышленных центрах настроение рабочих забастовке явно не благоприятствовало. Всего в июле 1906 г. официальная статистика зарегистрировала около 170 тыс. стачеч-

ников, в том числе 75 тыс. бастовавших по экономическим мотивам²⁶. Из июльских забастовок можно выделить прекращение работ на бакинских и грозненских нефтепромыслах, на Нарвской и Кренгольмской мануфактурах в Эстонии и др.

В сельской местности социальная активность населения, как известно, в огромной мере зависит от цикла сельскохозяйственных работ. И в этом отношении разгар лета – июль был мало подходящим моментом для выступлений крестьян в защиту Думы. Отношение к ней в деревне тоже было достаточно противоречивым: с одной стороны, на нее возлагались большие надежды, а в депутатах-трудовиках видели прямых защитников крестьянских интересов, с другой – Дума за 72 дня своей работы, конечно, не могла реально улучшить положение сельских тружеников. Поэтому депутатам крестьяне сочувствовали, но не настолько, чтобы немедленно взяться за топоры и вилы. В итоге ожидавшейся многими современниками июльских событий «новой пугачевщины» явно не получилось, хотя и спокойной обстановку в деревне назвать было нельзя.

К сожалению, историки вынуждены пока оперировать лишь явно устаревшими и неполными данными о крестьянском движении в июле 1906 г.²⁷. Тем не менее достаточно высокий его уровень очевиден, так что июнь и июль 1906 г. стали вторым (после последнего квартала 1905 г.) пиком крестьянских выступлений в ходе революции, причем это, несомненно, было связано с получаемой в деревне информацией о выборах, работе и роспуске Думы. Однако качественного скачка в поведении крестьян в то время все же не произошло, и формы их выступлений остались в основном традиционными – отказ от уплаты налогов, захват помещичьего имущества, поджоги, потравы, порубки леса, а также стачки сельскохозяйственных рабочих и арендные забастовки. Очень остро реагировали крестьяне на аресты своих вожakov, причем число участников подобных акций с требованием освобождения деревенских активистов достигало нередко нескольких сотен, а то и тысяч человек и сопровождалось столкновениями со стражниками и казаками. Так было, например, в Льговском и Рыльском уездах Курской губернии. Часто отмечалось в июле 1906 г. случаи проведения антиправительственных митингов и распространения революционной литературы. В Ставрополье крестьяне встали на защиту земляка, депутата-трудовика Ф.М. Оникко, арестованного за участие в Кронштадтском восстании 20 июля 1906 г. Митинги с требованием его освобождения проходили более месяца и привели к тому, что депутат был приговорен не к смертной казни, а к ссылке на поселение.

Самыми крупными очагами крестьянских волнений в июле 1906 г. были Черноземный центр, сильно пострадавшие от засухи Поволжье и Украина. Выполняя указания своего ЦК, самарские эсеры даже попытались поднять восстание в селе Кинело-Черкассы, но по-

терпели неудачу. Более сотни крестьянских выступлений произошло в Саратовской губернии²⁸.

В целом протестные выступления солдат, матросов, рабочих и крестьян в июле 1906 г. не смогли приостановить отступления революции, пик которой был пройден в конце 1905 г. Однако их исход свидетельствовал не только о силе правительственной власти, но и о том, что воля народных масс к сопротивлению ей еще не сломлена. Июльские события 1906 г. показали, что ни революционеры, ни либеральные политики не могут по своему усмотрению манипулировать социальными «низами», если для этого нет достаточно серьезных поводов, способных поднять народ на борьбу. Роспуск I Думы потрясением для народа не стал. Было совершенно очевидно, что власть явно сильнее революционеров, и народ это хорошо чувствовал.

В последующие месяцы 1906 – начале 1907 г. массовое протестное движение в стране постепенно затухало. Так, за пять последних месяцев 1906 г. бастовали менее 200 тыс. фабрично-заводских рабочих (половина из них по политическим мотивам), а в первом квартале 1907 г. – около 150 тыс. (более 60% их стали участниками политических стачек)²⁹.

В августе–сентябре 1906 г. прошла стачка бакинских рабочих, протестовавших против репрессий в отношении своих активистов и суда над матросами, арестованными за налет на склад Каспийской флотилии с целью захвата оружия для революционных организаций. В результате забастовки моряки были спасены от грозивших им смертных приговоров. Пролетарии Харькова и Екатеринослава отметили забастовкой годовщину расстрела своих товарищей в дни Всероссийской октябрьской политической стачки 1905 г. В Одессе в ноябре–декабре прекратили работу 3 тыс. моряков с торговых судов общества «Ропит», протестовавших против закрытия их профсоюза «Регистрация» и ареста некоторых его членов. Их поддержали портовые грузчики и железнодорожники города. Забастовки солидарности с репрессированными товарищами прошли также в Лодзи, Луганске, на Симском заводе в Башкирии, причем в последнем случае стачка переросла в настоящее восстание, усмирять участников которого пришлось с помощью войск.

Аналогичные выступления рабочих продолжались и в начале 1907 г. Волна политических забастовок прокатилась в связи со второй годовщиной «Кровавого воскресенья» (Петербург, Харьков, Баку, Ревель, Екатеринослав, Самара, Лодзь и др.). В ряде мест была прекращена работа в день открытия II Государственной думы 20 февраля 1907 г. Продолжалась и борьба рабочих на экономической почве. С конца декабря 1906 г. началась цепная реакция бакинских нефтяников на сверхприбыли их хозяев в связи с повышением цен на нефть. При этом выдвигались поистине беспрецедент-

ные требования: 8-часовой рабочий день, единовременное вознаграждение в размере определенного процента (от 12 до 50) с прибыли нефтедобывающих фирм за последние два года, повышение заработной платы на 30–60%, а также официальное признание промысловых комиссий, в функции которых входили прием и увольнение рабочих. Стачки продолжались до начала февраля 1907 г. и охватили около 40 тыс. рабочих. Понятно, что добиться полного удовлетворения столь высоких требований бастующие не смогли и им пришлось довольствоваться лишь частичными уступками нефтепромышленников.

9 марта 1907 г. в Баку началась экономическая стачка моряков, охватившая затем все побережье Каспия и грозившая парализовать хозяйственную жизнь многих районов России, нуждавшихся в азербайджанском и среднеазиатском хлопке и нефти. Для подавления забастовки, организованной местными социал-демократами, из Петербурга был даже командирован командир Отдельного корпуса жандармов барон Таубе, принявший экстренные репрессивные меры: около 800 матросов были арестованы, многие высланы из Баку и заменены балтийскими военными моряками. Одновременно власти постарались склонить судовладельцев к уступкам бастующим. В итоге 25 апреля 1907 г. стачка закончилась в пользу моряков. Их победе помогли и бакинские рабочие, которые провели 18 апреля по призыву городского комитета РСДРП, мусульманской социал-демократической группы «Гуммет», эсеров и армянской партии «Дашнакцутюн» всеобщую 25-тысячную забастовку солидарности с моряками Каспия.

Когда полиция закрыла 19 февраля 1907 г. московский профсоюз печатников, началась всеобщая забастовка в типографиях Москвы, Петербурга, Харькова, Киева, Екатеринослава и других городов, в результате которой профсоюз возобновил свою работу. Не помог владельцам более 70 московских типографий и объявленный ими локаут, лишивший заработка 7 тыс. печатников. 1 марта состоялось соглашение рабочих с владельцами типографий, пошедшими на попятный. Зимой 1907 г. в Москве бастовали также 3 тыс. трамвайщиков и рабочие известной чайной фирмы Высоцкого. Последняя стачка перекинулась затем на другие фабрики Высоцкого в Одессе и Екатеринбурге. Активно участвовали в стачечном движении 1907 г. текстильщики Центрального промышленного района, особенно страдавшие от повышения цен на продукты питания. Крупные забастовки прошли на Украине. 41 день продолжалась стачка железнодорожников Омска, которая даже привлекла к себе внимание Государственной думы, но закончилась поражением рабочих и арестом 70 их активистов.

Знаменательным событием в истории рабочего движения первых месяцев 1907 г. стала широкая кампания солидарности рабочих

России с жертвами лодзинского локаута, объявленного фабрикантами в декабре 1906 г. и продолжавшегося четыре месяца. За ворота были выброшены 20 тыс. рабочих-текстильщиков, причем локаут сопровождался настоящей «охотой на социалистов» со стороны польских консервативных националистических организаций и выселением голодающих семей рабочих из квартир. На эти вопиющие факты горячо откликнулись рабочие, их профсоюзные организации и печать в Петербурге, Москве, Иваново-Вознесенске, Костроме. Развернулся сбор средств в фонд помощи польским товарищам, который был высоко оценен ими как знак пролетарской международной солидарности.

Апрельско-майские стачки 1907 г. стали завершающим аккордом Первой российской революции. По данным фабричной инспекции, в них участвовали 300 тыс. рабочих, причем 270 тыс. человек поддерживали требования политического характера³⁰.

Первомайские забастовки прошли в 1907 г. в 36 городах. В Петербурге бастовали или не работали с разрешения администрации (на 16 предприятиях, что тоже было большим успехом рабочих) более 120 тыс. человек почти с 240 заводов и фабрик³¹. На ряде столичных предприятий прошли митинги, а на окраинах Петербурга и в его пригородах – маевки. В Варшаве в связи с общегородской забастовкой были арестованы и высланы из города 800 человек.

Таким образом, пролетарское движение заканчивало революционный период на высокой ноте, хотя ответить на роспуск II Думы и изменение избирательного закона рабочие уже не смогли, да, видимо, и не хотели, поскольку II Дума в их глазах мало чем отличалась в плане результативности своей работы от ее предшественницы – I Думы, которая в общем и целом оставила рабочих довольно безучастными к ее судьбе.

Постепенно затихало и крестьянское движение. Тем не менее во второй половине 1906 – первой половине 1907 г. еще были зафиксированы последние вспышки вооруженных выступлений крестьян против властей в Николаевской слободе Астраханской губернии и селе Большая Лепетиха Таврической губернии (август 1906 г.), в Ядринском уезде Казанской губернии (февраль) и селе Арпачеве Тверской губернии (апрель). Радикальные действия крестьян были при этом спровоцированы самими властями (аресты крестьянских активистов, ввод войск для сбора налогов)³².

К ставшим уже привычными в период революции и продолжавшимся в 1906–1907 гг. податным и арендным забастовкам прибавился осенью 1906 г. и бойкот рекрутчины, к которому призывали крестьян не только революционеры, но и депутаты I Думы, подписавшие Выборгское воззвание. Уклонения от призыва в армию были отмечены во Владимирской, Уфимской, Симбирской, Самарской губерниях и в некоторых других местах.

Продолжались, хотя уже и в значительно меньших размерах, чем в 1905 – первой половине 1906 г., захваты помещичьих земель, порубки леса, разгром имений (Курская, Симбирская губернии). Однако в целом крестьянские выступления уже не носили столь массового и агрессивного характера, как прежде. Всего в 1907 г. было зарегистрировано более 2100 крестьянских выступлений – в три раза меньше, чем в 1906 г. и в 4,5 раза меньше, чем в 1905 г. Тем не менее, если в 1905 г. к суду были привлечены 12,2 тыс. крестьян, то в 1907 г. (с учетом арестованных в 1906 г.) – 13,5 тыс. человек³³. Характерно, что в период работы II Государственной думы вновь наблюдался небольшой всплеск «приговорной» активности крестьян, но на этот раз в адрес депутатов было направлено уже втрое меньше обращений, чем в адрес депутатов-перводумцев³⁴.

Что касается сколько-нибудь значительных революционных выступлений в армии и на флоте, то их в последние месяцы революции вообще отмечено не было.

«Обновление России»: столыпинская программа на начальном этапе ее реализации

«Перед нами до собрания следующей Государственной думы 180 дней. Мы должны их использовать вовсю, дабы предстать перед этой Думой с рядом уже осуществленных преобразований, свидетельствующих об искреннем желании правительства сделать все от него зависящее для устранения из существующего порядка всего не соответствующего духу времени», – таковы были первые слова, услышанные Гурко от Столыпина после назначения того главой правительства. «Эту фразу он повторял мне впоследствии неоднократно, и я уверен, что он ее говорил и всем членам своего кабинета», – добавлял Гурко³⁵. Не была ли эта декларация лишь позой, призванной продемонстрировать, что у сделавшего столь молниеносную карьеру провинциального губернатора есть своя политическая программа и решимость ее реализовать? Конечно, масштаб Столыпина как государственного деятеля летом 1906 г. был ясен далеко не всем даже среди его коллег. По словам Коковцова, и до роспуска Думы, и после него взгляд министров на Столыпина был далеко не свободен «если и не от не вполне серьезного отношения к отдельным его замечаниям, часто отдававшим известным провинциализмом и малым знанием установившихся навыков столичной бюрократической среды, то, во всяком случае, от слегка покровительственного отношения к случайно выкинутому на вершину служебной лестницы новому человеку, которым можно и поруководить, и при случае произвести на него известное впечатление»³⁶. Однако это представление очень быстро изменилось.

Споры об этой, безусловно, ярчайшей личности своего времени, о значении и итогах его деятельности по спасению получившего серьезные повреждения корабля российской государственности не утихают на протяжении вот уже почти целого века. Кого только не видели в Столыпине, превращая его в объект ненависти или почитания!³⁷ Заметим, что и в том, и в другом случае он часто воспринимался как создатель (почти *ex nihilo*) масштабной, цельной и оригинальной политической программы. Между тем, по авторитетному, хотя, может быть, не совсем беспристрастному мнению С.Е. Крыжановского, «в кругу государственных начинаний ни одна мера не принадлежала лично П[етру] А[ркадьевичу], хотя он и умел их осваивать и придавать им личный отпечаток... Отсюда – пестрота и бессвязность законодательного творчества того времени, когда рядом уживались самые противоположные проекты и течения, которые первое время он стремился объединить общей идеей “обновления”...»³⁸ К такой же оценке склоняются и современные историки. По словам Д. Мейси, «фактически все политические программы, которые он (Столыпин. – *Авт.*) исполнял или пытался проводить, были продолжением проектов, обсуждавшихся ранее, до начала беспорядков 1905 г., и затем развитых различными комиссиями в премьерство Витте...»³⁹. Стоит отметить, что едва ли можно при этом сомневаться в *политической самостоятельности* Столыпина. Вопреки утверждениям недоброжелателей, он никогда не был ничьим «приказчиком» (оценка Ленина), хотя очень чутко реагировал на те чужие идеи, которые казались ему плодотворными.

Заседания правительства премьер вел не очень искусно (особенно поначалу); «распустил» он и Министерство внутренних дел, так и не став умелым, по столичным меркам (где оценивалось владение административной *техникой*), чиновником. Стихией Столыпина, несомненно, была *публичная политика*, сама возможность заниматься которой (так, впрочем, до конца и не реализовавшаяся) появилась в России лишь в ходе первой революции. «Никому из его крупных предшественников... – писал Крыжановский, – нельзя было отказать ни в личной храбрости, ни в самоотверженной преданности долгу, но ни один из них не умел, подобно Столыпину, облечь свою деятельность той дымкой служения высшим началам самопожертвования, которые так сильно действуют на сердца»⁴⁰. Способствовали тому не только его огромная воля (неизбежно превращавшаяся порой в упрямство), но и редкий ораторский дар, позволивший власти как бы «обрести себя» в отношениях с Думой. Многие сановники воспринимали этот, по меткому определению Крыжановского, «драматический талант» премьера с иронией, недоумением или раздражением, обвиняя его в «искании популярности»: «Любя рукоплескания, он постоянно жаждал их и выдвигал нередко на первый государственный план такие вопросы, которые, обеспечи-

вая сочувствие большинства Думы (речь идет о III Думе. – *Авт.*), заслоняли более существенные и важные потребности»⁴¹.

Конечно, такие упреки были несправедливы. Вместе с тем в основе их лежал действительно существовавший резкий контраст между традиционным этосом сановника как *верноподданного слуги*, не только не ищущего похвалы публики, но даже не имеющего нужды с нею контактировать, и новым для России представлением о нем как о *политике*, стоящем между тронном и обществом. Парадоксально, но в этом отношении другой крупный деятель той эпохи, С.Ю. Витте, сравнение с которым Столыпина давно уже стало общим местом исторической литературы, был, при всем своем внимании к общественному мнению и при всей своей нелюбви к Николаю II, гораздо более традиционен, чем Столыпин.

Глубоко неверно поэтому считать Столыпина сторонником сугубо традиционных методов управления, лишь по необходимости «заигрывавшим» с Думой. Напротив, без Думы его бурная деятельность в значительной степени просто лишалась смысла (другой вопрос – *какими* виделись ему «правильная» Дума и формы сотрудничества с нею). Понять логику его действий в первый год пребывания на посту премьера можно, лишь учитывая этот немаловажный фактор.

Почти сразу после подавления восстаний в Свеаборге и Кронштадте Столыпин приступил, как и было обещано от имени императора в манифесте о роспуске Думы, к «поднятию благосостояния крестьянства... без ущерба чужому владению»⁴². 12 августа без обсуждения в Совете министров был принят закон о передаче Крестьянскому банку казенных, а несколько позже – удельных и кабинетских земель. «Мере этой, – писал Гурко, – Столыпин придавал исключительное значение, полагая, что она произведет благоприятное впечатление в крестьянской среде и вырвет у кадет один из боевых и прельщающих сельское население пунктов их программы». В каком-то смысле премьер действительно использовал кадетскую идею о государственном фонде земель, передававшихся, правда, не в пользование, а на выкуп. По позднейшим воспоминаниям Гучкова, во время переговоров о вхождении общественных деятелей в кабинет он заявлял: «...Нет предела тем улучшениям, облегчениям, которые я готов дать крестьянству... я даже не так уже расхожусь с кадетской программой, я только отрицаю массовое отчуждение»⁴³. В тот момент он стремился подчеркнуть то, что объединяло его с умеренными общественниками, но при желании в программе аграрной реформы, которую проводило правительство, несложно было обнаружить и акцентировать противоположные черты, позволявшие надеяться на поддержку правых. За пределами же политической риторики смысл реформы мог окончательно определиться только в ходе ее реализации: «подправленный» практикой, он мог

существенно отличаться от первоначальных деклараций и ожиданий. Зависел он и от параллельных преобразований в административно-судебной сфере.

Примечательно, что Гурко не скрывал от своего начальника отрицательного отношения к передаче Крестьянскому банку казенных и удельных земель. Это мера оценивалась им как бесполезная (крестьяне, утверждал он, и так арендуют все передаваемые банку земли) и даже опасная, поскольку и крестьянство, и общество легко могли прийти к выводу о закономерности отчуждения частных земель. Да и для правительства подобное «развитие» принятых мер могло стать логичным. Лидеру Объединенного дворянства А.А. Бобринскому премьер якобы даже не побоялся в то время сказать: «А вам, граф, с частью ваших земель придется расстаться»⁴⁴. Нельзя не согласиться с обоснованным мнением, что Столыпин признавал закономерность и благотворность перехода дворянских земель в руки крестьян, но не принудительным, а естественным путем⁴⁵. В отличие от Гурко, видевшего в разрушении общины средство сохранить дворянское землевладение, он не только не усматривал никакого противоречия между индивидуализацией крестьянского землевладения и его приращением, но полагал, что это – взаимосвязанные аспекты одной и той же задачи.

К тому времени съезды уполномоченных губернских дворянских обществ, первый из которых состоялся в Петербурге еще до роспуска Думы, 21–28 мая 1906 г., сумели зарекомендовать себя серьезной политической силой. Ее особенностью был внепартийный, как бы частный характер, позволявший избегать каких-либо широко-вещательных программных заявлений и при этом полностью использовать возможности внеинституционального, закулисного влияния на власть. Можно согласиться с тем, что «Объединенное дворянство» было «лоббистской организацией, созданной для того, чтобы использовать в интересах некой группы возможности возникшей после 1905 г. более открытой квазипарламентской политической системы»⁴⁶. Отмечаемое исследователями «глубокое разномыслие по основным, кардинальным вопросам политической жизни страны»⁴⁷ (на дворянских съездах, например, отчетливо выделялись два крыла – славянофильское и западническое), которое было бы гибельным для любой политической партии, не мешало этой организации, спаянной чем-то гораздо более серьезным по сравнению с политическими взглядами, а именно общностью жизненных интересов и ментальности. Впрочем, во второй половине 1906 г. противоречия между Столыпиным и дворянским «лобби» только намечались.

Значительное место в политике кабинета этих месяцев занимала и разработка репрессивных мер. Ключевой в их числе стало принятие Положения 19 августа об учреждении военно-полевых судов.

Часто задают вопрос: сыграло ли какую-либо роль в одобрении этого самого непопулярного мероприятия правительства покушение на премьера 12 августа? Напомню, что в результате организованного эсерами-максималистами взрыва дачи Столыпина на Аптекарском острове сам он не пострадал, но были убиты и ранены несколько десятков человек, серьезные травмы получила одна из дочерей Столыпина, легко ранен был его сын. Приехавший на место взрыва Гурко увидел испачканного чернилами премьера, который с жаром говорил: «Это не должно изменить нашей политики; мы должны продолжать реформы; в них спасение России»⁴⁸. «Удивительное самообладание Столыпина» после покушения снискало ему, по словам Коковцова, «большой моральный авторитет»: он «как-то сразу вырос и стал всеми признанным хозяином положения»⁴⁹. Инициатива же введения военно-полевых судов принадлежала Столыпину без особого восторга⁵⁰. Тем не менее закон был принят практически без обсуждения⁵¹. Военно-полевому суду обвиняемые предавались в тех случаях, «когда учинение преступного деяния является настолько очевидным, что нет надобности в его расследовании». Суд должен был решать судьбу обвиняемых в течение не более чем двух суток, еще сутки отводились на исполнение приговора. Никакой защиты и обжалования не предусматривалось. Закон действовал 8 месяцев; за это время военно-полевые суды приговорили к смерти 1102 человека (казнено было 683)⁵². Впрочем, казни продолжались и после отмены Положения: по одному из подсчетов, если в 1906 г. было казнено 144 человека, то в 1907 – 1139, в 1908 – 825, в 1909 – 717⁵³. Для эпохи, еще не знавшей тоталитарных режимов, – это цифры очень большие, особенно учитывая явный спад массового движения после лета 1906 г. Впрочем, их стоит сопоставить с количеством жертв революционного террора. Только в течение 1906 г. от рук революционеров погибло 768 и было ранено 820 представителей и агентов власти⁵⁴.

В обнародованном 24 августа правительственным сообщением, которое стало первой масштабной политической декларацией нового кабинета, говорилось, что «злодейства должны пресекаться без колебаний», что если государство «не даст им действительного отпора, то теряется самый смысл государственности». Однако «правительство не может, как это требуют некоторые общественные группы, приостановить все преобразования...» И далее намечалась обширная программа реформ, причем заявлялось, что некоторые из них будут внесены на рассмотрение Думы, а другие, «по чрезвычайной неотложности своей, должны быть проведены в жизнь немедленно». В числе последних речь шла о земельном и землеустроительном вопросе, об отмене ограничений в правах крестьян и старообрядцев, о постановке еврейского вопроса. Затем пе-

речислялся «целый ряд вопросов», разрабатываемых правительством: о свободе вероисповедания, неприкосновенности личности и гражданском равноправии, улучшении быта рабочих, реформе местного управления (с введением мелкой земской единицы), введении самоуправления в Польше, Прибалтике и Западном крае, преобразовании судов, средней и высшей школы, подоходном налоге, полицейской реформе, едином законе о чрезвычайном положении, созыве Поместного собора⁵⁵.

Неудивительно, что в конце августа правительство находилось, по словам Гурко, «в творческой реформаторской лихорадке»: «Извлечен был список дел, составленный при Витте комиссией А.П. Никольского, предположенных для представления в Государственную думу. Рассматривались не только проекты, предложенные на утверждение по ст. 87 Основных законов... но и такие, которые заготовлялись для утверждения в нормальном законодательном порядке, но, странное дело, почти ни один из них законной силой ни тем, ни другим путем не получил»⁵⁶. В числе «похороненных» были проекты введения всеобщего обязательного обучения, подоходного налога, свободы вероисповедания (заслугу его «исправления» Гурко приписывал себе) и целый ряд других.

Наибольшее внимание современников и исследователей, конечно, привлекали мероприятия, положившие начало аграрной реформе. Окончательной их подготовкой (соответствующие проекты были уже давно разработаны) занялось созданное в августе межведомственное совещание под председательством Гурко. 5 октября в порядке 87 статьи был издан указ «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей», в соответствии с которым крестьяне получали право свободного (без санкции сельского общества) получения паспорта и выбора места жительства⁵⁷. Ключевое же мероприятие в аграрной сфере скрывалось под неприметным названием «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования». Суть его заключалась в предоставлении крестьянам прав требовать укрепления наделной земли в личную собственность и выдела ее «к одному месту» в момент общего передела (в период между переделами община могла удовлетворить выделяющегося деньгами вместо земли). По постановлению $\frac{2}{3}$ схода совершался общий переход на отруба⁵⁸. Интересно, что, по сообщению Гурко, Столыпин в последнюю минуту уклонился от того, чтобы подписать представление этого проекта в Совет министров, сказав, «что он недостаточно знаком со сложным вопросом крестьянского землепользования»⁵⁹. Впрочем, это не помешало ему, как вспоминал Коковцов, отнестись к проекту с «величайшей страстностью»: «...Он дал всем нам понять, что этот вопрос составляет для него предмет, не допускающий какой-либо принципиальной уступки»⁶⁰.

Несмотря на решительность премьера, Коковцов, кн. Б.А. Васильчиков и управляющий Кабинетом е. и. в. кн. Н.Д. Оболенский хотя и заявили о своем несочувствии общине, но фактически выразили сомнение в своевременности ее ломки, предложив предоставить решать ее судьбу будущей Думе. Их «мнение» было насыщено патриархальной риторикой, ссылками на прежнюю «охранительную» политику власти и явно имело целью воздействовать на убеждения императора⁶¹. Однако Николай II согласился с точкой зрения большинства, и 9 ноября проект стал законом.

Вскоре после этого Гурко был отдан под суд в связи со скандальным «делом Лидваля» (речь шла о хищении казенных денег, и несмотря на оправдание, его чиновничья карьера была бесславно завершена). Трудно сказать, в каком направлении развивалась бы реформа, если бы он продолжал определять ее ход. Во всяком случае, историки сходятся в том, что закон 9 ноября сам по себе не мог играть существенной роли в трансформации общины: судьба ее зависела, скорее, от административного нажима и целенаправленной землеустроительной политики⁶² и к тому же решалась гораздо позже. В конце же 1906 и первой половине 1907 г. ни о каких результатах применения закона (к тому же не утвержденного Думой) не могло быть и речи. Вплоть до конца 1907 г. «буксовала» и планировавшаяся Столыпиным широкомасштабная продажа земель через Крестьянский банк. И дело было совсем не в происках «реакционного дворянства». Помещики были так напуганы аграрными беспорядками, что спешили превратить землю в деньги, и за 1905–1907 гг. банк скупил 2,7 млн дес., а продал лишь 170 тыс. (с ноября 1905 по начало мая 1907 г.)⁶³. Просто крестьяне не расставались с надеждой получить всю землю даром. Не торопились они и покидать общину. Неудивительно, что первые итоги правительственной политики вызвали серьезное недовольство правого дворянства, проявившееся с полной силой на III съезде уполномоченных губернских дворянских обществ (27 марта – 2 апреля 1907 г.)⁶⁴. Обращаясь к Столыпину с «открытым письмом», известный публицист С.Ф. Шарапов, представлявший в среде «Объединенного дворянства» «славянофильское» крыло, упрекал его в том, что «удельная земля отдана, отдана совершенно напрасно, казенные готовятся к передаче... Частные землевладельцы панически бегут, сдавая земли почем попало Крестьянскому банку, который их закупает на сотни миллионов рублей... Ведь такая постановка аграрного вопроса ставит на карту всю экономическую, да и политическую будущность России»⁶⁵.

Откликнулись на указ 9 ноября и некоторые земства. К осени 1906 г. ситуация в земском движении по сравнению с 1905 г. сильно изменилась. Прежде всего резко упал уровень его оппозиционности правительству, что объяснялось стабилизацией позиций власти, уходом в политические партии многих видных земских деятелей, дум-

скими иллюзиями и т.д. Быстрыми темпами шел процесс «деполитизации» земской деятельности, к которому прибавлялись финансовые затруднения в связи с отказом крестьян и других землевладельцев платить земские сборы, что вело к сокращению ассигнований на хозяйственные и социальные нужды. Давали знать о себе и последствия засухи, поразившей ряд губерний Европейской России. На этом фоне в земских собраниях активизировались гласные правой ориентации, критиковавшие своих либерально настроенных коллег за потворство «грабительским устремлениям крестьян».

Усилилось давление на земства и со стороны губернаторов. Проходила и чистка земских служб от неблагонадежного «третьего элемента». В итоге земские исполнительные органы переходили в руки правых октябристов и еще более крайних консерваторов. Характерно, что если до 1906 г. среди председателей земских управ было 16 кадетов, то после 1906 г. кадет возглавлял лишь Уфимское земство⁶⁶.

В этой обстановке реакция большинства земств на указ 9 ноября оказалась довольно прохладной. Это объяснялось прежде всего опасениями земцев по поводу негативных последствий форсированной ломки общинных порядков, тем более без обсуждения этого вопроса в Государственной думе. Наиболее показательной в этом отношении была позиция Нижегородского земского собрания, которое пришло к выводу о невозможности обсуждения указа 9 декабря до созыва II Государственной думы. При этом один из гласных прямо заявил: «Вопрос о землевладении слишком разнообразен и сложен в условиях России... В том-то и дело, как установить точные принципы, где по местным условиям необходимо держаться идеи частной собственности, а где общинной... Община должна быть свободным союзом, и не следует искусственно толкать ее к распадению»⁶⁷. Ненормальность положения, при котором от участия в решении крестьянского вопроса устранены сами крестьяне, отмечали участники земских собраний в Тверской, Рязанской, Уфимской, Казанской, Владимирской губерниях. В итоге подавляющее большинство земских собраний, по существу, уклонилось от обсуждения указа 9 ноября и не оказало Столыпину той поддержки, на которую он рассчитывал. Поддержали же указ в основном правые гласные, видевшие в общине «рассадник социалистических идей». Их главным аргументом в пользу поддержки столыпинского аграрного курса было убеждение в том, что мелкая частная земельная собственность – самая надежная гарантия сохранения собственности крупной и реальный противовес идее национализации земли.

Важно также отметить, что выделенные из общины наделы вовсе не превращались в частную собственность. Многочисленные ограничения сословного характера (запрет отчуждать их некрестьянам, продавать за личные долги, установление предельных разме-

ров концентрации наделов в одних руках и т.п.) имели целью затормозить процесс мобилизации земли и широкого «раскрестьянивания»⁶⁸. Традиционный попечительский подход к крестьянству как к опоре трона во многом сохранялся, только объектом его становился не общинник, а «единоличник».

Вторым принципиально важным для Столыпина направлением реформ было масштабное преобразование местного суда и управления на волостном, уездном и губернском уровнях. Фактически, оба направления были тесно взаимосвязаны, составляя для премьера *sine qua non* его политики. Однако, став яблоком раздора в отношениях Столыпина с дворянством, эта реформа была «уступлена» премьером, что в итоге и ознаменовало закат реформаторской столыпинской эры⁶⁹. И хотя основные баталии по этому поводу развернулись гораздо позже, первые конфликты (пока внутри правительства) наместились уже осенью 1906 г.

Внесенные Столыпиным в Совет министров проекты предполагали создание сельских округов (обществ) и на их основе – всеобщей волости (земской и одновременно административной единицы, в которой крестьяне должны были объединиться с помещиками). Вводились также должности участкового начальника («земского начальника без судебных функций, без дискреционной власти, без сословного ценза», как подчеркивалось в представлении МВД) и вице-губернатора (основного должностного лица в уезде, призванного потеснить уездного предводителя дворянства как главного должностного лица уезда). Значительно расширились функции губернатора. Представительство в земских собраниях перестраивалось на основе единого имущественного ценза без различия условий и видов имуществ, права земств расширялись⁷⁰.

Таким образом, программа местной реформы «разрубала» сразу несколько «узлов», распутать которые правительство безуспешно пыталось на протяжении многих десятилетий. Почти все отразившиеся в них идеи высказывались задолго до Столыпина, соответствующие проекты неоднократно разрабатывались в различных ведомствах и комиссиях (наиболее известна историкам Кахановская комиссия 1881–1885 гг.), но по разным причинам не осуществлялись. Постепенно в среде высшей бюрократии сложилось устойчивое представление, что местная реформа – дело безнадежное, способное похоронить любого, кто за нее возьмется. Программа, разработанная к осени 1906 г., несомненно являясь плодом типичного бюрократического творчества, имела то неоспоримое достоинство, что конструировала целую *систему* административной власти. Недостатком же проектов был их умозрительный характер, позволявший составителям без особых оснований надеяться на то, что бюрократическая «вертикаль власти», традиционно терявшая свою действенность уже в уезде (что, собственно, и вызывало необходи-

мость нагружать уездного предводителя несвойственными ему административными полномочиями), вдруг окажется достаточно эффективной. Не менее произвольным был и расчет на сотрудничество администрации и земства, на котором в предлагавшейся системе строилось очень многое. Трудно было также представить себе после «иллюминаций» 1905–1906 гг. дружную работу в волости помещиков и крестьян. Словом, провинциальная российская жизнь грозила, мягко говоря, не подтвердить рационалистического оптимизма бюрократических демиургов. Мог ли Столыпин, не относившийся к числу кабинетных теоретиков, не чувствовать этого? А может быть, он не видел для власти иного выхода, понимая, что без действенной административной системы монархия обречена на гибель?

Как бы там ни было, Совет министров в заседаниях 19 и 22 декабря 1906 г., 3 и 6, 20 и 27 января 1907 г. предложил внести в проекты существенные коррективы, несмотря на то, что, по словам Кокцова, представляя проект губернской реформы, премьер «сразу поставил этот вопрос на всю его принципиальную высоту и дал всем нам почувствовать, что этот вопрос так же близок его сердцу, как и... закон о выходе из общины». Однако пиетета перед его авторитетом хватило лишь на то, чтобы министры отнеслись к проекту «сколько возможно благожелательно»⁷¹. Критике подверглись стремление перевести земский ценз с земли на деньги, умалить значение уездного предводителя, расширить компетенцию губернатора по контролю за местными органами других ведомств. Вице-губернатора предлагалось переименовать в уездного начальника, а «сельские округа» не организовывать вовсе⁷².

Переработанные в соответствии с этими замечаниями проекты поселкового, волостного и уездного управления были уже 20 февраля внесены в Государственную думу. 10 марта был представлен и проект губернского управления⁷³. Ни один из них не был ею рассмотрен. Впрочем, проекты так и не стали законами и после роспуска Думы. Причины, по которым административная реформа не была осуществлена, достаточно многообразны и отнюдь не сводятся к противодействию правых. Отличительной чертой проектировавшегося устройства была бюрократизация местной власти. Но даже если полагать вслед за Максом Вебером, что рациональная бюрократическая организация эффективна и закономерна, что только она соответствует сложному устройству модернизированного общества, нельзя все же не признать, что российская бюрократия на местах далеко не соответствовала ни рациональному идеалу, ни ожиданиям каких бы то ни было политических сил и слоев общества. При этом правые, как известно, испытывали к ней едва ли намного больше доверия, чем либеральная оппозиция (про революционные партии говорить не приходится). В таких условиях фиаско реформы представляется достаточно естественным. Вместе с тем,

конечно, прав был С.Е. Крыжановский, когда писал: «В конце концов от всех начинаний Столыпина осталось и прошло в жизнь только одно, правда крупнейшей важности: законы о землеустройстве. Административный же и полицейский фундамент Империи остался в архаическом состоянии, совершенно не приспособленным к новым требованиям, выдвинутым жизнью, и государству пришлось тяжело поплатиться за это, когда настали трудные времена»⁷⁴.

Единственным из пакета соответствующих законопроектов, чья судьба была более счастливой, оказался проект реформы местного суда, разработанный в Министерстве юстиции еще весной 1906 г. Он предусматривал упразднение сословно-крестьянского волостного суда, городских судей и уездных членов окружного суда, лишение судебных функций земских начальников. На месте этих инстанций восстанавливался общий для всех сословий мировой суд, уничтоженный еще в 1889 г. резолюцией Александра III на законе о земских начальниках. Мировые судьи должны были избираться уездным земским собранием на основе возрастного, имущественного и образовательного цензов и утверждаться Сенатом с учетом отзыва губернатора⁷⁵.

Этот проект не просто реставрировал порядок, существовавший до 1889 г. Отмена волостных судов была мерой огромной важности, которая предreshала и уничтожение обычного права (или, точнее, лишение его санкции государства). Стоит напомнить, что волостной суд еще с 1861 г. воспринимался не столько как одно из проявлений сословной неполноправности крестьян, сколько как средство гарантировать их интересы, не разрушая их традиционного правосознания (поэтому в 1860–1870-е годы он был объектом массовой критики консервативным дворянством). Обычное право часто ассоциировалось с общинным устройством, но на самом деле далеко не исчерпывалось им. Поэтому, скажем, переход к участковому или даже хуторскому землевладению совсем не означал его исчезновения. С точки зрения распространения на крестьян норм общегражданского права судебная реформа была преобразованием по-настоящему революционным; в то же время она была наименее политизирована, и это последнее обстоятельство и определило меру ее «проходимости» через законодательные учреждения. Проект «О преобразовании местного суда» станет едва ли не единственным крупным правительственным проектом, подвергшимся серьезному и сравнительно конструктивному обсуждению во II Думе.

В числе неосуществившихся реформаторских замыслов особо следует остановиться на проекте созыва Поместного церковного собора. Тема «Православная церковь и революция», несомненно, заслуживает особого и взвешенного анализа. Немногочисленные работы советского времени, ей посвященные, разумеется, не могли

быть объективными, как, впрочем, и зарубежные исследования, основанные к тому же на весьма узком круге источников⁷⁶. Лишь в последние годы появляются труды, авторы которых стремятся оценить процессы, проходившие в Церкви в критические для страны годы, не только с внешней для самой Церкви и не всегда адекватной политической точки зрения, но и принимая во внимание логику ее внутренней жизни⁷⁷.

Чтобы понять исход этих процессов, необходимо вернуться к началу 1905 г. Именно тогда в правительственных и церковных кругах начала активно обсуждаться необходимость реформирования церковного устройства, причем в роли реформатора выступал Витте (тогда председатель Комитета министров), а точку зрения о несвоевременности перемен, по традиции, отстаивал обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев. Указ 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости» поставил перед Церковью очень серьезную проблему: получалось, что инославные церкви оказывались более свободны от влияния государства в решении своих внутренних дел (в том числе экономических), чем господствующая Православная церковь!

Витте был поддержан митрополитом Петербургским Антонием (Вадковским), якобы желавшим, по слухам, стать патриархом (вопрос о восстановлении патриаршества воспринимался многими как неизбежное следствие реформы синодального устройства Церкви). В окружении мягкого по характеру митрополита оказалось достаточно много радикально настроенных духовных лиц, высказывавшихся за кардинальное переустройство церковной жизни (в ходу были лозунги выборности не только приходских священников, но и архиереев, отмены безбрачия для епископов и вообще устранения «засилия» черного духовенства, широкого участия мирян в решении церковных вопросов, отмены духовной цензуры и т.п.). Весьма характерной для этого круга фигурой можно, например, считать епископа Нарвского Антонина (Грановского), позже, в 1920-е годы возглавившего обновленческий раскол, а в 1905 г. прославившегося выступлениями «в духе времени» в пользу ликвидации самодержавия, отмены привилегий и установления всеобщего равенства.

Политика властно вторгалась в церковную сферу. Еще в январе 1905 г. на заседании «Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви», находившегося под покровительством митрополита Антония, раздавались, как пишет в своем исследовании о. Георгий Ореханов, призывы «к более активному включению [священнослужителей] в обсуждение вопросов чисто политического свойства». В публицистических выступлениях либеральных и праволиберальных изданий церковные реформы увязывались с успехами освободительного движения, проводились прямые параллели между Поместным собором и Ду-

мой. Подобную позицию занял даже «Церковный вестник» – орган столичной Духовной академии. Все чаще предпринимались и парадоксальные попытки подвести под политические лозунги догматическую базу (вроде тезисов о том, что учение Христа предполагает политическое равенство, а в догмате о соединении в Спасителе божественной и человеческой природы «заключена перспектива безграничного прогрессивного развития человечества»)⁷⁸.

Впрочем, реформы в Церкви назрели очень давно, а изменения в государственном строе делали их просто неизбежными. Вопрос, таким образом, заключался в том, какими они должны быть и насколько своевременен, скажем, созыв Собора в условиях продолжавшейся революции. Многие из тех духовных и светских деятелей, кто задумывались над этим вопросом, резонно полагали, что Собор независимо от его состава неизбежно расколется на «левых» и «правых», и это лишь осложнит и без того непростое дело реформ. С другой стороны, лагерь церковных реформаторов (который составляли, в частности, так называемая группа 32 священников и возникший на ее основе Союз ревнителей церковного обновления) объединял довольно широкий круг людей (священников, профессоров духовных учебных заведений и др.) самых различных убеждений – от церковных «радикалов» до «умеренных реформаторов», «от представителей интеллектуальной элиты до простых сельских священников»⁷⁹. Из среды последних, кстати, вышли те «батюшки», которые прославились в I и II Думах своими оппозиционными выступлениями (наиболее известным из них стал член фракции трудовиков Ф. В. Тихвинский)⁸⁰. По складу ума они мало чем отличались от своей крестьянской паствы, и идеи их были достаточно просты и безыскусны. Более интеллектуально изощренные реформисты (например, А.В. Карташов, В. Эрн, В. Свенцицкий), полагая, что «задача религии заключается не только в воздействии на личность, но и в формировании соответствующего религиозным началам социального строя», были приверженцами идей «христианской политики» и «христианской культуры». По справедливому мнению о. Г. Ореханова, применительно к ним можно говорить о явной «секуляризации церковного сознания»⁸¹.

В течение второй половины 1905 г. по поводу готовившейся реформы высказались епархиальные архиереи, причем подавляющее их большинство оказалось сторонниками скорейшего созыва Собора. Однако по поводу его состава и функций мнения разошлись. Наконец, в марте 1906 г. начало свою деятельность так называемое Предсоборное присутствие, в котором приняли участие 10 архиереев, более 20 крупнейших историков Церкви, канонистов, профессоров Духовных академий и университетов, а также известные общественные деятели и публицисты (А.А. Киреев, Ф.Д. Самарин, П.П. Аксаков и другие). Обсуждались, в частности, состав Собора,

взаимоотношения Церкви и государства, изменения во внутреннем устройстве Церкви. Острая полемика, развернувшаяся в Присутствии, подтвердила, что многие церковные вопросы в тогдашней обстановке не могут не восприниматься как политические. В итоге к декабрю 1906 г., когда Присутствие закончило работу, стало ясно, что разногласия едва ли преодолимы и на самом Соборе грозят вылиться в совершенно ненужный власти громкий конфликт. Столыпин не мог не сделать вывод о несвоевременности каких-либо серьезных шагов по созыву Собора и был в этом поддержан императором. Идея Собора, а вместе с нею и идея церковных реформ были отложены на целое десятилетие.

Национальные движения и политика правительства (1906 – первая половина 1907 г.)

Революционные события 1905 г. стали настоящей «весной народов», выявив всю остроту национального вопроса в стране. Издание манифеста 17 октября придало национальным движениям дополнительный импульс. В большинстве случаев стихийные проявления социального протеста населения национальных окраин приобрели в 1905 г. более четко структурированные формы и пошли по пути сочетания национальных, политических и социальных требований, нашедших отражение в программах соответствующих национальных партий и организаций. События 1905 г. создали условия для расширения их социальной базы, но вместе с тем усилили и без того острые внутрипартийные противоречия, вызванные столкновением более радикальных, центристских и умеренных течений внутри национальных движений. При этом период с октября 1905 г. по июнь 1907 г. отличался особенно интенсивным строительством либеральных и демократических национальных партий, главной целью которых стало достижение той или иной формы национальной автономии.

Национальная политика правительства отличалась противоречивостью и многочисленными колебаниями. Витте путем отдельных уступок стремился оторвать от революционного движения и сделать своим союзником местные национальные элиты. Кроме того, уступки в национальном вопросе должны были ослабить накал революционных выступлений на окраинах, лишив их национальной подоплеки. Однако его политика встречала сопротивление части правительственных и придворных кругов. С такими же проблемами столкнулся пытавшийся продолжить курс на смягчение прежней русификаторской политики Столыпин. В итоге из всех мероприятий правительства на национальных окраинах наиболее важными оказались реформы в системе начального и среднего образования. Введение обучения на родном языке, как и отмена цензуры, созда-

вали условия для культурного развития нерусских народов империи. Стоит отметить также проекты развития местного самоуправления на национальных окраинах, которые разрабатывались правительством в качестве альтернативы выдвинутым в ходе революции требованиям национальной автономии. В целом, несмотря на желание уклониться от решения наиболее острых вопросов, из отдельных преобразований и проектов правительства вырисовываются контуры нового, более умеренного и в чем-то даже либерального курса национальной политики. Однако для его реализации нужны были твердая убежденность в его необходимости и четкое осознание стоящих перед властью задач. Ни того ни другого у правительства еще не было.

В период революции во главе национальных движений оказались многочисленные национальные партии либерально-демократической и социалистической ориентации. Кроме того, на пролетарское движение в национальных районах значительное влияние оказывала РСДРП. 1906–1907 гг. стали важным этапом в развитии многих национальных партий, которые явно наращивали влияние на различные слои населения своих регионов.

Уже в конце 1905 г. под влиянием революционных событий в России руководство Польской партии социалистов (ППС) пришло к выводу о необходимости скорректировать партийную программу. Это произошло в феврале 1906 г. на 8-м съезде партии, где преобладали так называемые «молодые». На съезде было принято решение о продолжении борьбы с целью свержения самодержавия и построения федеративной республики. Однако к идее национального восстания против России, выдвигавшейся «стариками» во главе с Ю. Пилсудским, участники съезда отнеслись отрицательно, заявив, что она утопична, «поскольку имущие классы не будут и не хотят участвовать в революционной борьбе». В августе 1906 г. Боевая организация ППС во главе с Пилсудским провела серию террористических актов против представителей русской администрации, что вызвало осуждение со стороны партийного руководства. Окончательный раскол партии произошел в ноябре 1906 г., когда Пилсудский создал свою организацию ППС – Революционная фракция.

В Закавказье ведущей политической силой оставалась армянская партия «Дашнакцутюн». Революционные события в России и армяно-азербайджанские столкновения сильно радикализировали ее политическую линию, что непосредственно отразилось в разработанной лидерами партии программе – «Кавказском проекте», предусматривавшем вооруженную борьбу с самодержавием с целью создания Закавказской демократической республики в составе Российской федерации. Новый курс вызвал у дашнаков раскол. Их левое крыло — «младодашнаки», считавшее невозможным соединить национально-освободительное движение с задачами классовой

борьбы, вышло из партии, присоединившись к эсерам. С февраля по май 1907 г. в Вене проходил IV съезд партии, на котором была принята новая программа на основе «Кавказского проекта»⁸².

Несмотря на то что в ходе революции 1905–1907 гг. среди национальных социалистических партий наметился явный отход от националистических программных требований, в ряде регионов именно эти партии оказались во главе национальных движений. Так, важную роль в развитии белорусского национального движения сыграла Белорусская социалистическая громада. В январе 1906 г. в Минске состоялся II съезд БСГ, принявший новую программу, где говорилось об образовании Российской федеративной демократической республики со свободным самоопределением и культурно-национальной автономией отдельных народностей⁸³. В Белоруссии предусматривались выборы в свой национальный сейм. Аграрный вопрос БСГ предлагала решать на основе программы муниципализации земли. Представители БСГ активно участвовали в издании белорусских газет «Наша доля» и «Наша нива», под влиянием которых в учительской среде широко распространилась идея введения в школе белорусского языка⁸⁴.

Что касается трех наиболее влиятельных национальных марксистских партий – СДКПиЛ, Бунда и Латышской социал-демократии, то они пошли весной 1906 г. на объединение с РСДРП, отвоёвав при этом определенную автономию в составе партии (собственные съезды, Центральные комитеты, печатные органы, самостоятельность в решении некоторых программных и тактических вопросов).

Процесс формирования либеральных и демократических партий с особой интенсивностью, связанной с острыми межнациональными конфликтами, протекал в Прибалтике. В ноябре 1905 г. в Юрьеве (Тарту) была образована Эстонская народная партия прогресса (ЭНПП), объединившая эстонских либералов. Аналогичная Латышская конституционно-демократическая партия (ЛКДП) оформилась в то же время в Латвии. ЛКДП и ЭНПП приняли программу русских кадетов, дополнив ее требованиями национальной автономии, реформы местного самоуправления, создания этнически монолитных Эстонии и Латвии в качестве административно-территориальных единиц в составе Российского государства, а также признания эстонского и латышского языков государственными. Одним из направлений политической деятельности латышских и эстонских партий стала борьба с «немецким засильем»⁸⁵. В свою очередь, для противодействия усилившемуся латышскому и эстонскому национальным движениям немецкая буржуазия и дворянство в ноябре 1905 г. создали умеренно-либеральную Балтийскую конституционную партию (БКП)⁸⁶. В литовском национальном движении ведущими политическими организациями к осени 1905 г. были Демократическая партия Литвы (ДПЛ), а также Литовская христианско-

демократическая партия⁸⁷. Лига народов, объединявшая национально-демократические партии в Царстве Польском, продолжала придерживаться положений программы 1903 г., где говорилось о необходимости добиваться легальным путем создания условий для национального развития поляков. Лидеры Лиги рассчитывали в обмен на лояльность и пророссийскую ориентацию добиться от правительства согласия на территориальную автономию⁸⁸.

На Украине особую активность после издания манифеста 17 октября стала проявлять Украинская демократическая партия. Одновременно прошел объединительный съезд представителей Украинской демократической и радикальной партий. Главной целью радикал-демократов стало создание «современной украинской нации», что связывалось с уничтожением самодержавия, введением конституционного строя, созданием федеративного государства⁸⁹. Широкое развитие получило на Украине движение за возрождение национальной культуры и свободное пользование родным языком.

Новым для Российской империи явлением стала политическая активность национальной интеллигенции башкир, казахов, бурят и других народов восточных национальных окраин. Ее непосредственной причиной стало недовольство проводимыми правительством с 1890-х годов аграрной и административной реформами, направленными на формирование земельных колонизационных фондов и унификацию местного управления. В декабре 1905 г. в Уральске был проведен съезд казахского населения пяти областей, на котором была сделана попытка создания национально-политического объединения – филиала конституционно-демократической партии России. А уже в феврале 1906 г. в Семипалатинске состоялся второй съезд казахов, который с некоторыми добавлениями (признание всех земель Казахстана собственностью коренных жителей, прекращение политики переселений, открытие национальных школ и т.д.) одобрил программу кадетов. В Иркутской губернии и в Забайкальской области представители бурят, собравшись на национальные съезды и совещания, выдвинули требования возобновления деятельности степных Дум и полной ликвидации новых административных органов и должностей. Жители ряда бурятских поселений вновь подали Иркутскому генерал-губернатору ходатайство о приостановлении землеустроительных работ⁹⁰.

Особенностью национальных движений на восточных окраинах империи была их религиозная доминанта. Довольно быстро после манифеста 17 октября стало развиваться общероссийское движение мусульман «Иттифак». В декабре 1905 г. лидеры этого движения начали подготовку 2-го съезда мусульман России (первый состоялся в августе 1905 г. в Нижнем Новгороде). Съезд не был разрешен властями и проходил в Петербурге в частном порядке. На нем решено было требовать предоставления мусульманам национально-

культурной автономии, а в утвержденном уставе движения отмечалась необходимость создания во всех регионах компактного проживания мусульман представительных собраний – меджлисов. Прямым следствием съезда стало создание в 1906–1907 гг. многочисленных объединений мусульман, преследовавших культурно-экономические (распространение грамотности, взаимопомощи) цели и взявших на себя функции низовых организаций. Благодаря им руководство «Иттифака» легко дирижировало политическим поведением значительной части мусульман. Окончательное оформление партии состоялось на 3-м Всеобщем мусульманском съезде, прошедшем 16–21 августа 1906 г. в Нижнем Новгороде⁹¹. Росло число татарских школ, появились национальные газеты «Тараккы» («Прогресс») и «Хуршид» («Солнце»).

Из всех политических требований, которые выдвигались различными партиями и движениями на окраинах империи, наиболее болезненным для правительства было требование национальной автономии. В сентябре и октябре 1905 г. позиция правительственных кругов по этому поводу еще не определилась. Во всяком случае, в записке от 9 октября Витте осторожно высказался в пользу возможного предоставления ограниченной автономии некоторым из национальных окраин⁹². Однако постепенно в «верхах» стал нарастать страх перед возможным распадом империи. В итоге исключение было сделано только для Финляндии, где после Всероссийской октябрьской стачки была восстановлена в прежнем объеме автономия Великого княжества. В Прибалтике дело не пошло дальше созыва летом 1906 г. Особого совещания при генерал-губернаторе, на котором обсуждался вопрос о введении земского самоуправления. Однако острые противоречия между остзейским немецким дворянством и местной национальной буржуазией не позволили принять на совещании какое-либо конструктивное решение.

Наконец, на Кавказе назначенный весной 1905 г. наместником И.И. Воронцов-Дашков планомерно проводил политику, направленную на примирение с умеренно настроенной частью местной интеллигенции и буржуазии. Самой заметной его акцией стало разрешение Эчмиадзинскому католикосу Мкртичу I созвать съезд представителей армянского народа, заседания которого открылись 15 августа 1906 г. в Эчмиадзине. Собравшиеся делегаты тут же объявили съезд учредительным, а также постановили отделить церковь от государства, передав управление школьными и прочими национальными делами в руки особых выборных общинных органов. Попытка обсуждения общероссийских проблем привела к закрытию съезда особым распоряжением наместника⁹³.

Не менее острым стал для правительства вопрос о развитии национальной школы. Так, в Польше средняя и начальная школа стала после манифеста 17 октября ареной ожесточенной борьбы мест-

ной общественности и русской администрации. Уступки правительства не ослабили, а наоборот, обострили конфликт. Местные власти считали необходимым «с русско-патриотической точки зрения» ограничить действие положения Комитета министров от 6 июня 1905 г., разрешавшего преподавание в школе польского языка и литературы. Между тем в польском обществе эти права стали толковать в расширительном смысле. В результате русской правительственной школе был объявлен бойкот⁹⁴. Администрация ответила жесткими репрессиями, и в итоге попытки И.И. Толстого при поддержке Витте подготовить интегральную реформу польской школы успехом не увенчались⁹⁵.

В то же время в Министерстве народного просвещения спешно разрабатывалась общая программа развития народного образования, представленная 30 декабря 1905 г. в Совет министров. Толстой считал необходимым «допустить в школах низшей и средней преподавание на родном языке учащих при условии обязательного преподавания на русском языке: уроков русского языка, а также истории России, географии России и русской литературы»⁹⁶. Совет министров одобрил эту программу, и в марте 1906 г. новые правила преподавания вступили в силу.

Головной болью Совета министров были различного рода межэтнические столкновения, в первую очередь еврейские погромы. Витте не решался взять на себя ответственность за решение еврейского вопроса. В разговоре с И.И. Толстым он в свойственном ему двусмысленном духе заявил: «Мы не имеем права предрешать вопроса, касающегося всего населения России, накануне созыва представителей всей страны... Должен, однако, сказать, что я в последнее время сильно разочаровался в евреях: я считал их умнее и практичнее... Они сами дают аргументы против себя в руки своих врагов»⁹⁷. Тем не менее премьер попытался смягчить остроту вопроса отдельными мерами, направленными на облегчение положения евреев в черте оседлости. В январе 1906 г. Толстой поставил перед Советом министров вопрос об отмене процентной нормы для евреев в высших учебных заведениях⁹⁸. Против этого выступил П.Н. Дурново, по мнению которого, «опубликование во всеобщее сведение распоряжения правительства о свободном допущении евреев в высшие учебные заведения невыгодно в политическом отношении: оно подымет бурю негодования в широких кругах и поведет к новым серьезным беспорядкам»⁹⁹. Доводы Дурново убедили Совет министров. Окончательное решение оставалось за императором, который наложил резолюцию: «Еврейский вопрос должен быть рассмотрен в общей совокупности тогда, когда я признаю это благовременным»¹⁰⁰.

Между тем начавшиеся еще в октябре 1905 г. погромы заставили правительство принимать срочные меры¹⁰¹. Большой резонанс

получил погром, вспыхнувший 13–14 января 1906 г. в Гомеле. Командированный для его расследования действительный статский советник Савич пришел к выводу, что причиной столкновения стало существование в Гомеле, с одной стороны, трех еврейских революционных партий, которые терроризировали весь город, а с другой – тайного «Союза русских патриотов»¹⁰². Дальнейшее следствие показало причастность к организации погрома жандармского ротмистра Подгоричани. Совет министров признал недопустимым для должностных лиц прибегать для противодействия революционным проявлениям «к способам явно противозаконным, приводящим к таким явлениям, как насилия и грабежи»¹⁰³. На мемории Совета Николай II поставил 9 декабря 1906 г. хорошо известную резолюцию: «Какое мне до этого дело? Вопрос о дальнейшем направлении дела о гр. Подгоричани подлежит ведению министра внутренних дел»¹⁰⁴.

Еврейский вопрос был и политической картой, которую стремились разыграть различные противоборствующие группировки в правительстве и вне его. Ярким проявлением этого стала история с погромными прокламациями, печатавшимися в Департаменте полиции. В январе 1906 г. Витте получил от бывшего директора департамента А.А. Лопухина информацию о том, что в нем под началом ротмистра Комиссарова действовала типография, выпускавшая «погромные листовки». Целью их издания якобы было «усиление реакции» среди умеренных кругов общества¹⁰⁵. Витте решил замять дело, поручив Дурново провести неофициальное расследование¹⁰⁶. При этом премьер явно не хотел раздувать скандал, получивший, однако, продолжение, когда шурин Лопухина товарищ министра внутренних дел кн. С.Д. Урусов оказался в отставке и был избран в I Думу, войдя в ряды кадетской партии. 3 мая 1906 г. в кадетской газете «Речь» был опубликован рапорт заведующего особым отделом Департамента полиции Н.А. Макарова министру внутренних дел о секретной типографии, печатавшей «погромные» прокламации. 8 мая Урусов выступил в Думе с обличительной речью. В правительство был направлен запрос о существовании такой типографии, а также о причинах произошедших в Вологде, Калязине и Царицыне беспорядков и еврейских погромов. Замять скандал удалось с большим трудом. Выступивший 8 июня с ответом на запрос Столыпин возложил всю ответственность на отдельных лиц, которые якобы действовали по собственной инициативе¹⁰⁷.

Параллельно разворачивалась история с Белостокским погромом, начавшимся 1 июня и продолжавшимся три дня. Уже 2 июня 49 членов Думы внесли проект запроса по этому поводу министру внутренних дел. Выступавшие при его обсуждении обвиняли власти в прямой организации погромов или в попустительстве им и категорически отвергали возможность рассматривать национальную

вражду в качестве возможной причины беспорядков. Выдвигалось требование отставки правительства. Запрос единогласно был принят как спешный. Дума также поручила своей комиссии по расследованию незаконных действий должностных лиц немедленно собрать сведения на месте погрома. Согласно официальному отчету думской комиссии, в ходе белостокского погрома были убиты 200 и ранены около 700 человек. В отчете особо указывалось на сговор местных властей с погромщиками и отмечалось, что войска и полиция отличались особой жестокостью и совершили массу бесчеловечных актов насилия¹⁰⁸.

Внимание депутатов Думы привлекли также армяно-азербайджанские столкновения. 27 мая 1906 г. в Эривани в ходе беспорядков погибли 26 и были ранены 11 человек. Столкновения армян и азербайджанцев происходили и в других местах. На основании этих фактов 5 июня 1906 г. депутаты сделали запрос правительству, в котором подчеркивалось непрекращающееся попустительством участникам резни со стороны администрации, что привело к настоящей армяно-азербайджанской войне¹⁰⁹. Таким образом, с началом работы Государственной думы появился новый фактор, влиявший на ситуацию в национальных регионах. Несмотря на свое негативное отношение к законодательному собранию, Совет министров должен был теперь действовать с учетом возможной реакции депутатов на политику правительства на окраинах.

Несмотря на то что Витте придавал решающее значение в деле успокоения окраин конфессиональной политике, основанной на принципе веротерпимости, во время его премьерства в Совете министров не было разработано ни одного законопроекта по этому вопросу. Вновь активизировать свою деятельность в этом направлении правительство заставил проект основных положений закона «О гражданском равенстве», составленный депутатами I Государственной думы. Осенью 1906 г. в период лихорадочной работы правительства над программой реформ от имени МВД на рассмотрение Совета министров было внесено семь законопроектов о свободе совести. Особо острые споры среди министров вызвал законопроект об отношении государства к отдельным вероисповеданиям, предусматривавший свободу религиозной проповеди и отмену наказания за «свращение». «Вы не имеете права, — заявил Столыпину государственный контролер П.Х. Шванебах, — даже вопросы ставить на этом жаргоне! Неужели вы не видите, насколько такими вопросами вы глубоко оскорбляете религиозное чувство массы? И для чего это? Только, чтобы показать евреям и атеистам, что правительство не лыком шито и не заражено религиозным обскурантизмом?»¹¹⁰ Но Столыпин сумел настоять на своем. Итогом напряженной борьбы должно было стать законодательное оформление принципа свободы совести. Однако этого не произошло. В марте

1907 г. законопроекты были внесены во II Государственную думу, однако рассмотрены ею не были.

Столыпин сделал серьезную попытку решить и еврейский вопрос. В конце ноября 1906 г. в Совет министров был внесен законопроект «О пересмотре постановлений, ограничивающих права евреев». При этом задача добиться их полного равноправия не ставилась, поскольку считалось, что решить ее можно только постепенно и в общем законодательном порядке, тогда как данный законопроект предлагалось утвердить на основании ст. 87 Основных законов 1906 г. (т.е. в порядке чрезвычайном). Но даже такая ограниченная мера могла внести известное умиротворение в еврейскую среду. Особое значение имела бы отмена ограничения на передвижения евреев в границах черты оседлости, в том числе разрешение жить в сельской местности. Предполагалось расширение права выбора места жительства вне черты оседлости, в частности, для некоторых мастеров и ремесленников, а также членов их семей. Кроме того, авторы проекта считали возможным отменить ограничения на участие евреев в производстве и торговле спиртным, в горном деле и других промыслах, в управлении акционерными обществами, на владение и аренду недвижимости¹¹¹.

При обсуждении проекта, как всегда, возникли острые разногласия и споры. И все же большинство членов Совета министров его одобрило. Направив журнал заседания на утверждение императору, министры были уверены в благоприятном исходе дела, полагая, что Столыпин «не решился бы поднять такой щекотливый вопрос, не справившись заранее со взглядом государя»¹¹². Но 10 декабря 1906 г. Николай II вернул журнал Совета министров не утвержденным. В сопроводительном письме он писал: «Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу, внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям. Я знаю, Вы тоже верите, что «сердце царево в руцех Божиих». Да будет так»¹¹³. В тот же день Столыпин отправил императору ответное письмо. В нем он, пытаясь повлиять на императора, еще раз изложил те мотивы, которыми руководствовался в этом деле: «Еврейский вопрос поднят был мною потому, что, исходя из начал гражданского равноправия, дарованного манифестом 17 октября, евреи имеют законные основания домогаться полного равноправия; дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной думе отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок. Затем я думал успокоить нереволюционную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений»¹¹⁴. Столыпин настойчиво подчеркивал возможность негатив-

ной реакции общества, так как сведения об обсуждении проекта в Совете министров уже проникли в прессу, и просил императора, не обращая на себя огонь критики, не отвергать проект, а лишь передать его на рассмотрение Думы¹¹⁵. Николай II согласился с этими доводами, что, конечно, не изменило судьбы проекта. Очередная попытка сдвинуть с места решение одного из самых острых вопросов национальной политики закончилась так же безрезультатно, как и все предыдущие.

II Дума, правительство и третьеиюньский переворот

Выборы во II Думу, проходившие в начале 1907 г., серьезно отличались от предыдущих. «Правительство изменить избирательный закон не решилось, а решило еще раз попытаться счастья с прежним, что было и правильно, так как следовало подготовить умы к изменению закона», – утверждал Крыжановский¹¹⁶. Однако Столыпин не скрывал своих намерений в полной мере использовать «административный ресурс» для противодействия оппозиционным и содействия умеренным и правым партиям¹¹⁷. Первым из придуманных для этого легальных инструментов стали так называемые сенатские разъяснения Положения о выборах, несколько сужавшие представительство рабочих и крестьян в городской и землевладельческой куриях, ограничивавшие возможность использовать фиктивный ценз¹¹⁸ и т.п. По мнению Крыжановского, «толкования эти, если и представлялись иногда нажимом на внутренний смысл закона, с буквой его не расходились».

Другим средством общего характера была легализация правых и умеренных организаций («Союза русского народа», «Союза 17 октября», Партии мирного обновления) и отказ легализовать конституционно-демократическую партию (о революционных речи, естественно, не было). В результате кадеты формально лишились возможности развернуть широкую агитационную кампанию, но серьезно повлиять на исход выборов это не могло. Наоборот, как утверждал успешно прошедший в Думу Маклаков, «нельзя было придумать... лучшей рекламы, чем та, которую власть взяла на себя». Любое упоминание о партии на митинге (где теперь обязательно присутствовал полицейский чин) влекло за собой его роспуск или по крайней мере – лишение оратора слова. Но этим нередко устранялась и возможность критики кадетов слева и справа! В результате «важные проблемы, которые надлежало если не решить, то поставить, были забыты перед мелкой задачей не поддаться влиянию власти, дать ей урок»¹¹⁹. К тому же полицейские порой плохо понимали суть речей и легко становились объектом саркастических нападок ораторов. А.А. Кизеветтер с удовольствием вспоминал, как один из них перед началом митинга попросил «господина профессо-

ра» не издеваться над ним¹²⁰. Впрочем, свою порцию критики кадеты все же получили: и революционеры, и «черносотенцы» воспринимали как основных противников именно их (а не друг друга)¹²¹.

Широко практиковались местной властью и более мелкие, но болезненные «уколы» – высылка оппозиционных кандидатов и выборщиков, лишение их избирательных прав (для чего достаточно было начать против них следственные действия) и т.д. Но такие меры, как признавал Маклаков, «только устраняли *отдельных* заметных людей и этим искусственно понижали состав Думы», но не могли сказаться «на общем исходе выборов»¹²². В гораздо большей степени на личный состав Думы повлияло то, что права быть избранными лишились все, кто подписал Выборгское воззвание, т.е. в первую очередь «цвет» кадетской партии. В результате лишь 32 члена (6%) I Думы оказались избранными во вторую.

Другим весьма серьезным отличием вторых выборов стало участие в них представителей революционных партий, признавших бессмысленность продолжения бойкота. При этом в стане социал-демократов не замедлили обнаружиться серьезные разногласия по вопросу об избирательной тактике. Большевики выступали за «левый блок», исключая из числа возможных союзников «контрреволюционную», по их мнению, партию кадетов. Меньшевики же считали не только возможным, но и желательным блокирование с кадетами, которое, полагали они, не только поможет избежать торжества правых, но и сдвинет влево самих кадетов. В различных избирательных округах верх брала та или иная тактика¹²³.

В очень сложном положении накануне выборов оказались эсеры. Крах июльских выступлений, спад массового движения в деревне, явная неспособность эсеровских теоретиков дать адекватное объяснение происходящему в стране – все это вызвало настоящий внутрипартийный кризис. Давно зревший раскол в неонародническом движении стал фактом уже осенью 1906 г. Именно тогда образовались партия народных социалистов и Союз социалистов-революционеров-максималистов. При этом энесы «набирали сторонников из околосэровской публики, «третьего элемента земства», демократической интеллигенции города и деревни»¹²⁴, т.е. из того слоя, для которого эсеры были слишком радикальны. Партия так никогда и не стала многочисленной (в начале 1907 г. она насчитывала около 1500 членов) и конкуренции эсерам составить не могла¹²⁵.

В условиях внутреннего кризиса корректировка прежней тактики, в том числе и в отношении Думы, оказалась для эсеров весьма сложной задачей. Острыми спорами ознаменовался сначала II Совет партии (20 октября 1906 г.), а затем и II (экстренный) партийный съезд (Таммерфорс, 12–15 февраля 1907 г.). Если Совет принял решение участвовать в выборах, то съезд состоялся в то время, когда их итоги уже в основном были известны и на первый план выхо-

дил вопрос о думской тактике. И там и здесь дискуссии отразили противостояние «умеренных» (насколько этот термин вообще применим к эсерам) и ультрареволюционеров. Первые (их возглавлял В.М. Чернов) полагали, что в условиях спада массового движения Думу следует всемерно использовать как орудие пропаганды и разжигания революционных настроений (отсюда следовал вывод о необходимости организовать партийную фракцию). Вторые настаивали на усилении террора и отрицали за Думой всякое самостоятельное значение в продолжающейся, по их мнению, революции. Под влиянием эмоциональной речи Г.А. Гершуни, признавшего, что «народное движение зашло в тупик» и надежды на восстание в обозримом будущем нет, а потому Дума является «той соломинкой, за которую хватается утопающий», победила точка зрения «умеренных»¹²⁶.

Левые отняли голоса в первую очередь у кадетов и беспартийных. В итоге сложился следующий состав Думы (всего было избрано 518 депутатов)¹²⁷:

кадеты – 98	польское коло – 46
трудовая группа – 104	мусульманская фракция – 30
социал-демократы – 65 ¹²⁸	октябристы и умеренные – 44
эсеры – 37 ¹²⁹	правые – 10
народные социалисты – 16	беспартийные – 50
казацья группа – 17	(в том числе 3 мирнообновленца)

Итоги выборов зафиксировали полевение Думы, неизбежное, как предсказывали еще весной 1906 г., при сохранении прежнего избирательного закона. Неожиданным можно было, пожалуй, считать только поражение «черносотенцев», располагавших определенной поддержкой в массах. Кадеты, чье представительство уменьшилось почти вдвое, должны были винить в этом не столько правительство, сколько крайние фланги политического спектра, а главное – самих себя. Сказывалась невнятная позиция, занятая партийным руководством после Выборгского воззвания, и особенно перед выборами. Партийная конференция 28–30 октября 1906 г., разработавшая новую избирательную платформу, отказалась от лозунга ответственного (т.е. думского) министерства, заменив его «министерством, пользующимся доверием Думы». «Натиск» на власть должен был смениться ее «правильной осадой», что обуславливало необходимость «бережения Думы»¹³⁰. При этом в условиях грозившего партии раскола было признано, что блокирование как с более левыми, так и с правыми партиями возможно только в виде исключения.

А в первой половине января Милюкова пригласил к себе Столыпин и предложил ему сделку: кадеты осуждают политический терроризм, а правительство дает согласие на легализацию партии (на декабрь и январь пришлось очередная волна террора). Лидер кадетов

выразил сомнение в тактической целесообразности такого шага, и премьер пошел еще дальше, заявив, что достаточно будет анонимной статьи в «Речи». И.И. Петрункевич, с которым Милюков решил посоветоваться, отверг эту возможность, заявив, что она скомпрометирует партию. Предложение Столыпина не было принято, однако слухи о переговорах просочились в печать и стали активно муссироваться левыми партиями¹³¹. Пресловутое «сидение на двух стульях» не могло благоприятно отразиться на популярности партии. Как писал Маклаков, кадетов подвело «стремление сочетать оба пути – конституционный и революционный, и оба противоположные пафоса. Этим они не удовлетворили ни тех, ни других»¹³².

И все-таки главным проигравшим в результате выборов был сам Столыпин. По воспоминаниям Коковцова, получая оптимистические (и как оказалось, неверные) донесения с мест о ходе выборов, премьер неоднократно говорил, «что он имеет надежду, что выборы окажутся гораздо более благоприятными в смысле распределения членов Думы по политическому их настроению, нежели это было в первой Думе»¹³³. Тем сильнее был удар. Одобрение Думой его реформаторской программы становилось крайне маловероятным. Под вопросом оказывались и эффективность «политики умиротворения», и само существование думской монархии. В начале февраля «Русские ведомости» сообщали о якобы состоявшемся в Царском Селе совещании членов правительства с участием ближайшего окружения царя, где обсуждалось возможное развитие событий. Столыпин, утверждала газета, выразил надежду на то, что кадеты займут умеренную позицию, и это-де позволит изолировать левых и сохранить возможность сотрудничества правительства с Думой. После отъезда министров камарилья якобы обсуждала возможность смены кабинета¹³⁴.

Расклад сил в Думе действительно был таков, что оставлял возможность для создания или очень зыбкого правоцентристского большинства (октябристы, умеренные, кадеты и сочувствующие, Польское коло), или гораздо более мощного блока кадетов с левыми. Какой из вариантов был реалистичнее? Премьер всерьез надеялся, что осуществится первый¹³⁵. По воспоминаниям же Маклакова, в среде кадетского руководства было распространено мнение, что «в Думе будет два большинства»: «По вопросам “тактики” мы будем голосовать с правыми, по вопросам же “программы” – с левыми»¹³⁶. Нереалистичность этих «хитроумных» расчетов едва ли стоит доказывать.

Тактика кадетов проявилась уже накануне открытия Думы, 19 февраля, когда в доме кн. П.Д. Долгорукова собралось около 300 ее членов, представлявших кадетскую и левые фракции (большевики участвовать отказались). Речь шла о распределении постов председателя Думы и его заместителей. Собравшиеся одобрили кан-

дидатуру кадетов Ф.А. Головина на должность председателя и М.В. Челнокова – секретаря Думы. Заместителями председателя были намечены трудовики Н.Н. Познанский и М.Е. Березин. В итоге правым не позволили занять не только какую-либо руководящую должность, но даже ни один из постов помощника секретаря (при том, что Дума сама устанавливала их количество).

Современники практически единодушно оценивали Головина как человека, мало соответствовавшего должности председателя Думы. Выпускник юридического факультета Московского университета, родовитый дворянин и землевладелец, а с другой стороны – земец с колоссальным опытом работы на выборных должностях, активный участник различных оппозиционных кружков и организаций («Беседы», Союза земцев-конституционалистов), по «анкетным» данным он мог показаться идеальной, «сбалансированной» кандидатурой, не вызывающей отторжения ни у левых, ни у правых. В нормальной обстановке Головин, может быть, и был бы сносным председателем, но руководство II Думой явно было ему не по плечу. Ни внешность («с лихо завитыми усами и подпирающим подбородок воротником»), ни способности, ни авторитет его не шли ни в какое сравнение с качествами, которыми обладал, например, С.А. Муромцев. Да и сам он «на председательском месте чувствовал себя как на бочке с порохом вблизи падающих искр». Неудивительно, что перед каждым заседанием Головину, по его собственным словам, «хотелось какого-то чуда», которое избавило бы его от предстоявшего «мучения»¹³⁷.

Уже первое, формальное заседание Думы 20 февраля ознаменовалось малоприятным инцидентом. При передаче депутатам высочайшего приветствия встала только правая часть Думы. И если поведение левых было закономерным, то отказ кадетов продемонстрировать уважение монарху можно было считать важным показателем их настроения.

«И вот потянулись кошмарные дни, о которых и сейчас вспоминаю с тяжелым чувством.., – писал И.В. Гессен спустя десятилетия. – Торжественного настроения, которое окружало открытие I Думы, и в помине не было, вообще не было ни малейшего энтузиазма, все были настороже, и зал заседаний представлял странное зрелище, как будто силою втиснули в помещение, из которого заперт выход, чуждых, не выносящих друг друга людей, которые только и ждут напряженно какого-нибудь повода, чтобы сразиться и помериться силами»¹³⁸. Оба крайних крыла, в последнюю очередь воспринимавшие Думу как *законодательный орган*, стали втягиваться в совсем не дипломатичные перебранки и взаимные оскорбления. Лишенные возможности что-либо *решать*, правые (среди которых выделялись своей скандальностью В.М. Пуришкевич и П.Н. Крупенский, а извительностью – В.В. Шульгин) не стеснялись устраи-

вать демонстрации по любому поводу, для левых же Дума оставалась в первую очередь агитационным инструментом. «Сжатый этими двумя буйными и сильными крыльями», «сам по себе бессильный» кадетский центр представлял собой печальное зрелище¹³⁹. Как это было не похоже на предыдущую Думу, где кадеты пользовались неоспоримым авторитетом и казались себе и наблюдателям (в том числе многим левым) явными лидерами!

Сравнение с предыдущей Думой было закономерным и неизбежным. Кадетским руководством, по тонкому наблюдению Маклакова, «вся вторая, “бесцветная” Дума рассматривалась только как дублер первой, “настоящей”»¹⁴⁰. По установившемуся правилу, в заседаниях кадетской фракции участвовали не только члены ЦК, но и депутаты I Думы, для которых сама мысль об уступках правым или правительству была неприемлема и даже оскорбительна. В свою очередь, и крайний правый, и левый фланги Думы были мало расположены к сотрудничеству с кадетами. Левым довольно быстро стало ясно, что лидирующая роль в таком блоке неизбежно окажется у гораздо более подготовленных к публичной политической деятельности кадетов. Кроме того, у левых и кадетов, конечно, было принципиально различное отношение к задачам Думы. В результате вместо левоцентристского в Думе уже в марте сложился «народнический блок» (трудовики, эсеры, энесы). Влияние эсеров на трудовиков облегчалось тем, что 14 эсеровских депутатов изначально записались в Трудовую группу, составив в ней левый фланг и постоянно подталкивая ее в сторону более радикальных решений¹⁴¹.

Утром 2 марта, за несколько часов до выступления в Думе Столыпин (он должен был огласить правительственную декларацию) в зале заседаний Таврического дворца рухнула массивная штукатурка потолка. Если бы это случилось немного позже, сильно пострадали бы в первую очередь депутаты, сидевшие на правых и левых скамьях. Причиной катастрофы, как позднее выяснилось, была вибрация установленного на чердаке электрического генератора и ветхость самого потолка времен Екатерины II. Естественно, некоторые депутаты поспешили обвинить правительство в сознательном покушении на народных избранников или по крайней мере – в преступной небрежности. Заседания на время были перенесены в здание Дворянского собрания. Именно здесь 6 марта состоялась «первая серьезная встреча» Думы и правительства, как характеризовал выступление Столыпина Головин. «Если перечислить законопроекты, внесенные или вносимые правительством в Думу, о которых упомянул в своей речи Столыпин, то у слушателя могло получиться впечатление, будто правительство всерьез собирается превратить отечество наше в государство правовое, – должен был признать председатель II Думы. – ...В заключение Столыпин протя-

нул Думе свою руку, заявив, что правительство готово свой труд, добрую волю, накопленный опыт предоставить в распоряжение Государственной думы...»¹⁴² Правительственная декларация действительно была выдержана в спокойном и деловом тоне и сводилась к подробной характеристике законопроектов, внесенных на рассмотрение Думы. В прениях приняли участие лишь крайние фланги: «центр» молчал, предложив простой переход к очередным делам. Позицию левых ярче всего выразил лидер социал-демократической фракции И.Г. Церетели. Несмотря на ораторские способности выступавшего, суть его речи была очень примитивна: власть выражает интересы «кучки помещиков-крепостников», но чем больше она угнетает народ, «тем глубже растет революционное движение». В конце достаточно бурных прений слово вновь взял премьер. Это была короткая и, пожалуй, самая известная речь Столыпина (вероятно, она была набросана заранее). Правительству, сказал он, желательно найти почву для сотрудничества и общий язык с Думой. «Я отдаю себе отчет, что таким языком не может быть язык ненависти и злобы; я им пользоваться не буду». Правительство не уклоняется от ответственности и будет приветствовать разоблачение злоупотреблений, но не нападки, которые имеют целью вызвать у власти «паралич и воли и мысли» и «сводятся к двум словам, обращенным к власти: “Руки вверх”. На эти два слова, господа, правительство с полным спокойствием, с сознанием своей правоты может ответить только двумя словами: “Не запугаете!”»¹⁴³.

По словам Маклакова, «правительство в этот день на глазах у всех (и стоит добавить, несколько неожиданно для большинства самих его членов. – *Авт.*) обрело и главу, и оратора... Многим из нас только партийная дисциплина помешала тогда аплодировать»¹⁴⁴. А Головин не мог после этого заседания избавиться от тяжелого чувства: казалось, что налицо полная победа правительства, непонятное молчание его собственной партии, и главное – отказ идти навстречу попытке премьера наладить с представительством рабочие отношения, в результате чего «бездна, разделявшая Думу и правительство, осталась по-прежнему без хотя бы и хрупкого моста»¹⁴⁵.

Сухие статистические данные дают некоторое представление о работе II Думы. За 103 дня ее существования состоялось 51 пленарное заседание (за 72 дня работы I Думы их было 40). В Думу было внесено 287 правительственных законопроектов (в том числе 53 из 60 законов, изданных по 87 статье в междумский период). Из них одобрено было 20, отклонено 6, остальные не были рассмотрены (в том числе 54 не получили вообще никакого движения). Только три проекта были утверждены Госсоветом и императором (о контингенте новобранцев и два о продовольственной помощи). Что касается депутатской инициативы, то члены Думы внесли 44 «за-

конодательных заявления». 27 из них были переданы в комиссии, до общего собрания дошло лишь два, а принят, причем с серьезными нарушениями процедуры, был один (об отмене военно-полевых судов), к тому же лишенный практического смысла (через три дня после его одобрения срок действия Положения об этих судах и без того истекал). Кроме того, II Дума направила 36 запросов правительству (первая за более короткий срок сделала это около 350 раз)¹⁴⁶.

Проблемы, оказавшиеся в центре внимания Думы, можно разделить (конечно, условно) на сугубо *«политические»*, призванные воздействовать на общественное мнение, но не обладавшие или почти не обладавшие практическим значением, и *«практические»*, которые, несмотря на возможность использования их в политических целях, не утрачивали от этого своего вполне конкретного смысла. В отношении предыдущей Думы эту грань провести было бы куда затруднительнее хотя бы потому, что ни тогдашнее правительство, ни сами депутаты, ни общество не допускали и мысли, что ее можно воспринимать как преимущественно законотворческий орган, как часть государственного механизма. Было бы, конечно, большим преувеличением утверждать, что такое восприятие утвердилось или хотя бы заметно проявилось во II Думе. И все же разница была. И кадетская тактика «бережения Думы», разделявшаяся умеренными справа и слева, и возможность работать над конкретными законопроектами, и гораздо менее возбужденное настроение депутатов и публики – все это играло свою существенную роль.

В числе «политических» вопросов оказался в первую очередь уже упоминавшийся проект закона об отмене военно-полевых судов, обсуждение которого сразу вылилось в общую дискуссию о допустимости и пределах насилия со стороны как власти, так и революционных партий. Принципиальных защитников военно-полевого судопроизводства не нашлось даже среди правых, которые, однако, указывая на молчаливое или явное сочувствие кадетов революционному террору, обвинили их в макиавеллизме и лицемерии. Столыпин, понимавший, что само существование судов делает его политику мишенью для критики, согласился в своем выступлении с Маклаковым, который резонно утверждал, что суды эти, действующие якобы во имя охраны государственности, разрушают самые ее основы, заменяя право голым насилием и приучая к такой подмене людей. Более того, премьер попросил Думу осудить революционный террор, добавив, что «правительство примет меры для того, чтобы ограничить этот суровый закон только самыми исключительными случаями самых дерзновенных преступлений», и не будет пытаться продлить его действие. «Мы хотим верить, – говорил Столыпин, – мы должны верить, господа, что от вас услышим слово умиротворения, что вы прекратите кровавое безумство, что вы ска-

жете то слово, которое заставит нас всех стать не на разрушение исторического здания России, а на пересоздание, переустройство его и украшение»¹⁴⁷.

Правые и премьер вновь поставили перед кадетами сложный вопрос об отношении к политическим убийствам. Даже Милюков признавал, что со стороны Столыпина это требование было не провокацией, а «условием продолжения его собственной политики» под давлением справа¹⁴⁸. Среди правых кадетов было много тех (Маклаков, И.В. Гессен, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков), кто в принципе готов был осудить террор, обставив это рядом условий. Тем не менее на заседании фракции 3 апреля было решено «уклониться от осуждения убийств по существу»¹⁴⁹. В итоге никакой внятной позиции по этому поводу ни фракция, ни Дума в целом так и не заняли.

Окончательно переместился в сферу политическую и аграрный вопрос. Еще в марте в аграрную комиссию Думы был передан трудовический «проект 104-х», повторявший положения их первоудмского проекта и в целом отражавший энесовские идеи. Существенной корректировке подверглись кадетские предложения. Их «Проект 38-ми» был внесен в Думу лишь 30 апреля, спустя почти полтора месяца после начала прений по аграрному вопросу. Он по-прежнему строился на принципе принудительного отчуждения, но из него исчезли упоминания о «государственном земельном запасе», а возможность наделения земель увязывалась с наличием в уездах пригодных для этого площадей¹⁵⁰. В результате кадетская программа стала еще более противоречивой и невнятной. Меншевики по-прежнему высказывались за муниципализацию земли (впрочем, позиции социал-демократов в аграрных дебатах, по традиции, не отличались силой и убедительностью). Наконец, 3 мая был внесен эсеровский вариант решения аграрного вопроса, известный как «Проект 105-ти». Он был подписан 38 эсерами, 58 трудовиками (многие из которых до того подписали «Проект 104-х»), шестью энесами, одним социал-демократом и одним беспартийным крестьянином. По сравнению со своими первоудмскими предложениями эсеры пошли на некоторые уступки «частнособственническим инстинктам крестьян», что и обеспечило им более широкую поддержку¹⁵¹. Возможно, этот вариант программы социализации и был в отдельных частностях более умеренным по сравнению с «Проектом 33-х» (в основном это касалось трактовки уравнительности землепользования, трудовой нормы как максимума надела и темпов предполагавшегося преобразования), но суть его от этого, конечно, не изменилась. Отдельный вопрос, на который пока нет ответа, в какой мере беспартийные крестьяне способны были уловить эту разницу и как они ее интерпретировали. Тем не менее фактом остается гораздо большее влияние эсеров на крестьянских депутатов во II Думе по сравнению с первой.

10 мая по аграрному вопросу в Думе выступил Столыпин. Его речь не содержала никаких новых положений (если не считать таковым ставшую знаменитой фразу: «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия»). Вся возможная критика в адрес кадетских и социалистических идей была озвучена задолго до того. Вместе с тем премьер давал понять, что ни о каких уступках не может быть и речи, и что правительство не позволит вести с думской трибуны агитацию в пользу захвата земель¹⁵². Непреклонность премьера в проведении своей аграрной программы не могла быть тайной для думцев. Еще в начале мая Челноков сообщил Маклакову, что Столыпин «помешался на аграрном вопросе». Он якобы сказал секретарю Думы: «Прежде я только *думал*, что спасение России в ликвидации общины, теперь я это *знаю* наверное. *Без этого* никакая конституция в России пользы не сделает». По мнению Струве, «в области политической и правовой он (Столыпин. – *Авт.*) готов идти на большие уступки, но от аграрных планов своих не откажется»¹⁵³. Кадеты же не могли отказаться от идеи принудительного отчуждения. Встретившись с премьером, Маклаков пытался убедить его в том, что компромисс возможен на практической почве, при постатейном обсуждении закона, тем более что Столыпин признал возможность отчуждения в отдельных случаях. Однако в ходе думских прений Н.Н. Кутлер и А.А. Кизеветтер 26 мая вновь недвусмысленно подтвердили приверженность партии прежним целям в аграрном вопросе¹⁵⁴. Компромисс так и остался мечтой нескольких правых членов кадетской фракции.

В числе «практических» вопросов центральным было принятие бюджета. Отклонив предложение левых отвергнуть его без обсуждения, кадеты выставили для «деловой» критики Кутлера, сделавшего карьеру в Министерстве финансов и, как предполагалось, разбиравшегося в этом очень специальном вопросе. Однако он допустил в своей критике ряд грубых промахов, позволивших Коковцову и Столыпину вдоволь над ним поиронизировать¹⁵⁵. Сам же бюджет был, как и ожидалось, направлен в комиссию.

Обсуждение законопроекта о контингенте новобранцев неожиданно вылилось, пожалуй, в самый крупный в истории II Думы скандал. Социал-демократ А. Г. Зурабов, реализуя установку левых не упускать ни одной возможности для атаки на власть, 16 апреля выразил в прениях уверенность, что русская армия годится только для карательных операций, а «на востоке будет всегда терпеть поражения». Правые возмутились, резонно восприняв эту фразу (повторенную к тому же дважды) как оскорбление армии и императора, и Головин вынужден был прервать заседание, лишить Зурабова слова и даже следующим утром отправиться с извинениями к военному министру Редигеру.

Не только кадеты, но и многие министры были уверены, что этот инцидент переполнит чашу терпения Николая II и повлечет за

собой роспуск Думы. По сообщению Коковцова, на следующий день состоялось экстренное заседание Совета министров, участники которого, не исключая и Столыпина, сошлись во мнении, что роспуск неизбежен. Премьер лишь считал возможным отложить его до окончания разработки нового избирательного закона. А 24 апреля на очередном всеподданнейшем докладе Коковцов услышал от императора: «...Я сказал председателю Совета министров, что считаю вопрос о роспуске окончательно решенным, более к нему возвращаться не буду и очень надеюсь на то, что меня не заставят ждать дольше того, что необходимо для окончания разработки закона, который, по моему мнению, тянется слишком долго»¹⁵⁶.

Дни Думы были сочтены, причем ощущение это было всеобщим. В среде эсеров наблюдалось «состояние безнадежности»¹⁵⁷. На проходившем в мае 1907 г. в Лондоне V съезде РСДРП вопрос о подготовке нового вооруженного восстания не был даже включен в повестку дня, поскольку делегатам «было уже очевидно, что революция подходит к концу (хотя прямо об этом не говорилось)»¹⁵⁸. Съезд занимался в основном теоретическими и внутривнутрипартийными вопросами; о текущем политическом моменте сказано было очень мало.

Чем же объяснить тот факт, что Дума все-таки просуществовала до начала июня? Судя по имеющимся данным, Столыпин не особенно спешил с окончательным решением. При этом не подлежит сомнению, что он сильно рисковал. При дворе крепко недовольство его «нерешительностью», а внутри самого кабинета оппозицию возглавил государственный контролер П.Х. Шванебах, интриговавший против премьера. Еще в январе он изложил в записке, направленной императору, свою программу государственного переворота, предполагавшую «свободу рук» в отношении дальнейшей судьбы всего думского строя. Сторонником быстрого роспуска был и Коковцов (которого слухи прочили в преемники Столыпина)¹⁵⁹.

Примерно в то же время состоялся и уже упомянутый разговор Столыпина и Маклакова. Премьер явно пытался понять, есть ли хоть какая-то надежда на образование в Думе работоспособного правореформистского большинства. «Распускать первую Думу было непросто, – говорил он. – Трепов в глаза мне это называл “авантюрой”». Сейчас же иным представляется “авантюрой” мое желание *сохранить* эту Думу. И я себя спрашиваю: есть ли шанс на успех? Есть ли вообще смысл над этим стараться?»¹⁶⁰ Но уверения Маклакова, что смысл есть, уже были не в состоянии что-либо изменить. В близости финала едва ли кто-нибудь мог сомневаться. И несмотря на это, «правые» кадеты пытались что-то предпринять. «Теперь кажется непонятным неутомимое стремление уберечь Думу при полной уверенности, что она неминуемо будет распущена если не

сегодня, то завтра», – вспоминал И.В. Гессен, объясняя его страхом, что правительство решит «вообще ликвидировать народное представительство и придется начинать сначала, с истощенными силами и энергией»¹⁶¹. О том, что такой шаг будет «равносителен гражданской войне», не было и помину. Ситуация в стране за прошедший год действительно радикально изменилась...

Однако Столыпин все еще колебался, и когда в начале мая министры начали секретные совещания о порядке роспуска Думы и о новом избирательном законе, то, по словам Шванебаха, «получалось такое впечатление, что момент роспуска Думы отошел вдаль... Столыпин опять пожал сомнительные парламентские лавры своей речью по аграрному вопросу (10 мая. – *Авт.*) и, видимо, прислушивался к пению кадетских сирен...»¹⁶². Вероятно, прав был Маклаков, полагая, что премьер «инстинктивно или сознательно держался» за Думу, ибо чувствовал, что без создания в ней гипотетического реформаторского «центра» правая волна захлестнет и его начинания, и его самого¹⁶³. И все-таки противодействия Столыпина роспуску преувеличивать не стоит. Пытаясь лавировать, перед правыми он должен был, напротив, демонстрировать решимость не мириться с Думой. Посетившим его «черносотенцам» он счел нужным заявить: «Необходимо, чтобы прошло некоторое время, пока Дума догнет на корню, тогда настанет удобный момент для ее роспуска»¹⁶⁴.

Именно Столыпин, по-видимому, стал и инициатором разработки нового Положения о выборах, начавшейся, по некоторым данным, не позже осени 1906 г. Исполнителем оказался автор всех аналогичных законов С.Е. Крыжановский. С самого начала премьер стремился свести к минимуму обсуждение закона, поставив, насколько это было возможно, министров перед свершившимся фактом. Крыжановский разработал три варианта, один из которых (сделать базой выборов земские собрания) был отвергнут, поскольку император поставил задачу не лишать ни один из разрядов населения права голоса, да и сами земства все еще не считались вполне надежными. Из двух других (последовательного проведения куральной системы с перераспределением голосов или сохранения губернских избирательных собраний при обеспечении резкого преобладания в них крупных собственников) выбран был последний, названный кем-то «бесстыжим»¹⁶⁵. Окончательный выбор 30 мая сделал император. Попытка Шванебаха и Коковцова, а также братьев Извольских добиться (по противоположным мотивам) «непредрешения» вопроса о будущих выборах успехом не увенчалась¹⁶⁶. По иронии, в это время Дума наконец «занялась делом», приступив к обсуждению в общем собрании законопроекта о реформе местного суда.

1 июня Столыпин выступил в Думе, огласив постановление об устранении от участия в заседаниях 55 членов социал-демократиче-

ской фракции и немедленном привлечении к суду 16 ее представителей по обвинению в заговоре и подготовке военного мятежа. От Думы требовалось снятие с обвиненных социал-демократов депутатской неприкосновенности. Обвинение было если и не полностью сфальсифицировано, то во всяком случае являлось плодом полицейской провокации. В тот же день дело было передано в особую комиссию. Дума, конечно, не могла, не теряя достоинства, согласиться на огульное решение этого вопроса, да еще и в течение 24 часов, как требовал премьер. Но не дожидаясь ее решения, спешно разработанный пакет документов по роспуску был отправлен на подпись императору и вскоре возвращен им обратно с запиской, в которой, по слухам, задача правительства формулировалась весьма недвусмысленно: «Пора треснуть»¹⁶⁷.

В ночь на 3 июня Столыпина посетили правые кадеты – Маклаков, Струве, Челноков и Булгаков. «Есть вопрос, в котором мы с вами все равно согласиться не можем, – сказал им премьер. – Это аграрный вопрос. На нем конфликт неизбежен, а тогда к чему тянуть?» На вопрос Челнокова, сможет ли он забрать из Таврического дворца свои вещи, Столыпин улыбнулся: «Ведь вы не собираетесь в Выборг. С вами все будет по-хорошему». «Вы не ждете все-таки беспорядков и вспышек?» – спросил Маклаков. – «Нет. Может быть, чисто местные; но это не важно»¹⁶⁸.

На следующий день был обнародован манифест, в котором Дума обвинялась во всевозможных действительных и вымышленных грехах. Государственный переворот (а именно им было введение нового Положения о выборах без санкции самих законодателей, что противоречило Основным законам) обосновывался недееспособностью Думы и тем, что «только власти, даровавшей первый избирательный закон, исторической власти русского царя, довлеет право отменить оный и заменить его новым»¹⁶⁹.

Как и предвидел Столыпин, никаких волнений роспуск Думы не вызвал. Казалось, что еще недавно бурлившая страна пребывает в летаргическом сне¹⁷⁰. «Получилось даже впечатление, что население было просто довольно тем, что прекратилось то нервное состояние, в котором жила страна с февраля прошлого года, и каждый может спокойно заняться своим делом», – с удовлетворением вспоминал Коковцов¹⁷¹. Характерно, что вопреки решению ЦК думская фракция эсеров не собиралась демонстрировать свое неповиновение правительству и обращаться к народу с призывами к восстанию, «понимая неразумность и безнадежность такого рода действий»¹⁷². ЦК РСДРП также воздержался от призыва масс к открытому выступлению. Революцию можно было признать завершившейся...

Примечания

- ¹ См.: *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991. С. 60–66.
- ² Цит. по: Там же. С. 62; *Корнилов А.А.* Воспоминания // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 124).
- ³ *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 401.
- ⁴ *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис. С. 70.
- ⁵ Там же. С. 70–85. Здесь же (с. 82) опубликован и подписанный текст воззвания.
- ⁶ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 403. Ср.: *Винавер М.М.* История Выборгского воззвания (воспоминания). Б.м., 1913.
- ⁷ *Оболенский В.А.* Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 397.
- ⁸ *Тютюкин С.В.* Меншевикизм: страницы истории. М., 2002. С. 185–188; *Леонов М.И.* партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 314–317.
- ⁹ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 404.
- ¹⁰ *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис. С. 88.
- ¹¹ См.: *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 195.
- ¹² *Гурко В.И.* Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 580.
- ¹³ *Оболенский В.А.* Указ. соч. С. 393.
- ¹⁴ *Гессен И.В.* В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937. С. 235.
- ¹⁵ См.: Съезды и конференции конституционно-демократической партии. М., 1997. Т. 1: 1905–1907. С. 362–370, 486–492.
- ¹⁶ *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис. С. 89.
- ¹⁷ *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 126.
- ¹⁸ *Старцев В.И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1907 гг. Л., 1977. С. 113–116; *Шипов Д.Н.* Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 468–471.
- ¹⁹ *Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 2. М., 1966. С. 360–374.
- ²⁰ Из записки П.А. Столыпину. Цит. по: *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис в России. С. 216.
- ²¹ См.: *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис. С. 94–124; *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 309–316.
- ²² См.: *Bushnell J.* Mutiny amid repression. Bloomington, 1985. P. 212.
- ²³ См.: Протоколы Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП. М., 1932. С. 271.
- ²⁴ Второй период революции. М., 1961. Ч. 2. Кн. 1. С. 120.
- ²⁵ См.: *Найде С.Ф.* Революционное движение в царском флоте. 1825–1917. М.; Л., 1948. С. 322.
- ²⁶ См.: Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 297.
- ²⁷ Так, например, известно, что в июне 1906 г. было как минимум 739, а в июле – 683 крестьянских выступления (см.: *Дубровский С.М.* Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1956. С. 42).
- ²⁸ Подробнее см.: *Тютюкин С.В.* Июльский политический кризис. С. 188–191.
- ²⁹ См.: Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг. С. 304–305.
- ³⁰ См.: Там же. С. 331.
- ³¹ См.: Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг. С. 332.

- ³² См.: *Сенчакова Л.Т.* Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1989. С. 104–105.
- ³³ См.: *Литвак Б.Г.* Забытый источник по истории крестьянского движения в России второй половины XIX – начала XX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1970. Рига, 1977. С. 262.
- ³⁴ См.: *Сенчакова Л.Т.* Приговоры и наказания российского крестьянства 1905–1907 гг. М., 1994. Ч. 2. С. 286.
- ³⁵ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 582.
- ³⁶ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. М., 1992. Кн. 1. С. 202.
- ³⁷ Литература о Столыпине и его реформах огромна и разнообразна. Из новейших научных работ стоит упомянуть: *Asher A. P.A. Stolypin. The Search for Stability in Late Imperial Russia.* Stanford, 2001; *Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и Столыпинская аграрная реформа. М., 2000. См. также рецензии С.В. Тютюкина, А.П. Корелина, П.Н. Зырянова и В.Н. Ратушняка на некоторые отечественные и зарубежные новинки «столыпинианы»: Отечественная история. 2003. № 4.
- ³⁸ *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 109.
- ³⁹ *Мейси Д.* Земельная реформа и политические перемены: феномен Столыпина // Вопросы истории. 1993. № 4. С. 12. См. также: *Корелин А.П.* П.А. Столыпин и российское общество: политическая программа правительства и попытки ее реализации // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. 2000. М., 2000. С. 40.
- ⁴⁰ *Крыжановский С.Е.* Указ. соч. // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 107.
- ⁴¹ Там же. С. 110.
- ⁴² ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXVI. Отд. 1. № 28105.
- ⁴³ Александр Иванович Гучков рассказывает. М., 1993. С. 46.
- ⁴⁴ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 583.
- ⁴⁵ *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин. Политический портрет. М., 1992. С. 48–49.
- ⁴⁶ *Беккер С.* Миф о русском дворянстве. Дворянство и привилегии последнего периода императорской России. М., 2004. С. 270. Наиболее известные исследования этой организации: *Manning R.T.* The Crisis of the Old Order in Russia: Gentry and Government. Princeton, 1982; *Соловьев Ю.Б.* Самодержавие и дворянство в 1902–1907 гг. Л., 1981.
- ⁴⁷ *Корелин А.П.* Предисловие // Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 1: 1906–1908. М., 2001. С. 13.
- ⁴⁸ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 586.
- ⁴⁹ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 202.
- ⁵⁰ См.: *Asher A.* The Revolution of 1905. Vol. 2. Stanford, 1992. P. 245.
- ⁵¹ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 586–587; Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. М., 1984. С. 241–251.
- ⁵² Русское богатство. 1909. № 4. С. 80–81.
- ⁵³ *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин. С. 36.
- ⁵⁴ *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 335.
- ⁵⁵ П.А. Столыпин. Программа реформ. Документы и материалы. М., 2002. Т. 1. С. 28–32.
- ⁵⁶ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 596.
- ⁵⁷ П.А. Столыпин. Программа реформ. С. 102–106.
- ⁵⁸ Там же. С. 380–385.
- ⁵⁹ *Гурко В.И.* Указ. соч. С. 588.
- ⁶⁰ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 197.

- ⁶¹ Особые журналы Совета министров. 1906 год. С. 463–468.
- ⁶² См.: *Зырянов П.Н.* Крестьянская община Европейской России: 1907–1914. М., 1992; *Корелин А.П.* Указ. соч.
- ⁶³ *Зырянов П.Н.* Петр Столыпин. С. 50.
- ⁶⁴ См.: Объединенное дворянство. Т. 1. 1906–1908. С. 298–518.
- ⁶⁵ Цит. по: *Бородин А.П.* Объединенное дворянство и аграрная реформа // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 36.
- ⁶⁶ См.: *Королева Н.Г.* Земство на переломе (1905–1907 гг.). М., 1995. С. 195–196.
- ⁶⁷ Там же. С. 192–193.
- ⁶⁸ *Корелин А.П.* Столыпинская аграрная реформа в аспекте земельной собственности // Собственность на землю в России: история и современность. М., 2002. С. 279–280.
- ⁶⁹ См.: *Дякин В.С.* Столыпин и дворянство (Провал местной реформы) // *Дякин В.С.* Был ли шанс у Столыпина? СПб., 2002. С. 149–189; *Manning R.T.* Op. cit. P. 302–305, 330–346.
- ⁷⁰ *Дякин В.С.* Указ. соч. С. 156–159; Особые журналы Совета министров. 1907 год. М., 1984. Ч. 1. С. 74–81; П.А. Столыпин. Программа реформ. С. 252–280.
- ⁷¹ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 210.
- ⁷² Особые журналы Совета министров. 1907 год. Ч. 1. С. 74–81.
- ⁷³ Проекты опубликованы в кн.: П.А. Столыпин. Программа реформ. С. 293–319.
- ⁷⁴ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. Берлин, б.г. С. 140–141.
- ⁷⁵ См.: П.А. Столыпин. Программа реформ. С. 154–226; Особые журналы Совета министров. 1907 год. Ч. IV. С. 247–262.
- ⁷⁶ *Зырянов П.Н.* Православная Церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984; *Curtiss J.* Church and State in Russia. 1900–1917. N-Y., 1940.
- ⁷⁷ *Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 г.) СПб., 2002; *Иерей Георгий Ореханов.* На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция. М., 2002.
- ⁷⁸ *Иерей Георгий Ореханов.* Указ. соч. С. 83–84, 93.
- ⁷⁹ Там же. С. 111.
- ⁸⁰ О священниках в Думе см.: *Asher A.* Op. cit. P. 332–336.
- ⁸¹ *Иерей Георгий Ореханов.* Указ. соч. С. 121–124.
- ⁸² *Кривенький В.* «Дашнакцутюн» // Политические партии России. Энциклопедия. С. 177–178.
- ⁸³ *Бич М., Рудович С.* Белорусская социалистическая громада // Там же. С. 62–65.
- ⁸⁴ Революция 1905–1907 годов в национальных районах России. М., 1955. С. 173.
- ⁸⁵ *Постников Н.Д.* Политические партии Прибалтики // История национальных политических партий России. М., 1997.
- ⁸⁶ Там же. С. 187–188.
- ⁸⁷ Там же. С. 183–184.
- ⁸⁸ *Веденева В.* Национальная лига // Политические партии России. Энциклопедия. С. 385–386.
- ⁸⁹ *Чмырь С.Г.* Украинская демократическо-радикальная партия: генезис, программа, тактика (90-е гг. XIX – 1909 г.) // История национальных политических партий России. С. 147–151.
- ⁹⁰ *Дамешек Л.М.* Землеустройство бурятского крестьянства Иркутской губернии (1896–1917) // Бурятия XVII – начала XX вв.: экономика и социально-культурные процессы. Новосибирск, 1989. С. 90.

- 91 *Исхаков С.М.* Общероссийская партия мусульман // История национальных политических партий. М., 1997. С. 214–228.
- 92 Красный архив 1925. № 4(5). С. 57–58.
- 93 П.А. Столыпин. Переписка. М., 2004. С. 107–109.
- 94 ГАРФ. Ф. 102 (Особый отдел). Оп. 233. Д. 999. Ч. 78.
- 95 Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. М., 1997. С. 126–127, 133–134.
- 96 Там же. С. 211.
- 97 Там же. С. 22–23.
- 98 Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. Документы и материалы. Л., 1990. С. 197.
- 99 Воспоминания министра народного просвещения графа И.И. Толстого. С. 148.
- 100 Там же. С. 196.
- 101 Совет министров Российской империи 1905–1906 гг. С. 280.
- 102 ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 566. Л. 2 – 4 об.
- 103 Там же. Л. 5 об.
- 104 Там же. Л. 2.
- 105 *Лопухин А.А.* Отрывки из воспоминаний. М., 1923. С. 81–84.
- 106 Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 2. С. 277–279.
- 107 *Миндлин А.* «Еврейская политика» П.А. Столыпина. М., 1996. С. 1–3.
- 108 Там же. С. 46; *Asher A.* The Revolution of 1905. P. 146–154.
- 109 *Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.* Национальный вопрос в Государственных думах России. М., 1999. С. 98.
- 110 Записки сановника (П.Х. Шванебаха) // Голос минувшего. 1918. № 1–3. С. 117.
- 111 Особые журналы Совета министров царской России. 1906 год. Ч. IV. М., 1982. С. 759–760.
- 112 *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 413–414.
- 113 Красный архив. 1924. № 5. С. 105.
- 114 Там же. С. 106.
- 115 Там же. С. 107.
- 116 *Крыжановский С.Е.* Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 127.
- 117 *Asher A.* The Revolution of 1905. P. 274.
- 118 Как это пытался проделать Милюков, внезапно оказавшийся перед выборами... приказчиком книжного склада «Общественная польза».
- 119 *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума (воспоминания современника). Париж, б. г. С. 60.
- 120 *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий. Воспоминания 1881–1914 гг. Прага, 1929. С. 216.
- 121 *Милюков П.Н.* Воспоминания. Кн. 1. С. 416; *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 238–239.
- 122 *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. С. 57–58.
- 123 *Тютюкин С.В.* Меньшевизм. Страницы истории. С. 196–197.
- 124 *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 341.
- 125 См. также: *Ерофеев Н.Д.* Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979.
- 126 *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 344–352.
- 127 *Демин В.А.* Государственная дума России (1906–1917): механизм функционирования. М., 1996. С. 39. С незначительными вариациями эти данные, осно-

- ванные на приложениях к стенографическим отчетам заседаний Думы, приводятся в большей части исследований.
- ¹²⁸ В том числе 36 меньшевиков и 18 большевиков.
- ¹²⁹ На самом деле численность эсеров в Думе была большей (62 человека), но некоторые из них «по тактическим соображениям» вошли в Трудовую и беспартийную группы. См.: *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 363.
- ¹³⁰ *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1983. С. 246–248; *Zimmerman J.E.* The Kadets and the Duma// *Essays on Russian Liberalism/* Ed. Ch. E. Timberlake. Columbia Univ. Press, 1982. P. 127–131.
- ¹³¹ *Asher A.* The Revolution of 1905. P. 289–291.
- ¹³² *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. С. 62.
- ¹³³ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 213.
- ¹³⁴ *Asher A.* Op. cit. P. 285–286.
- ¹³⁵ См.: Красный архив. 1924. № 5. С. 295–296.
- ¹³⁶ *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. С. 165.
- ¹³⁷ Воспоминания Ф.А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4. С. 147.
- ¹³⁸ *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 241.
- ¹³⁹ Воспоминания Ф.А. Головина. С. 148.
- ¹⁴⁰ *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. С. 68.
- ¹⁴¹ *Колесниченко Д.А.* Трудовики в период Первой русской революции. М., 1985. С. 196–233; *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 368–370.
- ¹⁴² Воспоминания Ф.А. Головина. С. 153. Текст речи Столыпина см.: Государственная дума 1906–1917. Стенографические отчеты. Т. II. М., 1995. С. 12–19.
- ¹⁴³ Государственная дума 1906–1917. Т. II. С. 19–24, 43–44.
- ¹⁴⁴ *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. С. 95–96.
- ¹⁴⁵ Воспоминания Ф.А. Головина. С. 154.
- ¹⁴⁶ *Демин В.А.* Указ. соч. С. 50–51; *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии. С. 271.
- ¹⁴⁷ Государственная дума 1906–1917. Т. II. С. 67–69.
- ¹⁴⁸ *Милюков П.Н.* Воспоминания. Кн. 1. С. 423.
- ¹⁴⁹ *Шелохаев В.В.* Кадеты – главная партия либеральной буржуазии. С. 270.
- ¹⁵⁰ *Журавлев В.В.* Проблемы земельной собственности в зеркале Государственной думы России: 1906–1917 // Собственность на землю в России: история и современность. С. 327–335.
- ¹⁵¹ *Колесниченко Д.А.* Указ. соч. С. 255–261.
- ¹⁵² Государственная дума 1906–1917. Т. II. С. 237–243.
- ¹⁵³ *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. С. 233.
- ¹⁵⁴ Там же. С. 235; Государственная дума 1906–1917. Т. II. С. 264–268.
- ¹⁵⁵ Государственная дума 1906–1917. Т. II. С. 135–143; *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 220–222.
- ¹⁵⁶ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 229–230.
- ¹⁵⁷ *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 378.
- ¹⁵⁸ *Тютюкин С.В.* Меньшевизм: страницы истории. С. 195.
- ¹⁵⁹ *Шванебах П.Х.* Записки сановника // Голос минувшего. 1918. № 1–2; *Asher A.* The Revolution of 1905. P. 339–340.
- ¹⁶⁰ *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. С. 230.
- ¹⁶¹ *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 249.
- ¹⁶² *Шванебах П.Х.* Указ. соч. С. 115–138.

- ¹⁶³ *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. С. 256.
- ¹⁶⁴ В.В. Шульгин – последний рыцарь самодержавия. Новые документы из архива ФСБ // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 87.
- ¹⁶⁵ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXVII. Отд. 1. № 29242.
- ¹⁶⁶ *Шванебах П.Х.* Указ. соч.; Крыжановский С.Е. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 127–128.
- ¹⁶⁷ *Крыжановский С.Е.* Воспоминания. С. 111. Впрочем, другими данными этот слух не подтверждается. На самом деле Николай II якобы выразился гораздо дипломатичнее: «Твердость и решимость – вот что нужно показать России» (*Королева Н.Г.* Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. М., 1982. С. 173). Другой вариант этой исторической записки по памяти зафиксирован Коковцовым: «Наконец Я имею Ваше окончательное решение. Давно была пора покончить с этой Думой. Не понимаю, как можно было терпеть столько времени, и, не получая от Вас к моему подписанию указов, я начинал опасаться, что опять произошло колебания. Слава Богу, что этого не случилось. Я уверен, что все к лучшему». (*Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 237–238).
- ¹⁶⁸ *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума. С. 246–247.
- ¹⁶⁹ ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXVII. Отд. 1. № 29240.
- ¹⁷⁰ *Asher A.* The Revolution of 1905. P. 358–364.
- ¹⁷¹ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. Кн. 1. С. 238.
- ¹⁷² *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 379.

Глава 9

ИТОГИ РЕВОЛЮЦИИ И ЕЕ МЕСТО В ПРОЦЕССАХ ОБНОВЛЕНИЯ РОССИИ

Реформы против революции

В исторической литературе уже давно утвердилось мнение, что Первая российская революция закончилась поражением демократических сил. Однако не будем забывать, что царизм и консервативные круги одержали лишь частичную, относительную победу и вынуждены были отступить с прежних, долгое время казавшихся незыблемыми позиций с большими потерями во всех сферах социально-экономической и общественно-политической жизни. И если революционеры и либералы не смогли добиться в 1905–1907 гг. всего, что было записано в их программных документах, то и правительственный лагерь не сумел сохранить дореволюционный статус-кво.

Самодержавно-абсолютистская система в результате революции не просто покачнулась, а изменила вектор своего развития в сторону конституционно-парламентской монархии, хотя и в особой, специфически российской форме. Был сделан и новый шаг к формированию в России гражданского общества, а народ явно продвинулся вперед в долгом и мучительном процессе превращения «нации рабов» в свободных граждан, достойных самоуважения и уважения других членов мирового сообщества. И все эти хотя еще и не завершенные, но принципиально важные трансформации стали результатом переплетения и взаимодействия двух взаимосвязанных процессов – революционного и реформаторского, инициированного еще в XIX в. самой императорской властью, но значительно ускоренного и радикализированного под давлением восставших против самодержавия народных масс и либеральной оппозиции, а также поражения в войне с Японией.

Революция, став наказанием правящим «верхам» за хроническое запаздывание с проведением реформ, быстро превратилась для властей в стимулятор «замороженных» прежде преобразований, призванных теперь с целью перехватить инициативу у либералов и революционеров и погасить пламя общественного возмущения.

В течение целого столетия перед революцией российские самодержцы категорически отказывались вступить на путь конституционализма. Введение конституции казалось им концом державной мощи империи, актом, способным низвести Россию до положения третьестепенного европейского государства вроде Австрии. Понадобился позор Цусимы, восстание на «Потемкине», унижительный петергофский «плен» царской семьи в дни Всероссийской октябрьской стачки, чтобы Николай II «дозрел» до подписания манифеста о даровании народу свободы и превращении обещанной в феврале 1905 г. законотворческой Думы в законодательную. Затем в апреле 1906 г. появилась новая редакция Основных законов, где император, скрепя сердце, согласился признать себя хотя и самодержавным, но уже не неограниченным, как прежде, монархом. В итоге Россия, не став еще конституционной монархией западноевропейского типа, превратилась в ходе революции в думскую монархию с крайне урезанными правами парламента и огромной властью императора, его ближайшего окружения и высшей бюрократии.

Думская монархия представляла собой дуалистическую конструкцию, в которой законодательная власть приобрела, по крайней мере, внешние конституционные формы, а исполнительная осталась на уровне авторитарной, командно-административной системы. Напомним, что Государственная дума не могла вмешиваться в процедуру назначения и смещения министров, а предоставленное депутатам право запросов министрам при всей своей внешней демократичности было, по существу, совершенно неэффективным, ибо никаких организационных выводов из подобных дебатов обычно не делалось. Ограничены были и бюджетные права Думы. Что касается прав царя в области внутренней и особенно внешней и военной политики, то они были колоссальны; без его подписи не вступал в силу ни один закон, принятый Государственной думой и Государственным советом. Кроме того, существовала знаменитая 87-я статья Основных законов, дававшая правительству право проводить те или иные мероприятия в обход Думы, хотя в дальнейшем и требовалось их одобрение депутатами после возобновления думских заседаний.

Не будет преувеличением сказать, что и после 1905 г. в России законодательствовали не столько депутаты Государственной думы и члены Госсовета, сколько правительственные ведомства, царь и камарилья. Обе первые Думы занимались фактически не законотворчеством, а лишь обсуждением политической ситуации в стране, выливавшемся, как правило, в бурный митинг, в ходе которого было много чистой риторики и демагогии, пропаганды взглядов той или иной партии и обвинений в адрес власти, но мало деловой работы. Лишь начиная с III Думы работа царского парламента стала входить в нормальное русло, но здесь власть сумела отработать целую систему переключения внимания депутатов на так называемую

«парламентскую вермишель» – бесчисленные организационно-бюрократические и мелкие финансовые вопросы, заслонявшие большие социально-экономические и общественно-политические проблемы, стоявшие перед страной.

И все же после 1905 г. под влиянием революции в России заработал пусть еще очень несовершенный, но принципиально новый механизм известного соучастия общества в управлении страной, главными инструментами которого были Государственная дума, печать и многопартийная система, возникшая фактически явочным порядком, но так или иначе признанная властью, которая вынуждена была выслушивать даже явно революционные по своему характеру выступления в Думе социал-демократических депутатов. Если в последней трети XIX в. в результате Великих реформ общество было допущено к делам местного самоуправления, то в начале XX в. этот процесс пошел дальше, и в России появились наконец публичная политика и публичные политики, причем роль революции 1905–1907 гг. в этом процессе трудно переоценить.

В новой редакции Основных законов впервые был достаточно определенно очерчен круг обязанностей и прав «российских подданных». В обязанности россиян входили: защита Престола и Отечества, воинская повинность всего мужского населения без различия сословий и уплата налогов и повинностей. Торжественно декларировались неприкосновенность жилища, право выбора места жительства и занятий, приобретения имущества и беспрепятственного выезда за границу. Запрещались любые незаконные преследования граждан и содержание их под стражей за исключением случаев, предусмотренных законом. Закон провозглашал также свободу слова и печати, создания обществ и союзов. Однако на практике применение этих норм сопровождалось целым рядом оговорок. Так, например, на проведение собраний нужно было подать предварительную заявку, а в речах ораторов были недопустимы высказывания против властей и существующего строя (это грозило немедленным закрытием собрания). Отмена предварительной цензуры не означала отсутствие всякой цензуры вообще, и «подстрекательство» к стачкам и антиправительственная агитация грозили наказанием редакторов повременных изданий и арестом «крамольных» номеров газет и журналов. Точно так же бесцензурное издание «толстых» книг объемом более 5 п.л. не предполагало аналогичного порядка в отношении брошюр, среди которых было особенно много изданий революционного содержания¹. Указом от 16 декабря 1905 г. не допускалось участие в политических партиях и собраниях военнослужащих. Затем запрет на вступление в партии был распространен и на государственных служащих.

Особо выделялось в Основных государственных законах положение о неприкосновенности собственности (ст. 35), причем специ-

ально оговаривалось, что любое принудительное отчуждение ее в интересах государства и «общественной пользы» должно сопровождаться «справедливым и приличным» вознаграждением.

Проведенная после Всероссийской октябрьской политической стачки реформа правительства и появление регулярно действующего Совета министров также имели положительное значение для укрепления российской государственности. Естественно, в Совете министров сохранились различные группировки, авторитет его председателя, не исключая даже таких выдающихся государственных деятелей, как С.Ю. Витте и П.А. Столыпин, был весьма относительным, а решения по крупным вопросам редко носили консолидированный характер. Тем не менее даже полная зависимость министров и главы правительства от царя не могла помешать Совету министров более оперативно вмешиваться в ход государственных дел, причем полностью игнорировать его позицию верховная власть уже не могла. О многом говорит и тот факт, что в 1905–1906 гг. власть вынуждена была пойти на переговоры с рядом оппозиционно настроенных общественных деятелей на предмет их участия в правительстве. И хотя по разным причинам они не увенчались успехом и вообще носили во многом чисто пропагандистский характер, в XIX в. в российской политической практике подобного «торга» министерскими портфелями вообще не было.

Что касается чиновничьего аппарата, от которого в первую очередь и зависело исполнение законов и реальное управление государственной машиной, то революция практически мало что изменила в его статусе и социальном и интеллектуальном облике. В среде высшей бюрократии превыше всего ценились не деловые качества, а личная преданность монарху и Системе. Рядовое же чиновничество было сковано в своих действиях строгим чинопочтением и бюрократической рутинной, формализмом, а часто и элементарной некомпетентностью в тех вопросах, которыми оно призвано было заниматься. При этом чем дальше, тем хуже государственный аппарат Российской империи справлялся со стоявшими перед ним задачами и все меньше соответствовал требованиям быстротекущего времени, что, в конечном счете, работало против царского режима.

Инстинкт самосохранения подсказывал власти тактику маневрирования и ускорения и радикализации реформаторского процесса, хотя удовлетворить непрерывно возрастающие запросы образованного общества и тем более народных масс она не могла. Уступки лишь разжигали аппетиты либералов и революционеров, постоянно обвинявших правительство в непоследовательности и ограниченности проводимых преобразований.

Начав в феврале 1905 г. с обещаний созвать, наконец, долгожданное народное представительство, Николай II в апреле пошел на от-

мену преследований и ограничений в отношении неправославного населения страны². Все христиане (а фактически и нехристиане) получили право беспрепятственно строить свои молитвенные здания, издавать духовную литературу, создавать духовные братства. Был положен конец гонениям на сектантов различного толка, в том числе и на старообрядцев, игравших огромную, до сих пор недооцененную, роль в хозяйственной и культурной жизни страны. Трудно переоценить также значение состоявшейся в декабре 1905 г. отставки с поста обер-прокурора Синода такого столпа консерватизма и «охранительства», как К.П. Победоносцев. Пришедший на смену ему кн. А.Д. Оболенский был известен как человек либеральных взглядов и участвовал в подготовке манифеста 17 октября. Началась работа по подготовке к созыву Поместного собора Русской православной церкви и создано Предсоборное присутствие, материалы которого были опубликованы. Однако давно назревшая реформа Православной церкви была после окончания революции отложена, что имело явно негативные последствия и способствовало дальнейшему падению роли Церкви и усилению в российском обществе атеистических тенденций.

Как известно, весь 1905 г. прошел под знаком мощного студенческого движения, парализовавшего работу высшей школы. Студенты шли в первых рядах революционно настроенной части общества, нередко опережая даже рабочих. Поэтому в августе 1905 г. правительство пошло на то, чтобы подтвердить университетскую автономию, которая была введена еще при Александре I, но затем дважды ограничивалась (хотя и не отменялась полностью) при Николае I и Александре III³. Несмотря на то что гражданские и тем более политические права студентов в новых «Временных правилах» никак не оговаривались, уже один их пункт, запрещающий самочинное присутствие полиции на территории высших учебных заведений, позволил осенью 1905 г. использовать университеты и институты как место проведения собраний и митингов с участием членов революционных партий и рабочих. Этот фактор сыграл немалую роль в дни Всероссийской октябрьской стачки 1905 г. и, несомненно, помог Витте и его команде «пробить» манифест 17 октября. В дальнейшем, по мере спада революционной волны, «Временные правила», наоборот, помогли стабилизировать ситуацию в высшей школе и повернуть активность студентов и профессуры в русло нормального учебного процесса.

Опубликованные 4 марта 1906 г. «Временные правила о профессиональных обществах, учреждаемых для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях, или для владельцев этих предприятий»⁴ устанавливали порядок их создания и права. Цель создания профессиональных союзов трактовалась в законе достаточно узко: «выяснение и согласование экономических интересов», выдача по-

собий, оказание содействия по приисканию работы, юридическая и медицинская помощь членам союза, устройство библиотек и проведение различных культурно-просветительных мероприятий. Устав каждого союза подлежал утверждению губернатором, а на профсоюзных собраниях обязательно должны были присутствовать чины полиции. Запрещалось объединение союзов в пределах губернии и даже одного города, не говоря уже о создании более широких региональных и общероссийских объединений. Права объединяться в союзы были лишены служащие железных дорог, почты и телеграфа, государственных учреждений и банков.

Регистрация каждого нового союза была обставлена столь сложными формальностями, что превращалась для его учредителей в настоящее хождение по мукам (так, например, устав петербургского союза металлистов не регистрировался властями целый год). Зато прекращать деятельность профсоюзов в административном порядке было очень легко. Предлогом для этого могли послужить призыв к стачке, вмешательство (путем посредничества, угроз, бойкота и т.д.) в отношения между работодателями и рабочими, политическая неблагонадежность членов правления, «деятельность, угрожающая общественной безопасности» (антиправительственная пропаганда, обсуждение политических вопросов, связь с революционными организациями). И все же новый закон открывал известные возможности для организации широких пролетарских масс и защиты их интересов, чем рабочие и революционные партии не замедлили воспользоваться.

Временные правила 1906 г., просуществовавшие до 1917 г., регламентировали также деятельность многочисленных культурно-просветительных, спортивных и благотворительных общественных организаций России, превращавшихся в один из элементов рождавшегося в стране гражданского общества.

Кроме того, был проведен и ряд других реформ, направленных на разрядку социально-политической напряженности в стране. В отечественной исторической литературе редко упоминают о военной составляющей того пакета реформ, который был представлен правительством в 1905–1907 гг. Между тем неудачная русско-японская война и многочисленные вспышки антиправительственных выступлений в армии и на флоте в 1905–1906 гг. заставили царские власти в срочном порядке провести ряд важных, хотя, разумеется, и не кардинальных преобразований в системе управления вооруженными силами и их комплектования. В июне 1905 г. был создан Совет государственной обороны во главе с вел. кн. Николаем Николаевичем, а в 1906 г. – Высшая аттестационная комиссия (ее решениями в 1906 г. из армии были уволены 58 генералов). В 1906 г. было объявлено о сокращении сроков действительной военной службы в пехоте и в полевой артиллерии до 3 лет, в остальных сухопутных вой-

сках – до 4 лет, а на флоте – до 5 лет. Сокращался срок пребывания военнообязанных в запасе (13–15 лет). Несколько улучшалось питание и вещевое довольствие солдат и повышалось жалованье офицеров⁵.

Ход революции убедительно показал, что, несмотря на широкий размах национальных движений, Российской империи пока еще не грозил распад и гражданская война на религиозно-этнической почве. С одной стороны, были еще достаточно сильны административно-силовые, экономические и социокультурные «скрепы», обеспечивавшие сохранение единого многонационального централизованного государства. С другой – преобладание центристских сил над центробежными во многом объяснялось слабостью сепаратистских тенденций в поведении национальных элит, а также более широких общественных кругов и народных масс национальных районов, которые в подавляющем большинстве случаев еще не решались ставить вопрос об отделении от России и не шли дальше требований культурно-национальной или национально-территориальной автономии в рамках демократизированного, но единого Российского государства. Большое значение имело и то, что в революционных кругах делалась ставка на первоочередное решение социальных, а не национальных проблем и последовательно пропагандировались идеи интернационального единства трудящихся, а не разделения их по национальному признаку. Более чем умеренный характер носили также требования российских либералов в национальном вопросе, в основном ограничивавшиеся лозунгом культурно-национальной автономии нерусских народов.

Вместе с тем правящим «верхам» империи пришлось пойти на смягчение своего русификаторского курса и на ряд уступок национальным элитам и даже более широким демократическим слоям населения национальных регионов. Больше всего выиграла в этом плане Финляндия – один из самых специфических и близких к Западной Европе районов империи с сильными автономистскими традициями, расположенный вдобавок в непосредственной близости от Петербурга. Приходилось учитывать также активное участие финских рабочих в Октябрьской политической стачке, создание в Финляндии рабочей Красной и буржуазной Белой гвардии, сепаратизм Партии активного сопротивления, занимавшей пораженческие позиции в период русско-японской войны, и т.д. 22 октября (4 ноября) 1905 г. Николай II отменил все ограничения автономии Великого княжества Финляндского, в том числе манифест 1899 г., предоставлявший коронной власти право издавать законы для Финляндии без согласия финского сейма, а также некоторые распоряжения ненавистного финнам генерал-губернатора Н.И. Бобрíkова, активно проводившего русификаторскую политику и убитого одним из финских националистов в 1904 г.

В начале 1906 г. в Финляндии состоялись выборы в сейм, принесшие победу финским конституционалистам. 20 (7 июля) того же года сейм принял новый устав, являвшийся фактически конституцией Финляндии. Отныне все граждане Великого княжества, включая женщин, достигшие 24 лет, избирали однопалатный (вместо прежнего сословного четырехпалатного) сейм в составе 200 депутатов. Общий контингент электората увеличился в 10 раз – со 100 тыс. до 1 млн. человек. Правда, из компетенции сейма были исключены внешнеполитические и таможенные вопросы, но даже по западноевропейским меркам Финляндия стала одной из самых демократических и свободных стран, заняв в составе Российской империи совершенно особое, не имевшее аналогов положение. В марте 1907 г. на выборах в сейм социал-демократы получили 80 мандатов, т.е. 40% мест финского парламента. Характерно, что после поражения революции, которой Финляндия и была в основном обязана этими переменами, русские власти вновь стали ограничивать права финского населения⁶.

Вторым крупным национальным регионом, который мог претендовать на радикальное повышение своего статуса в составе Российской империи, было Царство Польское. В 1905 г. накал классовой борьбы и уровень национального движения там был очень высок, однако традиционная полонофобия правящих «верхов» России вновь взяла верх над здравым смыслом, и дело ограничилось лишь небольшими послаблениями культурно-языкового характера, которые дали определенный импульс развитию польской национальной культуры и образования.

Обострение этноконфессиональных вопросов в Закавказье еще до начала революции, вспышка яростной армяно-азербайджанской вражды в 1905–1906 гг. и образование на территории Грузии ряда крестьянских «республик», фактически не признававших царскую администрацию, заставили власти в лице наместника на Кавказе либерального консерватора И.И. Воронцова-Дашкова пойти на ряд компромиссов с местными элитами. Прежде всего были урегулированы отношения с армяно-григорианской церковью, которой было возвращено конфискованное у нее имущество. Вновь открылись закрытые перед революцией армянские школы. Смягчение русификаторской политики коснулось также Грузии и Азербайджана.

Что касается остальных национальных районов империи, то в каждом из них революция значительно продвинула вперед процесс развития национального самосознания, языка и культуры. Так, например, на Украине в Киеве, Одессе и Харькове в университетах были открыты кафедры украинской истории и литературы. Украинский язык, наряду с государственным русским, был разрешен в 1906 г. в школах. В наиболее крупных городах Украины стало выходить около 20 газет и журналов на украинском языке. Во многих

местах возникали отделения культурно-просветительского общества «Просвита», которые открывали библиотеки, устраивали лекции по украиноведению, ставили спектакли на родном языке, проводили концерты народной музыки и т.д. Значительно увеличился выпуск литературы на украинском языке⁷. Все это, бесспорно, способствовало развитию национальной культуры и вызывало положительный отклик украинского населения, в первую очередь национальной интеллигенции. Однако многие из таких мер носили явно конъюнктурный характер, и по мере спада революционной волны репрессивно-запретительные тенденции в этноконфессиональной области вновь стали набирать силу.

Несмотря на кратковременное существование двух первых Государственных дум, участие в них представителей национальных районов Российской империи стало заметной вехой в истории национальных движений, развернувшихся в 1905–1907 гг. на их территории⁸. Достаточно сказать, что во II Государственной думе нерусские народы представляли 187 депутатов: 54 украинца, 46 поляков, 14 татар, 8 литовцев, 7 армян, 6 белорусов, 6 грузин, 6 казахов, 6 евреев, 5 латышей, 5 эстонцев, 3 азербайджанца и 3 узбека. Мусульманская группа насчитывала 26 депутатов и добивалась в первую очередь удовлетворения культурно-национальных и религиозных интересов мусульманского населения⁹. Наиболее последовательно действовали члены Польского коло, отстаивавшие идею польской национальной автономии в составе Российского государства, причем они разработали законопроект об основных положениях автономного устройства Польши и добились даже создания специальной комиссии для его рассмотрения, однако довести дело до конца из-за досрочного роспуска Думы не успели.

В целом же национальный вопрос в России так и не получил в 1905–1907 гг. радикального и удовлетворяющего нерусские народы решения, что предопределило его новое обострение в 1917 г.

Что касается социально-экономических реформ, то они затронули в основном сферу аграрных отношений и касались сокращения, а с 1907 г. и полной отмены выкупных платежей, а также продажи крестьянам некоторых казенных и удельных земель. С 1907 г. началась реализация столыпинской аграрной реформы, в полной мере развернувшаяся уже после окончания революции. Однако аграрный, как и рабочий, вопрос остался в России нерешенным, что обусловило неизбежность продолжения революционного процесса и привело в конце концов к революции 1917 г.

В итоге процесс модернизации России сделал в результате революции кратковременный рывок вперед, но не получил постоянно действующего ускорения, в котором так нуждался. В итоге революция 1905–1907 гг. не смогла предотвратить последующих революционных потрясений в России. Больше того, она подготовила для них

почву, дав народным массам богатый опыт социальной и политической борьбы, которому «верхи» не смогли противопоставить эффективной политики социального маневрирования и компромиссов.

Рождение российской многопартийности

Годы Первой российской революции ознаменовались появлением в России более ста новых политических партий, организаций партийного характера и движений самой разной направленности от ультраправых до ультралевых¹⁰. Уже накануне революции в стране существовало от 30 до 40 партий в основном с ярко выраженной радикальной окраской, а к ее концу налицо был уже весь спектр партийно оформленных политических течений с достаточно четким разделением их ролевых функций, специфической тактикой и идеологической догматикой. После ряда десятилетий строгого партийно-политического «воздержания» российское общество в буквальном смысле слова бросилось в 1905 г. в водоворот партийного строительства, причем в обстановке революции с ее атмосферой вседозволенности и торжеством захватного права этому процессу не могли уже помешать ни отсутствие соответствующей законодательной базы, ни откровенная слабость и малочисленность многих новоявленных партийных организаций. Эмоции и амбиции партийных лидеров, стремление не отстать от политических конкурентов и так или иначе «отметиться» на общественной арене заметно обгоняли разумные потребности российского общества в партийных объединениях и часто приводили в замешательство не только обывателя, но и искушенных государственных мужей. При этом, по самым оптимистическим экспертным оценкам, удельный вес партийно организованных россиян не превышал в 1905–1907 гг. 0,5% населения страны¹¹.

Процесс формирования политических партий в России, как известно, начался намного позже, чем в развитых странах Запада. В XVIII–XIX вв. понятие «партия» метафорически применялось у нас иногда лишь к тем или иным придворным группировкам, сторонникам литературно-философских направлений или приверженцам определенных тенденций во внешней и внутренней политике страны. Ближе к концу XIX в. появились уже и первые нелегальные политические объединения, которые сами называли себя партиями («Народная воля», «Народное право», армянский «Дашнакцутюн», Польская социалистическая партия, Социал-демократия Королевства Польского, еврейский Бунд и другие). Заметим в этой связи, что раннее возникновение национальных партий объяснялось сравнительно высоким уровнем социально-экономического и культурного развития западных и южных регионов России, а также наличием у ряда национальных меньшинств мощных зарубежных диаспор,

оказывавших поддержку своим соплеменникам в России. Наконец, в 1898–1903 гг. оформилась РСДРП, а в 1901–1902 гг. – партия социалистов-революционеров.

Но именно революция, в которую так или иначе оказались втянутыми все классы, сословия, профессиональные и конфессиональные группы населения Российской империи, мощно стимулировала процесс их самоидентификации, рост гражданственности и тягу к социальной активности. При этом именно незавершенность процесса модернизации, недостаточно четкое социальное, идеологическое и политическое структурирование общества, многонациональный характер населения империи, впервые по-настоящему проснувшегося в 1905 г. к активной социальной жизни, – все это придало российской многопартийности особенно мозаичный и причудливый характер. Так, от имени каждого класса российского общества выступало сразу несколько партий: на представительство интересов буржуазии претендовали буквально десятки либеральных или либерально-консервативных партий, от имени рабочих говорили РСДРП, эсеры, анархисты, кадеты, «черносотенцы» и т.д. Нечто подобное наблюдалось и в национальных регионах: например, в Царстве Польском и на Украине действовали в период революции по 12 различных партий, в Литве – 11, Латвии – 9, Финляндии – 8, Эстонии – 5 и т.д.¹².

Решая проблему классификации и типологии политических партий, обществоведы предлагали для этого ряд критериев: связь той или иной партии с определенными социальными слоями, отношение к существующей политической системе, партийная идеология, характер тактики, степень поддержки партии со стороны масс. В научный оборот широко вошли такие определения партий, как умеренные и радикальные, оппозиционные и правительственные, легальные и нелегальные, правые и левые, общероссийские и национальные. Однако наиболее распространено сейчас их деление на консервативные, либеральные и социалистические, что соответствует тем идеологическим доктринам, которыми они руководствовались в своем политическом поведении, и в то же время косвенно отражает их отношение к царской власти (поддержка, конструктивная оппозиция, полное отрицание).

Надо сказать, что подавляющее большинство создававшихся в самых разных уголках империи партий и союзов носило в 1905–1907 гг. ярко выраженный оппозиционный по отношению к самодержавию характер. Это отражало недовольство основной массы населения империи своим тяжелым экономическим положением и политическим беспорядком. С другой стороны, характерной особенностью России было отсутствие здесь массовой проправительственной партии – партии власти, которая могла служить надежной опорой самодержавной системе. В этом сказались и край-

няя социальная самоуверенность царизма, длительное время считавшего себя неуязвимым для политических противников, и его недальновидность и неумение прогнозировать взрывоопасные ситуации. Сыграло свою роль и то, что главная социальная опора самодержавного режима – дворянство (либерально настроенное крыло которого, кстати говоря, уже в XIX в. поддерживало оппозиционные и даже революционные течения) не позаботилось о том, чтобы заблаговременно сплотить преданные царю силы из рядов собственного сословия и других слоев общества.

Подобной аберрации политического зрения способствовали особо привилегированное положение дворянства в российском обществе, наличие у него сильной корпоративной сословной организации, возможность играть ведущую роль в земстве и городских думах. Достаточно сказать, что так называемое «Объединенное дворянство» (съезды уполномоченных губернских дворянских обществ), которое представляло консервативную часть поместного дворянства, оформилось лишь в мае 1906 г. Немногом ранее, в конце 1905 г. возник и «Союз русского народа», призванный приобщить к движению в защиту самодержавия и часть демократических элементов общества. Это явное отставание процесса консолидации правых сил от аналогичных процессов в либеральных и революционных кругах дорого обошлось самодержавию и во многом предопределило историческую судьбу всей России в XX в.

Формирование и самоопределение российского либерализма тоже проходило достаточно сложно и медленно. Российская буржуазия в своей основной части была мало похожа на «третье сословие» на Западе. Она отличалась от него социальной пассивностью, законопослушанием и зависимостью от власти как регулятора и гаранта всей экономической жизни страны, выгодного заказчика и кредитора торгово-промышленных кругов. Давал знать о себе и сравнительно низкий уровень общей и особенно политической культуры буржуазных кругов в России. Поэтому носителями либеральных идей в нашей стране стали более продвинутые в социокультурном отношении представители дворянства и интеллигенции. Зато в начале XX в. с приходом новой, более радикально настроенной генерации молодых интеллектуалов российский либерализм стал быстро трансформироваться в неолиберализм, в доктрине которого традиционные для либералов ценности – политическая свобода, гражданское общество, правовое государство, частная собственность – пополнились осознанием необходимости социальной защиты государством интересов трудящихся. В итоге либерализм принял более радикальный, чем прежде, характер, позволявший говорить о появлении в России «либеральной демократии», а процесс партийного строительства у российских либералов пошел в 1905 г. гораздо более быстрыми темпами.

Что касается «деловой», торгово-промышленной буржуазии, то она, в значительной мере потеряв в 1905 г. былую аполитичность, тем не менее не смогла создать единую и сильную самостоятельную партию, а те слабые и немногочисленные объединения предпринимательских кругов умеренно либерального толка, о которых подробнее будет сказано ниже, не задерживались на российской политической арене.

Зато совершенно беспрецедентными, по западным меркам, темпами шло распространение в России радикальной социалистической идеологии – марксизма и неонародничества. Крайне низкий для цивилизованных стран уровень жизни трудящихся, быстрый рост рядов пролетариата, а также крайняя активность и амбициозность разночинно-демократической интеллигенции, с одной стороны, и грубый антидемократизм самодержавной системы – с другой обусловили явный успех социалистических идей, которые рождались и на национальной почве, и заимствовались с Запада.

Сегодня часто недоумевают по поводу того, почему в начале XX в. россияне не пошли за либералами, рисовавшими такие заманчивые картины цивилизованной жизни под девизом: свобода, гласность, собственность, закон? Видимо, все дело в том, что многовековое отчуждение абсолютного большинства россиян от свободы и собственности заставило их отдать предпочтение не благам западной цивилизации, рекламировавшимся либералами, а социальному эгалитаризму и деструктивным настроениям, которые проповедовали социалисты. Помогали социалистам и тот образ вечно гонимых и преследуемых, который создала для них сама власть и который всегда вызывал сочувствие многих россиян, и такие факторы, как личное бескорыстие, смелость и самоотверженность революционеров.

Идеи социализма как антитезы существующему строю были во многом созвучны радикально-бунтарским, общественно-уравнительным, коллективистским и антибуржуазным настроениям основной массы россиян и вдобавок вполне корреспондировались со многими христианскими и мусульманскими заповедями, которые веками жили в их сознании как символ справедливости и добра. Вот почему партии социалистической ориентации были в период Первой российской революции самыми многочисленными и активными среди всех политических партий страны.

В целом можно сказать, что массовое возникновение в России политических партий, особенно после издания манифеста 17 октября 1905 г. и в связи с созывом I Государственной думы, свидетельствовало о росте гражданственности, политической культуры и организованности по крайней мере части россиян, хотя и переоценивать их степень применительно к периоду революции не следует. Совершенно очевидно также, что при создании российских партий всех

политических направлений широко использовались как идеологические конструкты, так и организационный опыт западных партийных образований в сочетании с национальными традициями народов России и представлениями тех или иных групп интеллигенции о дальнейших путях развития страны, в чем-то повторяя на новом витке истории старые споры «западников» и «славянофилов».

Политические партии России начала XX в. отнюдь не повторяли механически своих западных аналогов и предшественников. Так, «черносотенцы» готовы были прибегать к экстремистским, террористическим методам политической борьбы, которые явно шокировали бы классических консерваторов XIX в. английского образца. Российский неолиберализм, испытавший на себе влияние «легального» марксизма и народничества, был намного демократичнее и «социальнее», чем аналогичные течения на Западе. То же самое можно сказать и о марксистах: меньшевики в массе своей мало напоминали социал-реформистов бернштейнианского толка из партий II Интернационала, а большевики уже начали эволюционировать от социал-демократизма к коммунизму. Что же касается неонародников, то они вообще не имели в XX в. аналогов на Западе, но зато их идеи нашли понимание в крестьянских колониальных и полуколониальных странах Востока. При этом среди них тоже не было единства, поскольку наряду с эсерами в 1906 г. оформилась партия народных социалистов, пытавшихся соединить народничество с либерализмом, и Союз эсеров-максималистов, представлявший собой некий мост между эсерами и анархистами.

При этом политические партии России начала XX в. оказывали друг на друга довольно сильное влияние: налицо было взаимопроникновение идей консерватизма и либерализма, либерализма и социализма, неонародничества и марксизма. Большинство политических партий уже не декларировали, как РСДРП, свою непосредственную связь с интересами какого-либо одного класса общества, а камуфлировали такую связь рассуждениями о национально-государственных интересах, общенародном благе и т.д. В результате от имени одного и того же социального слоя часто выступали самые разные партии. Так, интересы рабочих представляли РСДРП, эсеры, анархисты, национальные социалистические партии, а частично кадеты и «Союз русского народа». За крестьян говорили все левые и центристские партии, а также Всероссийский крестьянский союз и Трудовая группа Государственной думы. Хуже обстояло дело у помещиков-землевладельцев и торгово-промышленной буржуазии, но в конечном счете не остались без представительства и их интересы, хотя публично защищать их перед лицом разбушевавшейся народной стихии было тогда, прямо скажем, не очень «удобно». Но в чем российские партии явно превосходили своих западных собратьев, так это в полнейшей нетерпимости к инакомыслию.

Межпартийная и внутрипартийная полемика всегда отличалась в России крайней грубостью и несдержанностью, личными выпадами и оскорблениями, производившими гнетущее впечатление на современников и потомков.

Попробуем теперь конкретизировать эти общие положения на примере трех основных групп политических партий России и тех моделей преобразования страны, которые они предлагали в качестве альтернативы правительственному курсу или хотя бы его частичной корректировки, как это было у консерваторов.

Правые партии

Среди правомонархических организаций выделялся своей многочисленностью и идейно-политической агрессивностью «Союз русского народа» (СРН), первый съезд которого состоялся в Петербурге в ноябре 1905 г. В то время, после мощного всплеска революционной волны и появления катастрофической трещины в самом фундаменте самодержавного абсолютизма в виде царского манифеста 17 октября, приверженцы «исконных начал» русской жизни осознали наконец необходимость спасти их от революционеров и либералов и прийти на помощь самому царю, проявившему слабость и излишнюю податливость перед лицом своих врагов.

До этого в России уже действовали гораздо более умеренные, с точки зрения пропаганды идей монархизма и национализма, «Русское собрание» и «Русская монархическая партия» (последняя возникла в апреле 1905 г.), значительно уступавшие СРН по массовости и влиянию на ход политических событий в стране. Достаточно сказать, что в конце 1907 г. в СРН состояло до 350 тыс. членов, т.е. больше, чем в какой-либо другой партии, хотя во многих случаях членство в СРН было чисто фиктивным¹³. О масштабах правомонархического движения говорит и тот факт, что «черносотенные» (так по аналогии с патриотически и монархически настроенными податными сословиями русских средневековых городов называли себя члены СРН) организации существовали в 2200 населенных пунктах 66 губерний и областей Европейской и Азиатской России¹⁴.

Состав СРН был достаточно демократическим (крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы, рабочие), хотя в его руководящих органах преобладали дворяне (до 60%), духовенство, купцы, причем ведущую роль играла монархически настроенная интеллигенция. Председателем Главного совета СРН был состоятельный детский врач А.И. Дубровин. Видную роль в движении играл также его заместитель, крупный бессарабский землевладелец, чиновник МВД В.М. Пуришкевич, обладавший немалым литературным и ораторским талантом. Известными деятелями СРН были также адвокат П.Ф. Булацель, купчиха Е.А. Полубояринова, курский помещик

Н.Е. Марков, академик-филолог А.И. Соболевский и другие. В руководящих органах другой правой организации – «Русского собрания» было немало представителей титулованной русской аристократии, несколько губернаторов, сенаторов, членов Государственного совета. Особый вес правомонархическому движению придавало участие в нем иерархов Русской православной церкви.

Сам СРН не называл себя партией, но обладал всеми ее атрибутами: программой, уставом, регулярно проводимыми съездами «русских людей», Главным правлением, центральным печатным органом (газета «Русское знамя»). Девизом СРН был призыв: «За Веру, Царя и Отечество». Приверженность Православию как единственной истинной религии, великорусский патриотизм и монархизм в его крайних, самодержавно-абсолютистских формах, ксенофобия и воинствующий антисемитизм, сохранение сословности, частной собственности, «единой и неделимой России» – вот основополагающие начала правомонархической идеологии, лежавшие в основе всей деятельности СРН и других консервативно-монархических организаций. Вполне естественно поэтому, что все революционеры и либералы были в глазах рядовых «черносотенцев» и их руководителей главными врагами России и русского народа, предателями национально-государственных интересов страны.

Члены СРН, скрепя сердце, принимали манифест 17 октября 1905 г. и Государственную думу, но не связывали с ними какие-либо ограничения прав монарха-самодержца. За неправославными конфессиями признавалось право на свободное отправление их обрядов, но пропаганда этих вероучений, согласно «Основным положениям Союза русского народа» (1906 г.), подлежала полному и безусловному запрещению. В этом программном документе подчеркивалось также, что Россия имеет всемирное призвание, состоящее в «посильном водворении царства Божия на земле, царства Веры, любви, долга и справедливости»¹⁵.

Стараясь всячески оправдать лично Николая II, СРН возлагал ответственность за все бедствия в России на чиновничество – этих безбожных, нечестивых «недоучек и переучек», заслонивших от народа светлый образ его царя. Выход из положения СРН видел не в сползании России на конституционно-парламентские рельсы (сами термины «конституция» и «парламент» были для правых чем-то совершенно одиозным), а в частичном возвращении к традициям допетровской Руси. Соглашаясь на созыв Земского собора или Государственной думы, СРН видел среди избирателей только русских (к ним относились также украинцы и белорусы, которых правые отказывались считать самостоятельными нациями). Только русские должны были обладать правом занимать все государственные должности, а также преподавать в начальной и средней правительственной школе (в высших учебных заведениях среди преподавате-

лей могли быть и нерусские). Это положение относилось также к земской и городской службе в «коренных русских областях», которыми считалась вся территория империи, кроме Финляндии, Польши, Прибалтики, Закавказья и Средней Азии. В коренной России русские должны были также иметь исключительное право на приобретение и аренду земли. Разработка полезных ископаемых, рыболовство и охота объявлялись исключительным правом одних только русских на всей территории империи. Что касается торгово-промышленной деятельности, то здесь русские должны были получить преимущественные права¹⁶. Таким образом, СРН ставил своей задачей воплотить в жизнь традиционный лозунг русских националистов «Россия для русских!».

Однако в многонациональной России последовательное проведение в жизнь подобной политики грозило взрывом. Поэтому, когда дело дошло до выборов в Государственную думу, в которых участвовало и нерусское население окраин, СРН вынужден был пойти на попятный, заявив, что все народы России за исключением евреев должны пользоваться равными правами. При этом деятели СРН выражали особое «благорасположение» к мусульманам¹⁷, а также к казачеству, которое они рассматривали как надежную опору самодержавия. Пытаясь как-то свести концы с концами, идеологи правых декларировали, что намерены оставить нерусским народам (естественно, при условии их «дружественного отношения» к русским и самодержавию) их веру, язык, бытовые традиции, землю и даже «особую общественность»¹⁸ (что скрывалось за этим нарочито туманным выражением, оставалось неясным). Представители нерусских народов могли рассчитывать также на службу в земских и городских учреждениях на окраинах империи, участие там в функционировании судебных органов, приобретение земельной собственности и городской недвижимости. Однако все эти оговорки не могли скрыть того неоспоримого факта, что правомонархические круги держали курс на полную русификацию всей экономической и общественной жизни Российской империи. Утопичность и анахронизм подобных устремлений были совершенно очевидны, но это, видимо, не смущало ни рядовых членов СРН, ни их руководителей.

Утопичность подобных взглядов была очевидна и правительственным кругам, да, вероятно и самому монарху, который явно симпатизировал «черносотенцам», но вряд ли решился бы последовать всем их советам. Скорее всего, ультраправые нужны были власти лишь как некий противовес либеральным тенденциям, захватившим и часть правящей бюрократии, не говоря уже об оппозиционных партиях, как один из элементов той системы сдержек и противовесов, того маневрирования и лавирования между политическими полюсами, к которому все чаще прибегали правящие «верхи» в обстановке революции. Характерно, что ни Витте, ни Столыпин ни-

когда не шли на открытый союз с правомонархическими силами, прямолинейность и грубая агрессивность которых не могли не вызывать протеста общественности как в самой России, так и особенно за рубежом, хотя известны факты материальной поддержки правых организаций правительственными ведомствами.

Среди главных действующих лиц политического процесса в России правые уже осенью 1905 г. проявили себя как сторонники решительных действий, направленных на насильственное искоренение крамолы и смуты. Волна октябрьских погромов, прокатившаяся по сотням городов и поселков России и особенно затронувшая населенные пункты в черте еврейской оседлости, стала прямым вызовом революционным силам и вызвала, как уже отмечалось выше, многочисленные жертвы. Боевые дружины «черносотенцев» наводили ужас на население, развернув настоящий «белый террор» против демократических и либеральных сил общества, включая членов партии кадетов.

СРН вел и активную агитационно-пропагандистскую и издательскую деятельность, но на выборах в I Государственную думу правые получили менее 10% голосов выборщиков и не сумели провести ни одного депутата. Во II Думе у них было уже 30 депутатов, но никакого влияния на ход ее работы правые оказать не смогли. Поэтому они горячо приветствовали роспуск I и II Государственных дум и изменение избирательного закона в июне 1907 г. Что касается столыпинской аграрной реформы, то часть СРН во главе с Дубровиным выступила против нее, считая потенциальным источником дальнейшей ускоренной пролетаризации страны и подрыва вековых российских устоев со всеми вытекающими отсюда последствиями. Вместе с тем часть правых поддерживала Столыпина.

По мере угасания революции власть все меньше нуждалась в поддержке со стороны СРН. Что касается рабочих и крестьян, то он не устраивал их, в частности, мизерностью своей социальной программы, где очень невнятно говорилось о желательности сокращения продолжительности рабочего дня и введения государственного страхования рабочих, а также о расширении крестьянского землевладения, не затрагивая, однако, дворянских латифундий¹⁹.

Пережив в 1990-х годах драму русскоязычного населения бывшего СССР, мы, вероятно, лучше понимаем сегодня те эмоции, которые владели в 1905–1907 гг. членами СРН, столкнувшимися с подъемом национальных движений нерусских народов Российской империи, нередко сопровождавшихся открыто выраженными антирусскими настроениями. Однако гипертрофированные и доведенные до абсурда формы поддержания этнической солидарности и защиты национально-религиозных интересов русской нации, предложенные СРН и противоречившие элементарным нормам цивилизованного национального сожительства в рамках единого государст-

ва, не могли не вызывать и тогда, и сейчас возмущения и протеста здоровой части всех великороссов. Именно поэтому столь «оригинальный» способ выражения русофильства и встретил достаточно дружный отпор всей демократической общественности России и в конечном счете обрек СРН на поражение.

Либеральные партии

Бурное развитие революции убедило либералов в необходимости активизировать свои усилия по созданию собственной партии или партий, поскольку в противном случае они рисковали оказаться аутсайдерами политического процесса, целиком отдав его на откуп власти, консерваторам и радикалам. Несомненно, подтолкнул их к такому решению и царский манифест от 6 августа 1905 г. о созыве Государственной думы, на выборах в которую нужно было выступать консолидированно и организованно, что требовало наличия соответствующих партийных структур и достаточно строгой партийной дисциплины. Поэтому уже в конце августа IV съезд «Союза освобождения» принял решение о незамедлительной организации Конституционно-демократической партии, а вскоре, в разгар Всероссийской октябрьской политической стачки, в Москве прошел ее учредительный съезд. Окончательно же кадетская партия конституировалась на своем II съезде в январе 1906 г.

Но если кадеты вобрали в себя в основном леволиберальные интеллигентские силы, а также некоторые более умеренные, центристские элементы земского либерального движения, то правые либералы после издания манифеста 17 октября встали на путь образования собственной партии, стремившейся идти чуть левее правительства и добиваться выполнения им своих конституционных обещаний, не переступая черты, обозначенной в царском манифесте. Так возник духовно и организационно близкий к традиционному земскому либерализму «Союз 17 октября», учредительный съезд которого состоялся в той же Москве в феврале 1906 г., хотя оформление партии началось уже в октябре 1905 г., когда петербургский градоначальник зарегистрировал Союз как легальную организацию.

Кадеты были в полном смысле слова детьми российской революции, олицетворяя, однако, некий существовавший лишь в идеале компромисс между старой властью и требовавшей ускорения и радикализации процесса модернизации страны частью образованного общества. На гребне высшего подъема революции они не боялись выражать свои симпатии бастующим рабочим и прямо говорить о том, что упрямство самодержавной власти оправдывает и применение крайних, революционных методов борьбы, хотя их идеалом и остается мирная социальная эволюция, а не революция. Тем не менее уже на I съезде конституционных демократов их лидер, выдаю-

щийся русский историк, ученик В.О. Ключевского П.Н. Милюков – этот непревзойденный мастер идейного и организационного компромисса четко определил границы того политического поля, в котором хотела бы играть руководящую роль его партия: справа – это откровенные аграрии и промышленники, слева – сторонники вооруженного восстания и демократической республики²⁰. Идеалом кадетской интеллигенции была западная демократия и «сублимированный», «облагороженный», по выражению Ленина, буржуазный строй²¹, очищенный от всех пережитков средневековья и превосходящий своей свободой и правопорядком самые смелые мечты русских капиталистов. В итоге своеобразной визитной карточкой кадетов стал интегральный европеизм и ориентация на западную политическую культуру как оптимальный вариант всего будущего развития России.

Общая численность кадетской партии, по оценке специалистов (точные статистические данные отсутствуют), колебалась в годы революции в пределах 50–60 тыс. человек²², а количество партийных организаций к весне 1906 г. достигло 360. Конкретных данных о социальном составе кадетов нет, но можно с уверенностью говорить о том, что ядро партии составляла либерально-демократическая «цензовая» интеллигенция достаточно высокого профессионального и материально-имущественного уровня. В нее входили также часть левых земцев-помещиков, студенты, служащие и в очень небольших количествах крестьяне и рабочие, поддержки которых добивались кадеты.

В кадетском ЦК времен революции были такие выдающиеся представители российской интеллектуальной и общественно-политической элиты, как братья князя Петр и Павел Долгоруковы, кн. Д.И. Шаховской, всемирно известный ученый В.И. Вернадский, будущий академик П.Б. Струве, профессор-юрист С.А. Муромцев, адвокаты В.А. Маклаков и М.М. Винавер, видный земский и общественный деятель И.И. Петрункевич, блестящий думский оратор Ф.И. Родичев. Этот список можно было бы многократно расширить, причем наиболее видных кадетов отличали не только выдающиеся способности, но и высокие моральные качества и патриотизм. Преобладали в составе ЦК кадетов русские дворяне.

В принятой в октябре 1905 г. партийной программе²³ кадеты предложили, бесспорно, прогрессивную для своего времени и достаточно привлекательную для трудящегося населения России модель обновления страны на либерально-демократических началах. Так, уровень гражданского равенства россиян, согласно планам кадетов, практически мало чем отличался от того, что предлагали социалисты: предусматривались полная ликвидация сословного строя, равенство перед законом всех российских граждан независимо от пола, национальности и вероисповедания, предоставление им

всех известных из западной практики демократических свобод, неприкосновенность личности и жилища, отмена цензуры, упразднение паспортной системы. Правда, будущий государственный строй демократической России представлялся кадетам в виде конституционной парламентской монархии, а не республики. Парламент (Государственная дума) избирался на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании и наделялся законодательными функциями и правом полного контроля за бюджетом страны. Министры должны были нести ответственность перед депутатами (процедура их назначения и отставки, однако, в программе не уточнялась). Много внимания уделялось демократизации судебной системы и расширению прав местного самоуправления (оно распространялось на всю империю, а в выборах его органов должно было участвовать все население).

Большой шаг вперед сделали неолибералы в социальном блоке своей программы. Крестьянам кадеты обещали отмену выкупных платежей, дополнительное наделение земель за счет государства и принудительного отчуждения части частновладельческих земель (за выкуп), широкую помощь государства в переселенческом деле и устройстве крестьянского быта. Рабочим кадеты сулили постепенное введение 8-часового рабочего дня, социальное страхование за счет предпринимателей под контролем государства, введение третейских судов с участием рабочих для решения трудовых конфликтов, узаконение стачек и профсоюзов. Кроме того, декларировалась необходимость введения прогрессивного подоходного налога и пенсионного обеспечения не только для рабочих, но и для всех лиц, живущих личным трудом. Выдвигались также требования перехода ко всеобщему, обязательному и бесплатному начальному образованию, снижения платы за обучение в средней и высшей школе, строгого соблюдения автономии последней и свободы преподавания.

В области межнациональных отношений кадеты были достаточно консервативны, признавая возможность автономного устройства только двух районов империи – Польши и Финляндии. Вместе с тем они выступали за предоставление каждой нации, населяющей Россию, культурно-национальной автономии (право обучения на родном языке, возможность употреблять его наряду с государственным русским языком, выделение ассигнований на развитие национальной культуры).

И хотя в социальной сфере кадеты обещали народу меньше, чем революционеры, ни одна другая несоциалистическая партия не проявила готовности пожертвовать правами и привилегиями господствующих классов в той мере, в какой это сделали кадеты. Неслучайно в буржуазных деловых кругах, не говоря уже о поместном дворянстве, за кадетами прочно закрепилась характеристика «красной» партии. Бесспорно, в кадетской программе, как и в програм-

мах других политических партий, присутствовали элементы социальной демагогии и популизма, без которых не обходится большая политика, однако сводить все дело только к ним было бы в данном случае неправильно, ибо сама жизнь подталкивала их к необходимости компромиссов как наиболее разумного способа предотвращения социально-политических катаклизмов.

Кадеты стояли у истоков российского парламентаризма, а их видные деятели С.А. Муромцев и Ф.А. Головин были председателями первых двух Государственных дум. Несмотря на то что переговоры Витте, Столыпина и некоторых других государственных деятелей с кадетами на предмет их участия в правительстве в 1905–1906 гг. не принесли реальных результатов, сам факт их проведения говорил о том, что власть уже начинала относиться к Партии народной свободы (так называли себя кадеты с 1906 г.) как к возможному политическому партнеру. Нельзя не отметить и тот факт, что министерские портфели не были для кадетских лидеров предметом такого торга, где успех достигается ценой отказа от своих принципов. Поэтому кадеты выдвинули такие условия своего участия в правительстве, которые оказались неприемлемыми для правящих «верхов», и тем самым спасли свое лицо как оппозиционной партии.

Вместе с тем претензии кадетов на гегемонию в освободительном движении России и на контроль над массовым сознанием оказались явно необоснованными, ибо «своей», «народной» партией рабочие и крестьяне их никогда не считали, относя к числу не заслуживающих доверия «господских» политических организаций. Драма российского либерализма состояла в том, что в расколотом, поляризованном обществе роль посредников между властью и народом, которую хотели играть кадеты, была обречена на провал, и судьба кадетов как политической партии доказала это самым недвусмысленным образом.

Еще меньших успехов добились консервативные либералы в лице «Союза 17 октября» (партии октябристов), хотя по своей численности они даже превосходили кадетов, насчитывая примерно 75 тыс. человек²⁴. Наиболее активно за объединение правых либералов, пытавшихся синтезировать славянофильские идеи русской самобытности, сильной монархической власти и некоторые реформаторские новации западного толка (признание необходимости созыва представительного учреждения, введения демократических свобод, регулирования отношений между трудом и капиталом, облегчения положения крестьян) выступали часть земских дворянских кругов, некоторые торгово-промышленные (главным образом московские) деятели, чиновная интеллигенция, профессура, крупные военные чины, адвокаты и т.д. В 1906 г. к октябристам перешли многие члены Торгово-промышленной партии и Партии мирного

обновления, тогда как часть левых октябристов, наоборот, ушла в ряды последней. Согласно уставу, в партию октябристов могли входить коллективно все организации и отдельные лица, выступающие за укрепление в России провозглашенных 17 октября 1905 г. начал думской монархии.

Как и кадеты, октябристы были по преимуществу городской партией. В составе их ЦК абсолютно преобладали дворяне и потомственные почетные граждане (купечество и интеллигенция). И хотя октябристы, в отличие от кадетов, не могли похвастаться наличием в своих рядах такого букета ярких, известных на всю Россию имен, но и среди них было немало незаурядных и перспективных политиков. Земскую ветвь движения представляли Д.Н. Шипов, граф П.А. Гейден (в 1906 г. они ушли к мирнообновленцам), М.А. Стахович. Среди представителей торгово-промышленных кругов выделялись братья А.И. и Н.И. Гучковы (один из которых – Александр – стал лидером партии), а также братья В.П. и П.П. Рябушинские, Э.Л. Нобель, знаменитый ювелир К.Г. Фаберже и другие. Из деятелей науки и культуры можно назвать историка В.И. Герье, адвоката Н.Ф. Плевако, юриста Н.С. Таганцева.

Октябристы выступали за целостность Российской империи (автономия допускалась только для Финляндии) и сохранение монархии с равноправными Государственной думой и Государственным советом. Выборы в Думу должны были быть не всеобщими и не прямыми. Половину членов Государственного совета должен был назначать царь (он же назначал и смещал министров). Манифест 17 октября, по твердому убеждению октябристов, должен был стать пределом уступок самодержавной власти обществу, причем за царем должен был обязательно сохраняться титул самодержца. Тем не менее самодержавная власть, по мнению октябристов, вполне могла сочетаться с гражданскими свободами и равенством всех подданных царя перед законом, а также с демократическим порядком судопроизводства и развитием местного самоуправления. Решение аграрного вопроса виделось октябристам в сочетании основных принципов столыпинской реформы с принудительным отчуждением части помещичьих земель за справедливое вознаграждение. Рабочим октябристы обещали свободу экономических стачек и профсоюзов, государственное страхование, создание арбитражных органов для разрешения трудовых конфликтов. Декларировалось также всеобщее начальное образование, введение прогрессивного подоходного налога и т.д.²⁵

Таким образом, октябристы твердо стояли на позициях самой умеренной оппозиционности по отношению к власти, поддерживали все ее начинания, резко осуждали декабрьские вооруженные восстания 1905 г., Выборгский манифест части депутатов I Думы, одобряли роспуск II Думы и новый избирательный закон 1907 г.

Подобная проправительственная политика стоила октябристам поражения на выборах в I Думу (всего 16 мандатов). Во II Думе, на выборах в которую они блокировались даже с «черносотенцами», их фракция выросла до 43 депутатов. Однако «звездный час» октябристов наступил только в постреволюционной III Думе, где их лидеры – Н.А. Хомяков и А.И. Гучков последовательно заняли, наконец, и председательское кресло.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что в итоговых оценках российских либералов начала XX в. историки вряд ли придут когда-нибудь даже к подобию консенсуса. Одни будут считать их слишком законопослушными и сговорчивыми с властью, другие – наоборот, слишком радикальными и «социальными» в своих программных лозунгах и тактике. Однако в реальных условиях России того времени качественно иного либерализма в нашей стране быть не могло: это определялось остротой социальных конфликтов, неконструктивной и близорукой политикой царского правительства и ультра-радикализмом социалистических партий. Эти же факторы обусловили и историческое поражение российского либерализма, довершенное репрессиями советской власти после октября 1917 г.

Социалистические партии

К моменту начала революции социалисты уже имели свои партийные организации, которые на протяжении нескольких лет готовили этот взрыв и сразу же включились в руководство революционным процессом.

Социал-демократы сумели преодолеть в ходе революции раскол своей партии на большевистскую и меньшевистскую фракции, чему во многом способствовала и захватившая меньшевиков в 1905 г. революционная эйфория, а также стремление пролетарских масс к единству собственных рядов и рядов своей партии. Правда, достигнутое на IV съезде РСДРП весной 1906 г. единство не было полным и органичным, поскольку в позициях большевиков и меньшевиков, в их стратегии и тактике были слишком серьезные различия, вытекавшие из разного видения ситуации в России и разного понимания ближайших и более отдаленных задач партии. Тем не менее объединение большевиков и меньшевиков, несмотря на сохранявшиеся и даже усиливавшиеся в 1906–1907 гг. разногласия между ними, позволило им более активно влиять на ход общественно-политической жизни в стране, в частности, на выборы депутатов Государственной думы и руководство профессиональными союзами.

Положительно сказался на росте влияния РСДРП на массы и тот факт, что в 1906 г. в РСДРП влились польские, литовские, латышские социал-демократы и члены еврейского Бунда. В итоге к концу революции, когда происходил очередной, V съезд РСДРП (весна

1907 г.), в марксистской партии было не менее 150–170 тыс. членов, в том числе примерно 58 тыс. большевиков и 45 тыс. меньшевиков. Самыми крупными социал-демократическими организациями были петербургская и московская (в них весной 1907 г. было около 16,5 тыс. членов). А всего в период революции социал-демократические организации действовали в 79 губернских и 312 уездных городах и 160 – в сельской местности²⁶.

Социальный состав большевиков и меньшевиков был примерно одинаков: рабочие, интеллигенты, студенты, служащие и совсем немного крестьян. Обе фракции включали в себя представителей самых разных национальностей, проживавших на территории России. Интересны уникальные данные мандатной комиссии V съезда РСДРП о его делегатах, хотя нужно иметь в виду, что состав партийного форума отнюдь не был зеркальным отражением состава всей партии в целом. Среди большевистских делегатов русских было почти 80%, а евреев – 11%. Рабочие составляли 36%, интеллигенты – 27%, служащие – 11% и т.д. Высшее образование имели 20%, среднее – 32%, начальное – 37%. А вот как выглядят соответствующие данные о делегатах-меньшевиках. Их национальный состав был гораздо более пестрым: русских – 34%, грузин – 29%, евреев – 23% и т.д. Рабочие от станка составляли 32%, столько же было и интеллигентов. Высшее образование имели 13%, среднее – 47%, начальное – 36%. Средний возраст делегата-меньшевика был равен 28 годам. Интересно отметить, что профессиональных революционеров, занимавшихся только партийной работой, у меньшевиков было даже больше (22%), чем у большевиков (17%)²⁷.

Главные различия между членами двух фракций РСДРП следует искать, однако, не в их национальности, социальном происхождении и профессии, а в сфере психологии и ментальности. Большевики были тверже, последовательнее в своих действиях, смелее, дисциплинированнее, но в то же время прямолинейнее, нетерпеливее, самоувереннее, фанатичнее. Меньшевиков отличали большая осторожность и осмотрительность, склонность к колебаниям и компромиссам в сочетании с повышенной амбициозностью и нервозностью, неприятием любого авторитаризма. Большевики придавали большее значение насилию, конспирации, часто руководствовались принципом «цель оправдывает средства». Меньшевики острее реагировали на аморальность, нарушения демократии, любые проявления односторонности и примитивизма в мышлении.

Большевики синтезировали марксизм с русским радикализмом и бунтарством, тогда как меньшевики старались соединить учение Маркса с некоторыми либеральными ценностями. Последователи Ленина не уставали клясться именем Маркса, но готовы были пожертвовать марксистскими догмами ради достижения своих целей, главной из которых был скорейший приход к власти. Меньшевики

были более привержены букве марксизма, хотя не могли не понимать, что полностью применить его к специфическим условиям России невозможно. Почти религиозное отношение большевиков и меньшевиков к наследию Маркса и Энгельса не мешало им пропагандировать лишь те его положения, которые отвечали их собственным политическим пристрастиям, как бы не замечая того, что в работах «классиков» могли находить аргументы в свою пользу и их оппоненты.

В итоге у большевиков и меньшевиков были две разные концепции российской революции и соответственно две стратегические и тактические линии, которых они придерживались в своей практической революционной деятельности. И большевики, и меньшевики считали революцию 1905–1907 гг. буржуазно-демократической и главную роль в ней отводили пролетариату. Но дальше начинались принципиальные расхождения в оценке движущих сил, границ и перспектив развития революционного процесса. Для большевиков это была рабоче-крестьянская в своей основе революция, причем пролетариату отводилась в ней роль застрельщика и основной физической силы движения, а РСДРП – идеолога и организатора всех антиправительственных выступлений. Главным методом борьбы объявлялось при этом революционное насилие, а результатом победы народного восстания должно было стать установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и участие социал-демократии во всех органах новой власти сверху донизу. Привлекала большевиков и идея непрерывной революции, принявшая у Ленина форму теории перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую как часть мировой пролетарской революции.

Меньшевики считали, что сила начавшейся революции – в ее общенациональном размахе, в участии в ней не только демократических, но и либерально-оппозиционных сил, которые должны были бы в идеале даже возглавить борьбу с самодержавием. При этом, в отличие от большевиков, меньшевики не верили в возможность прочного союза пролетариата и крестьянства и были убеждены, что в случае победы революции власть должна будет перейти к буржуазии. Социал-демократии они отводили в будущей буржуазной республике роль крайней левой оппозиции, категорически отрицая возможность участия РСДРП в новом правительстве. После неудачи декабрьских восстаний 1905 г. меньшевики возлагали все свои надежды на легальные методы политической борьбы, и прежде всего на Государственную думу. Отдав некоторую дань увлечению идеей перманентной революции в интерпретации Парвуса–Троцкого, меньшевики затем решительно отказались от всяких попыток углубления революции в направлении к социализму. Если большевики стремились осуществлять тактику «левого блока», т.е.

совместных действий всех демократических сил (без буржуазии), то меньшевики выступали за единство всех «живых сил» нации (включая либеральную буржуазию), хотя на практике такие призывы выглядели явной утопией.

Деятельность социал-демократов в период революции была насыщенной и многогранной: они многократно усилили свою агитационно-пропагандистскую работу в демократической среде, руководили забастовочным движением, вели работу в вооруженных силах, вышли на парламентскую арену. Без РСДРП невозможно представить себе те вооруженные восстания, которые происходили в России в 1905–1906 гг., работу первых Советов рабочих депутатов и профсоюзов. Политическая школа, пройденная РСДРП в годы Первой российской революции, во многом подготовила рабочую партию к событиям 1917 г.

Признанным лидером большевиков был В.И. Ленин. Рядом с ним в годы революции работали талантливый инженер европейского уровня и размаха Л.Б. Красин, врач по образованию, оригинальный философ и писатель-фантаст А.А. Богданов, яркие партийные публицисты А.В. Луначарский и В.В. Воровский. В большевистской фракции РСДРП были и крупные практики революционного дела – С.А. Тер-Петросян (Камо), С.И. Гусев, братья И.С. и Э.С. Кадомцевы, З.Я. Литвин-Седой, М.В. Фрунзе и другие. В социал-демократической фракции II Государственной думы выделялся большевик Г.А. Алексинский, позднее порвавший с Лениным. Руководителями меньшевиков, наряду с ветеранами социал-демократического движения Г.В. Плехановым (занимавшим в ряде вопросов центристскую позицию) и П.Б. Аксельродом, в годы революции были душа и совесть фракции Ю.О. Мартов, талантливые публицисты А.Н. Потресов, А.С. Мартынов, Ф.И. Дан, организаторы практики В.Н. Крохмаль, П.Н. Колокольников, В.Н. Розанов и другие. В Государственной думе активно работали Н.Н. Жордания и И.Г. Церетели. Вне фракции был Л.Д. Троцкий, который приобрел известность как один из авторов теории «перманентной» революции и фактический лидер Петербургского совета рабочих депутатов в 1905 г. Но главная сила социал-демократов заключалась в наличии у них сильного среднего партийного звена (революционно-го «офицерского корпуса»), которое обеспечивало оперативное выполнение всех партийных директив.

Ближайшей задачей РСДРП в революции 1905–1907 гг. были свержение самодержавного строя, установление демократической республики и предоставление всем гражданам свободы слова, печати, собраний, союзов и т.д. Не покушаясь пока прямо на основы буржуазного строя, социал-демократы стремились сделать российский капитализм более цивилизованным, ликвидировав все пережитки крепостнической эпохи и упорядочив с помощью государст-

венного вмешательства отношения между трудом и капиталом. Большое место в социал-демократической программе-минимум занимал целый блок требований по рабочему вопросу (введение 8-часового рабочего дня, государственного страхования рабочих и т.д.). РСДРП готова была поддержать борьбу крестьян за передачу им всех казенных, удельных, церковных и частновладельческих земель без какого-либо выкупа. При этом большевики выступали за национализацию всей земли, тогда как меньшевики предлагали комбинированную систему, сочетающую национализацию части земель и муниципализацию бывших помещичьих владений, т.е. передачу их в распоряжение органов местного самоуправления (отсюда и само название «муниципализация») для последующей сдачи в аренду крестьянам. Были и социал-демократы, которые являлись сторонниками раздела земли в собственность крестьян. Победила на IV съезде РСДРП в 1906 г., где принималась новая редакция аграрной программы партии, точка зрения меньшевиков, хотя их план был малопонятен крестьянам и не пользовалась их поддержкой, а большевики принимали ее лишь в порядке партийной дисциплины.

В области межнациональных отношений РСДРП выступала за предоставление всем нациям, населявшим Россию, права на самоопределение, т.е. самостоятельное решение своей судьбы, либо оставаясь при этом в рамках единого многонационального государства, либо выйдя из него и образовав собственное национальное государство (последний вариант считался крайней мерой, к которой следовало прибегать лишь в исключительных случаях). Всем нациям обеспечивалось право пользоваться родным языком и развития своей национальной культуры.

Если не считать аграрного вопроса, то все остальные разделы партийной программы принимались в 1905–1907 гг. обеими фракциями РСДРП.

В целом же, несмотря на поражение революции, РСДРП зарекомендовала себя в 1905–1907 гг. как одна из самых влиятельных политических сил тогдашней России, без которой революция, вероятно, приобрела бы несколько иные контуры, а завоевания народа выглядели бы намного скромнее.

Главным соперником (и вместе с тем союзником) РСДРП в революционном процессе с начала XX в. была партия социалистов-революционеров. В глазах царского правительства она являлась самой опасной и агрессивной революционной организацией, от которой всегда можно было ожидать террористических актов, подрывной агитации в армии и на флоте и организации «разбойничьих» крестьянских гнезд в сельской глубинке. Не случайно эсеры понесли во время революции самые тяжелые потери: 15 тыс. членов ПСР были заключены в тюрьмы и отправлены в ссылку, около 300 эсеров казнены²⁸.

За годы революции численность эсеровской партии выросла в несколько десятков раз и превысила 60 тыс. человек, уступая в революционном лагере лишь численности социал-демократов. Эсеровские организации существовали в 48 губерниях и 254 уездах (в основном в Европейской России), а количество сельских организаций и групп ПСР превышало 2 тыс. Эсеры вербовали своих сторонников среди радикально настроенной интеллигенции, студентов, учащейся молодежи, рабочих, крестьян, мещан, привлекая их романтикой революционного подвига, подвижничеством во имя народного блага и социальной справедливости. Обработка имеющихся в распоряжении историков данных о социальном составе 21 губернской эсеровской организации показала, что в них было более 40% рабочих, 45% крестьян и солдат, более 10% интеллигентов, студентов и учащихся²⁹. При этом в ЦК ПСР абсолютно преобладала партийная интеллигенция.

Наибольшим авторитетом в эсеровских кругах пользовался главный идеолог и теоретик партии, сын бывшего крепостного, выбившегося затем в дворяне, В.М. Чернов – талантливый публицист и прекрасный оратор, не обладавший, однако, организаторскими способностями и личной харизмой. Способными организаторами были бывший народоволец М.А. Натансон, М.Р. Гоц, Г.А. Гершуни, старая народница Е.К. Брешко-Брешковская, один из руководителей террористов Б.В. Савинков (известный и своим литературным талантом). Злым гением партии стал провокатор Евно Азеф, разоблаченный уже после Первой российской революции.

По своему революционному темпераменту эсеры были близки анархистам и большевикам. Это были люди действия, сильной воли, самоотверженных поступков, хотя для многих из них был характерен известный авантюризм и склонность к «вспышкопускательству». К террору эсеры относились как к средству дезорганизации правительственных сил, «возбуждения» общества и привлечения в ряды партии радикально настроенной молодежи. В партии была создана немногочисленная, но совершенно уникальная по подбору кадров центральная Боевая организация³⁰. Кроме того, террористические акты совершались и местными эсеровскими группами. На счету эсеровских боевиков в период революции были убийства вел. кн. Сергея Романова, самарского губернатора И.Л. Блока, командующего Черноморским флотом адмирала Г.П. Чухнина и других. Всего в 1905–1907 гг. эсерами и эсерами-максималистами было совершено более 250 террористических актов³¹. При этом эсеры смотрели на террор как на крайнюю, вынужденную и морально угнетающую многих из них меру, совершенно прекратив его в период работы I Государственной думы, чтобы не мешать наметившейся тогда известной разрядке политической напряженности в стране, и полностью распустив свою Боевую организацию в ноябре 1906 г.

Основные направления революционной работы эсеров и социал-демократов совпадали. ПСР реально соперничала с РСДРП в области военно-боевой работы и явно опережала социал-демократов по масштабам работы в деревне, сделав серьезную заявку на превращение в главную крестьянскую партию России. Если социал-демократы с большим трудом вписывались в беспартийные демократические организации, не скрывая своего желания прибрать их к рукам и навязать свою программу, то эсеры успешно вели работу во Всероссийском крестьянском союзе, Всероссийском железнодорожном союзе, Почтово-телеграфном союзе, Союзе учителей и других подобных организациях. Осваивали они и думскую арену политической борьбы. Неприятным сюрпризом для РСДРП был успех эсеров на выборах во II Думу по рабочей курии. Правда, они сумели взять верх над социал-демократами только на первой стадии выборов (выборы уполномоченных), да и то далеко не везде, но сам факт подобной победы говорили о том, что рабочих не устраивает постоянная борьба между большевиками и меньшевиками, а недавним выходцам из деревни явно импонировала эсеровская программа социализации земли, апеллировавшая к общинно-уравнительным настроениям основной массы крестьянства.

Участвовали эсеры и в работе первых Советов рабочих депутатов, и в деятельности профсоюзов. В столичном Совете рабочих депутатов было 92 эсера, в Московском – 21. Эсеры пользовались также влиянием в Екатеринославском, Николаевском, Одесском, Саратовском, Севастопольском, Харьковском, Новороссийском и некоторых других Советах. Что касается Таганрогского совета, то его председателем был эсер Б.Н. Оловягин³².

Эсеровская модель демократических преобразований в России была оформлена в программе ПСР, после длительных дискуссий окончательно принятой I съездом партии на рубеже 1905–1906 гг. Социально-политическая программа эсеров была во многом близка к программе социал-демократов. Но была у них и существенная разница: эсеры гораздо больше думали об отдельно взятой человеческой личности, ее правах и гарантиях развития заложенных в ней способностей, тогда как социал-демократы больше оперировали такими обобщенными понятиями, как класс и массы. Если социал-демократы были типичными «государственниками», рассматривая государственную власть как мощный рычаг политических, социальных и культурных преобразований, то эсеры уделяли гораздо больше внимания развитию общественного самоуправления в рамках сельской общины, трудового индустриального коллектива, профессиональной или национальной группы. Решая аграрный вопрос, они выступали за объявление всей земли общенародным достоянием, отмену ее купли-продажи и уравнительный раздел между всеми, кто желает ее обрабатывать собственным трудом («социализация

земли»). Будущую демократическую Россию эсеры видели как свободное федеративное содружество всех живущих в ней равноправных наций, тогда как социал-демократы оставались сторонниками унитарного государства с отдельными элементами автономии. За всеми нациями, по крайней мере теоретически, признавалось право на самоопределение, но о праве на отделение и создание собственного государства в программе ПСР, как и в программе РСДРП, не упоминалось.

Отказавшись от идеи некапиталистического развития России, которой увлекались народники XIX в., эсеры тем не менее искали пути к сокращению издержек приобщения своей крестьянской страны к западной цивилизации, выступая за сохранение крестьянской общины, развитие кооперации, а затем за плавный и безболезненный переход к коллективному ведению сельского хозяйства. Характерно, что если социал-демократы, следуя марксистской доктрине, не мыслили себе переход России к социализму без диктатуры пролетариата, споря лишь о мере ограничений демократии в переходный период, то в программе ПСР «временная революционная диктатура» рабочего класса (под ним эсеры подразумевали рабочих, трудовое крестьянство и революционно-социалистическую интеллигенцию) предусматривалась лишь «в случае необходимости», что означало признание возможности не только революционного, но и эволюционного пути перехода от режима народовластия к социализму³³.

Характерно, что неонародничество, как и социал-демократия, не избежало в начале XX в. идейно-организационного раскола. В 1906 г. оформилась небольшая партия народных социалистов (энесов), ставшая наследницей легального народничества конца XIX в. и отрицавшая революционные методы демократизации России и последующего перехода ее к социализму. В том же году оформился и Союз эсеров-максималистов, насчитывавший не более 2–2,5 тыс. членов³⁴. Это была ультрарадикальная революционная организация, стремившаяся придать происходившей в России демократической революции непосредственно социалистический характер за счет социализации не только земли, но и промышленных предприятий. Увлечение террористическими акциями и экспроприаторством роднило эсеров-максималистов с анархистами.

В настоящей работе мы не рассматривали подробно деятельность анархических организаций, в которых в 1905–1907 гг. насчитывалось не более 5 тыс. членов³⁵. Это и не удивительно, если учесть, что российская ментальность базировалась на гипертрофированных представлениях об определяющей роли государства в жизни общества и что российская демократия уже пережила закончившийся глубоким разочарованием период увлечения анархистскими идеалами на народническом этапе освободительного движе-

ния. Анархисты начала XX в. значительно уступали по численности своим западным товарищам и вербовали сторонников в основном из молодых маргиналов в низших слоях населения, хотя идеологами движения были, наоборот, настоящие интеллектуалы (кн. П.А. Кропоткин, возглавлявший движение анархо-коммунизма; поэты С.М. Городецкий и В.И. Иванов, проповедовавшие анархо-индивидуализм, и другие). Анархистские группы действовали в Петербурге, Белостоке, Одессе, Варшаве, Лодзи, Екатеринославе и некоторых других местах. Они «прославились» в основном террористическими актами и экспроприациями (с них начинал в 1906 г. свою деятельность и Нестор Махно). Но участвовали анархисты совместно с другими революционными партиями и организациями и в отрядах революционной самообороны от «черносотенцев», в боях с правительственными войсками во время вооруженных восстаний в декабре 1905 г. Были случаи, когда к анархистам переходили разочаровавшиеся в недостаточно активных действиях своих партий члены РСДРП и ПСР, а также эсеры-максималисты. Однако, несмотря на то что в 1906–1907 гг. наметилась тенденция к активизации деятельности анархистских организаций и, в частности, анархо-синдикалистов, делавших ставку на развитие профсоюзного движения, серьезного влияния на политическую жизнь страны в период революции они все же не оказали. Тем более что создать единую организацию всероссийского масштаба анархисты так и не смогли, распадаясь на ряд отдельных течений («безначальцы», «чернознаменцы», «безмотивники», «хлебовольцы»).

Подводя итог, можно сказать, что, несмотря на отмеченные выше издержки процесса партийного строительства в годы Первой российской революции, он стал важным показателем дальнейшего продвижения России по пути ее модернизации и создания основ гражданского общества. Вместе с тем партийно-политическая система в том виде, в каком она сложилась в нашей стране в 1905–1907 гг., отличалась неоправданной громоздкостью, рыхлостью, многократным дублированием одних и тех же или чрезвычайно близких друг к другу партийных течений. Обнаружился также значительный дисбаланс между деструктивным и конструктивным потенциалами программы и политической практики центристских и левых партий: они были очень сильны в критике власти, тогда как их позитивная платформа была явно неадекватна низкому уровню развития российского капитализма, общей и политической культуры основной массы населения, количеству наличных кадров, способных эффективно заниматься реформированием страны. Не менее очевидный разрыв существовал между во многом демагогической риторикой партийных лидеров и наличием серьезного научного обоснования их планов и лозунгов, нередко носивших откровенно популистский характер. Кроме того, в явный пассив полити-

ческой системы России следует занести то, что вплоть до 1917 г. ни одна из возникших в то время в России партий не прошла испытания властью и не приобрела опыта конструктивной государственной деятельности. Все это говорило о том, что история политических партий России в 1905–1907 гг. фактически еще только началась и не могла не получить продолжение.

Революция и рабочий класс

Главной пружиной революционного процесса в 1905–1907 гг. была борьба рабочего класса за улучшение условий своей жизни и труда, за политическую свободу для себя и всего народа. Это был невиданный еще в истории колоссальный выброс социальной энергии нескольких миллионов людей, которые демонстративно отказывались от работы на прежних условиях, чтобы все поняли: жить по-старому они больше не хотят. И поскольку именно от рабочих зависели функционирование промышленных предприятий и транспортных артерий страны, а во многом порядок в городах и отчасти в деревне, забастовочное движение пролетариата стало тем фактором, который во многом определял и показания политического барометра, и экономическую конъюнктуру в охваченной революционным кризисом России. Неслучайно за настроениями рабочих пристально следили и власти, и торгово-промышленные круги, и иностранные дипломаты, и политические партии, каждая из которых, будь то социал-демократы, эсеры, кадеты или «черносотенцы», стремилась подчинить их своему влиянию и использовать в качестве орудия для достижения поставленных ими целей.

Даже далеко не полная статистика стачек 1905–1907 гг. на предприятиях, подведомственных фабричной инспекции, производит сильное впечатление. В 1905 г. было зарегистрировано почти 14 тыс. стачек, в которых участвовали 2 863 тыс. рабочих. По фабричным округам они распределялись довольно неравномерно в зависимости от индустриального потенциала отдельных районов страны, силы сопротивления торгово-промышленных кругов натиску рабочих, масштабов агитации и контрагитации политических партий, размаха профсоюзного движения и т.д. Наиболее высокие показатели стачечного движения (количество стачечников в тыс.) дали в 1905 г.:

Петербургский округ	– 1,033
в том числе Петербургская губ.	– 628
Лифляндская губ.	– 269
Варшавский округ	– 887
Московский округ	– 540
в том числе Московская губ.	– 277
Владимирская губ.	– 155
Харьковский округ	– 218
в том числе Бакинская губ.	– 51
Харьковская губ.	– 45

В 1906 г. число забастовщиков сократилось до 1 108 тыс., причем на первое место вышел Варшавский округ, который дал почти половину участников стачечного движения. На втором месте оказался Петербургский округ (чуть более 300 тыс.), на третьем – Московский (170 тыс.). Наконец, за первые пять месяцев 1907 г. (до роспуска II Думы, с которым принято связывать формальное окончание революции) в стачках участвовали 448 тыс. рабочих, а за весь 1907 г. – 740 тыс. При этом лидером вновь оказался Петербургский округ, вторым был Московский, а третье и четвертое места поделили Варшавский и Харьковский округа³⁶.

Таким образом, всего в период революции, по данным фабричной инспекции, бастовали 4 420 тыс. рабочих (с учетом данных за весь 1907 г. – 4 712 тыс.). При этом в 1905 г. наиболее активны были рабочие-металлисты и железнодорожники, в 1906 г. – текстильщики, которые позже металлистов вступили в борьбу, но зато сохранили после первого года революции больше энергии, а в 1907 г. – снова металлисты, подтвердившие свою роль наиболее продвинутого в социально-политическом отношении отряда пролетариата.

К сожалению, до сих пор не проведена еще в масштабах всей страны работа по корректировке и дополнению данных фабричной инспекции за 1905–1907 гг., хотя историки ряда регионов (Сибирь, Украина, Белоруссия) сделали в этом направлении ряд плодотворных попыток. Показателем того, насколько велика разница между цифрами фабричной инспекции и показателями борьбы всех категорий индустриальных рабочих, включая железнодорожников, строителей, горняков и т.д., являются расчеты историка А.С. Амальрика, который пришел к выводу, что только в 1905 г. в Европейской России с учетом повторных стачек бастовали 5 млн. рабочих³⁷ (против 2,8 млн., по подсчетам В.Е. Варзара). Это дает определенные основания предположить, что в реальной действительности в 1905–1907 гг. бастовали примерно 8–10 млн. рабочих – цифра поистине феноменальная, позволяющая лучше понять восторг лидера большевиков Ленина, заявившего, что стачки 1905–1907 гг. в России «представляют из себя явление, невиданное в мире»³⁸. Для сравнения приведем данные о масштабах забастовочного движения в 1905–1907 гг. в ряде западных стран: США – 1,2 млн человек (вместе с локаутированными рабочими), Германия – 1,2 млн., Италия – 1 млн, Франция – 0,8 млн, Австро-Венгрия – 0,6 млн., Англия (вместе с локаутированными) – 0,46 млн³⁹.

О масштабах того «стаечного взрыва», который произошел в России в 1905 г., дает представление тот факт, что забастовками были охвачены тогда более 90% предприятий, подчиненных надзору фабричной инспекции. При этом никогда еще ни в самой России, ни в других странах не наблюдалось столь ярко выраженной политической окраски рабочего движения: в 1905 г. политические тре-

бования выдвигали около 50% забастовщиков, в 1906 г. – около 60%, а в 1907 г. – более 70%⁴⁰.

Каковы же были результаты этой беспрецедентной по своим масштабам борьбы? Начнем с того, что в 1905–1906 гг. полной или частичной победой закончились стачки с участием около 70% бастовавших рабочих (в том числе полного удовлетворения своих требований добились около половины из них), а в 1907 г. – более 40%⁴¹, хотя в России продолжалась экономическая депрессия, которая никак не располагала предпринимателей к уступкам рабочим. Наиболее распространенными требованиями бастующих были увеличение заработной платы (его добивался почти каждый пятый стачечник) и сокращение продолжительности рабочего дня. И результаты борьбы говорят сами за себя: если в 1904 г. средний годовой заработок фабрично-заводского рабочего Европейской России составлял примерно 214, а в 1905 г. – 206 руб. (это снижение объяснялось огромным количеством «потерянных» во время забастовок рабочих дней), то в 1906 г. он поднялся до 232 руб., а в 1907 г. – до 258 руб.⁴² (позже фабричная инспекция уточнила последнюю цифру, снизив ее до 241 руб.⁴³). Это означало, что рост заработной платы на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции, составил с 1904 по 1907 г. около 12,6%. Конечно, не нужно сбрасывать со счетов и некоторую индексацию заработной платы в связи с ростом цен на продукты питания и промышленные товары (в Петербурге, например, он составил в 1904–1907 гг. не менее 13%, а в Москве – почти 10%)⁴⁴. Однако совершенно очевидно, что главным фактором, определявшим рост номинальной заработной платы, было все же протестное движение рабочих и неспособность властей и буржуазии справиться с ним одними репрессивными мерами.

Рост заработков рабочих в отдельных районах страны происходил неравномерно: сказывались различия в исходном уровне заработной платы в предреволюционный период, степень интенсивности стачечной борьбы, уровень цен на продукты питания, степень сплоченности предпринимателей. Так, в Петербургской губернии заработная плата выросла в 1907 г. по сравнению с 1904 г. примерно на 4%, в Лифляндской (с центром в Риге) – на 9%, во Владимирской – на 24,5%, в Московской – на 17%. Примечательно, что во многих районах особенно интенсивно заработная плата росла в 1906 г., когда впервые сказались результаты борьбы рабочих в 1905 г. В Петербургской губернии она увеличилась почти на 30%, в Варшавской – более чем на 70%, во Владимирской – на 18%⁴⁵.

Заработки горнопромышленных рабочих, по сообщению горных инженеров, увеличилась за 1906 г. по сравнению с 1905 г. на 10–20%⁴⁶, а бакинских нефтяников (с учетом наградных и квартирных) за 1903–1907 гг. – на 64,5%⁴⁷. Железнодорожные рабочие и служащие добились в 1907 г. увеличения заработной платы по срав-

нению с 1904 г. в среднем на 12%⁴⁸. У сельскохозяйственных рабочих номинальные заработки выросли в 1906 г. по сравнению с 1905 г. на 11,1%, в том числе в Юго-Западном крае – на 18,7%, в Литве – на 17,8%, в Белоруссии – на 10,7 и т.д.⁴⁹.

У читателя не должно, однако, создаваться превратное представление, будто стачечная борьба приносила рабочим одну только выгоду. Ведь за простой станков во время стачки они не получали ничего (исключение составляли лишь некоторые стачки политического характера, особенно в октябре 1905 г., когда забастовочные дни отдельные оппозиционно настроенные предприниматели засчитывали за рабочие). Проблема выживания рабочих и их семей во время стачек решалась за счет скудных семейных сбережений, помощи деревенских родственников, случайных заработков, временного отъезда в сельскую местность (чаще всего на родину), а главное – за счет сокращения и без того ограниченных потребностей.

Что касается реальной заработной платы рабочих, то здесь существуют лишь сугубо ориентировочные расчеты специалистов, позволяющие сделать вывод об относительной стабильности ее уровня в начале XX в. с некоторым понижением в годы кризисов и депрессии за счет роста безработицы и повышения цен на предметы первой необходимости. При этом годовые колебания реальной заработной платы в 1905–1907 гг. составляли, по мнению академика С.Г. Струмилина, лишь несколько процентов (рост в 1906 г. и снижение в 1905 и 1907 гг.)⁵⁰. Тем отчетливее выступает роль рабочих как борцов не только за собственные материальные интересы, но и за свободу для всего народа.

Под влиянием забастовочного движения значительно сократились размеры и количество налагаемых на них штрафов: если в 1904 г. на каждых сто рабочих приходился 231 штраф, то в 1905 г. – 152, в 1906 г. – 139, а в 1907 г. – 158. Средняя сумма штрафов в расчете на одного рабочего, по данным фабричной инспекции, снизилась с 42,5 коп. в 1904 г. до 25 коп. в 1905 г., 22,1 коп. – в 1906 г. и 25,9 коп. – в 1907 г.⁵¹.

Многочисленные рабочие и в борьбе за сокращение продолжительности рабочего дня, которая составляла после революции в среднем 50–60 час. в неделю по сравнению с 75 час. в конце XIX в. На большинстве предприятий рабочий день равнялся теперь 9–10 час. в сутки. В текстильной промышленности он был сокращен до 9 час. при двухсменной и до 10–12½ час. при односменной работе, в металлообработке колебался от 8 до 10½ час., а на сахарных заводах вместо двух смен по 12 час. были введены три смены по 8 час. каждая⁵².

Ярким показателем успехов пролетариата явились коллективные договоры рабочих с предпринимателями. В 1905–1907 гг. их было заключено не менее 24⁵³. Коллективные договоры фиксиро-

вали минимум заработной платы и порядок ее выдачи, продолжительность рабочего дня, праздничного и воскресного отдыха. В некоторых случаях в договоры включались пункты об оплачиваемых ежегодных отпусках, праздновании 1 Мая, 8-часовом рабочем дне, пособиях по болезни, отмене сверхурочного труда. Вместе с тем нельзя не отметить, что в годы революции царизм и буржуазия не пошли на уступки рабочим в очень важном для них вопросе о социальном страховании, который оставался в стадии обсуждения вплоть до 1912 г. Многие уступки рабочим были взяты назад, как только волна революционного движения пошла на спад. Но, несмотря на это, первая российская революция принесла с собой несомненный сдвиг в политическом и экономическом положении рабочих, заставила считаться с ними и власти, и буржуазию.

Определенные изменения произошли в социально-политическом и культурном облике рабочих. Бурно шел процесс политизации пролетариата. Росла рабочая прослойка в рядах РСДРП, многие пролетарии потянулись в годы революции к эсерам, а некоторые примкнули к кадетам и «черносотенцам». Принципиально новым явлением в жизни рабочего класса, а вместе с ним и всей страны стало рождение в 1905 г. первых Советов рабочих депутатов как новой формы демократических организаций, выросших из обычных стачечных комитетов и пришедших затем к выполнению властных функций в масштабах отдельных городов и промышленных поселков. Несмотря на недостаток общей и политической культуры и отсутствие опыта в решении крупных общественных вопросов, члены Советов подкупали своим искренним желанием служить интересам народа, бескорыстием, здравым смыслом, чувством социальной справедливости, интернационализмом.

Как показали исследования историков, в 1905 г. возникло более 50 общегородских, поселковых и фабрично-заводских Советов рабочих (а также рабочих и крестьянских, рабочих и солдатских, рабочих, солдатских и матросских) депутатов⁵⁴. Преобладали в них рабочие (из 1700 депутатов 31 Совета – 77%), но были и депутаты от служащих, интеллигенции, студентов, солдат, крестьян и т.д.⁵⁵. Известно, что большевики в 1905 г. пользовались преобладающим влиянием в 44 Советах, меньшевики – в 10, эсеры – в одном⁵⁶.

Трудно переоценить и значение того факта, что в Государственной думе появились первые рабочие депутаты, простым, бесхитростным языком говорившие о положении рабочих и их требованиях. В I Думе особенно выделялся украинский рабочий депутат М.И. Михайличенко, во II Думе – большевик Н.А. Жиделев, хотя главными ораторами, естественно, были социал-демократические депутаты-интеллигенты.

Но самой массовой пролетарской организацией в период революции стали профессиональные союзы, без которых невозможно

представить себе сегодня жизнь ни одного цивилизованного государства. Профсоюзы возникли в России намного позже, чем на Западе, где процесс их оформления, как известно, определил возникновение социалистических партий, причем между ними изначально сложилось своеобразное разделение функций: профсоюзы возглавляли только экономическую борьбу рабочих, тогда как социалисты занимались по преимуществу политикой. В нашей стране партийное строительство на несколько лет обогнало профессиональную консолидацию рабочих, в результате чего социалисты руководили не только политической, но и экономической борьбой трудящихся, а профсоюзы участвовали и во многих политических акциях. Вот почему российские профсоюзы, будучи не такими многочисленными и крепкими в финансовом отношении, как западные, значительно превосходили последние в качестве субъектов общественно-политической жизни страны.

Всего в 1905 г. промышленные, транспортные и строительные рабочие создали, по подсчетам специалистов, 481 профсоюз в 142 населенных пунктах страны, а к концу революции в России было уже свыше 1350 профсоюзов, распределявшихся по регионам следующим образом⁵⁷:

Район, губерния, город	Количество профсоюзов	Число членов
Петербургская губ.	46	54 215
в том числе Петербург	36	52 960
Центральный промышленный район	188	78 407
в том числе Владимирская губ.	26	11 605
Московская губ.	73	52 598
в том числе Москва	37	46 708
Центральный земледельческий район	28	2265
Северный район	28	1905
Западный район	165	17 919
Польша	245	107 410
Поволжье	61	9603
Урал	24	4529
Южный район	266	40 485
в том числе Екатеринославская губ.	52	10 635
Киевская губ.	42	5431
Таврическая губ.	66	3075
Херсонская губ.	42	17 597
Северный Кавказ	42	3856
Закавказье	38	8183
Казахстан и Средняя Азия	20	2230
Сибирь и Дальний Восток	41	2248
Всего	1192	332 701

Кроме того, 94 профсоюза (20 тыс. членов) существовали на транспорте и 69 (18,9 тыс. членов) – в строительстве. В 1907 г. профсоюзы существовали в 353 населенных пунктах страны. Крупнейшими профсоюзными центрами были Петербург и Москва.

Как правило, среди членов профсоюзов преобладали представители более молодых по возрасту, грамотных и в основном уже порвавших связи с сельским хозяйством рабочих средней квалификации. За рамками союзов оставались такие полярные группы пролетариата, как мастера и другие представители низшей фабрично-заводской администрации (их сознательно не принимали в союзы) и наиболее отсталые рабочие, материальное положение и культурный уровень которых были ниже среднего. Что касается наиболее высокооплачиваемых рабочих, то многие из них сами предпочитали профсоюзам общества и кассы взаимопомощи, где не было «политики».

Состояние источников, к сожалению, не позволяет получить сколько-нибудь полную информацию о партийно-политической ориентации большинства профсоюзов, а сами профсоюзные лидеры предпочитали не афишировать свою принадлежность к революционным партиям. Можно лишь определенно сказать, что в профсоюзах социал-демократы были сильнее эсеров, влияние которых распространялось в основном на союзы рабочих мелкой промышленности и те категории рабочих, которые были прочнее связаны с деревней (булочники, портные, строители, текстильщики).

Шедшие в авангарде революции металлисты дали в 1907 г. четверть всех членов профсоюзов, текстильщики – около 20%, рабочие пищевкусовой промышленности – 10% и т.д. Средний процент профессионально организованных промышленных рабочих составлял в России около 6%. Для сравнения укажем, что к 1904 г. профсоюзы объединяли в Англии 33% рабочих, а в Германии – 27%. Во Франции в 1913 г. в профсоюзы входило всего 6–7% рабочих, в США – не более 5–6%⁵⁸.

Сравнительно невысокий процент охваченных профсоюзами рабочих России объяснялся рядом факторов: правительство искусственно тормозило процесс организационного оформления союзов; агитацию против них вели «черносотенные» элементы, не останавливавшиеся перед применением террора, чтобы запугать рабочих и не допустить их вступления в профсоюзные организации; часть рабочих еще не понимала значения профессиональной организации и той пользы, которую она могла принести пролетариату в отстаивании его жизненных интересов. Определенную, хотя и не решающую роль играло тяжелое материальное положение многих рабочих, которым трудно было платить членские взносы. Сказывался и недостаток опыта у самих организаторов первых союзов. Тем не менее успехи профсоюзного движения в 1905–1907 гг. свидетельст-

вовали о том, что эта форма классовой организации прочно вошла в жизнь рабочих и остановить развитие профессионального движения было уже невозможно.

Происходили изменения и в моральном облике более сознательной и грамотной части рабочих. Они начинали открыто осуждать хищения с предприятий готовых изделий и сырья, которые не были тогда редкостью в пролетарской среде, а также хулиганство, унижение человеческого достоинства женщины, доносы и штрейкбрехерство. По всей стране на многих крупных предприятиях осенью 1905 г. был объявлен бойкот винной монополии, выразившийся в том, что рабочие отказывались покупать вино и водку. Это решение было вызвано, с одной стороны, стремлением рабочих усилить финансовый кризис правительства (в государственном бюджете значительную долю доходной части составляли поступления от винной монополии), а с другой – их искренним убеждением в том, что революция несовместима с такими социальными пороками, как пьянство и хулиганство. Первыми решили бойкотировать винную монополию рабочие Путиловского завода. Решение путиловцев вызвало широкий отклик рабочих в Петербурге и других городах страны.

Поистине поразительна была тяга многих рабочих к знаниям, книге. Они посещали лекции, широкое распространение получило коллективное чтение рабочими газет и политической литературы.

У рабочих просыпались чувство собственного достоинства, сознание силы и значимости своего класса как творца большинства материальных ценностей. Очень показательно, как мотивировали в 1905 г. требование 8-часового рабочего дня иваново-вознесенские ткачи: «Нам хочется жить по-человечески, – говорили они. – ведь пора же и нам вооружиться гордостью и твердостью. Пора и нам быть сознательными людьми. А семья? Разве нам не нужно воспитывать детей? Разве мы не достойны жить, наслаждаться семейным очагом? Нам нужен 8-часовой рабочий день, как воздух, как пища»⁵⁹.

Не переоценивая масштабы всех этих позитивных изменений в социально-политическом и культурном облике российского пролетариата в годы революции, нельзя не признать, что события 1905–1907 гг. стали важной вехой в процессе его классовой самодентификации, многому научили рабочих, сделали их более смелыми и настойчивыми в борьбе за свои права.

Выход на общественную арену крестьянской демократии

Революцию 1905–1907 гг. в России часто называют крестьянской, поскольку обострение аграрного вопроса было одной из ее главных причин, а крестьянское движение – весомой частью революционного процесса. В отличие от стачечного движения пролета-

риата, статистические показатели которого собирались фабричной инспекцией еще по горячим следам событий, а затем дополнялись и уточнялись в работах большого отряда советских историков, видевших в этом своего рода партийно-государственный заказ науке, с крестьянскими выступлениями дело обстоит и обстоит сейчас гораздо сложнее. Сбор материалов о нем представляет собой очень трудоемкий процесс, требующий коллективных усилий многих специалистов, составления хроники крестьянских выступлений за годы революции, единой методики обработки источников и интерпретации фактов. По всем этим показателям историки-аграрники значительно уступают историкам рабочего движения, хотя и последние долгое время изучали протестное движение пролетариата довольно односторонне, а сейчас эта работа вообще практически свернута.

В советской историографии сводные данные о количестве крестьянских выступлений в 1905–1907 гг. периодически росли. Если в 1920-х годах С.М. Дубровским и Б.Б. Граве по данным центральных государственных архивов и прессы были учтены 6730 крестьянских выступлений в период Первой российской революции⁶⁰, то в последние десятилетия XX в. эти показатели, с учетом новых данных, увеличились примерно в 4 раза, причем есть основания полагать, что и они остаются неполными. Что же касается количества их участников, то оно вообще не поддается сколько-нибудь точному определению.

Последние по времени суммарные подсчеты крестьянских выступлений в годы Первой российской революции выглядят следующим образом⁶¹:

Районы	Количество выступлений
Украина	6808
Среднее Поволжье	5595
Черноземный Центр	3389
Прибалтика (Литва, Латвия, Эстония)	2401
Сев. Кавказ	1822
Белоруссия	1638
Сибирь	1269
Промышленный Центр	1170
Всего	25823

Сразу же оговоримся, что использовать эти данные довольно затруднительно: остаются неясными параметры самого понятия «крестьянские выступления», нет их разбивки по годам. Перед нами лишь сумма данных, взятых без каких-либо попыток их проверки из работ разных исследователей, каждый из которых мог применять собственную методику подсчетов.

Можно привести и еще одни, менее полные, но более дифференцированные подсчеты числа крестьянских выступлений в 1905–1907 гг.⁶²:

	1905	1906	1907	Итого
Европейская Россия	9595	6556	2104	18255
Сев. Кавказ	652	916	299	1867
Сибирь	417	671	181	1269
Всего	10664	8143	2584	21391
Нераспределенные по годам				5163
Всего				21904

В любом случае совершенно очевидно, что феномен крестьянского движения 1905–1907 гг. весьма внушителен и не может быть никакого сомнения в том, что крестьянство было второй по значимости после пролетариата движущей силой революции. Его главным врагом в 1905–1907 гг. были помещики, застарелая ненависть к которым объединяла все социальные слои деревни от самых бедных до самых богатых. В итоге на долю антипомещичьих выступлений приходилось до трех четвертей всех крестьянских волнений в период революции, хотя были уже и выступления против своих более зажиточных односельчан, которые советская историография относила к так называемой второй социальной войне в деревне⁶³.

Формы крестьянского протеста были очень разнообразны и варьировались в диапазоне от элементарного воровства и хулиганства до вооруженного сопротивления царским войскам и полиции. В душе крестьянина, который прежде всего был великим тружеником, боролись два начала – унаследованная от крепостной эпохи покорность и стихийное бунтарство. С одной стороны, в его социальном поведении были очень сильны элементы терпения, страха, забитости. С другой – налицо были страшная бедность и явная неприязнь и даже ненависть к большинству дворян-землевладельцев, которые вызывали у крестьян сначала глухой ропот, потом толкали их на составление разного рода жалоб и прошений и, наконец, заставляли браться за топоры и вилы. На этой основе и рождались совершенно поразительные по неожиданности и скорости переходы крестьян от слепой покорности к знаменитому «русскому бунту», от надежд на Бога, царя и Государственную думу – к поджогам, захватам помещичьего имущества и земли, защите революционных агитаторов от полиции и вооруженному отпору силам порядка. В итоге, по оценке Ленина, *«меньшая часть крестьянства действительно боролась, хоть сколько-нибудь организуясь для этой цели, и совсем небольшая часть поднималась с оружием в руках на истребление своих врагов»*⁶⁴.

Источники отмечают многочисленные случаи захвата крестьянами в самых различных районах страны помещичьих земель и лугов, хищение зерна, порубки леса. Последние приняли настолько массовый характер, что счет их шел в некоторых районах на десятки тысяч в год⁶⁵. Универсальным средством борьбы с помещиками

стали поджоги и разгромы имений, уничтожение господского сельскохозяйственного инвентаря. Особенно бурно антипомещичье погромное движение шло на юге Украины, в Черноземном Центре, Поволжье, Прибалтике. Если МВД сообщало о 2 тыс. разгромленных в 1905 г. усадеб, то современные историки увеличили эту цифру до 3 и даже 4 тыс. за весь период революции⁶⁶. Заметим, что при этом сильно пострадали имения представителей титулованной дворянской аристократии (Воронцовых-Дашковых, Шаховских, Щербатовых, Мусиных-Пушкиных, Апраксиных, Урусовых и других). Разгром многих усадеб нанес значительный ущерб культурному потенциалу страны, поскольку крестьяне уничтожали и произведения искусства, библиотеки и т.д.

Как уже говорилось выше, в период революции широкое распространение получили стачки сельскохозяйственных рабочих, арендные забастовки с предъявлением крестьянами владельцам имений собственных условий аренды их земель. Крестьяне бойкотировали своевременную уплату налогов и сборов, отказывались от несения военной службы.

В крестьянском движении 1905–1907 гг., бесспорно, как и прежде, преобладал элемент стихийности. Однако именно события 1905 г. дали немало примеров организованности крестьян, действовавших продуманно, по заранее намеченному плану и обязательно «всем миром», чтобы связать всех жителей той или иной деревни или даже нескольких деревень общей ответственностью за антипомещичьи акции. В ряде случаев крестьяне доходили до создания коллегиальных руководящих органов своих протестных выступлений и образования локальных самоуправляющихся «республик», где устанавливались особые порядки, соответствовавшие желаниям крестьян. Показателен в этом отношении принятый 31 октября 1905 г. крестьянами 6 деревень Волоколамского уезда Московской губернии (Марковская «республика») «Приговор», в котором были требования: 1) прямых и всеобщих выборов депутатов Государственной думы, причем от каждого уезда там должно было быть не менее одного представителя; 2) предоставления Думе всей полноты законодательной власти в стране, подотчетности ей министров и т.д.; 3) отмены сословного строя; 4) введения свободы слова, собраний, союзов и т.д.; 5) бесплатного обучения всех детей школьного возраста; 6) полной амнистии по политическим делам. Земельный вопрос подлежал решению в духе платформы Всероссийского крестьянского союза путем передачи крестьянам казенных, удельных, монастырских земель и частичного отчуждения земель частновладельческих с компенсацией их владельцам за счет государства по «справедливой», но не рыночной оценке⁶⁷. Характерно, что Марковская «республика» продержалась до июля 1906 г. и только после роспуска I Думы властям удалось арестовать ее руководителей и

еще более 300 крестьян и восстановить в уезде прежний порядок.

Ярким примером крестьянской «республики» были села Царевщина и Старый Буян Самарской губернии (ноябрь 1905 г.), где демократическая власть продержалась около двух недель. Ряд таких «республик» возник в 1905 г. в Грузии. В более скромных масштабах выборные крестьянские комитеты действовали и во многих других губерниях, хотя их существование, как правило, было кратковременным и заканчивалось обычно арестами руководителей и возвращением старых порядков. При этом в период подъема революции при крестьянских комитетах в деревнях даже стали возникать вооруженные дружины, защищавшие местных крестьян от царских карательных отрядов и являвшиеся ударной силой антипомещичьего движения.

Годы революции стали временем массовой политизации крестьянства, которое потянулось к газетам и с интересом слушало приезжих агитаторов, представлявших самые различные политические партии. Большой популярностью в деревне пользовался Всероссийский крестьянский союз⁶⁸, имевший разветвленную сеть местных организаций и довольно радикальную программу, в которой не было, правда, требования республики (вопрос о государственном устройстве страны после победы революции оставался в ней открытым), но зато аграрный вопрос решался в пользу дополнительного наделения крестьян землей не только за счет государства и Церкви, но и за счет помещиков. Однако судьба ВКС была довольно трагичной: после кратковременного взлета в 1905 г. он в результате правительственных репрессий к концу революции фактически на 10 лет сошел с общественно-политической арены, так и не превратившись в настоящую крестьянскую партию. Активную и достаточно успешную работу в украинской деревне вела примыкавшая к меньшевикам «Спилка», а в Латвии – латышские социал-демократы. Слабо еще исследована деятельность эсеровской партии, создававшей в деревне так называемые крестьянские «братства», которые привлекали часть крестьян ориентацией на вооруженную борьбу с властями. Особенно много их было в Поволжье. Вели революционную работу в деревне и большевики, хотя основные их силы были сосредоточены в промышленных центрах.

Яркую страницу в историю формирования крестьянской демократии в России внесла в 1906–1907 гг. депутатская Трудовая группа Государственной думы⁶⁹. Программа трудовиков в I Думе (май 1906 г.), составленная при участии эсеров и энесов, включала требования установления народовластия (практически речь шла о республике), введения всеобщего избирательного права, ликвидации помещичьего землевладения, отмены частной собственности на землю и уравнительного крестьянского землепользования, 8-часового рабочего дня на промышленных предприятиях и т.д. В июле

1906 г. после роспуска I Думы трудовики призвали народ к вооруженному восстанию, а армию – к поддержке рабочих и крестьян. Насчитывая в своем составе в двух первых Государственных думах более 100 депутатов, постепенно освобождаясь от кадетского влияния и эволюционируя к союзу с рабочими депутатами, трудовики оказали немалое влияние на крестьянские массы путем активной внедумской работы. Они выдвинули из своей среды ряд ярких фигур крестьян-демократов (А.Ф. Аладьин, С.В. Аникин, С.И. Бондарев, И.В. Жилкин, Г.К. Ульянов и другие), пользовавшихся большим авторитетом в крестьянских массах.

Ярким свидетельством роста революционных и оппозиционных настроений в крестьянской среде стали достаточно широко практиковавшиеся на селе, особенно в последние месяцы 1905 г. и в 1906–1907 гг., митинги и демонстрации с участием членов революционных партий, членов ВКС, рабочих. Они имели большое значение для роста политического сознания крестьянских масс, часто сопровождались столкновениями их участников с силами порядка, арестами ораторов и агитаторов и последующими действиями крестьян по их освобождению. Можно привести бесконечное количество сообщений о тайных сходках, митингах, шествиях крестьян, которые проходили на протяжении всего периода революции в самых разных районах империи. Многие из них были приурочены в 1905–1907 гг. к празднованию дня 1 Мая. Примерами эффективности крестьянских митингов могут служить кампании, проведенные в ноябре 1905 г. в Нижегородской губернии против предполагаемого назначения местным губернатором известного реакционера, родственника Столыпина Д.Б. Нейгардта и осенью 1906 г. на Ставропольщине в защиту арестованного депутата I Думы Ф.М. Онипко. Обе кампании закончились фактически победой крестьян: назначение Нейгардта было отменено, а наказание Онипко суд смягчил.

Были случаи, когда митинги собирали тысячи крестьян и продолжались по многу часов. Демонстрации сопровождались обычно пением революционных песен и проходили под красными флагами. Среди лозунгов демонстрантов были иногда даже такие радикальные призывы, как «Долой самодержавие!», «Да здравствует социализм!».

На этом фоне довольно странно выглядят появившиеся в последние годы в исторической литературе утверждения о том, что крестьянское движение 1905–1907 гг. не носило якобы революционного характера. «Борьба крестьянских поземельных общин за сохранение традиционного уклада деревенской жизни и его распространение вширь... при сохранении у крестьян самодержавно-монархического идеала государственного устройства не может считаться революционной» – читаем мы в одной из последних работ по аграрной истории России начала XX в.⁷⁰. Признавая тем не менее крестьянские выступления 1905–1907 гг. гражданской войной, ee

автор, О.Г. Вронский считает, однако, неплодотворными поиски здесь правых и виноватых, не оправдывая, в частности, и столыпинскую аграрную политику правительства. Что касается столыпинской реформы, то она представляется ему единственно возможным, безальтернативным вариантом решения аграрно-крестьянского вопроса. При этом утверждается, что сохранение неограниченного самодержавия якобы было тогда в России единственной гарантией перехода к гражданскому обществу правовым, эволюционным путем⁷¹, поскольку революция лишь открывала дорогу хаосу и анархии. В итоге за крестьянским движением 1905–1907 гг. признается лишь оппозиционный по отношению к власти характер⁷².

Главным критерием революционности того или иного общественного движения является степень его радикализма в противоборстве с существующим социальным и политическим строем, находящая выражение в лозунгах, под которыми оно разворачивается, и практических массовых действиях его участников. Приведенные в настоящей работе факты крестьянских восстаний, партизанской войны, создания крестьянских «республик», применения военной силы против бунтующих крестьян и жестокой расправы с ними говорят сами за себя и действительно могут быть охарактеризованы как гражданская война, т.е. как революция. Правда, нам могут возразить, что не вполне корректно судить о массовом движении лишь по его высшим формам, что крестьянство в 1905–1907 гг. в общем и целом предпочитало все же мирные формы разрешения своего векового конфликта с помещиками и стоявшим на страже их интересов государством, что оно больше жаловалось и просило, чем требовало и бунтовало. Поэтому имеет смысл внимательно присмотреться к требованиям крестьян, вошедшим в их вполне «законные» приговоры и наказания, составлявшимся при участии революционных агитаторов и активистов ВКС, но принимавшимся на сельских сходах отнюдь не «вслепую» и, безусловно, отражавшим взгляды их участников.

Анализ крестьянских приговоров и наказов по 16 центральным губерниям России показывает, что главными требованиями крестьян были конфискация всех помещичьих, казенных, удельных, монастырских, церковных земель, отмена частной собственности на землю и передача ее в распоряжение всего народа⁷³. Речь шла, таким образом, о радикальном перераспределении земельной собственности в масштабах всей страны, что, несомненно, означало бы революцию в поземельных отношениях независимо от того, произошло бы это насильственным путем «снизу» или по указу власти «сверху», на что наивно надеялось еще большинство крестьян. Недаром против любых проектов «принудительного отчуждения» помещичьих земель выступали и Николай II⁷⁴, и «Объединенное дворянство», хорошо понимавшие далеко идущие последствия такого шага.

На майском (1906 г.) съезде уполномоченных дворянских обществ 29 губерний России были приняты «Основные положения по аграрному вопросу», где подчеркивалось, что «если право собственности на землю будет уничтожено, то это будет лишь первым шагом к уничтожению права собственности на все основные виды имущества... т.е. к социалистическому строю». Далее в этом документе, носившем программный характер, перечислялись все беды, которые последуют за экспроприацией помещичьих земель: понижение благосостояния самих крестьян, сокращение сельскохозяйственного производства, гражданская война в деревне⁷⁵. Таким образом, налицо было полное и бескомпромиссное расхождение позиций крестьянства, с одной стороны, и помещиков и государства – с другой, причем последние рассматривали крестьянский подход к решению аграрного вопроса как сугубо революционный по самой своей сути, проводя прямые аналогии между революциями в России, Франции или Германии.

Нельзя не обратить внимание и на то, что из 660 подвергнутых контент-анализу крестьянских приговоров и наказов почти $\frac{2}{3}$ содержали требования отмены частной собственности на землю⁷⁶, а выкуп помещичьей земли допускался лишь в 3%⁷⁷. Характерно и другое: хотя приговоры и указы крестьян носили характер просьб и пожеланий, обращенных к власти, в 46 документах (7%) прозвучало заявление, что, если землю народу не отдадут, он возьмет ее сам, а еще в 143 (21%) выражалась готовность крестьян бороться за осуществление своих требований⁷⁸.

Среди общеполитических требований крестьян, нашедших отражение в их наказах и приговорах, следует выделить такие радикальные меры, как уничтожение сословий и сословных привилегий (238 раз), полная амнистия политзаключенным (238), созыв Учредительного собрания (125), введение всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании (199). А вот надежды на царя возлагались только в 14 наказах и приговорах⁷⁹.

Но может быть, передача всех помещичьих земель общине (а в центральных губерниях России она еще была в начале XX в., по существу, единственной формой совместной жизни, а частично и трудовой деятельности крестьян) действительно лишь архаизировала бы аграрный сектор экономики и еще больше затормозила бы его капиталистическую эволюцию? Справедливости ради надо сказать, что научно обоснованного ответа на этот вопрос нет и быть не может, ибо данная ситуация остается чисто гипотетической вследствие поражения революции. Напомним лишь, что революционные партии, в руки которых перешла бы власть в случае свержения самодержавия, готовы были направить развитие деревни в кооперативное русло, не дробить «образцовые» крупные помещичьи хозяйства и оказать крестьянству помощь в подъеме агрикультуры

и рационализации их хозяйства. Такие меры трудно ассоциировать с архаизацией аграрных отношений и консервацией в России отсталости и «азиатчины», чего так боятся современные сторонники столыпинского варианта решения крестьянского вопроса в России. Но если даже допустить, что революционная власть ограничилась бы в 1905–1907 гг. в деревне лишь прирезкой каждому крестьянскому двору нескольких десятин земли за счет помещиков, государства и Церкви (рассчитывать не большее при существовавшем тогда балансе различных форм земельной собственности не приходилось), сохранив при этом по желанию крестьян общинный строй их жизни, то и в этом случае остановить развитие товарно-денежных отношений в деревне, процесс ее социального расслоения и роста рядов сельской буржуазии, с одной стороны, и батрачества – с другой, было бы невозможно. Более того, освобождение крестьянства от власти старых общинных порядков (а это обязательно произошло бы в случае победы революции), по всей видимости, даже ускорило бы данный процесс.

В итоге можно констатировать, что в 1905–1907 гг. российское крестьянство в общем и целом не поддержало самодержавный строй, важным элементом которого были дворянские привилегии и помещичье землевладение, хотя и сохраняло определенный пиетет в отношении правящей династии. Игра в крестьянский цезаризм, которую вели Николай II и его правительство, дала лишь частичный эффект и не позволила сохранить старый порядок в прежнем, неурезанном виде. Тенденция к союзу рабочих и крестьян, основанная на их генетическом родстве, близости социального статуса и материального положения, а частично и на общности политических интересов, стала в годы Первой российской революции реальностью, хотя и не приобрела прочных, устойчивых форм во всероссийском масштабе. Влияние города на деревню вообще и пролетариата на крестьянство в частности было бесспорным и непрерывно росло, но говорить о сознательном подчинении крестьянских масс социал-демократическому руководству или об их слепом подражании примеру городских рабочих, конечно, нельзя.

Сказанное выше не дает оснований отрицать революционный по своей объективной сути характер крестьянского движения в 1905–1907 гг. Вопрос заключался, однако, в том, сумеет ли крестьянство в дальнейшем обрести желанную самостоятельность, организованность и необходимый политический опыт или будет лишь использовано другими, более динамичными, сплоченными и активными силами в их собственных, далеко не во всем совпадающих с крестьянскими целях. Забегая вперед, скажем, что после 1917 г. судьба российского крестьянства, к сожалению, складывалась именно по второму из этих сценариев.

Консолидация и политизация российской буржуазии

«Правительство самым широким и щедрым образом поддерживает и поощряет крупную промышленность и этим самым приучает промышленную буржуазию к политическому смирению, убивает в ней стремление к политическому переустройству страны»⁸⁰, – так характеризовал политику самодержавия в отношении торгово-промышленного класса в пореформенный период один из первых историков российской буржуазии. И с этой оценкой нельзя не согласиться. В интересах экономического развития страны абсолютистский режим допускал объединение предпринимателей в рамках представительных и совещательных структур, однако уровень их компетенции был жестко ограничен вопросами хозяйственной политики. При этом инициативу подготовки любых преобразований в экономической области правительство неизменно сохраняло за собой. Оценивая экономическую систему, созданную Витте, петербургские руководители Совета съездов представителей промышленности и торговли в подготовленном в 1910 г. докладе «Устои и стремления русской промышленности и торговли» весьма критически отзывались о политике Министерства финансов, несмотря на достигнутый в 1890-е годы значительный экономический рост. «Искусственность экономического развития страны в 90-х годах заключалась прежде всего в необычайном поспрании народной самодеятельности. Все нити народного хозяйства сходились в кабинете министра финансов: без его соизволения и даже указания ничего нельзя было предпринять. Власть и вмешательство чиновника становились все более невыносимыми»⁸¹.

Заинтересованность в скорейшей хозяйственной модернизации после унижительного поражения в Крымской войне побудила российское самодержавие к поощрению индустриального прогресса страны, стремившейся остаться в списке великих держав. С этой целью вводились протекционистские таможенные тарифы, создавалась необходимая транспортная и кредитная инфраструктура (сеть железных дорог и банковских учреждений). Но дворянско-чиновничий режим не собирался делиться правом контроля за экономической жизнью страны с носителями новых, буржуазных отношений. Используя представителей делового мира в качестве экспертов, царизм в то же время детально регламентировал условия и пределы частнопредпринимательской инициативы в экономической области.

В 1860–1870-х годах предпринимательские круги, в особенности московские, находились под идейным влиянием славянофильства. Думается, что это увлечение было обусловлено атмосферой национального подъема и поиска национальной идентичности первых пореформенных десятилетий. Национальная компонента, столь близкая буржуазии, выросшей на почве борьбы с иностранной конку-

ренцией под защитой правительственного протекционизма, и в дальнейшем являлась существенной составляющей менталитета российских предпринимателей. Однако в начале XX в. среди лидеров отечественного бизнеса начинают пользоваться популярностью идеалы западного конституционно-парламентского государственного устройства, хотя полоса земско-либерального движения 1890-х годов под лозунгом «увенчания здания реформ» обошла предпринимательский мир стороной. В 1896 г., когда в связи с началом царствования Николая II либеральное движение, как известно, заметно активизировалось, состоялся Всероссийский торгово-промышленный съезд в Нижнем Новгороде, на котором политические мотивы вообще не звучали. «На съезде, – сообщали в Петербург, – не было и не могло быть вопроса о путях, которыми правительство идет к благу страны, ибо русские люди привыкли верить в мудрость и справедливость монарха и его правительства»⁸².

Тем не менее предприниматели не остались в стороне от проведенной в ноябре–декабре 1904 г. либералами банкетной кампании. Голосами либерально настроенных предпринимателей-гласных было принято известное заявление московской городской Думы от 30 ноября 1904 г., которое содержало требования демократических свобод и установления контроля общественных сил «над законностью действий администрации». Именно тогда наметилась поляризация настроений в деловой среде: подписать упомянутое выше заявление, явно выходившее за пределы компетенции городского самоуправления, отказался председатель Биржевого комитета Н.А. Найденов, покинувший заседание вместе с другими консервативно настроенными гласными. В правительственных кругах заявление московской Думы было отвергнуто, но зато поддержано московской общественностью⁸³.

Как раз в то время в Москве формировалась группа национальной буржуазии во главе с П.П. Рябушинским, которая стала олицетворением новых, глубоко национальных и близких к либерализму тенденций в российской торгово-промышленной элите. Молодое, более образованное, динамичное и смелое поколение московского делового мира наиболее рельефно отразило процесс консолидации и самоидентификации российских буржуазных кругов, который активно шел в начале XX в. Так отечественная буржуазия обрела наконец способных и энергичных лидеров, готовых возглавить борьбу за выход своего класса на авансцену общественно-политической жизни страны. «Молодые» были убеждены, что наступивший XX век должен стать в истории России веком «третьего сословия», которому пора занять подобающее место и в государственном управлении. Их кредо стал «буржуазизм» – система взглядов, в основе которой лежала вера в творческие возможности своего класса, неприятие изжившей себя самодержавной монархии и идея патерналист-

ского единения «хозяина» и «работника». От политического сна буржуазия окончательно очнулась в 1905 г., когда зашаталась устои самодержавной власти и казавшийся прежде «неприкасаемым» вопрос о государственном строе страны стал предметом оживленных дискуссий и столкновения различных общественных сил. Однако вследствие жесткого контроля со стороны власти российская буржуазия подошла к революции, не имея ни единой представительной организации в масштабах всей страны, ни политической партии, которая могла бы выражать общие интересы этого быстро набравшего силу общественного слоя.

Драматические события начала 1905 г. в громадной степени ускорили политическое самоопределение предпринимательского мира и вызвали острую конфронтацию его консервативного и либерального крыльев. 14 января 1905 г. гласные московской городской Думы, в составе которой преобладали представители делового мира, выступили с обращением к власти о допущении мирных стачек протеста против петербургской бойни, однако Московский биржевой комитет дезавуировал его как «не выражающее мнения промышленного сословия». Тем не менее гласные Думы, среди которых было немало известных предпринимателей (С.Т. Морозов, П.П. Рябушинский, Н.И. Гучков и другие) вновь призвали не применять войска против участников стачек протеста против «Кровавого воскресенья». Московские фабриканты решительно отмежевывались от карательной политики царской администрации, склонной любое выступление рабочих рассматривать как бунт. «Существующие способы действий против рабочих при возникновении забастовок, часто сопровождаемые убийством и увечьем ни в чем не повинных людей, — настаивали они, — ввергают население в панику и создают условия, препятствующие мирному труду... Вместе с тем они неминуемо ведут к обострению отношений между предпринимателями и рабочими, взваливающими на своих хозяев вину за происшедшие несчастья»⁸⁴.

Лидеры торгово-промышленной Москвы отнюдь не отвергали мирные стачки как форму протеста против устроенной властями бойни. Тем более не вызывало у них возражений содержание петиции, которую рабочие несли царю 9 января. Они предлагали городской Думе ходатайствовать «перед высшим правительством: 1) о пересмотре существующих законоположений о стачках в смысле предоставления рабочим права стачек, не сопровождающихся насилием и разграблением имущества; 2) о предоставлении рабочим, при непременно условии распространения такого порядка на всех русских граждан, права собраний и союзов, обеспеченного гарантиями прочного правопорядка»⁸⁵.

Однако правительство смотрело на проблему совершенно иначе. Не собираясь обсуждать политическую сторону вопроса о «га-

рантиях прочного правопорядка», оно полагало, что недовольных своим тяжелым положением рабочих удастся умиротворить за счет хозяев. 24 января министр финансов В.Н. Коковцов на специально созванном совещании призвал промышленников пойти на уступки рабочим, полагая, что этим удастся сбить волну стачечного движения в стране.

Настроения московских деловых кругов отразила «Программная записка» по рабочему вопросу, составленная С.Т. Морозовым в ответ на обращение Коковцова. В ней содержалось пять общеполитических требований, удовлетворение которых помогло бы разрешить «рабочий вопрос» и обеспечить индустриальный прогресс России: «равноправность всех и каждого перед прочным законом, полная неприкосновенность личности и жилища, свобода слова и печати, введение всеобщего обязательного школьного обучения, участие представителей всех классов населения, в том числе избранных промышленниками и рабочими, в выработке законодательных норм». По существу, это была либеральная программа, созвучная идеологии земско-либерального движения⁸⁶.

Тем временем в связи с рескриптом Булыгину от 18 февраля 1905 г. в Московском биржевом комитете по инициативе Н.А. Найденова был подготовлен адрес о желательности привлечения представителей общества «к работе в области государственной деятельности». Либеральное по духу заявление сопровождалось, впрочем, традиционным заверением в том, что «лишь под верховным водительством самодержавной власти возможно сохранение мощи и целостности России и ее дальнейшее преуспевание». В ходе заседаний комиссии Коковцова весной 1905 г. предпринимателями было отчетливо сформулировано требование о реформе политического строя. В ответ на призыв сбить волну недовольства экономическими уступками глава московской группы руководитель Московского купеческого банка Г.А. Крестовников заявил, что «необходимы политические реформы как единственное средство, способное внести умиротворение в крайне возбужденное состояние всех классов», связанное с только что произошедшей цусимской катастрофой⁸⁷.

Радикализация предпринимательских кругов стала особенно заметна в связи с подготовкой к созыву Государственной думы. Внимание деловых кругов концентрировалось на задаче обеспечения своего «самостоятельного представительства» в будущей Думе. Опубликование в конце июня проекта «Учреждение Государственной думы» послужило поводом для созыва 4 июля торгово-промышленного съезда. На нем произошел окончательный разрыв между консерваторами во главе с председателем Московского биржевого комитета Найденовым и «молодыми» (П.П. Рябушинский, А.С. Вишняков, С.И. Четвериков и другие). Их призывы к введению конституционного строя вызвали негативную реакцию у пра-

вой части собрания. Под тем предлогом, что съезд уклоняется от намеченной повестки дня (в ней значился только вопрос об участии промышленников в будущей Думе), Найденов покинул собрание, а помещение, где проходил съезд, было опечатано по распоряжению градоначальника. Однако либеральные промышленники продолжили заседания на частной квартире.

Объединительная тенденция все же возобладала. Она выразилась в решении о создании постоянного бюро для созыва периодических совещаний, которое возглавил М.Ф. Норпе – представитель петербургской организации железозаводчиков. В принятой на съезде программе подчеркивалось, что торгово-промышленные деятели, «не видя в существующем государственном порядке должной гарантии для своего имущества, для своей нормальной деятельности и даже для своей жизни, не могут не объединиться на политической программе с целью содействовать установлению в России прочного правопорядка и спокойного течения гражданской и экономической жизни»⁸⁸.

Для достижения этих целей предусматривалось «соединение с теми политическими партиями, содействие тем политическим стремлениям и поддержка всеми возможными средствами тех политических факторов, которые заявят себя способными к полному обновлению русской народной жизни...» Участники съезда подчеркнули необходимость перехода к западной конституционно-монархической модели правления с законодательным парламентом («устроенное по образцу конституционных государств, народное представительство должно обладать правом решающего голоса с предоставлением монарху права вето в обычной для западных государств форме»). При этом революционные методы воздействия на власть российской буржуазии были глубоко чужды. «Русские торговцы и промышленники, – отмечалось в резолюции съезда, – энергично высказываются против насильственно-революционного осуществления участия народа в государственном управлении, твердо веруя, что верховный вождь русского народа желает последнему только блага»⁸⁹.

Однако с самого начала политическое движение буржуазии оказалось в изоляции: земские либералы не воспринимали предпринимателей в качестве союзника, их депутация, собравшаяся приветствовать земцев как «соратников на поприще изыскания средств к восстановлению порядка в России мирным путем», не была принята общеземским съездом под тем формальным предлогом, что приветствия «принимаются только в письменном виде». С другой стороны, царская администрация пыталась подавить оппозиционеров из деловой среды привычными полицейскими методами (был проведен обыск на квартире Норпе с изъятием материалов июльского съезда).

Общероссийскому политическому объединению буржуазии препятствовали и разногласия между различными ее группами. «Молодые» для воздействия на «царевых слуг» устами известного суконного фабриканта Четверикова предлагали отказаться от участия в законосовещательной Думе, не приобретать облигации внутренних государственных займов и даже закрыть свои фабрики, чтобы вызвать массовое рабочее движение для давления на правительство. Правда, этот призыв не нашел отклика среди лидеров предпринимательского класса. Наиболее действенной мерой считалось широкое объединение предпринимателей в рамках очередного торгово-промышленного съезда. На нем следовало обсудить «в числе других вопросов и вопрос о борьбе с законосовещательным характером Думы»⁹⁰.

26 июля в московской либеральной газете «Русские ведомости» появилось «Письмо в редакцию», подписанное 15 фабрикантами – выборными Московского биржевого общества. Они заявили протест против принятого 8 июля Найденовым решения об одобрении законосовещательного характера Думы. «Боясь, чтобы постановление не было принято русским обществом как признак того, что наше сословие единодушно держится подобных взглядов», подписавшие письмо со всей определенностью высказались за Думу законодательную. В случае реализации булыгинского проекта, подчеркивали они, «народные представители не будут иметь дело лично с царем, а с царевыми слугами, то есть с той же бюрократией, ни в чем не изменившейся, ничем не поступившейся». Законодательные права нужны были Думе прежде всего для борьбы с бюрократией, ибо в противном случае последняя могла игнорировать мнение думских депутатов. «Как и большинство русских людей, – подводился итог, – мы ныне полагаем, что самодержавие на Руси не должно отождествляться с правом царевых слуг в своих действиях не считаться с мнением и желанием народа»⁹¹.

Отчасти в результате репрессий, а главным образом в связи с опубликованием 6 августа 1905 г. известного манифеста о созыве Думы с законосовещательными функциями, идея всероссийского политического объединения буржуазии осталась неосуществленной. «Политический союз не имел видов на успех, – писал впоследствии Норпе, – и бюро решило покинуть мысль о политическом союзе и ограничиться исключительно экономической стороной единения»⁹². Если раньше группа Норпе и стоявшие за ней влиятельные петербургские круги рассчитывали использовать общероссийскую организацию предпринимателей как средство отстаивания законодательного характера Думы, то теперь она планировала объединение на чисто экономической платформе. Союз должен был стать известным противовесом булыгинской Думе, орудием для лоббирования корпоративных интересов и давления на бюрократические сферы.

После 6 августа, свидетельствовал член петербургской группы А.А. Вольский, «промышленники и торговцы охладели к политической миссии, полагая, что их дело кончилось». Петербургскими предпринимателями был подготовлен проект положения об общих съездах представителей промышленности и торговли. Организация оформилась в апреле 1906 г. под названием Совет съездов представителей промышленности и торговли, провозгласив своей целью объединение русской промышленности и торговли независимо от политических убеждений участников объединения. Создание первой в России общей экономической организации предпринимателей отразило вместе с тем неудачу их попыток выработать единую политическую платформу.

В конце концов верх взяло стремление провести в Думу как можно больше депутатов от торгово-промышленного мира и принять для этого «все меры к самому тесному единению фабрикантов, заводчиков и биржевиков». На август 1905 г. намечался второй торгово-промышленный съезд, однако его проведение власти сочли нежелательным и запретили. В конце августа состоялось совещание представителей «либеральной партии Московского биржевого общества», как ее называли в Департаменте полиции МВД. На одном из пароходов, курсировавших в районе Нижегородской ярмарки, предприниматели-либералы договорились действовать таким образом, чтобы в Думу не прошел ни один член консервативной группы Найденова. На первой же сессии нового парламента намечалось поставить на обсуждение «рабочий вопрос», причем рабочие, устраненные законом 6 августа от выборов в Думу, должны были получить право избрать своих депутатов в народное представительство.

Московских идеологов торгово-промышленного класса не покидала, однако, надежда на создание политического союза российских предпринимателей. Ознакомившись с опубликованными в газетах резолюциями майского съезда земских и городских деятелей, П.П. Рябушинский советовался со своим петербургским корреспондентом М.Ф. Норпе: «Не следовало бы и нам теперь огласить в печати о бывшем нашем съезде? Мне лично это представляется необходимым, чтобы более широкому кругу промышленников и торговцев дать должную точку опоры, чтобы они знали, куда обращаться и каких мыслей в интересах всей страны, и в частности промышленности, – понимая широко ее задачи, – следует держаться»⁹³.

Манифест 17 октября 1905 г. предпринимательские слои встретили восторженно. 18 октября после молебна в здании Московской биржи по случаю дарования конституции недавно еще столь непримиримо настроенный Четвериков даже провозгласил славу царю за то, что он «благо народа поставил выше сохранения прерогатив своей власти»⁹⁴. П.П. Рябушинский позднее так оценивал политиче-

скую эволюцию либеральной буржуазии: «До 17 октября она в громадном большинстве была настроена оппозиционно. После 17 октября, считая, что цель достигнута, буржуазия стала сторониться пролетариата, а потом перешла на сторону правительства. В результате одолело правительство, и началась реакция, сначала стыдливая, а потом откровенная»⁹⁵.

Общероссийской политической организации лидерам предпринимательского класса в период революции 1905–1907 гг. создать не удалось. Осенью 1905 г. возникло несколько региональных партий буржуазии. Ведущими среди них были Прогрессивная экономическая, Умеренно-прогрессивная, Торгово-промышленная, Всероссийский торгово-промышленный союз и Партия правового порядка.

Первой конституировалась Прогрессивная экономическая партия в Петербурге. Ядром ее являлась группа местных фабрикантов, а лидерами стали железозаводчик М.Н. Триполитов и директор Петербургского международного банка С.С. Хрулев. На собрании 31 октября Триполитов пояснил, что капиталистам не к кому примкнуть (кадеты казались слишком «левыми», а партия октябристов еще находилась в стадии зарождения) и поэтому единственным выходом является «организация своей партии для борьбы с социализмом, естественным врагом, противником того строя, который установился в начале XIX столетия». Он убеждал собравшихся в жизнеспособности чисто предпринимательского по составу союза, хотя высказывались и более осторожные суждения о желательности блока с какой-либо не столь очевидно «буржуазной» политической силой: «Если вы образуете Партию прогрессивно-экономическую или другую, то скажут, что это партия плутократов, капиталистов. Под этим флагом будет трудно что-нибудь сделать, так как капиталистов меньше, чем других»⁹⁶. Две острейшие проблемы – аграрный и рабочий вопросы – в программе партии решались на путях ликвидации общины (не затрагивая помещичьего землевладения) и законодательного ограничения рабочего времени женщин и малолетних (но не взрослых мужчин)⁹⁷. Партия являлась исключительно буржуазной по составу. Числилось в ней около 3,8 тыс. членов, на общих собраниях присутствовали обычно не более 220 человек.

В Москве по почину левой части местной буржуазии во главе с П.П. Рябушинским и Четвериковым появилась Умеренно-прогрессивная партия. «Наша программа, – говорилось в ее воззвании к избирателям, – по многим вопросам сходственна с программой кадетской партии, но по некоторым мы расходимся с ними. Мы решительно против автономии и федерации... По нашему убеждению, Россия должна быть целостным организмом. Кроме того, мы иначе относимся к некоторым вопросам рабочего законодательства. Абсолютно нельзя установить у нас 8-часовой рабочий день, иначе наши предприятия не выдержат иностранной конкуренции...» Вместе

с тем программа допускала свободу рабочих союзов, собраний и право рабочих на «мирные» стачки. Выдвигалось и аналогичное кадетскому требование увеличить крестьянское землевладение «путем отчуждения за счет государства удельных, кабинетских, монастырских и частновладельческих земель»⁹⁸. Однако «умеренные прогрессисты» не стали популярной партией в деловой среде, которая в тот период консолидировалась на более правой платформе.

Группа деятелей с Г.А. Крестовниковым во главе (он заменил умершего в конце 1905 г. Найденова на посту председателя Московского биржевого комитета) сформировала Торгово-промышленную партию. В воззвании к избирателям, подписанном 87 видными деятелями Москвы купеческой, подчеркивалось, что «новый государственный строй заставит русский народ не организованным для политической жизни. Сплоченными являются только крайние социалистические и революционные партии». Призывая «лиц правопорядка» к единению, авторы воззвания выражали уверенность, что «только на такую мощную партию будет в состоянии опереться правительство в предстоящей ему трудной прогрессивно-созидательной работе»⁹⁹. Идейними принципами партии, аналогичными программным требованиям октябризма, являлись: полное содействие правительству в проведении в жизнь новых начал, возвещенных манифестом 17 октября, и в ограждении «закономерного правопорядка», сохранении целостности России, предотвращении ее автономизации («мы не признаем возможности давать окраинам особое, опасные для целости России, права»). Кроме того, партия выступала за протекционизм в промышленной сфере; «увеличение крестьянского землевладения в тех случаях, где это является необходимым, при содействии реорганизованного Крестьянского банка»; за «установление условий труда, быта и рабочих организаций в соответствии с результатами, достигнутыми в более развитых промышленных странах»¹⁰⁰.

Специфической задачей партии считалось объединение «торгового сословия», т.е. не только хозяев, но также приказчиков и рабочих. По своему составу, однако, Торгово-промышленная партия, несмотря на все усилия расширить свою социальную базу (ее местные комитеты были созданы в 9 губерниях Центральной России), оставалась объединением крупных предпринимателей и вследствие малой численности своей была обречена на поражение в предвыборной борьбе. Нередко приказчики вступали в партию под прямым давлением работодателей и при первом удобном случае выходили из ее состава.

Если три названные партии объединяли прежде всего «верхи» делового мира, то созданный в ноябре 1905 г. в Петербурге Всероссийский союз торговли и промышленности в своей программе отразил интересы заводчиков и коммерсантов средней руки. В воззва-

нии Союза к избирателям в Думу провозглашалась важность «экономического содружества торгово-промышленных классов и их служащих» для подготовки «нормальных условий частной и общественной предприимчивости и правильной постановки в нашей стране торгового и промышленного дела». По своей политической ориентации Союз был правее кадетов. На одном из общих собраний руководитель организации И.Я. Беляев прямо заявил о невозможности блока с ними: «Кадеты требуют Учредительного собрания, нам, представителям торговли и промышленности, требования Учредительного собрания дали только колоссальные убытки. От всего освободительного движения мы видели только скверную литературу, залитую красной краской. Для торговли и промышленности в партии кадетов делать нечего»¹⁰¹. Несмотря на то что на первом общем собрании членов Союза в ноябре 1905 г. присутствовало более 700 человек, численность его затем почти не росла. Более того, в результате обострившегося в конце 1905 г. конфликта с хозяевами многие служащие торгово-промышленных фирм покинули ряды Союза, район деятельности которого ограничивался одним Петербургом.

Среди политических объединений, возникших на волне общественного подъема и отражавших интересы деловых кругов, заметное место заняла Партия правового порядка, основанная еще до обнародования манифеста 17 октября. Она представляла правое крыло либеральной оппозиции. Идеологи партии настаивали на «единстве и неделимости России» и в то же время подчеркивали, что Партия правового порядка есть партия «конституционно-монархическая». Деятельность ее направлял Центральный комитет во главе с крупным петербургским домовладельцем А.А. Тарасовым¹⁰².

Отсутствие единой политической организации, раздробленность сил ослабляли позиции предпринимательских слоев в предвыборной кампании в Думу. Открыто заявленный «буржуазный» характер их требований отталкивал основную массу избирателей, которым не обещали скорого и радикального улучшения их жизни. Ответом на эту ситуацию в преддверии выборов стало стремление предпринимательских кругов к координации своих действий на платформе октябризма. В конце ноября при петербургском отделе ЦК партии октябристов был создан Соединенный комитет делегатов с участием представителей Прогрессивной экономической партии, Всероссийского торгово-промышленного союза и Партии правового порядка, в Москве к комитету примкнули Торгово-промышленная и Умеренно-прогрессивная партии¹⁰³. В разгар вооруженного восстания в Москве октябристы, Торгово-промышленная, Умеренно-прогрессивная партии и Партия правового порядка выступили с совместным заявлением: «На улицах Москвы льется кровь исполнителей служебного долга, убийства, грабежи и пожары по всей

России, гнусные предательские нападения происходят не по воле правительства и не руками его сторонников, а революционерами и по их подстрекательству»¹⁰⁴. Прямо обвинив леворадикальные партии «во лжи и обмане народа», буржуазные политики призывали к сплочению, чтобы сохранить «единую нераздельную Русь с государем и Государственной думой».

Итоги избирательной кампании в Государственную думу весной 1906 г. оказались, против их ожиданий, крайне неутешительными: буржуазные партии провели в Думу всего 16 своих представителей из 448, из которых 13 были октябристами, двое представляли умеренных прогрессистов и один депутат числился избранным от Торгово-промышленной партии. В Петербурге и Москве – двух главных экономических центрах страны – октябристам и их союзникам не удалось провести ни одного кандидата в выборщики¹⁰⁵.

Большинство предпринимательских политических союзов после провальных выборов прекратили свое существование, частью самоликвидировавшись, частью войдя в состав партии октябристов, которая на время стала единственным выразителем интересов предпринимателей на консервативно-либеральной платформе. Буржуазия разочаровалась в перспективах получить достаточное влияние в российском парламенте, выступая только от собственного лица. «Фабриканты не верят в возможность проведения в Государственную думу представителей промышленности при настоящем избирательном законе», – заявил в печати Триполитов, мотивируя роспуск Прогрессивной экономической партии летом 1906 г. Пессимистические настроения овладели и московскими предпринимателями-политиками, склонными теперь рассматривать «Союз 17 октября» в качестве единственной политической силы, способной отстоять их интересы. Особое обаяние октябристской партии в деловых кругах придавала фигура ее лидера А.И. Гучкова, который в тот период воспринимался предпринимателями как единственный политический деятель, способный объединить торгово-промышленные слои. Неслучайно по роду занятий примерно треть членов партии октябристов (31%) была представлена деятелями отечественного предпринимательства¹⁰⁶.

Однако постепенный отход правительства Столыпина в 1906–1907 гг. от обещаний, данных обществу в манифесте 17 октября, и происходившее параллельно с этим сближение руководства октябристов с властью обусловили появление тенденции к политической радикализации части деловых кругов. В октябре 1906 г. П.П. Рябушинский принял участие в состоявшемся в Петербурге совещании части левых октябристов во главе с графом П.А. Гейденом, на котором было принято решение образовать ЦК новой партии, получившей название Партии мирного обновления. Петербургское отделение ЦК «мирнообновленцев» возглавил Гейден, Московское –

известный земец Д.Н. Шипов. Рябушинский вместе с Вишняковым обратились с официальной просьбой принять их во вновь созданную партию, занявшую промежуточную позицию между октябристами и кадетами. События октября 1906 г. явились реакцией левого крыла октябристов на политику лидера «Союза 17 октября» Гучкова, публично одоббившего введение военно-полевых судов после покушения в августе 1906 г. эсеров-максималистов на Столыпина. «Партия, – провозглашал кредо «мирнообновленцев» один из ее вождей князь Е.Н. Трубецкой, – исходит из признания безусловной ценности человеческой личности... С этой точки зрения, она безусловно осуждает всякий кровавый террор, как правительственный, так и революционный». Но приверженцы мирного обновления страны видели путь к его достижению прежде всего в строгом следовании правительства конституционным нормам, которые беззастенчиво попирались Столыпиным. «В отличие от «Союза 17 октября», – по словам Трубецкого, – она представляет собой партию непримиримо-оппозиционную по отношению ко всякому антиконституционному правительству и с этой точки зрения решительно отказывается поддерживать нынешнее министерство»¹⁰⁷.

Лидер октябристов Гучков подчеркивал, что конституционную монархию в России понимает как модель правления «с народным представительством, облеченным широкими правами в законодательстве и надзоре за управлением, но и с правительством сильным и ответственным только перед монархом, а не перед политическими партиями»¹⁰⁸. Либеральная же буржуазия устами своих московских лидеров выступала за кардинальную реформу власти, в итоге которой правительство должно было стать ответственным перед Думой. Неприятие вызывала и ставка Гучкова на блокирование аграриев и промышленников в рамках октябристской партии. Рябушинскому и деятелям его круга такой альянс представлялся исторически обреченным. «В настоящее время положение таково, – подчеркивал Рябушинский, – что на политику будет оказывать влияние или аграрный или торгово-промышленный класс... Союз аграриев с торгово-промышленным классом был бы противоестественным»¹⁰⁹.

С 11 декабря 1906 г. П.П. Рябушинский приступил к изданию газеты «Утро», которая была призвана противостоять октябристскому официозу «Голос Москвы». Газета предназначалась для широкой читающей публики, и ее тираж достигал 17 тыс. экз., т.е. был на уровне кадетской «Речи». Однако новое детище либерального предпринимателя постигла судьба «Народной газеты», которая издавалась братьями П.П. и В.П. Рябушинскими ранее, но была закрыта московских властей. В январе 1907 г. Московский цензурный комитет привлек к ответственности редактора «Утра» Н.Е. Попова за публикацию статьи «Пролог русской революции.

9 января 1905», признав, что правдиво отразившая подробности этой кровавой бойни публикация помещена «в целях возбуждения ненависти в читателях к существующему строю и к лицам, стоящим во главе правительства». Чашу терпения цензоров переполнил фельетон Т. Ардова в номере от 17 февраля 1907 г., где были намеки на покровительство со стороны «верхов» «Союзу русского народа», что ни для кого в России не было тайной. Цензурный комитет ходатайствовал о приостановке газеты как «в высшей степени революционного издания» и арестовал номер прямо в типографии¹¹⁰. В апреле 1907 г. П.П. Рябушинский в административном порядке по распоряжению генерал-губернатора был выслан из Москвы на том основании, что издававшаяся на его средства газета «Утро», несмотря на сделанные ему неоднократные предостережения, продолжала держаться «противоправительственного направления»¹¹¹. Ссылка опального миллионера-либерала продолжалась, впрочем, недолго. Уже в начале сентября 1907 г. он приступил к изданию своей третьей и получившей наибольшую известностью газеты «Утро России»¹¹².

Итак, под влиянием революционной волны 1905 г. российские предприниматели совершили резкий скачок в своем классовом самоопределении, самостоятельно выйдя на политическую арену. Именно тогда родилась идея всероссийской партии промышленников и торговцев. Трудно сказать, насколько она была реалистична, учитывая значительную разнородность делового мира, сохранившиеся у него иллюзии относительно возможности «самореформирования» самодержавия и боязнь оказаться без государственной опеки. Во всяком случае, новый класс общества стал активно искать самовыражения в многочисленных экономических (съезды промышленников и торговцев) и политических организациях. Был накоплен определенный опыт их взаимодействия, опробованы тактика коалиций и участия в парламентской борьбе.

Однако сугубо классовые по своим составу и по содержанию программных документов, корпоративные по духу и оторванные от масс, эти политические формирования буржуазии не смогли инициировать мирный поворот России к реформам и положить конец взаимному отчуждению государства и общества. Такой исход был предопределен многими как объективными, так и субъективными факторами, в том числе незавершенностью процесса складывания среднего класса, который только и может быть опорой политического центризма, антибуржуазным менталитетом основной части населения страны, нехваткой политического опыта у самой буржуазии и ее лидеров, их нежеланием и неумением идти на компромиссы.

Более успешно шел процесс создания всероссийской представительской организации промышленных, финансовых и торговых кругов, которая должна была отстаивать их интересы в правитель-

ственных сферах и законодательных учреждениях, не занимаясь при этом высокой политикой. После проведения уже упоминавшегося выше организационного съезда в апреле 1906 г. в октябре собрался наконец и I съезд представителей промышленности и торговли. Союз власти и капитала символизировало присутствие на нем министров финансов, промышленности и торговли и путей сообщения, а также 11 членов реформированного Госсовета. Право представительства в новой всероссийской организации получали лишь крупные торгово-промышленные фирмы с капиталом не менее 300 тыс. руб. Члены съездовской организации делились на действительных и имевших лишь совещательный голос, что определялось размерами их капиталов. Первых в 1906 г. было 37, а в 1907 г. – 48, а вторых – соответственно 57 и 100.

В промежутках между ежегодными съездами работу организации возглавлял Совет съездов, собиравшийся примерно 5 раз в год, и состоявший сначала из 36, а потом из 48 человек, причем в основном это были представители Петербурга, Южного и Варшавского районов. Первым председателем Совета стал бывший министр торговли и промышленности В.И. Тимирязев, еще в 1890-е годы тесно сотрудничавший с Витте. В 1907 г. его сменил Н.С. Авдаков – горный инженер по образованию, возглавлявший синдикат «Продуголь» и тесно связанный с металлургической промышленностью Юга России, железнодорожным делом и золотодобычей. Видную роль в Совете съездов играли также крупный московский предприниматель и банкир, член ЦК партии октябристов Г.А. Крестовников, один из основателей «Продамета» И.И. Ясюкович, известный московский текстильный фабрикант А.И. Коновалов, демонстративно устранившийся от политики крупнейший нефтепромышленник Э.Л. Нобель, инженер и публицист В.В. Жуковский, тесно связанный с предпринимателями Царства Польского и Петербурга. Видное положение в съездовской организации занимал также первый управляющий делами Совета съездов А.А. Вольский.

Основными направлениями деятельности съездов представителей промышленности и торговли и их Совета были: анализ состояния промышленности и торговли в России, обсуждение актуальных вопросов торгово-промышленной жизни страны, подготовка документов для правительственных органов и экспертиза соответствующих законопроектов, наконец, участие в работе различных правительственных комиссий и совещаний по экономическим вопросам. Кроме того, Совет съездов стремился лоббировать интересы делового мира в печати и законодательных учреждениях¹¹³.

В период революции продолжали работать также отраслевые и региональные организации буржуазии, а в конце ноября 1906 г. прошел I съезд представителей биржевой торговли и сельского хозяйства. Все это свидетельствовало о том, что торгово-промышлен-

ный класс набирал в России силу, спланировался и активно защищал свои интересы перед лицом власти и народа.

Русская революция и мир

Выдающееся место России в мировом сообществе сделало революцию 1905–1907 гг. событием большого международного значения. Падение престижа самодержавия как оплота всех консервативных сил в мире и ослабление позиций России на международной арене в результате ее поражения в войне с Японией и внутренней смуты имели своей оборотной стороной рост симпатий прогрессивной мировой общественности к либерально-демократическим силам нашей страны и превращение ее в источник надежд и оптимизма для трудящихся всех стран. Кто победил в противостоянии народа и власти на берегах Вислы, Невы и Волги, как отразится это на балансе мировых сил, как повлияет на настроения и поведение народов других, в том числе и колониальных, стран? Эти и подобные им вопросы волновали в то время и международные консервативные круги, и многочисленных «друзей русской свободы», как они себя называли, по всему миру. И оказалось, что Россия неожиданно стала в начале XX в., и особенно в 1905–1907 гг., центром мирового демократического и социалистического движения, оказав воздействие прежде всего на международный пролетариат и национально-освободительное движение в колониальных и зависимых странах.

Следует сказать, что в начале XX в. в мире, в отличие от дня сегодняшнего, не было ощущения вечности и «святости» капитализма. Довольно высок был уровень протестного движения рабочих, с каждым годом набирал силу II Интернационал, демократическая интеллигенция резко критиковала буржуазную демократию и буржуазную культуру, гонку вооружений, колониальную систему. Все это создавало благоприятную почву для сочувственного восприятия событий в охваченной революцией России, которая не только стремилась догнать Запад, но, может быть, готовилась дать ему пример чего-то небывалого, принципиально нового в человеческом общежитии, сделав настоящий прорыв к более гуманному и справедливому строю на Земле. Вот почему революция в России вызвала столь сочувственный, заинтересованный отклик практически на всех континентах.

Разумеется, было бы наивно объяснять все факты, связанные с развитием революционного, демократического и национальных движений в различных странах мира в 1905–1907 и последующие годы, только влиянием и примером революционной России, чем нередко грешила советская историография. Однако столь же ошибочно было бы не видеть и глубокой связи, существовавшей между ними. При этом речь шла о чисто идейном и психологическом воз-

действии русской революции на антиимпериалистическую борьбу в странах Запада и Востока, которое не имело ничего общего с более поздними «коминтерновскими» методами разжигания революционного пожара в других странах мира (финансовые вливания, отправка московских эмиссаров, агитационной литературы и т.д.). Под влиянием событий в России постепенно менялась сама политическая атмосфера в Европе, Америке и Азии; чувствовалось, что эпоха стабильности и равновесия подходит к концу, что мир вступает в новую полосу военных конфликтов, самых разных кризисов и потрясений.

Проблемы, которые решались или по крайней мере пытались решить в 1905–1907 гг. в России, имели отнюдь не узконациональное, специфически русское значение. Казалось бы, после целой серии революций XVIII–XIX вв. и тех успехов, которые одержало рабочее движение крупнейших европейских стран в период сравнительно мирного развития капитализма, борьба за демократизацию России, развернувшаяся в 1905–1907 гг., была для трудящихся масс Запада лишь своего рода «повторением пройденного», но никак не примером для конкретных аналогичных действий. Однако в действительности дело обстояло совсем не так, поскольку и в развитых западных странах процесс их демократизации был далек от своего завершения. Даже там, где формально существовало всеобщее избирательное право, в выборах фактически могли участвовать лишь от 15 до 26% граждан (Англия, Франция), а в других государствах этот процент был еще ниже: в Италии – 8, а Австро-Венгрии – 7, в Швеции – 6¹¹⁴. В ряде европейских стран еще не был решен национальный вопрос. Значительные остатки феодализма сохранялись и в аграрных отношениях. Наконец, о равноправии мужчины и женщины политики тогда еще только дискутировали, а угроза милитаризма и новых войн была более чем реальной. Хорошо выразил мысль об ограниченности и нестабильности западной демократии член «Общества друзей русской свободы» во Франции писатель Октав Мирбо. «У нас, – говорил он, сравнивая положение в России и в других европейских странах, – нет оснований гордиться собой, нашей цивилизацией, нашим спокойствием, нашими видимыми свободами. Все это очень хрупко. Те, кто не видит, что те же угрозы нависли над нами, слепы или безумны»¹¹⁵.

Когда большевик Л.М. Михайлов, посетивший весной 1906 г. Берлин, спросил у А. Бебеля о влиянии революции в России на пролетарское движение в Европе, тот ответил: «Я склонен приписать часть успехов французской социал-демократии в ее предвыборной агитации во французскую Палату депутатов успехом русского революционного движения. Такое же влияние русская революция имела и на движение в пользу демократизации избирательного права в Австро-Венгрии. А у нас в Пруссии она приподняла настроение

масс и усилила энергию в борьбе за всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право в прусский ландтаг»¹¹⁶.

Германская социал-демократия на Йенском партайтаге в сентябре 1905 г. признала возможным при известных условиях применить в Германии массовую политическую стачку как «крайнее» средство борьбы, использовать которое рекомендовалось, правда, лишь в том случае, если правительство посягнет на избирательные права трудящихся. Однако в целом принятие такой резолюции было значительным успехом левого крыла германской социал-демократии, особенно если учесть, что на Бременском партайтаге 1904 г. и на съезде профсоюзов в Кёльне в мае 1905 г. неизменно принимались решения, запрещающие применение массовой стачки. Характерно, что, выступая на Йенском партайтаге, Клара Цеткин прямо заявила: если реакция попытается разговаривать с немецким рабочим классом «по-русски», так же, как Николай II разговаривает с рабочими России, то немецкий пролетариат сумеет ответить ей тоже «по-русски», т.е. массовой стачкой¹¹⁷.

В 1905 г. в Германии бастовало почти вдвое больше рабочих, чем в 1904 г.¹¹⁸. С конца 1905 г. там началась активная борьба за демократизацию избирательного права: в Пруссии развернулось движение за всеобщее избирательное право, а в Саксонии – за его восстановление. Большое значение имел здесь пример победоносной Всероссийской октябрьской политической стачки, а также развернувшегося под ее непосредственным влиянием широкого демократического движения за всеобщее избирательное право в Австрии, где рабочие использовали массовые стачки и уличные демонстрации.

По признанию берлинских полицейских властей, под прямым влиянием российской революции у немецких рабочих усилилась тяга к уличным демонстрациям и массовым шествиям. 17 января 1906 г. в Гамбурге в ответ на попытки местного сената ограничить избирательные права трудящихся была проведена первая в Германии всеобщая политическая стачка с участием около 80 тыс. рабочих. Она сопровождалась сооружением баррикад, демонстрациями и стычками с полицией. Под напором демократического движения было несколько расширено избирательное право в Баварии и Бадене, однако в Пруссии борьба пролетариата не дала тогда положительных результатов.

Одним из самых ярких примеров воздействия революционных событий в России на страны Западной Европы стала борьба за всеобщее избирательное право в Австро-Венгрии, которая приобрела особую остроту осенью 1905 г. Царский манифест 17 октября был воспринят в Вене, Праге и других городах империи Габсбургов как победа демократических сил России над самодержавием. Тема русской свободы не сходила со страниц социал-демократической и рабочей печати, к ней обращались участники массовых митингов и де-

монстраций, для которых пример России был дополнительным стимулом к борьбе за демократию в самой Австро-Венгрии. Более решительные и смелые, чем раньше, уличные выступления австрийцев, венгров, чехов, словаков осенью 1905 г. сопровождались столкновениями с полицией и войсками, поднимали настроение масс, вовлекали в антиправительственное движение все новых и новых участников. Борьба за всеобщее избирательное право продолжалась и в 1906 г. В результате была одержана частичная победа: в январе 1907 г. в Австрии и на Чешских землях было введено всеобщее избирательное право для мужчин, достигших 24-летнего возраста.

Всего в 1905–1907 гг. в восьми крупнейших странах Западной Европы (Германия, Франция, Австро-Венгрия, Англия, Бельгия, Италия, Испания, Швеция) было проведено около 22 тыс. забастовок – почти в 2 раза больше, чем в предшествующее трехлетие. В стачках, носивших в основном экономический характер, участвовали около 4 млн рабочих – тоже примерно вдвое больше, чем в 1902–1904 гг. К 1907 г. число членов социалистических партий Западной Европы превысило 2 млн человек, увеличившись по сравнению с 1904 г. на 25%, число избирателей, голосовавших за кандидатов-социалистов, выросло с 4,5 до 6,5 млн, а профсоюзы охватили в 11 западноевропейских странах в 1907 г. 7,2 млн рабочих¹¹⁹. На довольно высоком уровне находилось в 1905–1907 гг. и забастовочное движение в США (более 1,2 млн участников)¹²⁰.

Активно откликнулась на революцию в России и либерально-демократическая интеллигенция ряда западных стран, для которой после «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. в Петербурге самодержавие стало символом самой тупой и агрессивной реакции. Обличение царизма на страницах печати, создание «Обществ друзей русской свободы», сбор средств для помощи жертвам царского террора и поддержки революционных партий и организаций России – все эти формы солидарности демократических и социалистических сил Запада с борцами за свободу в нашей стране получили в 1905–1906 гг. довольно широкое распространение в Германии, Франции, США. Социалистические партии и профсоюзы вовлекали в это движение и западный пролетариат. Сбор средств в фонд помощи русской революции дал наиболее значительные результаты в партиях II Интернационала, которые помогали РСДРП, эсерам и другим революционным организациям России. Точно определить размеры западной помощи русским революционерам сейчас невозможно, но несомненно, что речь шла о довольно значительных суммах. Только по линии партий II Интернационала в «русский фонд» Международного социалистического бюро с февраля 1905 по 1907 г. поступило почти 142 тыс. франков. Между различными революционными партиями России эти средства распределялись так: РСДРП – 30%, эсерам – 25%, Бунду – 15%, национальным социалистическим

партиям Царства Польского и Прибалтики – 30%¹²¹. Особенно активно шел сбор средств для помощи русским революционерам в Германии, где только социал-демократы собрали 340 тыс. марок¹²². Кроме того, значительную материальную помощь революционным силам России оказывали немецкие профсоюзы.

Среди активных участников движения солидарности с российской демократией были такие выдающиеся деятели западной культуры, как писатели Анатоль Франс и Джек Лондон, художники Анри Матисс и Клод Моне, скульптор Огюст Роден и другие. Вот что говорил, например, глава французского «Общества друзей русской свободы» А. Франс: «Русская революция – революция всемирная. Она продемонстрировала перед мировым пролетариатом свои средства и свои цели, свою мощь и свой жребий. Она угрожает всякому деспотизму, всякому угнетению, всякой эксплуатации человека человеком... Выразим же наше чувство солидарности и уважения России и провозгласим новые великие слова: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь”, дабы подготовить пришествие социальной справедливости и мира во всем мире!»¹²³

Но наиболее горячий отклик русская революция, естественно, нашла у немногочисленного, но очень активного левого крыла партий II Интернационала, идеологи которого в своих оценках были во многом близки к Ленину или Троцкому. Все они так или иначе признавали особый тип революции в России по сравнению с предшествовавшими ей западными революциями XVIII–XIX вв., которые заканчивались победой буржуазии. Это выражалось в ведущей общественно-политической роли пролетариата и социал-демократии, а также в использовании массовой революционной стачки как наиболее эффективного средства борьбы с самодержавием. Недаром известная польско-немецкая революционерка Роза Люксембург посвятила анализу этого примечательного феномена одну из своих лучших работ – брошюру «Массовая стачка, партия и профсоюзы» (1906 г.). Она подчеркивала, что, оставаясь буржуазной по своим непосредственным задачам, русская революция по формам и методам борьбы стала уже пролетарской. Пролетариат, по мнению Р. Люксембург, составляет ее живую душу, выступает как «самая сознательная, самая решительная, идущая дальше всех и потому ведущая часть все более растущего революционного войска в России»¹²⁴. Более оптимистичными становились постепенно и те оценки, которые давала Р. Люксембург русскому крестьянству, способному выступать в качестве союзника рабочего класса.

Русская революция привлекала западных левых тем, что она бросала вызов сложившемуся на Западе культу легализма с его четко выраженным приоритетом парламентских, сугубо мирных форм политической борьбы перед внепарламентскими, «уличными», массовыми. Вот почему левые призывали пролетариат Запада

учиться разговаривать со своими господствующими классами на языке силы, не останавливаясь даже перед применением такой уже почти забытой в начале XX в. формы борьбы, как вооруженное восстание. И Р. Люксембург отнюдь не была здесь одинокой: рядом с ней уроки русской революции активно пропагандировали Клара Цеткин, Карл Либкнехт, Франц Меринг в Германии, Юлиан Мархлевский и Лео Иогихес (Тышка) в Польше, Генриетта Роланд-Гольст и Антони Паннекук в Голландии, Димитр Благоев в Болгарии. Достаточно сказать, например, что Г. Роланд-Гольст опубликовала в 1905 г. книгу «Всеобщая стачка и социал-демократия», ставшую откликом на проходившую в те годы в партиях II Интернационала дискуссию о возможности объявления пролетариатом всеобщей забастовки, причем большое место в ней было уделено анализу стачечной борьбы русских рабочих (интересно отметить, что книга Роланд-Гольст была сразу же переведена на русский язык и частично опубликована в редактировавшейся Лениным большевистской газете «Пролетарий»).

Вместе с тем многое в большевизме было для западных левых либо неприемлемо, либо оставляло их равнодушными. Так, они совершенно не воспринимали большевистский «ультрацентризм» в организационных вопросах и явно недоумевали по поводу такой странной, на их взгляд, социально-политической конструкции, как «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». Зато критика буржуазного парламентаризма вызывала у них полнейшее одобрение, как и стремление большевиков руководить профсоюзами.

Под влиянием событий в России временно радикализировалась позиция ведущего теоретика германской социал-демократии и всего II Интернационала Карла Каутского. В ряде вопросов он вплотную подошел к позиции Ленина, что с восторгом было встречено всеми большевиками, стремившимися, как и меньшевики, получить поддержку международного социалистического движения. Так, Каутский признал глубоко демократический характер русской революции, стоящей, по его выражению, как бы на границе между буржуазным и пролетарским переворотом. Он отказался считать буржуазную движущей силой русской революции, противопоставив ей крестьянство, связанное с рабочими общностью судьбы и экономических интересов. Изменился и весьма пессимистический прежде взгляд Каутского на возможность вооруженной борьбы пролетариата с правительством. Московское декабрьское восстание рабочих 1905 г. доказало, что эта форма борьбы не только имеет право на существование, но и может принести при надлежащей подготовке определенный успех. Однако, в отличие от Р. Люксембург, которая довольно резко критиковала «пролиберальную» позицию меньшевиков, Каутский не делал большого различия между двумя фракци-

ями РСДРП и приветствовал их объединение в 1906 г. В аграрном вопросе Каутский также склонялся к поддержке меньшевистской идеи «муниципализации» земли.

Жизнь показала, однако, что влияние русской революции на основное ядро западных социалистов оказалось очень кратковременным, тогда как процесс их сползания к реформизму стал в начале XX в. определяющим фактором в истории II Интернационала. Так, Э. Бернштейн неоднократно заявлял, что пример революционной России необязателен для развитых западных стран¹²⁵. Характерно, что когда на Йенском парттайге германской социал-демократии Р. Люксембург саркастически заметила, что немецкие социал-демократы были бы ослабами, если бы ничему не научились на опыте русской революции, то известный социал-реформист Давид ответил ей: «Нельзя сравнивать революционную обстановку в России с нашими немецкими условиями. То, что там может быть верно, для нас это в итоге вредно, и нужно быть сумасшедшим, чтобы из русских условий сделать вывод для нашей тактики»¹²⁶.

Обзор зарубежных откликов на события 1905–1907 гг. в России был бы неполон, если бы мы не сказали об их влиянии на страны Азии и Латинской Америки, поднимавшиеся в начале XX в. на борьбу за национальную независимость. В сопредельном с Россией Иране в декабре 1905 г. также началась демократическая революция, главным очагом которой стал непосредственно граничивший с Россией Иранский Азербайджан. Тысячи иранских рабочих ежегодно уходили на заработки в Баку и другие города Закавказья и Средней Азии, принося на родину революционные настроения, дух недовольства существующим строем и политический опыт своих товарищей из России. В кругах иранской демократической интеллигенции многие также считали, что нужно ориентироваться на революционную Россию. Тесную связь с Иранским Азербайджаном поддерживала созданная в Баку еще в 1904 г. мусульманская социал-демократическая группа «Гуммет» («Энергия»), занимавшаяся революционной пропагандой, в том числе и среди иранских азербайджанцев. При ее содействии в различных городах Закавказья и на территории Ирана были созданы организации иранской социал-демократической партии «Муджахид». В Баку, Батуме и других городах Закавказья проходил сбор средств для помощи иранской революции, печатались прокламации и т.д.

Известно также, что революционные события в России оказали влияние и на подготовку младотурецкой революции 1908 г., в которой активно участвовали молодые, прогрессивно настроенные офицеры армии и флота, вдохновлявшиеся, в частности, примером моряков с броненосца «Потемкин» и лейтенанта Петра Шмидта.

Русско-японская война и революция в России способствовали и новому революционному подъему в Китае. Большую роль в укреп-

лении солидарности русских и китайских рабочих сыграла созданная в ноябре 1905 г. в Харбине и действовавшая в полосе отчуждения КВЖД Харбинская рабочая группа РСДРП, под влиянием которой китайские рабочие стали поддерживать своих русских товарищей в их забастовочной борьбе. В 1905 г. китайский революционер-демократ Сун Ятсен организовал в эмиграции партию «Тунмэн-хой», печатный орган которой журнал «Миньбао» («Народ») освещал ход российской революции и призывал трудящихся Китая учиться на примере борьбы народов России за свои права.

Отголоски Первой российской революции дошли и до Индии, где в связи с расчленением в 1905 г. английской колониальной администрацией Бенгалии на мусульманскую и индуистскую части началось широкое антибританское движение. В 1905–1907 гг. индийские революционеры-эмигранты установили контакты в Париже и Лондоне с русскими социал-демократами. В 1907 г. на Штутгартском конгрессе II Интернационала индийские делегаты с восхищением говорили о героическом примере российской революции.

Эхо революции в России докатилось и до Латинской Америки, в первую очередь до Мексики и Кубы.

Бурные события 1905–1907 гг. оказали влияние не только на подъем социалистического и демократического движения во многих странах мира, но и на положение России в системе международных отношений. Совпавшая с серьезным поражением в несправедливой с обеих сторон, хотя и развязанной агрессивными японскими кругами, войной, Первая российская революция еще более ослабила Россию, поставив под вопрос завоеванный ею в XVIII–XIX вв. статус великой, хотя уже и не вполне самостоятельной мировой державы. Выйти из этого сложного положения ей помогли два обстоятельства: нежелание других великих держав допустить усиления позиций Японии в Тихоокеанском регионе и их стремление сохранить Россию как оплот мировых консервативных сил, способный противостоять социалистическому движению. Не будь этого, война могла бы затянуться на радость наиболее радикально настроенных «пораженческих» кругов российского общества и привести к непредсказуемым для всего мира результатам не в 1917 г., а уже в первом десятилетии XX в.

Однако этого не произошло. Не устояв перед нажимом со стороны США и других великих держав, Япония умерила свои требования, а умелая тактика С.Ю. Витте, возглавлявшего российскую делегацию на мирных переговорах в Портсмуте, и частичный отказ Николая II от своих амбиций позволили умело использовать эту ситуацию и выйти из войны с гораздо меньшими, чем можно было ожидать после Цусимы и поражений Куропаткина и Стесселя на суше, потерями. Вместе с тем было совершенно очевидно, что в дальнейшем России предстоит вести очень осторожную и сдержанную

политику балансирования между складывавшимися в то время англо-французской и германо-австрийской группировками, каждая из которых тянула Россию к себе.

Заключение в августе 1905 г. Портсмутского мирного договора с Японией значительно облегчило положение самодержавия. Закончив войну с внешним врагом, оно могло теперь сосредоточиться на войне с революцией, которая продолжала идти на подъем. К апрелю 1906 г. из Маньчжурии были выведены 250 тыс. русских солдат, которых можно было использовать для подавления революционного движения. Это вместе с заключенным наконец весной 1906 г. международным займом на сумму 2,5 млрд франков, т.е. 843,75 млн руб. (кредиторами на 90% были французы и англичане) существенно облегчило положение царского правительства. Но международная ситуация оставалась очень сложной. Пользуясь ослаблением России, другие державы развернули активные действия именно в тех районах, которые традиционно представляли особый интерес для нашей страны. Германия развивала экспансию на Ближнем и Среднем Востоке, Австро-Венгрия – на Балканах, Англия – в Средней Азии, Япония и США – в Тихоокеанском регионе. После некоторых колебаний, примером которых был легкомысленно подписанный Николаем II, но быстро аннулированный договор с Вильгельмом II в Бьерке (июль 1905 г.), в российской внешней политике верх взяла старая ориентация на Францию, уже заключившую в 1904 г. союз с Англией. «Противоестественный», казалось бы, союз с западными демократиями, а не с более близким романовской династии по своему духу режимом Гогенцоллернов базировался на прочных и давних финансово-экономических и культурных связях России с Францией и Англией, причем мощь Британской империи была в то время столь велика, что не принимать ее в расчет в разного рода дипломатических комбинациях было просто невозможно. Вместе с тем Россия еще не торопилась в 1905–1907 гг. с принятием каких-то окончательных решений и продолжала вполне разумную в сложившейся ситуации политику балансирования между крупнейшими мировыми державами¹²⁷. Однако подписанная в августе 1907 г. в Петербурге русско-английская конвенция об отношениях двух держав в Персии, Афганистане и Тибете стала решающим шагом к созданию русско-франко-английской Антанты, столкнувшейся с австро-германским блоком в Первой мировой войне.

Заключение

Перед нами прошла панорама самых разных, часто драматических событий Первой российской революции и бесконечная вереница ее действующих лиц. Революция началась потому, что с каж-

мым годом становился все более очевидным анахронизм самодержавной системы, ее кричащее несоответствие вызовам времени и желаниям миллионов россиян. Исторически закономерным оказался и ее финал. Власть была еще достаточно сильна, чтобы не дать свалиться себя, а ее противники не смогли соединить свои усилия и найти оптимальную равнодействующую своих разнородных интересов для того, чтобы победить. Не благоприятствовала революционерам и международная обстановка (заключение на достаточно благоприятных условиях мира с Японией, отсутствие эффективной поддержки революции из-за рубежа, помощь царизму со стороны мирового финансового капитала). Тем не менее борьба народных масс, активность революционных партий и либерально-оппозиционных сил принесла свои плоды: власть вынуждена была предложить обществу такой пакет преобразований, какого Россия не видела со времени Великих реформ 60–70-х годов XIX в.; в России появилась целая система политических партий; изменился общественно-политический климат в стране; несколько улучшилось материальное и правовое положение народных масс. Правда, по многим причинам, о которых уже шла речь выше, и не в последнюю очередь благодаря разумному маневрированию и демагогии царского правительства революция осталась незавершенной: не получили радикального решения аграрный, рабочий и национальный вопросы, Россия не превратилась окончательно в конституционное государство западного типа, а материальное положение трудящихся продолжало оставаться очень тяжелым. Но, хотя революция 1905–1907 гг. во многом действительно предвосхитила еще более грандиозные и поистине судьбоносные не только для нашей страны, но и для всего мира события 1917 г. и последующего времени, после ее поражения у правящих «верхов» еще оставался шанс, продолжая курс радикальных реформ, избежать крушения существующего строя. Однако шанс этот, как известно, был упущен, и расплата не заставила себя долго ждать.

Вот почему революционный кризис 1905–1907 гг. был для России болезненным, но еще не смертельно опасным кризисом в рамках продолжавшегося и принесившего свои плоды процесса ее модернизации. Он мог стать началом нового, демократического этапа в истории страны, и если этого не случилось, то виноваты в этом прежде всего близорукость и самоуспокоенность власти и поистине фатальный ход последующих мировых событий.

В свое время советская историография вслед за Лениным видела в революциях «праздник угнетенных», старательно замалчивая их деструктивную сторону – немалые человеческие жертвы, разрушение и гибель материальных ценностей, нарушение нормального хода хозяйственной жизни, экономические потери от забастовок и т.д. Мы и сейчас не можем оперировать здесь сколько-нибудь полными

и точными данными, хотя по количеству жертв Первая российская революция уступала не только Гражданской войне 1917–1920 гг. в России, но и Великой французской революции конца XVIII в., которая долгое время считалась одной из самых кровавых революций в человеческой истории. При этом нужно заметить, что к насилию прибегали обе противоборствующие стороны, причем власть явно опережала в этом отношении революционеров и превосходила их в жестокости. Кроме того, далеко не все жертвы того времени можно списать на революцию и тем более на революционеров, поскольку неизбежное в революционные эпохи ослабление власти всегда вело и ведет к резкому обострению криминогенной обстановки в стране со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Если власть довольно быстро оправилась от шока, пережитого ею в 1905 г., и не извлекала из революционных потрясений той поры всех необходимых уроков, то революционные партии пережили после революции затяжной идейно-организационный кризис, но в целом остались верны своим идеалам. Для них было очевидно, что борьбу с царизмом нужно продолжать, но вести ее более умело, сделав ставку на сочетание стихийного народного протеста против существующего строя с продуманными и хорошо подготовленными действиями революционеров. Большевики были уверены в правильности своей стратегии и тактики и не собирались менять избранный ими курс (ставка на рабочих и их союз с крестьянством, сильная конспиративная партийная организация, ориентация на силовые методы борьбы). Меньшевики с их политическим импрессионизмом пытались лавировать после революции между подпольем и легальностью, но так и не смогли привлечь на свою сторону ни большинство рабочих, ни либералов. Эсеры практически отказались от террора и постепенно приходили к осознанию той истины, что залог их успеха – ориентация на трудовое крестьянство. Но всем им предстоял еще долгий, длиной в десять лет путь к 1917 г., когда Россия сначала осуществила то, что революционеры рассчитывали сделать еще в 1905 г., а затем бросилась в «битву за социализм», предсказать результаты которой было тогда невозможно.

Примечания

¹ См.: ПСЗ РИ. Собр. 3. Т. XXVI. 1 отд. № 27805; Т. XXV. 1 отд. № 26962, 27052.

² См.: Там же. Т. XXI. 1 отд. № 26125.

³ Там же. № 26692.

⁴ См.: Там же. Т. XXVI. 1 отд. № 27479.

⁵ См.: Там же. № 27855; *Кавтарадзе А.Г.* Военные реформы в России 1905–1912 гг. // Реформы и реформаторы в истории России. М., 1996. С. 157–158.

⁶ См.: Сеймовый устав Великого княжества Финляндского. СПб., 1906; История Европы. М., 2000. Т. 5. С. 546; *Аврех А.Я.* Столыпин и Третья Дума. М., 1968. С. 44–91.

- 7 См.: Революция 1905–1907 гг. в национальных районах России. М., 1949. С. 103–104.
- 8 См.: *Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.* Национальный вопрос в Государственных думах России. М., 1999.
- 9 См.: *Усманова Д.* Мусульманская фракция и проблема «свободы совести» в Государственной думе России (1906–1917). Казань, 1999.
- 10 Подсчитано по кн.: Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 725–743.
- 11 Там же. С. 9.
- 12 См.: Политические партии России. История и современность. М., 2000. С. 79.
- 13 Политические партии России. Энциклопедия. С. 576.
- 14 См.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992. С. 108.
- 15 Программы политических партий России. Конец XIX–XX вв. М., 1995. С. 440.
- 16 Там же. С. 442–443.
- 17 Там же. С. 445.
- 18 Там же. С. 444.
- 19 См.: Там же. С. 451–453.
- 20 См.: Конституционно-демократическая партия. Съезд 12–18 октября 1905 г. СПб., 1905. С. 4.
- 21 См.: *Ленин В.И.* ПСС. Т. 12. С. 291.
- 22 См.: Политические партии России: история и современность. С. 152 (подсчеты В.В. Шелохаева).
- 23 См.: Программы политических партий России. С. 526–633; *Шелохаев В.В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996.
- 24 См.: Политические партии России: история и современность. С. 110.
- 25 См.: Программы политических партий России. С. 341–349.
- 26 См.: Политические партии России в период революции 1905–1907 гг. Количественный анализ. С. 35, 39; 10.
- 27 См.: Протоколы Пятого съезда РСДРП. М., 1935. С. 658–661.
- 28 См.: Политические партии России: история и современность. С. 193.
- 29 См.: *Леонов М.И.* Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М., 1997. С. 45–51, 59.
- 30 Подробнее см.: *Городницкий Р.А.* Боевая организация Партии социалистов-революционеров в 1901–1911 гг. М., 1998.
- 31 См.: *Леонов М.И.* Указ. соч. С. 282, 363.
- 32 Там же. С. 199.
- 33 См.: Программы политических партий России. С. 143.
- 34 См.: Политические партии России. Энциклопедия. С. 580.
- 35 См.: Политические партии России: история и современность. С. 213–214.
- 36 См.: Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за 1905 г. / Сост. В.Е. Варзар. СПб., 1908. Прил. 6.2–5; Статистика стачек рабочих на фабриках и заводах за трехлетие 1906–1908 гг. / Сост. В.Е. Варзар. СПб., 1910. Прил. 6.2–3, 75, 67, 78–81.
- 37 *Амальрик А.С.* К вопросу о численности и географическом размещении стачечников в Европейской России в 1905 г. // Исторические записки. М., 1955. Т. 52. С. 173.
- 38 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 19. С. 379.
- 39 См.: Забастовочная борьба трудящихся. Конец XIX в. – 70-е гг. XX в. (статистика). М., 1980. С. 114, 73, 64, 100, 55, 70, 71.
- 40 См.: Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг. М., 1981. С. 338.

- ⁴¹ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 21. С. 320; Т. 23. С. 215.
- ⁴² См.: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1904 г. СПб., 1907. С. 175; То же за 1905 г. СПб., 1908. С. 95; То же за 1906 г. СПб., 1907. С. 95; То же за 1907 г. СПб., 1909. С. 99.
- ⁴³ См.: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1910 г. СПб., 1911. С. XXXVII.
- ⁴⁴ Подсчитано по кн.: *Кирьянов Ю.И.* Жизненный уровень рабочих России. Конец XIX – начало XX в. М., 1979. С. 118, 131.
- ⁴⁵ Подсчитано по: Свод отчетов фабричных инспекторов за 1904 г. С. 173–175; То же за 1905 г. С. 93–95; То же за 1906 г. С. 93–95; То же за 1907 г. С. 97–99.
- ⁴⁶ См.: *Крузе Э.Э.* Положение рабочего класса России в 1900–1914 гг. Л., 1976. С. 208.
- ⁴⁷ См.: *Стопани А.М.* Бакинский нефтепромышленный рабочий. М.; Л., 1924. С. 37.
- ⁴⁸ Подсчитано по: Вопросы экономики планирования и статистики. М., 1957. С. 449.
- ⁴⁹ См.: *Дроздов И.Г.* Заработная плата сельскохозяйственных рабочих до и после Октября. Л., 1930. С. 24.
- ⁵⁰ См.: *Струмилин С.Г.* Избр. произв. В 5-ти т. М., 1964. Т. 3. С. 324.
- ⁵¹ См.: *Шельмагин И.И.* Законодательство о фабрично-заводском труде в России. 1900–1917. М., 1952. С. 206; Свод отчетов фабричных инспекторов за 1905 г. С. XXI; То же за 1906 г. С. XXIV; То же за 1907 г. С. XXXVIII.
- ⁵² *Пажитнов К.А.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. С. 296–297.
- ⁵³ См.: *Лескова Л.И.* Коллективные договоры рабочих с предпринимателями в 1905–1907 гг. как исторический источник // Рабочий класс и рабочее движение в России. 1861–1917 гг. М., 1966. С. 349–350.
- ⁵⁴ См.: *Демочкин Н.Н.* В.И. Ленин и образование Республики Советов. М., 1974. С. 46–51; Рабочий класс в Первой российской революции 1905–1907 гг. С. 247–248.
- ⁵⁵ См.: Гегемония пролетариата в трех русских революциях. М., 1975. С. 90.
- ⁵⁶ См.: Исторический опыт трех российских революций. Т. 1. С. 401.
- ⁵⁷ См.: Профессиональные союзы рабочих России. 1905 – февраль 1917 г. Перечень организаций / Сост. И.С. Розенталь. М., 1985. Ч. 1–2. Данные о численности союзов имеются только по 715 организациям.
- ⁵⁸ См.: Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1976. Т. 2. С. 422; *Петряев К.Д.* Очерки истории рабочего движения Германии, Франции, Англии, США в 1871–1914 гг. Киев, 1974. С. 142.
- ⁵⁹ Цит. по: Пролетариат в революции 1905–1907 гг. М.; Л., 1930. С. 91–92.
- ⁶⁰ См.: *Дубровский С.М.* Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1956. С. 42.
- ⁶¹ См.: *Сенчакова Л.Т.* Крестьянское движение в революции 1905–1907 гг. М., 1989. С. 254.
- ⁶² См.: *Анфимов А.М.* Столыпин и российское крестьянство. М., 2002. С. 35.
- ⁶³ См.: Основные итоги изучения истории Первой русской революции за последние 20 лет // История СССР. 1975. № 5. С. 53 (автор раздела М.С. Симонова); *Сенчакова Л.Т.* Указ. соч. С. 253, 256.
- ⁶⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 17. С. 342 (курсив мой. – Авт.).
- ⁶⁵ См.: *Сенчакова Л.Т.* Указ. соч. С. 82–83.
- ⁶⁶ См.: *Симонова М.С.* Крестьянское движение в 1905–1907 гг. в советской историографии // Исторические записки. М., 1973. Т. 95. С. 214–215; *Сенчакова Л.Т.* Указ. соч. С. 93.

- ⁶⁷ См.: Приговоры и указы крестьян Центральной России 1905–1907 гг. Сб. док. М., 2000. С. 80–83.
- ⁶⁸ Подробнее см.: *Кирюхина Е.И.* Всероссийский крестьянский союз в 1905 г. // Исторические записки. М., 1955. Т. 50.
- ⁶⁹ Подробнее см.: *Колесниченко Д.А.* Трудовики в период Первой российской революции. М., 1985.
- ⁷⁰ *Вронский О.Г.* Государственная власть России и крестьянская община в годы «великих потрясений» (1905–1917). М., 2000. С. 122.
- ⁷¹ Там же. С. 81.
- ⁷² Там же. С. 82.
- ⁷³ *Сенчакова Л.Т.* Приговоры и указы русского крестьянства. 1905–1907 гг. По материалам центральных губерний. М., 1994. С. 132.
- ⁷⁴ См.: *Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 276.
- ⁷⁵ Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 1. М., 2001. С. 149–153.
- ⁷⁶ Подсчитано по: *Сенчакова Л.Т.* Приговоры и указы. С. 304, 306.
- ⁷⁷ Там же. С. 305.
- ⁷⁸ Там же. С. 308, 328.
- ⁷⁹ Там же. С. 287, 289, 290, 294, 295.
- ⁸⁰ *Берлин П.А.* Русская буржуазия в старое и новое время. Пг., 1922. С. 141–142.
- ⁸¹ РГИА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 397. Л. 35–36.
- ⁸² Цит. по: *Лаверычев В.Я.* Крупная буржуазия в пореформенной России 1861–1900. М., 1974. С. 161–162; см. также: *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад (из истории борьбы московской буржуазии с революцией). М., 1967.
- ⁸³ См.: *Писарькова Л.Ф.* Московская Городская дума. 1863–1917. М., 1998. С. 246–248.
- ⁸⁴ Цит. по: *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. М., 1977. С. 71.
- ⁸⁵ Там же. С. 71–72.
- ⁸⁶ *Морозова Т.П., Поткина И.В.* Савва Морозов. М., 1998. С. 177–180.
- ⁸⁷ Цит. по: *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. С. 72.
- ⁸⁸ О съезде 4–6 июля 1905 г. см.: *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад. С. 34–40; *Петров Ю.А.* Московская буржуазия в начале XX века: предпринимательство и политика. М., 2002. С. 238–239.
- ⁸⁹ См.: *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. С. 73.
- ⁹⁰ Там же. С. 73–74.
- ⁹¹ Там же. С. 74.
- ⁹² Цит. по: История предпринимательства в России. Книга вторая. Вторая половина XIX–начало XX века. М., 2000. С. 238.
- ⁹³ Цит. по: *Петров Ю.А.* Династия Рябушинских. С. 75.
- ⁹⁴ *Четвертиков С.И.* Невозвратное прошлое. М., 2001. С. 48.
- ⁹⁵ Утро России. 1910. 18 мая.
- ⁹⁶ Цит. по: *Черменский Е.Д.* Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 188.
- ⁹⁷ Программные положения Прогрессивной экономической партии см.: Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1975. С. 391–395.
- ⁹⁸ См.: *Иванович В.* Российские партии, союзы и лиги. Сборник программ, уставов и справочных сведений. СПб., 1906. С. 25–27; Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. С. 398–401.

- ⁹⁹ *Иванович В.* Российские партии, союзы и лиги. С. 75–77.
- ¹⁰⁰ Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. С. 395–397.
- ¹⁰¹ Цит. по: *Сеф С.Е.* Буржуазия в 1905 году. М., 1926. С. 93.
- ¹⁰² См.: Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. С. 401–418.
- ¹⁰³ *Барышников М.Н.* Политика и предпринимательство в России. С. 106–108.
- ¹⁰⁴ См.: *Черменский Е.Д.* Указ. соч. С. 210.
- ¹⁰⁵ См.: *Шелохаев В.В.* Партия октябристов в 1905–1907 гг. М., 1987. С. 97.
- ¹⁰⁶ См.: *Павлов Д.Б.* «Союз 17 октября» в 1905–1907 годах: численность и социальный состав // Отечественная история. 1993. № 6. С. 182–183.
- ¹⁰⁷ *Трубецкой Е.Н.* Партия «мирного обновления». М., 1906. С. 4–5.
- ¹⁰⁸ Цит. по: *Вишневски Э.* Либеральная оппозиция в России накануне Первой мировой войны. М., 1994. С. 28.
- ¹⁰⁹ Утро России. 1909. 2 декабря.
- ¹¹⁰ ЦИАМ. Ф. 31. Оп. 3. Д. 728. Л. 2–3, 18–19, 25–26, 44–45.
- ¹¹¹ ГАРФ. Ф. 102, 00. 6 д-во, 1913 г. Д. 16. Т. 1. Л. 107.
- ¹¹² Об истории газеты Рябушинского см.: *Лаверычев В.Я.* По ту сторону баррикад. С. 114–138 и др.
- ¹¹³ Подробнее см.: *Шепелев Л.Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг. Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987. С. 88–108.
- ¹¹⁴ См.: Революция 1905–1907 гг. в России и ее всемирно-историческое значение. М., 1976. С. 211.
- ¹¹⁵ Цит. по: *Лукин Н.М.* Русская революция 1905 года и Западная Европа // Историк-марксист. 1936. Т. 1(53). С. 35.
- ¹¹⁶ Светоч. 1906. 30 мая.
- ¹¹⁷ Protokoll über die Verhandlungen des Parteitages des SDPD... zu Iena. Berlin, 1905. S. 324–325.
- ¹¹⁸ См.: Международное рабочее движение: вопросы истории и теории. М., 1976, 1978. Т. 2. С. 383; Т. 3. С. 106.
- ¹¹⁹ См.: Революция 1905–1907 гг. в России и ее всемирно-историческое значение. С. 212–213.
- ¹²⁰ См.: Первая российская. М., 1985. С. 244.
- ¹²¹ См.: *Свалов А.Н.* Из истории Второго Интернационала. СПб.; М., 1996. С. 86, 85.
- ¹²² Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1978. Т. 3. С. 91.
- ¹²³ Цит. по кн.: Первая российская. М., 1985. С. 226–227.
- ¹²⁴ *Luxemburg R.* Ausgewählte Reden und Schriften. Berlin, 1959. Band II. S. 252.
- ¹²⁵ См.: *Бернштейн Э.* Революция в России // Освободительная библиотека. СПб., 1906. 1 сб. С. 318.
- ¹²⁶ Protokoll über die Verhandlungen. S. 320, 328.
- ¹²⁷ Подробнее см.: *Игнатьев А.В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986; *Он же.* С.Ю. Витте – дипломат. М., 1989; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX века. М., 1997. Гл. V.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абдур-Рауф-Фитрат 120
Абдурашидов Мунавар-Кары 120
Абрикосов А.И. 295
Агаев Ахмед-бек 118
Авдаков Н.С. 573
Авенаp Э. 213
Авксентьев Н.Д. 230
Аврех А.Я. 584
Аксаков П.П. 483
Азеф Е.Ф. 132, 133, 179, 180, 184,
230, 287, 361, 371, 540
Азизбеков М. 119
Айни А. 120
Акимов М.Г. 356, 398, 408
Аксельрод П.Б. 229, 439, 538
Аладьин А.Ф. 438, 444, 556
Алейников А.Ф. 235
Александр I 516
Александр II 101, 114, 122, 136, 405
Александр III 23, 47, 59, 78, 122, 135,
218, 481, 516
Александр Михайлович, вел. кн. 217
Александров М.Г. 165
Алексеев Е.И. 247
Алексинский Г.А. 538
Алиханов-Аварский А.М. 380
Амальрик А.С. 545, 585
Аманжолова Д.А. 509, 585
Ананьич Б.В. 19, 153, 450, 454, 587
Андреев И.И. 214
Андреев Л. 464
Андреева М.Ф. 186
Анжуляйтис 110
Аникин С.В. 438, 439, 556
Анненский Н.Ф. 172, 245
Антоненко Н.Г. 330
Антоний (Вадковский), митрополит
155, 156, 170, 183, 188, 482
Антоний (Грановский), епископ 482
Анфимов А.М. 20, 74, 75, 150, 586
Апраксин П.Н. 263
Апраксины 554
Аргун А.М. 213
Ардов Т. 572
Афанасьев Ф.А. 238, 324
Ахундов Мирза Фатали 118
Ашер А. 9, 20, 392, 403
Бабушкин И.В. 382
Базилевич К.В. 349
Бакулин 238
Балашов С.И. 238, 240
Балицкий З. 106
Бальмонт К.Д. 16
Баратов Д.З. 83
Барышников М.Н. 216, 588
Бауман Н.Э. 324, 326, 359
Бахрушин А.А. 325
Бебель А. 386, 575
Беднов И.И. 246
Безбах С.А. 212, 213
Беккер С. 507
Белов А.М. 19, 20
Белоконский И.П. 216
Белоусов В.Г. 165
Беляев И.Я. 569
Бердяев Н.А. 62, 72, 76, 127, 149, 153
Березин М.Е. 497
Беринг М. 300, 403
Берлин П.А. 587

Бернштейн Э. 580, 588
Бирилев А.А. 255, 329, 397
Бич М. 508
Благоев Д. 579
Блеклов С.М. 257
Блок И.Л. 540
Бобриков Н.И. 109, 110, 518
Бобринские 195, 222
Бобринский А.А. 148, 265, 266, 270, 474
Бобринский В.А. 401
Бовыкин В.И. 350
Богаев М.А. 277
Богданов А.А. 229, 538
Богданов Б.О. 254
Богданович А.В. 400, 451, 452
Богданович Н.М. 133
Богораз (Тан) В.Г. 245, 257, 348
Богуцкая Л. 346
Бок М.П. 349
Большаков 291
Бондарев С.И. 556
Бондаревская Т.П. 212, 214, 347
Боннел В. 389
Бонч-Осмоловский А.И. 128
Борман 182
Бородин А.П. 19, 451, 453, 507
Бородин Н.А. 437
Боханов А.Н. 76, 347, 348
Брентано Л. 210
Брешко-Брешковская Е.К. 128, 540
Бровер 337
Бромлей бр., Н.Э. и Э.Э. 190, 368
Брюханов Л.Д. 262
Бубнов А.С. 238
Будберг А.А. 309, 314
Буди Махмуд-ходжа Бек 120
Будницкий О.В. 19
Булацель П.Ф. 526
Булгаков С.Н. 156, 210, 501, 505
Булыгин А.Г. 184, 199, 202, 204, 207, 217, 218, 223, 231–233, 247, 258, 269, 563
Бунге Н.Х. 24, 45
Бурбис А. 112
Буренин Н.Е. 201
Буров А.В. 346
Буршин П.А. 337
Бурьшкін П.А. 64
Бутягин Ю.П. 378
Буховец О.Г. 20

Быкова А. 370
Бюлов Б., фон 135
Вайнштейн А.И. 357
Вакулинчук Г.Н. 253, 254
Валиханов Ч. 120
Валк С.Н. 211
Валуев П.А. 122
Варданян М. 116
Варзар В.Е. 90, 151, 346, 545, 585
Варламов Н.М. 184
Варнашев Н.М. 157, 159, 179, 211
Варыньский Л. 107
Васильев И.В. 157, 159
Васильев Л.В. 214
Васильев-Южин М.И. 294, 369
Васильева Г.Б. 452
Васильчиков Б.А. 461, 477
Васильчиков С.И. 168, 169
Васимов И. 161
Вебер М. 480
Веденеев В. 508
Венедиктов-Безнюк Д. 212
Верещагин В.В. 324
Вернадский В.И. 232, 251, 260, 262, 275, 531
Верховский В.И. 402
Веселовский Б.Б. 108, 215
Вилейшис 110
Вилъгельм II 206, 216, 246, 247, 313, 582
Винавер М.М. 437, 439, 445, 455, 456, 458, 506, 531
Виноградов П.Г. 461
Витте С.Ю. 10, 19, 20, 24–29, 45, 47–51, 61, 85, 99, 105, 129, 135–137, 142, 147, 148, 152, 153, 155, 163, 167, 172, 179, 181, 183, 184, 196, 199, 200, 207, 210–213, 215–217, 235, 247, 275, 281, 282, 288, 297, 307, 309–315, 317, 320, 325, 328, 330, 331, 338, 339, 345, 347, 356, 366, 367, 372, 382, 390, 391, 393–408, 415–418, 433–435, 446, 449–453, 472, 473, 476, 482, 484, 488–491, 509, 515, 516, 528, 533, 560, 581, 587, 588
Вишневски Э. 588
Вишняк М.В. 230
Вишняков А.С. 563, 571
Владимир (Богоявленский), митрополит 188

- Владимир Александрович, вел. кн.
168, 173, 182, 198, 247, 270, 271
Владимирский М.Ф. 243, 294
Водарский Я.Н. 75, 76
Войлошников А.И. 375
Войталовский Л.Н. 210
Войтинский В.С. 428
Волков М.П. 214
Волконский 266
Волконский М.Н. 263
Волконский С.С. 235
Волобуев О.В. 19, 391
Волобуев П.В. 9
Волховский Ф.В. 230
Вольский А.А. 566, 573
Вольский Н. 251
Воровский В.В. 227, 538
Воронин 200
Воронцов-Дашков И.И. 37, 98, 488,
519
Воронцовы-Дашковы 554
Восторгов И.И. 267
Врангель Н.Е. 297, 346–348
Вронский О.Г. 75, 151, 214, 215, 276,
557, 587
Вуич Н.И. 309, 312–314
Высоцкий, вице-губернатор 84
Высоцкий, предприниматель 231
Высоцкий В. 469
Вышинский (Вышинскас) П. 110
Вышнеградский И.А. 24, 45
- Габриэлян Д.Е. 349
Гагарин Г.Г. 235
Гагарина А.Н. 84
Гаевский 181
Галузо П.Г. 212–214, 216
Гальперин Г.Б. 452
Ганелин Р.Ш. 19, 153, 214, 276–278,
346, 347, 450, 454, 587
Гантке 300
Гапон Г.А. 6, 13, 101, 154–169,
171–180, 187, 196, 210–213
Гарви П.А. 390
Гардинг Ч. 298
Гарелин Я.П. 237
Гаслер В.Ф. 252
Гаспринский Исмаил-бей 119
Гейден Н.Ф. 263
Гейден П.А. 205, 216, 258, 262, 440,
455, 461, 534, 570
- Гельфанд А.Л. см. Парвус А.Л.
Генкина О.М. 324
Герасимов А.В. 356, 389, 390
Гершуни Г.А. 495,, 540
Герценштейн М.Я. 224, 443
Гершенкрон А. 25, 74
Гершуни Г.А. 128, 132
Гессен В.М. 408, 409
Гессен И.В. 172, 406, 445, 452, 456,
458, 497, 501, 504, 506, 509, 510
Гиляровский 253, 254
Гиппиус З.Н. 186
Гладков А.И. 330
Глазов В.Г. 192, 202
Гнедич А.Г. 205
Гогенцоллерны 582
Голгофский А. 72
Голенищев-Кутузов А.А. 270
Голиков 253, 254
Голицын В.Н. 235
Голицын Д.П. 129
Голицын П.Д. 263
Голицын П.П. 193
Голицыны 337
Головин Ф.А. 231, 247, 248, 272, 395,
408, 497–499, 502, 510, 533
Голубева М.И. 240
Гоппер 291
Горемыкин И.Л. 235, 309, 311, 314,
399, 407, 414, 415, 418, 435, 436,
441, 442, 444–446, 448, 455
Горин П.О. 388
Городецкий С.М. 543
Городницкий Р.А. 585
Горький А.М. 172, 175, 177, 184, 186,
197, 213, 214, 363, 364, 369, 373,
389, 390
Гоц М.Р. 133, 318, 319, 540
Грабовский И. 316
Грабовский Ю. 107
Граве Б.Б. 552
Грачев Н.П. 240
Грегори П. 25, 74
Гредескул Н.А. 437
Гридзияпускане П.П. 349
Грингмут В.А. 264, 267, 278, 432
Грицанов А.А. 215
Гросул В.Я. 216
Грушевский М. 112
Гудович 266
Гужон Ю.П. 295, 368

Гумерус Х. 110
 Гумерус Ю. 110
 Гуревич Л. 213
 Гурко В.И. 19, 50, 51, 75, 218, 266,
 276, 278, 356, 389, 390, 396–398,
 400, 401, 415, 417, 418, 434, 436,
 442–444, 449–451, 453–456, 460,
 471, 473–477, 506, 507
 Гусев С.И. (Драбкин Я.Д.) 163, 166,
 201, 538
 Гусейн-заде Алибек 118
 Гусятников П.С. 214
 Гучков А.И. 260, 274, 295, 367, 395,
 401, 461, 462, 473, 507, 534, 570,
 571
 Гучков Н.И. 232, 367, 375, 534, 562

 Давид Э. 580
 Давидович А.М. 452
 Дан Ф.И. 229, 292, 334, 538
 Дауге А. 111
 Двужильный Н.Ю. 330
 Дедюлин В.А. 184, 283
 Дейнега 254
 Дейнека А. 34
 Дембский А. 107
 Демешек Л.М. 508
 Демидов И.П. 224
 Демидова Е.Ю. 224
 Демин В.А. 19, 451, 455, 509, 510
 Демочкин Н.Н. 586
 Денисенко 254
 Дербенев 240
 Дervиз В.Д., фон 232
 Джорджадзе А. 118
 Джунковский В.Ф. 172, 212–214, 289,
 295, 320, 346, 348, 367, 371–375,
 389, 390
 Дзержинский Ф.Э. 108
 Дмовский Р. 106, 107
 Добров 291
 Добровы 189
 Долгорукие 195
 Долгорукий Д.М. 267
 Долгоруков Павел Д. 124, 248, 260,
 531
 Долгоруков Петр Д. 124, 185, 231,
 258, 260, 437, 496, 531
 Долмашевич А. 110
 Дорошенко Н.В. 165, 211
 Доррер В.Ф. 270

Достоевский Ф.М. 174., 212
 Драбкина Ф.И. 201, 369
 Дроздов И.Г. 586
 Дубасов Ф.В. 247, 367, 370–372,
 374–376
 Дубровин А.И. 431, 526, 529
 Дубровинский И.Ф. 168
 Дубровский С.М. 506, 552, 586
 Дулебов Е.О. 133
 Дунаев Е.А. 238, 240
 Дурново А.Д. 61
 Дурново П.Н. 174, 330, 332, 333, 356,
 366, 397, 398, 400, 402, 404, 418,
 434, 451, 489, 490
 Дурново П.П. 320, 336
 Дымченко 254
 Дякин В.С. 75, 152, 508

 Евлогий, митрополит 62
 Егорова М.Г. 214
 Екатерина II 498
 Емельянов А. 464
 Ерман Л.К. 76, 214, 347
 Ермолов А.С. 199, 217, 447
 Ерофеев Н.Д. 509
 Eroшкин Н.П. 452

 Жданов Л.Г. 177
 Жданов Н.М. 224
 Жиделев Н.А. 238, 240, 548
 Жилкин И.В. 438, 439, 556
 Жорес Ж. 197
 Жордания Н.Н. 440, 538
 Жуковский В.В. 28, 573
 Журавлев В.В. 453–455, 510

 Загорский В.М. 373
 Заливчий А. 113
 Зализняк 113
 Заломов П.А. 373
 Зарудный А.С. 348
 Засулич В.И. 334
 Захаров Н.А. 409
 Зашихин А.Н. 346, 347
 Зборовский 299
 Землячка Р.С. 165, 227
 Зензинов В.М. 189, 230, 231, 354, 363,
 388
 Зилиакус К. 110, 141
 Зимины 89
 Зиновьев А.Д. 265

- Зорин В.Ю. 509, 585
 Зубатов С.В. 100, 154, 156, 157, 169, 212
 Зурабов А.Г. 502
 Зырянов П.Н. 19, 74, 210, 211, 214, 507, 508

 Ибрагимов З.И. 349
 Иванов В.И. 543
 Иванов Л.М. 349
 Иванович В. 587
 Игнатъев А.В. 216, 588
 Игнатъев А.П. 404
 Игнатъев Н.П. 432
 Извольские 504
 Извольский А.П. 435, 436, 445–447, 449, 455, 461
 Изгоев А.С. 267, 278, 420
 Иксуль Ю.А., фон Гинденбрандт 407
 Иловайский Д.И. 266
 Иноземцев В. 157
 Иогихес (Тышка) Л. 579
 Иоффе Г.З. 350
 Исхаков С.М. 152, 508

 Кабузан В.М. 75
 Кавтарадзе А.Г. 584
 Кадомцев И.С. 538
 Кадомцев Э.С. 538
 Казанский П.Е. 409
 Казанцев М.В. 214
 Калинычев Ф.И. 455
 Каляев И.П. 199, 367
 Камаровская Е.Л. 362, 365
 Канкрин Е.Ф. 97
 Каппелер А. 152
 Капеукис В. 349
 Карасев И.В. 369
 Карелин А.Е. 157–159, 178, 179, 184, 211, 213
 Карелина В.М. 157–159
 Карташов А.В. 483
 Касаткин-Ростовский Н.Ф. 258
 Каспарсон 111
 Кастрен Ю. 109
 Катков М.Н. 23, 264
 Каутский К. 386, 579, 580
 Кауфман А.А. 74, 311, 349, 416, 417, 419, 420
 Кауфман П.М. фон 435, 446

 Кацман Л.К. 165
 Качура Ф.К. 133
 Кашенко В.Н. 301
 Квасневский Е. 113
 Кедрин Е.И. 172
 Кизеветтер А.А. 493, 502, 509
 Киреев А.А. 136, 269, 483
 Кириллов В.С. 346, 347
 Кирьянов И.К. 19
 Кирьянов Ю.И. 76, 151–153, 348, 454, 586
 Кирюхина Е.И. 587
 Кирюшкин 165
 Клейгельс 155
 Клемент, епископ 188
 Ключере 197
 Ключевский В.О. 22, 74, 270, 271, 531
 Кнуыанц Б.М. 357
 Ковалевский В.И. 408
 Ковалевский М.М. 248, 408
 Ковальченко И.Д. 74
 Козбаненко В.А. 19
 Козлов А.А. 292
 Козырева М. 370
 Кок И. 464
 Коковцов В.Н. 147, 163, 165, 169, 171, 183, 184, 202, 206, 207, 209, 212, 214–216, 241, 247, 271, 275, 298, 308, 309, 346, 347, 355, 389, 399, 403, 405, 417, 434–436, 441, 445–447, 450, 451, 453–456, 471, 475–477, 480, 496, 502–511, 563
 Кокошкин Ф.Ф. 225, 231, 258, 274, 311, 346, 437, 438, 458
 Колесниченко Д.А. 455, 456, 510, 587
 Колокольников П. Н. 538
 Колышко И.И. 398
 Колюбакин А.М. 275
 Комиссаров 490
 Кондоиди 267
 Кони А.Ф. 461, 506
 Коновалов А.И. 573
 Константин Константинович, вел. кн. 146
 Константин Николаевич, вел. кн. 122
 Копельзон Т. 116
 Коптюх А. 466
 Корелин А.П. 20, 75, 76, 152, 278, 450, 453, 507, 508
 Корнилов А.А. 506
 Королев А.И. 452

Королева Н.Г. 19, 214, 450, 452, 455,
508, 511
Короленко В.Г. 145
Корф П.Л. 248, 401
Котляревский С.А. 311, 409
Кофод К.А. 40, 75
Кохановский Ю. 108
Коханский Е. 464
Коцюбинский М. 192
Кошуба Д. 254
Красиков П. А. 357
Красин Л.Б. 229, 369, 538
Красников С.С. 295
Краснов В.Ф. 257
Крастьинь Я.П. 349
Крейтон 182
Кремер А. 116
Крестовников Г.А. 563, 568, 573
Кривенький В. 508
Кривошеин А.В. 415
Кристи 232
Кропоткин П.А. 543
Крохмаль В.Н. 538
Крузе Э.Э. 586
Крупенский П.Н. 497
Крупская Н.К. 227
Крупянский А.Н. 198
Крыжановский С.Е. 401, 402, 404,
446, 447, 451, 456, 460, 472, 481,
493, 504, 506–510
Ксенофонов И.Н. 19, 211–214
Кудрявцев А.В. 194
Кузин Д.В. 157, 159
Кузнецов Б.Г. 213
Кузьмин-Караваев В.Д. 194, 251, 259,
310
Кулешов С.В. 509, 585
Куликов С.В. 153
Кульчицкий Л. 107, 108
Кунанабаев А. 120
Куницкий С. 107
Куркин С.В. 257
Куропаткин А.Н. 137, 222, 247, 581
Кускова Е.Д. 159
Кутлер Н.Н. 311, 397, 401, 405, 416,
417, 502
Кушнерев 360

Лаверычев В.Я. 216, 587, 588
Лазаревский Н.И. 408, 409
Лакин М.И. 240

Ламанский В.И. 266
Ламздорф В.Н. 188, 397
Лебедев П.А. 168
Левин К.Н. 364, 389
Левицкий С.А. 295
Ледоховский 323
Лейберов 391
Ленин (Ульянов) В.И. 11, 12, 16, 20,
127, 131, 132, 156, 163, 179, 211,
213, 215, 226–229, 254, 272, 276–
279, 286, 306, 313, 334, 345–349,
352, 358, 369, 383, 387, 388, 390,
391, 432, 472, 531, 536–538, 545,
553, 578, 579, 583, 585, 586
Леонов К.И. 165
Леонов М.И. 19, 153, 211, 214, 215,
276, 346, 348, 388, 389, 437, 454,
456, 506, 507, 509–511, 585
Леонтович В.В. 452
Лескова Л.И. 586
Либкнехт К. 579
Лист Г. 291
Лист Ф. 24
Литвак Б.Г. 506
Литвин-Седой З.Я. 368, 369, 373, 375,
538
Литвинов М.М. 227
Лобадин Н. 466
Лобко 275
Лондон Д. 578
Лопухин А.А. 81, 82, 157, 169, 358,
490, 509
Лорис-Меликов М.Т. 122
Лукин Н.М. 215, 588
Лукьянов М.Н. 19
Луначарский А.В. 227, 538
Луцкевич А. 112
Луцкевич И. 112
Львов Г.Е. 137, 232, 248, 349, 395,
460, 461
Львов Н.Н. 248, 447, 461
Любимов Д.Н. 153
Любимов Д.П. 212
Люксембург Р. 108, 198, 302, 347, 386,
578–580, 588
Лядов М.Н. 172, 212, 213, 227
Лященко П.И. 74, 75

Мазуренко В.П. 257
Мазуренко С.П. 257, 348, 355
Мазурин В.В. 361

- Малахов Н.Н. 360
 Макарий, епископ 170
 Макаров Н.А. 490
 Маклаков В.А. 148, 153, 277, 278, 348, 395, 396, 409, 410, 412, 438, 442, 449, 450, 452, 455, 456, 493, 494, 496, 498–505, 509–531
 Маковский В.Е. 177
 Максвель 297
 Малышев С.В. 428, 454
 Мандельштам М.Л. 262
 Мантулин Ф.М. 369, 373
 Мануйлов А.А. 224, 232, 261, 262
 Манухин С.С. 184, 202, 217, 270, 280, 398
 Мария Федоровна, имп. 170, 217, 328, 376
 Марков 2-й Н.Е. 194, 527
 Маркс К. 292, 379, 536, 537
 Мартов (Цедербаум) Ю.О. 127, 131, 132, 138, 229, 286, 334, 358, 386, 391, 538
 Мартынов А.С. 229, 538
 Мархлевский Ю. 108, 579
 Маслов В.Н. 249, 250
 Матис А. 578
 Матюшенко А. 254
 Матюшенский А.И. 160
 Махно Н.И. 543
 Медем Г.П. 292, 367, 374
 Медушевский А.Н. 412, 453
 Мейендорфы 195
 Мейси Д. 418, 453, 472, 507
 Мекк Н.К. фон 202
 Мекленбург-Стрелецкие 81
 Меленевский М. 113
 Меллер-Закомельский А.Н. 382
 Менделеев Д.И. 181, 213
 Мендельсон С. 108
 Мережковский Д.С. 186, 214
 Меринг Ф. 579
 Мешетич Н.Ф. 168, 169, 174
 Мещерские 337
 Мигулин П.П. 415, 453
 Милковский З. 106
 Миллер А.И. 152
 Миль И. 116
 Милуков П.Н. 211, 224, 244, 245, 260, 261, 273, 277, 279, 311, 318, 346, 386–388, 391, 392, 395–397, 403, 404, 406, 408, 410, 419, 420, 421, 437–439, 441, 445, 446–448, 450, 451, 453, 455, 456, 458, 459, 496, 501, 506, 509, 510, 531
 Мин Г.А. 321, 372, 373
 Миндалини А. 509
 Минор О.С. 230, 454
 Мирабелли 198
 Миронов Б.Н. 76, 412, 453
 Мирбо О. 575
 Мир-Касимов М. 119
 Михаил Александрович, вел. кн. 195
 Михайличенко М.И. 464, 548
 Михайлов Л.М. 575
 Михайлов Н.В. 20, 454
 Михневский Н. 112, 113
 Мицкевич С.И. 243
 Мкртич I 488
 Моне К. 578
 Моравский А. 110
 Мордвинов Н.С. 97
 Морозов С.Т. 203, 216, 242, 282, 562, 563, 587
 Морозова В. 224
 Морозова М. 224
 Морозова Т.Т. 216, 587
 Мороховец Е.А. 215
 Мосолов А.А. 217, 309
 Мрочек-Дроздовский П.Н. 266
 Муравьев В.А. 19
 Муравьев М.Н. 27
 Муравьев Н.В. 79, 168, 169, 184, 290
 Муромцев С.А. 295, 336, 400, 408, 437, 441, 446–448, 458, 459, 497, 531, 533
 Мусины-Пушкины 554
 Муханов А.А. 437
 Мухин Н.Л. 16
 Мякотин В.А. 245
 Набогольц 189, 291
 Набоков В.Д. 437
 Назарбеян А. 11,
 Найда С.Ф. 506
 Найденов Н.А. 68, 208, 561, 563–566, 568
 Наметниченко К.Д. 246
 Наполеон III 404
 Нарышкин А.А. 249–250, 266, 270
 Нарышкины 337
 Натансон М.А. 230, 540
 Невский В.И. 191, 212, 214, 215

- Нейгардт Д.Б. 556
 Немешаев К.С. 397, 401
 Немировский А.М. 274
 Нецлин Э.Д. 207
 Нечаев А. 186
 Николаев М.С. 369
 Николай, архиепископ 188
 Николай I 97, 114, 121, 516
 Николай II 7, 13, 29, 48, 51, 59, 61, 75,
 79, 81, 85, 102, 123, 124, 135, 136,
 142, 146–149, 153, 165, 166, 168,
 171–173, 176, 177, 182, 183, 198,
 199, 204, 207, 208, 210, 211, 213,
 214, 216, 217, 220, 247, 248, 259–
 260, 275, 280–282, 290, 306, 307,
 309–317, 323, 324, 328, 329, 331,
 332, 339, 342, 345, 347, 348, 356,
 367, 369, 371, 372, 376, 380, 382,
 390, 397–399, 402, 403, 406, 407,
 414, 418, 435, 441, 402, 403, 406,
 407, 414, 418, 435, 441, 446, 447,
 450, 452, 455, 473, 477, 490, 492,
 493, 502, 510, 513, 515, 518, 557,
 559, 560, 576, 581, 582
 Николай Николаевич, вел. кн. 313,
 315, 372, 517
 Никольский А.П. 476
 Нифонтов А.С. 74, 75
 Нобель Э.Л. 182, 534, 573
 Новиченко И.Ю. 210, 211
 Новосильцев Ю.А. 224, 248, 251
 Ноздрин А. 239
 Нольде Э.Ю. 217, 416
 Норпе М.Ф. 564–566
 Носков 258

 Обнинский В. 347, 348
 Оболенский А.Д. 270, 271, 312, 314,
 397, 405, 516
 Оболенский В.А. 438, 439, 442, 451,
 454, 455, 459, 460, 506
 Оболенский (Осинский) В.В. 75
 Оболенский И.М. 133, 317
 Оболенский Н.Д. 477
 Овчаренко В.И. 215
 Огановский Н.П. 75
 Озолс Я. 111
 Оловягин Б.Н. 541
 Олсуфьев Д.А. 266
 Ольденбург С.С. 277
 Онипко Ф.М. 438, 441, 467, 556,
 Ореханов Г., иерей 482, 483, 508
 Орлов А.А. 381
 Орловы-Давыдовы 195

 Павлов Д.А. 369
 Павлов Д.Б. 153, 588
 Павлов И. 211, 212
 Павлов Н.М. 270
 Пажитов К.А. 586
 Пален К.И. 404, 405, 408
 Паль 200, 297
 Паннекук А. 579
 Парвус (Гельфанд) А.Л. 303, 334, 355,
 358, 537
 Пашкевич Э. 112
 Переверзев В.Н. 189, 246, 293
 Персиц М.М. 152
 Петражицкий Л.И. 406, 420, 458
 Петров В.А. 277
 Петров С.А. 153
 Петров Ю.А. 76, 216, 278, 346, 347,
 388, 587
 Петрово-Соловово В.М. 262
 Петрункевич И.И. 124, 134, 231, 24,,
 251, 258, 260, 261, 441, 446, 458,
 459, 496, 531
 Петрункевич М.И. 231
 Петряев К.Д. 586
 Пешехонов А.В. 245, 444
 Пешкова Е.П. 186
 Пилсудский Ю. 107, 485
 Пирумова Н.М. 153
 Писарькова Л.Ф. 389, 587
 Плевако Н.Ф. 534
 Плеве В.К. 27, 50, 82, 85, 135–137,
 140, 142, 154, 157, 258, 312
 Плеханов Г.В. 20, 127, 179, 227, 229,
 254, 384, 385, 391, 538
 Победоносцев К.П. 23, 47, 75, 123,
 147, 217, 27», 276, 278, 317, 482,
 516
 Подгоричани 490
 Познанский Н.Н. 497
 Познер С.Н. 201
 Поленов В.Д. 182, 186, 213
 Полнер Т.И. 232
 Половцев А.А. 345, 449, 451
 Полубояринова Е.А. 526
 Полторацкий 183
 Поплавский Я. 106
 Попов Н.Е. 571

- Попов П. 75
 Посников А.С. 421
 Посников Н.Д. 508
 Поссе В.А. 173, 212
 Постоловский Д.С. 229
 Поткина И.В. 216, 587
 Потресов А.Н. 127, 440, 538
 Порш Н. 113
 Пошехонов А.В. 172
 Прокопович С.Н. 159, 186
 Прохоров Н.И. 373
 Пуришкевич В.М. 264, 497, 526
 Путилов А.И. 162
 Путятин М.С. 248
 Пушкарева И.М. 20, 151, 214, 216, 277, 347, 349, 350
 Пушкин А.С. 113, 290, 392
 Пуштин П.Н. 249

 Раевский Н.В. 259
 Ракитников Н.И. 230
 Ракитникова И.И. 230
 Расул-заде Мамед Эмин 119
 Ратушняк В.Н. 507
 Ратынский К. 108
 Раух Г.О. 381
 Рачковский П.И. 367
 Редигер А.Ф. 309, 315, 329, 343, 350, 360, 39., 448, 502
 Рейзман С.Г. 377
 Ренненкампф П.К. 381, 382
 Ривкин Н.И. 369
 Риман Н.К. 372, 373
 Римский-Корсаков Н.А. 186
 Рихтер О.Б. 309, 313
 Рихтер О.О. 381
 Роберти Е.В. де 252
 Роден О. 578
 Родзянко М.В. 235
 Родичев 259
 Родичев Ф.И. 248, 261, 420, 531
 Рождественский З.П. 246
 Розанов В.Н. 538
 Розанов Н.П. 189
 Розенталь И.С. 586
 Ролан-ГольстГ. 579
 Романов Б.А. 213
 Романов В.В. 246
 Романовы 313, 369, 424
 Ростов Н. 212
 Ротшильды 103

 Рудович С. 508
 Рузвельт Т. 247
 Руковишников К.В. 260
 Рутенберг П.М. 179, 231
 Рыдзевский К.Н. 169, 172
 Рыков А.И. 229
 Рябушинские 587
 Рябушинский В.П. 68, 534, 571
 Рябушинский П.П. 295, 534, 561, 562, 563, 567, 570–572, 588

 Сабуров А.А. 402
 Савинков Б.В. 196, 215, 230, 369, 540
 Савич 490
 Савков В.М. 369
 Сазонов 238
 Самарин А.Д. 185
 Самарин Ф.Д. 264, 269, 418, 483
 Самойлов Ф.Н. 238, 240
 Самоквасов Д.Я. 266
 Сарментова М.П. 240
 Сахаров 375
 Сахаров В.В. 247, 333
 Сахаров И.Н. 224
 Сахарова Е.В. 213
 Свалов А.Н. 588
 Свенцицкий В. 483
 Сверчков Д.Ф. 211–214, 389
 Свинхувуд П.Э. 109
 Святловский В.В. 74
 Святополк-Мирский П.Д. 103, 142, 143, 146–148, 152, 163, 166, 169, 171, 172, 183, 184
 Семашко Н.А. 243
 Семевский В.И. 172
 Семенов (Тян-Шанский) П.П. 414
 Сенчакова Л.Т. 20, 276, 388, 454, 506, 507, 586, 587
 Сергей Александрович, вел. кн. 178, 179, 190, 195, 198, 199, 218, 540
 Серебровский А.П. 165, 168, 211
 Серов В.А. 182, 186
 Сеф С.Е. 588
 Сидельников С.М. 437, 455, 456
 Сидоровнин Г.П. 20
 Симбирский Н. 212, 213
 Симонова М.С. 75, 439, 453, 586
 Сипягин Д.С. 50, 132
 Сиу 295
 Смидович П.Г. 91, 96, 151
 Смирнов, врач 253

- Смирнов А.Ф. 19, 453, 455
 Смирнов В. 157
 Смирнова С. 348
 Смит Д. 337
 Соболевский А.И. 527, 266
 Созонов Е.С. 140
 Соколов Г.З. 337
 Соколов М.И. 369
 Соколовский Э. 108
 Сокольский Д.М. 280
 Соловьев Ю.Б. 74, 76, 277, 453, 507
 Сольский Д.М. 275, 281, 290, 309, 314, 404, 405
 Сомов С.И. 165
 Спандарян С.С. 373
 Сперанский М.М. 21
 Спиридович А.И. 178, 213
 Стааль А.Ф. 257
 Старосельский В.А. 379, 380, 391
 Старцев В.И. 450, 456, 506
 Старынкевич С. 257
 Стасова Е.Д. 165
 Стахович А.А. 249
 Стахович М.А. 235, 249, 395, 534
 Стенберг Х. 110
 Степанов С.А. 19, 20, 348, 450, 585
 Степанский А.Д. 451
 Стерлигов И. 250
 Стессель А.М. 581
 Стишинский А.С. 50, 265, 270, 271, 402, 404, 435, 443, 448
 Столыпин А.А. 146
 Столыпин П.А. 20, 40, 47, 50, 84, 85, 268, 333, 349, 435, 436, 441, 444, 446–448, 453, 456, 460–462, 465, 466, 471–481, 484, 490–493, 495, 496, 498, 499–510, 515, 528, 529, 533, 556, 570, 571, 584
 Стольберг К.Ю. 109
 Стопани А.М. 586
 Сторжецкий Я. 107
 Строев Н. 276
 Струве П.Б. 68, 76, 124, 133, 138, 149, 182, 204, 205, 218, 311, 339, 385, 386, 391, 412, 420, 501, 502, 505, 531
 Струков А.П. 270
 Струмилин С.Г. 547, 586
 Суворин А.А. 129
 Сунь Ятсен 581
 Сушкин Г.Г. 347
 Сыромятников С.Н. 129
 Сытин И.Д. 189, 289, 370, 375
 Таганцев Н.С. 402, 405, 451, 534
 Тагиев 118
 Талейран Ш.-М. 210
 Тан-Богораз В.Г. см. Богораз В.Г.
 Тарановский Т. 153
 Тарараев А. 212
 Тарасов А.А. 569
 Тард Г. 201
 Тарле Е.В. 321
 Таубе 469
 Теницев В.В. 250
 Терещенко 195, 282
 Терещенко Ф. 80
 Тернер Ф.Г. 405
 Тер-Петросян (Камо) С.А. 538
 Терпигорев (Отава) С.Н. 33
 Тесленко А.В. 257
 Тимирязев В.И. 397, 402, 573
 Тимирязев К.А. 186
 Тихвинский Ф.В. 483
 Тихомиров Л.А. 278, 452
 Тишков В.А. 152
 Толстой Д.А. 59
 Толстой И.И. 19, 394, 396–398, 416, 450, 453, 489, 508, 509
 Толстой Л.Н. 9, 257
 Трепов В.Ф. 414
 Трепов Д.Ф. 176, 183, 184, 185, 188, 193, 204, 218, 247, 268, 270, 280, 282, 283, 307, 309, 3116 314, 317, 331, 356, 402, 408, 414, 415, 446–449, 455, 456, 460, 503
 Треповы 435
 Триполитов М.Н. 567, 570
 Троцкий Л.Д. 299, 334, 354, 357, 358, 39, 537, 538, 578
 Трубецкая О.Н. 153
 Трубецкой Е.Н. 395, 571, 588
 Трубецкой П.Н. 147
 Трубецкой С.Н. 185, 248, 359
 Трусевич С. 111
 Тучапский 113
 Тхоржевский И.И. 75, 399, 400, 407, 450, 451, 452
 Тырков А.В. 182
 Тюкавкин В.Г. 20, 215, 507
 Тютюкин С.В. 19, 153, 210, 214, 215, 276, 279, 346, 347, 349, 455, 506, 507, 509, 510

- Ульянов Г.К. 556
 Ульянова-Елизарова А.И. 168
 Урусов С.Д. 490
 Урусовы 554
 Усанов К.С. 184
 Усманова Д. 585
 Ухтомский А.В. 293, 369, 372
- Фаберже К.Г. 534
 Федоров Г.А. 249
 Федоров П.М. 232
 Фидлер И.И. 360, 363
 Филиппов 291
 Филиппов А. 212
 Философов Д.А. 397, 401, 402, 461
 Философов Д.В. 186
 Фирсов С.Л. 508
 Флавиан (Городецкий), митрополит 188
 Франс А. 197, 345, 578
 Фредерикс В.Б. 171, 217, 247, 309, 312, 397, 446, 448, 456, 461
 Фрунзе М.В. 168, 214, 238, 373, 538
 Фуллон И.А. 157, 162, 168, 169, 179, 183, 184
 Фундаминский (Бунакев) И.И. 466
- Хаджаев Убейдулла 120
 Хаджаев Файзула 120
 Хайлова Н.Б. 454
 Харечко Т. 350
 Харитонов И.М. 184
 Харитонов П.А. 407
 Хачапуридзе Г.В. 349
 Хилков М.И. 202, 294, 297
 Хильдермайер М. 346, 347
 Ходжи-Юсупов П.-Н. 120
 Хомяков Д.А. 264, 418
 Хомяков Н.А. 234, 235
 Храповицкий А.П. 193
 Хрулев С.С. 567
 Хрусталева-Носарь Г.С. 298, 299, 354, 357, 398, 399
- Цацарин В.С. 165
 Цветаева М.И. 345
 Цедербаум Ю.О. см. Мартов Ю.О.
 Церетели И.Г. 499, 538
 Цеткин К. 576, 579,
 Циндель Э. 189, 294, 368
- Чайковский Н.В. 230
 Частник С.П. 330
 Челноков М.В. 295, 497, 502, 505
 Чесноков 267
 Ченигин 195
 Череп-Спиридович 183
 Черменский Е.Д. 452, 456, 587, 588
 Чернов В.М. 128, 133, 196, 230, 319, 361, 369, 433, 444, 495, 540
 Четвериков С.И. 282, 563, 565, 566, 567, 587
 Чиковани А.Ю. 19
 Чмырь С.Г. 508
 Чухнин Г.П. 540
- Шанин Т. 20, 76, 188, 214, 349
 Шанцер В.Л. 294, 369
 Шарапов С.Ф. 264, 268, 477
 Шаховские 337, 554
 Шаховской Д.И. 124, 141, 225, 231, 248, 311, 437, 531
 Шаховской М.Л. 263
 Шацилло К.Ф. 153, 216, 276
 Шацилло М.К. 76
 Шванебах П.Х. 435, 491, 503, 504, 509, 510
 Шевырин В.М. 216, 455
 Шелгунов В.С. 165
 Шеломович А.П. 165
 Шельмагин И.И. 586
 Шепелев Л.Е. 74, 588
 Шелохаев В.В. 19, 210, 214, 276, 279, 346, 453, 455, 509, 510, 585, 588
 Шервашидзе Г.Д. 170
 Шереметев Павел С. 266
 Шереметев Петр С. 124, 266
 Шереметев С.П. 266
 Шестаков А.В. 347, 350
 Шидловский Н.В. 199, 200, 206
 Шилов А. 211
 Шипов Д.Н. 123, 124, 148, 153, 231, 233–235, 247, 248, 258, 264, 276, 395, 400–402, 404, 447, 450, 451, 456, 460, 461, 506, 534, 571
 Шипов И.П. 397, 418
 Ширинский-Шихматов А.А. 265, 435, 448
 Шишкин В.Ф. 212
 Шмидт П.П. 253, 329, 330, 352, 580
 Шмит Н.П. 368, 369, 373, 375
 Штюмер Б.В. 265

Шувалов П.П. 122
Шульгин В.В. 323, 348, 497, 510
Шустер У.А. 347

Щегловитов И.Г. 435
Щепетильников П.М. 369
Щепкин Н.Н. 232, 258
Щербатов А.Г. 264, 432
Щербатов П.Б. 274
Щербатовы 266, 553
Щербак А.И. 257

Эймлер А.А. 80
Эммонс Т. 410, 411, 437, 452, 454
Энгельгард В.И. 251
Энгельгардт А.Н. 33, 34
Энгельс Ф. 292, 537
Энгельштейн Л. 387, 389, 391

Эристов Р.Л. 83
Эрн В. 483
Эссен М.М. 306, 347
Эфендиев С. 119
Юсуповы 195

Яблонский 110
Яковлев (Богучарский) В.Я. 159
Яковлев Н.Н. 390
Яковлев П.Д. 289
Якушкин В.Е. 225, 231, 260, 420
Янжул И.И. 151, 203, 216
Янковская-Мендельсон М. 108
Янов В.А. 184
Янсон (Браун) Я. 111
Янчевский В.О. 232
Ясюкович И.И. 573
Яцунский В.К. 74, 75

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (С.В. Тютюкин)	3
Глава 1 (А.П. Корелин)	
ИСТОКИ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДРАМЫ	
Россия на перепутье	21
Курс на индустриализацию	23
Аграрный вопрос в России на рубеже веков	30
Российская пореформенная деревня: социально-экономический статус	36
Аграрная политика правительства	42
Этнодемографическая и социальная структура российского общества как фактор нестабильности	52
Глава 2 (А.П. Корелин)	
НАРАСТАНИЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО КРИЗИСА НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИОННОГО ВЗРЫВА	
Пробуждение российской деревни: крестьянское движение кануна революции	77
Нарастание рабочего движения	89
Этнические и конфессиональные движения и организации	104
Российское общество и власть: политический кризис «верхов»	121
«Маленькая победоносная война» и новый виток политического кризиса	137
Глава 3 (И.М. Пушкарева)	
«КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ». НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ	
Георгий Гапон и «тайна» его влияния на рабочих	154
Роковой шаг власти	166
«Дремлющая» Россия превращается в Россию революционную	178
Эхо русской революции за рубежом	196
Расширение масштабов революции. Политические маневры правительства	198
Итоги первой волны революции	208
Глава 4 (Н.Г. Королева)	
ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ПЕРИОД ПОДЪЕМА РЕВОЛЮЦИИ	
Общество вытягивается в политическую борьбу	217
Революция на подъеме	230
Либералы меняют тактику	258
Становление правых партий	263

Споры вокруг закона об учреждении Государственной думы	269
Глава 5 (Н.М. Пушкарева)	
ПЕРВАЯ ПОБЕДА РЕВОЛЮЦИИ	
Расстановка общественно-политических сил осенью 1905 г.	280
«Барометр показывает бурю»: первая общенациональная забастовка и начало перерастания ее в восстание	289
Вынужденный поворот к перестройке системы государственного управления	307
Общественно-политическая жизнь России в «дни свобод»	318
О некоторых оценках событий октября 1905 г. в современной историографии	342
Глава 6 (С.В. Тютюкин)	
У ПОРОГА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	
Конец «дней свободы»	351
Стачка и восстание в Москве	360
Восставшая Москва не осталась одинокой	376
Преступление, подвиг или трагедия? Декабрь 1905 года в оценках современников и историков	382
Глава 7 (И.А. Христофоров)	
ОТ САМОДЕРЖАВИЯ К ДУМСКОЙ МОНАРХИИ	
«Однородное правительство» С.Ю.Витте, революция и «конституционные» реформы	393
Аграрный вопрос в правительственной политике и в общественном мнении в конце 1905 – начале 1906 г.	413
Народ продолжает борьбу: новый этап массового движения (первая половина 1906 г.) (С.В. Тютюкин).	423
Первая Государственная дума	431
Глава 8 (И.А. Христофоров)	
ФИНАЛ РЕВОЛЮЦИИ	
Власть, либеральная оппозиция и революция в период июльского политического кризиса	457
Народное движение на заключительном этапе революции	462
«Обновление России»: столыпинская программа на начальном этапе ее реализации	471
Национальные движения и политика правительства (1906 – первая половина 1907 гг.) (М.А. Волхонский)	484
II Дума, правительство и третьеиюньский переворот	493
Глава 9	
ИТОГИ РЕВОЛЮЦИИ И ЕЕ МЕСТО В ПРОЦЕССЕ ОБНОВЛЕНИЯ РОССИИ	
Реформы против революции	512
Рождение российской многопартийности	521
Правые партии	526
Либеральные партии	530
Социалистические партии	535
Революция и рабочий класс	544
Выход на общественную арену крестьянской демократии	551
Консолидация и политизация российской буржуазии (Ю.А. Петров)	560
Русская революция и мир	574
ЗАКЛЮЧЕНИЕ (С.В. Тютюкин)	582
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН (Л.С. Новоселова-Чурсина).	589

Научное издание

Первая революция в России: взгляд через столетие

Издательство
«Памятники исторической мысли»
115597 Россия, Москва, ул. Воронежская, 38–334
ЛР № 063460 от 08.07.99

Подписано в печать 23.12.2004. Формат 60×90¹/₁₆
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Уч.-изд. л. 39,3. Печ. л. 38,0
Тираж 800 экз. Заказ .